ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
ЮСТИЦІИ

Biblioteka Główna Filii UW w Białymstoku
Czytelnia Czasopism

ГОДЪ ТРЕТІЙ

№ 3. МАРТЪ 1897.

С.П.Б.
Типографія Правительствующаго Сената
1897.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
ЮСТИЦІИ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ

№ 3. МАРТЪ 1897.

С.П.Б.
Типографія Правительствующаго Сената.
1897.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. **Законодательство:**
   А. Собраніе узаконеній и распоряженій правительства 1
   Б. Сборникъ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго 17
2. **Извлеченіе изъ Высочайшихъ приказовъ** по гражданскому вѣдомству 19
3. **Приказы по вѣдомству Министерства Юстиціи** 32
4. **Представленіе Государю Императору** высшихъ чиновъ судебныхъ установленій Сибири 44
5. **Туръ, Н. А.** О планѣ разработки гражданскаго и торговаго уложеній 1
6. **Срезневскій, В. И.** Новыя свѣдѣнія о преступности населенія Германіи 19
7. **Гогель, С. К.** Арестантскій трудъ въ русскихъ и иностранныхъ тюрьмахъ (окончаніе) 41
8. **Гессенъ, В. М.** О юридическомъ направленіи въ государственномъ правѣ 113
9. **Скобельцынъ, А. Е.** Осмотръ и выемка почтовой и телеграфной корреспонденціи 136
10. **Гамбаровъ, Ю. С.** Деликты и договоры 164
11. **Тулубъ, П. А.** Изъ замѣтокъ и наблюденій мироваго судьи. 197
12. **Хроника:**
    I. О правѣ иностранцевъ усыновлять русскихъ подданныхъ. *А. Г.* 223
    II. Нѣсколько словъ по вопросу о нашемъ судебно-мировомъ дѣлопроизводствѣ. *Кн. В. Волконскаго* 226
    III. Рѣшенія бельгійскихъ, французскихъ и швейцарскихъ судовъ по дѣламъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные недозволенными дѣйствіями. *І. В. Гессена* . . . 228

IV. Похоронная касса служащихъ при С.-Петербургскихъ судебной палатѣ и окружномъ судѣ. 244
V. Памяти Л. И. Ланге (некрологъ) 251
13. **Краткія свѣдѣнія по исторіи межеванія въ Россіи.** III. Генеральное межеваніе по правиламъ второй межевой инструкціи 253
14. **Объ упрощеніи и сокращеніи** дѣлопроизводства мировыхъ судебныхъ установленій. *Д. И. Дѣмкина* 269
15. **Кассаціонная практика.** Вопросы, разрѣшенные Общимъ Собраніемъ Кассаціонныхъ и съ участіемъ Перваго и Втораго Департаментовъ Правительствующаго Сената въ 1896 году. Составилъ *Н. Н. Быстровъ* 315
16. **Обзоръ иностраннаго законодательства** 335
I.—Норвежскій законъ (6 іюня 1896 года) объ испорченныхъ дѣтяхъ. II.—Французскій законопроектъ о реформѣ нотаріата.—Новѣйшіе бельгійскіе законопроекты въ области торговаго и промышленнаго законодательства.
17. **Литературное обозрѣніе.** 364
1) Richard Hildebrand. Recht und Sitte auf den verschiedenen wirtschaftlichen Kulturstufen—*О. Я. Пергамента.* 2) Kretschmar. Der Vergleich im Prozesse, eine historisch-dogmatische Untersuchung—*W.* 3) Binder. Die subjectiven Grenzen der Rechts kraft—*W.* 4) И. Гуревичъ. Родители и дѣти. Юридическая Библіотека. Изданіе Я. Канторовича—*А. И. Каминки.* 5) В. Вильсонъ. Судебная практика по дѣламъ о торговыхъ администраціяхъ, торговой несостоятельности etc.—*И. М. Гордона.* 6) Сборникъ узаконеній и распоряженій по землевладѣнію въ Западныхъ губерніяхъ съ рѣшеніями Правительствующаго Сената. Составилъ Т. Рафальскій—*Х.* 7) Рецензіи изъ иностранныхъ журналовъ: а) Makarewicz. Das Wesen des Verbrechens. б) Louis le Fur. Etat fédéral et confédération d'Etats. в) Recueil général de la législation et des traités concernant la propriété industrielle. 8) Списокъ поступившихъ въ редакцію книгъ и брошюръ.
18. **Библіографическій указатель трудовъ А. Д. Градовскаго** . 391
19. **Извѣщеніе** отъ Императорской Военно-Медицинской Академіи 410
20. **Объявленія** . . . . . I—XXII

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

А. СОБРАНІЕ УЗАКОНЕНІЙ И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

1897. № 7, I, 21; № 8, I, 24; № 9, I, 28; № 10, I, 31; № 11, II, 4; № 12, II, 6; № 13, II, 7; № 14, II, 11; № 15, II, 14.

I. Узаконенія, подлежащія внесенію въ Сводъ Законовъ.

Т. I, ч. 2. Учр. Мин. № 15, ст. 189. Мн. Гос. Сов. Объ усиленіи состава и средствъ дѣлопроизводства статистики и эпидеміологіи Медицинскаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (I, II).

Т. II. Общ. Учр. Губ. № 13, ст. 160. Мн. Гос. Сов. Объ усиленіи общаго состава податной инспекціи и введеніи оной въ областяхъ Забайкальской, Амурской, Приморской и Якутской (I, II, VII).

Т. II. Пол. Туркест. № 7, ст. 76. Мн. Гос. Сов. О кредитѣ на содержаніе мировыхъ судебныхъ установленій въ Бухарскомъ ханствѣ. № 13, ст. 156. Мн. Гос. Сов. Объ учрежденіи на счетъ земскихъ суммъ Туркестанскаго края должностей врача и фельдшера при Туркестанскомъ окружномъ медицинскомъ управленіи.

Т. II. Учр. Сибир. № 13, ст. 160. Мн. Гос. Сов. Объ усиленіи общаго состава податной инспекціи и введеніи оной въ областяхъ Забайкальской, Амурской, Приморской и Якутской (III, VI). № 15, ст. 192. Мн. Гос. Сов. О порядкѣ завѣдыванія государственными имуществами въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ и объ утвержденіи штата управленій государственными имуществами въ названныхъ губерніяхъ.

Т. III Уст. Служб. Прав. № 8, ст. 89. Мн. Гос. Сов. О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ устройствѣ таможенной части въ Средней

Азіи (II, III). № 13, ст. 158. Мн. Гос. Сов. О правахъ лицъ, прошедшихъ полный курсъ въ Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ при дѣйствіи устава 1 іюня 1868 года. № 15, ст. 190. Мн. Гос. Сов. Объ учрежденіи для Никольской и Предмостной слободокъ, Остерскаго уѣзда, Черниговской губерніи, должности полицейскаго надзирателя втораго разряда (I). № 15, ст. 202. Выс. пов. Объ установленіи сроковъ для испрошенія Высочайшихъ наградъ служащимъ въ тѣхъ благотворительныхъ и общеполезныхъ учрежденіяхъ, для коихъ наградныхъ сроковъ еще не установлено.

Т. III. Уст. Пенс. № 13, ст. 154. Мн. Гос. Сов. О дарованіи права на пенсію служащимъ въ учрежденной при домѣ призрѣнія и ремесленнаго образованія бѣдныхъ дѣтей въ С.-Петербургѣ рукодѣльной школѣ Императрицы Маріи Александровны. № 14, ст. 171. Мн. Гос. Сов. О дарованіи правъ на пенсіи служащимъ въ рисовальной школѣ Императорскаго общества поощренія художествъ и въ пригородныхъ ея отдѣленіяхъ. № 15, ст. 195. Мн. Гос. Сов. О предоставленіи учительницамъ приходскихъ училищъ правъ на полученіе пенсій и единовременныхъ пособій изъ особаго пенсіоннаго капитала.

Т. III. Пол. Особ. Преим. Служб. № 7, ст. 73. Мн. Гос. Сов. О разъясненіи правилъ, касающихся правъ на особыя преимущества службы уроженцевъ отдаленныхъ мѣстностей Имперіи.

Т. IV. Уст. Зем. Пов. № 9, ст. 104. Мн. Гос. Сов. О порядкѣ разрѣшенія ходатайствъ о перечисленіи городскихъ поселеній въ губерніяхъ Царства Польскаго въ высшіе разряды мѣстностей по квартирнымъ окладамъ. № 10, ст. 127. Пол. Воен. Сов. Объ измѣненіи штатовъ иновѣрческаго духовенства въ войскахъ (шт. еванг.-лютер. пропов., прим. 2; шт. римск.-катол. священ., прим. 2). № 13, ст. 155. Мн. Гос. Сов. О распространеніи на губерніи Царства Польскаго дѣйствія прим. 2 къ ст. 488 Уст. Зем. Пов. относительно взиманія подводъ для перевозки заболѣвающихъ нижнихъ чиновъ. № 14, ст. 177. Мн. Гос. Сов. О квартирныхъ окладахъ и о размѣрѣ помѣщеній для управленій отдѣльныхъ кавалерійскихъ бригадъ. № 15, ст. 190. Мн. Гос. Сов. Объ учрежденіи для Никольской и Предмостной слободокъ, Остерскаго уѣзда, Черниговской губерніи, должности полицейскаго надзирателя втораго разряда (I).

Т. V. Уст. Прям. Налог. № 13, ст. 160. Мн. Гос. Сов. Объ усиленіи общаго состава податной инспекціи и введеніи оной въ областяхъ Забайкальской, Амурской, Приморской и Якутской (VI). № 14, ст. 185. Пол. Ком. Мин. О продленіи срока временнаго дѣйствія въ Закаспійской области положенія о сборѣ за право торговли и другихъ промысловъ.

Т. V. Уст. Акц. Сбор. № 8, ст. 92. Пол. Ком. Мин. О предоставленіи Министру Финансовъ разрѣшать оптовымъ складамъ въ приграничныхъ губерніяхъ пріобрѣтать спиртъ и вино не только изъ винокуренныхъ заводовъ.

Т. VI. Уст. Тамож. № 7, ст. 72. Мн. Гос. Сов. Объ усиленіи состава расположенныхъ на Кавказской и западной границахъ бригадъ отдѣльнаго корпуса пограничной стражи (III). № 8, ст. 89. Мн Гос. Сов. О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ устройствѣ таможенной части въ Средней Азіи (I, V). № 14, ст. 174. Мн. Гос. Сов. О преобразованіи пограничнаго надзора на среднеазіятскихъ границахъ въ двѣ бригады отдѣльнаго корпуса пограничной стражи.

Т. VIII, ч. 1. Уст. Лѣсн. № 15, ст. 192. Мн. Гос. Сов. О порядкѣ завѣдыванія государственными имуществами въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ и объ утвержденіи штата управленій государственными имуществами въ названныхъ губерніяхъ (Мн. Гос. Сов. IV, V).

Т. IX. Особ. Прил. Зак. Сост. VII. Пол. Гос. Крест. № 13, ст. 160. Мн. Гос. Сов. Объ усиленіи общаго состава податной инспекціи и введеніи оной въ областяхъ Забайкальской, Амурской, Приморской и Якутской (V).

Т. X, ч. 1. Зак. Гражд. № 13, ст. 146. Мн. Гос. Сов. Объ измѣненіи и дополненіи узаконеній, касающихся порядка вызова наслѣдниковъ послѣ умершихъ иностранцевъ изъ турецкихъ и персидскихъ подданныхъ и вообще азіятцевъ.

Постановлено:

I. Статью 1248 Законовъ Гражданскихъ (Свод. Зак., т. X, ч. 1, изд. 1887 г.) изложить слѣдующимъ образомъ: „Наслѣдники умершихъ иностранцевъ изъ турецкихъ и персидскихъ подданныхъ и вообще азіятцевъ, находящіеся за-границею, вызываются для принятія наслѣдства чрезъ публичныя вѣдомости на русскомъ языкѣ, установленнымъ порядкомъ и, сверхъ того, чрезъ губернскія и областныя вѣдомости пограничныхъ съ отечествомъ умершаго иностранца губерній и областей, а въ случаѣ, если въ этихъ губерніяхъ и областяхъ, таковыхъ вѣдомостей не издается, то чрезъ одну изъ газетъ, издаваемыхъ въ сихъ губерніяхъ и областяхъ. Мѣстныя газеты, въ которыхъ должны быть припечатываемы означенныя въ настоящей статьѣ публикаціи, назначаются Министромъ Юстиціи, о чемъ объявляется во всеобщее свѣдѣніе въ Собраніи узаконеній и распоряженій Правительства и въ означенныхъ Министромъ газетахъ. Независимо отъ публикацій, мѣстныя

губернскія начальства должны доставлять въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ свѣдѣнія о всѣхъ вообще умершихъ въ Россіи иностранцахъ и оставшемся послѣ нихъ имуществѣ, въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ есть иностранные консулы, сообщать сіи свѣдѣнія непосредственно тѣмъ изъ нихъ, которымъ умершіе иностранцы были подвѣдомственны".

II. Въ дополненіе и измѣненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

„Деньги на сумму не свыше пятисотъ рублей, оставшіяся послѣ умершаго турецкоподданнаго, или вырученныя отъ продажи принадлежавшаго ему движимаго имущества, если на нихъ никто не заявитъ своихъ правъ въ теченіе полугода со дня послѣдней публикаціи о вызовѣ наслѣдниковъ (Зак. Гражд., ст. 1248), передаются мѣстному турецкому консулу, а при неимѣніи въ данной мѣстности турецкихъ консуловъ, отсылаются въ Азіятскій Департаментъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ,—въ томъ и въ другомъ случаѣ по надлежащемъ удостовѣреніи, что умершій наслѣдодатель пользовался на законномъ основаніи правами турецкаго подданства".

Т. XI, ч. 1. Уст. Уч. Завед. № 15, ст. 194. Мн. Гос. Сов. О предоставленіи преподавателямъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ права на полученіе оклада въ 900 руб. за 12 недѣльныхъ уроковъ по выслугѣ сими лицами пяти лѣтъ, хотя-бы и въ разныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Т. XI, ч. 2. Уст. Кред. № 8, ст. 87. Мн. Гос. Сов. О выдачѣ учрежденіями долгосрочнаго кредита ссудъ подъ недвижимыя имущества, находящіяся внѣ городовъ, въ мѣстностяхъ, имѣющихъ характеръ городскихъ поселеній.

Т. XI, ч. 2. Уст. Консул. № 13, ст. 147. Мн. Гос. Сов. О дополненіи ст. 3 тарифа консульскихъ пошлинъ.

Т. XIII. Уст. Общ. Призр. № 13, ст. 150. Мн. Гос. Сов. О платѣ за леченіе въ больницахъ чиновъ Закавказской земской стражи.

Т. XIV. Уст. Сод. под. Стр. № 13, ст. 149. Мн. Гос. Сов. О расходѣ на содержаніе арестантскаго помѣщенія въ м. Радзивиловѣ.

Т. XVI, ч. 1. Учр. Суд. Уст. № 7, ст. 77. Мн. Гос. Сов. О порядкѣ засвидѣтельствованія довѣренностей присяжнымъ повѣреннымъ на веденіе дѣлъ въ другихъ, кромѣ новыхъ судебныхъ установленій, присутственныхъ мѣстахъ [1]).

Т. XVI, ч. 1. Уст. Гражд. Суд. № 7, ст. 77. Мн. Гос. Сов. О порядкѣ засвидѣтельствованія довѣренностей присяжнымъ повѣреннымъ

[1]) См. ниже ст. къ Уст. Гражд. Суд.; Прав. Суд. Част. Земск. Начальн. и Зак. Суд. Гражд.

на веденіе дѣлъ въ другихъ, кромѣ новыхъ судебныхъ установленій, присутственныхъ мѣстахъ.

Постановлено:

I. Статью 47 и 2 пунктъ 248 статьи Устава Гражданскаго Судопроизводства (т. XVI, ч. 1, Свод. Зак., изд. 1892 г.) изложить слѣдующимъ образомъ:

Ст. 47. „Словесное заявленіе объ избраніи повѣреннаго мировой судья заноситъ въ свой журналъ, который подписывается и тяжущимся, если онъ грамотный. Письменное о семъ заявленіе можетъ быть сдѣлано или на самомъ прошеніи, или же въ особой довѣренности. Въ такомъ заявленіи подпись довѣрителя должна быть засвидѣтельствована мировымъ или городскимъ судьею, земскимъ начальникомъ, нотаріусомъ, полиціею или волостнымъ начальствомъ".

Ст. 248. „Полномочіе присяжному повѣренному можетъ быть удостовѣрено:

. . . . . .

2) довѣренностью, въ которой подпись довѣрителя засвидѣтельствована мировымъ или городскимъ судьею, земскимъ начальникомъ, нотаріусомъ, полиціею или волостнымъ начальствомъ".

№ 8, ст. 90. Мн. Гос. Сов. Объ измѣненіи постановленій, опредѣляющихъ порядокъ производства мѣстныхъ дѣйствій по гражданскимъ дѣламъ общей подсудности.

Постановлено:

I. Статьи 386, 388, 413, 416, 419, 420, 425, 427, 434, 450, 451, 500, 500^1, 500^2, 500^3, 504, 508, 517, 524, 534, 536, 771, 1342, 1362, 1456 и ст. 5 приложенія I къ ст. 1400 (прим.) Устава Гражданскаго Судопроизводства изложить слѣдующимъ образомъ:

386. Судъ можетъ, съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ статьяхъ 500^1—500^3, поручить допросъ свидѣтелей одному изъ своихъ членовъ, либо мѣстнымъ уѣздному члену окружнаго суда или участковому мировому судьѣ въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) когда свидѣтель, по дряхлости, тяжкой болѣзни, обязанностямъ службы или другимъ уважительнымъ причинамъ, не можетъ явиться въ судъ;

2) когда по обстоятельствамъ дѣла оказывается нужнымъ произвести допросъ на самомъ мѣстѣ;

3) когда требуется допросить значительное число лицъ, живущихъ въ одномъ мѣстѣ, внѣ того города, гдѣ находится судъ;

4) когда должностыя лица, указанныя въ статьѣ 88, въ теченіе *трехъ дней* со времени полученія повѣстки о вызовѣ ихъ въ каче-

ствѣ свидѣтелей заявили предсѣдателю суда просьбу о допросѣ ихъ въ мѣстѣ ихъ жительства.

388. Лицо, производящее допросъ свидѣтеля, пользуется правами предсѣдателя суда относительно охраненія порядка судебныхъ засѣданій и разрѣшенія возникающихъ между сторонами недоумѣній и пререканій.

413. Для дознанія судъ отряжаетъ одного изъ своихъ членовъ, либо поручаетъ дознаніе мѣстнымъ уѣздному члену окружнаго суда или участковому мировому судьѣ и назначаетъ самое время дознанія. При этомъ соблюдаются правила, изложенныя въ статьяхъ 389 и 500[1]—500[3].

416. Прибывъ на мѣсто до срока, лицо, производящее дознаніе, составляетъ, по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ мѣстнаго управленія, списокъ всѣхъ домохозяевъ и другихъ старожиловъ той мѣстности, могущихъ быть свидѣтелями о владѣніи въ спорномъ участкѣ.

419. Въ назначенный день, лицо, производящее дознаніе, въ присутствіи понятыхъ, отъ *двухъ* до *пяти* человѣкъ, и явившихся тяжущихся приступаетъ къ утвержденію списка слѣдующимъ порядкомъ.

420. Лицо, производящее дознаніе, предлагаетъ явившимся сторонамъ, не пожелаютъ ли онѣ, избравъ изъ означеннаго списка старожиловъ, положиться на ихъ показаніе.

425. Составленный и подписанный лицомъ, производящимъ дознаніе, списокъ старожиловъ предлагается къ разсмотрѣнію и подписи наличнымъ тяжущимся.

427. Лицо, производящее дознаніе, при разрѣшеніи замѣчаній и и просьбъ тяжущихся, отмѣчаетъ о томъ на самомъ спискѣ и объявляетъ сторонамъ.

434. Окольные люди вызываются, чрезъ мѣстное полицейское, волостное или сельское начальство, ко времени, назначенному лицомъ, производящимъ дознаніе.

450. Въ случаѣ невозможности представить акты и книги, судъ отряжаетъ одного изъ своихъ членовъ, либо командируетъ мѣстныхъ уѣзднаго члена окружнаго суда или участковаго мироваго судью для обозрѣнія оныхъ и для выписки изъ нихъ по указаніямъ и въ присутствіи обѣихъ сторонъ того, что къ дѣлу относится. При этомъ соблюдаются правила, изложенныя въ статьяхъ 389 и 500[1]—500[3].

451. Документы, оглашеніе всего содержанія коихъ признается стороною или третьимъ лицомъ неудобнымъ по причинамъ, лично до нихъ касающимся, обозрѣваются лицомъ, отряженнымъ для сего съ

соблюденіемъ упомянутыхъ въ предыдущей статьѣ правилъ, въ присутствіи одной или обѣихъ сторонъ, и тѣ мѣста этихъ документовъ, которыя относятся къ дѣлу, выписываются лицомъ, исполняющимъ порученіе суда.

500. Повѣрка доказательствъ происходитъ въ открытомъ засѣданіи суда, за исключеніемъ указанныхъ въ законѣ случаевъ, когда она можетъ быть поручена одному изъ членовъ суда, либо мѣстнымъ уѣздному члену окружнаго суда или участковому мировому судьѣ.

500[1]. Повѣрка доказательствъ въ томъ городѣ, въ которомъ находится окружный судъ, или хотя и внѣ этого города, но въ болѣе близкомъ отъ него разстояніи, чѣмъ камера мѣстныхъ уѣзднаго члена окружнаго суда или участковаго мироваго судьи, производится чрезъ члена окружнаго суда. Повѣрка доказательствъ въ мѣстѣ болѣе отдаленномъ отъ окружнаго суда, чѣмъ отъ камеры мѣстныхъ уѣзднаго члена окружнаго суда или участковаго мироваго судьи, возлагается на мѣстныхъ уѣзднаго члена окружнаго суда или участковаго мироваго судью, за исключеніемъ повѣрки доказательствъ по такимъ дѣламъ, по которымъ судъ признаетъ необходимымъ, для успѣшнаго выполненія его порученія, отрядить одного изъ своихъ членовъ, входящихъ въ составъ присутствія, разсматривающаго дѣло по существу, о чемъ всякій разъ составляется особое опредѣленіе. Равнымъ образомъ, члену окружнаго суда поручается повѣрка доказательствъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда уѣздный членъ окружнаго суда или участковый мировой судья, по законнымъ основаніямъ, устранятъ себя или будутъ, въ установленномъ порядкѣ, отведены отъ участія въ производствѣ дѣла.

500[2]. Участковый мировой судья во всемъ, что касается исполненія возложеннаго на него, въ силу предыдущей статьи, порученія:

1) руководствуется постановленіями книги второй Устава Гражданскаго Судопроизводства;

2) пользуется всѣми правами командированнаго для производства мѣстныхъ дѣйствій члена окружнаго суда, въ томъ числѣ и правомъ полученія прогонныхъ, суточныхъ и квартирныхъ денегъ наравнѣ съ членами окружнаго суда (ст. 858), и

3) подчиняется окружному суду въ порядкѣ надзора.

500[3]. Заявленія объ устраненіи участковаго мироваго судьи отъ производства повѣрки доказательствъ приносятся окружному суду въ тѣ же сроки и разсматриваются имъ въ томъ же порядкѣ, которые опредѣлены правилами судопроизводства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ.

504. Въ отношеніи правъ лица, производящаго повѣрку, и подавае-

мыхъ на него жалобъ соблюдаются правила, установленныя въ статьяхъ 388 и 389.

508. Для производства осмотра судъ назначаетъ одного или нѣсколькихъ изъ своихъ членовъ, либо мѣстныхъ уѣзднаго члена окружнаго суда или участковаго мироваго судью.

517. Въ дѣлахъ, требующихъ пространнаго и сложнаго изслѣдованія, судъ можетъ назначить для наблюденія за его ходомъ одного изъ своихъ членовъ. Если изслѣдованіе производится внѣ того города, гдѣ находится окружный судъ, то относительно производства онаго соблюдаются правила, изложенныя въ статьяхъ 500[1]—500[3].

524. Лицу, назначенному для производства изслѣдованія чрезъ свѣдущихъ людей не въ томъ мѣстѣ, гдѣ судъ находится, судъ можетъ предоставить и самое избраніе свѣдущихъ людей, если тяжущіеся не избрали ихъ по взаимному согласію.

534. Повѣрка записокъ и счетовъ съ подлинными книгами и актами производится, въ случаѣ надобности, либо въ самомъ судѣ, либо въ томъ мѣстѣ, гдѣ акты и книги находятся, по назначенію суда—однимъ изъ его членовъ, либо мѣстными уѣзднымъ членомъ окружнаго суда или участковымъ мировымъ судьею съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ статьяхъ 500[1]—500[3].

536. Свѣренные разсчеты скрѣпляются по листамъ и подписываются присутствовавшими при повѣркѣ тяжущимися и лицомъ, производившимъ повѣрку. Если въ дѣлѣ участвуетъ нѣсколько истцовъ или отвѣтчиковъ, то скрѣпа по листамъ можетъ быть произведена однимъ лицомъ съ каждой стороны, по избранію прочихъ.

771. Повѣрка доказательствъ производится присутствіемъ палаты или же однимъ изъ ея членовъ, либо окружнымъ судомъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ окружный судъ повѣрку доказательствъ можетъ поручить одному изъ своихъ членовъ, либо мѣстному уѣздному члену или участковому мировому судьѣ, съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ статьяхъ 500[1]—500[3].

1342. Сличеніе и повѣрка представленныхъ тяжущимися документовъ съ метрическими книгами духовнаго вѣдомства производятся, при тяжущихся сторонахъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эти книги хранятся, членомъ суда, либо мѣстными уѣзднымъ членомъ окружнаго суда или участковымъ мировымъ судьею съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ статьяхъ 500[1]—500[3].

1362. Въ подтвержденіе мировыхъ прошеній, предварительно зачисленія дѣла рѣшеннымъ, дѣлаются примиряющимся допросы, для удостовѣренія въ добровольномъ ихъ согласіи на миръ и для подтвержденія

означенныхъ въ мировомъ прошеніи условій. Если тяжущіеся живутъ внѣ города, въ которомъ находится окружный судъ, допросъ можетъ быть порученъ мѣстнымъ уѣздному члену окружнаго суда или участковому мировому судьѣ, съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ статьяхъ 500[1]—500[3].

1456. Окружный судъ производитъ прежде всего изслѣдованіе о безвѣстно отсутствующемъ, чрезъ одного изъ своихъ членовъ, либо мѣстныхъ уѣзднаго члена окружнаго суда или участковаго мироваго судью, съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ статьяхъ 389 и 500[1]—500[3]. Лицо, исполняющее порученіе суда, дѣйствуетъ въ семъ случаѣ по примѣненію къ статьѣ 58 Законовъ Гражданскихъ и къ статьямъ 454—466 Устава Уголовнаго Судопроизводства.

Ст. 5 приложенія I къ ст. 1400 (прим.). Если бы потребовалась повѣрка на мѣстѣ, то судъ, отряжая для сего своего члена, либо мѣстныхъ уѣзднаго члена окружнаго суда или участковаго мироваго судью (ст. 500[1]—500[3]), сообщаетъ, въ случаѣ надобности въ техническихъ дѣйстіяхъ (когда сторонами не будетъ избранъ, по обоюдному согласію, частный землемѣръ), губернскому правленію о командированіи техника изъ состава губернской чертежной.

II. Примѣчанія къ статьямъ 386, 1342 и 1456 Уст. Гражд. Суд. и статью 34 правилъ объ устройствѣ судебной части въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ (Свода Зак., т. XVI, ч. 1, изд. 1892 г.), исключить.

Т. XVI, ч. 1. Прав. Суд. Част. Земск. Начальн. № 7, ст. 77. Мн. Гос. Сов. О порядкѣ засвидѣтельствованія довѣренностей присяжнымъ повѣреннымъ на веденіе дѣлъ въ другихъ, кромѣ новыхъ судебныхъ установленій, присутственныхъ мѣстахъ.

Постановлено:

III. Статью 41 правилъ о производствѣ судебныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ (т. XVI, ч. 1, Свода Зак., изд. 1892 г.), изложить слѣдующимъ образомъ:

Ст. 41. „Тяжущіеся заявляютъ земскому начальнику или городскому судьѣ объ избранныхъ ими повѣренныхъ на словахъ или на письмѣ. Словесное по сему предмету заявленіе заносится въ протоколъ, а письменное можетъ быть сдѣлано въ самомъ прошеніи, или же въ особой довѣренности. Если довѣренность не засвидѣтельствована установленнымъ порядкомъ, то подпись довѣрителя должна быть засвидѣтельствована мировымъ или городскимъ судьею, земскимъ начальникомъ, нотаріусомъ, полиціею или волостнымъ начальствомъ“.

№ 8, ст. 90. Мн. Гос. Сов. Объ измѣненіи постановленій, опредѣ-

ляющихъ порядокъ производства мѣстныхъ дѣйствій по гражданскимъ дѣламъ общей подсудности.

Отд. II этого закона постановлено: статью 34 правилъ объ устройствѣ судебной части въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ (Свода Зак., т. XVI, ч. 1, изд. 1892 г.), исключить.

Т. XVI, ч. 2. Зак. Суд. Гражд. № 7, ст. 77. Мн. Гос. Сов. О порядкѣ засвидѣтельствованія довѣренностей присяжнымъ повѣреннымъ на веденіе дѣлъ въ другихъ, кромѣ новыхъ судебныхъ установленій, присутственныхъ мѣстахъ.

Постановлено:

I. Въ дополненіе и измѣненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановить слѣдующее правило:

„Полномочіе присяжному повѣренному на веденіе дѣлъ и совершеніе всѣхъ вообще дѣйствій въ судебныхъ установленіяхъ прежняго устройства, а также въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ и у должностныхъ лицъ, можетъ быть удостовѣрено: а) довѣренностью, засвидѣтельствованною въ установленномъ порядкѣ, и б) довѣренностью, на которой подпись довѣрителя засвидѣтельствована мировымъ или городскимъ судьею, земскимъ начальникомъ, нотаріусомъ, полиціею или волостнымъ начальствомъ".

II. Узаконенія, не подлежащія внесенію въ Сводъ Законовъ.

По вѣдомству Государственной Канцеляріи. № 7, ст. 80. Выс. пов. Объ изданіи III тома Свода Законовъ 1896 года. № 14, ст. 180. Мн. Гос. Сов. О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ штатѣ Государственной Канцеляріи.

По вѣдомству Министерства Юстиціи. № 7, ст. 74. Мн. Гос. Сов. О возмѣщеніи изъ казны потерь въ доходахъ конвертированныхъ капиталовъ Высочайше учрежденнаго комитета для разбора и призрѣнія нищихъ въ С.-Петербургѣ, Якутскаго тюремнаго комитета и Любимскаго тюремнаго отдѣленія (Ярославской губерніи). № 7, ст. 75. Мн. Гос. Сов. Объ учрежденіи должности помощника мироваго судьи въ Тургайской области. № 7, ст. 81. Выс. пов. Объ отпускѣ въ 1897 г. изъ казны, сверхъ табельнаго назначенія на продовольствіе арестантовъ, по 2 коп. на человѣка въ сутки, на пріобрѣтеніе приварка для арестантовъ, содержащихся на гауптвахтахъ Закаспійской области и въ мѣстахъ заключенія Туркестанскаго края,

гдѣ нѣтъ учрежденій общества попечительнаго о тюрьмахъ, или таковыя не обладаютъ достаточными экономическими средствами. № 8, ст. 88. Мн. Гос. Сов. О продленіи дѣйствія Высочайше утвержденнаго 12 ноября 1890 года мнѣнія Государственнаго Совѣта о временномъ измѣненіи штатовъ Таганрогскаго, Новочеркаскаго и Усть-Медвѣдицкаго окружныхъ судовъ. № 14, ст. 181. Мн. Гос. Сов. Объ усиленіи штатовъ мировыхъ судебныхъ установленій въ девяти западныхъ губерніяхъ. № 14, ст. 182. Мн. Гос. Сов. Объ учрежденіи должности городскаго судьи въ городѣ Мологѣ, Ярославской губерніи, и о сокращеніи числа земскихъ участковъ въ Мологскомъ уѣздѣ, той же губерніи (I, III, IV).

По вѣдомству Министерства Военнаго. № 7, ст. 71. Имен. ук. Объ отчужденіи земель и имуществъ подъ устройство участка шоссе въ Варшавскомъ военномъ округѣ. № 9, ст. 103. Имен. ук. Объ отчужденіи земельныхъ участковъ подъ постройку казармъ и мѣстнаго лазарета у города Сувалокъ. № 10, ст. 127. Пол. Воен. Сов. Объ измѣненіи штатовъ иновѣрческаго духовенства въ войскахъ. № 13, ст. 151. Мн. Гос. Сов. Объ увеличеніи состава городской полиціи въ Туркестанскомъ краѣ. № 13, ст. 153. Мн. Гос. Сов. Объ учрежденіи причта въ селѣ Александровскомъ, Сыръ-Дарьинской области. № 14, ст. 173. Мн. Гос. Сов. Объ установленіи въ городѣ Темрюкѣ сбора съ перевознаго промысла. № 14, ст. 178. Мн. Гос. Сов. О порядкѣ исчисленія срока для составленія требованій на припасы квартирнаго довольствія для войскъ, находящихся на маневрахъ и подвижныхъ сборахъ въ губерніяхъ Царства Польскаго. № 14, ст. 179. Мн. Гос. Сов. Объ увеличеніи оклада содержанія псаломщиковъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Сыръ-Дарьинской области.

По вѣдомству Министерства Императорскаго Двора. № 9 ст. 106. Выс. пов. О включеніи въ штатъ канцеляріи Е я И м п е р а т о р с к а г о В е л и ч е с т в а Г о с у д а р ы н и И м п е р а т р и ц ы М а р і и Ѳ е о д о р о в н ы второй должности старшаго помощника дѣлопроизводителя. № 9, ст. 107. Выс. пов. Объ учрежденіи при Кабинетѣ Е г о И м п е р а т о р с к а г о В е л и ч е с т в а должностей юрисконсульта и его помощника. № 9, ст. 108. Выс. пов. Объ учрежденіи должности ученаго лѣсничаго при Кабинетѣ Е г о И м п е р а т о р с к а г о В е л и ч е с т в а. № 11, ст. 135. Выс. пов. Объ учрежденіи должности старшаго помощника завѣдывающаго чертежною Главнаго Управленія Удѣловъ. № 11, ст. 136. Выс. пов. Объ учрежденіи должности начальника Каптарскаго удѣльнаго лѣсопильнаго завода. № 11, ст. 137. Выс. пов. Объ учрежденіи должности начальника Ривицкаго

удѣльнаго завода сухой перегонки дерева. № 11, ст. 138. Выс. пов. Объ учрежденіи 2-хъ должностей завѣдывающихъ удѣльною винторговлею въ С.-Петербургѣ и Москвѣ.

По вѣдомству Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. № 9, ст. 109. Выс. пов. О выдачѣ командируемымъ для принятія мѣръ противъ занесенія эпидеміи чумы въ предѣлы Имперіи врачамъ и фельдшерамъ путевыхъ пособій. № 10, ст. 118. Мн. Гос. Сов. Объ измѣненіи правилъ о рогатковомъ сборѣ въ городѣ Варшавѣ. № 10, ст. 125. Пол. Ком. Мин. О разрѣшеніи городу Москвѣ выпуска облигацій на 1.450.000 рублей. № 11, ст. 139. Выс пов. О первомъ Всероссійскомъ съѣздѣ сценическихъ дѣятелей 1897 года въ Москвѣ. № 13, ст. 152. Мн. Гос. Сов. О раздѣленіи Мезенскаго уѣзда, Архангельской губерніи, на два стана. № 13, ст. 157. Мн. Гос. Сов. Объ усиленіи состава Бакинскаго губернскаго правленія. № 14, ст. 172. Мн. Гос. Сов. О распредѣленіи расходовъ по содержанію полиціи въ городѣ Саратовѣ. № 14, ст. 175. Мн. Гос. Сов. О расходѣ на постановку новаго пароваго котла на пароходѣ С.-Петербургскаго порта „Бодрый". № 14, ст. 182. Мн. Гос. Сов Объ учрежденіи должности городскаго судьи въ городѣ Мологѣ, Ярославской губерніи, и о сокращеніи числа земскихъ участковъ въ Мологскомъ уѣздѣ, той же губерніи (II). № 14, ст. 183. Пол. Ком. Мин. О продленіи дѣйствія Высочайшаго повелѣнія 14 ноября 1887 года объ усиленіи состава полиціи въ городѣ Москвѣ. № 15, ст. 188. Мн. Гос. Сов. Объ учрежденіи въ городѣ Челябинскѣ, Оренбургской губерніи, должности полицейскаго надзирателя перваго разряда. № 15, ст. 189. Мн. Гос. Сов. Объ усиленіи состава и средствъ дѣлопроизводства статистики и эпидеміологіи Медицинскаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (III—VII). № 15, ст. 190. Мн. Гос. Сов. Объ учрежденіи для Никольской и Предмостной слободокъ, Остерскаго уѣзда, Черниговской губерніи, должности полицейскаго надзирателя втораго разряда (II). № 15, ст. 191. Мн. Гос. Сов. Объ утвержденіи штата Гомельскаго городскаго полицейскаго управленія. № 15, ст. 196. Мн. Гос. Сов. Объ усиленіи состава полиціи въ Пермской губерніи. № 15, ст. 197. Мн. Гос. Сов. Объ усиленіи состава полиціи въ Оренбургской губерніи и кредита на содержаніе полицейскихъ урядниковъ. № 15, ст. 198. Мн. Гос. Сов. О раздѣленіи С.-Петербургскаго, Гдовскаго и Лужскаго уѣздовъ, С.-Петербургской губерніи, каждаго на четыре стана и объ усиленіи кредита на содержаніе полицейскихъ урядниковъ. № 15, ст. 199. Мн. Гос. Сов. О раздѣленіи Ялтинскаго уѣзда, Таврической губерніи, на три стана и объ измѣненіи кредита на содержаніе полицейскихъ урядниковъ. № 15, ст. 203. Выс. пов. О порядкѣ приведенія въ исполненіе мѣропріятій по предупрежденію занесенія чумной заразы въ предѣлы Имперіи и по прекращенію могущихъ начаться эпидемій [1]).

По вѣдомству Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. № 10, ст. 116. Объ измѣненіи штатовъ миссіи въ Токіо и дипломатическаго и консульскаго представительства въ Кореѣ. № 10, ст. 117. Мн. Гос. Сов. О кредитѣ на содержаніе чиновника особыхъ порученій IV класса при Министрѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

По вѣдомству Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. № 10, ст. 124. Пол. Ком. Мин. О принятіи казною дополнительнаго пожертвованія изъ родоваго имущества статскаго совѣтника Карышева.

По вѣдомству Министерства Морскаго. № 10, ст. 128. Пол. Адм. Сов. О предоставленіи стрѣлкамъ-инструкторамъ добавочнаго за спеціальное званіе содержанія. № 13, ст. 148. Мн. Гос. Сов. О дополненіи штата портовой полиціи въ военныхъ портахъ.

По вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія. № 10, ст. 114. Мн. Гос. Сов. О преобразованіи Кутаисской четырехклассной прогимназіи въ реальное училище. № 14, ст. 176. Мн. Гос. Сов. Объ учрежденіи въ Астраханской губерніи должности директора народныхъ училищъ и объ упраздненіи одной должности инспектора народныхъ училищъ въ той же губерніи.

По вѣдомству Министерства Финансовъ. № 7, ст. 70. Имен. ук. Объ отчужденіи у владѣльца мѣстечка Новоселицы, Бессарабской губерніи, Николая Допича, участка земли, въ количествѣ пятнадцати тысячъ тридцати четырехъ квадратныхъ саженъ, занятаго казенными постройками Хотинской бригады отдѣльнаго корпуса пограничной стражи. № 7, ст. 72. Мн. Гос. Сов. Объ усиленіи состава расположенныхъ на Кавказской и западной границахъ бригадъ отдѣльнаго корпуса пограничной стражи. № 8, ст. 86. Мн. Гос. Сов. Объ усиленіи средствъ государственной коммисіи погашенія долговъ. № 10, ст. 115. Мн. Гос. Сов. Объ усиленіи средствъ казенныхъ палатъ и казначействъ. № 12 ст. 144. Выс. пов. Объ отнесеніи расходовъ по погашенію части безпроцентнаго долга государственнаго казначейства по выпуску кредитныхъ билетовъ на счетъ 100 милліоновъ рублей золотомъ, предназначенныхъ на тотъ же предметъ.

По вѣдомству Комитета Сибирской желѣзной дороги. № 8, ст. 94. Выс. пов. Объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ совѣщанія о поземельномъ устройствѣ населенія Забайкальской области.

[1]) Это Высочайшее повелѣніе касается также другихъ вѣдомствъ.

По вѣдомству Канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ. № 11, ст. 133. Мн. Гос. Сов. О продленіи дѣйствія временно-усиленнаго штата Канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ.

По вѣдомству Главнаго Управленія Государственнаго Коннозаводства. № 13, ст. 159. Мн. Гос. Сов. О штатахъ заводскихъ конюшенъ и о кредитѣ на покупку лошадей для государственныхъ конскихъ учрежденій и объ утвержденіи штата Томской и Смоленской заводскихъ конюшенъ.

По вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи. № 8, ст. 93. Пол. Опек. Сов. Объ утвержденіи правилъ употребленія игральныхъ картъ въ клубахъ и собраніяхъ.

По вѣдомству Православнаго Исповѣданія. № 8, ст. 85. Мн. Гос. Сов. Объ увеличеніи съ 1897 г. кредита на содержаніе городскаго и сельскаго духовенства. № 10, ст. 113. Мн. Гос. Сов. Объ отпускѣ 8 причтамъ Якутской епархіи пайковаго довольствія натурою изъ мѣстныхъ казенныхъ магазиновъ. № 14, ст. 170. Мн. Гос. Сов. О расходѣ на содержаніе вновь учрежденнаго Алексѣевскаго мужскаго монастыря въ городѣ Ригѣ.

По дѣламъ частныхъ лицъ, обществъ и установленій. № 7, ст. 78. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи Бельгійскаго акціонернаго общества, подъ наименованіемъ: „анонимное общество химическихъ продуктовъ и маслобоенъ въ Одессѣ“. № 7, ст. 79. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава Франко-Русскаго горнаго общества. № 8, ст. 84. Имен. ук. Объ учрежденіи изъ части недвижимыхъ имѣній коллежскаго ассесора Андрея Савицкаго, находящихся въ Кіевской и Полтавской губерніяхъ, заповѣднаго имѣнія. № 8, ст. 91. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава товарищества типо-литографіи и торговли Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ. № 9, ст. 105. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава Донецко-Петровеньковскаго горнозаводскаго общества. № 10, ст. 119. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи п.п. 5 и 6 Высочайше утвержденнаго въ 9 день февраля 1891 г. положенія Комитета Министровъ объ учрежденіи опекунскаго управленія надъ личностью, имуществомъ и дѣлами потомственныхъ дворянъ Ивана и Ольги Катаржи, Маріи Мазаракій-Дебольцовой и Александры Крупенской. № 10, ст. 120. Пол. Ком. Мин. О предоставленіи Московскому обществу подъѣздныхъ путей въ Россіи постройки и эксплоатаціи узкоколейнаго подъѣзднаго пути общаго пользованія отъ г. Москвы до г. Воскресенска. № 10, ст. 121. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи

устава товарищества Ростовскаго цикорнаго производства И. Вахрамѣевъ и К°. № 10, ст. 122. Пол. Ком. Мин. Объ учрежденіи въ городѣ Варшавѣ общества скорой медицинской помощи. № 10, ст. 123. Пол. Ком. Мин. О разрѣшеніи временнымъ Московскимъ купцамъ Дангауеру и Кайзеру открыть въ Московскомъ уѣздѣ механическій, котельный и мѣднолитейный заводъ. № 10, ст. 126. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава Ставропольскаго на Кавказѣ общества любителей охоты. № 11, ст. 134. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава акціонернаго общества камвольной прядильни Генрихъ Бирнбаумъ въ г. Лодзи. № 13, ст. 161. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи Бельгійскаго акціонернаго общества, подъ наименованіемъ: „Одесское анонимное общество металлическаго завода (бывшій заводъ Каца)“. № 13, ст. 162. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи Германскаго акціонернаго общества, подъ наименованіемъ: „машиностроительное акціонерное общество прежде братьевъ Клейнъ“. № 13, ст. 163. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава Московскаго стеклопромышленнаго общества. № 13, ст. 164. Пол. Ком. Мин. О продленіи дѣйствія п.п. 2 и 5 Высочайше утвержденнаго 19 декабря 1890 г. положенія Комитета Министровъ объ учрежденіи надъ личностью и имуществомъ вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Матильды Миллеръ опекунскаго управленія. № 13, ст. 165. Пол. Соед. Присут. Ком. Мин. и Деп. Гос. Эконом. О разрѣшеніи обществу Варшаво-Вѣнской желѣзной дороги произвести, временно, изъ кассовыхъ его средствъ расходъ около шестидесяти тысячъ рублей. № 14, ст. 184. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава товарищества Саввинской мануфактуры Викула Морозова сыновей, Ивана Полякова и К°. № 15, ст. 200. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава акціонернаго общества фабрики желѣзныхъ издѣлій Вл. Гостынскій и К°. № 15, ст. 201. Пол. Соед. Присут. Ком. Мин. и Деп. Гос. Эконом. О предоставленіи обществу Московско-Кіево-Воронежской желѣзной дороги временно позаимствовать изъ кассовыхъ его средствъ двѣсти двѣ тысячи сто сорокъ три рубля восемьдесятъ копѣекъ.

III. Распоряженія, предложенныя и объявленныя Правительствующему Сенату.

Министромъ Юстиціи. № 9, ст. 110. О раздѣленіи Бугурусланской, Самарской губеріи, соединенной дворянской опеки на двѣ опеки: Бугурусланскую и Бугульминскую. № 10, ст. 129. О предоставленіи Императорскому Московскому обществу охотниковъ конскаго бѣга права

взиманія благотворительнаго сбора съ посѣтителей устраиваемыхъ обществомъ рысистыхъ бѣговъ [1]).

Военнымъ Министромъ. № 13, ст. 169. Объ утвержденіи списка завѣдомо нефтеносныхъ земель Терскаго казачьяго войска.

Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. № 7, ст. 83. Объ утвержденіи штата полицейской команды города Орши, Могилевской губерніи. № 8, ст. 100. О срокѣ приведенія въ исполненіе Высочайше утвержденнаго 23 мая 1896 года мнѣнія Государственнаго Совѣта о преобразованіи административнаго устройства Черноморскаго округа. № 10, ст. 132. О продленіи срока для взноса денегъ, слѣдующихъ за акціи общества всероссійскаго перестрахованія для взаимныхъ страховыхъ учрежденій. № 11, ст. 142. Объ учрежденіи въ селѣ Зуевѣ, Богородскаго уѣзда, Московской губерніи, полицейской команды изъ 8 городовыхъ. № 15, ст. 205. Объ учрежденіи 14 должностей конно-полицейскихъ урядниковъ въ Оренбургской губерніи. № 15, ст. 206. Объ учрежденіи 26 должностей полицейскихъ урядниковъ для С.-Петербургской губерніи. № 15, ст. 207. Объ упраздненіи пяти должностей пѣшихъ полицейскихъ урядниковъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Ялтинскаго уѣзда, Таврической губерніи.

Министромъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. № 8, ст. 99. О закрытіи состоящей при Симбирскомъ исправительномъ пріютѣ школы садоводства и огородничества 2 разряда. № 9, ст. 112. О закрытіи для горнаго промысла казенныхъ лѣсовъ Тульской губерніи (въ 3-хъ уѣздахъ). № 10, ст. 131. О дополнительномъ закрытіи для частной золотопромышленности части раіона, подлежащаго изслѣдованію Охотско-Камчатской горной экспедиціи.

Управляющимъ Морскимъ Министерствомъ, № 11, ст. 143. Объ утвержденіи устава общества С.-Петербургскихъ лоцмановъ.

Министромъ Путей Сообщенія. № 8, ст. 101. Объ измѣненіи пункта III § 3 правилъ безплатнаго по желѣзнымъ дорогамъ проѣзда правительственныхъ должностныхъ лицъ. № 8, ст. 102. О принятіи Фастовской желѣзной дороги въ казенное управленіе. № 14, ст. 187. О дополненіи росписанія контрольныхъ станцій Средне-Сибирской желѣзной дороги.

Министромъ Финансовъ. № 7, ст. 82. О цѣнахъ для пріема въ уплату таможенныхъ пошлинъ, взимаемыхъ золотомъ, купоновъ отъ облигацій Россійскаго 3% золотаго займа 1896 г., какъ истекшихъ

[1]) Распоряженіе это сдѣлано Главноуправляющимъ С. Е. И. В. Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

сроковъ, такъ и тѣхъ, до срока оплаты которыхъ остается не болѣе шести мѣсяцевъ. № 8, ст. 95. Объ утвержденіи инструкціи для маклеровъ, состоящихъ при Московской хлѣбной биржѣ. № 8, ст. 96. О прекращеніи существованія общества Донецкой желѣзной дороги. № 8, ст. 97. Объ измѣненіи устава товарищества ситценабивной фабрики, подъ фирмою „Яковъ Лютшъ“ въ С.-Петербургѣ. № 8, ст. 98. О продажныхъ цѣнахъ казенныхъ вина, спирта и водочныхъ издѣлій въ 4-хъ восточныхъ губерніяхъ въ 1897 году. № 10, ст. 130. Объ измѣненіи и дополненіи алфавитнаго перечня документовъ и актовъ, подлежащихъ гербовому сбору и отъ него изъятыхъ. № 11, ст. 140. О продленіи срока для взноса денегъ, слѣдующихъ за акціи акціонернаго общества, пароваго хлѣбопеченія и квасоваренія „Колосъ“. № 11, ст. 141. Объ измѣненіи п. 4 основныхъ правилъ Тверскаго городскаго общественнаго банка. № 12, ст. 145. Объ изъятіи изъ обращенія кредитныхъ билетовъ временныхъ выпусковъ на 37.500.000 рублей. № 13, ст. 166. Объ измѣненіи устава перваго Русскаго товарищества рыболовства на Азовскомъ и Черномъ моряхъ. № 13, ст. 167. О продленіи срока для взноса денегъ, слѣдующихъ за акціи общества холодныхъ складовъ для храненія, перевозки и торговли жизненными припасами, съ выдачею ссудъ. № 13, ст. 168. Объ измѣненіи устава товарищества Могилянскаго свеклосахарнаго завода. № 14, ст. 186. Объ измѣненіи устава Московскаго городскаго кредитнаго общества. № 15, ст. 204. Объ измѣненіи устава Плоцкаго общества взаимнаго кредита.

Б. СБОРНИКЪ ПОСТАНОВЛЕНІЙ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКАГО.

1896. № 45, I, 18; № 46, I, 16; № 47, I, 14 (1897 г., н. ст.).

№ 45. *Резол Фин. Сен.*, объ утвержденіи устава ссудной кассы города Або.—*Предп. Фин. Сен.*: а) Нюландскому губернатору, объ упраздненіи скотопромышленныхъ ярмарокъ въ городѣ Борго; б) (по гражданской экспедиціи) медицинскому управленію, объ ассигнованіи средствъ на улучшеніе духовнаго призрѣнія въ небольшихъ больницахъ края.

№ 46. Высочайшее Его Императорскаго Величества Объявленіе, относительно флага, который въ подлежащихъ случаяхъ долженъ быть вывѣшиваемъ въ предѣлахъ Великаго Княжества Финляндскаго.

Biblioteka Główna UM Czytelnia Czasopism

Божіею Милостію,

Мы, Николай Вторый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и проч. и проч. и проч. Объявляемъ чрезъ сіе: По всеподданнѣйшему о томъ представленію признали Мы за благо Высочайше повелѣть, чтобы въ предѣлахъ Великаго Княжества Финляндскаго во всѣхъ подлежащихъ случаяхъ былъ вывѣшиваемъ лишь національный Россійскій бѣло-сине-красный флагъ.

Съ чѣмъ соображаться каждому, до кого сіе касаться можетъ. Гельсингфорсъ, 21 декабря 1896 г.

Выс. объяв., объ измѣненіи § 7 Высочайшаго постановленія отъ 24 мая 1886 года.

№ 47. Высочайше утвержденный церемоніалъ открытія сейма въ Гельсингфорсѣ въ 1897 году.

1897. № 1, I, 20 (н. ст.).

№ 1. Высочайшая Грамота о Всемилостивѣйшемъ повелѣніи исправляющему должность Генералъ-Губернатора Финляндіи, генеральнаго штаба генералъ-лейтенанту Степану Гончарову, отъ Высочайшаго Имени открыть общій сеймъ земскихъ чиновъ Финляндіи, созванный къ 20 января 1897 года.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ

ВЫСОЧАЙШИХЪ ПРИКАЗОВЪ

ПО ГРАЖДАНСКОМУ ВѢДОМСТВУ.

№ 8, января 28-го дня 1897 года.

По Правительствующему Сенату.

Назначается Товарищъ Прокурора Московской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Медишъ** — Товарищемъ Оберъ-Прокурора Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Членъ Одесской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Губеръ**—Предсѣдателемъ Елисаветградскаго Окружнаго Суда; Прокуроры Окружныхъ Судовъ: Витебскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Кемпе** и Таганрогскаго, Статскій Совѣтникъ **Поровъ**: первый –Товарищемъ Прокурора С.-Петербургской Судебной Палаты, а второй—Товарищемъ Предсѣдателя Изюмскаго Окружнаго Суда; Товарищи Прокурора Окружныхъ Судовъ: Орловскаго, Статскій Совѣтникъ **Барвинскій**, Таганрогскаго, Статскій Совѣтникъ **Самсонъ-фонъ-Гиммельштіерна** и С.-Петербургскаго, Надворный Совѣтникъ **Купреяновъ**—Прокурорами Окружныхъ Судовъ: первый—Таганрогскаго, второй—Екатеринодарскаго и третій—Либавскаго; Товарищъ Прокурора Минскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Макашевъ** и Исправляющіе должность Судебнаго Слѣдователя округовъ Окружныхъ Судовъ: Екатеринбургскаго, 4-го участка Камышловскаго уѣзда, Статскій Совѣтникъ **Завадскій** и Минскаго, 1-го участка г. Минска, Коллежскій

Совѣтникъ **Софроновъ**—Членами Окружныхъ Судовъ: **Макашевъ** и Софроновъ—Минскаго, а Завадскій—Екатеринбургскаго.

Перемѣщаются: Товарищъ Прокурора Кіевской Судебной Палаты, Статскій Совѣтникъ **Слѣнцовъ**—Товарищемъ же Прокурора Московской Судебной Палаты; Прокуроръ Либавскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ **Разумовскій**—Прокуроромъ Витебскаго Окружнаго Суда; Членъ Кіевской Судебной Палаты, Статскій Совѣтникъ **Граббе**—Членомъ Одесской Судебной Палаты, согласно прошенію.

№ 9, февраля 1-го дня 1897 года.

По Правительствующему Сенату.

Умершій *исключается изъ списковъ*: Сенаторъ, Тайный Совѣтникъ **Талквистъ.**

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Товарищъ Прокурора Кіевской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Михайловъ**, Членъ Казанской Судебной Палаты, Статскій Совѣтникъ **Введенскій**, Товарищъ Предсѣдателя Курскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Гаффербергъ**, Прокуроры Окружныхъ Судовъ: Новочеркасскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Чубаровъ**, Варшавскаго, Статскій Совѣтникъ **Ераковъ** и Вологодскаго, Статскій Совѣтникъ **фонъ-Паркау** и Состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ, сверхъ комплекта, въ 5-мъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, исправляющій должность Енисейскаго Губернскаго Прокурора, Статскій Совѣтникъ **Лубенцовъ**—Предсѣдателями Окружныхъ Судовъ: Введенскій—Тобольскаго, Ераковъ—Красноярскаго, Гаффербергъ—Иркутскаго, Лубенцовъ—Якутскаго, Михайловъ—Читинскаго, Чубаровъ—Благовѣщенскаго и фонъ-Паркау—Владивостокскаго, всѣ семь съ 1 апрѣля 1897 г.; Тобольскій Губернскій Прокуроръ, Статскій Совѣтникъ **Камышанскій**, Товарищи Прокурора Окружныхъ Судовъ: Новочеркасскаго, Статскій Совѣтникъ **Татаровскій**, Сѣдлецкаго, Коллежскій Совѣтникъ **Малининъ**, Кіевскаго, Коллежскій Совѣтникъ князь **Орбеліани**, Варшавскаго, Коллежскіе Совѣтники графъ **Подгоричани-Петровичъ** и **Скворцовъ** и Ревельскаго, Статскій Совѣтникъ **Фуссъ** и Забайкальскій Областной Прокуроръ, Надворный Совѣтникъ **Подольковъ**—Прокурорами Окружныхъ Судовъ: Камышанскій—Тобольскаго, Татаровскій—Томскаго, Малининъ—Красноярскаго, князь Орбеліани—Иркутскаго, Подольковъ—Якутскаго, графъ Подгоричани-Петровичъ—Читинскаго,

Фуссъ—Благовѣщенскаго и Скворцовъ—Владивостокскаго, всѣ восемь съ 1 Апрѣля 1897 г.; Преподаватель Витебской гимназіи, Статскій Совѣтникъ **Сапуновъ**—Почетнымъ Мировымъ Судьею Витебскаго округа на текущее, съ 1 апрѣля 1896 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности; Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 1-го участка Велижскаго уѣзда, округа Витебскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ **Горовой** и Причисленный къ Министерству, Коллежскій Секретарь **Фишеръ**—Товарищами Прокурора Окружныхъ Судовъ: первый—Митавскаго, а второй—Каменецъ-Подольскаго; Помощникъ Секретаря Московской Судебной Палаты, Коллежскій Секретарь **Кардашевъ** и Старшіе Кандидаты на должности по судебному вѣдомству: при Московской Судебной Палатѣ, Коллежскій Секретарь **Брюнъ-де Сентъ-Гиппо литъ** и при Одесскомъ Окружномъ Судѣ, Коллежскій Секретарь **Слодковскій**—Городскими Судьями: первый—1-го участка г. Рыбинска, второй—3-го участка г. Тулы и послѣдній—1-го участка г. Хотина.

Перемѣщаются: Предсѣдатель Череповецкаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Деппъ**—Предсѣдателемъ Томскаго Окружнаго Суда, согласно прошенію, съ 1 апрѣля 1897 г.; Товарищи Прокурора Окружныхъ Судовъ: Смоленскаго, Надворный Совѣтникъ **Раевскій** и Митавскаго, Титулярный Совѣтникъ **Рѣзниковъ**—Товарищами же Прокурора Окружныхъ Судовъ: первый—С.-Петербургскаго, а второй—Псковскаго.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію*: Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 1-го участка Гомельскаго уѣзда, округа Могилевскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ **Слонцкій.**

Умершій *исключается изъ списковъ*: Предсѣдатель Елисаветградскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Алексѣевъ.**

№ 10, февраля 1-го дня 1897 года.

По Правительствующему Сенату.

Назначается: Попечитель Варшавскаго учебнаго округа, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ **Анухтинъ**—къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ 29 января.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Предсѣдатель Нижегородскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Лентовскій**—Предсѣдателемъ Департамента Виленской Судебной Палаты; Уѣздный Членъ Московскаго

Окружнаго Суда, по Рузскому уѣзду, Статскій Совѣтникъ **Игнатьевъ** и Товарищъ Прокурора Тульскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Богомоловъ**—Членами Окружныхъ Судовъ: первый—Московскаго, а второй—Тульскаго; изъ нихъ Игнатьевъ согласно прошенію.

Переводится *на службу по вѣдомству Министерства Юстиціи*: Помощникъ Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Семеновъ**—Членомъ Консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, для ревизіонныхъ порученій.

Увольняются *отъ службы: за болѣзнью, на основаніи ст. 571 Уст. Служб. Прав.*, Предсѣдатель Департамента Московской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Тихомировъ**.

Согласно прошенію, Старшій Нотаріусъ Витебскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Афанасьевъ**, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Согласно прошеніямъ, по болѣзни: Члены Окружныхъ Судовъ: Витебскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Синицынъ** и Тульскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Хрущовъ**, оба съ мундирами, занимаемой ими должности присвоенными.

№ 12, февраля 8-го дня 1897 года.

По Правительствующему Сенату.

Назначаются: Сенаторъ, Почетный Опекунъ С.-Петербургскаго Присутствія Опекунскаго Совѣта учрежденій Императрицы Маріи, Тайный Совѣтникъ графъ Дмитрій **Каннистъ**—состоять въ вѣдомствѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, съ 1 февраля, съ оставленіемъ его Сенаторомъ и Почетнымъ Опекуномъ; Помощникъ Управляющаго дѣлами Комитета Министровъ, Президентъ Евангелическо-Лютеранской Генеральной Консисторіи, Тайный Совѣтникъ **Шольцъ**—къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ 5 февраля, съ оставленіемъ его Президентомъ означенной Генеральной Консисторіи.

№ 13, февраля 14-го дня 1897 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Товарищъ Предсѣдателя Рязанскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Гурчинъ**—Предсѣдателемъ Департамента Иркутской Судебной Палаты, съ 1 іюля 1897 г.; Губернскіе Прокуроры: Томскій, Коллежскій Совѣтникъ **Витте** и Иркутскій, Надворный Совѣтникъ **Соболевъ**—Товарищами Прокурора Иркутской Судебной Палаты, оба съ 1 іюля 1897 г.; Предсѣдатель Акмолинскаго Областнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Ковалевскій**, Товарищъ Предсѣдателя Кашинскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Башиловъ**, Уѣздные Члены Окружныхъ Судовъ: С.-Петербургскаго, по Ямбургскому уѣзду, Статскій Совѣтникъ **Будзилевичъ** и Калужскаго, по Малоярославецкому уѣзду, Коллежскій Совѣтникъ **Іонинъ**, Членъ Рязанскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Лебедевъ** и Предсѣдатель Съѣзда Мировыхъ Судей Виндаво-Гольдингенскаго округа, Статскій Совѣтникъ **Франціессонъ**—Членами Иркутской Судебной Палаты, всѣ шесть съ 1 іюля 1897 г.; Члены Окружныхъ Судовъ: Екатеринбургскаго, Статскій Совѣтникъ **Чижъ**, Витебскаго, Статскій Совѣтникъ **Шенингъ**, Виленскаго, Статскій Совѣтникъ **Бычковъ** и Ревельскаго, Статскій Совѣтникъ **Турбинъ** и Забайкальскій Окружный Судья, Коллежскій Совѣтникъ **Кахіани**—Товарищами Предсѣдателя Окружныхъ Судовъ: Чижъ—Тобольскаго, Шенингъ—Томскаго, Бычковъ—Красноярскаго, Турбинъ—Иркутскаго и Кахіани—Читинскаго, всѣ пять съ 1 іюля 1897 г.; Товарищи Прокурора Окружныхъ Судовъ: Кишиневскаго, Статскій Совѣтникъ **Клеберъ** и Тверскаго, Надворный Совѣтникъ **Гамбурцевъ**—Уѣздными Членами Окружныхъ Судовъ: первый—Кишиневскаго, по Аккерманскому уѣзду, а второй—Тверскаго, по Вышневолоцкому уѣзду; Уѣздный Членъ Владимірскаго Окружнаго Суда, по Меленковскому уѣзду, Губернскій Секретарь **Крюковъ**, Мировой Судья 1-го участка Ревельско-Гапсальскаго округа, Титулярный Совѣтникъ **Култышкинъ**, Судебный Слѣдователь 2-го участка Кишиневскаго уѣзда, округа Кишиневскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ **Піотровскій** и Исправляющіе должность Судебнаго Слѣдователя округовъ Окружныхъ Судовъ: Лубенскаго, 1-го участка Переяславскаго уѣзда, Коллежскій Совѣтникъ **Соболевскій** и Митавскаго, по важнѣйшимъ дѣламъ и г. Митавы, Коллежскій Ассесоръ **Добровольскій**—Членами Окружныхъ Судовъ: Крюковъ—Владимірскаго согласно прошенію, Култышкинъ—Витебскаго, Піотровскій и Соболевскій—Кишиневскаго и Добровольскій—Митавскаго; Участковые Мировые Судьи округовъ: Армавирскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Парицкій**, Екатеринодарскаго, Статскій Совѣтникъ **Слабизіонъ**, Кизлярскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Добровольскій**, Майкопскаго, Коллежскій Ассесоръ **Колотничевъ**, Темрюкскаго, Коллежскій Ассесоръ **Пржедпельскій**, Ейскаго, Коллежскій Секретарь **Ненашевъ** и Владикавказскаго, **Шредерсъ**—Предсѣдателями Съѣздовъ Мировыхъ Судей тѣхъ же округовъ на текущее, съ 1 января 1897 г., трехлѣтіе; Добавочный Мировой Судья Сквирскаго округа, Коллежскій Совѣтникъ **Левитскій**—Участковымъ Мировымъ Судьею того же округа, съ 1 января; Исправляющій

должность Судебнаго Слѣдователя 1-го участка Карачевскаго уѣзда, округа Орловскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ **Святославскій** и Причисленный къ Министерству, Коллежскій Ассесоръ **Апостоловъ**—Товарищами Прокурора Окружныхъ Судовъ: первый—Орловскаго, а второй—Таганрогскаго.

Перемѣщаются: Уѣздные Члены Окружныхъ Судовъ: Казанскаго, по Ядринскому уѣзду, Статскій Совѣтникъ **Бѣдняковъ** и Сарапульскаго, по Елабужскому уѣзду, Надворный Совѣтникъ **Стемковскій**—одинъ на мѣсто другаго, согласно прошеніямъ; Мировой Судья Кубинскаго отдѣла, округа Бакинскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ **Пресницкій**—Мировымъ же Судьею Петровскаго отдѣла, округа того же Окружнаго Суда.

Увольняются *отъ должности*: Членъ Ревельскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ **Кашневъ**, согласно прошенію, по случаю перехода его на службу по вѣдомству Министерства Финансовъ, съ 19 января; Исправляющіе должность Судебнаго Слѣдователя округовъ Окружныхъ Судовъ: Саратовскаго, 1-го участка Новоузенскаго уѣзда, Статскій Совѣтникъ **Гойлевичъ**, Кіевскаго, 1-го участка Чигиринскаго уѣзда, Коллежскій Ассесоръ **Ботвиновскій**, Могилевскаго, 2-го участка Сѣнницкаго уѣзда, Титулярный совѣтникъ **Гусаревичъ** и Пермскаго, 4-го участка Осинскаго уѣзда, Губернскій Секретарь **Удинцевъ**, всѣ по случаю причисленія къ Министерству, изъ нихъ послѣдніе три согласно прошеніямъ.

Увольняются *отъ службы*: *согласно прошеніямъ*: Уѣздный Членъ Херсонскаго Окружнаго Суда, по Днѣпровскому уѣзду, Надворный Совѣтникъ **Куклинъ**; Члены Окружныхъ Судовъ: Кишиневскаго, Статскій Совѣтникъ **Никольскій** и Уфимскаго, Надворный Совѣтникъ **Захаровъ**, изъ нихъ Никольскій съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Согласно прошеніямъ, по болѣзни: Уѣздные Члены Окружныхъ Судовъ: Тверскаго, по Вышневолоцкому уѣзду, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Медвѣдевъ** и Кишиневскаго, по Аккерманскому уѣзду, Статскій Совѣтникъ **Бушманъ**, оба съ мундирами, занимаемой ими должности присвоенными.

Предоставляется Уволенному отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни, Участковому Мировому Судьѣ Минскаго округа, Статскому Совѣтнику **Короткевичу**—носить въ отставкѣ мундиръ, означенной должности присвоенный.

Умершій *исключается изъ списковъ* Членъ Кишиневскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ **Зеленевъ**.

По межевому управленію.

Умершій *исключается изъ списковъ* Старшій Землемѣръ Межевой Канцеляріи, Межевой Инженеръ, Статскій Совѣтникъ **Каменскій**.

№ 14, февраля 18-го дня 1897 года.

По Правительствующему Сенату.

Назначается: Помощникъ Варшавскаго Генералъ-Губернатора, Гофмейстеръ Высочайшаго Двора, Тайный Совѣтникъ **Петровъ**—къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ 12 февраля, съ оставленіемъ его Гофмейстеромъ.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Предсѣдатель Московскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Ивковъ**—Предсѣдателемъ Департамента Московской Судебной Палаты; Членъ Московской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Рангъ** и Прокуроръ Московскаго Окружнаго Суда, въ званіи Камергера Высочайшаго Двора, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Вуичъ**—Предсѣдателями Окружныхъ Судовъ: Рангъ—Нижегородскаго и Вуичъ—Тульскаго, съ оставленіемъ послѣдняго въ придворномъ званіи; Прокуроръ Каменецъ-Подольскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Навроцкій**—Товарищемъ Прокурора Кіевской Судебной Палаты; Товарищи Прокурора Окружныхъ Судовъ: Кіевскаго, Статскій Совѣтникъ **Звѣревъ** и С.-Петербургскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Поярковъ**—Прокурорами Окружныхъ Судовъ: первый—Луцкаго, а второй—Рижскаго; Мировой Судья Потійскаго отдѣла, округа Кутаисскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Мревловъ** и Товарищи Прокурора Окружныхъ Судовъ: Ковенскаго, Надворный Совѣтникъ **Павловичъ** и Кутаисскаго, Коллежскій Ассесоръ **Степановъ**—Членами Окружныхъ Судовъ: первый—Бакинскаго, второй—Ковенскаго и третій—Кутаисскаго; Начальникъ Кубанской области и Наказной Атаманъ Кубанскаго казачьяго войска, Генералъ-Лейтенантъ **Малама**, Начальникъ Терской области и Наказной Атаманъ Терскаго казачьяго войска, Генералъ-Лейтенантъ **Кахановъ** и Надворный Совѣтникъ **Хоменко**—Почетными Мировыми Судьями округовъ: Малама—Екатеринодарскаго и Майкопскаго, Кахановъ—Владикавказскаго и Хоменко—Екатеринодарскаго, всѣ на текущее, съ 1 января 1897 г., трехлѣтіе, изъ нихъ первые два съ оставленіемъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ.

Перемѣщаются: Предсѣдатель Тульскаго Окружнаго Суда

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Давыдовъ**—Предсѣдателемъ Московскаго Окружнаго Суда, согласно прошенію; Члены Судебныхъ Палатъ: Саратовской, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Устимовичъ** и Виленской, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Ястребовъ**—одинъ на мѣсто другаго, согласно прошеніямъ; Прокуроры Окружныхъ Судовъ: Нижегородскаго, Статскій Совѣтникъ **Макаровъ**, Луцкаго, Коллежскій Совѣтникъ **Прѣсняковъ** и Ярославскаго, Надворный Совѣтникъ **Хрулевъ**—Прокурорами же Окружныхъ Судовъ: первый—Московскаго, второй—Каменецъ-Подольскаго и третій—Нижегородскаго.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни:* Членъ Бакинскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Костенскій**, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

№ 16, отъ 21-го февраля 1897 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Мировой Судья 4-го участка Газенпотъ-Гробинскаго округа, Коллежскій Ассесоръ **Головинъ**, Товарищъ Предсѣдателя Тобольскаго Губернскаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Русановъ**, Товарищъ Прокурора Екатеринбургскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ **Погадаевъ**, Городской Судья г. Лебедина, Надворный Совѣтникъ **Гурскій**, Исправляющіе должность Судебнаго Слѣдователя округовъ Окружныхъ Судовъ: Уфимскаго, 2-го участка Уфимскаго уѣзда, Коллежскій Совѣтникъ **Лавровъ** и Либавскаго, по важнѣйшимъ дѣламъ и 1-го участка г. Либавы, Коллежскій Ассесоръ **Котовъ**, Совѣтникъ Тобольскаго Губернскаго Суда, Титулярный Совѣтникъ **Ремезовъ** и Секретарь Варшавской Судебной Палаты, Коллежскій Ассесоръ **Курнатовскій**—Членами Тобольскаго Окружнаго Суда, съ 1 іюля 1897 г.; Предсѣдатель Съѣзда Мировыхъ Судей и Участковый Мировой Судья Усть-Медвѣдицкаго округа, Губернскій Секретарь **Поповъ**, Участковый Мировой Судья Владиміръ-Волынскаго округа, Коллежскій Совѣтникъ **Шабліовскій**, Товарищи Предсѣдателя Губернскихъ Судовъ: Томскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Сальмоновичъ** и Енисейскаго, Надворный Совѣтникъ **Безсоновъ**, Причисленный къ Министерству, Коллежскій Ассесоръ фонъ-**Дитмаръ**, Товарищъ Прокурора Елисаветпольскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Александровскій** и Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 3-го участка Баталпашинскаго отдѣла, округа Екатеринодарскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ **Федоровъ**—Членами Томскаго Окружнаго Суда, съ 1 іюля 1897 г.; Участковый Мировой

Судья Свенцянскаго округа, Надворный Совѣтникъ **Гервагенъ**, Судебный Слѣдователь г. Сувалокъ, округа Сувалкскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ **Гузевичъ**, Городской Судья 1-го участка г. Козлова, Коллежскій Ассесоръ **Верещагинъ**, Совѣтники Губернскихъ Судовъ: Иркутскаго, Титулярный Совѣтникъ **Саранчевъ** и Енисейскаго, Коллежскій Секретарь **Пѣтухинъ-Кошелевъ** и Гминный Судья 5-го округа Маріампольскаго уѣзда **Бемъ**—Членами Красноярскаго Окружнаго Суда, съ 1 іюля 1897 г.; Мировой Судья г. Конина, II округа Калишской губерніи, Статскій Совѣтникъ **Пясецкій**, Товарищъ Прокурора Екатеринбургскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ **Водолагинъ**, Приморскій Окружный Судья, Кандидатъ юридическихъ наукъ баронъ **Мирбахъ**, Совѣтникъ Иркутскаго Губернскаго Суда, Надворный Совѣтникъ **Поповъ** и Младшій Помощникъ Оберъ-Секретаря Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената, Коллежскій Ассесоръ **Дулевичъ**—Членами Иркутскаго Окружнаго Суда, съ 1 іюля 1897 г.; Состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ, сверхъ комплекта, въ 5-мъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, исправляющій должность Якутскаго Областнаго Прокурора, Статскій Совѣтникъ **Макаровъ**, Якутскій Окружный Судья, Надворный Совѣтникъ **Ляпустинъ** и Совѣтникъ Тобольскаго Губернскаго Суда, Титулярный Совѣтникъ **Черепановъ**—Членами Якутскаго Окружнаго Суда, съ 1 іюля 1897 г.; Товарищъ Прокурора Нѣжинскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ **Созановскій**, Городской Судья 1-го участка г. Оргѣева, Титулярный Совѣтникъ **Малавскій**, Совѣтникъ Томскаго Губернскаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ **Бѣлоровскій**, Товарищъ Забайкальскаго Областнаго Прокурора, Коллежскій Совѣтникъ **Коссовскій** и Секретарь Воронежскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ **Поповъ**—Членами Читинскаго Окружнаго Суда, съ 1 іюля 1897 г.; Предсѣдатель Съѣзда Мировыхъ Судей и Участковый Мировой Судья Луцкаго округа, Коллежскій Совѣтникъ **Біянтовскій**, Товарищъ Прокурора Минскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ **Булгаровскій** и Городской Судья г. Николаевска, Титулярный Совѣтникъ **Добросъ**—Членами Благовѣщенскаго Окружнаго Суда, съ 1 іюля 1897 г.; Владивостокскій Прокуроръ, Коллежскій Совѣтникъ **Бушуевъ**, Товарищъ Прокурора Вологодскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Перелыгинъ** и Совѣтникъ Иркутскаго Губернскаго Суда, Надворный Совѣтникъ **Бобровъ**—Членами Владивостокскаго Окружнаго Суда, съ 1 іюля 1897 г.; Участковый Мировой Судья Каменецкаго округа, Статскій Совѣтникъ **Михневичъ**—Предсѣдателемъ Съѣзда Мировыхъ Судей того же округа на текущее, съ 1 апрѣля 1896 г., трехлѣ-

тіе; Предсѣдатель Съѣзда Мировыхъ Судей и Участковый Мировой Судья Каменецкагоокруга, Статскій Совѣтникъ **Хрѣновскій**—Участковымъ Мировымъ Судьею того же округа; Товарищъ Ферганскаго Областнаго Прокурора, Титулярный Совѣтникъ **Комаровъ**—Участковымъ Мировымъ Судьею Радомысльскаго округа; Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя по Томской губерніи, Коллежскій Секретарь **Брайнинъ**—Добавочнымъ Мировымъ Судьею по Архангельской губерніи; Директоръ народныхъ училищъ Ставропольской губерніи, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Красновъ**, отставной Генералъ-Маіоръ **Мачканинъ**, Статскіе Совѣтники **Тимошенко**, **Цареградскій** и **Архиповъ** и 2-ой гильдіи купецъ **Шевченко**—Почетными Мировыми Судьями округа Ставропольскаго окружнаго Суда на текущее, съ 1 Января 1897 г., трехлѣтіе, изъ нихъ первый съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности; Тайный Совѣтникъ **Смирновъ**, Дѣйствительные Статскіе Совѣтники **Синайло**, **Башкировъ** и **Богдановъ**, отставной Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Владиміръ **Ивановъ**, отставные: Генералъ-Лейтенантъ **Морозовъ**, Генералъ-Маіоръ **Циммерманъ** и Полковникъ **Кулебякинъ**, Статскіе Совѣтники **Щастливцевъ** и **Архиповъ**, Коллежскій Совѣтникъ **Бѣлопольскій**, Надворный Совѣтникъ **Померанцевъ**, Коллежскій Ассесоръ **Кербедзъ**, врачъ **Высоковъ**, баронъ **Штейнгель** и дворянинъ **Белзецкій**—Почетными Мировыми Судьями Владикавказскаго округа на текущее, съ 1 Января 1897 г., трехлѣтіе; Командиръ 2-ой батареи Терскаго казачьяго войска, Полковникъ **Суровецкій**, Окружной Врачъ Грозненскаго округа, Коллежскій Совѣтникъ **Крыштопенко**, Начальникъ 10-ой дистанціи Владикавказской желѣзной дороги, Инженеръ путей сообщенія, Титулярный Совѣтникъ **Лахтинъ**, Грозненскій Городовой Врачъ, Титулярный Совѣтникъ **Мартыневъ** и Городской Голова г. Кизляра, Коллежскій Регистраторъ **Серебряковъ**—Почетными Мировыми Судьями Кизлярскаго округа на текущее, съ 1 Января 1897 г., трехлѣтіе, всѣ съ оставленіемъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Состоящій по Кубанскому казачьему войску, Генералъ-Лейтенантъ **Перепеловскій**, Инспекторъ Кубанскаго Маріинскаго женскаго училища, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Зарѣцкій**, отставные: Генералъ-Лейтенантъ **Рубашевскій** и Генералъ-Маіоръ **Бабалыковъ**, Екатеринодарскій Городской Голова, Коллежскій Секретарь **Климовъ** и дворянинъ **Канивецкій**—Почетными Мировыми Судьями Екатеринодарскаго округа на текущее, съ 1 Января 1897 г., трехлѣтіе, изъ нихъ Перепеловскій съ оставленіемъ состоящимъ по означенному войску, а Зарѣцкій и Климовъ—въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Начальникъ Кадра Кавказскаго кавалерійскаго запаса,

Генералъ Маіоръ баронъ **Цеге-фонъ-Мантейфель**, Инспекторъ народныхъ училищъ Кубанской области, Статскій Совѣтникъ **Шкиль**, Лабинскій Уѣздный Воинскій Начальникъ, Подполковникъ **Германъ**, Учитель Баталпашинскаго двухкласснаго училища, Коллежскій Ассесоръ **Громовъ**, Смотритель Армавирскаго двухкласснаго училища, Титулярный Совѣтникъ **Уманцевъ**, Есаулъ Кубанскаго казачьяго войска **Михалевъ**, Кандидатъ сельскаго хозяйства **Колобовъ**, Лекарь **Кудрявцевъ** и Провизоръ Марцелій **Конечный**—Почетными Мировыми Судьями Армавирскаго округа на текущее, съ 1 Января 1897 г., трехлѣтіе, изъ нихъ первые шесть съ оставленіемъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Начальникъ работъ Черноморскаго отдѣленія Кавказскаго округа путей сообщенія, Инженеръ путей сообщенія, Статскій Совѣтникъ **Алхазовъ**, Командиръ 3-ей Кубанской казачьей батареи, Войсковой Старшина **Мищенко**, Старшій Врачъ Майкопскаго отдѣла, Коллежскій Совѣтникъ **Сагайдачный**, Титулярный Совѣтникъ **Игнатьевъ**, Провизоръ Иванъ **Конечный** и потомственный почетный гражданинъ **Шапошниковъ**—Почетными Мировыми Судьями Майкопскаго округа на текущее, съ 1 Января 1897 г., трехлѣтіе, изъ нихъ первые три съ оставленіемъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Директоръ Ейскаго реальнаго училища, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Чечелевъ**, Учитель Ейской женской гимназіи, Надворный Совѣтникъ **Россето**, Ейскій Городской Голова **Болговъ**, Лекарь **Зенкевичъ** и Ейскій купецъ **Рыбкинъ**—Почетными Мировыми Судьями Ейскаго округа на текущее, съ 1 Января 1897 г., трехлѣтіе, изъ нихъ первые три съ оставленіемъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Исправляющіе должность Судебнаго Слѣдователя округовъ Окружныхъ Судовъ: Орловскаго, 2-го участка Сѣвскаго уѣзда, Коллежскій Ассесоръ **Дрожутовичъ**, Вятскаго, 3-го участка Глазовскаго уѣзда, Коллежскій Ассесоръ **Шипуновъ** и Могилевскаго, 2-го участка Рогачевскаго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ **Жариковъ-Красовскій**, Причисленные къ Министерству: Титулярные Совѣтники **Арнольдовъ** и **Вольфъ** и Коллежскій Секретарь **Гружевскій** и Товарищи Тобольскаго Губернскаго Прокурора: Коллежскій Ассесоръ **Аглицкій**, Титулярные Совѣтники **Полуботко** и **Лейцингеръ**, Коллежскій Секретарь **Омельченко** и Губернскій Секретарь **Вислоухъ**—Товарищами Прокурора Тобольскаго Окружнаго Суда, съ 1 Іюля 1897 г.; Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя Старицкаго уѣзда, округа Тверскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ **Никольскій**, Приморскій Областной Прокуроръ, Коллежскій Ассесоръ **Лерхе**, Товарищи Томскаго Губернскаго Прокурора: Коллежскій Ассесоръ **Лалетинъ** и Титулярные Совѣтники **Троицкій**, **Дочевскій**, **Стемпов-**

скій и Громовъ и Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, Титулярный Совѣтникъ **Нандельштедтъ**—Товарищами Прокурора Томскаго Окружнаго Суда, съ 1 іюля 1897 г.; Младшій Помощникъ Оберъ-Секретаря Общаго Собранія и Соединеннаго Присутствія 1-го и Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, Коллежскій Ассесоръ **Пономаревъ**, Причисленный къ Министерству, Титулярный Совѣтникъ **Дугановъ**, Товарищъ Забайкальскаго Областнаго Прокурора, Коллежскій Ассесоръ баронъ **Будбергъ** и Товарищи Енисейскаго Губернскаго Прокурора: Коллежскій Ассесоръ **Никитинъ**, Титулярный Совѣтникъ **Троицкій** и Коллежскіе Секретари **Лукашевичъ** и **Іевреиновъ**—Товарищами Прокурора Красноярскаго Окружнаго Суда, съ 1 іюля 1897 г.; Товарищи Губернскаго Прокурора: Томскаго, Титулярный Совѣтникъ **Семеновъ**, Иркутскаго: Титулярные Совѣтники **Тунгусовъ** и **Нилендеръ** и Коллежскій Секретарь **Руденко** и Енисейскаго, Коллежскій Секретарь **Пестриковъ**, Секретарь при Прокурорѣ Иркутской Судебной Палаты, Коллежскій Секретарь **Кашкинъ** и Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Московской Судебной Палатѣ, Титулярный Совѣтникъ **Галиновскій**—Товарищами Прокурора Иркутскаго Окружнаго Суда, съ 1 іюля 1897 г.; Товарищъ Якутскаго Областнаго Прокурора, Коллежскій Секретарь **Бѣлорусовъ** и Помощникъ Секретаря Харьковской Судебной Палаты, Губернскій Секретарь **Смирновъ**—Товарищами Прокурора Якутскаго Окружнаго Суда, съ 1 іюля 1897 г.; Товарищъ Забайкальскаго Областнаго Прокурора, Титулярный Совѣтникъ **Осининъ**, Товарищъ Томскаго Губернскаго Прокурора, Коллежскій Секретарь **Далингеръ**, Причисленный къ Министерству, Губернскій Секретарь **Россинскій** и Старшіе Кандидаты на должности по судебному вѣдомству при Окружныхъ Судахъ: Воронежскомъ, Коллежскій Секретарь **Василевскій** и Нижегородскомъ, Губернскій Секретарь **Молоствовъ**—Товарищами Прокурора Читинскаго Окружнаго Суда, съ 1 іюля 1897 г.; Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 2-го участка Льговскаго уѣзда, округа Курскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Азаровъ**, Товарищъ Амурскаго Областнаго Прокурора, Коллежскій Ассесоръ **Кокошкинъ** и Товарищъ Иркутскаго Губернскаго Прокурора, Губернскій Секретарь **Шульцъ**—Товарищами Прокурора Благовѣщенскаго Окружнаго Суда, съ 1 іюля 1897 г.; Товарищъ Томскаго Губернскаго Прокурора, Титулярный Совѣтникъ **Подпаловъ**, Товарищи Приморскаго Областнаго Прокурора: Титулярный Совѣтникъ **Фуфаевскій** и Кандидатъ юридическихъ наукъ **фонъ-Бунге**, Товарищъ Владивостокскаго Прокурора, Коллежскій Регистраторъ **Муравьевъ** и Секретарь при Прокурорѣ Витебскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Секретарь **Кореневъ**—Товарищами Прокурора Владивостокскаго Окружнаго Суда, съ 1 іюля 1897 г.; Младшій Дѣлопроизводитель Перваго Департамента Министерства, Титулярный Совѣтникъ **Оедоровъ**, Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 1-го участка Бендерскаго уѣзда, округа Кишиневскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Секретарь **Нейманъ** и Причисленный къ Министерству, Коллежскій Секретарь **Кегель**—Товарищами Прокурора Окружныхъ судовъ: первый—Тульскаго, второй—Херсонскаго и третій—Пермскаго; Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 1-го участка Золотоношскаго уѣзда, округа Лубенскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Секретарь **Дикій** и Секретарь Елисаветградскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Пашковскій**—Городскими Судьями: первый—г. Пирятина, а второй—г. Новогеоргіевска.

П е р е м ѣ щ а ю т с я: Члены Окружныхъ Судовъ: Курскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Вельсовскій** и Елисаветградскаго, Надворный Совѣтникъ **Джалаловъ** Членами же Окружныхъ Судовъ: первый—Иркутскаго, а второй—Владивостокскаго, оба согласно прошеніямъ, съ 1 іюля 1897 г.; Участковые Мировые Судьи округовъ: Бердичевскаго, Статскій Совѣтникъ **Понафидинъ** и Кіевскаго, Статскій Совѣтникъ баронъ **Бухгольцъ**—одинъ на мѣсто другаго; Товарищи Прокурора Окружныхъ Судовъ: Уфимскаго, Коллежскій Ассесоръ **Шаланинъ** и Екатеринбургскаго, Коллежскій Ассесоръ **Бафрали**—Товарищами Прокурора Окружныхъ Судовъ: первый—Смоленскаго, а второй—Томскаго, изъ нихъ послѣдній съ 1 іюля 1897 г.

У в о л ь н я ю т с я *отъ должности, согласно прошеніямъ*: Исправляющіе должность Судебнаго Слѣдователя округовъ Окружныхъ Судовъ: Симферопольскаго: по г. Симферополю, Надворный Совѣтникъ **Завадовскій**, 2-го участка Мелитопольскаго уѣзда, Коллежскій Ассесоръ **Валицкій** и 3-го участка того же уѣзда, Титулярный Совѣтникъ **Зборовскій**, Тульскаго, 1-го участка Ефремовскаго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ **Косяковъ** и Могилевскаго, 2-го участка Оршанскаго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ **Монтлевичъ**, всѣ пять по случаю причисленія къ Министерству.

У м е р ш і й *исключается изъ списковъ* Участковый Мировой Судья Виленскаго округа, Титулярный Совѣтникъ **Шереметъ**.

ПРИКАЗЫ

ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ.

№ 6, отъ 27-го января 1897 года.

Причисляются *къ Министерству*: Помощникъ Секретаря Тифлисской Судебной Палаты, Титулярный Совѣтникъ **Мираковъ**—съ откомандированіемъ къ исправленію должности Судебнаго Слѣдователя 3 участка Новогригорьевскаго уѣзда, округа Ставропольскаго Окружнаго Суда;

Согласно прошенію: Помощникъ Оберъ-Секретаря 1 Департамента Правительствующаго Сената, Надворный Совѣтникъ **Субаши**—съ увольненіемъ отъ занимаемой должности.

Назначается: Помощникъ Дѣлопроизводителя X класса 1 Департамента Министерства Юстиціи, Коллежскій Секретарь **Буровъ**—Помощникомъ Дѣлопроизводителя IX класса того же Департамента Министерства, съ 16 января 1897 года.

Увольняется *въ отпускъ за границу*: Состоящій при Министерствѣ Юстиціи, Губернскій Секретарь **Шлейферъ**—съ 28 января 1897 года на четыре мѣсяца.

Увольняется *отъ должности*: Состоящій при Министерствѣ Юстиціи, командированный къ исправленію должности Судебнаго Слѣдователя Яновскаго уѣзда, округа Люблинскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ **Гутманъ**, по случаю назначенія Старшимъ Штатнымъ Контролеромъ винокуренныхъ заводовъ 3 округа, съ 1 января 1897 года.

Увольняются *отъ службы, согласно прошеніямъ*: Состоящіе при Министерствѣ Юстиціи: Титулярный Совѣтникъ **Гловацкій** и командированный къ исправленію должности Судебнаго Слѣдователя

1 участка Гайсинскаго уѣзда, округа Каменецъ-Подольскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Секретарь **Никитинъ**.

По Правительствующему Сенату: Увольняется *въ отпускъ за границу*: Оберъ Секретарь 2 Департамента Правительствующаго Сената **Нератовъ**—на десять дней.

Умершій *исключается изъ списковъ*: Канцелярскій Чиновникъ 3 Департамента Правительствующаго Сената, Коллежскій Секретарь **Громовъ**, съ 31 декабря 1896 года.

По Губернскимъ Учрежденіямъ: Опредѣляется *въ службу*: Отставной Коллежскій Секретарь **Соколовскій**—Помощникомъ Мироваго Судьи Кубинскаго отдѣла, округа Бакинскаго Окружнаго Суда, Завѣдывающимъ Кубинскимъ Городскимъ слѣдственнымъ участкомъ.

Назначается: Судебный Слѣдователь 3 участка Нижнеудинско-Балаганскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Секретарь **Фроловъ**—Товарищемъ Иркутскаго Губернскаго Прокурора.

Переводятся: Помощники Мировыхъ Судей: Кубинскаго Отдѣла, округа Бакинскаго Окружнаго Суда, Завѣдывающій Кубинскимъ Городскимъ слѣдственнымъ участкомъ, Титулярный Совѣтникъ **Симонъ** и Озургетскаго Отдѣла, округа Кутаисскаго Окружнаго Суда, Завѣдывающій Чахатаурскимъ слѣдственнымъ участкомъ, Титулярный Совѣтникъ **Вишневскій**—Помощниками Мировыхъ Судей: первый—Бакинскаго Отдѣла, Завѣдывающимъ 3 слѣдственнымъ участкомъ города Баку, а послѣдній—Бакинскаго Отдѣла, Завѣдывающимъ 2 Бакинскимъ Городскимъ мировымъ участкомъ.

Утверждаются *по выборамъ*: **Янъ Цѣплинскій**—Гминнымъ Судьей III округа Бендинскаго уѣзда, Петроковской губерніи;

Членами Варшавскаго Коммерческаго Суда: Купцы: Станиславъ **Выджга** и Казиміръ **Гордличка** и *Заступающимъ мѣсто Члена того же Суда*: Ѳеофилъ **Марыновскій**, всѣ трое—на два года.

Увольняются *въ отпускъ*: Почетный Мировой Судья Рижско-Вольмарскаго округа, Баронъ Родерихъ **Фрейтагъ-фонъ-Лорингхофенъ**—на три мѣсяца, Участковый Мировой Судья города Варшавы **Бухъ**—съ 3 февраля на одинъ мѣсяцъ, Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству **Искрицкій**—на шесть недѣль, Гминный Судья 4 округа Венгровскаго уѣзда, 1 округа Сѣдлецкой губерніи **Павловскій**—съ 25 января 1897 года на два мѣсяца, всѣ—за границу.

Продолжаются *сроки отпусковъ внутри Имперіи*: Товарищу Тобольскаго Губернскаго Прокурора **Герасимову**—съ 15 января на два

мѣсяца и Судебному Слѣдователю по Томской губерніи **Коляго**—съ 22 января 1897 года на два мѣсяца.

Увольняется *отъ должности, согласно прошенію*: Гминный Судья 4 округа Петроковскаго уѣзда **Хавловскій**, съ 14 января 1897 г.

№ 7, отъ 28-го января 1897 года.

Причисляются *къ Министерству*: Уволенные Высочайшимъ приказомъ по Гражданскому вѣдомству отъ 17 января сего года за № 5 отъ должности, согласно прошеніямъ: исправляющіе должность Судебнаго Слѣдователя округовъ Окружныхъ Судовъ: Каменецъ-Подольскаго, 2 участка Брацлавскаго уѣзда, Коллежскій Совѣтникъ **Доброгаевъ**, Тверскаго, 1 участка Новоторжскаго уѣзда, Коллежскій Ассесоръ **Лисицынъ** и Ковенскаго, 4 участка Тельшевскаго уѣзда, Коллежскій Секретарь **Родзяновскій**, съ откомандированіемъ: Лисицынъ—къ исправленію должности Старшаго Нотаріуса Тверскаго Окружнаго Суда, Доброгаевъ и Родзяновскій—къ исправленію должности Судебнаго Слѣдователя: первый—3 участка Брацлавскаго уѣзда, округа Каменецъ-Подольскаго Окружнаго Суда, а послѣдній—1 участка Вилькомирскаго уѣзда, округа Ковенскаго Окружнаго Суда, всѣ—съ 17 января 1897 года;

Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя Яренскаго уѣзда, Вологодской губерніи, Коллежскій Ассесоръ **Ивановъ**, Секретари Окружныхъ Судовъ: Тверскаго, Коллежскій Ассесоръ **Олышевъ** и Уфимскаго, Коллежскій Секретарь **Фонъ-Зигернъ-Корнъ**, Старшіе Кандидаты на должности по судебному вѣдомству при Окружныхъ Судахъ: Митавскомъ Титулярный Совѣтникъ **Орловскій**, Каменецъ-Подольскомъ, Губернскій Секретарь **Добролюбовъ**, Ковенскомъ, Губернскій Секретарь **Подкладовъ** и Луцкомъ, Губернскій Секретарь **Костецкій**, съ откомандированіемъ къ исправленію должности Судебнаго Слѣдователя: Ивановъ—1 участка Мологскаго уѣзда, округа Ярославскаго Окружнаго Суда, Олышевъ—1 участка Новоторжскаго уѣзда, округа Тверскаго Окружнаго Суда, Фонъ-Зигернъ-Корнъ—3 участка Златоустовскаго уѣзда, округа Уфимскаго Окружнаго Суда, Орловскій—Демянскаго уѣзда, округа Новгородскаго Окружнаго Суда, Добролюбовъ—2 участка Брацлавскаго уѣзда, округа Каменецъ-Подольскаго Окружнаго Суда, Подкладовъ—4 участка Тельшевскаго уѣзда, округа Ковенскаго Окружнаго Суда, Костецкій—2 участка Ковельскаго уѣзда, округа Луцкаго Окружнаго Суда.

Увольняется *въ отпускъ*: Состоящій при Министерствѣ Юстиціи **Собѣщанскій**—на 4 мѣсяца за границу.

Умершій *исключается изъ списковъ*: Состоявшій при Министерствѣ Юстиціи, занимавшій должность Директора С.-Петербургской Земледѣльческой Колоніи Титулярный Совѣтникъ **Зарубинъ**, съ 13 января 1897 года.

По Правительствующему Сенату: Назначаются: Младшій Помощникъ Оберъ-Секретаря 5 Департамента Правительствующаго Сената, Коллежскій Ассесоръ **Бируковъ**, Экзекуторъ того же Департамента Сената, Титулярный Совѣтникъ **Плаксинъ** и состоящій при Министерствѣ Юстиціи, командированный для занятій въ Канцелярію 5 Департамента Правительствующаго Сената, Коллежскій Секретарь **Галковскій**: первый—Старшимъ, второй—Младшимъ Помощниками Оберъ-Секретаря 5 Департамента Правительствующаго Сената, а послѣдній—Экзекуторомъ того же Департамента Сената, всѣ трое—съ 1 января 1897 года.

По Московскому Архиву Министерства Юстиціи: Увольняются *въ отпускъ*: Помощникъ Секретаря при Управляющемъ Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи **Бѣляевъ**—на одинъ мѣсяцъ и Младшій Помощникъ Редактора **Сторожевъ**—по 21 февраля, оба—внутри Имперіи.

По Губернскимъ Учрежденіямъ: Продолжается *срокъ отпуска за границу*: Секретарю Ипотечнаго Отдѣленія Съѣзда Мировыхъ Судей I округа Петроковской губерніи **Бржескому**—по 20 февраля 1897 года.

№ 8, отъ 31-го января 1897 года.

Причисляются *къ Министерству*: Уволенные Высочайшимъ приказомъ по Гражданскому вѣдомству отъ 24 января 1897 г. за № 7, отъ должности, согласно прошеніямъ: исправляющіе должность Судебнаго Слѣдователя округовъ Окружныхъ Судовъ: Херсонскаго, 2 участка Херсонскаго уѣзда, Надворный Совѣтникъ **Палаузовъ**, Виленскаго, 3 участка Лидскаго уѣзда, Коллежскій Ассесоръ **Арцишевскій**, Екатеринодарскаго, 2 участка Ейскаго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ **Ярошевскій** и Сѣдлецкаго, Венгровскаго уѣзда, Коллежскій Секретарь **Гавриловъ**, изъ нихъ съ откомандированіемъ къ исправленію должности Судебнаго Слѣдователя: Палаузовъ—1 участка города Николаева, округа Херсонскаго Окружнаго Суда, Ярошевскій—по важнѣйшимъ дѣламъ округа Екатеринодарскаго Окружнаго Суда, Гавриловъ—2 участка Тихвинскаго уѣзда, округа Новгородскаго Окружнаго Суда, всѣ—съ 24 января 1897 года;

Секретарь при Прокурорѣ Псковскаго Окружнаго Суда, Титуляр-

ный Совѣтникъ **Раухъ**, Старшіе Кандидаты на должности по судебному вѣдомству при Окружныхъ Судахъ: Херсонскомъ, Титулярный Совѣтникъ **Кузьменко** и Кѣлецкомъ, Титулярный Совѣтникъ **Булычевъ**, съ откомандированіемъ къ исправленію должности Судебнаго Слѣдователя: первый—Вентровскаго уѣзда, округа Сѣдлецкаго Окружнаго Суда, второй—3 участка Херсонскаго уѣзда, округа Херсонскаго Окружнаго Суда, Булычевъ—Андреевскаго уѣзда, округа Кѣлецкаго Окружнаго Суда;

Согласно прошенію: Журналистъ Юрисконсультской Части Перваго Департамента Министерства Юстиціи, Надворный Совѣтникъ **Егоровъ**, съ увольненіемъ отъ занимаемой должности, съ 1 января 1897 года.

Командируется: Состоящій при Министерствѣ Юстиціи, командированный къ исправленію должности Судебнаго Слѣдователя 3 участка Херсонскаго уѣзда, округа Херсонскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ **Гайдученко**—во 2 участокъ Херсонскаго уѣзда, округа того же Суда, съ 24 января 1897 года.

По Правительствующему Сенату: Увольняется *въ отпускъ*: Помощникъ Оберъ-Секретаря 1 Департамента Правительствующаго Сената, Надворный Совѣтникъ **Набоковъ**—съ 28 января на двадцать восемь дней—за границу.

По Губернскимъ Учрежденіямъ: Назначается: Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Бакинскомъ Окружномъ Судѣ, Губернскій Секретарь **Кочаровскій**—Помощникомъ Мироваго Судьи Тіонетскаго Отдѣла, округа Тифлисскаго Окружнаго Суда.

Переводятся: Помощники Мировыхъ Судей: Тіонетскаго Отдѣла, округа Тифлисскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ **Володковичъ**, Зугдидскаго Отдѣла, округа Кутаисскаго Окружнаго Суда, Завѣдывающій Цаленджихскимъ слѣдственнымъ участкомъ **Татіевъ** и Шаропанскаго Отдѣла, округа Кутаисскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Струменскій**—Помощниками Мировыхъ Судей: первый—Ахалцихскаго Отдѣла, округа Тифлисскаго Окружнаго Суда, второй—Сенакскаго Отдѣла, округа Кутаисскаго Окружнаго Суда Завѣдывающимъ Наогалевскимъ мировымъ участкомъ, а послѣдній—Зугдидскаго Отдѣла, округа Кутаисскаго Окружнаго Суда, Завѣдывающимъ Цаленджихскимъ слѣдственнымъ участкомъ.

Увольняется *въ отпускъ за границу*: Нотаріусъ города С.-Петербурга, Коллежскій Ассесоръ Баронъ **Раушъ-фонъ-Траубенбергъ**—на двадцать одинъ день.

№ 9, отъ 31-го января 1897 года.

Отзывается, *согласно прошенію*: Состоящій при Министерствѣ Юстиціи, командированный къ исправленію должности Судебнаго Слѣдователя 3 участка Феллинскаго уѣзда, округа Рижскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Секретарь **Благовѣщенскій**—изъ означенной командировки, съ откомандированіемъ для занятій во 2 Уголовное Отдѣленіе 1 Департамента Министерства Юстиціи.

По Губернскимъ Учрежденіямъ: Назначается: Помощникъ Мироваго Судьи Акмолинскаго уѣзда, Коллежскій Секретарь **Петровъ**—Товарищемъ Акмолинскаго Областнаго Прокурора.

Увольняются *въ отпускъ*: Товарищъ Прокурора Казанской Судебной Палаты **Демчинскій**—на одинъ мѣсяцъ, Членъ Виленскаго Окружнаго Суда **Альбрехтъ**—на два мѣсяца, Почетный Мировой Судья Ревельско-Гапсальскаго округа **фонъ-Штральборнъ**—съ 15 апрѣля на два мѣсяца, Участковый Мировой Судья города Одессы **Раковскій**—съ 15 февраля 1897 г. на одинъ мѣсяцъ, изъ нихъ: Демчинскій—внутри Имперіи, остальные—за границу.

№ 10, отъ 5-го февраля 1897 года.

Опредѣляется *въ службу*: Окончившій курсъ Юридическихъ наукъ въ Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ, съ дипломомъ второй степени **Языковъ**—въ вѣдомство Министерства Юстиціи, съ причисленіемъ къ сему Министерству и съ откомандированіемъ для занятій въ Канцелярію Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената.

Причисляются *къ Министерству*: Оставшійся за штатомъ, исправлявшій должность Судебнаго Слѣдователя 3 участка Екатеринодарскаго Отдѣла, округа Екатеринодарскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Солнцевъ** и Помощникъ Дѣлопроизводителя IX класса Временной Канцеляріи при Министерствѣ Юстиціи, по производству особыхъ уголовныхъ дѣлъ, Губернскій Секретарь **Медвѣдевъ**—съ откомандированіемъ къ исправленію должности Судебнаго Слѣдователя: первый—2 участка Устюжнскаго уѣзда, округа Череповецкаго Окружнаго Суда, а послѣдній—1 участка Каменецкаго уѣзда, округа Каменецъ-Подольскаго Окружнаго Суда.

По Правительствующему Сенату: Увольняется *въ отпускъ*: Оберъ-Прокуроръ 1 Департамента Правительствующаго Сената, Шталмейстеръ Высочайшаго Двора Князь **Оболенскій**—на двадцать восемь дней—внутри Имперіи.

По Губернскимъ Учрежденіямъ: Увольняется

въ отпускъ внутри Имперіи: и. д. Судебнаго Слѣдователя Холмскаго уѣзда, округа Великолуцкаго Окружнаго Суда, **Мартесонъ**—на два мѣсяца.

Продолжается *срокъ отпуска внутри Имперіи*: Амурскому Областному Прокурору **Курочкину**—по 1 іюля 1897 года.

№ 11, отъ 8-го февраля 1897 года.

Причисляются *къ Министерству*: Секретарь Витебскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Бергнеръ**—съ откомандированіемъ къ исправленію должности Старшаго Нотаріуса Витебскаго Окружнаго Суда;

Согласно прошенію: Секретарь Варшавской Судебной Палаты, Коллежскій Ассесоръ **Бояновскій**, съ увольненіемъ отъ занимаемой должности.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію*: Состоящій при Министерствѣ Юстиціи, командированный къ исполненію обязанностей Архитектора зданія Московскихъ Судебныхъ Установленій, Коллежскій Регистраторъ **Боринъ**.

По Московскому Архиву Министерства Юстиціи: Увольняется *отъ службы, согласно прошенію*: Младшій Помощникъ Редактора описей и изданій Московскаго Архива Министерства Юстиціи, Коллежскій Ассесоръ **Сторожевъ**, съ 31 января 1897 года.

По Губернскимъ Учрежденіямъ: Увольняется *въ отпускъ внутри Имперіи*: Участковый Мировой Судья Свенцянскаго округа **Бобынинъ**—съ 22 марта 1897 г. на два мѣсяца.

Продолжается *срокъ разрѣшеннаго трехмѣсячнаго отпуска внутри Имперіи*: Тарскому Окружному Судьѣ **Зарембину**—еще на двадцать восемь дней.

По Главному Тюремному Управленію: Увольняется *въ отпускъ внутри Имперіи*: Членъ Высочайше учрежденнаго Николаевскаго Комитета для разбора и призрѣнія нищихъ въ С.-Петербургѣ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Языковъ**—на одинъ мѣсяцъ.

№ 12, отъ 18-го февраля 1897 года.

Причисляются *къ Министерству*: Старшіе Кандидаты на должности по судебному вѣдомству при Окружныхъ Судахъ: Сѣдлецкомъ, Титулярный Совѣтникъ **Павловичъ**, Каменецъ-Подольскомъ, Губернскій Секретарь **Водопьяновъ**, Одесскомъ, Губернскій Секретарь

Моисеенко, съ откомандированіемъ къ исправленію должности Судебнаго Слѣдователя: Павловичъ—Константиновскаго уѣзда, округа Сѣдлецкаго Окружнаго Суда, Водопьяновъ—4 участка Каменецкаго уѣзда, и Моисеенко—1 участка Гайсинскаго уѣзда, округа Каменецъ-Подольскаго Окружнаго Суда.

Командируются: Состоящіе при Министерствѣ Юстиціи, командированные къ исправленію должности Судебнаго Слѣдователя: 4 участка Каменецкаго уѣзда, округа Каменецъ-Подольскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ **Загорскій**, округа Екатеринодарскаго Окружнаго Суда, Губернскіе Секретари **Зубковскій** и **Камбани**, 2 участка Лабинскаго Отдѣла, округа того же Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ **Турбовичъ**, первый—2 участка Ушицкаго уѣзда, округа Каменецъ-Подольскаго Окружнаго Суда, второй—2 участка Лабинскаго Отдѣла, третій—2 участка Ейскаго Отдѣла и послѣдній—во вновь образованный 2 участокъ города Екатеринодара.

Назначается: Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, Коллежскій Секретарь **Шмининъ**—Помощникомъ Мироваго Судьи Шаропанскаго Отдѣла, округа Кутаисскаго Окружнаго Суда.

Распредѣляются *по участкамъ*: Состоящіе при Министерствѣ Юстиціи, командированные къ исправленію должности Судебнаго Слѣдователя округа Екатеринодарскаго Окружнаго Суда: Титулярный Совѣтникъ **Глинка**—3 участка, Губернскій Секретарь **Наша-Бекъ-Султановъ**—4 участка Темрюкскаго Отдѣла, Коллежскій Секретарь **Зиссерманъ**—4 участка Лабинскаго Отдѣла, Коллежскій Секретарь **Орахелашвили**—3 участка, Губернскій Секретарь **Гаерскій**—4 участка Майкопскаго Отдѣла, Титулярный Совѣтникъ **Трояновскій**—3 участка Ейскаго Отдѣла.

Переименовываются: Состоящіе при Министерствѣ Юстиціи, командированные къ исправленію должности Судебнаго Слѣдователя округа Екатеринодарскаго Окружнаго Суда: города Екатеринодара, Надворный Совѣтникъ **Алексѣевъ**—1 участка города Екатеринодара, 4 участка Кавказскаго Отдѣла, Коллежскій Секретарь **Короленко**—Романовскаго Желѣзнодорожнаго участка и 5 участка Кавказскаго Отдѣла, Титулярный Совѣтникъ **Теръ-Оганьянцъ-Поповъ**—4 участка того же Отдѣла.

Приглашается *въ Оршанское, Могилевской губерніи, Уѣздное по Крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе*: Почетный Мировой Судья Оршанскаго округа, Титулярный Совѣтникъ **Дережинскій**—на трехлѣтіе 1896—1899 года.

Увольняются *въ отпускъ*: Почетный Мировой Судья города Одессы Графъ **Толстой**—на два мѣсяца, Нотаріусъ города Бахмута, округа Изюмскаго Окружнаго Суда, **Шабашевъ**—съ 17 февраля по 11 мая, Младшіе Кандидаты на должности по судебному вѣдомству: при Московской Судебной Палатѣ, **Алексѣевъ**—на 4 мѣсяца и Калужскомъ Окружномъ Судѣ, **Тетеревенковъ**—съ 5 февраля 1897 г. на три мѣсяца, всѣ—за границу.

Умершій *исключается изъ списковъ*: Состоящій при Министерствѣ Юстиціи, командированный къ исправленію должности Судебнаго Слѣдователя 1 участка Пошехонскаго уѣзда, округа Ярославскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ **Невскій**.

№ 13, отъ 20-го февраля 1897 года.

Причисляются *къ Министерству*: Уволенный Высочайшимъ приказомъ по Гражданскому вѣдомству отъ 14 февраля сего года за № 13 отъ должности: исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 1 участка Новоузенскаго уѣзда, округа Саратовскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Гойлевичъ** и уволенные тѣмъ же Высочайшимъ приказомъ отъ должностей, согласно прошеніямъ: исправляющіе должность Судебнаго Слѣдователя округовъ Окружныхъ Судовъ: Кіевскаго, 1 участка Чигиринскаго уѣзда, Коллежскій Ассесоръ **Ботвиновскій**, Могилевскаго, 2 участка Сѣнницкаго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ **Гусаревичъ** и Пермскаго, 4 участка Осинскаго уѣзда, Губернскій Секретарь **Удинцевъ**, изъ нихъ: съ откомандированіемъ къ исправленію должности Судебнаго Слѣдователя: Ботвиновскій—2 участка Бердичевскаго уѣзда, округа Кіевскаго Окружнаго Суда, Гусаревичъ—2 участка Могилевскаго уѣзда, округа Могилевскаго Окружнаго Суда, Удинцевъ—5 участка Осинскаго уѣзда, округа Пермскаго Окружнаго Суда, всѣ—съ 14 февраля 1897 года;

Помощникъ Мироваго Судьи Карсскаго Мироваго Отдѣла, Титулярный Совѣтникъ **Лѣсковъ**, Секретарь Могилевскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ **Кутневичъ**, исправляющій должность Секретаря Ярославскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Секретарь **Меценатовъ**, Помощникъ Секретаря при Прокурорѣ Казанской Судебной Палаты, Губернскій Секретарь **Сушковъ** и Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Кіевскомъ Окружномъ Судѣ, Губернскій Секретарь **Черняховскій**, съ откомандированіемъ къ исправленію должности Судебнаго Слѣдователя: Лѣсковъ—округа Эриванскаго Окружнаго Суда, Кутневичъ—2 участка Сѣнницкаго уѣзда, округа Могилевскаго Окружнаго Суда, Меценатовъ—1 участка Пошехонскаго

уѣзда, округа Ярославскаго Окружнаго Суда, Сушковъ—1 участка Соликамскаго уѣзда, округа Пермскаго Окружнаго Суда, Черняховскій—1 участка Чигиринскаго уѣзда, округа Кіевскаго Окружнаго Суда.

Командируется: Состоящій при Министерствѣ Юстиціи, командированный къ исправленію должности Судебнаго Слѣдователя 1 участка Соликамскаго уѣзда, округа Пермскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Секретарь **Муромцевъ**—въ 4 участокъ Осинскаго уѣзда округа того же Окружнаго Суда, съ 14 февраля 1897 года.

По Московскому Архиву Министерства Юстиціи: Опредѣляется *въ службу*: Окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, съ дипломомъ 1 степени, **Стратонитскій**—съ назначеніемъ Младшимъ Помощникомъ Редактора описей и изданій Московскаго Архива Министерства Юстиціи, съ 1 февраля 1897 года.

По Губернскимъ Учрежденіямъ: Назначается: Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Бакинскомъ Окружномъ Судѣ, Титулярный Совѣтникъ **Кахидзе**—Помощникомъ Мироваго Судьи Джеватскаго Отдѣла, округа Бакинскаго Окружнаго Суда, завѣдывающимъ бывшимъ Калагаинскимъ, нынѣ Петропавловскимъ слѣдственно-мировымъ участкомъ.

Увольняются *въ отпускъ*: Почетные Мировые Судьи: Юрьево-Верроскаго округа **Фонъ-Цуръ-Мюленъ**—съ 15 марта на три мѣсяца, Везенбергъ-Вейсенштейнскаго округа, Баронъ **Жираръ-де Сукантонъ**—съ 15 февраля на три мѣсяца, Самаркандскій Областной Прокуроръ **Сущевскій**—съ 1 мая 1897 г. на четыре мѣсяца; первые двое—за границу, а послѣдній—внутри Имперіи.

Умершій *исключается изъ списковъ*: Состоявшій при Министерствѣ Юстиціи, командированный къ исправленію должности Судебнаго Слѣдователя 3 участка города Минска, Статскій Совѣтникъ **Зезюлинъ**.

По межевой части.

№ 1, отъ 15-го января 1897 года.

По Межевой Канцеляріи: Назначенъ: Младшій Землемѣръ 2 разряда Надворный Совѣтникъ **Деряба**—Младшимъ Землемѣромъ 1 разряда, съ 1 января 1897 года.

Уволенъ *въ отпускъ внутри Имперіи*: Старшій Землемѣрный Помощникъ Коллежскій Секретарь **Соболевъ**—на два мѣсяца.

Уволены *отъ службы, согласно прошеніямъ*: Землемѣрные

къ 3 л.

Помощники: Старшій, Коллежскій Секретарь **Грушецкій** и Младшій, Коллежскій Регистраторъ **Шепелевъ**; изъ нихъ первый—съ 16 декабря 1896 года и послѣдній—съ 4 января 1897 года.

По губернской межевой части: Назначены: Завѣдывающій межевыми работами въ Черноморскомъ округѣ Надворный Совѣтникъ **Сторчакъ**—Начальникомъ Чертежной Управленія Межевою Частью въ Кубанской области; Старшій Землемѣръ межевой партіи Черноморскаго округа, Межевой Инженеръ, Коллежскій Совѣтникъ **Малышевъ** и Уѣздные Землемѣры: Спасскій, Рязанской губерніи, Межевой Инженеръ, Коллежскій Ассесоръ **Поповъ** и Бѣлозерскій, Новгородской губерніи, Межевой Инженеръ, Титулярный Совѣтникъ **Кожевниковъ**—Помощниками Губернскихъ Землемѣровъ: Малышевъ—Черноморскаго, согласно его прошенію, Поповъ—Могилевскаго и Кожевниковъ—Оренбургскаго; Старшіе Помощники Землемѣровъ межевой партіи Черноморскаго округа: Титулярный Совѣтникъ **Подсѣдловскій**—Старшимъ Помощникомъ Землемѣра при Тифлисской Судебной Палатѣ и Коллежскіе Секретари **Татариновъ** и **Волчанецкій**—Уѣздными Землемѣрами Черноморской губерніи; Младшій Землемѣръ Управленія Межевою Частью въ Кубанской области Коллежскій Ассесоръ **Тюменевъ**—Дѣлопроизводителемъ Черноморской Губернской Чертежной; Младшій Помощникъ Землемѣра при Тифлисской Судебной Палатѣ неимѣющій чина **Старковъ**—Младшимъ Помощникомъ Землемѣра Управленія Межевою Частью въ Кубанской области; изъ нихъ Кожевниковъ—съ 16 декабря 1896 года и остальные—съ 1 января 1897 года.

Опредѣленъ *въ службу*: окончившій курсъ въ Тифлисскомъ Землемѣрномъ Училищѣ съ званіемъ частнаго землемѣра **Устиновскій**—Младшимъ Помощникомъ Землемѣра Управленія Межевою Частью въ Кубанской области, съ 1 января 1897 года.

Уволены *въ отпускъ внутри Имперіи:* Орловскій Губернскій Землемѣръ, Межевой Инженеръ, Статскій Совѣтникъ **Непомнящій**, Щигровскій Уѣздный Землемѣръ, Курской губерніи, Губернскій Секретарь **Стражевъ**, Младшій Землемѣръ при Тифлисской Судебной Палатѣ, Межевой Инженеръ, Коллежскій Ассесоръ **Мосѣвичъ** и Старшій Помощникъ Землемѣра при той же Палатѣ Коллежскій Секретарь **Шкоттъ**, всѣ четверо—на два мѣсяца, и Окружный Землемѣръ Томской губерніи, Межевой Инженеръ, Титулярный Совѣтникъ **Голенинъ**—на три мѣсяца; изъ нихъ: Шкоттъ—съ 20 декабря 1896 года, Непомнящій, Мосѣвичъ—съ 15 и Голенинъ—съ 25 января 1897 года.

Уволены *отъ службы, согласно прошеніямъ, по болѣзни*: Младшій Землемѣръ при Тифлисской Судебной Палатѣ Коллежскій

Ассесоръ **Орбанъ**—съ правомъ носить въ отставкѣ мундиръ, послѣдней должности его присвоенный, и причисленный къ Черниговской Губернской Чертежной, для занятій по крестьянскимъ дѣламъ, Коллежскій Ассесоръ **Мускоиди**; изъ нихъ Мускоиди—съ 21 декабря 1896 года и Орбанъ—съ 9 января 1897 года.

Умершіе *исключаются изъ списковъ*: Окружный Землемѣръ Амурской области Титулярный Совѣтникъ **Логиновскій** и состоявшій при Рязанской Губернской Чертежной, для занятій по крестьянскимъ дѣламъ, частный землемѣръ-таксаторъ Губернскій Секретарь **Штейертъ**.

Уволеннаго *приказомъ по вѣдомству Министерства Юстиціи, по межевой части, отъ 13 декабря 1896 года за № 8 отъ службы* Кадниковскаго Уѣзднаго Землемѣра, Вологодской губерніи, Надворнаго Совѣтника **Гриневича**—считать уволеннымъ согласно прошенію.

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ ВЫСШИХЪ ЧИНОВЪ СУДЕБНЫХЪ УСТАНОВЛЕНІЙ СИБИРИ.

12 Февраля сего года съѣхавшіеся въ Петербургъ вновь назначенные высшіе чины образуемыхъ по Судебнымъ Уставамъ Императора Александра II судебныхъ установленій Сибири, передъ отправленіемъ на мѣсто служенія, удостоились счастія представиться Его Императорскому Величеству въ Царскомъ Селѣ. Въ числѣ этихъ чиновъ были: Старшій Предсѣдатель Иркутской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Кастріото-Скандербекъ-Дрекаловичъ и Прокуроръ той же Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Кобылинъ, Предсѣдатели Окружныхъ Судовъ: Тобольскаго, Статскій Совѣтникъ Введенскій, Томскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Деппъ, Красноярскаго, Статскій Совѣтникъ Ераковъ, Иркутскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Гаффербергъ, Якутскаго, Статскій Совѣтникъ Лубенцовъ, Читинскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Михайловъ, Благовѣщенскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Чубаровъ и Владивостокскаго, Статскій Совѣтникъ фонъ-Паркау, и Прокуроры Окружныхъ Судовъ: Тобольскаго, Статскій Совѣтникъ Камышанскій, Томскаго, Статскій Совѣтникъ Татаровскій, Красноярскаго, Коллежскій Совѣтникъ Малининъ, Иркутскаго, Коллежскій Совѣтникъ Князь Орбеліани, Читинскаго, Коллежскій Совѣтникъ Графъ Подгоричани-Петровичъ, Благовѣщенскаго, Статскій Совѣтникъ Фуссъ и Владивостокскаго, Коллежскій Совѣтникъ Скворцовъ. При представленіи находился Министръ Юстиціи, Статсъ Секретарь Муравьевъ. Государь Императоръ изволилъ каждому изъ представлявшихся подать руку и осчастливилъ каждаго изъ нихъ милостивыми разспросами и разговоромъ.

О ПЛАНѢ РАЗРАБОТКИ ГРАЖДАНСКАГО И ТОРГОВАГО УЛОЖЕНІЙ.

Н. А. Тура.

Вслѣдъ за введеніемъ судебной реформы, замѣнившей устарѣлый строй нашего судоустройства и судопроизводства новымъ порядкомъ, приспособленнымъ къ условіямъ современной жизни, сильнѣе, чѣмъ когда-либо, сказалась настоятельная потребность въ коренномъ пересмотрѣ постановленій нашего матеріальнаго права.

1.

Въ мартѣ 1882 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о возложеніи на бывшаго оберъ-прокурора Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената, нынѣ сенатора, Н. Тура, порученія начертать проектъ новаго Торговаго уложенія, а въ маѣ того же года Высочайше повелѣно учредить особый Комитетъ для общаго пересмотра дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ и для составленія Гражданскаго уложенія.

Такимъ образомъ вопросъ о томъ, что гражданскіе и торговые законы должны быть изложены не въ одномъ общемъ

кодексѣ, а въ двухъ отдѣльныхъ уложеніяхъ, гражданскомъ и торговомъ, былъ разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ при самомъ приступѣ къ пересмотру означенныхъ законовъ, при чемъ, однако, не было преподано ближайшихъ указаній ни о составѣ того и другаго уложенія, ни о планѣ разработки ихъ.

Порядокъ отдѣльнаго отъ гражданскихъ законовъ изложенія торговыхъ законовъ принятъ въ Сводѣ законовъ, гдѣ торговые законы помѣщаются во 2 части т. XI, тогда какъ гражданскіе законы содержатся въ 1 части т. X.

Точно также во всѣхъ почти иностранныхъ законодательствахъ, наряду съ гражданскимъ уложеніемъ, существуютъ торговыя уложенія, какъ-то во Франціи, Германіи, Австріи, Италіи, и лишь въ Швейцаріи и Калифорніи въ новѣйшее время была сдѣлана попытка совокупнаго изложенія гражданскихъ и торговыхъ законовъ въ одномъ кодексѣ.

Въ 1884 году Высочайше учрежденною Редакціонною коммисіею для составленія Гражданскаго уложенія былъ возбужденъ вопросъ о томъ: должны ли постановленія, относящіяся къ торговому матеріальному праву, войти въ составъ будущаго Гражданскаго уложенія.

По этому вопросу составителемъ Торговаго уложенія были высказаны слѣдующія соображенія: „Такъ какъ въ 1882 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о составленіи Торговаго уложенія, а Торговымъ уложеніемъ, очевидно, не можетъ быть названъ кодексъ, въ составъ котораго не входили бы постановленія, относящіяся до торговаго матеріальнаго права, то означенный вопросъ въ сущности сводится къ вопросу о томъ, не слѣдуетъ ли, взамѣнъ Торговаго и Гражданскаго уложеній, издать общее уложеніе, обнимающее собою какъ гражданскіе, такъ и матеріальные торговые законы. Становясь для рѣшенія сего вопроса на чисто практическую почву, необходимо принять за исходную точку всѣхъ соображеній по сему предмету настоятельную потребность въ пересмотрѣ нашихъ гражданскихъ и торговыхъ законовъ, а посему и необходимость въ принятіи всѣхъ мѣръ къ наивозможно скорѣйшему удовлетворенію сей потребности и къ устраненію вслѣдствіе сего всякаго усложненія задачи. Созданіе Гражданскаго уложенія, заключающаго въ себѣ *одни лишь гражданскіе законы*, представляется въ тѣхъ странахъ, гдѣ имѣются всѣ данныя для успѣшнаго исполненія такой задачи, дѣломъ многолѣтняго труда, а потому естественно, что у насъ, при скудости нашихъ средствъ, подобная задача несравненно труднѣе и можетъ быть осуществлена въ теченіе лишь гораздо болѣе продолжительнаго времени. Если же засимъ усложнить дѣло включеніемъ въ составъ Гражданскаго уложенія также и торговыхъ законовъ, то окончаніе труда отдалится еще болѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ отсрочится на неопредѣленное время возможность удовлетворенія настоятельной потребности въ упорядоченіи нашего торговаго законодательства. Между тѣмъ изданіе отдѣльнаго Торговаго уложенія, очевидно, возможно сравнительно въ весьма непродолжительномъ времени, такъ какъ и объемъ труда представляется значительно меньшимъ, и самая задача облегчается цѣлымъ рядомъ иностранныхъ кодексовъ новѣйшаго времени, которые, въ виду однородности условій торговли, могутъ служить непосредственнымъ пособіемъ при составленіи нашего Торговаго уложенія. При такихъ обстоятельствахъ спрашивается: возможно ли экономическую нашу жизнь, положеніе которой требуетъ принятія самыхъ энергическихъ мѣръ, заставлять ожидать еще десятки лѣтъ изготовленія общаго уложенія, обнимающаго какъ гражданскіе, такъ и торговые законы? Въ виду настоятельной потребности въ пересмотрѣ торговыхъ законовъ, вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли, съ точки зрѣнія теоріи, изданію двухъ отдѣльныхъ кодексовъ, гражданскаго и торговаго, предпочесть составленіе одного общаго уложенія,—не имѣетъ существеннаго значенія, а потому излишне было бы входить въ подробное разсмотрѣніе сего вопроса, и достаточно указать на то, что онъ въ наукѣ представляется далеко невыясненнымъ, а существующими законодательствами, за исключеніемъ швейцарскаго и калифорнійскаго, рѣшается отрицательно; опытъ же названныхъ законодательствъ слишкомъ недавній для того, чтобы можно было судить о пригодности системы совокупной коди-

фикаціи гражданскихъ и торговыхъ законовъ. Что касается затрудненій, съ которыми сопряжена отдѣльная кодификація гражданскаго и торговаго права, то они не могутъ считаться непреодолимыми, какъ это показываетъ примѣръ иностранныхъ законодательствъ. Въ частности необходимо замѣтить, что отдѣльная разработка Торговаго уложенія ни въ чемъ не можетъ стѣснять хода работъ по составленію Гражданскаго уложенія; работы по тому и другому кодексу могутъ производиться пока совершенно независимо другъ отъ друга; если же и необходимо соглашеніе по общимъ постановленіямъ, то такое соглашеніе можетъ послѣдовать при утвержденіи Гражданскаго уложенія, а до того времени Торговое уложеніе, которое имѣетъ быть приведено къ окончанію гораздо ранѣе, можетъ получить силу закона и можетъ оказывать въ теченіе многихъ лѣтъ благотворное дѣйствіе впредь до согласованія его съ Гражданскимъ уложеніемъ. Подобно сему и коммисія по составленію германскаго гражданскаго уложенія производитъ работы свои независимо отъ торговаго уложенія, которое предполагается подвергнуть пересмотру лишь по окончаніи гражданскаго уложенія. Наконецъ, по вопросу о разграниченіи законодательнаго матеріала между Гражданскимъ и Торговымъ уложеніями слѣдуетъ замѣтить, что въ семъ отношеніи, въ виду неполноты и неудовлетворительности системы дѣйствующаго Свода законовъ, нельзя руководствоваться распредѣленіемъ, принятымъ въ X и XI томахъ, а слѣдовало бы, по примѣру новѣйшихъ иностранныхъ торговыхъ кодексовъ (германскаго, венгерскаго и итальянскаго), выдѣлить въ составъ Торговаго уложенія всѣ тѣ предметы, которые содержатся въ означенныхъ кодексахъ".

Предсказанія, сдѣланныя въ 1884 г., осуществились. Попытка перенести постановленія, относящіяся къ торговому матеріальному праву, въ составъ Гражданскаго уложенія, только усложнила и замедлила работы по составленію Гражданскаго уложенія, такъ что понынѣ нельзя было изготовить ни Гражданскаго, ни Торговаго уложенія.

Задача кодификаціи гражданскихъ и торговыхъ законовъ, въ виду обширности и трудности ея, можетъ быть разрѣшена

удовлетворительно лишь при условіи изложенія тѣхъ и другихъ законовъ въ двухъ отдѣльныхъ уложеніяхъ, Гражданскомъ и Торговомъ. Совокупное изложеніе гражданскихъ и торговыхъ законовъ въ Гражданскомъ уложеніи не можетъ не отозваться неблагопріятно на ходѣ работъ по сему уложенію, тогда какъ изложеніе тѣхъ и другихъ законовъ въ двухъ отдѣльныхъ уложеніяхъ, съ одной стороны, облегчитъ трудъ по составленію Гражданскаго уложенія, а съ другой стороны—дастъ возможность въ весьма скоромъ времени окончить работы по изготовленію Торговаго уложенія.

Въ виду меньшаго объема, а равно и самаго свойства предмета, Торговое уложеніе можетъ быть составлено, обсуждено въ законодательномъ порядкѣ и утверждено въ несравненно болѣе близкій срокъ, нежели Гражданское уложеніе.

Связать же кодификацію гражданскихъ и торговыхъ законовъ и тѣмъ самымъ отдалить кодификацію торговыхъ законовъ на неопредѣленное время,—*ради доктрины*, признающей торговое право частью гражданскаго, значитъ придавать доктринѣ неподобающее ей значеніе при разрѣшеніи вопроса о практическихъ удобствахъ и неудобствахъ совокупной или отдѣльной кодификаціи гражданскихъ и торговыхъ законовъ.

Германія, страна науки, не увлеклась теоріею, требующею сліянія торговыхъ законовъ съ гражданскими, а руководствуясь практическими соображеніями, на-ряду съ вновь созданнымъ гражданскимъ уложеніемъ сохранила существовавшее уже отдѣльное торговое уложеніе, которое въ настоящее время подвергается пересмотру въ видахъ согласованія его съ новымъ гражданскимъ уложеніемъ. При сравнительно скромной задачѣ кодификаціи однихъ лишь гражданскихъ законовъ въ тѣсномъ смыслѣ на составленіе германскаго гражданскаго уложенія потребовалось 22 года и затрачено 1.600.000 р. с. Нельзя не замѣтить, что составителямъ германскаго гражданскаго уложенія пришлось бороться съ несравненно меньшими трудностями, чѣмъ у насъ. Такъ, въ различныхъ германскихъ государствахъ дѣйствовало уже нѣсколько гражданскихъ уло-

женій, пользовавшихся вполнѣ заслуженною извѣстностью. У насъ, напротивъ, имѣется лишь вполнѣ сырой матеріалъ, содержащійся въ 1 ч. X т. и отчасти разбросанный по разнымъ томамъ Свода, и по многимъ весьма важнымъ предметамъ отсутствіе всякаго матеріала, полные пробѣлы.

При такихъ условіяхъ предположеніе о расширеніи задачи нашего Гражданскаго уложенія включеніемъ въ него торговыхъ законовъ представляется очевидно несбыточнымъ. Такого рода практически невыполнимыя задачи осуждаются извѣстною пословицею „qui trop embrasse mal étreint“, въ которой такъ мѣтко выражается присущій французскому народу здравый смыслъ.

2.

Въ виду неполноты и неудовлетворительности системы дѣйствующаго Свода законовъ, въ отношеніи разграниченія законодательнаго матеріала между Гражданскимъ и Торговымъ уложеніями, какъ уже было указано выше, нельзя руководствоваться распредѣленіемъ, принятымъ въ X и XI томахъ, а слѣдовало бы выдѣлить въ составъ Торговаго уложенія тѣ предметы, которые содержатся въ новѣйшихъ торговыхъ кодексахъ Западной Европы (германскомъ, венгерскомъ, итальянскомъ).

Нѣкоторые изъ предметовъ, входящихъ въ составъ того или другаго изъ приведенныхъ торговыхъ кодексовъ, не должны быть введены въ составъ нашего Торговаго уложенія.

Такъ, въ составъ Торговаго уложенія не долженъ быть включенъ Уставъ о векселяхъ, который и нынѣ помѣщается во 2 части XI тома въ видѣ отдѣльнаго отъ Устава торговаго, самостоятельнаго законоположенія. Проектъ новаго Устава о векселяхъ внесенъ въ 1884 г. Министрами Юстиціи и Финансовъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

Въ составъ Торговаго уложенія не должны быть включены постановленія о торговомъ судопроизводствѣ, которыя нынѣ помѣщаются во 2 части XI тома въ видѣ отдѣльнаго отъ Устава торговаго, самостоятельнаго законоположенія.

Указанныя постановленія нынѣ подвергаются пересмотру въ связи съ общими правилами о судопроизводствѣ и должны найти себѣ мѣсто въ Уставѣ гражданскаго судопроизводства.

Въ Торговое уложеніе не долженъ быть включенъ Уставъ о несостоятельности, который, насколько онъ касается торговой несостоятельности,—помѣщается во 2 части XI тома въ составѣ отдѣльнаго отъ Устава торговаго, Устава о судопроизводствѣ торговомъ, а насколько онъ касается неторговой несостоятельности и производства дѣлъ о торговой и неторговой несостоятельности въ новыхъ судебныхъ установленіяхъ—включенъ въ Уставъ гражданскаго судопроизводства. Новый Уставъ о несостоятельности, обнимающій торговую и неторговую несостоятельности и содержащій какъ матеріальныя, такъ и процессуальныя постановленія о несостоятельности, долженъ найти себѣ мѣсто въ составѣ 1 части XVI тома въ видѣ отдѣльнаго законоположенія вслѣдъ за Уставомъ гражданскаго судопроизводства.

Начертаніе проекта новаго Устава о несостоятельности, по Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему 22 марта 1882 г., было возложено на бывшаго оберъ-прокурора Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената, нынѣ сенатора, Н. Тура. Составленный Туромъ проектъ съ объяснительною запискою въ 1889 г. былъ препровожденъ на заключеніе судебныхъ установленій, совѣщательныхъ по части торговли и промышленности учрежденій, университетовъ и состоящихъ при нихъ юридическихъ обществъ. На основаніи поступившихъ отъ означенныхъ учрежденій отзывовъ Туромъ составлена исправленная редакція проекта съ объясненіями, напечатанная въ 1896 г. Независимо отъ проекта общаго Устава о несостоятельности еще ранѣе были составлены частныя правила о несостоятельности установленій краткосрочнаго кредита и желѣзнодорожныхъ предпріятій, изъ коихъ первыя удостоились Высочайшаго утвержденія 22 мая 1884 г., а вторыя одобрены совѣтомъ по желѣзнодорожнымъ дѣламъ, но понынѣ не получили дальнѣйшаго движенія въ законодательномъ порядкѣ.

Наконецъ, изъ состава Торговаго уложенія могли бы быть выдѣлены содержащіяся во 2 части XI тома постановленія о морскомъ судоходствѣ. Изъ приведенныхъ постановленій, съ присоединеніемъ къ нимъ содержащихся въ XII томѣ постановленій о внутреннемъ судоходствѣ, можно было бы образовать самостоятельное законоположеніе „Уставъ о судоходствѣ“, подобно тому, какъ это уже сдѣлано въ отношеніи желѣзныхъ дорогъ въ Общемъ уставѣ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Что касается самаго порядка работъ по составленію Торговаго уложенія, то при самомъ приступѣ къ пересмотру торговыхъ законовъ было предположено заняться сперва разработкою тѣхъ частей Торговаго уложенія, которыя преимущественно передъ другими нуждаются въ упорядоченіи и которыя при этомъ имѣютъ самостоятельное значеніе, допускающее изданіе по нимъ отдѣльныхъ законоположеній, не ожидая окончанія работъ по остальнымъ частямъ уложенія.

Согласно такому плану разработки Торговаго уложенія составлены слѣдующіе законопроекты:

1) Положеніе о товарныхъ складахъ, которое удостоилось Высочайшаго утвержденія 30 марта 1888 г.

2) Положеніе о торговой записи, обнимающее правила о торговой регистраціи и постановленія о фирмахъ. Проектъ этого положенія былъ препровожденъ на заключеніе коммерческихъ судовъ и нѣкоторыхъ биржевыхъ комитетовъ, и исправленъ на основаніи отзывовъ, поступившихъ отъ означенныхъ учрежденій.

3) Положеніе о торговыхъ товариществахъ, обнимающее полное товарищество, товарищество на вѣрѣ, акціонерное общество, артельное товарищество и такъ называемое негласное товарищество.

3.

Въ виду предположенія объ изданіи отдѣльнаго Торговаго уложенія, обнимающаго торговые законы, въ составъ

Гражданскаго уложенія должны войти одни лишь гражданскіе законы въ тѣсномъ смыслѣ.

Включенію въ Гражданское уложеніе, однако, подлежатъ не всѣ, безъ изъятія, гражданскіе законы.

Нѣкоторые отдѣлы гражданскихъ законовъ должны быть изложены въ особыхъ узаконеніяхъ въ связи съ соотвѣтствующими постановленіями публичнаго права, отъ которыхъ они не могутъ быть отдѣлены безъ ущерба для уразумѣнія всего законоположенія, въ составъ котораго они включены. Таковы постановленія гражданскаго права, входящія въ составъ Устава объ опекахъ и попечительствахъ, Устава вотчиннаго и связанныхъ съ этимъ Уставомъ законоположеній, Устава о несостоятельности, Устава гражданскаго судопроизводства, Устава горнаго и подобныхъ отдѣльныхъ узаконеній.

Гражданское уложеніе должно быть составлено въ томъ предположеніи, что оно получитъ примѣненіе на всемъ пространствѣ Имперіи, за исключеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго. При семъ, однако, самыя постановленія Гражданскаго уложенія первоначально должны быть приспособлены для примѣненія въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя подходятъ подъ средній уровень экономическаго развитія. Разработка предположеній объ отступленіяхъ, которыя могутъ оказаться необходимыми для примѣненія Гражданскаго уложенія въ мѣстностяхъ, стоящихъ ниже средняго уровня, должна быть отсрочена впредь до утвержденія Гражданскаго уложенія въ законодательномъ порядкѣ.

Такой порядокъ разработки, съ одной стороны, облегчилъ бы трудъ по составленію Гражданскаго уложенія и по обсужденію его въ законодательномъ порядкѣ, а съ другой стороны—избавилъ бы составителей уложенія отъ преждевременнаго труда по разработкѣ предположеній объ отступленіяхъ, необходимыхъ для примѣненія общихъ постановленій въ мѣстностяхъ, стоящихъ ниже средняго уровня экономическаго развитія, каковой трудъ могъ бы оказаться совершенно потеряннымъ, если бы Гражданское уложеніе, при обсужденіи его въ законодательномъ порядкѣ, подверглось существеннымъ измѣненіямъ.

Такимъ же пріемомъ слѣдовало бы руководствоваться и въ отношеніи разнородныхъ условій, въ которыхъ находится народонаселеніе Имперіи. Первоначально Гражданское уложеніе должно быть приспособлено для примѣненія къ тѣмъ слоямъ населенія, которые подходятъ подъ средній уровень соціальнаго развитія; разработка предположеній объ отступленіяхъ, которыя могутъ оказаться необходимыми для примѣненія общихъ постановленій къ населенію, стоящему ниже средняго уровня, въ частности къ условіямъ крестьянскаго быта, должна быть отсрочена впредь до утвержденія Гражданскаго уложенія въ законодательномъ порядкѣ.

Что касается самаго порядка работъ по составленію Гражданскаго уложенія, то съ практической точки зрѣнія казалось бы желательнымъ заняться сперва разработкою тѣхъ отдѣловъ, которые по самостоятельному ихъ значенію могутъ быть выдѣлены изъ состава уложенія и которымъ можетъ быть дано дальнѣйшее движеніе въ законодательномъ порядкѣ, независимо отъ прочихъ частей уложенія. Только при такомъ порядкѣ возможно своевременное упорядоченіе тѣхъ частей нашего гражданскаго законодательства, которыя нуждаются въ семъ преимущественно передъ другими.

Эта мысль была заявлена уже при самомъ приступѣ къ подготовительнымъ работамъ по составленію Гражданскаго уложенія, а именно графъ Блудовъ, донося во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 29 января 1848 г., что нѣкоторыя изъ означенныхъ подготовительныхъ работъ уже сдѣланы, вмѣстѣ съ тѣмъ высказалъ, что Его Величеству благоугодно было признать, „что какъ самое приведеніе въ порядокъ многочисленныхъ матеріаловъ, по всѣмъ частямъ Гражданскаго уложенія, потребуетъ не мало времени, а между тѣмъ недостатки многихъ постановленій X тома Свода съ каждымъ днемъ становятся ощутительнѣе, то было бы полезно, и не ожидая совершеннаго окончанія подготовительныхъ работъ, приступить къ предначертанію нѣкоторыхъ проектовъ для исправленія отдѣльныхъ частей Свода“. Имѣя въ виду это указаніе, графъ Блудовъ полагалъ, „что, не теряя изъ вида мысли о пересмотрѣ общемъ нашего гражданскаго кодекса,

не переставая заниматься приготовительными для того работами, есть возможность съ тѣмъ вмѣстѣ и исправить постепенно нѣкоторыя отдѣльныя части онаго. Сей порядокъ дѣйствія не только не повлечетъ за собою никакихъ важныхъ неудобствъ, но едва-ли и не есть лучшій для усовершенствованія нашего Гражданскаго уложенія. Безъ сомнѣнія право гражданское должно, подобно всѣмъ другимъ кодексамъ, представлять стройную, основанную на единствѣ понятій и направленія систему, но оно по самой цѣли своей составляется изъ предметовъ столь многочисленныхъ и разнообразныхъ, что нерѣдко каждый изъ нихъ заключаетъ въ себѣ нѣчто цѣлое, имѣющее свои особенныя свойства и соотвѣтствующія имъ начала. Таковы суть уже отдѣленныя во всѣхъ новѣйшихъ законоположеніяхъ нашихъ и иностранныхъ отъ другихъ частей гражданскаго права постановленія торговыя, таковы и всѣ относящіяся къ бракамъ, къ опекѣ, къ наслѣдству. Совершенно другое въ семъ отношеніи свойство права уголовнаго, а равно и уголовнаго, даже и гражданскаго судопроизводства. Тамъ все въ тѣсной, безпрерывной и необходимой между собою связи. Но къ усовершенствованію, дополненію и къ самому измѣненію законовъ о бракахъ, объ опекѣ и т. п. можетъ быть приступлено безъ малѣйшаго неудобства, не касаясь ни мало прочихъ частей гражданскаго права. Сіе, такъ сказать, по частямъ исправленіе нашихъ гражданскихъ законовъ болѣе согласуется съ существенными выгодами общества. При семъ разнородныя отношенія его будутъ разсматриваться постепенно, и дѣйствіе постановленій, коими оныя опредѣляются, будучи также постепенное, едва-ли не лучше ручается за полезное вліяніе ихъ на понятія, нравы и весь гражданскій бытъ народа, нежели внезапное изданіе цѣлаго новаго уложенія, долженствующаго своимъ появленіемъ совокупно и единовременно измѣнить или преобразовать многія прежнія условія общества. Сей порядокъ можетъ служить къ большему усовершенствованію нашихъ гражданскихъ законовъ и потому, что для занимающихся исключительно составленіемъ лишь нѣкоторыхъ частей кодекса болѣе средствъ вникать и углубляться во всѣ ихъ подробности, дать болѣе

точности и полноты опредѣленіямъ и положеніямъ закона и заниматься окончательною отдѣлкою всего труда. Нужно только, чтобы общія основанія гражданскаго права, общіе, такъ сказать, духъ и цѣль новаго уложенія, не были никогда теряемы изъ вида, чтобы они руководствовали при каждой отдѣльной работѣ. Нужно также или, по крайней мѣрѣ, желательно, при выборѣ сихъ могущихъ слѣдовать къ отдѣльному пересмотру и исправленію частей нашихъ законовъ гражданскихъ, обращаться предпочтительно къ тѣмъ, коихъ недостатки наиболѣе очевидны и важны".

Въ запискѣ, представленной Министру Юстиціи въ 1884 г., сенаторъ С. Зарудный высказалъ между прочимъ слѣдующія соображенія о порядкѣ составленія проекта Гражданскаго уложенія: „усовершенствованіе нашего законодательства можетъ совершаться теперь только путемъ уложеній, при чемъ не столько важности имѣетъ *планъ системы* уложенія, сколько *планъ его разработки*, ибо не столько важности имѣетъ *все* уложеніе въ цѣлости, сколько *отдѣльныя его части*, вызываемыя потребностями минуты. Теперь не слѣдуетъ устанавливать системы Гражданскаго уложенія, нужно отбросить совершенно мысль, и притомъ хорошую мысль, о составленіи системы Гражданскаго уложенія, а *опредѣлить только порядокъ работъ по разнымъ отдѣламъ гражданскаго права*, смотря по тому, какія изъ нихъ подготовляются или уже подготовлены. Теперь намъ нужно пустить въ ходъ всѣ тѣ проекты, для составленія которыхъ потрачено и много времени, и много трудовъ. Къ такимъ проектамъ относятся положенія о порядкѣ укрѣпленія правъ на недвижимыя имущества, объ опекахъ и о духовныхъ завѣщаніяхъ". Въ заключеніе сенаторъ Зарудный приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) прежде всего нужно заняться не системою Гражданскаго уложенія, а порядкомъ внесенія въ Государственный Совѣтъ работъ по отдѣльнымъ болѣе или менѣе разработаннымъ вопросамъ гражданскаго права; 2) на первомъ планѣ должны стоять работы о порядкѣ укрѣпленія правъ на недвижимыя имущества, объ опекахъ, о духовныхъ завѣщаніяхъ; 3) всѣ эти работы вносить въ Государственный Совѣтъ постепенно, независимо отъ вопроса о системѣ Гражданскаго уложенія, и въ такомъ же порядкѣ онѣ должны получить дальнѣйшее движеніе.

Между тѣмъ Редакціонною коммисіею по составленію Гражданскаго уложенія постепенно были разработаны и представлены на разсмотрѣніе въ законодательномъ порядкѣ:

1) законопроекты, долженствующіе подготовить переходъ отъ запретительной къ ипотечной системѣ, а именно: а) проектъ правилъ о наложеніи и снятіи запрещеній на имѣнія; б) проектъ правилъ объ измѣненіи и дополненіи дѣйствующихъ законовъ о залоговыхъ свидѣтельствахъ; в) проектъ правилъ объ оглашеніи и регистраціи ограниченій правоспособности совершеннолѣтнихъ лицъ, и г) правила о новой формѣ реэстра крѣпостныхъ дѣлъ. Первые три проекта, по разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ, удостоились утвержденія 26 іюня 1889 г. и 16 марта 1892 г., а послѣдній утвержденъ Министромъ Юстиціи 31 мая 1891 г.;

2) проектъ Вотчиннаго устава и состоящіе въ связи съ нимъ проекты: Учрежденія вотчинныхъ установленій, Правилъ объ обезпеченіи недвижимымъ имѣніемъ договоровъ съ казною и съ кредитными установленіями и Положенія о порядкѣ взысканія съ недвижимыхъ имѣній, находящихся въ мѣстностяхъ, гдѣ введенъ въ дѣйствіе Вотчинный уставъ, и, наконецъ,

3) проектъ устава объ опекахъ и попечительствахъ.

Сверхъ Вотчиннаго и Опекунскаго уставовъ, которымъ уже дано отдѣльное отъ прочихъ частей Гражданскаго уложенія движеніе въ законодательномъ порядкѣ, такое же направленіе слѣдовало бы дать и работамъ по составленію Положенія объ обязательствахъ. Въ виду совершеннаго почти отсутствія въ дѣйствующихъ законахъ общихъ правилъ объ обязательствахъ и неполноты постановленій объ отдѣльныхъ видахъ обязательствъ, что̀ столь вредно отзывается на всѣхъ оборотахъ гражданской жизни, изданіе Положенія объ обязательствахъ, которое соотвѣтствовало бы условіямъ современной жизни, представляется крайне необходимымъ. Обязательственное право имѣетъ самостоятельное значеніе въ системѣ Гражданскаго

уложенія и мало зависитъ отъ постановленій по семейному, вотчинному и наслѣдственному праву, а посему Положеніе объ обязательствахъ можетъ быть разработано отдѣльно отъ прочихъ частей уложенія и этому Положенію можетъ быть дано дальнѣйшее движеніе въ законодательномъ порядкѣ, не ожидая окончанія работъ по составленію всего Гражданскаго уложенія.

Далѣе отдѣльно отъ прочихъ частей Гражданскаго уложенія слѣдовало бы разработать двѣ наиболѣе важныя части наслѣдственнаго права, а именно постановленія о духовныхъ завѣщаніяхъ и правила о принятіи наслѣдства и объ отреченіи отъ него.

Настоятельная потребность въ пересмотрѣ дѣйствующихъ узаконеній о духовныхъ завѣщаніяхъ и изданіе новаго о нихъ положенія, отдѣльно отъ прочихъ частей Гражданскаго уложенія, была признана уже при самомъ приступѣ къ подготовительнымъ работамъ по составленію Гражданскаго уложенія. Въ 1848 году во II Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи были начаты работы по пересмотру законовъ наслѣдственнаго права, которыя съ 1855 г. ограничились составленіемъ проекта Положенія о духовныхъ завѣщаніяхъ. Въ 1856 году этотъ проектъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, но не получилъ дальнѣйшаго движенія, сперва вслѣдствіе приступа къ пересмотру постановленій о крѣпостномъ состояніи, а затѣмъ въ виду предстоявшихъ преобразованій судоустройства вообще и нотаріальной части въ особенности. Наконецъ, въ 1867 году въ Государственный Совѣтъ былъ внесенъ новый проектъ Положенія о духовныхъ завѣщаніяхъ, который, однако, понынѣ не получилъ дальнѣйшаго движенія. Изъ этого проекта въ 1869 году были выдѣлены правила, которыми опредѣляется порядокъ исполненія новыми судебными установленіями обязанностей, возложенныхъ въ отношеніи завѣщаній на прежнія судебныя мѣста (Временныя правила о духовныхъ завѣщаніяхъ, Высочайше утвержденныя 5 апрѣля 1869 г.). При обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ проектовъ Положенія о духовныхъ завѣщаніяхъ 1856 и 1867 годовъ, между прочимъ

было высказано, что судебною практикою указаны важныя недоразумѣнія и противорѣчія нынѣшнихъ о духовныхъ завѣщаніяхъ узаконеній, неполнота и неясность которыхъ были причиною множества споровъ и тяжбъ, и что посему пересмотръ и дополненіе этихъ узаконеній представляются совершенно необходимыми; что независимо отъ изданія временныхъ правилъ о порядкѣ исполненія новыми судебными установленіями обязанностей въ отношеніи завѣщаній, нельзя не озаботиться скорѣйшимъ, по возможности, приведеніемъ къ окончанію общаго пересмотра дѣйствующихъ законовъ о духовныхъ завѣщаніяхъ,—законовъ, крайне не совершенныхъ и по существу, и по изложенію, а посему возбуждающихъ на практикѣ частыя и не маловажныя затрудненія.

Столь же настоятельно, какъ правила о духовныхъ завѣщаніяхъ, въ пересмотрѣ нуждаются постановленія дѣйствующихъ законовъ о принятіи наслѣдства и объ отреченіи отъ него. Потребность въ исправленіи этихъ постановленій была признана уже въ 1868 году, когда Государственный Совѣтъ обратилъ особенное вниманіе на то, что статья 1259 т. X ч. 1 объ отвѣтственности наслѣдниковъ за долги умершаго изложена въ Сводѣ законовъ несогласно съ узаконеніями, на основаніи коихъ она составлена.

Независимо отъ противорѣчія, въ которомъ приведенная статья находится съ ея источниками, необходимо обратить вниманіе на опасное положеніе, въ которое, благодаря этой статьѣ, очень часто ставятся наслѣдники, принявшіе наслѣдство и затѣмъ узнающіе, что оно обременено долгами, превышающими его стоимость. Эта сторона дѣла обстоятельно развита въ постановленіи Черниговскаго губернскаго дворянскаго собранія, сообщенномъ коммисіи для составленія уложенія Министромъ Юстиціи въ 1886 году.

Въ постановленіи изложено слѣдующее: „По нашимъ законамъ, наслѣдство есть совокупность имущества, правъ и обязательствъ, оставшихся послѣ умершаго. На этомъ основаніи принявшій наслѣдство обязанъ выполнить всѣ обязательства умершаго и уплатить долги его, при чемъ онъ отвѣчаетъ не только полученнымъ наслѣдствомъ, но и соб-

ственнымъ своимъ имуществомъ. Такимъ образомъ наслѣдство нельзя считать способомъ, безусловно обогащающимъ получившаго оное; напротивъ, принявшій наслѣдство можетъ лишиться и своего собственнаго имущества, и такіе случаи встрѣчаются нерѣдко; отсюда нельзя не признать того, что наслѣдство есть одно изъ рискованныхъ пріобрѣтеній, въ особенности, если принять во вниманіе, что законъ не даетъ способа наслѣднику привести въ ясность наслѣдственные долги и оградить себя отъ безграничной отвѣтственности, ибо не дозволяется принимать наслѣдство условно, впредь до ознакомленія; наслѣдникъ долженъ выбирать одно изъ двухъ: или безусловно принять наслѣдство, или также безусловно отречься отъ онаго; при этомъ для того, чтобы считать наслѣдство принятымъ, не требуется никакого акта; для этого достаточно, если наслѣдникъ, хотя-бы временно, воспользовался какою-либо самою ничтожною частью дохода или вещью, или совершилъ какое-либо другое дѣйствіе въ качествѣ наслѣдника, наслѣдство считается принятымъ безвозвратно со всѣми послѣдствіями этого принятія; между тѣмъ, часто случается, что наслѣдство, казавшееся на первый взглядъ значительнымъ по своему составу, оказывается затѣмъ призрачною цѣнностью, и въ рукахъ наслѣдника остается одна отвѣтственность. Условія, при которыхъ наслѣдство считается принятымъ, представляютъ особенную опасность для дѣтей умершаго отца, ибо, въ силу естественнаго порядка вещей, вслѣдъ за смертью отца, дѣти всегда оказываются въ неизбѣжномъ положеніи продолжать его дѣла и хотя временно воспользоваться его средствами; между тѣмъ это считается уже принятіемъ наслѣдства. Наконецъ нельзя требовать отъ дѣтей, чтобы они были настолько осторожны въ своихъ дѣйствіяхъ, чтобы не воспользовались какою-либо вещью, или чтобы немедленно отстранили себя отъ какого бы то ни было участія въ наслѣдствѣ и дѣлахъ умершаго отца и сдѣлали формальное отреченіе; между тѣмъ, какъ сказано выше, принятіе наслѣдства можетъ повлечь за собою лишеніе своего собственнаго имущества, доставшагося не отъ отца. Опасность эта сильна для дѣтей малолѣтнихъ, гдѣ представителями

ихъ интересовъ являются посторонніе люди, отъ которыхъ нельзя и требовать такого щепетильнаго вниманія, какое необходимо въ дѣлѣ принятія или отреченія отъ наслѣдства. Наконецъ, нельзя не имѣть въ виду еще и того, что долги умершаго могутъ быть неизвѣстны не только въ моментъ принятія наслѣдства, но долго и послѣ того".

Постановленія о принятіи наслѣдства и объ отреченіи отъ него, въ виду самостоятельнаго значенія ихъ, безъ особыхъ затрудненій, могутъ быть выдѣлены изъ состава наслѣдственныхъ законовъ вообще и изложены въ отдѣльномъ положеніи, которое можетъ получить дальнѣйшее движеніе въ законодательномъ порядкѣ, независимо отъ прочихъ частей наслѣдственнаго права.

При полной возможности выдѣлить изъ состава Гражданскаго уложенія постановленія объ обязательствахъ, о духовныхъ завѣщаніяхъ и о принятіи наслѣдства и отреченія отъ него, отдѣльная разработка этихъ частей Гражданскаго уложенія, съ одной стороны, дастъ возможность въ сравнительно непродолжительномъ времени издать новыя узаконенія взамѣнъ дѣйствующихъ постановленій, неудовлетворительность которыхъ уже давно признана, а съ другой стороны—въ значительной мѣрѣ облегчитъ работы по остальнымъ частямъ Гражданскаго уложенія и тѣмъ самымъ ускоритъ приведеніе ихъ къ окончанію.

По окончаніи послѣднихъ трудовъ по составленію Гражданскаго уложенія всѣ отдѣльныя части его, въ томъ числѣ и тѣ положенія, которыя были разработаны ранѣе и которымъ было дано отдѣльное движеніе въ законодательномъ порядкѣ, по надлежащемъ согласованіи ихъ, имѣютъ быть сведены въ одно цѣлое, которое и составитъ полное Гражданское уложеніе.

Въ заключеніе, нельзя не указать на то, что проекты отдѣльныхъ положеній объ обязательствахъ, о духовныхъ завѣщаніяхъ и о принятіи наслѣдства и отреченіи отъ него, по самому свойству предмета ихъ, едва-ли вызовутъ особыя затрудненія при обсужденіи ихъ въ законодательномъ порядкѣ, тогда какъ

обсужденіе тѣхъ же проектовъ въ связи съ прочими частями Гражданскаго уложенія, которыми затрогиваются весьма сложные и спорные вопросы, касающіеся основъ народнаго быта, можетъ отдалить осуществленіе означенныхъ проектовъ на неопредѣленное время.

НОВЫЯ СВѢДѢНІЯ

О ПРЕСТУПНОСТИ НАСЕЛЕНІЯ ГЕРМАНІИ.

В. И. Срезневскаго.

I.

Германская уголовная статистика въ томъ видѣ, въ какомъ она находится въ настоящее время, является одною изъ позднѣйшихъ въ Европѣ. Сравнительно еще до недавняго времени судебная статистика въ Германіи ограничивалась лишь обзорами дѣлопроизводства судебныхъ мѣстъ отдѣльныхъ государствъ, входящихъ нынѣ въ составъ имперіи, но эти изданія [1]), оставляя безъ разсмотрѣнія соотношеніе личности и соціальнаго положенія преступника къ совершенному имъ преступному дѣянію, давали весьма мало матеріала для изученія нравственнаго строя германской народности. Съ этой точки зрѣнія Германія стояла значительно позади прочихъ государствъ: судебная статистика французская, установленная еще въ самомъ началѣ столѣтія циркуляромъ перваго консула отъ 23 января 1801 года, приближается къ окончанію своего перваго столѣтія; судебная статистика Англіи, Ирландіи и Уэльса принадлежитъ также къ числу старѣйшихъ въ Европѣ; равнымъ образомъ давно уже издаетъ свои труды по судебной статистикѣ и шведское ста-

[1]) Justiz-Ministerial-Blatt für die Preussische Gesetzgebung und Rechtspflege; Jahrbuch der Preussischen Gerichtsverfassung.

тистическое бюро, наконецъ русская уголовная статистика, а за нею и статистика итальянская, возникшая, какъ и русская, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, скоро окончатъ первое двадцатипятилѣтіе своего существованія. Позже германской, именно въ 1884 году, организована лишь уголовная статистика Португаліи.

Учрежденіе германской уголовной статистики закономъ 5 декабря 1881 года почти совпадаетъ по времени съ введеніемъ въ дѣйствіе новаго германскаго уложенія 1 октября 1879 года.

Разработка и изданіе уголовно-статистическаго матеріала поручены въ Германіи не спеціально судебно-статистическому органу, какъ въ Россіи, во Франціи, въ Англіи и какъ это было до недавняго времени въ Италіи, но составляютъ одну изъ задачъ имперскаго статистическаго бюро. Поэтому германскіе уголовно-статистическіе своды составляютъ не отдѣльное изданіе, а лишь особые томы обширнаго изданія этого бюро „Statistik des Deutschen Reichs“. Въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ, съ 1884 года, которымъ начинается новая серія изданій бюро [1]) послѣ его реформы, и по минувшій 1896 годъ, оно уже успѣло выпустить 88 томовъ, обнимающихъ собою всѣ главнѣйшія отрасли статистики. Здѣсь мы видимъ и результаты исчисленія населенія германской имперіи, произведеннаго въ 1885 году, и статистику сельско-хозяйственную и торговую, статистику мореплаванія, статистику движенія по водянымъ и желѣзнымъ путямъ, статистику санитарную и т. д. и т. д. Статистикѣ уголовной посвящены двѣнадцать томовъ—VIII, XIII, XVIII, XXIII, XXX, XXXVII, XLV, LII, LVIII, LXIV, LXXI и LXXVII, обнимающіе періодъ съ 1882 по 1893 годъ и разработанные имперскимъ статистическимъ бюро совмѣстно съ министерствомъ юстиціи.

Система, принятая для германской судебно-статистической

[1]) Въ первой серіи было 63 выпуска, относящихся къ періоду времени съ 1873 по 1883 годъ. Германское статистическое бюро до нѣкоторой степени соотвѣтствуетъ нашему Центральному статистическому комитету Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, хотя кругъ его дѣятельности и задачи его значительно шире.

отчетности, отчасти сходна съ русской. Какъ и у насъ, система эта карточная, съ тою лишь разницею, что въ русской уголовной статистикѣ имѣется два вида статистическихъ бюллетеней: одни изъ нихъ служатъ для отчетности о движеніи дѣлопроизводства въ судебныхъ мѣстахъ, отмѣчая отдѣльные моменты въ движеніи каждаго дѣла, а другіе отвѣчаютъ на вопросы о личности подсудимаго и о его общественномъ положеніи; германская статистика, не касаясь нисколько дѣлопроизводства, ограничивается лишь свѣдѣніями о самомъ подсудимомъ. Составленіе листковъ о личности подсудимыхъ возложено на Land и Amtsgerichte, которые обязаны представлять эти листки черезъ своихъ прокуроровъ въ имперское статистическое бюро, и притомъ не такъ, какъ у насъ, постоянно, по каждому дѣлу особо, а періодически, одинъ разъ въ три мѣсяца (Kalenderquartal). Такіе же листки доставляются и имперскимъ судомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ разсматриваетъ дѣла въ качествѣ суда первой инстанціи. Сравнительно со статистическими листками русскими, листки германскіе значительно проще: вопросовъ о личности, помѣщаемыхъ, какъ и у насъ, на лицевой сторонѣ карточки, всего шесть:—имя и фамилія, время рожденія, мѣсто жительства (для иностранцевъ—названіе государства, гдѣ подсудимый родился), вѣроисповѣданіе, семейное состояніе, общественное положеніе (занятіе, средства къ жизни). Наша статистика требуетъ, кромѣ того, еще нѣсколько свѣдѣній, обусловливаемыхъ, съ одной стороны, необходимостью возможно болѣе точнаго удостовѣренія личности обвиненнаго, въ видахъ установленія случаевъ рецидива, каковой цѣли не преслѣдуетъ германская статистика, съ другой—мѣстными условіями. Таковы вопросы: о мѣстѣ рожденія и приписки, о законности или незаконности рожденія, о грамотности и объ образованіи, о народности, о степени имущественнаго обезпеченія, объ особыхъ примѣтахъ и т. д. Нельзя не замѣтить, что отсутствіе вопросовъ объ образованіи осужденныхъ и особенно о народности составляетъ весьма существенный пробѣлъ въ германской уголовной статистикѣ. Свѣдѣнія о народности преступниковъ могли бы, какъ это будетъ видно ниже, пролить много свѣта

на причины, обусловливающія географическое распредѣленіе преступности въ Германіи. Обратная сторона счетной карточки совершенно также, какъ и въ русскихъ статистическихъ листкахъ, занята свѣдѣніями о преступленіи, которое совершилъ осужденный, и о сущности судебнаго приговора; въ нѣмецкихъ листкахъ они сгруппированы въ три вопроса: 1) преступное дѣяніе, совершенное подсудимымъ, 2) вошедшее въ законную силу рѣшеніе суда и 3) прежняя наказуемость осужденнаго.

Вопросы эти, распадающіеся каждый на нѣсколько частныхъ вопросовъ, изложены въ германскихъ листкахъ въ высшей степени просто и ясно: указывается время и мѣсто совершеннаго преступленія, родъ дѣянія, съ ссылкою на нарушенную статью закона; въ случаѣ совокупности преступленій требуется точное обозначеніе каждаго изъ совершенныхъ подсудимымъ преступленій и указаніе приговоровъ, произнесенныхъ судомъ по каждому дѣянію отдѣльно. Вслѣдствіе сего германская статистика, хотя вообще и менѣе подробная, чѣмъ русская, имѣетъ значительное преимущество передъ нею: она можетъ опредѣлить не только число привлеченныхъ къ суду лицъ, или лицъ, признанныхъ судомъ виновными въ совершеніи извѣстныхъ дѣяній, но и *число преступныхъ дѣяній*, совершенныхъ въ каждой данной мѣстности въ теченіе извѣстнаго періода. Несомнѣнно, что эти послѣднія свѣдѣнія представляются наиболѣе существенными для опредѣленія преступности населенія. Дѣйствительно, каждое преступное дѣяніе имѣетъ свое значеніе съ точки зрѣнія общественной нравственности, какъ проявленіе извѣстной степени злой воли лица, совершившаго это дѣяніе, и поэтому для статистики преступности безразлично, удалось ли судебной власти обнаружить лицо, виновное въ совершеніи сего злодѣянія, или нѣтъ: фактъ злодѣянія существуетъ, а слѣдовательно существуетъ и лицо, хотя быть можетъ не обнаруженное, но все-же совершившее это злодѣяніе. Наша уголовная статистика лишена указаннаго преимущества: она представляетъ или число „дѣлъ“,—отвлеченное канцелярское понятіе, подъ которымъ, по произволу судебнаго мѣста, можетъ подразумѣваться въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительно лишь одно преступное дѣяніе, а во многихъ другихъ случаяхъ и притомъ безъ особыхъ логическихъ основаній—нѣсколько дѣяній, совершенныхъ разновременно однимъ или нѣсколькими лицами; съ другой стороны, она перечисляетъ лишь число осужденныхъ, внѣ зависимости отъ числа преступныхъ дѣяній, совершенныхъ каждымъ изъ нихъ.

Такова въ общихъ чертахъ система германской имперской уголовной статистики: давая свѣдѣнія о подсудимыхъ, какъ матеріалъ для нравственной статистики населенія, она оставляетъ въ сторонѣ свѣдѣнія о дѣятельности судебныхъ мѣстъ. Этотъ послѣдній пробѣлъ восполняется, впрочемъ, мѣстными изданіями нѣкоторыхъ отдѣльныхъ государствъ, входящихъ въ составъ германской имперіи.

Изъ числа перечисленныхъ выше томовъ, изданныхъ на протяженіи послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ, наибольшій интересъ представляетъ томъ XXXVII, изданный въ 1889 году и заключающій въ себѣ сводъ данныхъ за предшествующее пятилѣтіе, а затѣмъ вышедшій въ ноябрѣ минувшаго года томъ LXXVII, въ которомъ сведены главнѣйшія цифровыя данныя за десятилѣтіе 1883—1893 годовъ въ сопоставленіи съ соотвѣтственными цифрами за 1893 годъ. Выводы эти изложены въ такъ называемыхъ „Erläuterungen, Bemerkungen und Berechnungen“ къ отдѣльнымъ таблицамъ, изъ коихъ состоятъ германскіе своды. Одна часть этихъ Erläuterungen, касающаяся собственно юридическихъ вопросовъ, разработана министерствомъ юстиціи, вторая, заключающая въ себѣ данныя по статистикѣ нравственности,—трудъ статистическаго бюро и въ частности доктора правъ Клейна. Въ первой части находимъ свѣдѣнія о числѣ преступныхъ дѣяній въ распредѣленіи по группамъ преступленій и въ связи съ числомъ совершившихъ оныя лицъ, а также съ результатами вошедшихъ въ законную силу судебныхъ приговоровъ, въ смыслѣ осужденія или оправданія; свѣдѣнія о преступникахъ несовершеннолѣтнихъ; свѣдѣнія о рецидивистахъ, заключающія въ себѣ много любопытныхъ подробностей, и, наконецъ, свѣдѣнія о судебныхъ приговорахъ въ распредѣленіи по родамъ и степенямъ наказаній. Вторая часть, работа стати-

стическаго бюро, касается, главнымъ образомъ, трехъ пунктовъ: мѣста совершенія преступленій въ смыслѣ географическаго распространенія преступности, времени ихъ совершенія въ распредѣленіи по частямъ года и, наконецъ, личности преступниковъ съ указаніемъ возраста, пола и общественнаго положенія, т. е. рода занятій осужденнаго.

II.

Остановимся, прежде всего, на числахъ, выражающихъ общую преступность въ Германіи.

Въ теченіе разсматриваемаго періода совершено преступныхъ дѣяній:

въ 1882	году	389.658	прест. съ	329.968	осужд.
— 1883	—	400.064	—	330.128	—
— 1884	—	426.490	—	345.977	—
— 1885	—	411.245	—	343.087	—
— 1886	—	450.636	—	353.000	—
— 1887	—	454.700	—	356.357	—
— 1888	—	453.359	—	350.665	—
— 1889	—	475.710	—	369.644	—
— 1890	—	498.390	—	381.450	—
— 1891	—	498.751	—	391.064	—
— 1892	—	534.025	—	422.327	—
— 1893	—	535.000	—	430.403	—

Такимъ образомъ въ теченіе разсматриваемыхъ двѣнадцати лѣтъ число ежегодно совершаемыхъ въ Германіи преступныхъ дѣяній увеличилось на 145.342, или на $37{,}3\,\%$, а число осужденныхъ возросло на 100.435, или на $30{,}7\,\%$. Необычайный ростъ преступныхъ дѣяній, не соотвѣтствующій ни увеличенію числа привлеченныхъ къ суду лицъ, ни возрастанію числа осужденныхъ, къ сожалѣнію, не находитъ себѣ объясненія у составителей германскихъ статистическихъ обзоровъ. Что касается до числа осужденныхъ, то оно увеличилось въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, какъ уже сказано выше, на $30{,}7\,\%$, т. е. болѣе чѣмъ на $2{,}5\,\%$ въ годъ. Между тѣмъ средній ежегодный приростъ населенія въ Германіи ($12{,}5\,\%$ за всѣ двѣнадцать лѣтъ)

немногимъ превышаетъ одинъ процентъ ($1{,}04\,\%$); отсюда ясно, что эти $1{,}46\,\%$, составляющіе разность между ежегоднымъ приростомъ населенія и увеличеніемъ числа осужденныхъ, должны быть разсматриваемы какъ годичный коэффиціентъ увеличенія общей преступности населенія.

Отношеніе общаго годоваго числа осужденныхъ, а также числа совершенныхъ преступныхъ дѣяній къ населенію за весь разсматриваемый періодъ колеблется въ предѣлахъ отъ десяти до двѣнадцати человѣкъ осужденныхъ и отъ двѣнадцати до пятнадцати преступленій на каждую тысячу населенія, состоящаго въ наказуемомъ возрастѣ, при чемъ обнаруживаетъ постоянную изъ года въ годъ увеличивающуюся склонность къ повышенію.

Такъ, на 100 тысячъ человѣкъ населенія приходилось:

Годы.	Преступныхъ дѣяній.	Осужденныхъ.
1882	1231	1043
1883	1256	1036
1884	1328	1077
1885	1364	1060
1886	1381	1082
1887	1388	1084
1888	1365	1056
1889	1418	1102
1890	1465	1122
1891	1433	1124
1892	1516	1199
1893	1505	1210

т. е. преступность населенія за эти двѣнадцать лѣтъ возрасла въ поразительной степени: число ежегодно совершаемыхъ преступленій на каждую тысячу человѣкъ съ 12 на 15 случаевъ, а число осужденныхъ преступниковъ съ 10 до 12 человѣкъ.

Необходимо сказать здѣсь нѣсколько словъ относительно пріема, употребляемаго германскимъ статистическимъ бюро для вычисленія преступности населенія. Въ основаніе вычисленія принимается не общая цифра населенія, а лишь чи-

сло лицъ, состоящихъ въ наказуемомъ возрастѣ, т. е. имѣющихъ отъ роду болѣе 12 лѣтъ, такъ какъ наказуемость по германскимъ законамъ начинается лишь по достиженіи полныхъ 12 лѣтъ. Такимъ образомъ изъ общей цифры 48¹/₄ милліоновъ населенія германской имперіи, которое числилось къ 1 января 1889 года, за основаніе для исчисленія преступности приняты лишь 33¹/₂ милліона, имѣвшіе къ упомянутому сроку болѣе 12 лѣтъ.

Кромѣ того, озабочиваясь возможно болѣе точнымъ опредѣленіемъ дѣйствительной преступности населенія и принимая во вниманіе, что, при средней продолжительности движенія каждаго дѣла около ¹/₂ года, въ числѣ лицъ, осужденныхъ въ каждомъ данномъ году, почти половина лицъ совершили проступки, за которые они судятся, не въ данномъ, а въ предшествующемъ году, германское статистическое бюро беретъ въ основаніе своихъ вычисленій цифру населенія къ 1 января разсматриваемаго года, какъ среднюю для того періода времени, въ теченіе котораго совершены преступленія, разсматриваемыя въ теченіе каждаго года. Наконецъ, доводя точность своихъ исчисленій до крайняго предѣла, бюро, при счисленіи наличнаго состава населенія, стало, съ недавняго времени, именно съ начала послѣдняго пятилѣтія, исключать изъ цифръ населенія число лицъ, находящихся въ данномъ году на военной службѣ, проступки, совершенные коими, подлежатъ суду военному и потому не включены въ соотвѣтственныя графы свода. Такимъ образомъ въ основаніе исчисленій бюро принимаетъ наличность *гражданскаго* населенія обоего пола, находившагося въ наказуемомъ возрастѣ къ 1 января каждаго года. Впрочемъ, эта послѣдняя подробность вліяетъ на исчисленіе процента преступности лишь въ весьма слабой степени.

Такъ, на каждыя 100.000 населенія въ періодъ 1882—1887 годовъ приходилось осужденныхъ:

Годы.	По прежнему способу исчисленія.	По новому способу.	Разность.
1882	1029	1043	+14
1883	1024	1036	+12
1884	1067	1077	+10
1885	1047	1060	+13
1886	1066	1082	+16
1887	1068	1084	+16

Разность обоихъ способовъ исчисленія выражается въ 10—16 человѣкъ на каждыя 100.000 населенія, т. е. отъ 10 до 16 тысячныхъ процента всего населенія, или отъ одного до полутора процента общаго числа осужденныхъ. Безъ всякаго сомнѣнія, пріемъ этотъ безусловно правильный, и нельзя не пожелать, чтобы онъ былъ принятъ при исчисленіи преступности статистическими учрежденіями прочихъ государствъ. Что касается до Россіи, то пока, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было точныхъ цифръ населенія, о немъ не можетъ быть и рѣчи. Народная перепись, произведенная 28-го января текущаго года, выдвинетъ этотъ вопросъ на очередь и тогда несомнѣнно, что и русскія статистическія учрежденія должны будутъ послѣдовать примѣру германскаго статистическаго бюро. Впрочемъ, въ Россіи исключеніе военнаго элемента изъ общихъ цифръ населенія при исчисленіи преступности не можетъ имѣть такого значенія, какъ въ Германіи, такъ какъ въ Россіи относительное число лицъ, находящихся на дѣйствительной военной службѣ, значительно меньше, чѣмъ въ германской имперіи.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію данныхъ о распредѣленіи осужденныхъ по роду совершенныхъ ими преступныхъ дѣяній. Германская статистика группируетъ преступленія по четыремъ главнымъ категоріямъ: I) преступленія и проступки противъ государства, общественнаго порядка и религіи (Verbrechen und Vergehen gegen Staat, öffentliche Ordnung und Religion), II) преступленія противъ личности (Verbrechen und Vergehen gegen die Person), III) преступленія имущественныя (Verbrechen und Vergehen gegen das Vermögen) и IV) преступленія служебныя (Verbrechen und Vergehen im Amte). Эти четыре главныя группы подраздѣляются на 25 отдѣловъ, затѣмъ на 84 подъотдѣла и, наконецъ, на 172 мелкихъ подраздѣленія. Послѣднее представляется тѣмъ болѣе цѣннымъ съ точки зрѣнія

сравнительной статистики, что даетъ почти полную возможность сопоставленія данныхъ германской уголовной статистики съ выводами уголовной статистики другихъ государствъ, напр. русской или французской, гдѣ равнымъ образомъ подсудимые и осужденные распредѣляются по роду преступленій на весьма мелкія подраздѣленія.

Число осужденныхъ по четыремъ главнымъ группамъ преступленій измѣняется по годамъ слѣдующимъ образомъ:

Годы.	I. Преступленія противъ общественнаго порядка.	II. Преступленія противъ личности.	III. Преступленія противъ собственности.	IV. Преступленія служебныя.
1882	51.623	107.398	169.334	1613
1883	51.684	112.237	164.590	1617
1884	56.082	125.299	162.898	1698
1885	56.367	127.865	157.275	1580
1886	60.456	134.019	156.932	1593
1887	62.348	137.745	154.745	1519
1888	61.806	134.669	152.652	1538
1889	62.817	139.639	165.621	1567
1890	63.848	148.096	168.107	1499
1891	64.994	149.750	177.835	1485
1892	66.392	157.928	196.437	1570
1893	73.107	172.096	183.645	1555

Въ отношеніи къ общей численности наказуемаго населенія (Strafmündige Civil-Bevölkerung) осужденные тѣхъ же четырехъ категорій распредѣляются, на каждые 100.000 человѣкъ населенія, слѣдующимъ образомъ:

Годы.	I.	II.	III.	IV.
1882	163	340	535	5,1
1883	162	352	517	5,1
1884	175	390	507	5,2
1885	174	395	486	4,9
1886	185	411	481	4,9
1887	189	419	471	4,6
1888	186	405	460	4,6
1889	187	416	494	4,7
1890	187	435	494	4,4
1891	178	430	511	4,3
1892	188	448	558	4,5
1893	206	484	516	4,4

Первое мѣсто занимаютъ, какъ въ отношеніи абсолютныхъ, такъ равно и относительныхъ цифръ, осужденные за совершеніе преступленій имущественныхъ. Въ среднемъ за весь разсматриваемый періодъ они составляютъ 45,9%. Второе мѣсто принадлежитъ осужденнымъ за преступленія противъ личности—37,0%; преступленія и проступки противъ религіи, государства и общественнаго порядка занимаютъ третье мѣсто, составляя въ среднемъ за всѣ 12 лѣтъ 16,5%; наконецъ на послѣднемъ мѣстѣ стоятъ преступленія служебныя, сравнительно ничтожныя по своей численности, всего лишь 0,6% общаго числа осужденныхъ.

Разсматривая измѣненіе преступности населенія по времени, нельзя прежде всего не обратить вниманія на крайне любопытное колебаніе въ числѣ осужденныхъ за совершеніе преступленій имущественныхъ. Въ теченіе первыхъ семи лѣтъ съ 1882 до 1888 года наблюдается постепенное и притомъ весьма значительное уменьшеніе относительнаго числа осужденныхъ: съ 535 человѣкъ на 100.000 наказуемаго населенія оно понижается за семь лѣтъ до 460, т. е. на 12¹,₂%. При этомъ въ частности уменьшеніе преступности касается главнымъ образомъ кражи: число ежегодно осуждаемыхъ за кражу падаетъ съ 117.627 до 99.158 или съ 367 до 299 человѣкъ на 100.000 населенія, тогда какъ, напротивъ того, число осужденныхъ за мошенничество увеличивается съ каждымъ годомъ и доходитъ съ 12.250 до 16.140 осужденныхъ, или съ 38 до 49 человѣкъ на 100 тысячъ населенія. Съ 1888 года начинается обратное движеніе: общее число осужденныхъ за преступленія противъ собственности снова и притомъ весьма быстро повышается и достигаетъ въ абсолютныхъ цифрахъ до 183.645 осужденныхъ, или до 516 человѣкъ на 100.000 населенія. При этомъ

повышается также и число осужденныхъ за кражу, хотя, впрочемъ, и не въ такой степени, какъ по прочимъ видамъ преступленій противъ собственности; въ теченіе пяти лѣтъ число осужденныхъ за кражу поднимается до 113.810 осужденныхъ, или до 319 человѣкъ на 100 тысячъ населенія; напротивъ того, увеличеніе числа осужденныхъ за мошенничество и подлоги идетъ весьма быстро и достигаетъ къ концу періода до 22.657 осужденныхъ, или до 63 человѣкъ на каждыя 100.000 населенія. Такимъ образомъ въ теченіе всего 12-тилѣтняго періода число осужденныхъ за кражу нѣсколько уменьшилось (367 и 316), а число осужденныхъ за подлоги и мошенничество увеличилось въ огромномъ размѣрѣ, именно съ 38 до 63 человѣкъ на 100.000 населенія, т. е. болѣе, чѣмъ въ полтора раза.

Иную картину представляетъ измѣненіе числа осужденныхъ за совершеніе преступленій противъ личности. Число это непрерывно увеличивается и съ 107.398 человѣкъ достигаетъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ до 172.090, или съ 340 человѣкъ увеличивается до 484 человѣкъ на 100 тысячъ населенія. Увеличеніе касается всѣхъ видовъ этого рода преступленій, но преимущественно преступленій противъ нравственности—съ 6441 до 9357 (съ 20 до 27 человѣкъ на 100 тысячъ населенія), преступленій противъ жизни—съ 1215 до 1409 (съ 3 до 4 человѣкъ на 100 тысячъ населенія) и въ особенности тѣлесныхъ поврежденій: число осужденныхъ по этой группѣ возросло съ 56.787 до 100.937, или съ 177 до 284 на 100 тысячъ населенія, т. е. ни болѣе, ни менѣе, какъ на 78%. Въ числѣ тѣлесныхъ поврежденій особенно важное мѣсто занимаютъ поврежденія тяжкія: въ двѣнадцать лѣтъ число осужденныхъ увеличилось почти невѣроятнымъ образомъ, именно съ 38.291 возросло до 72.919, т. е. съ 121 до 205 человѣкъ на 100.000 наказуемаго населенія, или на 90%. Наоборотъ, собственно убійство, а также поврежденія смертельныя показываютъ вполнѣ опредѣленную склонность къ пониженію. Убійства понижаются съ 151 до 114 осужденныхъ въ годъ (дѣтоубійство, напротивъ того, увеличивается съ 171 до 222 въ 1892 году); число осужденныхъ за смертельныя поврежденія падаетъ съ 164 въ 1882 году до 117 осужденныхъ въ 1888 году, а затѣмъ снова нѣсколько повышается. Въ группѣ преступленій противъ личности заслуживаютъ особаго вниманія дѣла о поединкахъ (Zweikampf), въ виду извѣстнаго указа Императора Вильгельма II. Число лицъ, ежегодно осуждаемыхъ за участіе въ дуэляхъ, въ 1882—1885 годахъ колеблется между 119 и 170 лицами; въ 1886 году оно сразу падаетъ съ 157 до 79 человѣкъ, а къ концу періода, именно къ 1893 году, понижается еще далѣе, именно до 66 человѣкъ. Наконецъ, что касается до преступленій противъ нравственности, то на первомъ мѣстѣ, по размѣрамъ увеличенія числа осужденныхъ, надобно поставить двоебрачіе: число осужденныхъ за это преступленіе въ теченіе шестилѣтняго періода болѣе, чѣмъ удвоилось: съ 38 до 78 осужденныхъ. Затѣмъ въ огромной степени, именно на 59%, увеличилось число ежегодно осуждаемыхъ за противоестественные пороки (Widernatürliche Unzucht) (съ 329 до 524 осужденныхъ), а также за изнасилованіе, растлѣніе и за Nothzucht—съ 2852 до 3805 осужденныхъ, т. е. на 37%.

Итакъ, въ общемъ, число лицъ, осужденныхъ за совершеніе преступленій противъ личности, растетъ въ значительной степени: въ то время, какъ населеніе увеличилось всего лишь на 12½%, число лицъ, совершавшихъ преступленія противъ личности, возросло въ общей сложности на 60%, т. е. въ пять разъ, а въ частности, по нѣкоторымъ видамъ этого преступленія увеличилось еще болѣе: по тѣлеснымъ поврежденіямъ на 78%, а по поврежденіямъ тяжкимъ на 90%, т. е. почти вдвое. Надо полагать, что это огромное увеличеніе количества осужденныхъ отчасти можетъ быть поставлено на счетъ усиленія строгости судебной репрессіи; съ другой стороны, почти несомнѣнно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ крайне прискорбнымъ явленіемъ огрубѣнія общественныхъ нравовъ которое, казалось бы, является совершеннымъ анахронизмомъ въ концѣ XIX столѣтія и причины котораго надобно искать въ измѣненіи условій общественной жизни и, между прочимъ, въ распространеніи милитаризма. Какъ бы то ни было, но нельзя не считаться съ

тѣмъ фактомъ, что на каждую тысячу человѣкъ населенія почти пять человѣкъ были подвергнуты наказанію за насиліе надъ личностью.

Третья изъ разсматриваемыхъ группъ—преступленія и проступки противъ религіи, государственнаго и общественнаго строя—тоже даетъ повышеніе какъ въ абсолютныхъ, такъ и въ относительныхъ цифрахъ, хотя и не такое огромное, какъ преступленія противъ личности. Въ началѣ разсматриваемаго періода они составляли 15½% общаго числа преступленій, черезъ двѣнадцать лѣтъ они составили уже 17%, при чемъ абсолютное число осужденныхъ увеличилось съ 51.623 до 73.107, а относительное, на каждыя 100 тысячъ населенія, съ 163 до 206 человѣкъ. Въ числѣ преступленій этой группы особенно замѣтно увеличились случаи сопротивленія властямъ (Widerstand gegen die Staats-Gewalt) съ 12.908 до 16.763 осужденныхъ и преимущественно проступки и преступленія противъ общественнаго порядка (Verbrechen und Vergehen wider die öffentliche Ordnung) съ 111 до 147 на 100.000 населенія, или въ абсолютныхъ цифрахъ съ 35.636 до 52.938 человѣкъ.

Хотя двѣнадцатилѣтній періодъ все-же недостаточно продолжителенъ для того, чтобы можно было прійти къ какимъ-либо положительнымъ результатамъ, тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что и въ теченіе этого небольшаго промежутка времени общее увеличеніе преступности шло значительно болѣе быстрыми шагами, чѣмъ увеличеніе народонаселенія, и потому, очевидно, имѣетъ свои причины въ существѣ народнаго быта Германіи. Въ частности замѣчается вполнѣ опредѣлившееся, хотя и не особенно значительное, уменьшеніе преступленій противъ собственности, а съ другой стороны—огромное увеличеніе числа преступленій противъ жизни, а также противъ чести и нравственности. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ совершенно измѣняется взаимное соотношеніе различныхъ группъ преступленій, измѣняется, такъ сказать, физіономія германской преступности. Въ началѣ періода преступленія противъ собственности составляютъ нѣсколько болѣе половины (51,3%) общаго количества преступленій, къ концу періода они составляютъ уже только 42,7%. Напротивъ того,

преступленія противъ личности въ 1882 году не достигаютъ и трети общаго числа (32,5%); черезъ двѣнадцать лѣтъ они уже повышаются до 40%, т. е. занимаютъ почти одинаковое мѣсто съ преступленіями противъ собственности. Равнымъ образомъ повышается число преступленій противъ общественнаго порядка (съ 15,7 до 17%) и падаетъ (съ 5 до 3%) число преступленій служебныхъ.

III.

Перейдемъ теперь къ обозрѣнію данныхъ о географическомъ распредѣленіи преступности въ Германіи. Цифровыя свѣдѣнія о распредѣленіи преступности по территоріи государствъ, входящихъ въ составъ германской имперіи, при чемъ за единицу сравненія взяты мелкіе округа, съ населеніемъ, не превышающимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ трехъ или четырехъ тысячъ человѣкъ,—изложены особенно подробно въ XXXVII томѣ, въ видѣ таблицъ, а вмѣстѣ съ симъ изображены графически на нѣсколькихъ превосходно исполненныхъ картахъ, приложенныхъ къ изданію. Картъ этихъ пять: одна даетъ картину общей преступности въ имперіи (Verbrechen und Vergehen gegen Reichsgesetze), прочія представляютъ географическое распредѣленіе главнѣйшихъ группъ преступленій, именно—сопротивленіе властямъ (Gewalt und Drohungen gegen Beamte), тяжкія тѣлесныя поврежденія (gefährliche Körperverletzungen), кража (Diebstahl) и мошенничество (Betrug). Каждая изъ картъ настолько любопытна, что на нихъ стоитъ остановиться, тѣмъ болѣе, что выводы свода относительно преступности населенія отдѣльныхъ географическихъ единицъ, основанные на данныхъ, относящихся къ довольно продолжительному періоду, именно къ десятилѣтію съ 1883 по 1892 годъ, могутъ имѣть уже достаточно значительный вѣсъ при опредѣленіи нравственнаго уровня и преступности той или другой области.

Особый интересъ представляютъ какъ карты, такъ и поясните́льныя къ нимъ таблицы тѣмъ, что вся имперія раз-

бита въ нихъ на мельчайшія административныя единицы (числомъ 990), въ которыхъ населеніе, если не считать крупныхъ городовъ, не превышаетъ 30—40 тысячъ человѣкъ, а въ нѣкоторыхъ округахъ не достигаетъ даже 4000 душъ. Благодаря такой системѣ, всѣ мельчайшіе оттѣнки въ преступности населенія выдѣляются чрезвычайно рельефно и даютъ весьма ясное представленіе о размѣрахъ и распространеніи преступности германской народности.

Уже при поверхностномъ взглядѣ на карту общей преступности (Verbrechen und Vergehen gegen Reichsgesetze) бросается въ глаза то обстоятельство, что наибольшая преступность сосредоточивается въ восточныхъ и южныхъ частяхъ Имперіи: съ одной стороны, въ Прусской Силезіи и вообще пограничныхъ съ Царствомъ Польскимъ округахъ, съ другой стороны—въ Баваріи. Maximum преступности даетъ округъ Іоганнисбургъ, граничащій съ нашею Ломжинскою губерніей, въ немъ на 10.000 населенія имѣется, въ среднемъ выводѣ за пятилѣтіе, 338 осужденныхъ. Впрочемъ, и другіе сосѣдніе съ нимъ округа немногимъ ему уступаютъ. Вообще, вся пограничная съ Царствомъ Польскимъ полоса рѣзко выдѣляется своими темными красками передъ всѣми остальными частями Германіи, поднимаясь въ большей части округовъ выше 200 осужденныхъ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ—въ двухъ-трехъ округахъ—спускаясь до 130 осужденныхъ на 10.000 населенія, въ то время какъ среднее для всей имперіи составляетъ 102 осужденныхъ. Почти такая же преступность усматривается и въ округахъ, расположенныхъ по нижнему теченію Вислы вплоть до Данцига, а затѣмъ по нижнему теченію Нѣмана и въ Кенигсбергскомъ округѣ.

Нельзя не пожалѣть, что, какъ уже сказано выше, германская уголовная статистика не даетъ намъ свѣдѣній о народности преступниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя и не замѣтить, что самаго бѣглаго взгляда на этнографическую карту восточной Европы достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что границы наибольшей преступности населенія германской имперіи совпадаютъ съ границами распространенія польской народности и католицизма. Другимъ, хотя болѣе слабымъ очагомъ преступности, является, какъ уже сказано, Баварія; и здѣсь причины болѣе высокой преступности не лежатъ, повидимому, внѣ причинъ національныхъ, а, кромѣ того, также, какъ и въ Прусской Силезіи, находятся въ зависимости отъ меньшей, сравнительно съ центральной Германіей, культурности населенія. Слѣдуетъ равнымъ образомъ замѣтить, что одинаковой съ центральными частями королевства интенсивностью преступности отличается и прирейнская часть Баваріи, отдѣленная отъ остальной Баваріи королевствомъ Вюртембергскимъ и великимъ герцогствомъ Баденскимъ; въ нихъ преступность значительно ниже средней, а мѣстами даже и минимальная, ниже 40 осужденныхъ на 10.000 населенія, между тѣмъ какъ въ прирейнской Баваріи округа Кайзерсъ-Лаутернъ и Франкенталь, лежащіе по лѣвую сторону Рейна, имѣютъ 193 и 185 осужденныхъ, округъ Шпейеръ 226 осужденныхъ, округъ Пирмазенсъ даже 246 человѣкъ осужденныхъ на 10 тысячъ населенія. Такой высокой преступности въ самой Баваріи достигаетъ только городъ Мюнхенъ, имѣющій 218 осужденныхъ на 10 тысячъ населенія. Вся остальная часть имперіи даетъ уже меньшую относительную преступность. Чѣмъ далѣе на сѣверъ и сѣверо-западъ, тѣмъ все меньшую и меньшую склонность къ преступленію обнаруживаетъ населеніе. Минимальныя цифры даетъ населеніе прирейнскихъ провинцій Пруссіи, Ганновера и особенно Гольштейна и Шлезвига. Темными пятнами являются здѣсь приморскіе портовые города: Бременъ, Гамбургъ и Штеттинъ съ ихъ округами, въ коихъ относительная преступность колеблется между 130 и 200 человѣкъ; но такое повышеніе преступности всецѣло должно быть приписано не коренному населенію разсматриваемыхъ округовъ, а пришлому люду, наводняющему портовые города, и исключительнымъ условіямъ общественной жизни этихъ городовъ. Наименьшею преступностью во всей имперіи отличается небольшой округъ Варендорфъ въ Вестфаліи съ населеніемъ въ 21.130 душъ, въ которомъ ежегодно осуждалось за всѣ преступленія въ теченіе десяти лѣтъ не болѣе 40 человѣкъ. Общая его преступность за десятилѣтіе—0,0019. Другимъ

подобнымъ центромъ былъ въ теченіе перваго пятилѣтія въ 1883—1887 годахъ, крошечный округъ Буркъ въ княжествѣ Рейссъ старшей линіи, имѣющій всего 3.226 душъ населенія: въ немъ совершалось ежегодно не болѣе четырехъ случаевъ нарушенія имперскихъ законовъ, въ томъ числѣ одинъ случай кражи ежегодно, всего одинъ случай мошенничества за пять лѣтъ и ни одного случая сопротивленія властямъ и тѣлесныхъ поврежденій. Эта характерная черта округа Буркъ тѣмъ замѣчательнѣе, что сосѣдніе съ нимъ округа и особенно баварскій округъ Кронахъ имѣютъ преступность до 207 осужденныхъ на 10.000 населенія. Равнымъ образомъ очень слабою преступностью отличается и почти весь Шлезвигъ, за исключеніемъ лишь одного округа Фленсбургъ. Въ округахъ Гадерлебенъ, Апенраде, Тондернъ, Зондернбергъ и Хусумъ число осужденныхъ не превышаетъ 28—32 человѣкъ на 10.000 населенія, въ Фленсбургѣ лишь немногимъ выше 40 чел.; напротивъ того, сосѣдній Гольштейнъ имѣетъ значительно болѣе высокую преступность: отъ 52 до 84, а въ Килѣ и Альтонѣ даже до 139 и 163 осужденныхъ на 10.000 населенія. Неменьшій интересъ представляетъ географическое распредѣленіе отдѣльныхъ видовъ преступленій, въ нѣкоторыхъ случаяхъ существенно отличающееся отъ распредѣленія общей преступности. Наиболѣе характерны, безъ сомнѣнія, двѣ главныя группы преступныхъ дѣяній: преступленія противъ личности (тяжкія тѣлесныя повреженія) и преступленія противъ собственности (кража и мошенничество).

Остановимся сначала на территоріальномъ распредѣленіи тѣлесныхъ поврежденій. Среднее для всей Имперіи—16 случаевъ на 10 т. населенія или 0,00163; колебанія maximum и minimum—въ предѣлахъ отъ 0,00014 до 0,00604. Географическое распредѣленіе этого рода преступныхъ дѣяній существенно разнится отъ распредѣленія общей преступности: хотя и здѣсь въ общихъ чертахъ югъ и востокъ отличаются большею преступностью сравнительно съ сѣверо-западомъ, тѣмъ не менѣе на картѣ мы видимъ пять темныхъ пятенъ, характеризующихъ наибольшую преступность: въ центрѣ Берлинъ съ окрестностями, на востокѣ польскія провинціи, на югѣ

Баварія, на юго-западѣ Палатинатъ и на западѣ часть Рейнской провинціи съ Кельномъ и Дюссельдорфомъ. Наибольшая преступность усматривается уже не въ польскихъ провинціяхъ, а въ Баваріи и преимущественно въ ея юго-восточной части, начиная отъ Нюренберга, а также и въ прирейнской части Баваріи—Палатинатѣ, съ округами: Шпейеръ, Кайзерсъ-Лаутернъ, Пирмазенсъ, Франкенталь, Людвигсгафенъ, при чемъ наибольшее для всей имперіи число осужденныхъ—62 человѣка на 10.000 населенія—падаетъ именно на округъ Пирмазенсъ. Пограничныя съ Россіей области, съ преобладаніемъ польскаго элемента въ населеніи, занимаютъ второе послѣ Баваріи мѣсто. Въ остальной Германіи отличаются значительнымъ количествомъ этого рода преступленій округа портовыхъ городовъ—Бремена, Штеттина, Данцига, Кенигсберга, Мемеля, а затѣмъ Берлинъ и нѣкоторые изъ городовъ университетскихъ, каковы Гейдельбергъ, Геттингенъ; относительная преступность послѣднихъ не вездѣ значительна, такъ, напр., въ Гейдельбергѣ 0,0030, но, тѣмъ не менѣе, все-же выше преступности сосѣднихъ округовъ. Слабою преступностью по отношенію къ преступленіямъ противъ личности отличается, между прочимъ, Саксонія и особенно ея славянскіе округа, населенные Лужичанами и пограничные съ Чехіей. Послѣднее мѣсто занимаетъ тотъ же исключительный округъ Варендорфъ близъ Мюнстера, въ которомъ въ теченіе 10 лѣтъ было ежегодно не болѣе трехъ случаевъ насилія надъ личностью при населеніи въ двадцать тысячъ человѣкъ.

Географическое распредѣленіе кражи рисуетъ намъ картину, существенно отличающуюся отъ двухъ предыдущихъ. Германія дѣлится на три части: вся восточная часть непрерывной полосой отъ устьевъ Нѣмана до Силезіи представляетъ сплошной рядъ максимальныхъ цифръ, отъ 40 до 70 осужденныхъ на 10.000 населенія; средняя полоса, въ которую входятъ сѣверная Пруссія и Баварія,—со среднею же преступностью отъ 20 до 40 осужденныхъ; вся сѣверо-западная часть даетъ минимальныя цифры, отъ 10 до 20 осужденныхъ и ниже. Отдѣльными темными пятнами выдѣляются здѣсь, начиная съ юга, Шпейеръ въ Палатинатѣ, Майнцъ

и Бременъ, а въ средней полосѣ Мюнхенъ, баварскіе округа Кронахъ и Тейхницъ и рядомъ съ ними нѣсколько округовъ, примыкающихъ съ сѣвера къ Тюрингенскому лѣсу.

Среднее для имперіи число кражъ—27,8 на 10.000 человѣкъ, minimum—4,4 въ округѣ Ахаузъ въ Вестфаліи, maximum въ смежномъ съ Ломжинской губерніей округѣ Іоганнисбургъ—116 человѣкъ, а за нимъ и во всей пограничной съ Царствомъ Польскимъ полосѣ. И здѣсь, какъ и на картѣ общей преступности, очертанія наибольшей преступности болѣе или менѣе совпадаютъ съ распредѣленіемъ польскаго населенія, хотя и не такъ рѣзко отличаются отъ округовъ съ преобладающимъ нѣмецкимъ населеніемъ. Наименьшую склонность къ проступкамъ, нарушающимъ право собственности, проявляетъ населеніе округовъ, пограничныхъ съ Франціей, Бельгіей и Нидерландами, а также по нижнему теченію Эльбы (кромѣ Гамбурга), въ Шлезвигѣ и въ Гольштейнѣ.

Послѣдняя изъ картъ даетъ географическое распредѣленіе мошенничества. Среднее для всей германской имперіи—46 осужденныхъ на 100.000 человѣкъ населенія; maximum 176 (въ Ульмѣ) въ Вюртембергѣ, minimum 0,33 округъ Аденау, въ Рейнскихъ провинціяхъ.

Географическое распредѣленіе мошенничества совершенно иное, чѣмъ распредѣленіе кражи: восточная часть имперіи, дающая максимумъ для кражи, по отношенію къ мошенничеству имѣетъ преступность ниже средней; за исключеніемъ лишь Бреславля, наибольшія величины даетъ югъ: Баденъ, Вюртембергъ, особенно Баварія и лежащая на сѣверѣ отъ нихъ полоса между Везеромъ и Эльбой; крайній западъ германской имперіи: Эльзасъ-Лотарингія и прирейнскія области Пруссіи даютъ минимальныя цифры 20,15 и менѣе 15-ти осужденныхъ на 100.000 населенія.

Такая противоположность въ географическомъ распредѣленіи двухъ близкихъ одного къ другому видовъ преступленія противъ чужой собственности невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе. Безъ сомнѣнія мошенничество, какъ одинъ изъ отрицательныхъ продуктовъ цивилизаціи, должно бы имѣть

наибольшее напряженіе именно тамъ, гдѣ населеніе отличается наибольшимъ развитіемъ. Въ Германіи, чѣмъ ближе къ западу, тѣмъ населеніе гуще и тѣмъ выше общій уровень образованія; напротивъ того, къ востоку населеніе менѣе плотно, менѣе культурно, въ занятіяхъ населенія преобладаетъ земледѣліе, а не торговля и фабричная промышленность, и тамъ мошенничество уступаетъ кражѣ. Подтвержденіе этому можно видѣть въ характерѣ преступности населенія большихъ городовъ Германіи сравнительно съ характеромъ преступности въ округахъ этихъ городовъ. Въ Берлинѣ, въ пятилѣтіе 1882—1887 годовъ, на 100 кражъ приходилось 18 мошенничествъ, а въ прилегающемъ къ нему Потсдамскомъ округѣ только 12; въ Кенигсбергѣ на 100 кражъ—14 мошенничествъ, а въ округѣ его только 6; въ Бреславлѣ на 100 кражъ 15 мошенничествъ, а въ округѣ его только 11; въ Килѣ 22, а въ Шлезвигѣ 16 мошенничествъ на 100 кражъ. Чѣмъ далѣе къ западу и къ югу, тѣмъ это соотношеніе увеличивается: Франкфуртъ на Майнѣ и Кассель даютъ 21 мошенничество, Штутгардъ 24, Ганноверъ 27, Мюнхенъ 31, Гейдельбергъ до 36. Соотвѣтственно этому, по мѣрѣ приближенія къ югу и западу имперіи, увеличивается и преобладаніе мошенничества въ средѣ населенія сельскаго, при чемъ общій для всей страны процентъ мошенничествъ поднимается для всего Вюртемберга до 21, а въ Баденѣ до 26 мошенничествъ на 100 кражъ, т. е. въ полтора раза болѣе, чѣмъ въ городѣ Берлинѣ. Любопытно, кстати, замѣтить, что во всей Германіи ежегодно среднимъ числомъ осуждается 92.775 человѣкъ за кражи и 15.517 за мошенничества, т. е. на каждыя 100 кражъ приходится 16 мошенничествъ; въ Россіи же въ общихъ и мировыхъ установленіяхъ въ среднемъ за послѣднее десятилѣтіе ежегодно было осуждаемо за кражу 39.290 человѣкъ (12.375 въ общихъ судахъ и 26.917 въ мировыхъ), а за мошенничество 1400 человѣкъ (559 въ общихъ судахъ и 843 въ мировыхъ), т. е. на каждыя 100 кражъ приходилось лишь немного болѣе трехъ мошенничествъ.

Таковы главнѣйшія данныя относительно географическаго распредѣленія преступности въ Германіи. Въ общемъ, какъ

уже сказано выше, преступность достигаетъ наибольшаго напряженія въ восточныхъ и южныхъ частяхъ имперіи и наименьшаго—въ сѣверо-западной, что̀ болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ и степени общаго развитія населенія, болѣе культурнаго въ западныхъ частяхъ имперіи и находящагося на болѣе низкихъ ступеняхъ образованности въ южныхъ и юго-восточныхъ.

АРЕСТАНТСКІЙ ТРУДЪ
ВЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ТЮРЬМАХЪ.

С. К. Гогеля.

(Окончаніе) [1]).

IV.

Приступая къ описанію постановки работъ въ русскихъ тюрьмахъ, я прежде всего долженъ остановиться на источникѣ, изъ котораго мною почерпнуты сообщаемыя данныя. Такимъ источникомъ не могли явиться издаваемые ежегодно отчеты по Главному тюремному управленію, ибо въ нихъ не содержится по интересующему насъ вопросу самыхъ существенныхъ свѣдѣній: нѣтъ данныхъ, которыя бы позволяли судить или хоть сдѣлать выводъ о томъ, въ какой мѣрѣ были заняты арестанты трудомъ (такія свѣдѣнія сообщаются лишь относительно мѣстъ заключенія города С.-Петербурга, гдѣ они особенно благопріятны); нѣтъ свѣдѣній въ этихъ отчетахъ и о томъ, какими работами были заняты арестанты; нѣтъ свѣдѣній даже о томъ, на какія именно тюрьмы и на какія работы расходуется имѣющійся въ распоряженіи Главнаго тюремнаго управленія фондъ на развитіе арестантскихъ работъ.

При такихъ условіяхъ мнѣ пришлось обратиться къ подлиннымъ отчетамъ губернаторовъ, представляемымъ ими ежегодно въ Главное тюремное управленіе, о состояніи тюремныхъ работъ въ ввѣренныхъ имъ губерніяхъ. Отчеты эти пред-

---

[1]) См. Жур. Мин. Юст., Февраль 1897 г., стр. 159.

ставляются собственно въ видахъ полученія согласія Главнаго тюремнаго управленія на предположенія губернатора о распредѣленіи дохода отъ арестантскихъ работъ; съ этой же чисто „финансовой“ точки зрѣнія относится къ отчетамъ и тюремное управленіе. Понятно, поэтому, что въ отчетахъ, которые состоятъ большею частью изъ сводной вѣдомости по губерніи и вѣдомостей, составленныхъ въ каждой отдѣльной тюрьмѣ, а иногда, впрочемъ рѣдко, лишь изъ одной сводной вѣдомости, содержатся весьма скудныя свѣдѣнія, иногда только цифровыя данныя о числѣ дней, проведенныхъ на внѣшнихъ, внутреннихъ и хозяйственныхъ работахъ, и о заработкѣ отъ каждаго изъ этихъ трехъ родовъ работъ.

Къ счастью, во многихъ вѣдомостяхъ отдѣльныхъ тюремъ содержатся перечни работъ, произведенныхъ въ отчетномъ году, съ показаніемъ числа дней, проведенныхъ на каждой работѣ, и заработка. По нѣкоторымъ тюрьмамъ въ отчетномъ году (я остановился на 1894 годъ) не представлено было вовсе отчетовъ. Нечего и говорить, что какихъ-либо общихъ требованій къ этимъ отчетамъ не было, очевидно, предъявляемо; если цифры, указывающія размѣры работъ производительныхъ—внѣшнихъ и внутреннихъ, болѣе или менѣе точны, въ виду уже того одного, что рядомъ съ указаніемъ на число дней, проведенныхъ на работахъ, необходимо указать и доходъ, поступившій отъ этихъ работъ, то въ графѣ хозяйственныхъ работъ (работъ по тюремному хозяйству), за немногими исключеніями не оплачиваемыхъ, выставляются цифры часто произвольныя, чему я приведу много примѣровъ, говоря объ отдѣльныхъ видахъ тюремъ.

Вторымъ источникомъ явился для меня Тюремный Вѣстникъ—оффиціальный журналъ, содержащій почти въ каждомъ нумерѣ существенныя свѣдѣнія о постановкѣ того или другаго рода арестантскихъ работъ.

Затѣмъ свѣдѣнія о среднесуточномъ составѣ арестантовъ въ каждой отдѣльной тюрьмѣ, данныя о числѣ тюремъ и другія свѣдѣнія я почерпнулъ изъ смѣты доходовъ и расходовъ по тюремной части на 1895 годъ.

Наконецъ, нѣкоторыя, хотя и незначительныя, больше об-

щія цифровыя данныя о численности тюремнаго населенія и о тюремномъ хозяйствѣ почерпнуты и изъ отчетовъ Главнаго тюремнаго управленія за десятилѣтіе (1879—1889 г.) и послѣдующіе годы.

Остановившись на 1894 годѣ и задавшись мыслью выяснить постановку русскаго арестантскаго труда именно въ этомъ году, я прежде всего занялся обработкой того сыраго матеріала, который даютъ отчеты губернаторовъ, при чемъ пришлось потратить массу труда и времени и произвести много всевозможныхъ вычисленій; только такимъ путемъ удалось выяснить, какой процентъ среднесуточнаго состава арестантовъ былъ занятъ работами внѣшними, внутренними, хозяйственными, сколько времени посвящено было нѣкоторымъ особенно интереснымъ отдѣльнымъ видамъ работъ; благодаря нѣсколькимъ сотнямъ карточекъ, сгруппированныхъ по отдѣльнымъ видамъ работъ, я могъ выяснить картину распространенія той или другой работы въ тюрьмахъ и приблизительную доходность ея [1]).

При этомъ, разумѣется, мною могли быть допущены существенные пробѣлы, благодаря указанной выше чрезвычайной краткости отчетовъ, не упоминающихъ часто вовсе о томъ, какія именно работы производились въ тюрьмѣ, и отсутствію въ то же время другихъ какихъ-либо источниковъ, кромѣ этихъ отчетовъ.

При разработкѣ вопроса о постановкѣ работъ въ русскихъ тюрьмахъ я буду, разумѣется, имѣть въ виду, также какъ и относительно иностранныхъ тюремъ, различіе, существующее между такъ называемыми établissements pénitentiaires, центральными тюрьмами, и мѣстными тюрьмами, prisons secondaires; надо, однако, замѣтить, что несходство это въ Россіи гораздо меньше и что работы арестантскія во всѣхъ русскихъ тюрьмахъ всѣхъ категорій имѣютъ столь много общаго между со-

[1]) Въ отчетахъ показаны дни, проведенные арестантами на работахъ; это число дней дѣлилось на общее число рабочихъ дней въ году, указанное въ ст. 352 Уст. сод. подъ стражей), и такимъ образомъ опредѣлялся среднесуточный составъ рабочихъ; потомъ уже вычислялось процентное отношеніе этого состава къ общему среднесуточному составу арестантовъ данной тюрьмы.

бою и вмѣстѣ съ тѣмъ столько общихъ чертъ, отличающихъ ихъ отъ такихъ же работъ въ западно-европейскихъ тюрьмахъ, что, желая избѣжать повтореній, я не буду слѣдовать въ изложеніи этому различенію, а сперва остановлюсь на вопросѣ о степени занятія арестантовъ работами въ различныхъ категоріяхъ тюремъ, и затѣмъ на вопросѣ о томъ, какія работы въ отдѣльности производятся въ русскихъ тюрьмахъ всѣхъ видовъ.

Къ числу центральныхъ тюремъ въ Россіи могутъ быть причислены каторжныя тюрьмы, арестантскія отдѣленія и пересыльныя тюрьмы; на послѣднихъ я останавливаться не буду въ виду сравнительно небольшаго населенія ихъ (числомъ ихъ всего 6), отсутствія свѣдѣній о работахъ, производившихся въ нихъ, и особо неблагопріятныхъ для постановки работъ условій, которыя имъ присущи.

Каторжныхъ тюремъ въ 1894 году числилось всего 8 съ среднесуточнымъ населеніемъ въ 5288,41 ар. (тюрьмы о. Сахалина не приняты въ разсчетъ); всего заработано арестантами этихъ тюремъ, какъ показано въ отчетѣ по Главному тюремному управленію, 25.258 р. 60 к., т. е. на одного 4 р. 77 к. въ годъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія у меня имѣются только относительно 4 изъ этихъ тюремъ.

На Нерчинской каторгѣ среднесуточно содержалось 2751 человѣкъ; изъ этого числа наружными работами было занято (въ рудникахъ и т. д.) 659 человѣкъ или 24% общаго среднесуточнаго состава, внутренними было занято $411^{2}/_{3}$ чел. или 15% и хозяйственными $1189^{1}/_{6}$ чел. т. е. $43^{1}/_{5}$% общаго состава. Эта послѣдняя цифра, несомнѣнно, вполнѣ фантастичная: это станетъ вполнѣ понятно, если имѣть въ виду, что подъ хозяйственными работами не подразумѣваются ни исправленіе тюремныхъ зданій, ни постройка или исправленіе арестантскихъ одежды, обуви, бѣлья,—нѣтъ, это чисто хозяйственныя работы, кашеваровъ, ламповщиковъ, прачекъ, отходниковъ, корридорныхъ и т. д.; возможно ли даже представить себѣ, что половина всего состава арестантовъ занята услуженіемъ другой? Если эту фантастическую цифру отбросить хотя-бы на время, то окажется,

что производительными работами было занято всего 39% общаго среднесуточнаго состава; если на хозяйственныя работы приблизительно опредѣлить около 10% всего состава, что̀ все-таки составитъ громадную цифру 275 человѣкъ, занимающихся варкой, стиркой, очисткой и т. д., то и въ такомъ случаѣ мы не дойдемъ до 50% занятія арестантовъ работами; остальные 50% осужденныхъ на *каторжныя* работы не были заняты *никакими* работами.

Не лучше и въ другихъ тюрьмахъ.

Въ Александровской, при среднесуточномъ составѣ въ 1498 арестантовъ, было занято наружными работами 3,33 человѣкъ и на Сибирской желѣзной дорогѣ 412 чел., т. е. $27^{2}/_{3}$%, внутренними $90^{3}/_{5}$ чел. или 6%, а всего производительными работами $33^{2}/_{3}$% т. е. менѣе чѣмъ въ Нерчинской каторгѣ; хозяйственными работами занято было будтобы $415^{1}/_{5}$ чел. или $27^{2}/_{3}$% (тоже очевидно преувеличено), а всего было при такомъ не внушающемъ довѣрія счетѣ занято около $61^{1}/_{3}$% среднесуточнаго состава, а въ дѣйствительности, очевидно, тоже гораздо менѣе 50%.

Въ Тобольской каторжной тюрьмѣ № 1 среднесуточный составъ арестантовъ составлялъ 356; изъ нихъ внутренними работами было занято $60^{2}/_{5}$ чел. или 17%, хозяйственными $19^{1}/_{6}$ чел., т. е. $5^{1}/_{10}$%, наружныхъ работъ не было и такимъ образомъ занято было всего $22^{1}/_{10}$% среднесуточнаго состава, а $77^{9}/_{10}$% оставалось безъ дѣла. Въ Тобольской каторжной тюрьмѣ № 2, при среднесуточномъ составѣ въ 347 человѣкъ, внутренними работами было занято $35^{2}/_{5}$ чел., т. е. $10^{1}/_{4}$%, и хозяйственными $51^{1}/_{5}$ чел. (преувеличено), т. е. $14^{5}/_{7}$%, а всего 25%.

Я не буду останавливаться на доходности работъ въ этихъ тюрьмахъ: выше уже приведены данныя, свидѣтельствующія о крайней ничтожности чистаго дохода отъ этихъ работъ.

Нельзя здѣсь не замѣтить, что число каторжныхъ тюремъ представляется слишкомъ большимъ по сравненію съ размѣрами каторжнаго тюремнаго населенія, что устройство каторжныхъ тюремъ въ губернскихъ городахъ и притомъ еще по двѣ въ одномъ, какъ въ Тобольскѣ, безъ пріуроченія

ихъ къ какимъ-либо крупнымъ наружнымъ работамъ, едва-ли представляется желательнымъ.

То же самое замѣчаніе можно сдѣлать и относительно другаго вида русскихъ центральныхъ тюремъ—арестантскихъ отдѣленій: ихъ слишкомъ много числомъ сравнительно съ населеніемъ, именно 32 отдѣленія на среднесуточное населеніе въ 12.112 человѣкъ, что составляетъ въ среднемъ на отдѣленіе $378^1/_2$ чел.; изъ числа 32 отдѣленій въ 12 населеніе менѣе 300 чел. на отдѣленіе. Не надо забывать, что въ арестантскихъ отдѣленіяхъ подслѣдственныхъ арестантовъ нѣтъ и содержатся только отбывающіе наказанія и притомъ долгосрочныя—не менѣе года, слѣдовательно этимъ тюрьмамъ можно придать характеръ крупныхъ фабрикъ или заводовъ (работающихъ на тюремныя или другія административныя вѣдомства). Не оправдывается такое число отдѣленій и разстояніями между ними: въ двухъ губерніяхъ, Владимірской и Харьковской, имѣется по два отдѣленія въ каждой. А между тѣмъ, сравнительно большое число отдѣленій являлось, вѣроятно, однимъ изъ препятствій поставить эти отдѣленія въ строительномъ отношеніи и въ отношеніи заведенія работъ на правильныя основанія.

Дѣйствительно, изъ общаго среднесуточнаго состава арестантовъ (12.112 чел.) наружными работами было занято $2368^1/_2$ чел., т. е. $19^1/_2{}^0/_0$, внутренними $1946^5/_6$, т. е. $16^0/_0$, и хозяйственными $2201^7/_{10}$ чел., т. е. $18^1/_6{}^0/_0$, а всего было занято такимъ образомъ $53^2/_3{}^0/_0$ общаго среднесуточнаго состава. Но и эта цифра не совсѣмъ точно передаетъ дѣйствительное положеніе. Прежде всего и здѣсь, какъ и въ каторжныхъ тюрьмахъ, какъ и въ тюрьмахъ общаго устройства (см. ниже), число дней, потраченныхъ на хозяйственныя работы, показано совершенно произвольно, съ явнымъ намѣреніемъ прикрасить малое развитіе работъ въ отдѣленіи. Вотъ, напримѣръ, Смоленское отдѣленіе, въ которомъ внутренними работами было занято, при среднесуточномъ составѣ въ 323 чел., всего $3^1/_2$ чел.; въ этомъ отдѣленіи хозяйственными работами было занято ежедневно *$113^2/_3$ чел.!* Вотъ Владимірское, въ которомъ, при среднесуточномъ составѣ въ 352 чел.,

занято наружными работами 78 чел., внутренними $27^1/_7$ чел. и хозяйственными $103^1/_2$ чел., въ Николаевскомъ, при среднесуточномъ составѣ въ 507 чел., хозяйственными работами было занято $212^1/_3$ чел. ежедневно и т. д., а наряду съ этимъ въ Херсонскомъ, при среднесуточномъ составѣ въ 804 чел., хозяйственными работами было занято всего $78^1/_2$ чел., въ Виленскомъ, при составѣ въ 539 чел., хозяйственными работами было занято всего 67 чел. и т. д. Несомнѣнно, что эти „преувеличенія“ измѣняютъ, и притомъ очень значительно и несогласно съ дѣйствительностью, общій процентъ занятыхъ арестантовъ, который, смѣло можно сказать, едва-ли достигаетъ $50^0/_0$.

Введеніе въ общій разсчетъ С.-Петербургскаго исправительнаго отдѣленія значительно измѣняетъ общую картину работъ въ отдѣленіяхъ; на это отдѣленіе, какъ и на другія мѣста заключенія города С.-Петербурга, было обращено особенное вниманіе Главнаго тюремнаго управленія и были затрачены особенныя средства на постановку работъ; въ немъ наружныхъ работъ совсѣмъ нѣтъ, а внутренними занято было $296^1/_3$ чел., при среднесуточномъ составѣ въ 412 чел.; въ отчетѣ за 1894 г. въ части, передающей результаты постановки работъ, въ этомъ отдѣленіи показанъ среднесуточный составъ арестантовъ 374 чел. съ добавленіемъ фразы „для коихъ занятіе работами обязательно“, но для содержащихся въ арестантскихъ отдѣленіяхъ работа обязательна для всѣхъ безъ исключенія. Если подвести итоги рабочимъ днямъ въ остальныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, безъ С.-Петербургскаго, то оказывается, что даже при явно невѣрномъ опредѣленіи числа дней, потраченныхъ на хозяйственныя работы, общее число занятыхъ арестантовъ составило всего $50^1/_2{}^0/_0$; измѣняется при этомъ и распредѣленіе по видамъ работъ, при чемъ яснѣе становится важное значеніе внѣшнихъ работъ, которыхъ нѣтъ только въ С.-Петербургскомъ отдѣленіи; а именно при такомъ подсчетѣ оказывается, что наружными работами было занято $19^1/_2{}^0/_0$, внутренними $13^1/_2{}^0/_0$ и хозяйственными $17^1/_2{}^0/_0$ среднесуточнаго состава.

Во всякомъ случаѣ вышеприведенныя данныя указываютъ, что и въ арестантскихъ отдѣленіяхъ, которыя называются

„исправительными“, половина арестантовъ не занята совсѣмъ—положеніе несомнѣнно весьма печальное. Доходъ отъ работъ составлялъ около 30 р. 44 к. на человѣка, а расходъ на содержаніе одного арестанта выразился въ суммѣ 70 р. 50 к. и, такимъ образомъ, доходъ отъ работъ покрывалъ около $43^{1}/_{2}\%$ расхода на содержаніе.

Переходя затѣмъ къ мѣстнымъ тюрьмамъ губернскимъ и уѣзднымъ, мы ихъ подраздѣляемъ на двѣ категоріи: губернскія и областныя тюрьмы (иногда ихъ нѣсколько въ городѣ) и тюрьмы градоначальствъ по многочисленности своего населенія, по устройству тѣхъ зданій, въ которыхъ онѣ помѣщаются, поставлены несомнѣнно значительно благопріятнѣе, чѣмъ тюрьмы уѣздныя, и заслуживаютъ выдѣленія въ особую категорію.

Губернскихъ, областныхъ и градоначальственныхъ тюремъ, а равно мѣстъ заключенія города С.-Петербурга, я насчитываю всего 95 съ населеніемъ въ 30.734 чел. (приблизительно).

Изъ этого общаго числа тюремъ у меня имѣются свѣдѣнія за 1894 годъ относительно 85 съ населеніемъ въ 27.350, такимъ образомъ въ среднемъ на одну тюрьму приходилось $323^{1}/_{2}$ чел. Уѣздныхъ и окружныхъ тюремъ я приблизительно насчитываю 522 съ населеніемъ въ 1894 г. въ 47.572 чел., изъ этого числа у меня имѣются свѣдѣнія о 442 съ населеніемъ въ 42.011 чел. Въ общій подсчетъ я включаю и уѣздныя тюрьмы Привислянскаго края, но исключаю и детенціонные аресты и арестныя помѣщенія при полиціи и военныя гауптвахты; на одну тюрьму въ среднемъ приходилось $91^{1}/_{7}$ чел. Разумѣется, эта цифра далеко не высока, но во всякомъ случаѣ и при меньшей наличности можно вести работы. Если сгруппировать, по населенности, уѣздныя тюрьмы, то окажется, что тюремъ съ населеніемъ въ 25 чел. и меньше было всего 34, т. е. $6^{1}/_{2}\%$ общаго числа; затѣмъ тюремъ съ населеніемъ отъ 25 до 50 чел. было 113, т. е. $21^{3}/_{5}\%$ общаго числа, тюремъ съ населеніемъ въ 50 чел. и больше—206, т. е. $39^{1}/_{2}\%$ и, наконецъ, тюремъ съ населеніемъ въ 100 и болѣе чел. было 169 чел., т. е. $32^{2}/_{5}\%$.

Вышеизложенная группировка не даетъ, какъ мнѣ кажется, основаній для какихъ-либо невыгодныхъ заключеній; если

остановиться только на тюрьмахъ съ населеніемъ въ 50 человѣкъ и выше, то и такихъ тюремъ оказывается почти 72%, и въ Англіи, какъ мы видѣли выше, тюрьмы съ населеніемъ менѣе 50 человѣкъ составляютъ $12^{1}/_{4}\%$ общаго числа (у насъ около 28%), затѣмъ $38^{3}/_{5}\%$ общаго числа тюремъ англійскихъ имѣло населеніе менѣе ста человѣкъ; если же ввести въ подсчетъ и губернскія тюрьмы, которыя входятъ въ число мѣстныхъ тюремъ, то процентъ тюремъ съ населеніемъ въ 100 арестантовъ значительно увеличится. А между тѣмъ процентное отношеніе занятыхъ арестантовъ къ незанятымъ въ нашихъ мѣстныхъ тюрьмахъ крайне неблагопріятно.

Изъ общаго числа 27.350 человѣкъ, составлявшихъ среднесуточное населеніе тѣхъ 85 губернскихъ тюремъ, о которыхъ у меня имѣются свѣдѣнія, 1603 человѣка, т. е. $5^{4}/_{5}\%$ общаго числа, были заняты наружными работами, 3.589 человѣкъ или $13^{1}/_{8}\%$ заняты были внутренними работами и, наконецъ, хозяйственными было занято 2.541 человѣкъ или $9^{1}/_{4}\%$, а всего было занято $28^{1}/_{5}\%$ среднесуточнаго состава тюремнаго населенія; и здѣсь притомъ же, какъ и въ другихъ тюрьмахъ, цифры дней, проведенныхъ на хозяйственныхъ работахъ, весьма часто проставляются совершенно произвольно; такъ въ Казанской, при среднесуточномъ составѣ въ 292 чел., хозяйственными работами было занято $69^{2}/_{3}$ чел. ежедневно, въ Воронежской, при населеніи въ 295 чел., $51^{1}/_{5}$ чел., а въ Житомірской, при населеніи въ 343 человѣка, *всего* $9^{1}/_{3}$ *человѣкъ*.

Изъ всего среднесуточнаго населенія тѣхъ 442 тюремъ уѣздныхъ, о которыхъ у меня имѣются свѣдѣнія, состоявшаго въ 1894 г. изъ 42.011 чел., было занято внѣшними работами 3034 чел., т. е. $7^{1}/_{4}\%$, внутренними 1088 чел., т. е. $2^{3}/_{5}\%$, и хозяйственными 4662 чел., т. е. $11^{1}/_{10}\%$, а всего $20^{19}/_{20}\%$ общаго числа. И здѣсь впрочемъ мы встрѣчаемъ крайнія преувеличенія въ опредѣленіи числа дней, потраченныхъ на хозяйственныя работы. Вотъ нѣсколько примѣровъ: Луцкая тюрьма, при населеніи въ 170 человѣкъ, довольствуется 12 арестантами для исполненія хозяйственныхъ работъ, Бобровская, въ которой населеніе всего 117 человѣкъ, требуетъ

уже затраты силъ 16½ арестантовъ на то же дѣло, а Котельничскій тюремный замокъ, съ среднесуточнымъ составомъ въ 56 человѣкъ, занимаетъ будто-бы хозяйственными работами *43 человѣка*!

Трудно даже сколько-нибудь приблизительно опредѣлить, въ какой мѣрѣ преувеличены цифры, опредѣляющія число дней, потраченныхъ на хозяйственныя работы; во всякомъ случаѣ общее указанное число можно смѣло уменьшить на ⅓. Сравнительно невысокая степень занятія арестантовъ трудомъ отражается и на доходѣ отъ работъ; въ общемъ въ губернскихъ тюрьмахъ приходилось на одного арестанта 14 р. 90 к., а въ уѣздныхъ 6 р. 85 к. (разсчетъ я произвожу на общее число содержавшихся арестантовъ, а не на число занятыхъ); при этомъ расходъ на содержаніе одного арестанта составилъ въ губернскихъ тюрьмахъ 98 р. 18 к., а въ уѣздныхъ 68 р. 33 к. (разсчетъ приблизит.), и такимъ образомъ доходъ отъ работъ покрывалъ въ губернскихъ тюрьмахъ 15% и въ уѣздныхъ 10% расхода на содержаніе. Значеніе низкихъ цифръ занятія арестантовъ уменьшается до извѣстной степени присутствіемъ въ мѣстныхъ губернскихъ и уѣздныхъ тюрьмахъ арестантовъ подслѣдственныхъ, на которыхъ не распространяется дѣйствіе закона 6 января 1886 г. объ обязательности для арестантовъ занятія работами (ст. 349 Уст. сод. подъ страж.), хотя они могутъ, если пожелаютъ, участвовать во внутреннихъ работахъ и получать при этомъ вознагражденіе высшее, чѣмъ то, которое получаютъ остальные арестанты. Во всякомъ случаѣ это положеніе не обязанныхъ трудиться должно быть принято во вниманіе тѣмъ болѣе, что бо̀льшая часть, если не всѣ подслѣдственные арестанты, размѣщаются въ губернскихъ и уѣздныхъ тюрьмахъ, а число подслѣдственныхъ арестантовъ (среднесуточный составъ) въ 1894 г. было крайне велико и составило всего 22.361 человѣкъ. Если бы допустить, что все число подслѣдственныхъ арестантовъ было размѣщено въ губернскихъ и уѣздныхъ тюрьмахъ (что̀ было бы не совсѣмъ правильно), среднесуточный составъ которыхъ равнялся приблизительно 78.306 чел., то пришлось бы признать, что въ составѣ населенія мѣстныхъ тюремъ имѣлось 28⅘% такихъ лицъ, которыя не были бы обязаны трудиться.

Но вѣдь они могутъ трудиться, если пожелаютъ, запрещается закономъ лишь выводить ихъ изъ ограды тюрьмы на внѣшнія работы, въ предупрежденіе побѣговъ. Но вотъ въ этомъ и зло: въ какихъ же работахъ внутреннихъ имъ принимать участіе, когда такихъ почти не было? Сто̀итъ только дѣйствительно остановиться на процентѣ занятыхъ внутренними работами въ уѣздныхъ тюрьмахъ—2⅗% общаго среднесуточнаго состава, чтобы тотчасъ же ярко вспомнилось то удручающее впечатлѣніе, которое оставляетъ на всякаго внутренній бытъ нашихъ уѣздныхъ тюремъ; людей зачѣмъ-то согнали и держатъ, а для чего—неизвѣстно, и вотъ они сидятъ и лежатъ и тоже раздумываютъ надъ этимъ вопросомъ; это не исправительныя и даже не карательныя заведенія, это просто плохія гостинницы для простаго народа. Трудно помириться съ мыслью, что если въ тюрьмѣ 100 человѣкъ, то занято всего около 3 человѣкъ, а остальные ничего не дѣлаютъ; имѣются, правда, внѣшнія работы, но вѣдь и онѣ, занимая всего 7¼%, главнымъ образомъ производятся только часть года, болѣе благопріятную для такихъ работъ по степени теплоты и т. д.; въ это время процентъ внѣшнихъ работъ временно увеличивается, за-то все остальное время 2⅗% выражаетъ дѣйствительную степень *напряженія* арестантскаго труда. Я забылъ о хозяйственномъ трудѣ, въ дѣйствительности имъ занято не больше тѣхъ же 2⅗%; обходя тюрьму человѣкъ въ 150, вы найдете въ кухнѣ да въ пекарнѣ человѣкъ всего 4, а то и 3, вотъ и все; всѣ остальные—ламповщики, отходники и т. д.—заняты ничтожную часть дня.

Если подвести общіе итоги приведеннымъ выше цифровымъ даннымъ о степени занятія арестантовъ въ различныхъ категоріяхъ тюремъ, то окажется, что такихъ въ арестантскихъ отдѣленіяхъ и въ нѣкоторыхъ каторжныхъ тюрьмахъ, гдѣ, надо при этомъ замѣтить, не имѣется ни одного арестанта, освобожденнаго отъ обязанности работать (за исключеніемъ больныхъ), число занятыхъ работами арестантовъ доходитъ до 50%, въ губернскихъ это число составляетъ всего 28⅕%, а

въ уѣздныхъ $20^{19}/_{20}$%. Эти печальныя цифры, которыя, какъ мы видѣли выше, все-таки преувеличены, указываютъ, что не измѣнился внутренній строй нашихъ тюремъ за послѣднія двадцать лѣтъ и остаются въ силѣ замѣчанія Н. В. Муравьева, высказанныя имъ въ 1878 году въ статьѣ „Наши Тюрьмы и Тюремный вопросъ“ (Русскій Вѣстн. 1878 г. № 4). „Русская тюрьма,—говоритъ авторъ,—не является и не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ ей быть слѣдуетъ, т. е. институтомъ внутренней политики для борьбы съ преступностью; напротивъ, она поддерживаетъ, питаетъ и вновь зарождаетъ преступленія, какъ богатый и неистощимый разсадникъ. Арестантъ выходитъ изъ тюрьмы безпомощный и испорченный, дѣваться некуда, строгая и трезвая дисциплинированная жизнь ему незнакома, работать онъ не привыкъ, не умѣетъ, или не хочетъ“ и въ другомъ мѣстѣ „за отсутствіемъ въ острогѣ честной, законной, работы, въ немъ неустанно кипитъ работа преступная, тайная, неуловимая, но всѣмъ хорошо извѣстная“.

Если рядомъ съ нашими печальными цифрами поставить цифру, обозначающую процентъ занятыхъ арестантовъ въ англійскихъ тюрьмахъ не центральныхъ каторжныхъ, а въ мѣстныхъ, такихъ же уѣздныхъ,—$75^{6}/_{7}$% общаго среднесуточнаго состава,—то станетъ совершенно ясно, чего можно достигнуть въ этомъ направленіи, *если пожелать!*

Дѣйствительно, я не вижу въ нашемъ тюремномъ строѣ такихъ коренныхъ причинъ, которыя бы мѣшали правильной постановкѣ работъ. Правда, число подслѣдственныхъ арестантовъ нѣсколько больше, чѣмъ въ англійскихъ тюрьмахъ, но если даже допустить, что всѣ подслѣдственные арестанты были размѣщены въ губернскихъ и уѣздныхъ тюрьмахъ, то все еще остается 72% для занятія работами.

Не можетъ являться такимъ кореннымъ препятствіемъ для правильной постановки работъ и численность населенія нашихъ тюремъ; нечего говорить уже, разумѣется, о губернскихъ тюрьмахъ съ ихъ крупнымъ населеніемъ, но и степень населенности уѣздныхъ не представляетъ, какъ мы видѣли выше, какихъ-либо рѣзкихъ особенностей: въ Англіи число тюремъ съ населеніемъ въ 50 и выше человѣкъ составляетъ $87^{3}/_{4}$%

общаго числа, у насъ почти 72% (имѣя въ виду только уѣзды). Къ тому же, по моему глубокому убѣжденію, сравнительно малая населенность тюрьмы, при желаніи организовать работы, не служитъ препятствіемъ. Вотъ примѣры: я выбираю нарочно тюрьмы съ населеніемъ среднесуточнымъ менѣе 50 человѣкъ; о возможности прекрасно организовать работы въ тюрьмахъ съ населеніемъ въ 50 человѣкъ и выше не можетъ быть, какъ мнѣ кажется, и спора.

Вотъ Веневская тюрьма (Тульской губ.); въ ней среднесуточный составъ приблизительно 37 чел.; изъ этого числа на внѣшнихъ работахъ было занято въ 1894 году—$9^{1}/_{20}$ чел., на внутреннихъ $1^{1}/_{2}$ и по тюремному хозяйству $1^{1}/_{4}$ чел., всего приблизительно 12 человѣкъ, т. е. $32^{1}/_{2}$% среднесуточнаго состава; доходъ отъ работъ составилъ 932 р. 6 к.

Вотъ Буйская (Костромской губ.) тюрьма съ населеніемъ въ 26 человѣкъ; изъ этого числа внѣшними работами было занято $5^{1}/_{4}$ чел., внутренними $^{2}/_{3}$, хозяйственными $2^{1}/_{2}$, а всего $8^{1}/_{2}$ чел. или $32^{3}/_{4}$% среднесуточнаго состава; доходъ отъ работъ составилъ 400 р.

Въ Демянской тюрьмѣ (Новгородской губ.) населеніе состояло изъ 37 человѣкъ среднесуточно; изъ этого числа $7^{1}/_{4}$ чел. было занято внѣшними работами, $1^{2}/_{3}$ внутренними и $3^{3}/_{4}$ хозяйственными, а всего $12^{2}/_{3}$ чел. или $34^{1}/_{5}$% среднесуточнаго состава; чистаго дохода отъ работъ получено 459 р. 29 к.

Вотъ двѣ тюрьмы Вологодской губерніи: Яренская и Усть-сысольская.

Въ первой среднесуточный составъ[1]) арестантовъ опредѣлялся цифрой всего 23 и тѣмъ не менѣе изъ этихъ 23 чел. $5^{1}/_{4}$ было занято наружными работами, $3^{5}/_{6}$ внутренними работами и столько же работами по хозяйству, а всего 13 чел., что составляетъ $56^{1}/_{2}$% среднесуточнаго состава; дохода получено 556 р. 31 к., т. е. 24 р. 18 к. на человѣка (въ арестантскихъ отдѣленіяхъ около 30 р.).

[1]) Всѣ указанія среднесуточнаго состава заимствуются мною изъ смѣты доходовъ и расходовъ по тюремной части на 1895 г., въ которой среднесуточный составъ выведенъ за три года.

Въ Устьсысольской среднесуточно содержалось 34 арестанта: изъ нихъ наружными работами было занято $3^2/_5$ чел., внутренними 11, хозяйственными $6^1/_2$, а всего почти 21 чел., т. е. $61^1/_2$%; дохода получено всего 1103 р. 8 к., т. е. на одного арестанта 32 р. 44 к.

Такіе результаты могутъ быть признаны идеальными; при ближайшемъ ознакомленіи съ отчетами двухъ послѣднихъ тюремъ оказывается, что въ тюрьмахъ производились разнообразныя работы—при чемъ однако выдѣляются работы по изготовленію валеной обуви, плетенію, вязанью, т. е. работы доступныя всѣмъ, не требующія предварительныхъ знаній и ученья.

Приведенные примѣры, я думаю, устранятъ всякія сомнѣнія въ возможности организовать работы въ самыхъ небольшихъ, по населенію, тюрьмахъ, а такихъ, какъ мы видѣли, не болѣе 28%; всѣ остальныя тюрьмы—съ болѣе высокимъ населеніемъ; а между тѣмъ приведенныя выше цифры убѣждаютъ насъ, что въ громадномъ большинствѣ тюремъ работъ почти не производится.

Прежде чѣмъ приступить къ выясненію вопросовъ о томъ, почему такъ мало заняты трудомъ арестанты русскихъ тюремъ, возможно ли въ этихъ тюрьмахъ организовать правильно работы и, если возможно, то на какихъ условіяхъ, я постараюсь возможно сжато описать производящіяся теперь работы, которыя я раздѣлилъ на нѣсколько группъ. Это описаніе подскажетъ отвѣты на заданные выше вопросы; дѣйствительно, сама жизнь указала пути, по которымъ слѣдуетъ идти при желаніи организовать правильно арестантскія работы.

Я начну съ работъ общественныхъ-наружныхъ и затѣмъ перейду къ общему типу наружныхъ русскихъ тюремныхъ работъ, къ внутреннимъ и хозяйственнымъ работамъ.

Самой крупной, можно сказать великой общественной работой въ Россіи въ настоящее время является проведеніе Сибирской желѣзной дороги, и въ этой работѣ по Высочайшей волѣ участвуютъ осужденные различныхъ категорій.

Прежде всего этотъ трудъ былъ примѣненъ къ работамъ по отстройкѣ Уссурійской желѣзной дороги, на которыхъ

въ сильной мѣрѣ чувствовался недостатокъ рукъ. Съ этой цѣлью были образованы желѣзнодорожныя каторжныя команды, которыя, какъ сказано во всеподданнѣйшемъ отчетѣ Приамурскаго генералъ-губернатора (откуда мы беремъ настоящія свѣдѣнія), „одолѣли труднѣйшія работы на самомъ скалистомъ участкѣ дороги близъ Владивостока. По отзывамъ начальниковъ работъ, означенныя команды принесли дѣлу начала работъ неоспоримую пользу“ [1]). Съ 23 апрѣля 1891 г. по 1 ноября 1893 г. каторжными и поселенцами исполнено на Уссурійской желѣзной дорогѣ земляныхъ работъ на 897.893 р. 65 к. и лѣсныхъ заготовокъ на 274.741 р. 40 к. Въ теченіе этого времени въ командахъ состояло отъ 600 до 3000 чел. (въ среднемъ 1816 чел.). 7 мая 1894 года были Высочайше утверждены временныя правила для привлеченія арестантовъ разныхъ категорій на работы по постройкѣ средняго участка Сибирской желѣзной дороги [2]). Привлечены были къ работамъ и каторжные, и ссыльные, и арестанты исправительныхъ отдѣленій; всѣмъ имъ даны извѣстныя льготы по отбыванію наказанія, разрѣшаемыя Иркутскимъ генералъ-губернаторомъ при условіи одобрительнаго поведенія: каторжнымъ и арестантамъ исправительныхъ отдѣленій время, проведенное на работахъ, зачисляется по разсчету 8 мѣсяцевъ за одинъ годъ; ссыльно-поселенцамъ, которые могутъ наниматься наравнѣ съ вольнонаемными, считается годъ за два; сосланнымъ въ административномъ порядкѣ (520 Уст. ссыльн.) срокъ пребыванія засчитывается годъ за два.

Въ 1894 году на средне-сибирскомъ пути производились работы двумя партіями, иркутской и красноярской; въ первую партію вошли каторжные изъ Александровской тюрьмы въ числѣ 412 и 100 срочныхъ арестантовъ изъ Иркутскаго губернскаго замка, а во вторую партію 453 срочныхъ арестанта изъ тюремъ Енисейской губ. (среднесуточно было занято въ этой партіи 249 чел.).

Въ обѣихъ партіяхъ работы начинались съ приспособле-

[1]) Тюремн. Вѣстн. 1896 г., № 1.
[2]) Тюремн. Вѣстн. 1894 г., № 7.

нія какихъ-либо подходящихъ зданій для жилья, въ общемъ работали менѣе 4 мѣсяцевъ (іюль—октябрь); собственно за работы на желѣзной дорогѣ получено первой партіей 19.828 р. 27 к. и второй 17.749 р. 6 к. Объ эти суммы однако далеко не полностью поступили на распредѣленіе, изъ нихъ были покрыты прежде *всѣ расходы*, вызванные необходимостью вывода арестантовъ изъ тюремъ: таковы расходы на приспособленіе зданій для жилья, на перевозку арестантовъ, на усиленіе надзора и конвоя, на усиленіе продовольствія самихъ арестантовъ, даже на инструменты. Надзоръ разсчитывался по 5 человѣкъ надзирателей на 100 арестантовъ; по ночамъ дома, гдѣ жили арестанты, ограждались военнымъ конвоемъ; за все время не было ни одного побѣга.

Нельзя не сказать, что это прекрасныя условія примѣненія арестантскаго труда, тѣмъ болѣе, что для каторжныхъ больше нельзя найти занятій, сребро-свинцовые Нерчинскіе рудники не могутъ занять болѣе 1000 чел. и даютъ дефицитъ.

Въ 1895 году арестантскій трудъ былъ примѣненъ къ работамъ по всей линіи [1]), при чемъ въ силу Высочайшаго повелѣнія 9 мая 1895 г. были призваны осужденные всѣхъ категорій, не исключая и отбывающихъ тюремное заключеніе, безъ распространенія на нихъ однако, повидимому, льготъ, дарованныхъ другимъ категоріямъ. Въ общемъ на всѣхъ участкахъ въ Томской, Енисейской, Иркутской губерніяхъ, Забайкальской и Приамурскихъ областяхъ было занято работами въ 1895 году 1455 каторжныхъ, 1123 ссыльныхъ, 159 арестантовъ исправительныхъ отдѣленій и 618 арестантовъ, отбывающихъ наказаніе въ тюрьмахъ; доходъ отъ этихъ работъ составилъ 272.296 р. 26 к. Изъ общаго числа каторжныхъ 600 было привезено съ острова Сахалина [2]); въ этихъ командахъ были случаи побѣговъ, а именно за время лѣтнихъ работъ было совершено 89 побѣговъ, изъ числа которыхъ 55 оказались удачными, т. е. бѣжавшіе не были разысканы,

[1]) Тюремн. Вѣстн. 1895 г., № 7.
[2]) Тюремн. Вѣстн. 1896 г., № 2.

несмотря на то, что охрана преступниковъ производилась конвоемъ отъ войскъ Хабаровскаго гарнизона въ составѣ 145 нижнихъ чиновъ.

Вообще, повидимому, результаты привлеченія каторжныхъ къ работамъ были менѣе удачны на Уссурійской жел. дор., чѣмъ на средне-сибирскомъ участкѣ; въ вышеупомянутомъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ Приамурскаго генералъ-губернатора указывается, что и въ первый призывъ каторжниковъ на работы „бѣглыми совершено не мало преступленій“, при чемъ объясняется эта сравнительно бо̀льшая легкость совершенія побѣговъ рѣдкостью населенія этого края.

Несмотря однако на эти побѣги, въ зиму 1895—1896 г. было употреблено на работы около 320 каторжныхъ, а лѣтомъ 1896 г. 1151; повидимому, достигнуты извѣстныя улучшенія въ отношеніи охраны преступниковъ. За устраненіемъ этой слабой стороны дѣла нельзя не признать, что примѣненіе труда преступниковъ на Сибирской дорогѣ дало блестящіе результаты: съ одной стороны, была примѣнена рабочая сила, которая безъ того оставалась бы безъ дѣла и не только безъ каторжныхъ, но и вовсе безъ работъ, съ другой стороны— выиграло государство, которое нуждалось въ рукахъ и не находило ихъ на мѣстѣ; наконецъ, выиграли и сами арестанты, которые достигли различныхъ льготъ и достигли ихъ притомъ путемъ труда; нельзя не отмѣтить и того, что вопросъ о покрытіи всѣхъ расходовъ государства, на перевозку и устройство арестантовъ, былъ разрѣшенъ правильно и справедливо, такъ какъ арестанты своимъ трудомъ заплатили за всѣ эти расходы. Но кромѣ того безъ всякаго преувеличенія слѣдуетъ замѣтить, что участіе въ великомъ народномъ сооруженіи должно было оказать нравственно возвышающее дѣйствіе на преступниковъ.

Кромѣ работъ на Сибирской желѣзной дорогѣ были еще случаи привлеченія въ 1894 году арестантовъ на работы на желѣзныхъ дорогахъ. Такъ, арестанты Архангельскаго исправительнаго отдѣленія заняты были работами по устройству полотна желѣзной дороги Вологодско-Архангельской. Работы производились по особому контракту со строителемъ, въ 30

верстахъ отъ Архангельска, за вознагражденіе въ 20 к. въ день (5 часовъ работы); предприниматель доплачивалъ за усиленіе надзора и доставлялъ арестантовъ на мѣсто производства работъ и назадъ. Всего было 2239½ рабочихъ дней и дохода получено 447 р. 90 к. Арестанты Рижской срочной тюрьмы работали по возведенію полотна желѣзной дороги, всего проведено 17.572 дня и получено дохода 7539 р. 30 к. Исправленіемъ желѣзнодорожныхъ линій были заняты арестанты Владимірскаго исправительнаго отдѣленія; арестанты Гжатской тюрьмы провели на этихъ работахъ 301 день и заработали 120 р. 40 коп.; наконецъ, арестанты Ревельской губернской тюрьмы были заняты такими же работами на Балтійской жел. дорогѣ. Нельзя однако же не замѣтить, что между работами на Сибирской жел. дорогѣ и на другихъ линіяхъ существуетъ громадная разница. Первыя работы представляютъ собой трудъ по требованію и на нужды государства, притомъ трудъ, поставленный въ особыя условія; здѣсь обращались и къ довѣрію арестантовъ (съ каторжныхъ разряда испытуемыхъ снимали кандалы) и ставили арестантовъ въ новыя условія, которыя могли способствовать и вѣроятно значительно способствовали ихъ возрожденію, арестанты не смѣшивались съ другими рабочими, сохранялся извѣстный отвѣчающій пенитенціарнымъ цѣлямъ режимъ, тогда какъ работы на остальныхъ желѣзныхъ дорогахъ ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ внѣшнихъ работъ по частнымъ заказамъ.

Есть впрочемъ и другія наружныя работы, въ которыхъ заказчикомъ являлось государство: трудъ арестантовъ употреблялся на возведеніе общественныхъ построекъ.

Такъ, тѣ же арестанты Ревельской губернской тюрьмы заняты были сломкой домовъ на площади, на которой возводится новый православный соборъ. Арестанты Ровенской тюрьмы (Волынской губ.) были заняты постройкой собора въ г. Ровно и провели на работахъ 1691 день, заработавъ 507 р. 30 к.; тѣ же арестанты строили въ г. Ровно казармы, что̀ заняло 351½ дней и дало дохода 105 р. 45 к. Арестанты Кальварійской тюрьмы (Сувалкской губерніи) отстраи-

вали казармы и провели на этой работѣ 1065 дней, заработавъ 228 р. 65 к. Арестанты Кобринской (Гродненской губ.) тюрьмы тоже строили казармы (378 дней—94 р. 50 к.); казармы же строили арестанты Полтавскаго исправительнаго отдѣленія (748 д.—374 р.). Арестанты Илецкаго исправительнаго отдѣленія производили ремонтъ казармъ (384 д.—124 р. 70 к.). Въ Симбирскѣ трудомъ арестантовъ возведена богадѣльня. Въ Юрьевѣ арестанты занимались постройками по порученію земской управы (253 д.—101 р. 20 к.).

Какъ я уже сказалъ выше, работы въ рудникахъ остались только на Нерчинской каторгѣ и то онѣ могутъ давать занятіе 1000—1200 арестантамъ (мы не касаемся острова Сахалина); съ государственными промысловыми работами мы встрѣчаемся въ Илецкомъ исправительномъ отдѣленіи, арестанты котораго въ 1894 году провели въ работахъ на соляномъ промыслѣ 14.542 дня—и заработали 3735 р. 20 к.

Вотъ и всѣ работы по общественнымъ сооруженіямъ на всю Россію. Перечисленными занятіями, однако, не исчерпывается вся сумма общественныхъ наружныхъ работъ, произведенныхъ арестантами въ 1894 г.

На границѣ между чисто общественными работами и работами по заказу частныхъ лицъ, стоятъ работы арестантовъ по очисткѣ улицъ и площадей въ городахъ, очисткѣ отъ снѣга и грязи, выравниванію и исправленію дорогъ, подметанію улицъ и т. д. Занятіе это чрезвычайно распространено; выполняютъ эту работу какъ арестанты исправительныхъ отдѣленій, такъ и губернскихъ и уѣздныхъ тюремъ; не во всѣхъ отчетахъ оно выдѣлено въ особую графу, во многихъ имѣется лишь общая графа: очистка дворовъ, улицъ или просто очистка отъ снѣга. Но и случаевъ занесенія этихъ работъ въ отчеты такъ много, что можно съ увѣренностью утверждать, что по крайней мѣрѣ въ половинѣ тюремъ, или иначе въ половинѣ тѣхъ городовъ, въ которыхъ имѣются тюрьмы, очистка улицъ и площадей производится трудомъ арестантовъ; вознагражденіе разнообразится, но въ общемъ приближается къ 20 к. въ день; взявши безъ выбора подрядъ 20 тюремъ, я опредѣляю доходъ, который составляетъ, какъ

оказывается, 2799 р. 41 к. за годъ. Изъ числа тѣхъ тюремъ, о которыхъ у меня имѣются свѣдѣнія, я насчитываю приблизительно около 150, въ отчетахъ которыхъ показаны работы по очисткѣ улицъ. Можно только весьма удивляться, почему же эти работы существуютъ не во всѣхъ тюрьмахъ, какія къ тому могутъ быть препятствія? Занимаютъ эти работы большею частью не болѣе 1 арестанта среднесуточно, рѣдко два.

Близко стоящей къ очисткѣ улицъ наружной работой арестантовъ является вывозъ нечистотъ; въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ формируются даже цѣлые ассенизаціонные обозы, на отпущенныя тюрьмѣ средства покупаются лошади, бочки и арестантскій трудъ примѣняется къ вывозу нечистотъ не только изъ мѣстныхъ тюремъ, но и изъ другихъ казенныхъ зданій, а по особымъ контрактамъ и изъ частныхъ домовъ. Такіе обозы существуютъ въ Саратовскомъ исправительномъ отдѣленіи, гдѣ этой работой было занято среднесуточно около 18 человѣкъ, при чемъ въ 1892 г. отъ работы получилось 4953 р. 68 к. дохода. Такой же обозъ существовалъ въ Виленскомъ исправительномъ отдѣленіи, гдѣ этой работой занято было около 23 человѣкъ среднесуточно, очистка тюремъ давала 1690 р. 80 к. дохода, но кромѣ того по подряду взята была очистка и частныхъ зданій, за что высчитано дохода 11.682 р. 42 к.; нынѣ обозъ этотъ уничтоженъ, въ виду слишкомъ большихъ расходовъ, которые потребовались бы на удовлетвореніе постановленія городской думы о замѣнѣ деревянныхъ бочекъ желѣзными; мѣстный тюремный инспекторъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу (Тюр. Вѣстн. 1897 г. Январь), что исполненіе ассенизаціонныхъ работъ сопряжено съ большимъ рискомъ, такъ какъ приходится посылать арестантовъ ночью, за городъ.

Существуетъ ассенизаціонный обозъ въ Красноярскомъ тюремномъ замкѣ; первое обзаведеніе здѣсь стоило 342 р. и въ первый же годъ заключено контрактовъ по исполненію работъ всего на сумму 3080 р. И въ другихъ тюрьмахъ первоначальное обзаведеніе окупалось столь же быстро. Имѣются еще ассенизаціонные обозы въ Харьковской губ. тюрьмѣ (1000 р. дохода), Ломжинской (761 р. 20 к.), Семипалатинской (835 р. 10 к.), Минской (107 руб. 60 к.) и въ 5 уѣздныхъ. Относительно занятія арестантовъ этими работами можно замѣтить только одно, что если онѣ производятся по ночамъ, то несомнѣнно сопровождаются большими отступленіями отъ тюремныхъ дисциплины и режима.

Останавливаться подробно на всѣхъ наружныхъ работахъ, а тѣмъ болѣе на каждомъ родѣ этихъ работъ, не представляется никакихъ основаній, такъ какъ всѣ онѣ могутъ быть подведены подъ общую рубрику поденныхъ работъ по найму большею частью частныхъ лицъ. Вотъ примѣрный перечень, составлявшійся по мѣрѣ ознакомленія съ отчетами отдѣльныхъ тюремъ: выгрузка тяжестей изъ желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ, перевозка ихъ; возка дровъ, рубка и пилка; возка воды; очистка дворовъ частныхъ зданій, вывозка снѣга, набиваніе ледниковъ льдомъ, переноска мебели, рытье ямъ, канавъ, могилъ, сборка щебня, мытье половъ; различныя полевыя работы, молотьба хлѣба, уборка сѣна, рубка капусты и т. д. Нельзя скрывать, что этотъ видъ тюремныхъ работъ составляетъ, какъ кажется, особенность русскихъ тюремъ, которую нельзя встрѣтить въ западно-европейскихъ тюрьмахъ, и что съ точки зрѣнія принципіальной можно предъявить много возраженій; осуществленіе какихъ-либо пенитенціарныхъ цѣлей, сохраненіе въ какой-либо мѣрѣ тюремнаго режима дѣлается совершенно невозможнымъ: это не крупныя общественныя сооруженія, на которыя арестанты выводятся командами и при выполненіи которыхъ поэтому сохраняется весь тюремный режимъ, который переносится только изъ стѣнъ тюрьмы на открытый воздухъ; здѣсь выводятся одинъ, два арестанта; вдвоемъ или втроемъ съ надзирателями пріятельски отправляются они на работы, высшаго надзора тюремнаго начальства нѣтъ; арестантъ предоставляется въ распоряженіе лица, нанявшаго его, которое, разумѣется, старается подохотить его къ работѣ, тутъ угощенье и водкой, и табакомъ, и т. д. Тѣ же арестанты, которые допускаются во дворъ для черныхъ работъ, допускаются и въ дома для выполненія всякихъ столярныхъ, плотничныхъ, слесарныхъ, обойныхъ и т. д. работъ. Такое явленіе указываетъ несом-

нѣнно на то, что у насъ арестанты не такъ отчуждены отъ остальнаго общества, они не паріи, а „несчастненькіе“; быть можетъ это имѣетъ и свою хорошую сторону, но во всякомъ случаѣ едва-ли съ точки зрѣнія пенитенціарной можетъ быть желательно такое смѣшеніе, въ особенности, если оно дѣлается изо дня въ день, лица присужденнаго къ заключенію, къ временному изъятію изъ общества, съ этимъ самымъ обществомъ; чувство *постыдности* наказанія должно чрезвычайно притупляться.

Лучше всего передается характеръ наружныхъ работъ таксой, распубликованной Курскимъ исправительнымъ отдѣленіемъ въ Тюремномъ Вѣстникѣ (95 г. № 4).

Имѣется въ виду наемъ на частныя работы. Такса гласитъ: пильщику—столько-то..., стекольщику... и т. д.

Это такса магазина, но не пенитенціарнаго учрежденія.

Далѣе въ цѣломъ рядѣ отчетовъ говорится о работахъ арестантовъ на частныхъ заводахъ поденно, повидимому, безъ всякаго условія. Такъ, въ Шуйской тюрьмѣ (Владимірской губ.) арестанты заняты „разными поденными работами на фабрикахъ и заводахъ“ (1393 дня—430 р. 90 к.); арестанты Брестъ-Куявской тюрьмы (Варшавской губ.) работаютъ на кирпичномъ и сахарномъ заводѣ; арестанты Валдайской тюрьмы на колокольномъ заводѣ; арестанты Богородской тюрьмы у „Шибаева и Ломакина“ (394 дня—178 р. 52½). Въ какой мѣрѣ при выполненіи всѣхъ подобныхъ работъ имѣется въ виду соблюденіе пенитенціарныхъ цѣлей и предотвращено ли свободное смѣшеніе съ остальными рабочими на равныхъ основаніяхъ—остается неизвѣстнымъ, а если не предотвращено, то гдѣ же тюрьма, наказаніе, исправленіе, измѣненіе режима и т. д.? Въ дѣйствительности, повидимому, никакими другими цѣлями, кромѣ сдачи рабочей арестантской силы въ наемъ, тюремное начальство не руководствуется; иначе, какъ объяснить, что въ Тульской губернской тюрьмѣ арестанты производятъ разборки театральныхъ декорацій (224 дня—24 р. 82 к.) и, повидимому, судя по числу дней, не въ одинъ разъ, а во время представленій, а въ Меленковской (Владимірской губерніи) участвуютъ

въ похоронахъ умершихъ (62 дня) (въ отчетѣ сказано „рытье могилъ и похороны умершихъ“; первая работа встрѣчается и въ другихъ тюрьмахъ)? Нельзя, однако же, отрицать и извѣстныхъ достоинствъ наружныхъ работъ; большею частью онѣ производятся на открытомъ воздухѣ и поэтому являются чрезвычайно важными въ гигіеническомъ отношеніи, въ особенности при скученности тюремнаго населенія въ нашихъ мѣстахъ заключенія. Далѣе, по самому своему характеру онѣ не требуютъ, большею частью, никакихъ знаній, опытности, а потому и могутъ занимать всѣхъ арестантовъ безъ различія, на какой бы короткій срокъ арестанты ни были присуждены.

Во всякомъ случаѣ съ наружными работами еще долго въ будущемъ придется считаться, а въ особенности въ настоящее время, при крайне маломъ развитіи внутреннихъ работъ. При сравненіи степени развитія и доходности работъ наружныхъ и внутреннихъ оказывается, что въ уѣздныхъ тюрьмахъ и въ арестантскихъ отдѣленіяхъ наружныя работы и занимаютъ больше рукъ, чѣмъ внутреннія, и лучше оплачиваются; такъ, въ уѣздныхъ наружными работами было занято 3034 человѣка (среднесуточно весь годъ) и каждый изъ нихъ заработалъ 74 р. 4⅕ к., а внутренними занято было всего 1088 чел. и заработокъ каждаго равнялся 57 р. 42⅔ к.; въ арестантскихъ отдѣленіяхъ наружными работами было занято 2368 человѣка и на каждаго пришлось дохода 100 р. 47¼ к., а внутренними было занято 1946 чел., но доходъ составилъ всего 67 р. 22 к. на человѣка. Въ губернскихъ тюрьмахъ это отношеніе нѣсколько измѣнилось: наружными работами занято было 1603 чел. и доходъ на каждаго 77 р. 65½ к. и внутренними 3589 человѣкъ и дохода приходилось на человѣка по 78 р. 86½ к. Приведенныя цифры убѣждаютъ, что внѣшнія работы, несмотря на свои недостатки въ смыслѣ пенитенціарномъ, должны быть сохранены: и безъ того слишкомъ мало рукъ занято для того, чтобы возможно было уничтожать такую крупную отрасль работъ; несомнѣнно, однако, что её слѣдуетъ и можно регулировать въ желательномъ, въ пенитенціарномъ отношеніи, направленіи.

Одна изъ наружныхъ работъ, о которой мы до сихъ поръ не упоминали и которая стоитъ на границѣ работъ наружныхъ и внутреннихъ, заслуживаетъ особаго вниманія и изученія—это кирпичное производство. Въ смыслѣ средства примѣненія арестантскаго труда эта работа несомнѣнно имѣетъ громадныя преимущества. Прежде всего она крайне несложна и потому при наймѣ одного мастера для руководства она можетъ занимать большое количество рукъ, не знавшихъ до того этого дѣла. Она не требуетъ для своего заведенія большихъ затратъ, можетъ быть ведена и на большую ногу, и въ скромномъ размѣрѣ, и въ исправительномъ отдѣленіи, и въ губернской и уѣздной тюрьмѣ.

Она не создаетъ конкуренціи какому-либо свободному производству, кирпича чрезвычайно мало, Россія еще вся деревянная и слишкомъ часто и легко горитъ; производство кирпича является поэтому желательнымъ въ смыслѣ улучшенія народнаго быта; не даромъ сельско-хозяйственныя общества даютъ медали за производство кирпича. Какъ показалъ опытъ тѣхъ нашихъ мѣстъ заключенія, которыя занялись производствомъ кирпича, работы эти даютъ прекрасный доходъ и выдѣланный кирпичъ легко сбывается.

Изъ числа тѣхъ мѣстъ заключенія, о которыхъ у меня имѣются свѣдѣнія, въ 32 производился кирпичъ. Но не во всѣхъ имѣлись, повидимому, собственные заводы; въ 12 работы производились по найму на частныхъ кирпичныхъ заводахъ и, слѣдовательно, въ сущности не отличались отъ всѣхъ остальныхъ наружныхъ работъ; затѣмъ собственные кирпичные заводы имѣлись въ 6 исправительныхъ отдѣленіяхъ [1]), въ 3 губернскихъ [2]) и въ 11 уѣздныхъ тюремныхъ замкахъ [3]).

Я не могу поручиться, что и во всѣхъ тѣхъ 12, которыя я отношу къ числу работавшихъ кирпичъ на чужихъ фабрикахъ, не было собственныхъ заводовъ, такъ какъ только относительно трехъ изъ нихъ сказано въ отчетахъ рѣшительно, что работы производились на чужихъ заводахъ.

[1]) Ярославскомъ, Томскомъ, Вологодскомъ, Вятскомъ, Архангельскомъ, Екатеринославскомъ.

[2]) Екатеринодарскомъ, Красноярскомъ, Новгородскомъ.

[3]) Лебединскомъ (Харьковской губ.), Духовщинскомъ (Смоленской), Златоустовскомъ (Уфимской), Стерлитамакскомъ (тоже), Алатырскомъ (Симбирской), Богородскомъ (Московской), Никольскомъ (Вологодской), Струнскомъ (Витебской), Семеновскомъ (Нижегородской), Николаевскомъ (Самарской) и Инсарскомъ (Пензенской).

Вотъ исторія устройства нѣсколькихъ заводовъ.

Въ мѣстечкѣ Струнь, Витебской губ., существуетъ тюрьма (къ ней мы потомъ вернемся), въ которой по тюремной смѣтѣ на 1895 годъ показанъ среднесуточный составъ 105 человѣкъ. Въ 1894 году [1]) Главнымъ тюремнымъ управленіемъ было отпущено 2000 рублей на усиленіе работъ; на эти деньги былъ устроенъ на землѣ, нанятой у крестьянъ, кирпичный заводъ, куплены дрова, сооружены лайбы для отправки кирпича по рѣкѣ на продажу въ городъ Полоцкъ. Въ томъ же 1894 году на производство кирпича ушло 6144 дня (если бы работы производились круглый годъ во всѣ рабочіе дни, то можно было бы сказать, что работали въ среднемъ 20 человѣкъ ежедневно) и дохода получено 1229 р. 89 к.; въ слѣдующемъ году на работы пошло 5889 поденщинъ и дохода получено 1178 р. 99 к.

Въ гор. Лебединѣ, Харьковской губ., при тюрьмѣ существуетъ кирпичный заводъ съ 1891 г., землю для устройства завода далъ городъ, деньги на устройство завода были заняты въ Харьковскомъ губернскомъ попечительномъ комитетѣ [2]); въ 1894 году арестанты провели на заводѣ 3982 рабочихъ дня и получено дохода 991 р. 50 к., въ 1895 году кирпича продано на 2029 р. 24 к.; изъ долга комитету осталось къ 1 января 1896 г. неуплаченными 655 р. 70 к. и въ наличности кирпича было для продажи на 458 р. 85 к.

Въ гор. Духовщинѣ, Смоленской губ., благодаря стараніямъ директора мѣстнаго попечительнаго отдѣленія М. Ф. Кусакова, существуетъ кирпичный заводъ уже 15 лѣтъ, среднесуточный составъ тюремнаго населенія показанъ въ смѣтѣ 37 (здоровые и больные); на производство кирпича въ 1894 г. ушло поденщинъ 1592 и получено дохода 438 р. 30 к.

[1]) Свѣдѣнія мною получены отъ начальника Струнской тюрьмы.

[2]) Тюремн. Вѣстн. 1894 г., № 1, 1896 г., № 9, и Отч. мѣст. губ.

За 15 лѣтъ [1]) доходъ отъ завода составилъ сумму 24.000 р., а расходъ 21.460 р. 95 к., но въ расходъ внесены 2906 р. 22 к. на возведеніе построекъ и ремонтъ ихъ въ теченіе 15 лѣтъ и отчислено въ доходъ арестантовъ, казны и тюрьмы 5921 р. 22 к., такъ что собственно 2539 р. 5 к. поступили въ экономическій капиталъ отдѣленія, а чистый доходъ за покрытіемъ расходовъ на заведеніе и ремонтъ на 5921 р. 22 к. больше.

Въ Алатырской тюрьмѣ, Симбирской губ., заводъ существуетъ съ 1894 г.; на устройство затрачено 971 р. 84 к., въ два года обзаведеніе окупилось и въ 1895 г. изготовлено 203 тысячи кирпича. И въ другихъ мѣстахъ заключенія кирпичные заводы шли также удачно; въ арестантскихъ отдѣленіяхъ они поставлены на болѣе широкую ногу; такъ, въ Вологодскомъ исправительномъ отдѣленіи въ 1894 г. было затрачено на кирпичномъ заводѣ 12.093 поденщинъ и получено дохода 7054 р. 2 к. (среднесуточно было занято 295 человѣкъ); въ Ярославскомъ исправительномъ отдѣленіи на кирпичномъ заводѣ потрачено было 3877 дней и получено дохода 5089 р. 10 к.; за свой кирпичъ Ярославское отдѣленіе на сельско-хозяйственной выставкѣ въ 1893 году получило бронзовую медаль; несмотря на то, что занятіе на Ярославскомъ кирпичномъ заводѣ продолжается, какъ и на другихъ подобныхъ заводахъ, не долѣе 5—6 мѣсяцевъ въ годъ, арестантскій трудъ даетъ около 65 р. чистаго дохода на арестанта, т. е. столько, сколько въ другихъ работахъ въ теченіе цѣлаго года [2]). Дѣлались въ тюрьмахъ опыты производства саманнаго, землянаго кирпича; такія постройки возводятся въ Инсарской тюрьмѣ (Пензенской губ.) для потребностей тюрьмы, въ Духовщинской (Смоленской губ.), въ Семеновской (Нижегородской губ.) и въ Николаевской (Самарской губ.); въ послѣднемъ случаѣ примѣръ повліялъ на мѣстныхъ жителей бѣднаго городка и они тоже стали возводить такія же постройки. Трудно представить себѣ лучшія условія

[1]) Тюремн. Вѣстн. 1896 г., № 8, 1894 г., №№ 1 и 8, Отч. губ.
[2]) Тюремн. Вѣстн. 1896 г., Декабрь.

для примѣненія арестантскаго труда: *занимать арестантовъ трудомъ, давая доходъ тюрьмѣ, не создавать конкуренціи и въ то же время служить дѣлу народнаго благосостоянія.* Но опытовъ такъ мало и они такъ робки, нѣтъ средствъ на обзаведеніе, наемъ мастеровъ, на распространеніе для начала, можетъ быть, безвозмездное, пока крестьяне освоятся. А между тѣмъ, по справедливому замѣчанію директора Семеновскаго уѣзднаго попечительнаго отдѣленія Милотворскаго [1]), арестанты, обучившись въ тюрьмахъ производству саманнаго кирпича, разнесли бы, по освобожденіи, это умѣнье въ разныя деревни, нашли бы себѣ такимъ путемъ заработокъ, и принесли бы своимъ однообщественникамъ пользу. Возможны и другіе виды примѣненія арестантскаго труда въ томъ же направленіи; такъ, правленіе Перваго всероссійскаго противопожарнаго товарищества въ Москвѣ въ своемъ объявленіи о результатахъ испытанія состава Бабаева для производства огнеупорныхъ крышъ и стѣнъ говоритъ, что такія крыши могли бы съ успѣхомъ изготовляться въ тюрьмахъ [2]).

Въ 1894 году закрыто было Пермское исправительное отдѣленіе, въ которомъ производились соломенно-ковровыя крыши; такіе кровельные ковры изготовлялись изъ соломы, сшивались мочальными нитками и обходились по 2 р. 50 к. за каждые 100 аршинъ въ $1^1/_4$ арш. ширины. Главное тюремное управленіе особымъ циркуляромъ 29 ноября 1887 г. рекомендовало производство въ тюрьмахъ подобныхъ крышъ [3]); при ознакомленіи съ тюремными работами я не встрѣтилъ, однако, случаевъ производства подобныхъ крышъ.

Переходя къ описанію внутреннихъ производительныхъ работъ въ нашихъ мѣстахъ заключенія, я напомню, что ими было занято въ арестантскихъ отдѣленіяхъ 16% среднесуточнаго состава, въ губернскихъ $13^1/_8$%, а въ уѣздныхъ $2^3/_5$%; при такихъ условіяхъ уже заранѣе понятно, что матеріала для описанія будетъ немного. Прежде всего остановимся на

[1]) Тюремн. Вѣстн. 1894 г., № 8.
[2]) Тюремн. Вѣстн. 1895 г., № 8.
[3]) В. Н. Коковцовъ и С. В. Рухловъ—Систематическій сборникъ по тюремной части, изд. 1894 г., стр. 304.

общемъ типѣ; если составить примѣрно такой же списокъ, какъ я составлялъ для наружныхъ работъ, послѣдовательно пополняя его при просмотрѣ новыхъ отчетовъ, то окажется, что самыми распространенными работами являются: сапожныя, портняжныя, столярныя, слесарныя, плетеніе, ткацкія работы, затѣмъ встрѣчаются гармонники, щеточники, кузнецы, переплетчики, бондари и т. д. Но и это перечисленіе въ сущности не передаетъ точно картины работъ; если мы начнемъ съ уѣздныхъ тюремъ, то найдемъ въ каждой изъ нихъ сапожника, почти въ каждой портнаго и столяра, иногда двухъ сапожниковъ—но вотъ уже и все, вѣдь цифра обозначаетъ $2^3/_5$, значитъ менѣе 3 человѣкъ въ день; восходя отъ уѣздныхъ къ губернскимъ, мы уже обязательно находимъ двухъ-трехъ сапожниковъ, двухъ-трехъ портныхъ, двухъ-трехъ столяровъ—всего 9, а общая цифра $13^1/_8$, на все остальное остается 4 человѣка; приблизительно то же самое и въ арестантскихъ отдѣленіяхъ. Поэтому не точно говорить о „работахъ“, которыя производятся въ тюрьмахъ, такихъ „работъ“, какъ принадлежности тюрьмы, у насъ въ уѣздныхъ нѣтъ, въ губернскихъ почти нѣтъ и въ арестантскихъ отдѣленіяхъ есть немного. Я поясню свою мысль: въ нашихъ тюрьмахъ нѣтъ или почти нѣтъ „заведенныхъ работъ“, которымъ бы поступающіе въ тюрьму арестанты обучались, приспособлялись, если же производятся работы сапожныя, портняжныя и столярныя, по преимуществу, то потому, что это ремесла наиболѣе распространенныя въ народѣ, изъ котораго и пополняется контингентъ преступниковъ. Такимъ образомъ, слѣдовало бы говорить не „производятся такія-то работы“, а поступилъ въ тюрьму сапожникъ, портной, столяръ и др., и вотъ они и продолжаютъ въ стѣнахъ тюрьмы, отъ нечего дѣлать, тѣ работы, которыми занимались до лишенія свободы, и притомъ продолжаютъ по доброй волѣ: никакихъ проявленій дѣятельности тюремной администраціи тутъ нѣтъ, тѣмъ болѣе, что занятіе такимъ „поступившимъ въ тюрьму ремесломъ“ не распространяется на другихъ содержащихся въ тюрьмѣ; у многихъ, даже у большинства работающихъ, инструменты свои, принесенные съ воли.

Послѣ этой общей картины мы остановимся на исключеніяхъ, на тѣхъ немногихъ работахъ, которыя обращаютъ на себя вниманіе, и при этомъ увидимъ, какъ слабо развиты эти немногія работы и насколько остается въ силѣ общая картина. Единственными распространенными работами желательными, но все-таки занимающими сравнительно мало рукъ, являются работы по плетенію, валянью, расщипкѣ, клейкѣ и вязанью. Работы эти особенно желательны въ тюрьмахъ, главнымъ образомъ, по своей несложности, потому что онѣ доступны всякому не знающему никакого ремесла и потому, что онѣ крайне распространены въ народѣ, каждому хорошо извѣстны всѣ небольшія необходимыя техническія свѣдѣнія по этимъ работамъ; такія особенности этихъ работъ позволяютъ занимать ими арестантовъ, поступившихъ на самые короткіе сроки. Не надо также и затратъ на „заведеніе“ ихъ, на пріобрѣтеніе сколько-нибудь сложныхъ инструментовъ и т. д.

Такія работы существовали въ 1894 г. (насколько мнѣ извѣстно на основаніи отчетовъ и свѣдѣній) въ 148 мѣстахъ заключенія изъ общаго числа мѣстъ заключенія, о которыхъ у меня имѣлись свѣдѣнія (32 арестантскихъ отдѣленія, 85 губернскихъ и 442 уѣздныхъ тюремъ, а всего 559 мѣстъ заключенія); я не думаю, чтобы эти данныя были далеки отъ истиннаго положенія и въ отношеніи общаго числа мѣстъ заключенія, а если это такъ, то придется признать, что работы эти распространены всего въ $26^1/_2\%$ общаго числа тюремъ.

Вотъ примѣрное перечисленіе всѣхъ производимыхъ работъ, я не берусь сказать, что оно исчерпывающее: плетеніе корзинъ, плетеніе веревочныхъ и лычныхъ лаптей и туфель, плетеніе половиковъ, матъ, витье веревокъ и канатовъ, тканье рогожныхъ кулей, щипанье пеньки, шерсти, пуха, шелка и др., плетеніе изъ пеньки, издѣлія изъ мочалы, валянье валенковъ и котовъ и обшивка ихъ, шитье мѣшковъ, плетеніе и клееніе коробокъ, картонажныя работы, клееніе аптечныхъ мѣшковъ, оклейка соломой по дереву и картону, гильзовыя работы, изготовленіе соломокъ для спичекъ и изготовленіе коробокъ для спичекъ, вязанье сѣтей, чулокъ, скатертей, половыхъ щетокъ, плетенье кружевъ, изготовленіе

металлическихъ сѣтокъ, оплетеніе бутылокъ, плетеніе гарусныхъ на веревочныхъ подошвахъ туфель, изготовленіе ковровъ изъ сукна, шерсти и обрѣзковъ кожи, починка мебели (съ соломенными сидѣньями), корневыя издѣлія, издѣлія изъ бересты, рѣзанье пробокъ. Несмотря на разнообразіе перечисленныхъ работъ, въ общемъ, въ каждой отдѣльной тюрьмѣ ими занято чрезвычайно мало.

Самой распространенной работой является плетеніе лаптей; эта работа встрѣчается въ 65 мѣстахъ заключенія изъ числа 148 упомянутыхъ выше; точныя свѣдѣнія о количествѣ дней, проведенныхъ на этой работѣ, мы имѣемъ, однако, всего относительно 54 мѣстъ заключенія; въ нихъ было затрачено на плетеніе лаптей въ 1894 г. приблизительно 32.306 поденщинъ, т. е. среднесуточно занято было этимъ дѣломъ 110 арестантовъ и слѣдовательно на каждую тюрьму приходится около 2 арестантовъ. Но такое вычисленіе не передаетъ вѣрно дѣйствительной картины; если изъ числа 54 исключить 5, въ которыхъ особенно было развито плетеніе лаптей, то окажется, что въ остальныхъ 49 мѣстахъ заключенія всего было занято 53 человѣка, т. е. почти по одному на тюрьму. Вознагражденіе дневное за эту работу составляло отъ 3—7 к. въ день и пара лаптей продавалась за 7 к.

Слѣдующей по распространенію работой является щипанье пеньки, шерсти и др. Она встрѣчается въ 32 тюрьмахъ (изъ числа мнѣ извѣстныхъ); относительно 30 имѣются точныя данныя и здѣсь мы встрѣчаемся съ такимъ же положеніемъ, какъ и въ работахъ по плетенію лаптей; въ 5 мѣстахъ заключенія работа эта занимаетъ сравнительно большее число рукъ, въ 25 же остальныхъ всего $^3/_5$ арестанта среднесуточно; вознагражденіе въ день отъ 1—5 к. (въ общемъ эта работа среднесуточно во всѣхъ мѣстахъ заключенія занимала около $206^1/_6$ арестантовъ).

Далѣе слѣдуетъ по распространенію клейка коробокъ, картонажная работа и др. Она встрѣчается въ 24 тюрьмахъ, изъ нихъ въ 21 ею были заняты $90^1/_2$ арестантовъ среднесуточно, но изъ числа этихъ 21 тюремъ въ 17 занято было всего $23^1/_5$ арестантовъ; вознагражденіе отъ 6—32 к.

Плетеніе матъ, соломенныхъ ковриковъ и т. д. производилось въ 19 тюрьмахъ, въ которыхъ среднесуточно (во всѣхъ) занято было этой работой $8^2/_5$ арестантовъ, вознагражденіе составляло отъ 10 до 38 к.

Плетеніемъ корзинъ были заняты въ 11 тюрьмахъ, изъ нихъ относительно 5 я не имѣю точныхъ свѣдѣній, а въ 6 остальныхъ было занято среднесуточно 4 арестанта, т. е. по $^2/_3$ арестанта на тюрьму; вознагражденіе отъ 7—55 к.

Видное значеніе среди этихъ работъ занимали работы по клейкѣ папиросныхъ гильзъ; онѣ производились въ 14 тюрьмахъ, въ которыхъ ими было занято $68^2/_3$ арестанта; вознагражденіе составляло отъ 8 до 28 к. въ день. Близкое къ этому производству изготовленіе соломокъ для спичекъ и коробокъ для спичекъ встрѣчается въ 6 тюрьмахъ, въ которыхъ было занято $44^1/_3$ арестанта, дневное вознагражденіе отъ $10^1/_2$ до 18 к. Я видѣлъ такое производство въ одной изъ этихъ 6 тюремъ, въ Феллинской; имъ было занято много арестантовъ (среднесуточно $21^1/_2$ арест.), работа крайне несложна, предприниматель доставляетъ въ тюрьму тоненькія планочки, которыя надрѣзаются, складываются и обклеиваются готовой бумагой съ печатнымъ бланкомъ—работа доступная всѣмъ, безъ всякихъ предварительныхъ знаній.

Нельзя также не упомянуть о витьѣ канатовъ и веревокъ, которымъ были заняты въ 10 тюрьмахъ, о вязаньѣ сѣтей, производившемся въ 7 тюрьмахъ, объ издѣліяхъ изъ мочалы, дававшихъ работу въ 9 тюрьмахъ.

Я не буду останавливаться на другихъ еще менѣе распространенныхъ работахъ; къ сожалѣнію, и тѣ наиболѣе распространенныя, о которыхъ я говорилъ вначалѣ, какъ мы видѣли выше, занимаютъ очень немного, какихъ-нибудь 60 тюремъ и въ каждой по одному, двумъ арестантамъ.

А между тѣмъ эти работы дѣйствительно стоятъ, чтобы на нихъ обратить вниманіе. Я живо помню опытъ, который я произвелъ въ 1889 году въ Ревельской городской тюрьмѣ, которой я завѣдывалъ не въ качествѣ товарища прокурора, а въ качествѣ директора губернскаго комитета. Меня озабочивало, съ одной стороны, бездѣлье громаднаго большинства

арестантовъ, а съ другой стороны—мало удовлетворяли тѣ немногія работы столярныя, щеточныя, которыя производились на показъ, для базаровъ, но собственно къ дѣйствительной тюремной работѣ никакого отношенія неимѣли, такъ какъ занимали небольшое число арестантовъ, знавшихъ ремесло еще до тюрьмы. И вотъ я постарался перевести арестантовъ на работы по плетенію, расщипкѣ и т. д. Мнѣ удалось, благодаря соглашенію съ командиромъ порта, получать изъ управленія портомъ по умѣреннымъ цѣнамъ старые канаты, которые расщипывались, и затѣмъ изъ нихъ вились веревочки, а изъ послѣднихъ веревочные коты арестантскіе, ношеніе которыхъ предписывалось циркулярами Главнаго тюремнаго управленія и которые мы получали изъ Кронштадта по 40 к. пара, тогда какъ въ нашей тюрьмѣ тѣ же коты обходились по 8 к. пара. Во исполненіе другаго циркуляра того же тюремнаго управленія, я сдѣлалъ опытъ плетенія соломенныхъ матъ, которые должны были замѣнить арестантскіе тюфяки; скоро нашлись знающіе это дѣло среди арестантовъ; и работа пошла успѣшно. Я и теперь думаю, что въ этомъ направленіи можно многое сдѣлать для того, чтобы занять арестантовъ; производящіяся нынѣ въ тюрьмахъ работы даютъ въ этомъ отношеніи блестящее указаніе. Въ 4 изъ числа тѣхъ тюремъ, въ которыхъ встрѣчается производство лаптей, а именно въ Саранской, Курмышской, Сызранской и Орловской, *лапти производились*, какъ сказано въ отчетахъ, *для арестантовъ*, а въ пятой—Буйской (съ населеніемъ въ 26 человѣкъ) было сработано 1000 лаптей по заказу казны; къ сожалѣнію, болѣе подробныхъ свѣдѣній я сообщить не могу, но само собою понятно, какое сразу получилось бы постоянное занятіе для арестантовъ, если бы вмѣсто всякихъ котовъ арестантской обувью было признано возможнымъ сдѣлать національные лапти, при чемъ на окраинахъ они могли бы быть замѣнены мѣстной крестьянской обувью: пастолами и т. д. Для казенныхъ же надобностей можно плести маты взамѣнъ тюфяковъ, которые въ настоящее время состоятъ изъ холщеваго чахла, набитаго соломой. Не надо забывать, что главное затрудненіе при производствѣ выше перечисленныхъ работъ по плетенію и

др.—это сбытъ издѣлій; при такомъ же направленіи на удовлетвореніе потребностей самой тюрьмы и арестантовъ, это затрудненіе было бы устранено, если бы арестантскія отдѣленія и губернскія тюрьмы были заняты въ достаточной мѣрѣ производительными работами, уѣздныя тюрьмы могли бы плести лапти и маты не только для себя, но и для губернскихъ тюремъ и для арестантскихъ отдѣленій.

Кромѣ перечисленныхъ видовъ вязанья сѣтей и т. п. есть еще вязанье, какъ чисто женское занятіе (вязанье чулокъ и т. д.); въ числѣ женскихъ работъ упоминаются еще швейныя работы и затѣмъ фигурируетъ названіе „женскія рукодѣлія“, но въ общемъ всего въ 12 тюрьмахъ я нашелъ указанія на особыя женскія работы,—въ какой мѣрѣ женщины участвуютъ въ другихъ работахъ (напр. въ пряжѣ и т. д.), въ отчетѣ совсѣмъ не указано. Рядомъ съ только-что перечисленными работами въ числѣ производительныхъ работъ могутъ быть поставлены работы ткацкія (неизмѣримо менѣе, однако, распространенныя). Но прежде чѣмъ перейти къ ткацкимъ работамъ, я упомяну еще объ одномъ видѣ работъ производительныхъ, а именно объ изготовленіи сельскохозяйственныхъ орудій.

Не можетъ быть сомнѣнія, что при значеніи сельскаго хозяйства въ Россіи—при крайнемъ недостаткѣ сколько нибудь удовлетворительныхъ сельскохозяйственныхъ орудій, которыя большею частью ввозятся изъ за-границы, выдѣлываніе ихъ явилось бы настоящимъ благодѣяніемъ и, разумѣется, ни о какой вредной конкуренціи свободному отечественному труду не могло бы быть и рѣчи. Къ сожалѣнію, въ моемъ пакетикѣ съ надписью „изготовленіе сельскохозяйственныхъ орудій“ карточекъ очень мало.

Прежде всего слѣдуетъ упомянуть о Тобольской каторжной тюрьмѣ № 2, въ которой изготовляются вѣялки и другія сельскохозяйственныя орудія; особенно оказались удачны вѣялки, за которыя тюрьма на Курганской сельскохозяйственной выставкѣ 1895 года получила похвальный отзывъ, такъ что теперь рѣшено сосредоточиться на выдѣлкѣ только вѣя-

локъ [1]). Ярославское исправительное отдѣленіе выдѣлывало бороны въ 1893 году, за которыя между прочимъ въ этомъ году получило бронзовую медаль [2]). Въ Струнской тюрьмѣ въ 1894 году выдѣлывали плуги, на что̀ ушло около 331 поденщинъ (среднесуточно одинъ съ небольшимъ арестантъ) и получено дохода 65 р. 9 к.; въ Городищенской тюрьмѣ выдѣлывали сохи и въ Угличской грабли, но въ очень незначительномъ размѣрѣ. Вотъ, къ сожалѣнію, и все, а между тѣмъ эти работы представляли бы широкое и плодотворное поле для занятія арестантовъ долгосрочныхъ, въ особенности исправительныхъ отдѣленій!

Ткацкія и прядильныя работы занимаютъ несомнѣнно выдающееся положеніе среди тюремныхъ работъ. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ (я не ручаюсь, что мое перечисленіе исчерпывающее), ткацкія работы производились въ 12 [3]) исправительныхъ отдѣленіяхъ, въ 13 губернскихъ тюрьмахъ, въ Московской исправительной, въ С.-Петербургской (одиночной) и въ 14 уѣздныхъ; прядильныя работы встрѣчались въ Саратовскомъ исправительномъ отдѣленіи и 7 уѣздныхъ. Кромѣ того, въ Привислянскомъ краѣ ткацкое и прядильное дѣло поставлено особо старательно: здѣсь устроено 14 тюремныхъ фабрикъ (6 фабрикъ и 8 прядиленъ, объ нихъ мы скажемъ ниже), кромѣ того еще въ Петроковской тюрьмѣ имѣется ткацкая мастерская. Такимъ образомъ ткацкія и прядильныя работы производились въ 65 мѣстахъ заключенія [4]).

Изъ числа арестантскихъ отдѣленій въ 10 среднесуточно было занято 435 1/3 арестанта и дохода получено 36.991 р. 52 к., кромѣ того, въ С.-Петербургскомъ получено дохода 10.033 р. 68 к. (число поденщинъ не указано). Въ Московской исправительной тюрьмѣ и 11 губернскихъ (о которыхъ имѣются точныя свѣдѣнія) были заняты 191 арестантъ и получено дохода 18.933 р. 79 к. и кромѣ того въ С.-Петербургской одиночной получено дохода 23.280 р. 46 к.

Изъ числа 14 уѣздныхъ тюремъ, въ которыхъ производились ткацкія работы, точныя свѣдѣнія имѣются только о 5, въ которыхъ среднесуточно было занято 14 1/5 арестантовъ и получено дохода 687 р. 23 к. Пряжей занимались въ Саратовскомъ исправительномъ отдѣленіи 86 1/5 арестантовъ среднесуточно, дохода получено 2626 р. 42 к. и въ 7 тюрьмахъ 10 2/3 арестанта, при чемъ дохода получено 58 р. 26 к.

Изъ числа 15 фабрикъ и прядиленъ Привислянскаго края въ отчетахъ помѣщены свѣдѣнія о 12 и, кромѣ того, о Петроковской ткацкой мастерской. Всего въ этихъ 13 ткацкихъ и прядильняхъ было занято 625 2/3 арестанта среднесуточно и доходъ составилъ 8923 р. 3 к.

При неполнотѣ свѣдѣній даже о тѣхъ тюрьмахъ, о которыхъ въ отчетахъ прямо указано, что въ нихъ производятся ткацкія и прядильныя работы, я не рѣшаюсь дѣлать выводы и въ особенности опредѣлять процентно степень занятія этими работами арестантовъ; можно только замѣтить, что ткацкія работы занимали большое число рукъ и примѣнялись съ успѣхомъ не только въ крупныхъ тюрьмахъ и на широкую ногу, но и въ уѣздныхъ и въ маломъ размѣрѣ. Несомнѣнно, однако, что ткацкое дѣло представляетъ именно всѣ данныя для того, чтобы имъ занимать большое число рукъ въ крупныхъ мастерскихъ съ примѣненіемъ машинъ и различныхъ техническихъ усовершенствованій.

При наличности громаднаго числа свободныхъ рукъ въ нашихъ мѣстахъ заключенія съ крупнымъ населеніемъ, какъ арестантскія отдѣленія и губернскія тюрьмы, возможно было бы созданіе настоящихъ государственныхъ мастерскихъ, которыя бы поставляли холстъ всякихъ сортовъ и сукно на различныя отрасли администраціи и прежде всего на армію и флотъ. При существованіи такихъ государственныхъ мастерскихъ, казна получила бы громадныя выгоды, получили бы ихъ и тюрьмы, а главное это было бы достаточное занятіе всѣмъ

[1]) Тюремный Вѣстн., 1896 г., № 2.

[2]) Тюремный Вѣстн., 1893 г., № 12.

[3]) Андреевское, Ярославское, Симбирское, Саратовское, Николаевское, Псковское, Кіевское, Полтавское, Виленское, Казанское, Вятское и С.-Петербургское.

[4]) Въ самое послѣднее время (см. Жур. Мин. Юст., Ноябрь 1896 года) мнѣ стало извѣстно объ открытіи особой суконной фабрики въ Тобольской каторжной тюрьмѣ.

долгосрочнымъ арестантамъ. Насколько велики были бы выгоды казны при этомъ,—можно судить на основаніи слѣдующаго примѣра. Въ 1892 году *одно* Саратовское исправительное отдѣленіе поставило для тюремъ Саратовской губерніи 52.109 аршинъ 15 вершковъ, для тюремъ Пермской губ. 60 тыс. аршинъ и для тюремъ Тифлисской губ. 3 тыс. аршинъ. На этой одной заготовкѣ казна выиграла 5227 р. 51 к., такъ какъ именно на эту сумму вышеперечисленный холстъ обошелся ей дешевле покупнаго. А какія выгоды могли бы быть достигнуты казной при веденіи дѣла на широкую ногу! Едва-ли при этомъ могли бы быть особенно основательныя нареканія на конкуренцію свободному труду; самые строгіе экономисты признаютъ, что разъ государство изготовляетъ предметы для собственнаго потребленія, а не для продажи и такимъ путемъ достигаетъ извѣстной значительной экономіи, то оно поступаетъ правильно, сберегая народныя средства, расходуемыя на содержаніе государственнаго механизма.

Къ сожалѣнію, мы не находимъ никакихъ указаній на подобный сбытъ и на полученіе какихъ бы то ни было заказовъ отъ правительства. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ само тюремное вѣдомство, которое пользуется ткацкими мастерскими исправительныхъ отдѣленій „казенной ткацкой“ Московской губернской тюрьмы и тюремными фабриками Привислянскаго края для снабженія мѣстъ заключенія холстомъ. Тюремное управленіе образовало свои склады холста (С.-Петербургъ, Москва, Кіевъ, Симбирскъ) и въ 1894 году выслало изъ этихъ складовъ 465 тысячъ аршинъ холста рубашечнаго, 535.900 аршинъ подкладочнаго; тика 22.430 аршинъ и равендука 157.270 аршинъ; весь этотъ матеріалъ предназначался для арестантскаго бѣлья и одежды. Но этимъ и ограничились заказы тюремнаго управленія; всѣ остальные предметы, поставка которыхъ необходима тюрьмамъ, для изготовленія форменной одежды для тюремныхъ надзирателей и одежды для арестантовъ, все это получается или съ торговъ, или просто закупается хозяйственнымъ путемъ Главнымъ тюремнымъ управленіемъ и разсылается по тюрьмамъ (въ 1894 году была разрѣшена „постройка“

обмундированія для надзирателей на мѣстѣ въ 3 губерніяхъ, 5 областяхъ и одномъ портовомъ городѣ).

Такъ, въ 1894 году было уплачено купчихѣ Кириловой за драпъ, сукно и тифтикъ 77.606 руб. 7¼ к., саратовскому фабриканту Дебердѣеву за черное сукно 11.103 руб. 30 коп.; весь этотъ матеріалъ пошелъ на изготовленіе обмундированія надзирателей. Кромѣ того, у тѣхъ же купцовъ и у Ренева куплено еще 46.775 аршинъ сукна на одежду арестантамъ.

Нельзя не замѣтить, что изготовленіе всего необходимаго матеріала для обмундированія надзирателей и одежды арестантовъ могло бы производиться трудомъ арестантовъ; если бы для устройства или расширенія существующихъ мастерскихъ потребовались расходы, то несомнѣнно, они весьма скоро покрылись бы.

Теперь слѣдуетъ остановиться на вопросѣ о томъ, въ какой мѣрѣ самая „постройка“ (говоря языкомъ техническимъ) обмундированія для надзирателей и одежды, бѣлья и обуви для арестантовъ производится трудомъ послѣднихъ. Этотъ вопросъ составляетъ собственно часть того общаго весьма важнаго вопроса, въ какой мѣрѣ у насъ потребности самихъ тюремъ удовлетворяются трудомъ арестантовъ, для котораго, какъ это общепризнано и теоріей, и практикой, удовлетвореніе потребностей тюрьмы является первымъ и главнымъ предназначеніемъ. Къ выясненію этихъ вопросовъ мы и приступимъ.

О томъ, чьимъ трудомъ изготовляется обмундированіе для надзирателей, въ отчетѣ по Главному тюремному управленію за 1894 годъ не сказано, но за-то въ этомъ отчетѣ (стр. 64) рѣшительно утверждается, что „пошитье вещей для арестантовъ производилось *повсемѣстно* трудомъ самихъ заключенныхъ, а въ мѣстности, гдѣ таковой способъ заготовки арестантскаго обмундированія являлся почему-либо неудобнымъ, онѣ доставлялись въ готовомъ видѣ, по изготовленіи ихъ въ С.-Петербургскихъ тюремныхъ мастерскихъ. Доставлены одежныя вещи въ готовомъ видѣ въ губерніи“ и далѣе идетъ перечисленіе 3 губерній, 5 областей, 2 градоначальствъ и одного военнаго губернаторства. Мы охотно бы привѣтствовали такой отрадный фактъ, если бы мы не имѣли никакихъ основаній сомнѣваться въ

совершенной точности приведеннаго утвержденія. Дѣйствительно, придавая громадное значеніе принципіальному требованію, чтобы все необходимое для потребностей тюрьмы и арестантовъ изготовлялось трудомъ арестантовъ, я тщательно останавливался на отчетахъ по каждой тюрьмѣ и при этомъ встрѣтилъ указанія, что одежда и бѣлье для арестантовъ изготовлялись трудомъ послѣднихъ въ слѣдующихъ мѣстахъ заключенія: на Нерчинской каторгѣ, въ двухъ исправительныхъ отдѣленіяхъ (Саратовскомъ и Симбирскомъ, не считая С.-Петербургскаго, разумѣется, о которомъ говоритъ отчетъ), въ 12 губернскихъ тюрьмахъ и въ 10 уѣздныхъ, кромѣ того починяли арестантскія одежду и бѣлье въ 12 мѣстахъ заключенія. Какое я имѣю основаніе объяснять эти цифры одной неточностью отчетовъ? Она была бы, во-первыхъ, слишкомъ распространенная и, во-вторыхъ, можно было бы допустить такую неточность только въ томъ случаѣ, если бы извѣстно было, что существуетъ общее правило о пошитьѣ бѣлья и одежды арестантскихъ трудомъ арестантовъ, но такого правила *ни въ законѣ, ни въ циркулярахъ Главнаго тюремнаго управленія* не встрѣчается, я основываюсь въ послѣднемъ отношеніи на сборникѣ В. Н. Коковцова и С. В. Рухлова изд. 1894 г. Въ этомъ сборникѣ (ст. 303) приведенъ правда циркуляръ 26 апрѣля 1886 года за № 13, которымъ разъясняется (ст. 354 Уст. сод. подъ страж.), что опредѣленіе работъ по каждому мѣсту заключенія предоставляется губернаторамъ, что наиболѣе подходящими для арестантовъ работами признаются: ткацкое производство и т. д. „Непремѣннымъ условіемъ, конечно, должно быть принято, чтобы всѣ работы на потребности тюрьмы, какъ-то: шитье одежды и обуви и по ремонту тюремныхъ зданій, исполнялись самими арестантами. Что же касается до работы по частнымъ требованіямъ и т. д.“. Едва-ли, это категорическій императивъ,—это совѣтъ по вопросу о веденіи работъ.

Для того, чтобы представить, какое количество труда уходитъ на изготовленіе одежды и бѣлья для *арестантовъ одной губерніи*, какой доходъ отъ этого получается и насколько эти цифры не могли бы быть обойдены молчаніемъ въ отчетахъ, я укажу нѣсколько примѣровъ. Въ Астраханской губернской

тюрьмѣ въ 1894 г. производилась постройка одежды и обуви для всѣхъ тюремъ этой губерніи, на что̀ ушло 4060 поденщинъ (т. е. среднесуточно 14 работниковъ) и поступило дохода 1340 р.; въ Орловской губернской тюрьмѣ производилась постройка одежды и бѣлья тоже только для тюремъ этой губерніи и на это ушло 5874 поденщинъ (т. е. среднесуточно 20 работниковъ) и получилось дохода 587 р. 38½ к.; во Владимірской губернской тюрьмѣ на тотъ же предметъ затрачено 3896 поденщинъ (13¼ раб. среднесуточно) и дохода поступило 1168 р. 76 к. Какъ же могли бы быть такія суммы скрыты; очевидно, циркуляръ не примѣняется.

Затѣмъ относительно изготовленія арестантамъ одежды и бѣлья въ мѣстахъ заключенія города Петербурга я долженъ замѣтить, что въ одномъ изъ этихъ мѣстъ заключенія, именно въ С.-Петербургскомъ исправительномъ отдѣленіи, едва-ли производилась подобная постройка для другихъ тюремъ, такъ какъ изъ таблицы, помѣщенной въ Тюремномъ Вѣстникѣ (1896 г., № 1), усматривается, что въ годы 1890—96 въ этомъ отдѣленіи было *недостроено для самого отдѣленія* всего на сумму (по оцѣнкѣ) 18.318 р. 44 к.; этотъ фактъ лучше всякихъ другихъ соображеній убѣждаетъ въ томъ, что если даже въ мѣстахъ заключенія города Петербурга не вполнѣ исполняется требованіе объ изготовленіи одежды и бѣлья арестантскаго трудомъ арестантовъ, то тѣмъ вѣроятнѣе, что не исполняется это требованіе въ провинціи вдали отъ контроля. Въ то же время упомянутая таблица доказываетъ безусловную необходимость порученія тюремной работы *своимъ готовымъ мастерскимъ*, своимъ свободнымъ незанятымъ рукамъ вмѣсто постороннихъ. Дѣйствительно оказывается, что только за указанные 7 лѣтъ (1890—1896) и притомъ только въ одномъ мѣстѣ заключенія казна, изготовляя арестантскія одежду и бѣлье трудомъ заключенныхъ въ отдѣленіи, сдѣлала сбереженіе противъ вольныхъ цѣнъ на 18.016 р. 76 к. Что касается до постройки обмундированія надзирателямъ, то я встрѣтилъ указанія только въ четырехъ тюрьмахъ (Астраханской, Благовѣщенской, Орловской и Симбирской), что такая постройка произведена трудомъ арестантовъ. Послѣ предыдущихъ со-

ображеній я считаю себя въ правѣ заключить, что по части изготовленія матеріала для обмундированія тюремныхъ надзирателей и одежды и бѣлья для арестантовъ и по части постройки этихъ обмундированія, одежды и бѣлья, остается еще открытое поле для широкаго и вполнѣ естественнаго приложенія арестантскаго труда—и руки, ничего не дѣлающія, будутъ заняты, и казна сдѣлаетъ сбереженіе, и о конкуренціи вольному труду нельзя будетъ говорить.

Столь же *естественнымъ* примѣненіемъ арестантскаго труда можетъ быть несомнѣнно признано и возведеніе этимъ трудомъ новыхъ тюремныхъ зданій и исправленіе, ремонтъ старыхъ.

Къ сожалѣнію, случаи (о которыхъ я собралъ свѣдѣнія) примѣненія арестантскаго труда къ постройкѣ новыхъ тюремъ или переустройству старыхъ крайне рѣдки, хотя строительная дѣятельность Главнаго тюремнаго управленія очень обширна. Мнѣ извѣстны только 5 случаевъ примѣненія въ 1894 году арестантскаго труда къ возведенію новыхъ тюремныхъ зданій, а именно на Нерчинской каторгѣ, на что ушло 70.293 дня; кромѣ того, тѣ же каторжники строили и пріютъ для дѣтей арестантовъ, на что ушло 5807 поденщинъ (вознагражденіе не указано); арестанты Люблинской губернской тюрьмы возводили зданіе новой тюрьмы, на что ушло 11.637 поденщинъ; тѣмъ же дѣломъ были заняты арестанты Можайской тюрьмы (число дней и вознагражденіе не указано), арестанты Трокской (Виленской губерніи) тюрьмы перестраивали свою тюрьму, на что было затрачено 2629 поденщинъ и получился доходъ 658 р. 54 к. и, наконецъ, арестанты Варшавской главной уголовной тюрьмы отстроили новый административный флигель, на что было затрачено 3819 поденщинъ и получился доходъ въ 1464 р. Затѣмъ встрѣчаются довольно многочисленные случаи примѣненія арестантскаго труда къ ремонту тюремъ; я даже склоненъ думать, что ихъ больше было, чѣмъ я насчиталъ (41), и что во многихъ тюрьмахъ ремонтъ фигурируетъ въ числѣ хозяйственныхъ неоплачиваемыхъ работъ; надо впрочемъ замѣтить, что все это такъ называемые ремонты „мелочные“, изъ числа 41 замѣченныхъ мной только въ трехъ онъ потребовалъ болѣе

1000 поденщинъ, въ большинствѣ же случаевъ число затраченныхъ поденщинъ не достигаетъ и 100, это все больше, вѣроятно, перекраска стѣнъ.

Во всякомъ случаѣ и здѣсь по отстройкѣ новыхъ и перестройкѣ старыхъ зданій тюремному управленію еще долгое время предстоитъ широкая дѣятельность и, несомнѣнно, вполнѣ необходимо и вполнѣ естественно примѣненіе къ этимъ работамъ арестантскаго труда.

Мнѣ остается остановиться на работахъ хозяйственныхъ. Какія именно работы должны быть подведены подъ понятіе хозяйственныхъ—не указано точно ни въ законѣ, ни въ циркулярахъ Главнаго тюремнаго управленія. Въ законѣ упоминается объ этихъ работахъ только въ отношеніи вознагражденія за нихъ арестантовъ, при чемъ для такого вознагражденія источникомъ указана та часть дохода отъ арестантскихъ работъ, которая поступаетъ въ пользу тюрьмы (ст. 363 Уст. сод. подъ страж.); опредѣленіе размѣра этого вознагражденія предоставлено, въ силу ст. 362, Главному тюремному управленію, а послѣднее передало это право губернаторамъ, точнаго же опредѣленія хозяйственныхъ работъ все-таки нѣтъ; можетъ быть, этимъ и объясняется, что за самыми ничтожными исключеніями въ какихъ-нибудь 20 тюрьмахъ изъ всѣхъ тѣхъ тюремъ, о которыхъ у меня имѣются свѣдѣнія, было выдано вознагражденіе за хозяйственныя работы, во всѣхъ же остальныхъ, т. е. почти во всѣхъ, работы эти, вопреки ст. 358 Уст. сод. подъ страж., производились *безплатно*.

Согласно указу Правительствующаго Сената 12 іюля 1882 г., подъ понятіе хозяйственныхъ работъ могутъ быть подведены лишь такія работы, какъ изготовленіе пищи, носка дровъ, но не шитье одежды, ремонтъ зданій и т. д., которые должны вознаграждаться наравнѣ съ другими производительными работами; съ другой стороны—циркуляромъ Главнаго тюремнаго управленія 25 апрѣля 1886 г. № 13 разъяснено, „что опредѣляемое закономъ [1]) вознагражденіе за хозяйственныя работы должно быть назначаемо арестантамъ, занятымъ этими рабо-

[1]) Коковцовъ, Сборникъ, стр. 306.

тами въ видѣ ремесла (?), какъ-то кашеварамъ, хлѣбопекамъ, квасникамъ и т. п., а отнюдь не должно распространяться на работы, производимыя хотя и для потребностей тюрьмы, *но обязательно и поочередно* всѣми арестантами" (?).

Циркуляромъ Главнаго тюремнаго управленія 20 ноября 1887 г. [1]) указано, что содержаніе чистоты въ тюремныхъ помѣщеніяхъ и очистка отхожихъ мѣстъ должны быть производимы, въ видахъ сокращенія расходовъ, преимущественно трудомъ арестантовъ, и вознагражденіе за эти работы должно производиться какъ за хозяйственныя; циркуляромъ того же управленія 21 августа 1879 г. указано на необходимость введенія, съ цѣлью удешевленія арестантскаго довольствія, обязательнаго хлѣбопеченія трудомъ арестантовъ.

Необходимо, мнѣ кажется, признать, что не законъ въ своей неопредѣленной редакціи и не циркуляры тюремнаго управленія, въ своей еще болѣе сбивчивой редакціи, установили хозяйственныя работы, а сама жизнь нашихъ тюремъ, въ большинствѣ которыхъ почти нѣтъ другихъ работъ кромѣ хозяйственныхъ; при такомъ количествѣ свободныхъ рабочихъ рукъ было бы странно, чтобы мытье половъ, топка печей, варка каши и т. д. производились наемными рабочими. Не всюду однако выдерживается строго принципъ и, напримѣръ, вмѣсто печенья хлѣба въ нѣкоторыхъ городахъ производится доставка готоваго контрагентомъ; но это исключенія. Нельзя не сказать, что производство работъ хозяйственныхъ трудомъ арестантовъ, и притомъ даровымъ, представляется очень важнымъ въ смыслѣ сбереженія средствъ казны, а въ то же время вполнѣ оправдывается съ точки зрѣнія пенитенціарной.

То, что въ Австріи названо Eigen-regie и установлено постепенно, въ теченіе ряда лѣтъ законодательнымъ путемъ, на введеніе чего во Франціи тратятся большія суммы (régie), то въ Россіи возникло и существуетъ какъ-то само собой. Нельзя не сказать однако, что въ смыслѣ расширенія примѣненія арестантскаго труда къ хозяйственнымъ работамъ еще многое можно сдѣлать.

[1]) Тамъ же, стр. 186.

Такъ, упомянутымъ уже нами выше циркуляромъ Главнаго тюремнаго управленія 21 августа 1879 г. указывалось, правда, на необходимость устройства огородовъ при тюрьмахъ, какъ на мѣру, служащую къ удешевленію и улучшенію арестантскаго продовольствія, но какое собственно значеніе можетъ имѣть подобное указаніе, развѣ лишь мѣры просвѣщенія? Необходимы средства, чтобы купить небольшой участокъ земли близъ тюрьмы или, въ крайнемъ случаѣ, хоть нанять, но этихъ средствъ не отпускали и огороды являются рѣдкостью. Изъ числа 32 арестантскихъ отдѣленій имѣются огороды при 12, относительно тюремъ свѣдѣній нѣтъ; въ Тюремномъ Вѣстникѣ я встрѣтилъ указаніе, что есть огороды при Камышинской и Балашовской тюрьмахъ Саратовской губерніи, есть, разумѣется, огороды и при другихъ тюрьмахъ, но въ видѣ исключенія, къ сожалѣнію.

Какъ особый видъ хозяйственныхъ работъ, а не производительныхъ, является работа на тюремныхъ мельницахъ, перемалывающихъ зерно въ муку для потребностей самой тюрьмы; этой работой, тоже разумѣется крайне ничтожно вознаграждаемой, достигается, во-первыхъ, извѣстное удешевленіе продовольствія арестантовъ, а, во-вторыхъ, и это главное, занятіе арестантовъ работой, для которой не надо никакихъ знаній. Существуютъ, прежде всего, такъ называемыя ручныя мельницы, онѣ встрѣчаются во всѣхъ тюрьмахъ Саратовской губерніи и въ Николаевской тюрьмѣ Самарской губерніи (больше я указаній не встрѣтилъ). Затѣмъ существуютъ мельницы, устроенныя на тюремномъ дворѣ, или вообще пристроенныя къ тюремному зданію съ особымъ приводомъ, какъ въ молотилкахъ, при чемъ надъ передвиженіемъ привода работаютъ арестанты. Такая мельница существуетъ во Владимірской губернской тюрьмѣ. Въ Казанской губернской тюрьмѣ такая мельница приводится въ дѣйствіе трудомъ 24 арестантовъ; мука размалывается для губернской и пересыльной тюремъ. Приводъ устроенъ подъ навѣсомъ на чистомъ воздухѣ, такъ что работа является вполнѣ гигіеничной; устройство мельницы обошлось въ 936 р. 18 к., изъ нихъ 249 р. 10 к. пожертвованы [1]). Въ

[1]) Тюремный Вѣстникъ 1893 г., № 6.

Саратовскомъ исправительномъ отдѣленіи устроена подобная же мельница, приводимая въ движеніе трудомъ 32 арестантовъ (среднесуточно было занято въ 1892 г.) [1]); помолъ пуда муки обходился въ 2,6 к., тогда какъ на частной мельницѣ онъ стоитъ 5 к. Совсѣмъ другое можно сказать про предложеніе г. Иванова, если не ошибаюсь начальника пересыльной С.-Петербургской тюрьмы [2]); онъ предлагаетъ устройство большихъ мельницъ при тюрьмахъ съ крытыми помѣщеніями для приводовъ; устройство такихъ мельницъ обходится дорого (высчитано 3257 р. 27 к.), подобныя мельницы разсчитаны уже не исключительно на удовлетвореніе потребностей тюрьмы, а требуютъ закупки хлѣба и обращенія этой работы въ производительную, а между тѣмъ производительною эта работа въ дѣйствительности быть не можетъ, а тѣмъ болѣе въ рамкахъ коммерческаго предпріятія, да и дороговизна устройства совершенно не подходитъ къ скромнымъ условіямъ русскихъ тюремъ.

V.

Сообщенныя выше данныя о постановкѣ арестантскихъ работъ въ заграничныхъ и русскихъ тюрьмахъ приводятъ къ слѣдующимъ выводамъ.

За-границей во всѣхъ почти государствахъ безъ исключенія вполнѣ успѣшно и даже блестяще разрѣшенъ вопросъ о постановкѣ работъ въ такъ называемыхъ центральныхъ тюрьмахъ—pénitenciers, а въ двухъ странахъ—Англіи и Бельгіи—разрѣшенъ тотъ же вопросъ не менѣе успѣшно и для мѣстныхъ краткосрочныхъ тюремъ съ малымъ населеніемъ.

Примѣръ Западной Европы указываетъ, что никакихъ особыхъ непреодолимыхъ препятствій къ постановкѣ работъ въ тюрьмахъ въ дѣйствительности нѣтъ; мало того, что тюремныя работы приносятъ безусловно доходъ, чистый доходъ, покрывающій издержки на производство, матеріалы и т. д., что по своему характеру онѣ не требуютъ особенныхъ затратъ

[1]) Тюремный Вѣстникъ 1893 г., № 8.
[2]) Тюремный Вѣстникъ 1895 г., № 3.

на заведеніе (въ особенности такія, которыя даютъ сравнительно небольшой доходъ, какъ, напримѣръ, плетеніе и т. п.) и что во всякомъ случаѣ чистый доходъ отъ работъ рано или поздно окупаетъ расходы на заведеніе работъ. Такимъ образомъ, никакой невозможности завести работы въ тюрьмахъ въ Западной Европѣ не признается.

Если отъ примѣра иностранныхъ государствъ перейти къ постановкѣ тюремныхъ работъ у насъ въ Россіи, то приходится, прежде всего, признать, что эти работы у насъ крайне слабо развиты, въ такой мѣрѣ слабо, что никакія пенитенціарныя задачи въ нашихъ тюрьмахъ не осуществляются. Въ то же время однако можно ли сказать на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ, что въ русскихъ тюрьмахъ имѣются какія-то такія особенныя условія, которыя, будто-бы, совершенно дѣлаютъ невозможнымъ заведеніе въ нихъ работъ? Наоборотъ, при ближайшемъ ознакомленіи съ этими условіями оказывается, что русскія тюрьмы вовсе не представляютъ какихъ-либо особенностей, отличающихъ ихъ отъ западно-европейскихъ. Такой особенностью не является вовсе малая населенность мѣстныхъ тюремъ; если въ этомъ отношеніи и существуетъ разница, то не особенно значительная; притомъ же примѣры самыхъ небольшихъ русскихъ тюремъ, приведенные нами, убѣждаютъ вполнѣ, что и въ этихъ маленькихъ тюрьмахъ заведеніе работъ вполнѣ возможно. Нечего и говорить объ особо частой перемѣнѣ состава арестантовъ; вполнѣ несомнѣнно, и это можно было бы легко иллюстрировать статистическими данными, что краткосрочныхъ наказаній у насъ неизмѣримо меньше, такъ какъ и права судей въ выборѣ наказаній значительно уже, чѣмъ у судей западно-европейскихъ.

Вопросъ о мастерскихъ, т. е. собственно о помѣщеніи для мастерскихъ, представляется вопросомъ безусловно не серьезнымъ; по моему личному наблюденію, не недостатокъ въ мастерскихъ служитъ главнымъ препятствіемъ для заведенія работъ въ нашихъ уѣздныхъ тюрьмахъ; не такъ эти тюрьмы переполнены въ настоящее время, чтобы не было возможности отвести какую-нибудь комнату для работъ. Нельзя притомъ

же упускать изъ вида, что вѣдь все понятіе „мастерской“ сводится къ одной просторной комнатѣ; я имѣю въ виду уѣздныя тюрьмы, гдѣ производятся работы портняжныя, сапожныя, по плетенію и т. д.; большинство этихъ работъ смѣло могутъ производиться въ камерахъ. Если бы дѣйствительно въ какой-либо тюрьмѣ не оказалось вовсе помѣщенія для мастерской, то пристройка трудомъ арестантовъ одной комнаты всегда бы окупилась доходами отъ работъ, если бы послѣднія рѣшились завести прочно и широко.

Ознакомленіе съ условіями постановки работъ въ русскихъ тюрьмахъ приводитъ къ выводу, что и при данныхъ условіяхъ работы въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ поставлены прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ и что условія для заведенія тюремныхъ работъ въ Россіи, въ дѣйствительности, гораздо благопріятнѣе условій западно-европейскихъ и что сама тюремная жизнь, обычаи и взгляды русскаго народа, познанія самого тюремнаго населенія указываютъ, въ какомъ направленіи слѣдуетъ идти, при желаніи достигнуть развитія арестантскаго труда.

Начну съ приведенія примѣровъ такихъ отдѣльныхъ тюремъ, въ которыхъ особенно хорошо поставлены арестантскія работы.

Прежде всего, разумѣется, необходимо упомянуть о мѣстахъ заключенія гор. С.-Петербурга, а именно о С.-Петербургской тюрьмѣ,—женскомъ ея отдѣленіи и исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи.

Въ С.-Петербургской тюрьмѣ, гдѣ отбываютъ наказанія преимущественно краткосрочныя, осужденные приговорами мировыхъ судей, занятые составили 85 3/4 % общаго среднесуточнаго состава и на каждаго арестанта пришлось дохода 59 р. 6 к., а въ женскомъ отдѣленіи той же тюрьмы процентъ занятыхъ былъ 74 5/6, а дохода на каждую арестантку выходило 71 р. 77 к. и, наконецъ, въ исправительномъ отдѣленіи процентъ занятыхъ поднялся такъ высоко, какъ ни въ одномъ другомъ мѣстѣ заключенія въ Россіи, и былъ выше средняго европейскаго, а именно равнялся 90 %, при чемъ дохода на одного арестанта пришлось 70 р. 94 к. Если,

кромѣ того, имѣть въ виду, что наружныхъ работъ почти не было, то эти цифры получатъ еще большее значеніе. Нельзя, разумѣется, при объясненіи такого развитія работъ отрицать извѣстную долю вліянія столицы, возможность сбыта для такихъ работъ, которыя сбывать въ провинціи, и въ особенности въ маленькихъ городкахъ, труднѣе; таковы, напримѣръ, работы картонажныя, которыя дали 14.109 р. 91 к. Но не въ этихъ работахъ и не въ расположеніи въ столицѣ и какъ будто-бы сравнительной легкости сбыта издѣлій главное основаніе развитія работъ; основаніе это въ томъ, что, какъ мы уже видѣли выше, С.-Петербургскія тюрьмы изготовляютъ холстъ и шьютъ одежду и обувь для потребностей тюремъ не только С.-Петербургскихъ, но и провинціальныхъ; дѣйствительно, самый большой доходъ, болѣе 1/3 всего дохода всѣхъ мѣстъ заключенія гор. С.-Петербурга, дали работы ткацкія—33.314 р. 14 к. (кромѣ того голландреніе холста 1327 р. 29 к.), затѣмъ швейныя и портняжныя дали 13.791 р. 57 к. и сапожныя 7343 р. 30 к., а всего 55.776 р. 30 к., т. е. почти 3/5 всего дохода всѣхъ тюремъ гор. С.-Петербурга (при этомъ разсчетѣ приняты во вниманіе всѣ тюрьмы т. е. и пересыльная и домъ предварительнаго заключенія). Такимъ образомъ, развитіе работъ и сбытъ произведеній объясняется не какими-либо мѣстными условіями, а тѣмъ, что тюремное управленіе рѣшило работы, направленныя на удовлетвореніе потребностей самого тюремнаго вѣдомства, поручать этимъ тюрьмамъ, а могло бы конечно завести ихъ во всякомъ другомъ мѣстѣ Россіи; мы видѣли выше, что еще нашлось бы много такого рода работъ для арестантовъ, а если на ихъ заведеніе потребовались бы расходы, то они, несомнѣнно, въ скоромъ времени, окупились бы.

Отъ столичныхъ мѣстъ заключенія я позволяю себѣ перейти къ другой крайности—уѣзднымъ тюрьмамъ и привести примѣръ образцовой постановки работъ въ этихъ тюрьмахъ.

Въ тюрьмѣ, расположенной въ мѣст. Струнь Полоцкаго уѣзда, Витебской губ., въ которой, согласно смѣтѣ доходовъ и расходовъ по тюремной части на 1895 г. среднесуточное населеніе составляло 105 чел. вмѣстѣ съ больными, въ 1894

году было занято на наружныхъ работахъ среднесуточно $21^{4}/_{5}$ ар., на внутреннихъ $25^{3}/_{4}$ и на хозяйственныхъ $16^{2}/_{5}$, а всего 64 ар. или 61%. Дохода отъ работъ поступило за наружныя 1281 р. 82 к., за внутреннія 1322 р. 32 к. и за хозяйственныя 47 р. 34 к., т. е. всего 2651 р. 54 к. (валоваго было получено болѣе 6000 р.), а на одного арестанта 25 р. 25 к. Заинтересовавшись цифровыми данными, я вошелъ въ переписку съ начальникомъ тюрьмы и получилъ интересныя свѣдѣнія, не указывающія однако вовсе, чтобы въ Струнской тюрьмѣ было совершено какое-либо чудо.

Въ 1894 году было испрошено у Главнаго тюремнаго управленія изъ фонда на развитіе арестантскихъ работъ 2000 р., по полученіи которыхъ былъ устроенъ при самой тюрьмѣ (удобная глиняная земля) кирпичный заводъ, давшій въ томъ же 1894 г. чистаго дохода (т. е. за покрытіемъ расходовъ на дѣло) 1229 р. 89 к. Среди работъ внутреннихъ выдѣлялись работы по ремонту тюремнаго зданія: 2920 поденщинъ и 408 р. 75 к. дохода; работъ по починкѣ арестантской одежды 294 дн.—22 р. 88 к., далѣе „бондарскія издѣлія“, на что̀ ушло 1002 поденщины и получено дохода 280 р. 68 к., строганіе палочекъ для спичекъ 747 поденщ.—107 р. 28 к., плетенье изъ соломы, вязанье сѣтей и т. д. 562 под.—73 р. 6 к., далѣе столярныя, кузнечныя, плотничныя и т. п. Всѣ работы производились за счетъ тюрьмы, а не по заказамъ частныхъ лицъ, а издѣлія, какъ-то кирпичъ, боченки и т. д., сбывались въ гор. Полоцкъ, расположенный внизъ по рѣкѣ. Но уже въ 1895 г. работы значительно сократились по той причинѣ, что губернское начальство запретило забирать матеріалы въ долгъ—хотя долговъ въ тюрьмѣ не было и послѣ продажи издѣлій деньги за матеріалы уплачивались аккуратно. А такъ какъ наличныхъ денегъ для покупки матеріаловъ не было, то пришлось почти совершенно сократить внутреннія работы (въ 1895 г. онѣ дали всего 160 р. 11 к. дохода). Какъ справедливо замѣчаетъ начальникъ тюрьмы, „при средствахъ устроить работы всегда можно и казна не теряетъ на этомъ“.

Небольшая Духовщинская тюрьма, Смоленской губерніи, въ которой среднесуточный составъ арестантовъ равняется 57 чел., получила въ 1894 г. за наружныя работы 806 р. 30 к. чистаго дохода; я уже привелъ выше исторію кирпичнаго завода Духовщинской тюрьмы, здѣсь необходимо замѣтить, что работы въ тюрьмѣ пошли успѣшно благодаря тому, что на заведеніе ихъ было отпущено губернскимъ тюремнымъ комитетомъ взаймы 500 р. и даны (тоже вѣроятно взаймы) директоромъ мѣстнаго попечительнаго отдѣленія М. Ф. Кусаковымъ 623 р. 51 к. Исторія одного кирпичнаго завода показываетъ уже, что деньги не пропали, а возвратились сторицею [1]).

Вотъ еще оригинальная исторія возрожденія работъ въ одной маленькой тюрьмѣ—Инсарской, Пензенской губ., въ которой въ описываемое время (1880—1889 г.) было среднесуточно около 42 арестантовъ [2]) (свѣдѣнія сообщены А. С. Югуртинымъ, бывшимъ начальникомъ этой тюрьмы въ теченіе указанныхъ 9 лѣтъ, а нынѣ директоромъ мѣстнаго попечительнаго отдѣленія). Въ 1880 г. самое зданіе тюрьмы было въ такомъ безпорядкѣ, что нѣкоторыя камеры были заперты и входъ въ нихъ былъ губернскимъ правленіемъ воспрещенъ. Инструментовъ для работъ купить было не на что, арестанты занимались только работами по заказамъ частныхъ лицъ (клееніе гильзъ, коробокъ и т. д.) и дохода всего получилось 38 р. 2 к. Въ 1881 г. камеры были отремонтированы, при чемъ *свободныя камеры* явились мастерскими, въ которыхъ арестанты были заняты: *плетеніемъ лаптей, выдѣлкой деревянныхъ граблей для земледѣльческихъ хозяйствъ*, сапожнымъ и портняжнымъ мастерствомъ; часть арестантовъ высылалась на внѣшнія работы, дохода всего получено 112 р. 92 к. Въ этомъ же году арестанты были заняты безплатными работами на отведенной городомъ мѣстности подъ тюремный *огородъ*, котораго до того времени не было. Въ 1882 г. прибавилось бондарное и столярное мастерства. Въ 1883 г. дохода отъ

[1]) Тюремн. Вѣстн., 1896 г., № 8.
[2]) Тюремн. Вѣстн., 1896 г., № 7.

работъ поступило уже 629 р. 21 к. Въ 1886 г. были введены новыя работы: выдѣлка изъ мочалъ цыновокъ, рогожъ и половыхъ щетокъ, плетеніе соломенныхъ шляпъ, выдѣлка (валка) изъ шерсти теплой обуви и токарное мастерство. Въ 1887 г. начата работа по устройству изъ саманнаго кирпича большаго несгораемаго амбара для храненія тюремныхъ рабочихъ инструментовъ. Въ 1888 г. введено канатное производство. Всего за 9 лѣтъ заработано 4000 р. Но не въ доходѣ дѣло, а въ томъ, что арестанты были заняты, что при желаніи заведеніе работъ оказалось вполнѣ возможнымъ, работы развились и находили сбытъ. Единственное, главное и основное препятствіе, тормозившее это развитіе въ началѣ, былъ недостатокъ средствъ на заведеніе (покупку инструментовъ, матеріаловъ).

Говоря объ образцовыхъ тюрьмахъ въ Россіи, нельзя не остановиться на совершенно оригинальномъ учрежденіи, существующемъ уже давно и мало кому извѣстномъ,—на тюремныхъ фабрикахъ Царства Польскаго. Въ основу этого учрежденія положены глубокія, вѣрныя мысли, совершенно отвѣчающія современнымъ требованіямъ пенитенціарной науки. Вотъ подлинныя слова указа объ учрежденіи фабрикъ [1]):

„29 іюля (10 августа) 1832 г.

По Указу Его Величества

Николая I и т. д.

Совѣтъ управленія Царства, принимая въ уваженіе настоятельную необходимость прекратить бездѣйствіе, въ какомъ нерѣдко проводятъ время арестанты, содержащіеся въ тюрьмахъ по судебнымъ приговорамъ, за неимѣніемъ въ виду постоянныхъ для нихъ работъ, и желая притомъ придать занятіямъ арестантовъ *однообразное* направленіе, болѣе соотвѣтствующее общественной пользѣ и нравственному ихъ исправленію, постановилъ, и постановлено слѣдующее:

[1]) Сборникъ административныхъ постановленій Царства Польскаго, часть IV, изд. 1868 г., т. III, стр. 294.

Ст. 1.

Во всѣхъ уголовныхъ и исправительныхъ тюрьмахъ и въ мѣстахъ тяжкаго заключенія въ Царствѣ имѣютъ быть устроены, насколько сіе дозволитъ мѣстность, фабрики и мастерскія, могущія доставить арестантамъ постоянныя работы.

Ст. 2.

При выборѣ фабричныхъ работъ для арестантовъ, давать преимущество такимъ, *которыя могутъ производить предметы насущной потребности для благотворительныхъ и каратель-ныхъ общественныхъ заведеній*, чтобы обезпечить потребленіе и сбытъ фабричныхъ издѣлій и чтобы конкуренція оныхъ не наносила ущерба общей промышленности“.

Въ изданной 31 іюля 1833 г. для инспектора фабрикъ инструкціи сказано [1]):

„Учреждая фабрики по уголовнымъ тюрьмамъ, Правительство имѣетъ въ виду:

во-1-хъ, доставить арестантамъ занятія и сдѣлать ихъ способными во время наказанія къ промышленнымъ работамъ;

во-2-хъ, снабдить *тюремныя и больничныя* заведенія шерстяными, льняными и пеньковыми издѣліями, къ ежедневному употребленію арестантовъ“.

Въ виду этого рѣшено было завести фабрики толстаго темносѣраго сукна въ Сандомірѣ съ прядильнями шерсти въ другихъ трехъ тюрьмахъ, фабрику шерстяныхъ одѣялъ въ Пыздрахъ и прядильню шерсти въ гор. Калишѣ; фабрику холста въ гор. Люблинѣ съ прядильнями въ 2 другихъ тюрьмахъ и т. д., однимъ словомъ, организація установлена была такая, при которой въ нѣкоторыхъ меньшихъ тюрьмахъ учреждены были прядильни, которыя имѣли служебное отношеніе къ одной изъ фабрикъ тюремныхъ и доставляли ей пряжу для выработки холста или сукна.

Въ другомъ томѣ (т. II) той же части административныхъ распоряженій помѣщена такъ называемая „Инструкція для тю-

[1]) Тамъ же, стр. 328.

ремъ и смирительныхъ заведеній Царства Польскаго $^{15}/_{27}$ августа 1859 г." (гл. XVIII, стр. 302) о занятіяхъ арестантовъ, а также о тюремныхъ фабрикахъ и прядильняхъ". На основаніи этой „Инструкціи" управляются и нынѣ тюрьмы Царства. Она содержитъ подробныя правила о внутреннемъ распорядкѣ этихъ фабрикъ, о томъ, что̀ именно слѣдуетъ выдѣлывать (одѣяла, сукно, полотенца и т. д.), о томъ, какъ принимать матеріалъ: ленъ, шерсть, пеньку (покупаютъ съ торговъ); здѣсь же содержатся точныя указанія, сколько должно выйти пряжи изъ такого-то количества шерсти, льна и т. д. Главная особенность фабрикъ состоитъ въ томъ, что работы производятся подъ руководствомъ наемныхъ мастеровъ, носящихъ названіе веркмейстеровъ; они назначаются губернскимъ правленіемъ по представленіямъ „смотрителя", какъ сказано, тюрьмы.

Такова исторія этихъ фабрикъ.

Въ настоящее время [1]) существуютъ слѣдующія фабрики и прядильни: фабрика ткацкая и пеньковыхъ издѣлій при Варшавской уголовной тюрьмѣ и служебныя для нея прядильни при Брест-Куявской и Пултуской тюрьмахъ, прядильня льна при Ленчицкой тюрьмѣ (прежде здѣсь была фабрика тонкаго холста), фабрика холста съ прядильней при Сѣрадзской тюрьмѣ, прядильня шерсти при Кѣлецкой тюрьмѣ, ткацкая фабрика холста и тика и прядильня льна при Кѣлецкомъ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи, суконная фабрика при Хенцинской тюрьмѣ, фабрика холста при Люблинской тюрьмѣ, прядильня при Плоцкой тюрьмѣ, прядильня при Радомской тюрьмѣ, суконная фабрика при Сандомірской тюрьмѣ и прядильня при Кальварійской тюрьмѣ. Итого въ 13 мѣстахъ заключенія, изъ которыхъ одно исправительное отдѣленіе, 5 губернскихъ и 7 уѣздныхъ тюремъ, учреждены 4 фабрики холста и 8 прядиленъ льна, двѣ суконныхъ фабрики и одна прядильня шерсти.

Я могу сообщить подробныя свѣдѣнія о работахъ за отчетный 1894 годъ только въ четырехъ фабрикахъ: въ Варшавской, начальникомъ которой представленъ подробный отчетъ, и въ Люблинской, Хенцинской и Сѣрадзской, начальники которыхъ любезно сообщили мнѣ, на мой запросъ, весьма интересныя свѣдѣнія о находящихся подъ ихъ надзоромъ фабрикахъ.

[1]) Смѣта доходовъ и расходовъ по тюремной части на 1895 г., стр. 350 и сл.

Въ Варшавской уголовной тюрьмѣ (среднесуточный составъ 1408 ар.) устроена съ 1 октября 1892 г. (вѣроятно вновь) казенная ткацкая фабрика сѣраго, небѣленаго рубашечнаго холста; чесаную „почесь" въ моткахъ частью покупаютъ, частью получаютъ изъ Брестъ-Куявской тюрьмы, которая выдѣлываетъ ее. Изъ числа 1408 ар. среднесуточно было занято на фабрикѣ всего $53^1/_3$ ар.; заработная плата арестантамъ составила 1530 р. 89 к. Въ 1894 году всего выдѣлано 36.571 арш. 1 вершокъ и оставалось отъ предыдущаго года 9866 арш. 8 верш. Изъ этого числа отпущено для тюремъ Варшавской губ. 17.320 арш., для другихъ губерній 21.720 арш., продано частнымъ покупателямъ 104 арш. 10 верш.

Въ Люблинской тюрьмѣ (среднесуточный составъ 650 ар.) было занято въ 1894 г. ежедневно на ткацкой холщевой фабрикѣ $81^1/_2$ ар. и дохода получено 638 р. 88 к.; въ расходъ внесены: содержаніе фабричнаго писаря 120 р., покупка сыраго льна 290 р. 10 к., мелочные расходы 14 р., а всего 424 р. 10 к.; осталось для распредѣленія чистаго дохода 214 р. 78 к. Изъ этой суммы выдано арестантамъ въ вознагражденіе за работы 138 р. $16^1/_2$ к., вознагражденіе это опредѣляется не на основаніи 359 ст. Уст. сод. подъ страж., а задѣльно съ аршина, или съ мотка. Работы производятся въ обыкновенной мастерской и на простыхъ станкахъ, разница лишь та, что руководитъ работами веркмейстеръ (онъ же, повидимому, и писарь), который пріучаетъ арестантовъ сначала къ сортировкѣ, затѣмъ къ чесанью и пряжѣ льна и, наконецъ, къ тканью.

Въ Сѣрадзской тюрьмѣ (основана въ 1840 г.), при среднесуточномъ составѣ арестантовъ въ 300 чел., на фабрикѣ было занято въ 1893 году $186^1/_2$ ар. При тюрьмѣ имѣется особый флигель, гдѣ помѣщается ткацкая прядильная фабрика, т. е.

мастерская, съ 30 ткацкими станками и другими приспособленіями для снованія основъ; кромѣ того 26 ткацкихъ станковъ помѣщается въ женскомъ отдѣленіи. Работы производились какъ для казны, такъ и для частныхъ лицъ, плата за работу въ день на казенныхъ заказахъ 6 к., а частныхъ 22 к. Въ 1893 г. за производство холста для казны было получено 1098 р., за тканье по частнымъ заказамъ 610 р. 74 к. Начальникъ тюрьмы сѣтуетъ на недостаточный составъ арестантовъ, мѣшающій вести работы въ томъ размѣрѣ, какъ позволяютъ и устройство мастерской, и количество заказовъ. Въ 1894 г. среднесуточный составъ равнялся 149 чел., а въ 1895 г. всего 80 чел. обоего пола. Но тѣмъ не менѣе и въ 1894 г. за производство холста для казны было получено 506 р. 23 к. и частныхъ лицъ 1763 р. 14 к. По смѣтѣ опредѣлено на содержаніе веркмейстеровъ и писарей въ Сѣрадзской тюрьмѣ 320 р. въ годъ и другіе расходы по эксплоатаціи фабрики 80 р. На покупку матеріаловъ по смѣтѣ (на 1895 г.) было опредѣлено 800 р., но на какую сумму въ дѣйствительности куплено, мнѣ неизвѣстно.

Въ Хенцинской тюрьмѣ, Кѣлецкой губерніи, при среднесуточномъ составѣ въ 310 чел. (по смѣтѣ) въ 1894 г., было занято работами на суконной фабрикѣ, основанной въ 1889 г., $63^{3}/_{5}$ чел.; инструменты и всѣ станки ручные. Работы происходятъ подъ руководствомъ веркмейстера, который получаетъ 500 рублей въ годъ жалованья. Пряжу для тканья частью получали изъ Кѣлецкой тюрьмы, частью сами пряли. Всего въ 1894 году выдѣлали 4228 аршинъ одѣялъ и 6997 аршинъ сѣраго сукна, а всего 11.225 аршинъ на сумму 12.070 р. 60 к., считая аршинъ одѣялъ по 1 р. 20 к. и аршинъ сукна по 1 р. Изъ числа 11.225 аршинъ было распредѣлено въ томъ же 1894 году 9024 аршина на потребности тюремъ какъ Хенцинской, такъ и Ломжинской, Кѣлецкаго исправительнаго отдѣленія, Кѣлецкой губернской тюрьмы, Варшавской и Петроковской; арестанты получили платы 315 р. 36 к.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ тюрьмахъ, въ которыхъ заведены фабрики, производятся и другія работы, такъ какъ фабрики поглощаютъ только часть рабочихъ силъ,

при чемъ, какъ кажется, для работъ на фабрикѣ избираются преимущественно лица, осужденныя на болѣе долгіе сроки, но въ виду того, что населеніе Царства Польскаго весьма много занимается фабричными работами и въ особенности по пряжѣ и тканью, то случается, что на фабрикѣ работаютъ по собственному желанію и подслѣдственные арестанты. Понятіе фабрики при ближайшемъ изслѣдованіи сводится къ болѣе простому понятію мастерской, въ которой имѣются необходимые инструменты самаго притомъ простаго устройства и въ которой арестанты работаютъ подъ руководствомъ мастера, получающаго иногда вполнѣ ничтожное вознагражденіе, какъ въ Люблинской тюрьмѣ, напримѣръ, гдѣ ему опредѣлено всего 120 р. При такихъ условіяхъ заведеніе „фабрикъ“ въ тюрьмахъ не можетъ устрашать своими расходами, которые не могутъ быть велики; не представляетъ это заведеніе какихъ-либо особыхъ трудностей ни въ смыслѣ устройства помѣщенія, ни въ смыслѣ организаціи надзора за работами. А между тѣмъ нельзя отрицать, результаты прекрасные—значительное число арестантовъ занято работами, трудъ ихъ примѣненъ на удовлетвореніе потребностей тюрьмы и, слѣдовательно, устранена возможность прямой конкуренціи вольному труду и расходы казны на содержаніе арестантовъ несомнѣнно уменьшены. Какъ я уже сказалъ выше, не только примѣры отдѣльныхъ русскихъ тюремъ доказываютъ, что можно и въ нашихъ тюрьмахъ заводить арестантскія работы съ успѣхомъ и выгодой, но, что̀ гораздо важнѣе, общія условія нашей русской жизни, степень экономическаго и промысловаго развитія Россіи и т. д. представляются гораздо болѣе благопріятными, чѣмъ въ Западной Европѣ для развитія арестантскихъ работъ.

Дѣйствительно, если остановиться прежде всего на такъ называемыхъ наружныхъ работахъ по найму частныхъ лицъ и вспомнить сказанное выше, то окажется, что самая возможность большей части этихъ работъ ясно доказываетъ, въ какой мѣрѣ разнятся взгляды нашего общества на преступника отъ взглядовъ европейскаго общества: у насъ въ отношеніи преступника гораздо меньше недовѣрія, гораздо больше сожалѣнія („несчастненькіе“) и, какъ результатъ, преступники

менѣе отчуждены, менѣе порвана связь между ними и обществомъ, легче арестантамъ найти занятіе. Внѣшнія работы представляютъ, какъ мы видѣли, существенную часть занятій нашихъ арестантовъ. Несомнѣнно желательно и даже необходимо регулировать, упорядочить эти работы, избѣгать по возможности (и такія работы лучше полнаго бездѣлья) посылки арестантовъ въ одиночку на работы, ибо такія работы отнимаютъ много времени у надзора, принося, разумѣется, слишкомъ мало вознагражденія, а главное—совершенно прерываютъ на время вліяніе тюремнаго строя. Желательно, чтобы столь распространенныя полевыя работы у частныхъ лицъ производились арестантами поотрядно, безъ смѣшенія съ вольными рабочими; желательно разумѣется порученіе арестантамъ возведенія какой-либо отдѣльной постройки цѣликомъ, безъ участія вольныхъ рабочихъ; если бы при тюрьмѣ имѣлся мастеръ-плотникъ и мастеръ-каменщикъ, я не сомнѣваюсь, что всѣ частныя постройки въ уѣздномъ городѣ производились бы трудомъ арестантовъ; нельзя, однако, не имѣть въ виду, что при такомъ условіи возможны были бы нареканія на конкуренцію вольному труду. Но вѣдь есть и другія работы близкія этимъ, которыя не вызывали нареканій. Интересенъ [1]) примѣръ Духовщинской тюрьмы (Смоленской губ.): когда пожаръ истребилъ селенье Замостье, земскій начальникъ пригласилъ мастеровъ и хотѣлъ трудомъ самихъ крестьянъ возвести взамѣнъ сгорѣвшихъ глинобитныя постройки, но крестьяне, не довѣряя новому дѣлу, отказались строить; тогда были приглашены арестанты, и ихъ трудомъ былъ возведенъ цѣлый рядъ построекъ. Такое (въ данномъ случаѣ нѣсколько насильственное) распространеніе „культуры“ несомнѣнно желательно, и легко себѣ представить случаи, когда въ тюрьмѣ среди арестантовъ будетъ сохраняться преемственно умѣнье возводить саманныя и другія огнеупорныя постройки и сами заинтересованныя лица добровольно будутъ обращаться къ помощи арестантовъ; здѣсь не будетъ вредной конкуренціи, здѣсь будетъ, наоборотъ, распространеніе полезнаго дѣла и полезныхъ

[1]) Тюремн. Вѣстн. 1894 г., № 8.

знаній. Весьма прибыльнымъ, опять-таки благодаря уровню культурнаго развитія Россіи, и поэтому полезнымъ дѣломъ является и заведеніе кирпичныхъ заводовъ; распространеніе каменныхъ построекъ представляется, несомнѣнно, могущественнымъ средствомъ улучшенія быта русскаго народа; поле еще очень широкое, и далеко еще до опасеній за вредную для вольнаго труда конкуренцію. Представляется надобность въ открытіи не трехъ-четырехъ тюремныхъ кирпичныхъ заводовъ въ годъ на всю Россію, какъ это дѣлается нынѣ, а по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ десятковъ ежегодно.

И внутреннія работы по заказамъ частныхъ лицъ, опять-таки благодаря уровню экономическаго, промыслово-культурнаго развитія Россіи, могли бы получить широкое развитіе и пріобрѣсти еще при этомъ характеръ общеполезныхъ работъ.

Какимъ проводникомъ культуры и всевозможныхъ улучшеній могли бы явиться не только арестантскія отдѣленія, но и губернскія тюрьмы съ ихъ крупнымъ населеніемъ, гораздо рѣже мѣняющимъ свой составъ, чѣмъ населеніе уѣздныхъ тюремъ! Вспомнимъ только объ изготовленіи сельскохозяйственныхъ орудій; разумѣется, работы должны производиться подъ руководствомъ мастеровъ, долженъ быть извѣстный планъ работъ, составленный на основаніи указаній авторитетовъ въ дѣлѣ сельскаго хозяйства, но во всякомъ случаѣ дѣло могло бы получить широкое развитіе, занять много рукъ и не вызвать, въ то же время, упрековъ въ конкуренціи вольному труду.

Есть много общеполезныхъ предметовъ, которые ввозятся изъ за-границы и изготовленіе которыхъ въ тюрьмахъ не составило бы конкуренціи. Въ видѣ иллюстраціи я позволю себѣ припомнить разсказъ одного русскаго коммерсанта, который удостовѣрялъ мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что всѣ безъ исключенія ламповыя горѣлки производятся за-границей спеціально въ Берлинѣ, гдѣ на нѣкоторыхъ улицахъ всѣ подвалы заняты отдѣльными небольшими мастерскими, изготовляющими горѣлки; такимъ заграничнымъ изготовленіемъ объясняется, между прочимъ, полное несоотвѣтствіе горѣлокъ особенностямъ нашего русскаго керосина.

Трудно повѣрить, но до самаго недавняго времени всѣ

деревянныя катушки для нитокъ ввозились изъ за-границы, и только нѣсколько лѣтъ тому назадъ была устроена фабрика катушекъ въ Нарвѣ; вѣроятно и въ настоящее время ввозъ катушекъ изъ за-границы еще не вполнѣ замѣненъ національнымъ производствомъ.

Я назвалъ горѣлки и катушки для примѣра, но думаю, что сравнительно съ западно-европейской слабое развитіе нашей промышленности, несомнѣнно, представляетъ благопріятное условіе для развитія арестантскаго труда и что по указаніямъ спеціалистовъ можно было бы найти еще много ввозимыхъ теперь изъ за-границы предметовъ, изготовленіе которыхъ могло бы производиться въ нашихъ тюрьмахъ.

Кромѣ того, я считаю само собою понятнымъ, что лица, знавшія и занимавшіяся какимъ-нибудь ремесломъ до поступленія въ тюрьму, могутъ продолжать это занятіе и въ стѣнахъ тюрьмы; ни о какой конкуренціи, подлежащей стѣсненію, тутъ не можетъ быть и рѣчи. Я не опредѣляю точнѣе ремесла, будь это портняжное, сапожное, столярное и т. д., или тѣ общераспространенныя, извѣстныя почти каждому крестьянину занятія по плетенію, вязанью и т. д., подробно описанныя выше.

Наконецъ, будутъ всегда такіе предметы, въ которыхъ встрѣчается надобность на мѣстѣ и которые тѣмъ не менѣе, по тѣмъ или другимъ причинамъ, вольнымъ трудомъ не производятся, а потому безъ опасенія создать конкуренцію могутъ производиться арестантскимъ трудомъ. Въ этомъ отношеніи у насъ въ Россіи, опять-таки благодаря уровню промысловаго развитія, можетъ быть большое разнообразіе; такъ, напримѣръ, начальникъ Архангельскаго исправительнаго отдѣленія указываетъ, что въ Кемскомъ и Кольскомъ уѣздахъ Архангельской губ. баснословно дорога деревянная посуда, почему очень желательно было бы развить бондарное ремесло, произведенія котораго найдутъ обезпеченный сбытъ.

Но не въ работахъ по заказамъ и найму частныхъ лицъ можно искать основу для организаціи арестантскаго труда въ русскихъ тюрьмахъ.

Есть другое широкое, можно сказать, необозримое поле

для примѣненія арестантскаго труда, и въ этомъ отношеніи опять-таки условія для русскихъ тюремъ благопріятнѣе, чѣмъ за-границей. Въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ государствѣ государственная администрація получила болѣе широкое развитіе, чѣмъ въ Россіи, въ какой странѣ войско представляетъ болѣе крупный организмъ? Несомнѣнно, что войско и администрація въ ея различныхъ отрасляхъ являются одними изъ самыхъ крупныхъ, если не самыми крупными заказчиками въ Россіи, а между тѣмъ ближайшее ознакомленіе съ работами въ русскихъ тюрьмахъ указываетъ, что именно эти крупные заказчики совершенно минуютъ тюрьмы своими заказами. Въ исторіи дѣятельности Главнаго тюремнаго управленія я не вижу указаній на то, чтобы дѣлались какія-либо попытки къ привлеченію этихъ заказчиковъ.

Привлеченіе арестантовъ къ участію въ постройкѣ Сибирской желѣзной дороги есть мѣра чрезвычайная, а участіе арестантовъ въ работахъ по возведенію двухъ-трехъ казармъ, разумѣется, не опровергаетъ общаго положенія. А между тѣмъ, едва-ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе въ томъ, что примѣненіе арестантскаго труда къ работамъ общественнымъ, на пользу государства, есть самое естественное, самое неоспоримое, вѣдь *тюрьмы смѣло могли бы быть названы мастерскими, содержимыми на государственный счетъ;* а если только стать на эту точку зрѣнія, то тогда, само собою, даже при полномъ устраненіи вопроса о пенитенціарномъ значеніи арестантскихъ работъ, станетъ ясно, слѣдуетъ ли государству и его представительницѣ—администраціи—давать заказы на работы арестантамъ, *или же слѣдуетъ, содержа громадныя арестантскія мастерскія, оставлять ихъ безъ дѣла и для выполненія казенныхъ заказовъ содержать еще другія мастерскія?* Я думаю, что едва-ли кто-либо рѣшится открыто склониться въ пользу втораго предложенія.

Есть и еще одна сторона вопроса, имѣющая существенное значеніе. Мало того, что не экономно содержать мастерскія безъ дѣла и въ то же время для исполненія дѣла держать другія мастерскія, но еще не экономнѣе отказываться отъ тѣхъ громадныхъ сбереженій, которыя даетъ арестантскій

трудъ казнѣ. Вспомнимъ приведенный выше фактъ, что только на изготовленномъ въ теченіе 1892 года въ одномъ Саратовскомъ исправительномъ отдѣленіи холстѣ (115 тысячъ аршинъ) казна сдѣлала сбереженія 5227 р. 51 к.; что далѣе на одномъ пошитьѣ въ С.-Петербургскомъ исправительномъ отдѣленіи въ теченіе 7 лѣтъ одежды, бѣлья и обуви для нуждъ только самого отдѣленія, среднесуточный составъ котораго составлялъ около 400 человѣкъ, казна сдѣлала сбереженій 18.016 р. 76 к. Эти цифры говорятъ сами за себя. Есть ли какая-либо законная возможность отказываться отъ такихъ выгодъ? Но вѣдь такія выгоды даютъ всякія арестантскія работы и наружныя, и внутреннія.

Мысль о примѣненіи арестантскаго труда спеціально къ заказамъ военнаго вѣдомства и администраціи не чужда и намъ, если не въ самой Россіи, то въ окраинной, но неразрывной составной части ея—Финляндіи: „въ исправительныхъ арестантскихъ ротахъ или въ такъ называемыхъ смирительныхъ домахъ въ Або, Вильманстрандѣ и Выборгѣ исполняются крупные казенные заказы, въ особенности для финскаго войска, или изъ казенныхъ матеріаловъ, или изъ матеріаловъ, пріобрѣтенныхъ тюремною администраціею. Весьма распространено столярное мастерство, затѣмъ сапожное, портняжное, кузнечное“ [1]). Если, въ виду существованія военныхъ полковыхъ шваленъ, шитье бѣлья и одежды, и безъ того производящееся хозяйственнымъ путемъ, не можетъ быть ввѣрено арестантамъ, то производство холста, грубаго сукна солдатскаго, шитье обуви, могли бы быть поручаемы тюрьмамъ, такъ какъ всѣ эти предметы, если не ошибаюсь (за нѣкоторымъ исключеніемъ, въ военномъ вѣдомствѣ есть двѣ-три своихъ фабрики), поставляются частными заказчиками. Неужели же не выгоднѣе будетъ общей государственной кассѣ, государственному кошельку, содержащему всѣ вѣдомства, въ томъ числѣ и военное, и тюремное, если предметы, необходимые военному вѣдомству, будутъ изготовляться въ казенныхъ мастерскихъ, которыя будутъ преслѣдовать государственные общіе интересы, интересы военнаго вѣдомства, а не личные частные. Я думаю, что при извѣстной организаціи можетъ быть достигнуто не только громадное, даже колоссальное, сбереженіе государственныхъ средствъ, но и болѣе полное удовлетвореніе всѣхъ самомалѣйшихъ требованій военнаго вѣдомства. Едва-ли весь заказъ военнаго вѣдомства цѣликомъ по поставкѣ холста, солдатскаго сукна и т. д. могъ бы быть исполненъ тюрьмами; и извѣстной части этого заказа будетъ достаточно, чтобы съ избыткомъ занять руки всѣхъ арестантовъ исправительныхъ отдѣленій и большей части губернскихъ тюремъ. Все это, разумѣется, былъ бы вопросъ соглашенія и если бы отъ военнаго вѣдомства можно было получить только часть заказа и оставались бы свободныя руки, то несомнѣнно можно было бы претендовать на заказы отъ другихъ отраслей администраціи, хотя-бы, напримѣръ, въ подражаніе англійскимъ тюрьмамъ, на заказы почтовыхъ сумокъ отъ почтоваго вѣдомства, коекъ отъ морскаго и т. д. Это вопросъ соглашенія. Но повторяю, администрація такъ развита въ Россіи, что несомнѣнно представляетъ гораздо болѣе крупнаго заказчика, чѣмъ администраціи западно-европейскія, и пойти по этому пути соглашеній, несомнѣнно, вполнѣ желательно.

Необходимо далѣе, чтобы арестанты преимущественно уѣздныхъ и губернскихъ тюремъ имѣлись въ виду при всевозможныхъ общественныхъ сооруженіяхъ, какъ та готовая рабочая сила, къ которой слѣдуетъ обратиться прежде всякаго подрядчика. Стоитъ только при этомъ вспомнить, какой чувствуется у насъ недостатокъ въ общественныхъ зданіяхъ; въ видѣ примѣра можно указать хотя-бы на отсутствіе въ уѣздѣ особаго зданія для отправленія правосудія, вслѣдствіе чего фактически и уѣздные съѣзды, и сессіи окружныхъ судовъ засѣдаютъ въ наемныхъ, совершенно неподходящихъ помѣщеніяхъ, камеры слѣдователей и мировыхъ судей разбросаны по городу и устроены въ еще менѣе годныхъ для этого помѣщеніяхъ. Есть много общественныхъ зданій, которыя возводятся и нынѣ, въ томъ числѣ главнымъ образомъ военнымъ вѣдомствомъ;

[1]) Тюремн. Вѣсти. 1893 г., № 7. Въ видѣ исключенія я могу указать на заказы военнаго вѣдомства въ Петербургскомъ и Архангельскомъ исправительныхъ отдѣленіяхъ (въ первомъ на желѣзныя кровати).

при такихъ сооруженіяхъ имѣется всегда часть земляныхъ несложныхъ работъ, которыя всецѣло могли бы быть поручены отряду арестантовъ, и относительно такого занятія арестантовъ желательно войти въ общее соглашеніе съ военнымъ и другими вѣдомствами.

Но прежде работъ по заказамъ частныхъ лицъ и даже по заказамъ различныхъ административныхъ вѣдомствъ, должны быть поставлены работы по удовлетворенію потребностей самой тюрьмы и тюремнаго вѣдомства. Надо, чтобы твердо и неуклонно былъ проведенъ принципъ, что все необходимое для тюрьмы производится исключительно трудомъ арестантовъ. Надо, чтобы не возводилась ни одна новая тюрьма и не перестраивалась ни одна старая иначе, какъ трудомъ арестантовъ; отъ этого принципа до сихъ поръ, какъ кажется, отступаютъ часто даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ уже существуютъ старыя тюрьмы, которыя безъ особыхъ затрудненій могутъ высылать арестантовъ на работы.

Далѣе, слѣдуетъ установить, чтобы все необходимое для мѣстъ заключенія количество холста, сукна и т. д. производилось непремѣнно трудомъ арестантовъ и, само собою, чтобы все шилось тѣмъ же трудомъ. Нельзя при этомъ не пожелать, чтобы обувь для арестантовъ была больше согласована съ мѣстными обычаями и чтобы арестанты преимущественно уѣздныхъ тюремъ были *заняты плетеніемъ лаптей для всѣхъ мѣстъ заключенія, а равно плетеніемъ матъ въ такомъ же размѣрѣ*; несомнѣнно, что это дастъ довольно много занятій арестантамъ уѣздныхъ тюремъ (при уѣздныхъ тюрьмахъ, кромѣ того, возможно и желательно и устройство кирпичныхъ заводовъ и различныхъ внѣшнихъ работъ, а изъ внутреннихъ—наименѣе сложныхъ).

Если тюрьма будетъ удовлетворять свои потребности исключительно трудомъ арестантовъ, если различныя административныя вѣдомства войдутъ въ постоянное соглашеніе съ тюремнымъ вѣдомствомъ объ исполненіи извѣстныхъ работъ трудомъ арестантовъ, то работы по частнымъ заказамъ будутъ являться лишь дополненіемъ, не всегда необходимымъ, а какъ общій результатъ получится, несомнѣнно, полное примѣненіе силъ

всѣхъ подлежащихъ и годныхъ къ работѣ арестантовъ. Напрасно думать, что это только пожеланія, не имѣющія почвы въ дѣйствительной жизни, не отвѣчающія дѣйствительному положенію нашихъ тюремъ, что всѣ эти работы, занятія, все, однимъ словомъ, въ этомъ направленіи, надо создавать какъ-бы съ самаго основанія; наоборотъ, описаніе существующихъ уже въ русскихъ тюрьмахъ работъ доказываетъ вполнѣ, что необходимо не создавать вновь, а лишь измѣнять направленіе, расширять существующее.

Но если все это дѣйствительно такъ, какъ я доказывалъ выше, если дѣйствительно примѣры отдѣльныхъ русскихъ тюремъ указываютъ, что правильная постановка работъ въ русскихъ тюрьмахъ возможна, если далѣе общія условія русской жизни, экономическаго и государственнаго строя Россіи являются даже гораздо болѣе благопріятными, чѣмъ западноевропейскія, для развитія арестантскихъ работъ, и какъ оказывается есть цѣлый рядъ работъ, которыя могутъ быть введены въ нашихъ тюрьмахъ и за которыми вполнѣ обезпеченъ хорошій сбытъ, если все это такъ, то почему же въ настоящее время постановка работъ въ этихъ тюрьмахъ въ такомъ неудовлетворительномъ состояніи, и что можно и слѣдуетъ сдѣлать, чтобы выйти изъ этого положенія?

Почему, въ самомъ дѣлѣ, не было работъ? Потому, что прежде всего никто въ заведеніи этихъ работъ, повидимому, серьезно не былъ заинтересованъ. Не были заинтересованы въ этомъ большинство, если не всѣ, попечительные комитеты и отдѣленія, потому что они вообще мало интересовались порученнымъ имъ тюремнымъ дѣломъ и даже собственнымъ существованіемъ, которое большею частью было только на бумагѣ, при чемъ отдѣленія никогда не собирались, а бумаги подписывались предводителями дворянства. Что же касается Главнаго тюремнаго управленія, то оно проявляло свою дѣятельность главнымъ образомъ въ законодательныхъ мѣропріятіяхъ по этому вопросу, а именно въ выработкѣ законопроектовъ о занятіи арестантовъ работами и объ обязательности работъ для извѣстныхъ категорій арестантовъ (законъ 6 января 1886 г., нынѣ ст. 344—371 Уст. сод. подъ страж.) и объ образованіи осо-

баго фонда на развитіе арестантскихъ работъ (зак. 4 мая 1889 г.—ст. 364 Уст. сод. подъ страж.).

Такимъ образомъ, работы оставались на попеченіи только начальниковъ тюремъ. Я вовсе не того мнѣнія, что составъ начальниковъ тюремъ не соотвѣтствуетъ вовсе возложеннымъ на нихъ обязанностямъ, но несомнѣнно, что они не подготовлены къ тому дѣлу, которое имъ ввѣрено: у насъ нѣтъ тѣхъ подготовительныхъ для начальниковъ тюремъ курсовъ, которые существуютъ въ Западной Европѣ. При такихъ условіяхъ, разумѣется, представляется особо важнымъ, чтобы начальникъ тюрьмы, который пожелалъ бы завести въ своей тюрьмѣ работы, имѣлъ хотя-бы возможность ознакомиться съ тѣмъ, какія работы производятся въ другихъ тюрьмахъ; можетъ быть, было бы достаточно узнать о работахъ въ тюрьмахъ сосѣдней губерніи, но и это для него закрыто, ему не откуда этого узнать, такъ какъ свѣдѣнія о тюремныхъ работахъ не только не систематизируются и не разрабатываются, но даже, я позволю себѣ сказать, почти не собираются. Въ самомъ дѣлѣ, вспомнимъ только отчеты начальниковъ тюремъ; какъ я уже упоминалъ выше, весьма многіе изъ нихъ, къ сожалѣнію, ограничиваются цифровыми данными о числѣ дней наружныхъ и внутреннихъ работъ; отчеты по Главному тюремному управленію уже вовсе не содержали данныхъ о томъ, какія работы производились въ тюрьмахъ. При такомъ положеніи начальники тюремъ, интересующіеся дѣломъ постановки работъ, запрашиваютъ редакцію „Тюремнаго Вѣстника“, которая отвѣчаетъ имъ и сама, по мѣрѣ возможности, сообщаетъ отъ времени до времени хоть и отрывочныя свѣдѣнія о положеніи работъ въ той или другой тюрьмѣ. Разумѣется, это заслуга „Тюремнаго Вѣстника“, но все-же этимъ путемъ нельзя удовлетворить вполнѣ потребности людей, ведущихъ арестантскія работы, знать,—какія и гдѣ въ русскихъ тюрьмахъ ведутся работы, знать по крайней мѣрѣ, къ кому обратиться за указаніями, если является предположеніе завести въ тюрьмѣ какую-либо работу. Для того, чтобы восполнить этотъ крупный пробѣлъ, необходимо выработать точную программу тѣхъ свѣдѣній, которыя должны доставляться ежегодно начальниками тюремъ, и затѣмъ всѣ эти свѣдѣнія по возможности цѣликомъ включать въ отчетъ Главнаго тюремнаго управленія. Такіе отчеты будутъ настоящими руководителями начальниковъ тюремъ; только ознакомившись съ положеніемъ работъ въ другихъ тюрьмахъ, они будутъ имѣть возможность сознательно и съ пользой для дѣла представить Главному тюремному управленію свои соображенія о томъ, какія въ завѣдуемыхъ ими тюрьмахъ возможно завести работы.

Съ другой стороны, только по полученіи всѣхъ этихъ свѣдѣній, возможно будетъ, со знаніемъ дѣйствительнаго положенія дѣла, выработать общій планъ работъ во всѣхъ тюрьмахъ, тотъ планъ, котораго въ настоящее время и въ поминѣ нѣтъ, хотя подобный планъ существуетъ уже давно въ Привислянскомъ краѣ.

Имѣя точныя, такъ сказать, топографическія свѣдѣнія, опредѣленно выработанный планъ заведенія и веденія работъ, можно будетъ приступить къ соглашеніямъ съ различными административными вѣдомствами о порученіи тюрьмамъ исполненія различныхъ заказовъ. Въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемся со вторымъ крупнымъ недостаткомъ современнаго положенія работъ въ тюрьмахъ: во-первыхъ, не знаютъ, какъ дѣлать и что дѣлать, а во-вторыхъ, не получаютъ ни отъ кого заказовъ, не умѣютъ получать ихъ и, скажу болѣе, въ сущности не могутъ получить. Необходимо одно общее соглашеніе и установленіе по крайней мѣрѣ основныхъ началъ, на которыхъ тюрьмамъ будутъ даваться заказы тѣмъ или другимъ вѣдомствомъ; это вопросы крупные, принципіальные, которыхъ не могутъ разрѣшить мѣстные органы; эти послѣдніе могутъ устанавливать затѣмъ уже подробности соглашенія, по отдѣльнымъ работамъ. Получивъ крупные заказы, являясь однимъ представителемъ всѣхъ мѣстъ заключенія, тюремное управленіе, обладая точными свѣдѣніями о положеніи и возможности организаціи работъ въ каждой тюрьмѣ, будетъ имѣть возможность правильно распредѣлить исполненіе заказовъ между отдѣльными видами мѣстъ заключенія и даже между отдѣльными тюрьмами.

Когда полученіе заказовъ будетъ обезпечено, не будетъ, надо надѣяться, больше недостатка и въ капиталѣ на заведеніе и веденіе работъ. Недостатокъ капитала является третьимъ и самымъ существеннымъ недостаткомъ современнаго положенія арестантскихъ работъ. Мы видѣли на примѣрѣ Струнской и другихъ тюремъ, какъ при наличности капитала работы оживлялись и какъ затѣмъ, когда капитала нѣтъ, нѣтъ средствъ на покупку даже матеріала, работы совсѣмъ прекращаются.

Къ сожалѣнію, приходится встрѣчать неоднократно случаи, въ которыхъ отсутствіе „капитала“ мѣшало возникновенію работъ. Иногда объ этомъ встрѣчаются указанія даже въ отчетахъ; такъ, отчетъ Бакинской губернской тюрьмы свидѣтельствуетъ, что нужно было всего 400 рублей на развитіе работъ, но и ихъ получить было нельзя. Начальникъ Архангельскаго исправительнаго отдѣленія указываетъ въ отчетѣ, что для успѣшнаго веденія работъ въ отдѣленіи (на крупную ногу) надо нанять мастеровъ, необходимо заготовить матеріалы и не покупать ихъ по мелочамъ, при чемъ получается все дурнаго качества. Въ большинствѣ, если не во всѣхъ тюрьмахъ, которыя мнѣ приходилось близко осматривать, я встрѣчалъ то же явленіе: произведенія арестантскаго труда имѣютъ крупные недостатки, объясняющіеся не неумѣлой обработкой или недостаточно тщательной работой, а именно плохими качествами матеріала, употребленнаго на обработку; такъ, дерево большею частью не просушено, такъ какъ для просушки надо закупить партію матеріала и дать ей извѣстное время посохнуть, а средствъ на это нѣтъ, требуется сейчасъ же продавать—и это въ государственномъ учрежденіи!

Съ другой стороны, всѣ заготовки въ большомъ размѣрѣ получаются и лучше качествомъ, и дешевле. Но средствъ нѣтъ, нѣтъ того оборотнаго капитала, безъ котораго веденіе какихъ бы то ни было работъ невозможно.

Этого оборотнаго капитала въ большинствѣ тюремъ никогда и не было, а въ тѣхъ, въ которыхъ онъ имѣлся, онъ отобранъ отъ мѣстныхъ попечительныхъ комитетовъ и отдѣленій и поглощенъ фондомъ на устройство и развитіе арестантскихъ работъ, состоящимъ въ непосредственномъ завѣдываніи Главнаго тюремнаго управленія. Фондъ этотъ былъ образованъ въ силу закона 4 мая 1889 г. (нынѣ ст. 364 и прим. Уст. сод. подъ страж.) изъ остатковъ отъ суммъ, поступившихъ и поступающихъ отъ арестантскихъ работъ въ пользу тюрьмы (т. е. около $^3/_{10}$ и болѣе чистаго дохода); изъ этихъ суммъ, въ силу ст. 363 Уст. сод. подъ страж., вознаграждаются арестанты, исполняющіе хозяйственныя работы,—но фактически, какъ мы видѣли выше, эти работы не оплачиваются—и производится ремонтъ инструментовъ и *„мелкіе“* расходы по тюремнымъ работамъ; въ дѣйствительности эти расходы не производились и деньги эти служили обыкновеннымъ оборотнымъ капиталомъ, на который закупались всѣ необходимые матеріалы: дерево, клей, лакъ и т. д. и т. д., не исключая и дровъ для отопленія кирпичнаго завода. Всѣ эти деньги были взяты у мѣстныхъ учрежденій, и такимъ образомъ въ корень подкошена энергія тѣхъ очень немногихъ комитетовъ и отдѣленій изъ общаго числа этихъ учрежденій, которые проявляли нѣкоторый интересъ къ дѣлу и благодаря этому успѣли скопить небольшія средства для веденія работъ. Циркуляры 23 іюня и 25 іюля 1889 г., № 14 и 16, разъясняя законъ 4 мая, еще болѣе ухудшили положеніе. Я помню живо, какъ довольно энергическому Эстляндскому губернскому комитету пришлось дѣлать нѣсколько представленій объ ассигнованіи денегъ на клей, на лакъ, и т. под. мелочи, и требовалось точно указать, сколько именно того и другаго предполагается истратить и на что̀ именно въ будущій смѣтный годъ; для такихъ представленій установлены притомъ же короткіе сроки. И въ сущности, какіе же результаты получились? Если отобранныя суммы могли имѣть значеніе въ смыслѣ маленькихъ оборотныхъ капиталиковъ, то въ смыслѣ капитала на устройство мастерскихъ и на устройство и заведеніе работъ для всей Россіи они составили жалкую сумму.

Вотъ нѣкоторыя цифровыя данныя:

		руб.	коп.
къ 1 января 1891 г.	состояло въ фондѣ	82.875	20
— —	поступило —	83.903	53
		166.778	73
къ 1 января 1892 г.	состояло —	48.742	31
— —	поступило —	81.842	42
		130.584	73
къ 1 января 1893 г.	состояло —	9.669	91½
— —	поступило —	112.365	1½
		122.034	93
къ 1 января 1894 г.	состояло —	56.633	54
— —	поступило —	157.630	40
		214.263	94

Приведенныя данныя указываютъ на колебаніе въ состояніи капитала и на послѣдовательное паденіе поступленія до 1894 года, когда оно значительно увеличилось; какъ будетъ дальше—неизвѣстно. Вотъ смѣта расходовъ, произведенныхъ въ 1894 г. изъ этого фонда: устройство мастерскихъ при тюрьмахъ и исправительныхъ отдѣленіяхъ—42.460 руб. 24 коп., ассигновано губернскимъ начальствомъ въ ссуду на веденіе и устройство работы 45.101 руб. 77 коп., покупка и ремонтъ рабочаго инструмента 18.234 р. 28 к., устройство кирпичныхъ заводовъ, постройка при нихъ флигелей и прочее 6615 руб. [1]). Остановимся хоть на послѣд-

[1]) Въ то же время на содержаніе С.-Петербургской типографіи показано 5008 р. 10 к., а въ отдѣлѣ о доходѣ отъ работъ въ С.-Петербургскихъ тюрьмахъ показано (отчетъ за 1894 г., стр. 152): типографскія работы—1091 р. 65 к. Мнѣ кажется, что недоразумѣнія тутъ нѣтъ.

ней цифрѣ: на эту сумму, какъ мы видѣли выше, можно устроить три кирпичныхъ завода, если же въ дѣйствительности можно и желательно устроить нѣсколько сотенъ такихъ заводовъ, то понятно, когда при такихъ „ассигновкахъ“ желаемое будетъ достигнуто, и такъ все; дѣйствительно, не надо при всѣхъ этихъ вычисленіяхъ забывать, что у насъ имѣется 870 мѣстъ заключенія и 100.000-ое *среднесуточное* населеніе; а вѣдь даже маленькая Италія ассигновала около 2.000.000 фр. на развитіе арестантскихъ работъ (сообщено на С.-Петербургскомъ конгрессѣ).

Итакъ общее заключеніе—средствъ на заведеніе и поддержаніе работъ пока нѣтъ, и это одна изъ главныхъ причинъ современнаго крайне неудовлетворительнаго положенія арестантскихъ работъ. Но несомнѣнно, что съ измѣненіемъ условій производства работъ устранятся всякія препятствія къ полученію необходимаго капитала въ ссуду; при правильной организаціи работъ, основанной на точныхъ свѣдѣніяхъ о положеніи работъ въ отдѣльныхъ тюрьмахъ, и при предварительномъ (путемъ соглашеній съ административнымъ вѣдомствомъ) еще до производства работъ обезпеченіи сбыта произведеній арестантскаго труда, не будетъ болѣе возникать какихъ-либо сомнѣній въ доходности арестантскихъ работъ, а слѣдовательно и въ томъ, что расходы на заведеніе и производство работъ окупятся. Тюремныя мастерскія станутъ тѣмъ, чѣмъ онѣ и должны быть по самой природѣ своей—государственными мастерскими, преслѣдующими цѣли сбереженія государственныхъ средствъ путемъ какъ болѣе дешеваго изготовленія предметовъ, необходимыхъ отдѣльнымъ административнымъ вѣдомствамъ, такъ и сокращенія государственныхъ расходовъ на содержаніе тюремъ. На такое истинно государственное общеполезное дѣло найдутся всегда капиталы, а при новыхъ условіяхъ работъ возможность возвращенія ссуды вполнѣ обезпечена.

Я полагаю, что не придется болѣе тюрьмамъ производить издѣлій изъ невысушеннаго матеріала, лишь бы получить плату за издѣліе и возвратить поскорѣе долгъ за матеріалъ, данный въ ссуду: *это положеніе бѣднаго ремесленника, въ которомъ находились несомнѣнно по недоразумѣнію наши тюрьмы*, будетъ скоро забыто.

Но не на одномъ качествѣ обдѣлываемыхъ матеріаловъ будутъ достигнуты улучшенія: самый строй, организація веденія работъ измѣнится, изъ нищаго ремесленника тюрьма сдѣлается ремесленникомъ, работающимъ въ хорошей мастерской, хорошими инструментами, по хорошимъ рисункамъ, явится возможность, слѣдуя примѣру хотя-бы тюремныхъ фабрикъ Привислянскаго края, примѣру, какъ мы видѣли, далеко не дорогому и не убыточному, вести работы подъ руководствомъ наемныхъ мастеровъ. Быть можетъ, даже получится возможность устройства и содержанія подготовительныхъ курсовъ для начальниковъ тюремъ, привлеченія на эти должности людей съ бо́льшимъ образованіемъ и даже спеціально-техническимъ.

Задачи веденія тюремныхъ работъ при новой постановкѣ ихъ станутъ, несомнѣнно, легче, работы эти потеряютъ столь несвойственный имъ характеръ частныхъ предпріятій, для которыхъ требуется особая иниціатива, составленіе „конъюнктуръ“. Все будетъ идти по строго выработанному, по крайней мѣрѣ въ основныхъ чертахъ и по указаніямъ спеціалистовъ, плану; желательно было бы, чтобы въ распоряженіи Главнаго тюремнаго управленія имѣлись техники-спеціалисты, чрезъ посредство которыхъ оно могло бы руководить и давать разъясненія по технической сторонѣ работъ. Что касается до мѣстныхъ органовъ, которые будутъ вести работы, то задачи ихъ значительно упростятся при существованіи строго разработаннаго плана веденія дѣла. Несомнѣнно, что тюремный инспекторъ найдетъ существенное содѣйствіе какъ въ представителяхъ общества, такъ и, въ особенности относительно наименѣе доступныхъ его ближайшему руководству уѣздныхъ тюремъ, въ товарищахъ прокурора, завѣдующихъ

уѣздными участками. Я останавливаюсь именно на товарищѣ прокурора, какъ на лицѣ наиболѣе близкомъ, какъ изъ судебнаго, такъ и изъ другихъ вѣдомствъ, къ тюрьмѣ. Исполняя прямыя свои обязанности—наблюденіе за законностью содержанія и законностью исполненія приговора,—товарищъ прокурора, попутно, знакомится и съ составомъ арестантовъ и со всѣми условіями данной тюрьмы; съ другой стороны, при исполненіи всѣхъ другихъ своихъ разнообразныхъ обязанностей, товарищъ прокурора сталкивается со всѣми, если можно такъ выразиться, дѣйствующими въ уѣздномъ городѣ и уѣздѣ силами: здѣсь и отношенія съ представителями администраціи и общественнаго управленія, здѣсь и знакомство съ различными классами, въ лицѣ присяжныхъ, и со сторонами на съѣздѣ, и съ просителями, и потерпѣвшими всѣхъ классовъ; силою вещей товарищъ прокурора, знакомясь съ уѣздными условіями, въ томъ числѣ и экономическими, можетъ всегда направить начальника тюрьмы къ тому или другому лицу за надлежащими практическими указаніями. Нельзя при этомъ забывать то выдающееся положеніе уѣзднаго юрисконсульта, которое занимаетъ въ уѣздѣ товарищъ прокурора, благодаря которому, а равно и своимъ отношеніямъ, онъ можетъ всегда разсчитывать на содѣйствіе мѣстныхъ силъ всѣмъ благимъ начинаніямъ на почвѣ пенитенціарнаго дѣла.

Заканчивая настоящую работу, я позволю себѣ высказать, что ближайшее изученіе вопроса о постановкѣ занятій въ русскихъ тюрьмахъ привело меня къ убѣжденію въ полной возможности широкаго и правильнаго развитія этихъ работъ, въ необходимости только расширенія и направленія существующаго, а не созданія заново. Между тѣмъ основной вопросъ всего тюремнаго дѣла есть именно вопросъ о постановкѣ арестантскихъ работъ; только при правильной постановкѣ арестантскихъ работъ возможно достиженіе законной естественной пенитенціарной цѣли борьбы съ распространеніемъ, съ развитіемъ, благодаря тюремному строю, преступности въ странѣ; только при существованіи

работъ, тюрьмы потеряютъ свою нынѣшнюю репутацію разсадниковъ порока и возможно будетъ, невозможное нынѣ, осуществленіе цѣлей патронатства—пріемъ обществомъ обратно въ свою среду отбывшаго наказаніе преступника.

О ЮРИДИЧЕСКОМЪ НАПРАВЛЕНІИ

ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ ПРАВѢ.

В. М. Гессена.

Всякій, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ современнымъ положеніемъ цивилистической и публично-правовой доктрины, не можетъ не замѣтить огромной пропасти, лежащей между ними.

Гражданское право—юридическая наука въ самомъ строгомъ и безусловномъ значеніи этого слова.

Гражданское право пользуется юридической, т. е. логически-конструктивной методой. Посвящающіе себя его разработкѣ называются юристами. Юристъ и цивилистъ – въ настоящее время почти синонимы. Содержаніе гражданскаго права точно опредѣленное, однородное—имѣетъ строго-юридическій характеръ. Фундаментъ науки проченъ и твердъ, и зданіе, возведенное на немъ, непоколебимо. Только умственная слѣпота можетъ отрицать существованіе или значеніе науки гражданскаго права. Между гражданскимъ правомъ и жизнью существуетъ весьма интенсивное и благотворное взаимодѣйствіе: право опредѣляется жизнью и, въ свою очередь, опредѣляетъ жизнь.

Наоборотъ, государственное право, какимъ оно является въ классическихъ трудахъ Блунчли и Моля въ Германіи, Б. Констана, Токвиля, Лабулэ во Франціи, Беджгота и Герна въ Англіи, а также другихъ писателей того же направленія,

врядъ-ли можетъ быть названо юридической дисциплиной, въ строгомъ и буквальномъ значеніи этого слова. Въ курсахъ государственнаго или конституціоннаго права мы встрѣчаемся съ суверенным господствомъ политической метафизики, съ фантастической игрою идеями публичнаго права и съ полнымъ отсутствіемъ твердыхъ и устойчивыхъ юридическихъ категорій [1]). Всѣмъ извѣстно, до чего въ этой области доходитъ сбивчивость юридической терминологіи и неопредѣленность юридическихъ понятій. Для примѣра достаточно указать хотя-бы на пресловутое понятіе суверенитета, которое Preuss остроумно называетъ Протеемъ юриспруденціи [2]). По вѣрному замѣчанію того же Preuss'a, наука государственнаго права представляетъ собою нейтральную область, нѣчто въ родѣ салона, куда собираются философы и историки, цивилисты и политики для того, чтобы отдохнуть отъ дѣла и поболтать на досугѣ [3]). Господствующую въ публичномъ правѣ методу Laband иронически называетъ историко-философо-политической и не безъ основанія отождествляетъ эту методу съ отсутствіемъ всякой методы вообще [4]). Поверхностный диллетантизмъ составляетъ обычное и, разумѣется, печальное явленіе въ области литературы публичнаго права. Никто безъ спеціальнаго научнаго образованія не станетъ толковать о задаткѣ и неустойкѣ, или о корреальныхъ и солидарныхъ обязательствахъ; а, между тѣмъ, именно государственное право, какъ справедливо говоритъ Iellinek, имѣетъ ту странную судьбу, что многіе считаютъ себя его знатоками, не имѣя о немъ никакого понятія [5]). По шутливому замѣчанію Тэна, нѣкоторые публицисты напоминаютъ человѣка, который на вопросъ, умѣетъ ли онъ играть на фортепіано, отвѣчаетъ: не знаю—не пробовалъ; попробую,—авось...

Ничто не характеризуетъ такъ наглядно различіе въ науч-

[1]) Stoerk—Zur Methodik des öffentlichen Rechts, стр. 51 и сл.
[2]) Preuss—Gemeinde, Staat, Reich, стр. 111.
[3]) Preuss, тамъ же, стр. 2.
[4]) Laband—Das Staatsrecht des deutschen Reiches (2 изд.). Введеніе.
[5]) Iellinek—Рецензія въ Grünhuth's Zeitschrift für das Privat- und öffentliche Recht, Bd. 21 (1894), стр. 464.

ной обработкѣ гражданскаго и публичнаго права, какъ тотъ антагонизмъ, то взаимное непониманіе и пренебреженіе другъ къ другу, которые всегда и вездѣ существовали и существуютъ между цивилистами, съ одной стороны, и публицистами, съ другой. Уже въ XVII вѣкѣ, когда государственное право впервые отдѣлилось, какъ самостоятельная юридическая дисциплина, отъ гражданскаго (первымъ профессоромъ государственнаго права былъ Dominicus Arumaeus, читавшій лекціи отъ 1605—1637 г.г. въ Іенскомъ университетѣ),—уже тогда цивилисты презрительно называли занятія публичнымъ правомъ mantellum ignorantiae juris civilis; на что публицисты болѣе грубо, нежели остроумно, отвѣчали: i meri legiste sono puri asini. Аналогичное отношеніе цивилистовъ къ публицистамъ, и обратно, сохранилось донынѣ. И теперь администраторъ въ глазахъ судьи все, что угодно, только не юристъ. И теперь судья въ глазахъ администратора рутинеръ и ограниченный формалистъ.

Если мы примемъ во вниманіе отсутствіе правильной методы и вышеуказанный диллетантизмъ въ обработкѣ государственнаго права, мы поймемъ, почему до настоящаго времени основные вопросы этой науки остаются неразработанными [1]), почему еще теперь появляются ученые, въ родѣ Гумпловича, отрицающіе существованіе и самую возможность государственнаго права, а слѣдовательно, и науки о немъ. По мнѣнію Гумпловича, государственнаго права нѣтъ, потому что отношеніе между государствомъ и подданнымъ есть отношеніе власти, а не права, Machtverhältniss, а не Rechtsverhältniss. Для того, чтобы сдѣлать это мнѣніе невозможнымъ, нужно было доказать, почему и какимъ образомъ отношеніе государства къ подданному пріобрѣтаетъ юридическій характеръ; а между тѣмъ, этотъ вопросъ не только не былъ рѣшенъ,—онъ не былъ опредѣленно поставленъ государственной доктриной классической школы.

[1]) In Keiner Juristischen Disciplin, говоритъ Iellinek, sind gegenwärtig die Grundlagen nur im Entferntsten so bestritten, wie im öffentlichen Rechte (System der subjectiven öffentlichen Rechte. Vorrede, стр. V).

Укажемъ, наконецъ, какъ на одно изъ печальнѣйшихъ послѣдствій неудовлетворительнаго состоянія государственной доктрины, на отсутствіе столь желательнаго и необходимаго взаимодѣйствія между государственной теоріей и государственной жизнью.

Историко-философо-политическая метода, господствующая въ государственномъ правѣ, по самой природѣ своей, не можетъ дать точнаго анализа юридическихъ отношеній, возвести эти отношенія къ основнымъ принципамъ, сдѣлать изъ этихъ принциповъ соотвѣтственные выводы. Поэтому, и общее, и позитивное государственное право классической школы публицистовъ являются, въ значительно большей степени, наукою о томъ, что̀ должно быть, нежели о томъ, что̀ есть. Вмѣсто юридической систематики дѣйствующаго права предлагается философское построеніе истиннаго права, или политическія разсужденія о цѣлесообразномъ правѣ.

Если, такимъ образомъ, государственное право игнорируетъ жизнь, то, въ свою очередь, оно игнорируется жизнью. Въ одной весьма любопытной инструкціи прусскимъ военнымъ палатамъ и палатамъ государственныхъ имуществъ 12 іюля 1748 г. подробно доказывается, что для административныхъ чиновниковъ гораздо важнѣе основательное знаніе земледѣлія, скотоводства и винокуреннаго дѣла, нежели знакомство съ юриспруденціей; ибо юриспруденція для администраторовъ, по меньшей мѣрѣ, безполезна, а, можетъ быть, и вредна. По свидѣтельству Zorn'a, Aegidi и др., и въ настоящее время подобная точка зрѣнія является преобладающей въ германскихъ административныхъ сферахъ [1]). Если это справедливо по отношенію къ Западной Европѣ, то тѣмъ болѣе это справедливо по отношенію къ Россіи. У насъ военная служба считается лучшею школой для подготовки административныхъ дѣятелей. Люди съ юридическимъ образованіемъ среди административныхъ чиновниковъ—почти рѣдкость. А между

[1]) Zorn—Zur staatsrechtl. Literatur въ Grünhuth's Zeitschrift за 1883 г., стр. 732; Aegidi—Gegen eine gewisse Einseitigkeit im akademischen Rechtsstudium въ Aegidi's Zeitschrift für Deutsches Staatsrecht und Deutsche Verfassungsgeschichte, Bd. I, стр. 107.

тѣмъ, нужно ли доказывать, что административная дѣятельность есть дѣятельность подзаконная, что она требуетъ, пожалуй, еще въ большей степени, нежели судебная, юридическаго образованія, юридическаго такта, умѣнья проникать въ сокровенный смыслъ законодательной нормы, дѣлать изъ нея логическіе выводы, примѣнять ее къ конкретнымъ обстоятельствамъ даннаго случая.

Мы глубоко убѣждены въ томъ, что вышеуказанная разобщенность государственной теоріи и практики, о которой нельзя достаточно сожалѣть, въ значительной степени лежитъ на совѣсти историко-философо-политической школы, до самаго послѣдняго времени господствовавшей въ наукѣ государственнаго права.

Попытки юридической обработки государственнаго права встрѣчаются въ западно-европейскихъ литературахъ уже съ давнихъ поръ. Въ послѣднее время такія попытки встрѣчаются и въ нашей отечественной литературѣ.

Въ Англіи наиболѣе яркимъ представителемъ юридическаго направленія является знаменитый Блэкстонъ. Въ своихъ комментаріяхъ онъ разсматриваетъ публичное и гражданское право, слѣдуя совершенно одинаковой методѣ и даже въ одной и той же системѣ. Такъ, въ книгѣ о правахъ частныхъ лицъ онъ говоритъ о парламентѣ, о королѣ и его титулѣ, о господахъ и слугахъ, о мужьяхъ и женахъ, о родителяхъ и дѣтяхъ. Классификація эта, разумѣется, въ высшей степени неудовлетворительна, но, во всякомъ случаѣ, она является попыткой строго-юридической (даже цивилистической) обработки вопросовъ конституціоннаго права. Изъ новѣйшихъ англійскихъ публицистовъ юридической методѣ въ обработкѣ конституціоннаго права слѣдуетъ талантливый профессоръ Оксфордскаго университета Дайси. Дайси ясно и отчетливо сознаетъ глубокое принципіальное различіе между юридической точкой зрѣнія на конституцію, съ одной стороны, и точкою зрѣнія „политическихъ теоретиковъ“ и конституціоналистовъ-историковъ, съ другой. Книга его: „Введеніе въ науку конституціоннаго права“, имѣющаяся въ переводѣ на

русскій языкъ, является наиболѣе совершенной попыткой юридической обработки англійскаго конституціоннаго права.

Нужно, однако, замѣтить, что сама природа этого права, въ значительной степени, препятствуетъ юридической обработкѣ его. Съ одной стороны, въ Англіи, какъ извѣстно, законы конституціонные или основные рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ законодательныхъ постановленій, такъ что юристъ, прежде чѣмъ систематизировать и комментировать конституціонное право, долженъ опредѣлить объемъ этого права, природу и источники его [1]). Съ другой стороны, то, что̀ мы привыкли называть конституціоннымъ правомъ, въ Англіи, по преимуществу, является конституціонной моралью. Современная государственная организація Англіи основана не столько на конституціонныхъ законахъ, сколько на обычаяхъ, привычкахъ, молчаливыхъ соглашеніяхъ, мѣняющихся съ каждымъ поколѣніемъ, почти съ каждымъ годомъ. Эти соглашенія, если только их̀ъ можно такъ назвать, совершенно измѣняютъ содержаніе и духъ конституціонныхъ законовъ. Въ системѣ англійскаго государственнаго права, собственно говоря, нѣтъ мѣста важнѣйшимъ институтамъ англійскаго государственнаго устройства,—какъ, напримѣръ, кабинету. О Блэкстонѣ, который, будучи строгимъ юристомъ, игнорируетъ конституціонную мораль и излагаетъ прерогативы короны исключительно на основаніи конституціоннаго права, Дайси справедливо замѣчаетъ, что его изложеніе страдаетъ однимъ недостаткомъ: все, что̀ въ немъ говорится, прямо противоположно истинѣ [2]).

Вотъ почему типъ публициста-юриста въ Англіи сравнительно рѣдокъ: Дайси составляетъ счастливое исключеніе. По общему же правилу, публицисты Англіи принадлежатъ либо къ историкамъ, какъ, напримѣръ, Фрименъ и Мей, либо къ политикамъ, какъ, напримѣръ, Беджготъ и Гернъ.

Что касается Франціи, то здѣсь только одна, хотя и чрезвычайно важная отрасль государственнаго права, въ широкомъ смыслѣ этого слова,—а именно, административное право, подверглось глубокой и всесторонней юридической обработкѣ. Система французскаго административнаго права, выработанная, въ значительной степени, практикою государственнаго совѣта, является послѣ юриспруденціи классическаго Рима, можетъ быть, самымъ геніальнымъ продуктомъ юридической мысли. Теоретическая разработка административнаго права въ трудахъ Aucoc'a, Laferrière'a и другихъ отвѣчаетъ самымъ строгимъ требованіямъ юридической методы. Съ новой и чрезвычайно интересной попыткой юридической конструкціи административнаго права мы встрѣчаемся въ трудѣ Maurice Hauriou: „Précis de droit administratif“ [1]). Сами нѣмцы, начиная съ R. v. Mohl'я и кончая O. Mayer'омъ, признаютъ рѣшительное превосходство французской литературы административнаго права по сравненію съ германской [2]).

За-то, съ другой стороны, благодаря, главнымъ образомъ, политической исторіи Франціи, конституціонное право ея до настоящаго времени сохраняетъ характеръ политической и философской, но отнюдь не юридической дисциплины. Спеціальныхъ работъ, посвященныхъ систематическому изложенію конституціоннаго права, во французской литературѣ немного, и тѣ, которыя существуютъ, напр. новѣйшій курсъ Esmein'a, писаны не юристами, а историками и политиками. Обыкновенно конституціонное право излагается какъ необходимое, хотя и не юридическое введеніе къ юридической наукѣ, т. е. къ административному праву. Тѣ самые писатели, напр. Simonet, Hauriou и др., которые, излагая административное право, строго слѣдуютъ юридической методѣ, остаются философами и политиками, излагая конституціонное право: такъ, напримѣръ, опредѣляя государство, Hauriou утверждаетъ, что оно слагается изъ трехъ элементовъ: населенія, политической власти и .... фонда общихъ идей, обезпечивающихъ индивидуальность и постоянство группы [3]); по мнѣнію Simonet,

[1]) Дайси—Основы государственнаго права Англіи, стр. 5.
[2]) Дайси, н. с., стр. 7.

[1]) 2 éd. Paris 1893. v. Préface.
[2]) R. v. Mohl—Geschichte und Literatur der Staatswissensch., III, стр. 206; O. Mayer—Theorie des französischen Verwaltungsrechts. См. Einleitung.
[3]) Hauriou, н. с., стр. 5.

суверенитетъ государства ограничивается естественными правами личности, вытекающими изъ природы и обязательными для государства [1]).

Благодаря новому французскому законодательству о подданствѣ, именно этотъ вопросъ государственнаго права обратилъ на себя особое вниманіе французскихъ публицистовъ и подвергся тщательному и многостороннему разсмотрѣнію въ цѣломъ рядѣ спеціальныхъ монографій. Труды Weiss'a, Cogordan'a, Glard'a, Geouffre de Lapradelle'a и др. отличаются чрезвычайнымъ богатствомъ содержанія, тонкою разработкою законодательныхъ деталей, разсмотрѣніемъ множества возможныхъ и невозможныхъ казусовъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ, почти полнымъ отсутствіемъ опредѣленныхъ юридическихъ категорій, точныхъ, вычеканенныхъ юридическихъ понятій. Какова юридическая природа подданства, въ чемъ юридическое отличіе подданнаго отъ иностранца, каковъ объемъ и границы понятія натурализаціи и такъ называемаго bienfait de la loi, при какихъ условіяхъ свобода эмиграціи является субъективнымъ публичнымъ правомъ—эти и имъ подобные вопросы, въ высшей степени важные съ юридической точки зрѣнія, не существуютъ или почти не существуютъ для французскихъ публицистовъ.

Какъ я уже упомянулъ, юридическое направленіе въ послѣднее время начинаетъ проникать и въ русскую литературу государственнаго права. Здѣсь представителемъ юридическаго направленія можетъ быть названъ профессоръ С.-Петербургскаго университета Н. М. Коркуновъ. Его Курсъ русскаго государственнаго права является первою на русскомъ языкѣ попыткою юридической конструкціи государства и юридической систематики положительнаго государственнаго права. Въ значительной степени подъ вліяніемъ трудовъ германской юридической школы, вообще,—и одного изъ представителей ея, Iellinek'a, въ особенности,—находится профессоръ Московскаго университета А. С. Алексѣевъ.

Переходя къ германской литературѣ публичнаго права,

[1]) Simonet—Traité élémentaire de droit public et administratif, p. 3.

мы должны замѣтить, что, именно, въ ней юридическая метода пустила наиболѣе глубокіе корни и привела къ наиболѣе плодотворнымъ результатамъ. Здѣсь встрѣчаемся мы впервые съ строго-юридической обработкой государственнаго права въ его полномъ объемѣ. Труды Laband'a, Seydel'я, G. Meyer'a и др. охватываютъ одной и единой системой все, какъ конституціонное, такъ и административное, государственное право, подвергаютъ юридическому анализу каждое отношеніе, создаютъ юридическую конструкцію каждаго института его. Въ германской литературѣ, и только въ ней, юридическое направленіе пріобрѣтаетъ характеръ научной школы, выработавшей опредѣленную программу и преслѣдующей опредѣленную цѣль. Въ трудахъ новѣйшихъ германскихъ публицистовъ юридическое направленіе является сознательнымъ и рѣзкимъ протестомъ противъ коренныхъ недостатковъ господствующей методы государственнаго права. Методологическій вопросъ получаетъ характеръ первостепенной, не только теоретической, но и практической важности, является вопросомъ о томъ, чѣмъ быть и чѣмъ не быть наукѣ государственнаго права; именно, этотъ методологическій вопросъ, т. е. вопросъ объ истинной методѣ государственнаго права, впервые ясно формулированный и, въ значительной степени, рѣшенный германской такъ называемой юридической школой публичнаго права,—составляетъ главный предметъ настоящей статьи.

Въ срединѣ 60-хъ годовъ въ германской наукѣ публичнаго права зарождается новое направленіе, которое ставитъ себѣ цѣлью юридическую, т. е. догматическую обработку государственнаго права. Родоначальникомъ этого направленія слѣдуетъ признать Лейпцигскаго профессора Carl Friedrich von Gerber'a, извѣстное сочиненіе котораго „Grundzüge des deutschen Staatsrechts“ появилось первымъ изданіемъ въ 1865 г. [1]). Въ настоящее время къ юридической школѣ публичнаго права принадлежитъ, вполнѣ или отчасти, большинство нѣмецкихъ публицистовъ во главѣ съ Страсбургскимъ профессоромъ Laband'омъ,

[1]) 3 изд. въ 1880 г.

авторомъ огромнаго и капитальнѣйшаго труда: „Das Staatsrecht des deutschen Reiches“ и Гейдельбергскимъ профессоромъ Iellinek'омъ, авторомъ ряда выдающихся монографій, посвященныхъ важнѣйшимъ вопросамъ государственнаго права, какъ-то: „Die Lehre von den Staatenverbindungen“, „Gesetz und Verordnung“, „System der subjectiven öffentlichen Rechte“ и др. Кромѣ вышеупомянутыхъ Laband'а и Iellinek'а, къ публицистамъ юридической школы принадлежатъ Heinrich Schulze, Georg Meyer, Zorn, Seydel, Rosin, Rehm, Bernatzik и мн. др.

Въ Вѣнскомъ журналѣ гражданскаго и публичнаго права Grünhut'а за 1883 г. напечатано слѣдующее четырехстишіе Reuling'а, посвященное родоначальнику новаго направленія въ публичномъ правѣ, Carl Friedrich Gerber'у:

Нашему праву родному незримо грозила опасность
Въ смутныхъ фантазіяхъ фразы растратить великія силы.
Смѣлому рыцарю слава! Чудовищу диллетантизма
Голову снесъ онъ отважно могучимъ и мѣткимъ ударомъ.

Въ словахъ этихъ заключается вѣрная характеристика основной тенденціи юридической школы. На знамени ея можетъ быть начертано изреченіе стараго Мозера: публичное право должно быть правомъ (publicum jus—jus bleiben muss) [1])! Истинный публицистъ долженъ быть, прежде всего, юристомъ; онъ долженъ помнить, что государственное право есть часть правовѣдѣнія, что научная дѣятельность юриста заключается не столько въ прагматическомъ изложеніи тѣхъ или иныхъ важныхъ или интересныхъ фактовъ, сколько въ анализѣ юридическихъ отношеній, въ разработкѣ юридическихъ институтовъ. Государство, какъ и всякое другое явленіе, разсматриваемое съ различныхъ точекъ зрѣнія, является объектомъ множества различныхъ наукъ. Государственное право, разумѣется, не даетъ и не можетъ дать общаго знанія государства; наука государственнаго права разсматриваетъ государство съ одной только точки зрѣнія, она изучаетъ одинъ только, но въ высшей степени важный элементъ государства,—правовое начало, которымъ проникнуто государственное устройство и дѣятельность государства. Для того чтобы изучить это начало, наука государственнаго права должна быть, прежде всего и главнымъ образомъ, правовою наукой.

[1]) О воззрѣніяхъ Мозера на догматику см. Frensdorff'а: Die ersten Jahrzehnte des staatsrechtlichen Studiums in Göttingen (рецензія о немъ Laband'а въ Archiv für öffentliches Recht, Bd. III, 1888, стр. 423).

Великое призваніе теоріи государственнаго права въ настоящее время заключается въ томъ, чтобы отвоевать для этого права соотвѣтствующее его значенію мѣсто въ ряду другихъ юридическихъ дисциплинъ, чтобы путемъ спеціальныхъ трудовъ и путемъ преподавательской дѣятельности доказать всѣмъ и каждому, что юридическое содержаніе государственнаго права нисколько не меньше, нисколько не слабѣе такого же содержанія гражданскаго или римскаго права. Изъ расплывчатаго состоянія неопредѣленной и неотграниченной науки государствовѣдѣнія (Staatskunde) государственное право должно перелиться въ твердыя, кристаллизированныя формы юридической дисциплины,—вотъ та цѣль, къ которой послѣдовательно и успѣшно стремится юридическая школа публичнаго права [1]).

Самымъ важнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, самымъ необходимымъ шагомъ впередъ по пути къ этой цѣли является перенесеніе въ область государственнаго права логически-конструктивной методы гражданскаго права. Какъ всякая истинно научная метода, и логически конструктивная является сочетаніемъ индуктивнаго пріема съ дедуктивнымъ. Конструктивная работа послѣдовательно проходитъ черезъ двѣ стадіи. Прежде всего, она анализируетъ юридическія нормы и скрывающіяся за ними юридическія отношенія, разлагаетъ ихъ на составные элементы и возводитъ эти элементы къ основнымъ началамъ, понятіямъ. Затѣмъ изъ выработанныхъ такимъ образомъ понятій она дѣлаетъ логическіе выводы и пользуется этими выводами, какъ критеріемъ, для провѣрки дѣйствующихъ юридическихъ нормъ: существенное и логически необ-

[1]) *Срв.* Schulze—Ueber Princip, Methode und System des deutschen Staatsrechts въ Aegidi's Zeitschrift, 1867, 4 Heft, стр. 439; Zorn—въ Grünhut's Zeitschrift, 1883 г., стр. 733; Iellinek—Gesetz und Verordnung. Vorrede, VII.

ходимое въ этихъ нормахъ совпадаетъ съ логическими выводами изъ общихъ понятій; случайное и логически несовмѣстное обнаруживается само собою. Мало того, путемъ абстракціи изъ частныхъ положеній права общихъ принциповъ и понятій и обратнаго вывода изъ этого абстрактнаго матеріала частныхъ положеній, юриспруденція создаетъ новыя, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ основанныя на высказанныхъ уже нормахъ положенія права и, такимъ образомъ, способствуетъ дальнѣйшему развитію, продуктивности права. Теорію юридической продукціи подъ названіемъ высшей юриспруденціи, какъ справедливо указываетъ г. Петражицкій, блестяще развилъ Ihering въ своемъ трудѣ о „Духѣ римскаго права“ (2 § 41) [1]).

Таковъ характеръ логически-конструктивной методы. Перенесеніе этой методы изъ области гражданскаго права въ область государственнаго составляетъ эпоху въ исторіи развитія публичнаго права. Въ настоящее время ея господство—по крайней мѣрѣ, въ литературѣ германскаго государственнаго права—вполнѣ обезпечено. Навсегда и безповоротно прошли тѣ времена, говоритъ Tezner, когда легкая бесѣда, causerie, считалась юриспруденціей публичнаго права [2]). Своимъ торжествомъ логически-конструктивная, цивилистическая метода обязана главнымъ образомъ Laband'у, который является наиболѣе крайнимъ и наиболѣе послѣдовательнымъ изъ ея сторонниковъ. Научная задача догматики опредѣленнаго позитивнаго права, говоритъ онъ въ введеніи къ своему курсу имперскаго государственнаго права, заключается въ конструированіи правовыхъ институтовъ, въ приведеніи отдѣльныхъ правовыхъ положеній къ общимъ принципамъ и въ дедукціи изъ этихъ принциповъ соотвѣтствующихъ выводовъ. Догматика есть работа чисто-логическая. Всѣ историческія, политическія и философскія разсужденія, какъ бы они ни были цѣнны an und für sich, для догматики опредѣленной правовой матеріи не

[1]) Петражицкій—Кіевскія университетскія извѣстія 1896 г. Предисловіе и введеніе въ науку права, стр. LIX.

[2]) Tezner—критическая статья о трудѣ Laband'a въ Grünhut's Zeitschrift, 1884, стр. 281.

имѣютъ значенія и часто служатъ лишь къ тому, чтобы скрыть недостатки конструктивной работы [1]).

Въ своемъ курсѣ Laband остается, говоря вообще, вѣрнымъ конструктивной методѣ. Но, если, съ одной стороны, этотъ курсъ именно конструктивной методѣ обязанъ своими выдающимися достоинствами, о которыхъ лучше всего свидѣтельствуютъ какъ восторженные отзывы критики [2]), такъ и чрезвычайная популярность самой книги, выдержавшей, несмотря на свой значительный объемъ и строгую научность изложенія, три изданія, то, съ другой стороны, на этой книгѣ, болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, отразились недостатки крайняго и односторонняго увлеченія конструктивной методой, увлеченія, создавшаго этой методѣ убѣжденныхъ противниковъ не только въ литературѣ публичнаго права, гдѣ она еще не успѣла акклиматизироваться, но и въ литературѣ римскаго и гражданскаго права, гдѣ она господствуетъ съ незапамятныхъ временъ.

Мы думаемъ, что для всякой новой истины гораздо болѣе опасны увлеченія ея сторонниковъ, нежели возраженія и критика ея враговъ. Поэтому для торжества юридической, т. е. конструктивной методы въ области публичнаго права необходимо, прежде всего и главнымъ образомъ, указать, въ какихъ границахъ и при какихъ условіяхъ эта метода возможна и цѣлесообразна.

Съ яркой отчетливостью характеризуетъ Otto Gierke [3]) результаты односторонняго исключительнаго примѣненія конструктивной методы.

„Сторонники цивилистическаго направленія,—говоритъ онъ,—въ концѣ концовъ отождествляютъ право съ наукою о правѣ. Существо права находятъ въ его научной формулировкѣ и забываютъ, что право раньше юриспруденціи и безъ нея уже

[1]) Laband—Das Staatsrecht, 3 Aufl. Введеніе, стр. X. См. его же критическую статью въ Archiv für öffentliches Recht, Bd. II (1887), стр. 151.

[2]) См. Kritische Vierteljahresschrift, N. F., Bd. XVI, Heft 3; также III Folge, 2 Band, 1 Heft; Iuristisches Literaturblatt, Bd. VI, № 4 и мн. др.

[3]) O. Gierke—Die Grundbegriffe des Staatsrechts etc. въ Tübinger Zeitschrift für d. ges. Staatswissenschaften, Bd. XXX, стр. 160.

имѣло реальное бытіе. Наука о правѣ ставится, такимъ образомъ, не въ такое отношеніе къ праву, въ какомъ грамматика, напримѣръ, стоитъ къ языку: она хочетъ не открывать правила, но изобрѣтать ихъ; не познавать жизнь, а творить ее (meistern). Система является для нея всѣмъ: изъ средства она дѣлается цѣлью. Вмѣсто живаго организма мы получаемъ, такимъ образомъ, безжизненный аппаратъ, и, несмотря на все свое остроуміе, односторонній формализмъ, въ концѣ концовъ, приводитъ къ чисто-внѣшней правовой техникѣ, а въ конкретномъ примѣненіи вырождается въ ремесленную рутину".

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Laband заходитъ слишкомъ далеко, считая возможнымъ совершенно упразднить историко-генетическую, философскую и политическую, т. е. этико-соціальную провѣрку логическихъ конструкцій. Это не возможно и въ частномъ правѣ; тѣмъ болѣе это невозможно въ публичномъ. Исторія, по глубокому замѣчанію Шталя, является не только причиной настоящаго, но и силой, дѣйствующей въ самомъ настоящемъ. Мы не можемъ понять юридическихъ нормъ и юридическихъ отношеній, не зная ихъ исторіи. Но въ такомъ случаѣ, разумѣется, невозможенъ и юридическій анализъ этихъ нормъ, составляющій первую ступень конструктивной работы. Безъ исторіи возможна только механическая, внѣшняя систематизація позитивнаго права. Такая система подобна наскоро раскинутой палаткѣ, которую уноситъ первый сорвавшійся вѣтеръ. Клюберовское государственное право Rheinbund'а, написанное въ 1808 г., умерло вмѣстѣ съ Рейнскимъ союзомъ въ 1813 г. Конструируя, истинный юристъ долженъ помнить первое правило строительнаго искусства: чѣмъ выше мы строимъ, тѣмъ глубже должны мы рыть! [1]).

Необходимая для юриста вообще, историко-генетическая провѣрка логическихъ конструкцій необходима въ особенности для публициста. По справедливому замѣчанію Felix

[1]) Изъ писателей юридическаго направленія широкое мѣсто отводитъ исторіи H. Schulze, н. с., стр. 437; признаетъ необходимость исторіи для юриста Iellinek; см. въ особенности: System, стр. 18, прим. 1; его же рецензію на сочиненіе Schulze въ Archiv'ѣ, III, 467; его же, Gesetz und Verordnung, IX.

Stoerk'а [1]), отличительнымъ свойствомъ частно-правныхъ отношеній является ихъ постоянство, типичность. Наоборотъ, отношенія публичнаго права въ высокой степени индивидуальны. Частное право фактическое свое основаніе находитъ въ физической природѣ человѣка; природа же человѣка и потребности его являются величиною болѣе или менѣе постоянной. Поэтому частно-правные институты собственности, купли-продажи, договора остаются, въ общемъ, одни и тѣ же для различныхъ цивилизацій на протяженіи многихъ вѣковъ.

Діаметрально противоположный фактъ мы наблюдаемъ въ публичномъ правѣ. Каждое явленіе общественной жизни обусловливается и вызывается неисчислимымъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ силъ и, вслѣдствіе этого, до такой степени зависитъ отъ историческихъ условій своего возникновенія, что повтореніе вполнѣ одинаковыхъ соціальныхъ отношеній является почти невозможнымъ.

Мало этого; индивидуальное содержаніе частно-правной сдѣлки для юридической конструкціи ея не имѣетъ почти никакого значенія. Кто покупаетъ и что покупается, для юридической природы купли-продажи безразлично. Наоборотъ, въ сферѣ публичнаго права изученіе природы каждаго индивидуальнаго отношенія часто представляется безусловно необходимымъ для его уразумѣнія. Если мы говоримъ о королѣ, намъ необходимо прибавить, о какомъ королѣ мы говоримъ, прусскомъ или бельгійскомъ, Людовикѣ XIV или Людовикѣ-Филиппѣ, для того чтобы это слово получило для насъ опредѣленный смыслъ и значеніе. Но само собою разумѣется, что индивидуальный характеръ какого бы то ни было юридическаго отношенія не можетъ быть постигнутъ безъ знанія историческаго генезиса его.

Если, такимъ образомъ, изъ юриспруденціи не можетъ и не долженъ быть удаленъ историческій элементъ, то, тѣмъ менѣе, можетъ и долженъ быть удаленъ элементъ философскій. Нужно

[1]) Stoerk, н.с., стр. 27 и сл.; Iellinek въ System, стр. 19, критикуетъ воззрѣніе Stoerk'а, но онъ же въ другомъ мѣстѣ признаетъ необходимость индивидуализаціи въ сферѣ публичнаго права. См. Gesetz und Verordnung, стр. 208, пр. 4.

твердо помнить, что философствовать въ правѣ вовсе не то же, что̀ создавать новыя системы естественнаго права. Философія права такъ же мало означаетъ созданіе новаго права, какъ философія религіи—созданіе новой религіи, или философія языка—созданіе новаго языка. Философія—это стремленіе къ синтезу, возведеніе частнаго и многообразнаго къ общему и единому. Въ такомъ смыслѣ, философія является необходимымъ элементомъ всякой истинно-научной системы. Развѣ Gerber не философствуетъ, возводя всѣ институты, всѣ отношенія государственнаго права къ одному и единому общему началу—къ господству (Herrschaft)?

Наконецъ, безусловно необходима для юриста и политическая т. е. этико-соціальная провѣрка логическихъ конструкцій. Съ измѣненіемъ жизненныхъ условій общіе юридическіе принципы начинаютъ измѣняться и отмирать обыкновенно не сразу, а въ тѣхъ или иныхъ своихъ крайнихъ логическихъ выводахъ. Поэтому, какъ бы правиленъ ни былъ тотъ или иной выводъ изъ общаго принципа, юриспруденція только въ томъ случаѣ можетъ и должна его усвоить, если онъ не стоитъ въ противорѣчіи съ этическими воззрѣніями и соціальными условіями данной эпохи. Поэтому и гражданское право нуждается въ этико-соціальной провѣркѣ своихъ конструкцій. Припомнимъ только результаты подобной провѣрки относительно одной долгое время безспорной юридической аксіомы: qui jure suo utitur, neminem laedit (законы о ростовщикахъ, страховка рабочихъ, нормальный рабочій день и т. д. и т. д.). Именно отрицательнымъ отношеніемъ правовѣрныхъ цивилистовъ къ политической, т. е. этико-соціальной сторонѣ права объясняется рѣзкій протестъ Ihering'овской школы противъ крайностей конструктивной методы, противъ такъ называемой Begriffsjurisprudenz. Если, такимъ образомъ, политическія разсужденія, какъ ихъ называетъ Laband, необходимы даже въ гражданскомъ правѣ, тѣмъ болѣе они необходимы въ правѣ государственномъ, на образованіе котораго оказываютъ огромное вліяніе, именно, политическія причины. Политическая сторона публично-правныхъ вопросовъ слишкомъ сильна и ярка для того, чтобы можно было ее игнорировать вполнѣ. Какъ бы публицистъ ни закрывалъ лица руками, чтобы не видѣть политики, все-таки мы думаемъ, что, въ концѣ концовъ, онъ согрѣшитъ и будетъ смотрѣть сквозь пальцы; самъ Laband не устоялъ предъ искушеніемъ, и его бюджетная теорія или конструкція власти германскаго императора, по справедливому замѣчанію Gierke, Tezner'a, а у насъ—Прутченко, являются плодомъ политической, а не юридической мысли [1]).

Итакъ, признавая истинною методой государственнаго права, какъ и всякаго права вообще,—логически-конструктивную методу, мы, тѣмъ не менѣе, отводимъ широкое мѣсто историко-генетической, философской и политической провѣркѣ логическихъ конструкцій.

Но исторія, философія и политика—царицы у себя дома—въ области юриспруденціи играютъ служебную роль. Онѣ содѣйствуютъ продуктивности юридической, т. е. конструктивной работы; онѣ спасаютъ юриста, вообще, и публициста, въ частности, отъ безплодной игры понятіями, отъ схоластики; въ душную атмосферу юридической лабораторіи онѣ вносятъ жизнь. Несмотря на это, юристъ, а значитъ и публицистъ, остается юристомъ. Юридическую методу нельзя назвать иначе, какъ логически-конструктивной, потому что a potiori fit denominatio!

Само собою разумѣется, что въ небольшой статьѣ нѣтъ никакой возможности познакомить читателя съ тѣми положительными результатами, къ которымъ уже привело примѣненіе логически-конструктивной методы къ вопросамъ государственнаго права.

Въ наименѣе разработанныя и наиболѣе темныя области науки государственнаго права новое направленіе вноситъ свѣтъ юридическаго анализа, юридической логики. Для примѣра, укажемъ хотя-бы на теорію соединенія государствъ. Трудно представить себѣ тотъ невѣроятный хаосъ, который царилъ въ этой области до появленія извѣстнаго труда Iel-

[1]) O. Gierke—Laband's Staatsrecht und die deutsche Rechtswissenschaft въ Schmoller's Jahrbuch'ѣ, т. VII, стр. 1149; Tezner—критическая статья о Laband'ѣ въ Grünhut's Zeitschrift, 1894, стр. 276; Прутченко—Современныя направленія науки государственнаго права въ Германіи, стр. 24.

inek'a „Die Lehre von den Staatenverbindungen". Одни и тѣ же термины различными писателями понимались совершенно различно. Одни (Bluntschli, Schulze и др.) подъ реальной уніей понимаютъ соединеніе государственнаго права и сближаютъ ее съ простымъ децентрализованнымъ, или союзнымъ государствомъ; другіе (Zachariae и его школа) подъ тѣмъ же терминомъ понимаютъ соединеніе международнаго права и сближаютъ его съ союзомъ суверенныхъ независимыхъ государствъ, или личной уніей; третьи (Held, Biedermann, Zorn и др.) отрицаютъ вовсе юридическую возможность реальной уніи и исключаютъ эту категорію изъ системы государственныхъ соединеній. Одно и то же соединеніе, напр. Австро-Венгрію, различные писатели относятъ къ различнымъ категоріямъ: одни (Iuraschek, Iellinek) считаютъ ее реальной уніей, другіе (Biedermann) государствомъ государствъ (Staatenstaat), третьи (Dantscher von Kollersberg) монархическимъ союзнымъ государствомъ, четвертые (Bluntschli) продолжительной личной уніей, пятые (Creasy, Twiss) просто личной уніей, шестые (Бейстъ) образованіемъ sui generis и т. д. и т. д. И въ этотъ безконечный и безобразный хаосъ юридическая школа вноситъ порядокъ: она анализируетъ каждое соединеніе, въ отдѣльности, устанавливаетъ термины, создаетъ категоріи, эти категоріи возводитъ въ стройную систему.

Само собою разумѣется, что вопросъ о государственныхъ соединеніяхъ не единственный и даже не главный въ своемъ родѣ. То же, что̀ сказано выше, можно повторить и о цѣломъ рядѣ другихъ вопросовъ: о субъективныхъ публичныхъ правахъ, о теоріи самоуправленія, о законѣ и указѣ, о бюджетѣ и т. д. Трудами писателей юридическаго направленія впервые было разработано и возведено въ систему въ высшей степени сложное германское право управленія, опредѣляемое законами какъ самой имперіи, такъ и 25 образующихъ ее государствъ. Трудъ Georg'a Meyer'a „Lehrbuch des deutschen Verwaltungsrechts" Stoerk сравниваетъ съ расчисткой первобытнаго дѣвственнаго лѣса [1]).

[1]) Рецензія Stoerk'a въ Grünhut's Zeitschrift за 1883 г., стр. 713.

Во всякомъ случаѣ, какъ бы мы ни отнеслись къ положительнымъ результатамъ, добытымъ конструктивной методой, несомнѣнно одно: юридическая школа открыла для юриста новое, обширное поле, еще не воздѣланное, ждущее своего пахаря. Тѣ самыя области, мимо которыхъ юристъ проходилъ не останавливаясь, въ твердой увѣренности, что ему въ нихъ дѣлать нечего, теперь гостепріимно открыты предъ нимъ, нетерпѣливо зовутъ его трудъ и обѣщаютъ ему высшую награду— познаніе истины. Значеніе подобныхъ работъ, справедливо говоритъ Iellinek о своей System der Subjectiven öffentlichen Rechte [1]), заключается отнюдь не въ количествѣ абсолютныхъ истинъ, выраженныхъ ими, а въ томъ, способны ли онѣ стать стимулирующимъ моментомъ въ научномъ познавательномъ процессѣ. Съ этой точки зрѣнія нельзя не отозваться съ величайшей похвалой о многочисленныхъ и разнообразныхъ трудахъ нѣмецкой юриспруденціи въ области публичнаго права, ибо эти труды, краснорѣчивѣе всякихъ фразъ, говорятъ юридической мысли о томъ, что есть надъ чѣмъ и есть для чего поработать.

Намъ остается коснуться еще двухъ непосредственныхъ послѣдствій примѣненія логически-конструктивной методы къ вопросамъ публичнаго права,—а именно сближенія публичнаго права съ гражданскимъ и государственной теоріи съ государственной практикой. Въ высокой степени знаменателенъ слѣдующій фактъ: на Эйзенахскомъ съѣздѣ нѣмецкихъ профессоровъ-юристовъ 23 марта 1896 г. поднятъ былъ, между прочимъ, вопросъ, какъ быть съ преподаваніемъ римскаго права по вступленіи въ законодательную силу новаго обще-германскаго гражданскаго уложенія? И вотъ, профессора-публицисты единогласно признали безусловную необходимость продолжать и впредь систематическое преподаваніе римскаго гражданскаго права, ибо новѣйшія дисциплины, какъ, напр., право управленія (Verwaltungsrecht) своими успѣ-

[1]) Vorrede, VI.

хами обязаны въ значительной степени именно римскому праву [1]). Со времени Gerber'a, бывшаго одинаково выдающимся ученымъ какъ въ области публичнаго права, такъ и въ области гражданскаго, у нѣмецкихъ публицистовъ вошло въ обыкновеніе обращать серьезное вниманіе на изученіе гражданскаго права. Монографическая литература изслѣдуетъ съ особымъ вниманіемъ взаимодѣйствіе, существующее между гражданскимъ и публичнымъ правомъ; для примѣра, укажемъ на монографію Terner'a „Die Privatrechtstitel im öffentlichen Recht [2]). Въ своемъ стремленіи къ выработкѣ устойчивыхъ понятій и юридическихъ терминовъ публицисты часто, даже слишкомъ часто, обращаются къ гражданскому праву. Въ этомъ отношеніи особенно далеко заходитъ Laband. Государственное управленіе онъ сравниваетъ съ веденіемъ торговаго предпріятія, германскую имперію съ акціонернымъ обществомъ, императора съ директоромъ акціонернаго общества, союзный совѣтъ съ собраніемъ акціонеровъ и т. п. Нужно ли доказывать, что всѣ эти обобщенія и аналогіи ничуть не уясняютъ сущности разсматриваемыхъ явленій. Они напоминаютъ аналогіи органической школы, сравнивавшей, въ лицѣ Bluntschli, министерство иностранныхъ дѣлъ съ обоняніемъ, финансы съ нервною системой, а уголовное правосудіе съ клювомъ. Можно ли думать, что столь сложный, обусловленный массой историческихъ и политическихъ причинъ, столь индивидуальный институтъ, какъ власть германскаго императора, будетъ постигнутъ въ своей сущности посредствомъ сравненія съ властью директора,—ну скажемъ, учетнаго банка?

Само собою разумѣется, что всѣ эти аналогіи—сплошное недоразумѣніе: публицистъ долженъ быть юристомъ; онъ не долженъ быть цивилистомъ. Каждая наука имѣетъ свои категоріи, которыя только въ исключительныхъ случаяхъ способны акклиматизироваться въ чуждой имъ области другой,

[1]) O. Fischer—Der Rechtsunterricht und das bürgerliche Gesetzbuch auf Grundlage der Beschlüsse der Eisenacher Konferenz der deutschen Rechtslehrer von 23 März 1896, стр. 16.

[2]) Въ Archiv für öffentliches Recht за 1894 г., стр. 325—388 и 489—568.

хотя-бы и родственной, науки. Тѣмъ не менѣе, говоря вообще, сближеніе государственнаго права съ гражданскимъ является фактомъ безусловно желательнымъ. Мы думаемъ, что, именно, крайней разобщенностью этихъ двухъ дисциплинъ объясняется уже упомянутая выше попытка Гумпловича отнять у государственнаго права его юридическій характеръ. Утверждая, что право, регулирующее гражданскія отношенія, качественно, по своей природѣ и внутренней сущности отлично отъ права, регулирующаго публичныя отношенія, и что, вслѣдствіе этого, называя гражданское право правомъ, мы должны назвать государственное право какъ угодно, но только не правомъ [1]),—Гумпловичъ, очевидно, забываетъ, что дѣйствительная жизнь знаетъ только одно право, регулирующее соціальныя отношенія, вообще, въ ихъ органическомъ, нераздѣльномъ единствѣ; онъ забываетъ, что даже юриспруденція нѣкоторыхъ странъ, какъ, напр., Англіи, не знаетъ и не хочетъ знать традиціоннаго дѣленія права на гражданское и публичное. Мы думаемъ, что только сближеніе двухъ великихъ отраслей правовѣдѣнія сдѣлаетъ невозможнымъ подобнаго рода отрицаніе государственнаго права.

Вторымъ послѣдствіемъ торжества юридической методы въ области государственнаго права является, какъ упомянуто выше, сближеніе теоріи государственнаго права съ практикой государственной жизни. Это сближеніе уже въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, въ Германіи является несомнѣннымъ фактомъ. Административная практика чутко прислушивается къ голосу теоріи и вноситъ въ жизнь начала, выработанныя научною мыслью. Спеціальные, строго-научные труды, какъ напримѣръ, курсы Laband'a, G.Meyer'a, монографіи Rosin'a, выдерживаютъ по нѣскольку изданій и тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ о своей популярности далеко за предѣлами спеціально-научныхъ сферъ. По поводу переизданія монографіи Rosin'a „Das Polizeiverordnungsrecht in Preussen“ Rehm справедливо замѣчаетъ, что переизданіемъ спеціальнаго, строго-научнаго труда Rosin, главнымъ образомъ, обязанъ любознательности прусскихъ

[1]) Gumplovicz—Rechtsstaat und Socialismus, стр. 13.

административныхъ чиновниковъ, которые, не довольствуясь комментаріями, интересуются теоретической разработкой вопросовъ государственнаго и административнаго права [1]). По авторитетному свидѣтельству того же Rehm'a, курсъ Laband'a чрезвычайно распространенъ въ административныхъ и судебныхъ сферахъ и пользуется здѣсь огромнымъ вліяніемъ и вѣсомъ [2]). На Laband'a, Schulze и др. высшія административныя власти, напр. министры, ссылаются въ парламентѣ во время преній, какъ на непререкаемый авторитетъ въ вопросахъ публичнаго права [3]).

Съ другой стороны, еще никогда положительное государственное право не разработывалось и не изучалось такъ тщательно и съ такою любовью, какъ, именно, въ трудахъ юридической школы. Впервые мы встрѣчаемъ научную, можно сказать, философскую обработку живаго дѣйствующаго права со всѣми его достоинствами и несовершенствами,—права, какъ оно есть, какъ оно создано самою жизнью. Тотъ, кто послѣ долгихъ занятій публичнымъ правомъ, берется за изученіе трудовъ новой германской школы, хотя-бы того же Laband'a, тотъ долженъ испытать приблизительно то же, что̀ испытываетъ путешественникъ, который послѣ долгихъ скитаній по невѣрному зыбкому морю ступилъ, наконецъ, на берегъ, почувствовалъ подъ ногами твердую почву.

Юридическая школа государственнаго права учитъ публициста любить и знать свое родное право и въ этомъ ея величайшая заслуга,—величайшая заслуга потому, что, дѣйствительно, нужно знать и любить свое право, хотя-бы только затѣмъ, что оно право. Разумѣется, мы говоримъ о разумной, а не о слѣпой любви,—о той любви, которая ищетъ совершенства въ любимомъ предметѣ и стремится къ тому, чтобы сдѣлать его совершеннымъ. Огульное презрѣніе къ дѣйствующему праву никогда не рождаетъ и не можетъ родить

[1]) Рецензія въ Kritische Vierteljahresschrift, 1896, III Folge, II Band, 3 Heft, S. 488.

[2]) Рецензія тамъ же, 1 Heft, стр. 137.

[3]) См., напр., Deutscher Reichsanzeiger und Königl. Preussischer Staats-Anzeiger von 4 Juni 1896, № 132, erste Beilage.

лучшаго права: наоборотъ, оно рождаетъ отсутствіе всякаго права вообще,—анархію или произволъ. Для того, чтобы способствовать мирному развитію права, приспособленію его къ измѣняющимся условіямъ жизни, нужно, прежде всего и главнымъ образомъ, знать и любить живое, дѣйствующее право: нужно ревниво дорожить всѣмъ, что̀ еще жизнеспособно въ немъ и хоронить только мертвое. Англійская свобода, которую напрасно старались заимствовать конституціи континента, является прямымъ результатомъ той возвышенной любви къ праву, которая составляетъ отличительную черту въ характерѣ англійской націи.

Народъ долженъ беречь свое право, пока оно еще юно и слабо; за-то, въ свою очередь, выросши и окрѣпнувъ, право будетъ оберегать народъ.

Вначалѣ дамбы Голландіи были недостаточно устойчивы и крѣпки; бурныя волны океана часто прорывали огражденія и затопляли окрестныя поля. Тѣмъ не менѣе, голландцы не отказались въ усталомъ равнодушіи или безсмысленномъ гнѣвѣ отъ несовершеннаго дѣла своихъ рукъ. Наоборотъ, снова и снова съ неизсякаемой энергіей исправляли они сдѣланныя бреши, укрѣпляли старыя и возводили новыя огражденія. Теперь за ихъ надежною цѣпью въ полной безопасности широко раскинулись отвоеванныя у моря поля.

То, что̀ для Голландіи ея дамбы, то для каждаго народа его право.

Народъ долженъ любить свое право, потому что оно—и только оно—ограждаетъ и защищаетъ народъ отъ разрушительныхъ волнъ произвола и анархіи.

ОСМОТРЪ И ВЫЕМКА

ПОЧТОВОЙ И ТЕЛЕГРАФНОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

(Ст. 368[1] Уст. угол. суд. изд. 1892 г.) [1]).

А. Е. Скобельцына.

Еще въ римскомъ правѣ тайна почтовой переписки была признаваема неприкосновенною. Это правило перешло и въ старинную французскую юриспруденцію. Частныя письма, по ученію старыхъ французскихъ юристовъ, не должны были служить доказательствомъ по уголовнымъ дѣламъ, а потому не подлежали задержанію, а если случайно попадались въ числѣ другихъ отобранныхъ судебною властью предметовъ, то возвращались. Правило это соблюдалось строго. Такъ, въ 1785 г. Королевскій Совѣтъ привлекъ къ отвѣтственности должностныхъ лицъ, перехватившихъ доставленную на шедшемъ изъ колоній кораблѣ почтовую переписку, въ которой заключались указанія на совершеніе одного преступленія. При этомъ, въ постановленіи Совѣта, которымъ опредѣлялось передать переписку по назначенію, было высказано, что основные принципы чести требуютъ, чтобы письма гражданъ считались и для судебныхъ мѣстъ, также какъ и для частныхъ лицъ, священною, недоступною постороннимъ, тайною. Въ

[1]) Къ тому же предмету относятся 1035 и 1042 ст. Уст. угол. суд., но онѣ установлены для исключительныхъ случаевъ, и потому мы ихъ не коснемся.

1789 г. вопросъ о томъ же былъ возбужденъ въ Учредительномъ Собраніи по поводу представившагося случая путемъ писемъ уличить нѣсколькихъ лицъ, враждебно относившихся къ революціи, и тогда даже такой горячій сторонникъ послѣдней, какъ Мирабо, возсталъ противъ предложенія уничтожить неприкосновенность частной почтовой корреспонденціи. Говоря по этому поводу въ Собраніи, онъ заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: „предложенная мѣра подъ предлогомъ общественной безопасности лишитъ гражданъ права собственности на драгоцѣннѣйшія произведенія взаимныхъ симпатій и отношеній людей между собою“. Слѣдуя этому взгляду, Учредительное Собраніе декретомъ отъ 10—14 августа 1790 года постановило: тайна писемъ неприкосновенна и ни подъ какимъ предлогомъ не должна быть нарушаема ни учрежденіями, ни лицами [1]). Это правило, однако, не перешло въ изданный Наполеономъ I въ 1808 г. кодексъ уголовнаго производства (cod. d'instr. crim.), но французская судебная практика еще долго придерживалась тѣхъ же взглядовъ. Такъ, въ одномъ опредѣленіи кассаціоннаго суда отъ 6 декабря 1816 г., между прочимъ, высказано: „письмо есть такой документъ, который составляетъ тайну. Что написано, имѣетъ такое же сокровенное значеніе, какъ мысль“.

Тѣхъ же принциповъ держалось и русское законодательство до 1864 г. Воспрещеніе распечатывать частныя письма встрѣчается въ немъ еще въ XVII вѣкѣ. Такъ, въ постановленіи 1698 г. объ учрежденіи Сибирской почты (П. С. З. № 1654) было предписано „отнюдь ничьей грамотки не распечатывать и не смотрѣть“ [2]). Принципіально неприкосновенность почтовыхъ сношеній устанавливается, главнымъ образомъ, законодательствомъ Екатерины II; ею въ 1782 году было издано повелѣніе, на основаніи котораго управляющимъ

[1]) Le secret des lettres est inviolable et sous aucun prétexte il ne peut y être porté atteinte ni par les corps ni par les individus. Garraud—Précis de droit criminel, 1885, стр. 595.

[2]) Эта и нижеслѣдующая историческія справки заимствованы нами изъ обстоятельной статьи г. С.—„О неприкосновенности почтовой корреспонденціи по русскимъ законодательствамъ“ въ Журн. Юрид. Общ. 1895 г., кн. III.

губерніями было предписано наблюдать „дабы должное къ почтамъ довѣріе не токмо сохраняемо, но и далѣе распространяемо было и вслѣдствіе того, чтобы никакая власть или начальство или кто бы то ни былъ не дерзали открывать писемъ на почтахъ, пересылаемыхъ внутри Имперіи, или же ихъ удерживать". То же правило было подтверждено указами Императора Александра I, которыми повелѣвалось, чтобы корреспонденція, производимая между частными лицами, была неприкосновенна и вообще изъята отъ всякаго осмотра и открытія. Это положеніе постоянно возбуждало пререканія почтоваго вѣдомства съ другими и въ особенности съ судебнымъ. Такъ, въ 1819 году С.-Петербургскій военный губернаторъ обратился въ С.-Петербургскій почтамтъ съ требованіемъ о выемкѣ пакета на имя купца Лагутина, но при разрѣшеніи этого вопроса въ Комитетѣ Министровъ одержалъ верхъ взглядъ почтоваго вѣдомства, и Комитетъ опредѣлилъ выдать пакетъ Лагутину. Затѣмъ, въ двадцатыхъ годахъ въ Гродненской губерніи возникло дѣло о растратѣ суммъ уѣзднымъ казначеемъ Грудзинскимъ и назначенной по этому дѣлу слѣдственной коммисіи необходимо было отобрать адресованные на имя Грудзинскаго пакеты и письма. Вслѣдствіе отказа въ томъ со стороны почтоваго вѣдомства, вопросъ объ этомъ восходилъ на Высочайшее усмотрѣніе, и по всеподданнѣйшему докладу начальствующаго надъ Почтовымъ Департаментомъ 23 января 1827 г. ходатайство слѣдственной коммисіи было отклонено.

Не только письма, но и деньги и посылки тоже подчинялись правилу о сохраненіи почтовой тайны, какъ видно изъ другаго дѣла того же 1827 года о растратѣ соли приставомъ Пермскихъ оптовыхъ магазиновъ Гиллемъ. По этому дѣлу было отказано въ ходатайствѣ Министра Финансовъ о доставленіи Пермской казенной палатѣ всей корреспонденціи на имя Гилля.

Прежнее русское законодательство охраняло не только почтовую корреспонденцію, но даже самую тайну почтовыхъ сношеній частныхъ лицъ, какъ видно изъ Высочайшаго повелѣнія 30 іюня 1859 года. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ

по этому предмету выражено: „Почтовое управленіе, охраняя неприкосновенность письменныхъ сношеній, какъ неподлежащихъ оглашенію, при возникновеніи подобныхъ требованій, постоянно отказывало не только въ выдачѣ съ почты частныхъ писемъ въ постороннія руки, но и вообще въ доставленіи какихъ-либо относительно этой корреспонденціи свѣдѣній". Впрочемъ изъ общаго правила о неприкосновенности почтовой корреспонденціи законодательство допускало слѣдующее исключеніе: для корреспонденціи политическихъ преступниковъ, банкротовъ, нижнихъ воинскихъ чиновъ, арестантовъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи и тяжко больныхъ или умершихъ лицъ.

Таковы положеніе и взгляды прежней юриспруденціи какъ на Западѣ, такъ и у насъ въ Россіи. Но, съ теченіемъ времени, эта точка зрѣнія мѣняется. Интересы государственной безопасности, интересы уголовнаго преслѣдованія мало по малу ограничиваютъ принципъ сохраненія тайны частной переписки.

Выше было замѣчено, что принципъ этотъ, установленный французскимъ Учредительнымъ Собраніемъ, не былъ включенъ въ cod. d'instr. criminelle, и хотя, несмотря на это, въ первое время французская судебная практика стояла на прежней, выработанной дореволюціоннымъ законодательствомъ, точкѣ зрѣнія, но впослѣдствіи мало по малу стала отступать и, въ настоящее время, согласно рѣшенію французскаго кассаціоннаго суда 21 ноября 1853 года, право выемки писемъ, адресованныхъ на имя обвиняемаго или исходящихъ отъ него, предоставляется, на основаніи 88 ст. cod. d'instr. cr., не только слѣдственному судьѣ, но даже чинамъ низшей полиціи. Французская юридическая литература, въ лицѣ Фостена Эли, выводитъ право выемки изъ того положенія, что письма, адресованныя обвиняемому и имъ отправленныя, нѣкоторое время могли находиться, или находятся въ его рукахъ, въ его домѣ и въ эти моменты могли быть отобраны подобно всякимъ другимъ вещественнымъ доказательствамъ. Только въ томъ, что̀ касается писемъ третьихъ лицъ, Фостенъ Эли находитъ, что такъ какъ они не были въ распоряженіи обви-

няемаго, то и не могутъ быть приравниваемы къ отбираемымъ у него вещественнымъ доказательствамъ и слѣдовательно не подлежатъ выемкѣ [1]). Однако, какъ замѣчаетъ профессоръ Лабардъ [2]), эта послѣдняя система опровергается прямымъ смысломъ 87 и 88 [3]) ст. cod. d'instr. cr., которыя уполномочиваютъ слѣдственнаго судью отбирать всякіе предметы, которые могутъ послужить къ обнаруженію истины, кому бы они ни принадлежали. Такой смыслъ 87 и 88 ст. cod. d'instr. cr., особенно рельефно выразился въ судебной практикѣ Бельгіи, въ которой дѣйствуетъ тотъ же самый cod. d'instr. cr. 21 января 1842 года бельгійскій министръ юстиціи, основываясь на означенныхъ 87 и 88 ст. cod. d'instr. cr., издалъ слѣдующій циркуляръ на имя прокуроровъ апелляціонныхъ судовъ: „Письма, идущія отъ лицъ, привлеченныхъ въ качествѣ обвиняемыхъ, могутъ быть задерживаемы судебною властію; чиновникъ судебной полиціи, въ подобныхъ случаяхъ, долженъ предъявить чиновнику названнаго вѣдомства постановленіе о привлеченіи въ качествѣ обвиняемаго, обозначеніе числа подлежащихъ задержанію писемъ и количество почтоваго сбора, которымъ они оплачены; равнымъ образомъ подлежатъ задержанію и тѣ письма, которыя будутъ адресованы на имя обвиняемаго, послѣ вышеупомянутаго заявленія чиновника судебной полиціи чиновнику почтоваго вѣдомства, и *подлежатъ задержанію и всякія другія письма* (т. е. къ третьимъ лицамъ), которыя могутъ служить доказательствомъ по дѣлу [4])“.

Изъ положительныхъ законодательствъ новѣйшаго времени германское уже почти окончательно разсталось съ принципомъ неприкосновенности частной переписки, постановляя въ § 99—

[1]) Фостенъ Эли—Traité de l'instruction criminelle. Изд. 1862 г., стр. 2385.

[2]) Cours élémentaire de droit criminel, 1891, стр. 1020.

[3]) Ст. 87. Слѣдственный судья отправляется по просьбѣ кого-либо или даже и по обязанности службы въ мѣсто жительства заподозрѣннаго для разысканія тамъ бумагъ, вещей и вообще всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые онъ сочтетъ годными къ открытію истины.

Ст. 88. Слѣдственный судья можетъ отправиться точно такимъ образомъ и во всѣ прочія мѣста, въ которыхъ, по его предположенію, могли быть спрятаны предметы, о которыхъ говорится въ статьѣ предшествующей.

[4]) Фостенъ Эли—Traité de l'instruction criminelle.

101 уст. угол. суд. для герм. имп. изд. 1877 г., что выемкѣ подлежатъ письма и телеграммы какъ лично обвиняемыхъ, такъ и такихъ, о которыхъ можно предположить, что идутъ отъ него или для него назначены, а право на выемку имѣетъ какъ судья, такъ и прокуратура. Одни только законодательства англійскія и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ ставятъ свободу и неприкосновенность тайны письменныхъ сношеній между частными лицами превыше всякихъ интересовъ уголовнаго преслѣдованія. Такъ, на основаніи устава уголовнаго судопроизводства штата Нью-Іоркъ 1881 г. ст. § 791, разрѣшается выемка писемъ, находящихся у обвиняемыхъ или у третьихъ лицъ и въ томъ числѣ въ казенныхъ учрежденіяхъ, только тогда, когда эти письма имѣютъ сами по себѣ преступное значеніе, какъ, напримѣръ, когда они заключаютъ въ себѣ угрозу, клевету, обманъ съ корыстной цѣлью и т. п.

Русскій Уставъ уголовнаго судопроизводства (изд. 1864 г.) по этому предмету стоялъ на той же точкѣ зрѣнія, какъ и современная Уставу французская судебная практика при примѣненіи 87 и 88 ст. cod. d'instr. cr. Въ сущности, Уставъ воспроизвелъ въ болѣе обобщенной формѣ эти 87 и 88 статьи [1]) въ своей 368-й изд. 1864 г., въ которой сказано: „ни присутственныя мѣста, ни должностныя или частныя лица не могутъ отказываться отъ выдачи нужныхъ къ производству слѣдствія письменныхъ или вещественныхъ доказательствъ“. А такъ какъ письма и телеграммы всегда могутъ служить такими доказательствами, то отсюда и возникало право слѣдственной власти на истребованіе доказательствъ этого рода. Но серьезнымъ препятствіемъ примѣненія 368 ст. изд. 1864 г. въ истинномъ безусловномъ ея смыслѣ явилось несогласованіе съ Уставами почтовымъ и телеграфнымъ. На основаніи 457 и 458 перваго изъ этихъ Уставовъ (т. XII Свода законовъ изд. 1857 г.), а также на основаніи различныхъ отдѣльныхъ по почтовому вѣдомству постановленій, исключенія изъ правила о сохраненіи почтовой тайны допускались лишь для немногихъ случаевъ, а въ Уставѣ телеграфномъ изд.

[1]) Текстъ 87 и 88 ст. cod. d'instr. cr. приведенъ выше въ выноскѣ на стр. 140.

1876 г. имѣется правило ст. 8-й: „содержаніе телеграммъ, составляя тайну отправителя и получателя, никому постороннему не сообщается". Равномѣрно не открывается и того, кѣмъ и кому телеграмма подана. Понятно, что подобное противорѣчіе законодательства въ двухъ его отрасляхъ—судебной и административной—должно было порождать недоразумѣнія между вѣдомствами юстиціи и почтовымъ. Первое находило „полезнымъ и соотвѣтственнымъ новому положенію о судопроизводствѣ, чтобы въ видахъ содѣйствія возможно большему раскрытію преступныхъ дѣяній, почтовыя учрежденія сообщали судебнымъ властямъ, если не самыя письма частныхъ лицъ для разсмотрѣнія содержанія ихъ, то хотя справки о существованіи факта пересылки писемъ между частными лицами, прикосновенными къ судебнымъ дѣламъ, а Министерство Почтъ и Телеграфовъ, съ своей стороны, указывало на то, что такая мѣра безъ существенной для самаго дѣла пользы повела бы къ неисчислимымъ злоупотребленіямъ, при чемъ поколебалось бы общее довѣріе публики къ почтамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ упалъ бы и почтовый доходъ, люди же злонамѣренные, зная, заранѣе, угрожающую имъ опасность, если они ввѣрятъ свои тайны почтѣ, стали бы изыскивать другіе способы для поддержанія своихъ сношеній". Это разномысліе двухъ вѣдомствъ разрѣшилось въ законодательномъ порядкѣ Высочайшимъ повелѣніемъ 24 февраля 1868 г. о томъ, чтобы „судебныя учрежденія обращались съ требованіями свѣдѣній о частной почтовой корреспонденціи непосредственно въ Министерство Юстиціи и чтобы въ подлежащихъ случаяхъ свѣдѣнія эти доставлялись черезъ то же Министерство при особомъ каждый разъ объясненіи, что сказанная мѣра, какъ отступленіе отъ общаго закона (ст. 458 Уст. почт.), допускается въ видѣ особеннаго исключенія, съ Высочайшаго разрѣшенія, по важности обстоятельствъ дѣла". Но и этотъ законодательный актъ не прекратилъ недоразумѣній между обоими вѣдомствами, что̀ и привело къ убѣжденію въ необходимости изданія болѣе опредѣленныхъ правилъ.

Составленіе проекта этихъ правилъ было возложено на особую коммисію, состоявшую изъ представителей отъ Министерствъ Юстиціи, Внутреннихъ Дѣлъ, Военнаго и Морскаго, отъ II Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи и отъ шефа жандармовъ. Результатомъ работъ этой коммисіи и было изданіе 30 октября 1878 г. во время завѣдыванія Министерствомъ Юстиціи статсъ-секретаремъ Набоковымъ 368[1] и 1042 ст. Уст. угол. суд., а впослѣдствіи, 6 августа 1880 г., и 1035 ст. того же Устава. Замѣчательно, что и съ изданіемъ законовъ 1878 г. все-таки оставалось еще долгое время противорѣчіе по данному вопросу Устава уголовнаго судопроизводства съ почтовымъ и телеграфнымъ. Только спустя уже 8 лѣтъ послѣ изданія 368[1] ст. Уст. угол. суд.—ст. 458 Уст. почтоваго и ст. 8-я телеграфнаго дополняются по продолженію Свода законовъ 1886 г. слѣдующимъ примѣчаніемъ: „порядокъ осмотра и выемки корреспонденціи лицъ, противъ коихъ возбуждено уголовное преслѣдованіе, изложенъ главнымъ образомъ въ Уставѣ уголовнаго судопроизводства".

Послѣ этихъ общихъ соображеній обратимся къ подробному анализу 368[1] ст. Устава уголовнаго судопроизводства [1]) и въ

[1]) Ст. 368[1] Устава уголовнаго судопроизводства:

„Въ случаѣ оказывающейся при производствѣ слѣдствія *необходимости* въ осмотрѣ и выемкѣ *почтовой или телеграфной корреспонденціи*, отправленной отъ *имени* или присланной *на имя лица, противъ коего возбуждено уголовное преслѣдованіе*, соблюдаются слѣдующія правила:

1) *Судебный слѣдователь каждый разъ сообщаетъ* о задержаніи корреспонденціи *подлежащему почтовому или телеграфному учрежденію, по принадлежности*, и вмѣстѣ съ тѣмъ безотлагательно входитъ съ *представленіемъ* въ окружный судъ о разрѣшеніи ему осмотра и выемки. Такія представленія *разсматриваются окружнымъ судомъ внѣ очереди.*

2) Въ постановленіи окружнаго суда о разрѣшеніи осмотра и выемки должны быть *съ точностью указаны основанія*, вызывающія необходимость этой мѣры.

3) На основаніи состоявшагося по представленію судебнаго слѣдователя постановленія, окружный судъ, одновременно съ увѣдомленіемъ слѣдователя о разрѣшеніи или неразрѣшеніи испрашиваемой имъ мѣры, *сообщаетъ* о томъ же, съ указаніемъ дѣла, по которому состоялось постановленіе, губернскому почтовому или окружному телеграфному начальству, для постановленія въ извѣстность подлежащихъ почтовыхъ или телеграфныхъ учрежденій; въ столицахъ увѣдомленія, касающіяся телеграфной корреспонденціи, препровождаются въ управленія городскими телеграфами. Въ случаѣ неразрѣшенія судомъ осмотра и выемки корреспонденціи, она немедленно отправляется по назначенію.

4) По полученіи разрѣшенія отъ суда, судебный слѣдователь или сообщаетъ таковое подлежащимъ почтовымъ или телеграфнымъ учрежденіямъ для доставленія

этомъ анализѣ остановимся послѣдовательно на различныхъ вопросахъ, ею возбуждаемыхъ.

I. Зависитъ ли опредѣленіе необходимости выемки отъ усмотрѣнія слѣдователя или она обусловливается наличностью извѣстныхъ опредѣленныхъ обстоятельствъ?

Еще до изданія въ 1878 г. 368[1] ст. Уст. угол. суд. въ судебной практикѣ возбуждались вопросы о томъ: въ какихъ случаяхъ необходима выемка, и циркул. Мин. Юстиціи отъ 22 ноября 1867 г. № 97 сб., включеннымъ въ законъ Высоч. повел. 1868 г. 24 февраля, было разъяснено, что подъ понятіе „необходимости“ должны быть подводимы только тѣ случаи особой важности, когда недостаетъ другихъ уликъ, вслѣдствіе чего преступленіе можетъ остаться безнаказаннымъ; такъ какъ означенный циркуляръ и Высочайшее повелѣніе 1868 г. были конечно въ виду редакторовъ 368[1] ст. Уст. угол. суд., то нужно полагать, что тотъ же смыслъ имѣетъ и выраженіе „необходимости“, употребленное въ 368[1] ст. Однако легко видѣть неудовлетворительность такой редакціи: понятіе о случаяхъ особенной важности и недостаточности другихъ уликъ очень неопредѣленны и растяжимы, и поэтому судебная практика остановилась на примѣненіи понятія необходимости въ самомъ распространительномъ смыслѣ. По крайней мѣрѣ мы не знаемъ ни одного случая, чтобы судъ отказалъ въ выемкѣ по неважности дѣла или въ виду достаточности другихъ уликъ. Слѣдовательно при пересмотрѣ 368[1] ст. Уст. угол. суд. было бы цѣлесообразнѣе выраженіе „необходимости“

ему требуемой корреспонденціи, или же увѣдомляетъ эти учрежденія о времени своего прибытія для производства осмотра и другихъ слѣдственныхъ дѣйствій, а по прибытіи предъявляетъ имѣющееся у него разрѣшеніе почтовому или телеграфному начальству.

5) Осмотры и выемки почтовой и телеграфной корреспонденціи производятся въ присутствіи должностнаго лица почтоваго или телеграфнаго вѣдомства, при чемъ письма, посылки и телеграммы, не подлежащія задержанію, безотлагательно отправляются по назначенію.

6) Въ случаѣ необходимости какихъ-либо свѣдѣній о корреспонденціи, полученной или отправленной лицомъ, привлеченнымъ къ уголовной отвѣтственности, судебный слѣдователь обращается съ требованіемъ о доставленіи сихъ свѣдѣній къ подлежащимъ почтовымъ или телеграфнымъ учрежденіямъ, не испрашивая на то разрѣшенія окружнаго суда.

исключить, замѣнивъ его, по примѣру § 99 германскаго кодекса, словами—„допускается“ выемка почтовой или телеграфной корреспонденціи.

II. Что слѣдуетъ понимать подъ почтовой и телеграфной корреспонденціей?

Разъясненіе слова „почтовая корреспонденція“ содержится въ сборникѣ постановленій и распоряженій по почтово-телеграфному вѣдомству, изд. 1885 г. ст. 11-я, изъ которой видно, что подъ корреспонденціей сборникъ понимаетъ не только письма, но и всѣ прочіе предметы, ввѣряемые почтовымъ учрежденіямъ для доставки или пересылки по адресамъ, т. е. всѣ существующіе виды почтовыхъ отправленій: бандерольные пакеты, посылки. Несмотря на такое широкое значеніе, придаваемое почтовыми правилами слову „корреспонденція“, все-таки возбуждается вопросъ—подлежатъ ли выемкѣ денежныя и другія письма? Возбуждается, въ виду, во-первыхъ, того, что, какъ было видно изъ вышеозначенныхъ общихъ соображеній, правило о выемкѣ относится собственно къ обмѣну мыслей путемъ писемъ и телеграммъ, посылки же составляютъ предметы, которые въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ служить вещественными доказательствами, регулируемыми въ отношеніи выдачи судебной власти особыми правилами. Такъ, напримѣръ, въ Уставѣ уголовнаго судопроизводства на этотъ предметъ имѣется положеніе 368 ст.—ни присутственныя мѣста, ни должностныя или частныя лица не могутъ отказываться отъ выдачи нужныхъ къ производству слѣдствія письменныхъ или вещественныхъ доказательствъ. Казалось бы такимъ образомъ, что порядокъ выемки, установленный 368[1] ст. Уст. угол. суд., имѣющій въ виду письма, непримѣнимъ къ денежнымъ и другимъ посылкамъ, такъ какъ законъ этотъ о посылкахъ не упоминаетъ; но, съ другой стороны, нельзя не обратить вниманія на то, что въ денежныя посылки не воспрещается отправителямъ вкладывать и письма, а въ этихъ случаяхъ уже необходимо соблюденіе порядка 368[1] ст. Уст. угол. суд.. Во-вторыхъ, вопросъ о примѣненіи этого послѣдняго закона къ посылкамъ возбуждается въ виду особаго взгляда почтоваго вѣдомства на выдачу денежныхъ посылокъ постороннимъ,

кромѣ адресатовъ, лицамъ. Именно почтовый департаментъ всегда отказывалъ судебнымъ мѣстамъ въ задержаніи на почтѣ денежной корреспонденціи отвѣтчиковъ, съ которыхъ производится взысканіе по исполнительнымъ листамъ, а также оспаривалъ право судебныхъ установленій утверждать частныхъ лицъ въ правахъ наслѣдства на денежную корреспонденцію наслѣдодателей, неполученную послѣдними съ почты. Распоряженія эти департаментъ основывалъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: „Пересылаемая съ почтами частная корреспонденція не всегда составляетъ собственность того лица, на имя котораго она адресована, и потому, при всякомъ требованіи судебныхъ мѣстъ о задержаніи на почтѣ денежной или посылочной корреспонденціи какого-либо извѣстнаго отвѣтчика (или наслѣдодателя), надлежало бы предварительно удостовѣриться, дѣйствительно ли адресованная такому отвѣтчику (или наслѣдодателю) денежная сумма или посылка принадлежитъ ему самому, а не прислана только на его имя по разнымъ порученіямъ, какъ-то: для передачи, закупокъ и т. д. Для производства же подобнаго дознанія, было бы необходимо прибѣгать къ вскрытію и прочтенію на почтѣ писемъ, а подобное обнаруженіе частной корреспонденціи воспрещено неоднократными Высочайшими повелѣніями [1]). Изъ всего этого слѣдуетъ во всякомъ случаѣ, что редакція 368[1] ст. Уст. угол. суд. въ этомъ отношеніи, т. е. въ томъ, что касается слова „корреспонденція“, неудовлетворительна и требуетъ дополненія въ томъ смыслѣ, чтобы не оставалось никакого сомнѣнія, что выемкѣ подлежитъ не только письменная, въ тѣсномъ смыслѣ слова, корреспонденція, но и всякая другая. Въ этомъ случаѣ опять приходится прибѣгнуть къ § 99 германскаго устава уголовнаго судопроизводства, гдѣ сначала „допускается выемка адресованныхъ на имя обвиняемаго писемъ *и посылокъ* на почтѣ“. Повидимому, такая редакція предупредитъ всѣ недоразумѣнія, такъ какъ особый порядокъ выемки, устанавливаемый 368[1] ст. Уст. угол. суд., только и можетъ относиться къ этимъ двумъ видамъ корреспонденціи.

[1]) Отношеніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ на имя Министра Юстиціи 26 апрѣля 1868 г. № 663, приведено въ Жур. юрид. общ. 1895 г., кн. 3, стр. 98.

Что касается корреспонденціи телеграфной, то подъ нею разумѣются подлинныя телеграммы, подаваемыя на телеграфныхъ станціяхъ отправителями, и бумажныя ленты, составляемыя на означенныхъ станціяхъ при пріемѣ телеграммъ. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ обратить вниманіе, что правило 368[1] ст. о разрѣшеніи выемки этихъ документовъ иногда можетъ быть совершенно парализовано нѣкоторыми положеніями телеграфнаго Устава. Такъ, напримѣръ, слѣдователю можетъ представиться надобность въ выемкѣ такихъ телеграммъ, которыя отправлены болѣе года времени, но тогда онъ, вѣроятно, не получитъ требуемаго, такъ какъ на основаніи 32 ст. Уст. телеграфн., почтово-телеграфныя учрежденія обязаны сохранять подлинныя телеграммы, бумажныя ленты и журналы не болѣе года. Такое правило не соотвѣтствуетъ условіямъ производства уголовныхъ дѣлъ, которыя иногда могутъ возникать гораздо позже года послѣ совершенія преступленія, и потому необходимо въ Уставъ телеграфный ввести такое правило, чтобы подлинныя телеграммы и бумажныя ленты сохранялись въ теченіе сроковъ уголовной давности.

III. Какими признаками опредѣляется назначеніе корреспонденціи отъ имени лица, противъ котораго возбуждено уголовное преслѣдованіе?

При буквальномъ выраженіи закона „отъ имени“, можно опредѣлить назначеніе корреспонденціи телеграфной, заказной и денежной, такъ какъ въ этихъ случаяхъ имя отправителя обозначается на подлинныхъ телеграммахъ или въ книгахъ почтовыхъ конторъ. Но что касается простой корреспонденціи, то опредѣлить ея отправленіе невозможно, такъ какъ на конвертахъ имени отправителя обыкновенно не обозначается. Казалось бы, въ этомъ случаѣ можно было бы задерживать корреспонденцію близкихъ отправителю лицъ или лицъ, подозрѣваемыхъ въ соучастіи съ нимъ въ данномъ преступленіи, такъ какъ по ихъ отношеніямъ къ лицу, привлеченному къ дѣлу, представляется вѣроятнымъ предположеніе, что въ этой корреспонденціи имѣются и письма, идущія отъ означеннаго лица. Но къ этому является препятствіе въ дальнѣйшемъ выраженіи закона—368[1] ст. Уст. угол. суд. „на имя

лица, противъ котораго возбуждено уголовное преслѣдованіе", такъ какъ въ виду этого выраженія оказывается, что изъ корреспонденціи, адресованной на чье-либо имя, выемкѣ можетъ подлежать только корреспонденція, получаемая на имя лица, противъ котораго возбуждено уголовное преслѣдованіе, а потому, разъ близкія къ отправителю лица, или подозрѣваемыя въ соучастіи съ нимъ не привлечены, то и выемка ихъ корреспонденціи недопустима, по буквальному смыслу 368[1] ст. Уст. угол. суд. Мы говоримъ—по буквальному смыслу, тогда какъ логически слѣдуетъ, что если разъ законъ разрѣшаетъ выемку корреспонденціи отъ лица, противъ котораго возбуждено уголовное преслѣдованіе, то естественно разрѣшаетъ ее безусловно, независимо отъ того, къ кому корреспонденція адресована, т. е. не ставитъ условіемъ, чтобы и адресатъ тоже принадлежалъ къ числу лицъ, противъ которыхъ возбуждено уголовное преслѣдованіе. Однако судебная практика держится именно буквальнаго толкованія, вслѣдствіе чего разрѣшеніе закона о выемкѣ корреспонденціи „отъ имени" остается парализованнымъ и возможна только выемка по другому признаку „на имя". Для примѣра приведемъ случай изъ дѣлъ Орловскаго окружнаго суда. У судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ въ 1894 г. возникло дѣло о кражѣ у одного купца крупной суммы 90.000 руб. По этому дѣлу подозрѣніе пало на Б—лова и его отца, изъ коихъ первый былъ заключенъ подъ стражу, а второй оставался подъ надзоромъ полиціи въ г. Карачевѣ, а такъ какъ дочь втораго, принимавшая близкое участіе во всѣхъ дѣлахъ своего отца и брата, проживала въ г. Усмани, Тамбовской губерніи, находясь тамъ въ замужествѣ за фельдшеромъ, Н—вымъ, то у судебнаго слѣдователя явилось основательное предположеніе, что выемка корреспонденціи—депеши, полученной фельдшеромъ Н— вымъ и его женой, доставитъ данныя къ привлеченію къ дѣлу еще одного соучастника, именно самого фельдшера Н—ва; и поэтому судебный слѣдователь 20 сентября 1895 г. вошелъ въ окружный судъ съ представленіемъ о разрѣшеніи ему осмотра и выемки почтовой корреспонденціи, какая будетъ отправлена изъ Орла и Карачева на ст. Усмань

Юго-восточн. жел. дорогъ на имя фельдшера Н—ва. Но судъ опредѣленіемъ отъ 22 сентября 1895 г. отказалъ въ разрѣшеніи, за исключеніемъ той корреспонденціи, которая должна была слѣдовать Н—ву отъ привлеченныхъ къ дѣлу Ивана и Андрея Б—ловыхъ.—До какой степени затруднительно исполненіе такого порядка, видно, напримѣръ, изъ послѣдовавшаго вслѣдствіе означеннаго опредѣленія суда сообщенія начальника Тамбовскаго почтово-телеграфнаго округа отъ 28 сентября 1895 г. за № 14310, который увѣдомляетъ судъ, что въ виду того, что по внѣшнему виду корреспонденціи не всегда возможно опредѣлить, отъ кого таковая пересылается, онъ, начальникъ Тамбовскаго почтово-телеграфнаго округа, поручилъ Усманской почтовой конторѣ, во избѣжаніе доставленія адресату корреспонденціи, подлежащей задержанію, доставлять ему лишь ту корреспонденцію, по виду коей можно съ достаточною достовѣрностью заключить, что таковая пересылается не отъ Б—выхъ, а всю остальную задерживать. Этотъ дѣловой документъ даетъ два практическія указанія: 1) что, какъ было высказано нами выше, затруднительно опредѣлять по внѣшнему виду корреспонденціи, отъ имени кого она слѣдуетъ, и 2) что само почтовое вѣдомство вынуждено примѣнять правило 368[1] ст. Уст. угол. суд. о выемкѣ „отъ имени" въ болѣе широкомъ, а не въ узкомъ буквальномъ смыслѣ, и допускаетъ выемку корреспонденціи, когда есть какое-нибудь основаніе предполагать, что она исходитъ отъ лица, корреспонденція котораго необходима для слѣдствія.

IV. *Какими признаками опредѣляется назначеніе корреспонденціи на имя лица, противъ котораго возбуждено уголовное преслѣдованіе?*

По этому вопросу, какъ и по предъидущему, могутъ быть два толкованія: буквальное или формальное и логическое, соотвѣтственно разуму и цѣли закона. Если держаться первой точки зрѣнія, то выемкѣ можетъ подлежать корреспонденція лишь въ томъ случаѣ, если она адресована именно лицу, привлеченному къ слѣдствію. Но легко видѣть, что при такомъ условіи цѣль часто не будетъ достигнута. Дѣйствительно, стоитъ только подозрѣваемому лицу распорядиться, чтобы

письма адресовались на чужое имя, и тогда, при означенномъ буквальномъ пониманіи этого послѣдняго слова, такая корреспонденція избавится отъ выемки. Поэтому казалось бы правильнымъ и въ этомъ случаѣ, какъ и въ случаѣ, означенномъ въ предъидущемъ вопросѣ, держаться болѣе широкаго толкованія. Въ судебной практикѣ, намъ извѣстной, подобнаго рода вопросъ возбуждался по поводу корреспонденціи обвиняемаго, который проживалъ подъ ложнымъ именемъ. Судебная практика дала на это, какъ видно изъ одного дѣла Орловскаго окружнаго суда за 1889 г., утвердительный отвѣтъ. Какъ видно изъ этого дѣла, обвинявшійся въ похищеніи денежнаго пакета коллежскій регистраторъ П—въ послѣ похищенія скрылся съ паспортомъ аптекарскаго ученика Т—ча, проживавшаго въ г. Малоархангельскѣ. Между тѣмъ, въ то время, какъ самъ Т—чъ никуда изъ Малоархангельска не выѣзжалъ,—на его имя, но съ адресомъ въ Москву, было подано въ Малоархангельскѣ письмо. По полученіи объ этомъ свѣдѣнія, судебный слѣдователь, находя вполнѣ вѣроятнымъ, что означенное письмо въ дѣйствительности предназначено П—ву, представилъ въ окружный судъ о выемкѣ, которая и разрѣшена судомъ опредѣленіемъ отъ 16 августа 1889 года.

Изъ вышеизложенныхъ по вопросамъ 3 и 4-му соображеній вытекаетъ, что редакція 368¹ ст. Уст. угол. суд. по отношенію къ опредѣленію предмета выемки—„корреспонденціи, отправленной отъ имени или присланной на имя“—неудовлетворительна. Обращаясь опять къ § 99 германскаго устава, оказывается, что имъ употреблена въ этомъ случаѣ такая редакція, которой слѣдуетъ отчасти и наша практика. Именно германскій уставъ говоритъ: допускается выемка писемъ и проч., *въ отношеніи которыхъ имѣются факты, изъ коихъ можно заключить, что они (письма) идутъ отъ обвиняемаго или назначены для него.*

V. *Подъ лицомъ, противъ коего возбуждено уголовное преслѣдованіе, слѣдуетъ ли разумѣть лицо, привлеченное формально (по постановленію) въ качествѣ обвиняемаго, или и другихъ лицъ, напримѣръ участниковъ преступленія, не подлежащихъ по какимъ-либо законнымъ причинамъ отвѣтственности?*

Утвердительный отвѣтъ въ первомъ смыслѣ, т. е. что выемкѣ въ порядкѣ 368¹ ст. Уст. угол. суд. подлежитъ корреспонденція обвиняемаго, формально привлеченнаго, даетъ рѣш. Общаго Собранія Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената 1881 года № 10. Сенатъ, по поводу распоряженія Рыбинскаго окружнаго суда, разрѣшившаго выемку корреспонденціи такихъ лицъ, которыя хотя и были участниками преступленія, но по легальнымъ причинамъ не могли быть привлечены въ качествѣ обвиняемыхъ, именно корреспонденціи сына, знавшаго, но не донесшаго о кражѣ, совершенной отцомъ, высказалъ, что 368¹ ст. Уст. угол. суд. имѣетъ въ виду такое лицо, противъ коего возбуждено уголовное преслѣдованіе, а потому мнѣніе Рыбинскаго окружнаго суда является распространительнымъ и произвольнымъ толкованіемъ означеннаго (368¹ ст. Уст. угол. суд.) закона. Но приведенное рѣшеніе касается только порядка, означеннаго въ 368¹ ст. Уст. угол. суд.; между тѣмъ еще до послѣдняго (въ 1878 г.) изданія 368 ст. Уст. угол. суд. состоялось въ 1868 г., 24 февраля, Высочайшее повелѣніе о выемкѣ, въ случаѣ особой важности, частной корреспонденціи, вообще, безотносительно къ тому, принадлежитъ ли она обвиняемымъ или другимъ лицамъ, съ тѣмъ, чтобы выемка эта производилась, каждый разъ, по особому соглашенію между Министрами Юстиціи и Почтъ и Телеграфовъ [1]). Подъ

[1]) Высочайшее повелѣніе 24 февраля 1868 г. приведено въ слѣдующемъ циркулярѣ Министра Юстиціи 25-го марта 1868 г.: „По всеподданнѣйшему докладу Министромъ Почтъ и Телеграфовъ о порядкѣ сообщенія судебнымъ мѣстамъ, изъ книгъ и дѣлъ почтовыхъ и телеграфныхъ учрежденій, свѣдѣній о частной корреспонденціи, Его Императорское Величество въ виду дѣйствительной невозможности допустить обнаруженіе частной корреспонденціи безъ явнаго нарушенія общественнаго довѣрія къ почтамту и телеграфу, въ подрывъ основной цѣли сихъ учрежденій, въ 24 день февраля 1868 г. Высочайше повелѣть соизволилъ: ограничиться сообщеніемъ судебнымъ мѣстамъ сказанныхъ свѣдѣній только въ случаяхъ особенной важности и не иначе, какъ по взаимному каждый разъ соглашенію между Министрами Юстиціи и Почтъ и Телеграфовъ, при чемъ судебныя мѣста должны быть обязаны обращаться съ представленіями о доставленіи имъ свѣдѣ-

случаями же особой важности разумѣются такіе, какъ разъяснено въ циркулярѣ Министра Юстиціи 22 ноября 1867 г. сб. № 97, когда недоставленіе корреспонденціи, при недостаточности иныхъ уликъ, могло бы имѣть послѣдствіемъ безнаказанность даннаго преступнаго дѣянія. По поводу выемки корреспонденціи подозрѣваемыхъ—несомнѣнно, что по духу всего Устава уголовнаго судопроизводства всѣ стѣснительныя мѣры, къ числу которыхъ относится и выемка корреспонденціи, могутъ быть предприняты только противъ обвиняемаго, привлеченнаго къ дѣлу по особому постановленію судебнаго слѣдователя.

VI. *Подлежитъ ли выемкѣ корреспонденція отъ имени или на имя обвиняемаго, на имя или отъ имени такихъ лицъ, которыя имѣютъ право вовсе отказаться отъ свидѣтельства?*

Вопросъ этотъ, казалось бы, вовсе и не вытекаетъ изъ буквальнаго содержанія 368[1] ст. Уст. угол. суд., и поэтому въ нашей судебной практикѣ никакихъ недоразумѣній въ этомъ отношеніи не существуетъ. Каждый судебный слѣдователь, въ случаѣ надобности, нисколько не задумываясь, представитъ окружному суду о выемкѣ корреспонденціи отъ обвиняемаго мужа къ женѣ, или наоборотъ отъ послѣдней къ мужу, основываясь на выраженіи закона—„корреспонденціи, отправленной отъ имени или присланной на имя лица, противъ коего возбуждено уголовное преслѣдованіе“, каковое выраженіе и понимается судебною практикою въ самомъ обширномъ смыслѣ, т. е. считается, что каждое письмо или телеграмма частнаго лица, непривлеченнаго въ качествѣ обвиняемаго, подлежитъ выемкѣ, разъ они адресованы обвиняемому или имъ отправлены.

Такое толкованіе закона тѣмъ не менѣе неправильно, если смотрѣть съ точки зрѣнія основнаго начала уголовнаго процесса—устности. Законъ въ 625 ст. Уст. угол. суд.

ній о частной почтовой и телеграфной корреспонденціи непосредственно въ Министерство Юстиціи, и чтобы затѣмъ, въ подлежащихъ случаяхъ, свѣдѣнія эти доставлялись судебнымъ мѣстамъ чрезъ то же Министерство“.

точно указываетъ, что судебное слѣдствіе производится изустно, и изъ сего правила допускаетъ только нѣкоторыя изъятія, указанныя въ ст. 626—627; хотя это правило относится къ слѣдствію судебному, но, такъ какъ предварительное составляетъ лишь подготовку перваго, то и оно находится въ тѣхъ же условіяхъ, т. е. должно собирать доказательства по преимуществу изустныя. Поэтому, письма и телеграммы, отобранныя при предварительномъ слѣдствіи путемъ выемки, получаютъ значеніе судебнаго доказательства лишь тогда, когда въ подтвержденіе дѣйствительности ихъ были спрошены тѣ лица, отъ которыхъ эти письма и телеграммы исходили, и разъ эти лица не спрошены—означенные документы теряютъ свое значеніе. Изъ этого слѣдуетъ, что письма и телеграммы такихъ лицъ, которыя на предварительномъ и судебномъ слѣдствіи показаній не даютъ, или могутъ не дать, напримѣръ отъ жены къ мужу, отъ сына къ отцу и т. п., не могутъ быть принимаемы въ значеніе доказательствъ по дѣлу, а слѣдовательно и выемка ихъ безполезна. Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи въ редакціи 368[1] ст. Уст. угол. суд., повидимому, оказывается недосмотръ, который слѣдовало бы исправить включеніемъ правила, подобнаго тому, которое изложено въ § 97 германскаго устава уголовнаго судопроизводства: „Письменныя сообщенія между обвиняемыми и тѣми лицами, которыя по своимъ отношеніямъ къ нему, на основаніи §§ 51 и 52 [1]), имѣютъ право на отказъ отъ свидѣтельства, не подлежатъ выемкѣ, если они находятся въ рукахъ послѣднихъ и эти лица не подозрѣваются въ участіи или укрывательствѣ“. Однако мы не выдаемъ изложенный взглядъ за безусловно вѣрный. Можетъ быть, законодатель, по отношенію къ корреспонденціи, придаетъ этому роду доказательствъ самостоятельное значеніе, т. е. считаетъ ихъ доказательствами само по себѣ подобно нѣкоторымъ актамъ крѣпостнымъ, нотаріальнымъ, протоколамъ

---

[1]) §§ 51 и 52 даютъ право отказа отъ свидѣтельства женихамъ и невѣстамъ, супругамъ, близкимъ родственникамъ, духовнымъ отцамъ, защитникамъ, адвокатамъ и врачамъ.

лѣсничихъ и т. п. Можетъ быть, повторяемъ, тѣмъ болѣе, что и германскій уставъ, какъ видно изъ вышеприведеннаго § 97, изъемлетъ отъ выемки корреспонденціи лицъ, имѣющихъ право на отказъ отъ свидѣтельства, лишь въ томъ случаѣ, если она въ рукахъ названныхъ лицъ, и нигдѣ не распространяетъ этого исключенія на корреспонденцію, находящуюся еще на почтѣ или телеграфѣ.

VII. *Можетъ ли сообщать о задержаніи почтовой или телеграфной корреспонденціи какое-либо другое должностное лицо, кромѣ судебнаго слѣдователя?*

Въ практикѣ бывали случаи, что съ такимъ требованіемъ обращались лица прокурорскаго надзора или непосредственно въ почтово-телеграфное вѣдомство, или же къ окружному суду. По поводу перваго пріема циркуляромъ Министра Юстиціи отъ 31 мая 1879 г. № 45 сб. было разъяснено, что прокурорскій надзоръ не имѣетъ права непосредственно обращаться съ подобными требованіями въ почтово-телеграфное вѣдомство. Что касается до обращенія прокуратуры къ суду по тому же предмету, то никакихъ сенатскихъ или министерскихъ разъясненій не имѣется, неотложная же необходимость въ томъ можетъ случиться. Такъ, въ 1887 г. у судебнаго слѣдователя 1-го участка Брянскаго уѣзда производилось слѣдствіе по обвиненію титулярнаго совѣтника К—го въ поджогѣ съ цѣлью полученія страховой преміи. По этому дѣлу, 19-го ноября 1887 г. за № 1020, судебный слѣдователь вошелъ въ судъ съ представленіемъ объ истребованіи къ дѣлу телеграфной корреспонденціи, указанной въ особомъ постановленіи. Изъ этого постановленія видно, что представлялась надобность имѣть въ виду телеграммы, которыя были получены обвиняемымъ и его женою отъ нѣкоей Потоцкой 16 и 22 октября, 24 и 26 ноября 1887 г. Для разрѣшенія этого представленія назначено было распорядительное засѣданіе на 30 ноября, а до засѣданія, 26 ноября 1887 г., наблюдавшій за слѣдствіемъ по д. К—го товарищъ прокурора вошелъ въ окружный судъ съ предложеніемъ о разрѣшеніи выемки еще трехъ телеграммъ отъ 24 и 25 октября, мотивируя, что выемка этихъ телеграммъ имѣетъ существенное для дѣла значеніе и что судебный слѣдователь за выѣздомъ въ другой уѣздъ по дѣламъ службы не можетъ войти въ судъ съ дополнительнымъ представленіемъ къ 30 ноября 1887 г.—дню слушанія въ судѣ его перваго представленія. Окружный судъ опредѣленіемъ отъ 30-го ноября разрѣшилъ выемку какъ телеграфной корреспонденціи, о которой заявлялъ слѣдователь, такъ и той, о которой было заявлено товарищемъ прокурора; впослѣдствіи дѣло по кассаціонному протесту разсматривалось въ Сенатѣ, и послѣдній никакой неправильности въ производствѣ его не усмотрѣлъ.

Можно представить себѣ также случай выемки корреспонденціи при полицейскомъ дознаніи. По этому поводу имѣется только постановленіе 1035[7] ст. Уст. угол. суд., въ силу котораго по дѣламъ *о государственныхъ преступленіяхъ* лица жандармской полиціи имѣютъ право выемки и обыска корреспонденціи, но не иначе, какъ съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ; для другихъ же дѣлъ и для чиновъ общей полиціи подобнаго правила въ законѣ не имѣется.

Могущіе еще возбуждаться вопросы—имѣютъ ли право на выемку начальство обвиняемаго по должностнымъ проступкамъ, уѣздные члены суда, мировые, городскіе судьи и земскіе начальники, должны быть разрѣшены отрицательно въ виду отсутствія прямаго указанія закона на эти случаи. Изъ изложенныхъ по этому 6-му вопросу объясненій слѣдуетъ, что выраженіе „судебный слѣдователь сообщаетъ“ неудовлетворительно, такъ какъ не отвѣчаетъ потребностямъ дѣйствительной жизни, нуждамъ судебной практики. Мы приводили случай изъ послѣдней по дѣлу К—скаго, когда иниціативу возбужденія вопроса о выемкѣ взялъ на себя въ виду отсутствія слѣдователя прокуроръ. Затѣмъ надобность въ выемкѣ можетъ встрѣтиться не только при слѣдствіи, но и при дознаніи, что̀ и подтверждается вышеуказанною ст. 1035[7] Уст. угол. суд., и кромѣ того такая же надобность можетъ встрѣтиться по дѣламъ, по которымъ слѣдствіе не производится. Странно предполагать, что извѣстный способъ собранія доказательствъ пригоденъ только для одной категоріи дѣлъ, именно для тѣхъ, по которымъ производится предварительное слѣдствіе, и недо-

пустимъ для другихъ. Между тѣмъ, редакція 368[1] ст. въ этомъ отношеніи такова, что только слѣдователь имѣетъ право возбужденія вопроса о выемкѣ и никакое другое должностное лицо, за исключеніемъ, указаннымъ въ 1035[7] ст. Уст. угол. суд. Истинное же значеніе правила по этому предмету должно состоять не въ опредѣленіи того, какое должностное лицо, участвующее въ уголовномъ пре слѣдованіи, можетъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, а въ томъ, кѣмъ эта мѣра разрѣшается; разрѣшеніе же это должно зависѣть отъ суда, какъ органа, уполномоченнаго санкціонировать нѣкоторыя важнѣйшія слѣдственныя мѣры. Такъ въ сущности смотритъ и самъ законъ—368[1] ст. Уст. угол. суд., такъ какъ, согласно 1 и 3 ч. его, выемка разрѣшается окружнымъ судомъ, а слѣдователь только испрашиваетъ разрѣшеніе послѣдняго. Поэтому казалось бы удобнымъ выраженіе *судебный слѣдователь сообщаетъ* замѣнить слѣдующимъ: „должностное лицо, встрѣчающее надобность въ выемкѣ корреспонденціи, сообщаетъ“..... Слѣдуетъ замѣтить, что подобной же редакціи держится въ этомъ отношеніи и германскій уставъ, который въ § 100 говоритъ: „на выемку уполномоченъ только судья; при опасности же отъ медленности и когда слѣдствіе идетъ не о нарушеніи—также и прокуратура“.

VIII. *Какое почтовое или телеграфное учрежденіе слѣдуетъ считать подлежащимъ?*

Вопросъ въ томъ, долженъ ли слѣдователь сообщать низшимъ учрежденіямъ—почтово-телеграфнымъ конторамъ или губернскимъ и окружнымъ начальствамъ? Изъ 3 ч. 368[1] ст. Уст. угол. суд. видно, что окружный судъ по постановленіи опредѣленія о разрѣшеніи или неразрѣшеніи выемки сообщаетъ губернскому почтовому или телеграфному начальству, для постановленія въ извѣстность подлежащихъ почтовыхъ или телеграфныхъ учрежденій, а потому нужно признать, что слѣдователь долженъ сообщать низшимъ почтовымъ или телеграфнымъ учрежденіямъ. Употребленное въ законѣ 368[1] ст. обозначеніе учрежденій, которымъ судебный слѣдователь сообщаетъ о выемкѣ, *почтовому или телеграфному*, не точно, такъ какъ, въ настоящее время, существовавшія прежде два вѣдомства—почтовое и телеграфное—слиты въ одно—

почтово-телеграфное. Затѣмъ, какъ указываетъ практика, не одно только почтово-телеграфное вѣдомство завѣдуетъ корреспонденціей, а иногда и другія вѣдомства, напр. желѣзнодорожное по отношенію къ телеграфной и простой корреспонденціи, получаемой на желѣзно-дорожныхъ станціяхъ. По поводу правила закона о сообщеніи судебными слѣдователями почтово-телеграфнымъ учрежденіямъ о выемкѣ слѣдуетъ еще замѣтить, что это совершенно безцѣльная мѣра, ведущая только къ излишней перепискѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если, какъ было выше сказано, окружный судъ сообщаетъ почтово-телеграфнымъ начальствамъ свое опредѣленіе о разрѣшеніи или неразрѣшеніи выемки, изъ чего слѣдуетъ, что только по полученіи такого опредѣленія почтово-телеграфное вѣдомство можетъ распорядиться о задержаніи корреспонденціи, то какая надобность этому вѣдомству въ предварительномъ сообщеніи судебнаго слѣдователя?

IX. *Въ чемъ должно состоять представленіе слѣдователя о выемкѣ?*

Изъ вышеприведеннаго циркуляра Министра Юстиціи отъ 25 марта 1868 г. видно, что Министерство, въ виду Высочайшаго повелѣнія отъ 24 февраля того же года, предписало, чтобы ходатайства судебныхъ мѣстъ и судебныхъ слѣдователей о доставленіи свѣдѣній о корреспонденціи были излагаемы въ постановленіяхъ, съ обозначеніемъ въ нихъ основаній, по которымъ таковыя ходатайства по обстоятельствамъ дѣла оказываются необходимыми. Кромѣ того, другимъ циркуляромъ относительно содержанія постановленія окружнаго суда о выемкѣ разъяснено, что оно не должно быть основано на одномъ предположеніи, что состоящія подъ слѣдствіемъ лица могли посылать или получать письма или телеграммы, а должно заключать въ себѣ настолько точныя указанія, чтобы почтово-телеграфное вѣдомство безъ затрудненій могло извлекать необходимыя для удовлетворенія судебной власти свѣдѣнія (цирк. Минист. Юст. 1879 г. сб. № 46). А такъ какъ постановленія окружныхъ судовъ должны быть основаны на постановленіяхъ судебныхъ слѣдователей, то, очевидно, и къ этимъ послѣднимъ относится приведенное выше правило циркуляра

1879 г. № 46, т. е. въ силу приведеннаго соображенія представленіе судебнаго слѣдователя, о которомъ говоритъ 368¹ ст. Уст. угол. суд., должно быть основано на постановленіи, въ которомъ должны быть изложены мотивы предпринимаемой мѣры, и притомъ мотивы серьезнаго свойства, основанныя не на предположеніяхъ, а на положительныхъ свѣдѣніяхъ о томъ, что извѣстная корреспонденція предназначается обвиняемому.

X. *Въ какомъ порядкѣ разсматриваются представленія слѣдователя,—въ распорядительномъ засѣданіи или въ судебномъ?*

Этотъ вопросъ часто возбуждается по дѣламъ предварительнаго производства вслѣдствіе неполноты постановленій по этому предмету Устава. Въ 4 и 151 ст. Учр. суд. уст. выражено, что распорядительныя засѣданія составляются для постановленія опредѣленій по тѣмъ возникающимъ при производствѣ дѣлъ вопросамъ, которые Уставами уголовнаго и гражданскаго судопроизводства предписано разрѣшать именно въ распорядительномъ засѣданіи суда. Между тѣмъ, ни въ 368¹ ст. Уст. угол. суд., ни въ какомъ другомъ мѣстѣ Устава, такого предписанія нѣтъ, а потому и въ виду того, что Сенатъ считаетъ разсмотрѣніе дѣла въ распорядительномъ засѣданіи вмѣсто судебнаго серьезнымъ нарушеніемъ закона, казалось бы, что въ данномъ случаѣ долженъ быть принятъ судебный, а не распорядительный порядокъ. Но въ практикѣ установилось обратное положеніе вещей, и основанія къ этому заключаются въ томъ, что при обсужденіи лишь частнаго вопроса о разрѣшеніи выемки дѣло не рѣшается въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно рѣшается по судебному приговору, стороны не присутствуютъ, обжалованія въ апелляціонномъ или кассаціонномъ порядкѣ нѣтъ, однимъ словомъ нѣтъ ни одного существеннаго признака, свойственнаго разсмотрѣнію судебному. Поэтому, остается признать, что тутъ очевидная недомолвка закона, въ чемъ окончательно убѣждаетъ сравненіе текста 368¹ ст. Уст. угол. суд. съ аналогичными положеніями Устава военно-судебнаго ст. 439—444. Статьи эти составляютъ дословное повтореніе 368¹ ст. Уст. угол. суд., но въ

одной изъ нихъ, именно въ ст. 440 Уст. воен. суд., выражено: „означенныя въ предшествующей статьѣ (439) представленія (военныхъ слѣдователей) разсматриваются военно-окружнымъ судомъ *въ распорядительномъ засѣданіи* внѣ очереди, при чемъ въ постановленіяхъ о разрѣшеніи осмотра или выемки судъ долженъ съ точностію указать основанія, вызывающія необходимость этой мѣры". Сравнивая эту статью съ 2-ю частью 1-го пункта и съ 2-мъ пунктомъ 368¹ ст. Уст. угол. суд., оказывается, что 440 ст. воен.-суд. Устава и есть воспроизведеніе этихъ мѣстъ текста 368¹ ст. Уст. угол. суд., съ добавленіемъ лишь словъ *„въ распорядительномъ засѣданіи"*. А эта прибавка и указываетъ на неполноту въ данномъ отношеніи 368¹ ст. Уст. угол. суд.

XI. *Что значитъ, что судъ разсматриваетъ представленія внѣ очереди?*

Нужно полагать, что такія представленія должны быть разсмотрѣны въ первый присутственный день, подобно жалобамъ на судебныхъ слѣдователей (см. 501 ст. Уст. угол. суд.).

Въ чемъ должны состоять постановленія суда и какія именно основанія должны быть приводимы—см. выше воп. 9.

XII. *Подлежатъ ли опредѣленія окружнаго суда о выемкѣ корреспонденціи обжалованію?*

Вопросъ этотъ прямо не предусмотрѣнъ Уставомъ уголовнаго судопроизводства. Если считать, какъ, казалось бы, и слѣдуетъ, что въ подобныхъ случаяхъ функція суда чисто слѣдственная, а на основаніи 491 ст. Уст. угол. суд. всякое слѣдственное дѣйствіе можетъ быть обжаловано, то нѣтъ препятствій къ обжалованію и въ этихъ случаяхъ. Что касается до того, куда должны быть подаваемы жалобы на окружный судъ, то это разрѣшается указаніями Сената (О. с. 1884 г. № 20 и У. К. Д. 1885 г. № 44), что опредѣленія суда, состоявшіяся по жалобамъ на дѣйствія судебныхъ слѣдователей, въ свою очередь могутъ быть обжалованы судебной палатѣ. По Уставу военно-судебному дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Этотъ уставъ указываетъ въ ст. 521, также какъ и приведенная 491 ст. Уст. угол. суд., что обжалованію подлежитъ всякое слѣдственное дѣйствіе, но статьею 529-ю воен.-суд. Устава при-

дается этому правилу совсѣмъ иное практическое значеніе. Именно, на основаніи этой послѣдней статьи, направляются въ военно-окружный судъ для немедленнаго разрѣшенія только жалобы на медленность слѣдствія, жалобы относительно обезпеченія гражданскаго иска и на лишеніе свободы; жалобы же по остальнымъ поводамъ пріобщаются къ дѣлу и разсматриваются впослѣдствіи при разрѣшеніи его по существу (ст. 530 воен.-суд. Уст.). Изъ этого слѣдуетъ, что и жалобы на опредѣленія военно-окружнаго суда по поводу выемки корреспонденціи никакихъ практическихъ послѣдствій за собою не влекутъ, и такой порядокъ очевидно болѣе цѣлесообразенъ. Срокъ принесенія жалобъ на судебныя опредѣленія по 368¹ ст. Уст. угол. суд. долженъ быть ограниченъ временемъ производства предварительнаго слѣдствія (рѣш. Угол. Кассац. Депар. 1874 г. № 639).

XIII. *Какому именно должностному лицу, или учрежденію, почтово-телеграфнаго вѣдомства долженъ сообщать окружный судъ о выемкѣ?*

Казалось бы, что условія удобства указываютъ, что такимъ лицомъ долженъ быть мѣстный начальникъ почтово-телеграфнаго округа. Такъ и принято было въ судебной практикѣ, но почтово-телеграфное вѣдомство смотритъ на вопросъ нѣсколько иначе. Такъ, по дѣлу Орловскаго окружнаго суда 1887 г. № 116, о К—мъ, обвиняемомъ въ поджогѣ, судъ, опредѣленіемъ отъ 30 ноября 1887 г. разрѣшивъ судебному слѣдователю Брянскаго участка выемку телеграфной корреспонденціи К—скаго, полученной въ г.г. Орлѣ и Москвѣ, постановилъ о разрѣшеніи увѣдомить начальниковъ Орловскаго и Московскаго почтово-телеграфныхъ округовъ. Первый изъ нихъ принялъ для соотвѣтственнаго распоряженія сообщеніе суда; второй же отвѣтилъ, что оно, какъ неподлежаще присланное, передано Московскому почтъ-директору. Изъ этого слѣдуетъ вывести, что сообщенія суда должны быть обращаемы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не къ начальникамъ почтово-телеграфныхъ округовъ, а къ почтъ-директорамъ тѣхъ округовъ, если такіе директоры есть.

Изъ изложеннаго разбора редакціи 368¹ ст. Уст. угол. суд. бросается въ глаза, кромѣ указанныхъ недостатковъ, особенная сложность ея и регламентація, обусловливаемая стремленіемъ законодательства установить компромиссъ съ правилами, существующими въ остальныхъ частяхъ законодательства (ст. 458 Уст. почтов. и 8 ст. Уст. телеграф.) о неприкосновенности тайны частной корреспонденціи. Правила эти имѣютъ, какъ мы видѣли, почтенное историческое значеніе, но передъ интересами общественной безопасности, уголовнаго преслѣдованія, они должны отступить. Между тѣмъ, къ сожалѣнію, въ той поправкѣ къ Уставамъ 20 ноября 1864 года, которая была сдѣлана по этому предмету въ 1878 году изданіемъ 368¹ ст., размѣръ этихъ уступокъ весьма незначителенъ. Въ этомъ случаѣ движеніе нашего законодательства отстало отъ того вызваннаго потребностями дѣйствительной жизни направленія права европейскихъ государствъ, которому болѣе соотвѣтствуютъ относящіяся къ данному предмету положенія 80 и 81 ст. code d'instr. crim., какъ они примѣняются французскою судебною практикою, и постановленія уголовнаго законодательства германской имперіи, составляющаго во многихъ случаяхъ послѣднее слово правоваго прогресса. Поэтому казалось бы, что при пересмотрѣ уголовнаго процессуальнаго законодательства всего цѣлесообразнѣе остановиться на той постановкѣ вопроса, которая была создана составителями Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г. изданіемъ 368 ст. Уст. угол. суд., т. е., проще сказать, полнымъ исключеніемъ 368¹ ст. Устава, вошедшей въ Уставъ въ 1878 году. Легко видѣть, что при такомъ порядкѣ и имѣя въ виду, что въ послѣднихъ изданіяхъ почтоваго и телеграфнаго Уставовъ сдѣлана, какъ было выше замѣчено, надлежащая поправка для согласованія почтовыхъ правилъ съ Уставомъ уголовнаго судопроизводства, примѣненіе на практикѣ преждедѣйствовавшаго относительно корреспонденціи частныхъ лицъ правила 368 ст. изд. 1864 г. встрѣтитъ гораздо менѣе недоразумѣній и будетъ болѣе соотвѣтствовать интересамъ судебнаго дѣла, чѣмъ 368¹ ст. изд. 1878 года. Но, если бы тѣмъ не менѣе при пересмотрѣ этого закона въ принципѣ

была признана его цѣлесообразность, то въ такомъ случаѣ необходимо изложить его редакцію въ болѣе упрощенной формѣ, образцомъ чему могли бы удобнѣе всего послужить положенія по этому предмету германскаго устава уголовнаго судопроизводства. Новая редакція приблизительно могла бы быть такова:

„Если при производствѣ уголовнаго преслѣдованія встрѣтится надобность въ выемкѣ и осмотрѣ адресованныхъ на имя обвиняемаго почтовыхъ писемъ и посылокъ, и телеграммъ, или хотя-бы адресованныхъ и на другое имя, но въ отношеніи которыхъ можно предполагать, что они идутъ отъ обвиняемаго или назначены для него, то о семъ представляется, съ изложеніемъ основаній, указывающихъ на необходимость такой мѣры, въ судъ компетентный на рѣшеніе того дѣла, по которому уголовное преслѣдованіе возбуждено. Судъ разсматриваетъ означенное представленіе въ первый присутственный день и свое опредѣленіе о разрѣшеніи сообщаетъ какъ лицу, вошедшему съ представленіемъ о выемкѣ, такъ и мѣстамъ и лицамъ, въ распоряженіи которыхъ почтовыя письма, посылки и телеграммы находятся, каковыя лица или ихъ уполномоченные присутствуютъ при выемкѣ. Письма, посылки и телеграммы, которыя по выемкѣ и осмотрѣ окажутся не подлежащими задержанію, безотлагательно отправляются по назначенію. Въ случаѣ отказа суда въ разрѣшеніи выемки, домогавшееся ея учрежденіе должно быть увѣдомлено о семъ судомъ немедленно“.

Въ заключеніе, въ подтвержденіе несостоятельности 368[1] ст. Уст. угол. суд., считаю нелишнимъ привести взглядъ практиковъ, судебныхъ слѣдователей и лицъ прокурорскаго надзора. Они рѣшительно недоумѣваютъ, почему законъ, предоставляя слѣдователю право обыска въ домахъ,—при чемъ могутъ обнаружиться самые сокровенные секреты, касающіеся репутаціи не только привлеченныхъ, но иногда и постороннихъ лицъ,—такъ ревниво охраняетъ тайну корреспонденціи. Вѣдь эта тайна, кромѣ слѣдователя, никому не должна быть извѣстна, какъ того требуетъ законъ и судейская присяга. Почему же въ одномъ случаѣ—при обыскѣ—оказывается закономъ полное довѣріе слѣдователю, въ другомъ—при выемкѣ корреспонденціи—напротивъ?

Вообще слѣдователи рѣдко прибѣгаютъ къ выемкѣ въ виду малоуспѣшности этого пріема при тѣхъ условіяхъ, какими онъ обставленъ 368[1] ст. Уст. угол. суд., и одинъ изъ судебныхъ дѣятелей передавалъ намъ интересный примѣръ изъ своей практики, прекрасно иллюстрирующій неудовлетворительность существующихъ правилъ закона о выемкѣ:

Въ одномъ уѣздѣ Воронежской губерніи сгорѣлъ домъ А., застрахованный гораздо выше его дѣйствительной стоимости. Слѣдователю удалось добыть серьезныя улики противъ поджигателя Б., близкаго знакомаго или родственника А.; противъ послѣдняго же, находившагося далеко отъ мѣста поджога, въ Ялтѣ, другихъ уликъ кромѣ того, что поджогъ этотъ доставляетъ ему выгоду въ видѣ страховой преміи, не было. Между тѣмъ, слѣдователь, получивъ отъ одного изъ свидѣтелей по дѣлу, служащаго у Б., свѣдѣнія о томъ, что онъ зачѣмъ-то посылалъ на почту въ городъ, предположилъ, что это имѣло цѣлью увѣдомить телеграммой А. о случившемся. И дѣйствительно, по справкѣ на телеграфѣ оказалось, что отъ Б. была послана въ Ялту телеграмма на имя А., но почтово-телеграфная контора на отрѣзъ отказала сообщить слѣдователю содержаніе этой телеграммы. Тогда слѣдователь прибѣгъ къ процедурѣ, требуемой 368[1] ст. Уст. угол. суд. Но покуда шла переписка съ окружнымъ судомъ—прошло болѣе мѣсяца, и когда выемка была судомъ разрѣшена, то въ мѣстной почтовой конторѣ ленты отъ подлежащей выемкѣ телеграммы не оказалось, такъ какъ ленты эти на основаніи почтово-телеграфныхъ правилъ по истеченіи мѣсяца отсылаются провинціальными почтово-телеграфными учрежденіями въ центральное въ Петербургъ. Обращеніе туда опять потребовало довольно много времени и наконецъ, когда лента была получена, то оказалась телеграмма слѣдующей редакціи—„удалось пришлите денегъ“. По дальнѣйшимъ справкамъ дознано, что на эту телеграмму въ то время, когда лента находилась еще въ мѣстной почтовой конторѣ, послѣдовало письмо съ 500 руб. денегъ, которое, если бы не ушло время, могло бы быть въ свою очередь подвергнуто выемкѣ и могло бы доставить весьма важную улику противъ А., благодаря отсутствію которой А., будучи душой дѣла и воспользовавшись всѣми выгодами, остался не привлеченнымъ, а пострадалъ одинъ Б.

ДЕЛИКТЫ И ДОГОВОРЫ

(А. Гусаковъ. Деликты и договоры. Москва. 1896).

Ю. С. Гамбарова.

Мы имѣемъ предъ собою серьёзное изслѣдованіе, задача котораго опредѣлена его авторомъ слѣдующимъ образомъ: „разъяснить процессъ образованія обязательственнаго права на почвѣ отношеній, возникающихъ изъ деликтовъ, показать и доказать, что исторія обязательственнаго права не совпадаетъ съ исторіей обязательственнаго договора, что первая начинается много раньше, нежели вторая“ (предисловіе). Хотя эта задача поставлена, какъ-будто, общо, т. е. не ограничена изслѣдованіемъ какого-нибудь спеціальнаго положительнаго права, но самъ г. Гусаковъ во многихъ мѣстахъ своей книги (напр., стр. 7) съуживаетъ ея задачу изученіемъ источниковъ обязательственнаго права по одному только древне-римскому законодательству 12 таблицъ. Матеріалами сравнительной исторіи права онъ пользуется, при этомъ, только въ формѣ вспомогательнаго пріема изслѣдованія, а положенія 12 таблицъ, говорящія о деликтахъ и договорахъ, ставятся имъ постоянно въ генетическую связь какъ съ предшествующими этому памятнику, такъ и съ послѣдующими за нимъ положеніями права, касающимися того же предмета. Значитъ, сочиненіе г. Гусакова носитъ характеръ историческаго изслѣдованія объ источникахъ обязательствъ въ древне-римскомъ

правѣ, несмотря на то, что чисто-историческій характеръ изслѣдованія видоизмѣняется, къ большой выгодѣ для него, отчасти привлеченіемъ къ работѣ матеріаловъ сравнительнаго правовѣдѣнія, отчасти же—догматической разработкой отдѣльныхъ институтовъ, получающихъ вслѣдствіе этого такую опредѣленность и выпуклость, какихъ нельзя было бы никогда достигнуть при пользованіи однимъ историческимъ методомъ. Подобное сочетаніе историческаго, историко-сравнительнаго и догматическаго методовъ, когда изслѣдователь не выходитъ изъ границъ научнаго примѣненія средствъ каждаго изъ этихъ методовъ, имѣетъ особенную цѣну при разработкѣ такихъ темъ, какова избранная нашимъ авторомъ тема.

Вопросъ о происхожденіи обязательствъ въ древне-римскомъ и въ другихъ системахъ права, преимущественно, германскаго типа, принадлежитъ до сихъ поръ къ числу спорныхъ вопросовъ исторіи гражданскаго права и вызвалъ уже не одну попытку къ его разрѣшенію. Но, къ сожалѣнію, всѣ эти попытки предпринимались не въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, а въ учебникахъ или въ связи съ другими вопросами, которые препятствовали сосредоточенію изслѣдованія на исторіи развитія примитивныхъ формъ обязательственнаго права. Кромѣ того, предшественники нашего автора сами закрывали себѣ путь къ вполнѣ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, связанныхъ съ исторіей развитія обязательственнаго права, или односторонностью избираемой ими точки зрѣнія, или сознательнымъ ограниченіемъ, или чрезмѣрнымъ расширеніемъ предстоящаго имъ поля изслѣдованія. Одни изъ нихъ оперировали исключительно произвольными догматическими конструкціями; другіе съуживали намѣренно область изслѣдованія отрывочными данными изъ исторіи права одного какого-нибудь народа, отказываясь отъ дополненія представляющихся при этомъ пробѣловъ какими бы то ни было аналогіями; третьи, наконецъ, смѣшивали различныя положенія права, встрѣчающіяся у различныхъ народовъ и въ различныя эпохи, не разбирая ихъ историческихъ корней. Г. Гусаковъ старается избѣжать крайностей всѣхъ этихъ направленій и взять у каждаго изъ нихъ то, что

въ немъ законно и можетъ быть оправдано требованіями современной методологіи. Въ результатѣ получилась, съ внѣшней стороны, прекрасно распланированная книга, написанная не только правильнымъ и яснымъ, но, мы сказали бы, и прекраснымъ языкомъ, если бы авторъ не грѣшилъ мѣстами излишнимъ пристрастіемъ къ иностраннымъ словамъ. Съ внутренней стороны, мы получили предпринятое, сколько намъ извѣстно, въ первый разъ—систематическое, несравненно болѣе доказательное у нашего автора, чѣмъ у его предшественниковъ, и гораздо разностороннѣе освѣщенное—изложеніе источниковъ древне-римскаго обязательственнаго права въ ихъ соотношеніи какъ между собою, такъ и съ остальнымъ общественно-юридическимъ строемъ древняго Рима.

Отсюда не слѣдуетъ, конечно, того, чтобы всѣ части изслѣдованія нашего автора отличались одинаковыми достоинствами и чтобы всѣ защищаемыя имъ положенія были поставлены внѣ спора. Книга г. Гусакова, какъ и всякая другая, несвободна и отъ недостатковъ, которые, можетъ быть, незначительны сравнительно съ ея достоинствами, но требуютъ, тѣмъ не менѣе, указанія. Мы отмѣтимъ эти недостатки, насколько они замѣчены нами, при изложеніи содержанія книги, при чемъ остановимся внимательнѣе на ея второй части, посвященной спеціально изложенію источниковъ обязательственнаго права въ древнемъ Римѣ, а первую часть, относящуюся болѣе къ исторіи литературы, чѣмъ къ спеціально-юридическому изслѣдованію этихъ источниковъ,—обозримъ бѣгло.

I.

Сочиненіе г. Гусакова открывается краткимъ введеніемъ, первый параграфъ котораго посвященъ общей характеристикѣ законодательнаго памятника децемвировъ,—выполненной очень удачно, благодаря сжатости изложенія и умѣнью автора обобщать въ немногихъ словахъ все то, о чемъ другіе и, особенно, нѣмецкіе авторы трактуютъ съ безконечнымъ многословіемъ. Указавъ на преувеличенность какъ того воззрѣнія, которое видитъ въ законодательствѣ 12 таблицъ простое заимствованіе чужаго права, такъ и другаго, отрицающаго всякое вліяніе на него права другихъ народовъ, авторъ считаетъ это законодательство, если и не начальнымъ пунктомъ развитія римскаго права, то, во всякомъ случаѣ, недалеко отстоящимъ отъ него продуктомъ римскаго генія, суммировавшаго въ этомъ памятникѣ предшествующее развитіе и сохранившаго въ немъ много слѣдовъ первобытной системы самоуправства, таліоновъ, композицій и началъ семейно-родоваго быта. Въ двухъ слѣдующихъ параграфахъ введенія дается очеркъ общественнаго строя древняго Рима въ эпоху составленія 12 таблицъ и отмѣчаются слѣдующія выпуклыя черты этого строя: переходное состояніе между натуральнымъ и денежнымъ хозяйствомъ, преобладаніе въ составѣ имущества и неравномѣрное распредѣленіе земли, незначительность торговаго оборота и быстрое возрастаніе частныхъ долговъ. Уже отсюда, не производя еще никакого изслѣдованія надъ юридическимъ строемъ древняго Рима и не прибѣгая ни къ какимъ посредствующимъ звеньямъ для своихъ умозаключеній, авторъ находитъ возможнымъ вывести основныя для всего своего сочиненія положенія. Эти положенія таковы: господство договоровъ манципаціи и нехит въ древне-римскомъ правѣ, отсутствіе въ немъ „иныхъ сдѣлокъ, кромѣ тѣхъ, которыя создаютъ права, подлежащія немедленной реализаціи“, и заполненіе почти всей области обязательственнаго права не тѣми обязательствами, „которыя устанавливаются добровольно, посредствомъ договоровъ“, а тѣми, „которыя возникаютъ независимо отъ взаимныхъ соглашеній, т. е. изъ деликтовъ“. Послѣднимъ положеніемъ обязательства изъ деликтовъ противополагаются обязательствамъ изъ договоровъ такъ, какъ если бы противоположеніе тѣхъ и другихъ имѣло вполнѣ исчерпывающее значеніе и не оставляло мѣста никакимъ инымъ обязательствамъ,—какъ, напр., обязательствамъ, основаннымъ непосредственно на законѣ. Затѣмъ, всѣ выписанныя выше заключенія изъ общественныхъ учрежденій древняго Рима страдаютъ слѣдующимъ существеннымъ порокомъ: они не вытекаютъ изъ предшествующаго изложенія, которое могло бы, въ лучшемъ случаѣ, служить для нихъ иллюстраціей, но вовсе не доказательствомъ. Это

сознается, кажется, и самимъ авторомъ, такъ какъ въ концѣ своего введенія онъ говоритъ, что приведенные имъ культурно-историческіе факты только не противорѣчатъ выводамъ, которые будутъ отчасти подтверждены фактами юридическими, отчасти же—представятъ для послѣднихъ наиболѣе удовлетворительное объясненіе. Если это вѣрно, въ чемъ мы нимало не перечимъ автору, то его ошибка состоитъ въ томъ, что онъ начинаетъ утвержденіе своихъ выводовъ на фактахъ, которые пригодны только для ихъ иллюстраціи, а не доказательства. Правильнѣе было бы, конечно, поставить эти выводы съ самаго же начала въ связь съ тѣми именно фактами, изъ которыхъ они непосредственно вытекаютъ, и потомъ уже, для освѣщенія полученныхъ такимъ образомъ выводовъ, воспользоваться и фактами соціальной жизни древняго Рима, которыхъ у насъ, къ сожалѣнію, слишкомъ недостаточно для того, чтобы на нихъ только строить заключенія объ общемъ состояніи права и тѣхъ или другихъ институтовъ его.

Первая глава сочиненія нашего автора составляетъ, какъ-бы, продолженіе введенія, такъ какъ она занята вопросомъ, имѣющимъ преюдиціальное значеніе для всего изслѣдованія. Вопросъ этотъ изложенъ въ видѣ разбора мнѣнія тѣхъ, вовсе не малочисленныхъ въ юридической литературѣ и не лишенныхъ авторитета писателей, которые отвергаютъ возможность какихъ бы то ни было обязательствъ въ условіяхъ жизни Рима того времени, къ которому относится законодательство децемвировъ. Цѣлымъ рядомъ доказательствъ, заимствованныхъ изъ источниковъ, и строгимъ анализомъ извѣстныхъ формъ древнеримскаго процесса—авторъ удается вполнѣ разрушить это воззрѣніе и установить такую древность обязательственныхъ исковъ въ римскомъ правѣ, которая, во всякомъ случаѣ, восходитъ къ 12 таблицамъ, если и уступаетъ древности вещныхъ исковъ. Этой послѣдней оговорки нашъ авторъ, впрочемъ, не дѣлаетъ, считая, съ одной стороны, не научнымъ утвержденіе историческаго пріоритета одного института предъ другимъ на основаніи бо̀льшей или меньшей отвлеченности сравниваемыхъ институтовъ, и думая, съ другой стороны, что различіе между вещнымъ и обязательственнымъ правомъ такъ

естественно и необходимо, что оно всегда существуетъ и этимъ исключаетъ всякій споръ о пріоритетѣ. „Если правильно“, говоритъ авторъ, „что это различіе вытекаетъ изъ самаго существа юридическихъ отношеній, то само собою разумѣется, что безъ него не можетъ обойтись никакое право, какъ никакой языкъ не можетъ обойтись безъ различія субъекта и предиката“. Эти положенія опять не доказываются г. Гусаковымъ и должны быть отнесены на счетъ тѣхъ же предвзятыхъ идей и закоренѣлыхъ привычекъ къ прилаживанію отдаленнаго прошлаго на современныя намъ понятія, въ чемъ онъ самъ, ссылаясь на процессъ историческихъ измѣненій юридическихъ понятій, обвиняетъ съ полнымъ успѣхомъ представителей того воззрѣнія, которое отрицаетъ въ эпоху 12 таблицъ существованіе обязательственнаго права. Спѣшимъ, однако, замѣтить, что большая разница между нашимъ авторомъ и тѣми писателями, противъ которыхъ онъ ополчается,—въ ихъ отношеніи къ апріорнымъ идеямъ,—состоитъ въ томъ, что у послѣднихъ онѣ составляютъ основаніе и сознательный пріемъ изслѣдованія, если и не отрицающій, то далеко не вполнѣ соображающій факты исторической жизни. У нашего же автора апріорныя идеи выступаютъ только изрѣдка, спорадически, въ видѣ, какъ-бы, безсознательныхъ пережитковъ, и не служатъ никогда ни основаніемъ для изслѣдованія, ни препятствіемъ для исторической точки зрѣнія, которая остается всегда преобладающей. Такъ, напр., и въ указываемомъ нами мѣстѣ книги г. Гусакова утвержденіе о какой-то, какъ-бы, врожденности праву различія между вещными и обязательственными правами и исками занимаетъ всего нѣсколько строкъ и не оказываетъ вліянія на дальнѣйшую аргументацію, основанную совсѣмъ не на выводахъ, извлеченныхъ изъ этого утвержденія, а на чисто-историческихъ данныхъ и дѣлаемыхъ изъ нихъ заключеніяхъ.

Во 2-ой главѣ г. Гусаковъ даетъ намъ опять чрезвычайно краткій, но исчерпывающій всѣ важнѣйшія теченія, какъ въ романистической, такъ и въ германистической литературѣ—очеркъ формальныхъ и реальныхъ договоровъ въ ихъ историческомъ соотношеніи между собою и въ основаніи ихъ

обязательнаго дѣйствія. Критика этихъ теорій и, особенно, теоріи первоначальнаго господства и пріоритета формальнаго договора надъ всѣми другими источниками обязательствъ исполнена очень тонко и не оставляла бы желать ничего, если бы результатъ этой критики не выходилъ, можетъ быть, и помимо желанія самого автора, чисто-отрицательнымъ. Не соглашаясь безусловно съ господствующимъ и до сихъ поръ въ литературѣ римскаго права взглядомъ на формальный договоръ, какъ на первоначальный источникъ обязательственнаго права, и достаточно мотивируя свое несогласіе съ этимъ взглядомъ, нашъ авторъ не высказывается такъ же опредѣленно относительно пріоритета реальныхъ договоровъ въ исторіи развитія договорнаго права. Онъ находитъ возможнымъ, въ примѣненіи, по крайней мѣрѣ, къ исторіи римскихъ договоровъ, оставить вопросъ о пріоритетѣ однихъ видовъ ихъ надъ другими безъ вниманія и предложить для характеристики первоначальнаго римскаго договора особую точку зрѣнія. Эта точка зрѣнія состоитъ въ признаніи дѣленія договоровъ на формальные и реальные—школьной схемой, не только не имѣющей существеннаго значенія для пониманія обязательственнаго права, но и способной оказать прямой вредъ при примѣненіи ея къ явленіямъ ранней культуры, незнакомой ни съ тѣми, ни съ другими договорами.

Поэтому древнѣйшій изъ римскихъ обязательственныхъ договоровъ, которымъ признается всѣми pactum, долженъ, по мнѣнію автора, характеризоваться не тѣмъ, что онъ есть формальный или реальный договоръ,—онъ не представляетъ собою ни того, ни другаго, ни соединенія признаковъ того и другаго,—а тѣмъ только, что онъ есть обязательственный договоръ. Такимъ образомъ, получается слѣдующая характеристика древнѣйшаго обязательственнаго договора въ Римѣ: древнѣйшій обязательственный договоръ римскаго права есть обязательственный договоръ.

Тавтологія этой характеристики такъ очевидна, что ея не могъ, конечно, не почувствовать и нашъ авторъ, несмотря на то, что онъ считаетъ квалификацію обязательственнаго договора „совершенно достаточной для опредѣленія настоящаго значенія и назначенія pactum“. Это не останавливаетъ его, однако, отъ дальнѣйшей квалификаціи договора и отъ указанія въ немъ сначала признаковъ реальнаго, а въ позднѣйшую эпоху—признаковъ и формальнаго договора. Правда, что, въ общемъ, авторъ не признаетъ pactum ни тѣмъ, ни другимъ изъ этихъ договоровъ, но, отрицая въ немъ свойства формальнаго договора, онъ исходитъ изъ позднѣйшаго представленія, формулированнаго еще Савиньи въ смыслѣ признанія рѣшающаго значенія въ формальномъ договорѣ за формой, „согласимой съ самымъ разнообразнымъ содержаніемъ и сообщающей исковое свойство самымъ произвольнымъ соглашеніямъ контрагентовъ“. Между тѣмъ, съ формой pactum согласимо не всякое, а только такое содержаніе, „которое само собою вытекаетъ изъ совокупности дѣйствій договаривающихся сторонъ“, т. е. содержаніе одного договора займа. На этомъ г. Гусаковъ и основываетъ отрицаніе въ pactum качествъ формальнаго договора, забывая, что этотъ послѣдній характеризуется, прежде всего,—и только эта характеристика соотвѣтствуетъ древнему праву,—формой, составляющей элементъ сдѣлки и обусловливающей ея дѣйствительность. Согласимость этой формы со всякимъ содержаніемъ сдѣлки есть второстепенный и привзошедшій лишь впослѣдствіи моментъ формальнаго договора. Поэтому мы не можемъ не признавать въ договорѣ pactum, безусловно требовавшемъ извѣстной формы для своей дѣйствительности, качествъ формальнаго договора—на основаніи признака, выработаннаго позднѣйшей юриспруденціей по отношенію къ стипуляціи и уже вслѣдствіе этого неспособнаго вліять опредѣляющимъ образомъ на предшествовавшія стипуляціи формы договорнаго права. Мы не отрицаемъ, что pactum не былъ *только* формальнымъ договоромъ въ древнѣйшемъ римскомъ правѣ, предшествовавшемъ законодательству 12 таблицъ. Но мы указываемъ, въ то же время, на то, что онъ не былъ таковымъ не потому, чтобы съ нимъ нельзя было согласить всякое содержаніе права, а потому, что обязательная сила его основывалась, какъ говоритъ объ этомъ и нашъ авторъ, „на цѣломъ рядѣ манипуляцій, точно воспроизводящихъ содержа-

ніе юридическаго отношенія", состоящаго въ выдаваемомъ одной стороной другой займѣ. Это были элементы реальнаго договора, которые также напрасно отвергаются нашимъ авторомъ, ссылающимся на то, что для заключенія договора nexum было недостаточно простой передачи объекта обязательства, а требовалось еще соблюденіе извѣстнаго торжественнаго церемоніала. Но весь этотъ церемоніалъ, по признанію самого автора, служилъ первоначально выраженіемъ дѣйствительной передачи и происходившей одновременно съ этимъ оцѣнки предмета займа. Значитъ, дѣйствительная передача и оцѣнка металла, служившаго предметомъ займа, лежали въ основаніи первоначальной формы договора nexum и сообщали ему черты реальнаго договора точно также, какъ утвердившаяся со времени 12 таблицъ фикція взвѣшиванія металла, при сохраненіи всего прежняго ритуала, оставшагося составнымъ элементомъ сдѣлки, реформировала nexum въ настоящій формальный контрактъ, потерявшій всѣ признаки реальнаго договора. Такое значеніе, закрѣпленное за договоромъ nexum законодательствомъ 12 таблицъ, свидѣтельствуется и приводимымъ авторомъ мѣстомъ изъ Гая, ни мало не опровергаемымъ ни фиктивнымъ характеромъ церемоніала этой сдѣлки, ни различіемъ ея отъ стипуляціи, въ форму которой можно было облечь какое угодно содержаніе права. Форма сдѣлалась основаніемъ обязательной силы обоихъ договоровъ и условіемъ ихъ дѣйствительности.

Такимъ образомъ, мы должны признать, вопреки мнѣнію г. Гусакова, nexum 12 таблицъ формальнымъ договоромъ, тогда какъ древнѣйшій nexum, сопровождавшійся дѣйствительной передачей и взвѣшиваніемъ металла, мы можемъ считать, вмѣстѣ съ нимъ, и не исключительно формальнымъ договоромъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ само собою, что школьный характеръ различія между формальными и реальными договорами, если мы и согласимся съ такой характеристикой этого различія, вовсе не мѣшаетъ констатированію въ nexum признаковъ тѣхъ и другихъ договоровъ. Если древнѣйшій обязательственный договоръ римскаго права не представлялъ собою въ чистомъ видѣ ни формальнаго, ни реальнаго договора въ томъ смыслѣ, какой позднѣйшее право связало съ этими договорами, то предположеніе о присутствіи въ договорѣ nexum въ недифференцированномъ состояніи элементовъ тѣхъ и другихъ договоровъ является далеко не такимъ праздным, какимъ оно кажется нашему автору.

Въ 3-ей главѣ г. Гусаковъ показываетъ несостоятельность господствующаго воззрѣнія, отождествляющаго исторію договоровъ съ исторіей обязательственнаго права, и замѣчаетъ правильно, что такое отождествленіе представляетъ собою намѣренное съуживаніе круга изслѣдуемыхъ фактовъ. „Какіе бы договоры мы ни признали древнѣйшими", заключаетъ онъ это разсужденіе,—„реальные или формальные, мы не рѣшимъ еще вопроса о первоначальномъ источникѣ обязательствъ". Для доказательства существованія другихъ и болѣе древнихъ источниковъ обязательственнаго права, чѣмъ договоры, нашъ авторъ обращается сначала къ исторіи древне-германскаго права и излагаетъ воззрѣнія на этотъ предметъ извѣстныхъ германистовъ—Я. Гримма и А. Гейслера. Первый изъ нихъ, опираясь, главнымъ образомъ, на данныя языковѣдѣнія, указалъ на деликтъ, какъ на исходный пунктъ развитія обязательства въ исторіи древне-германскаго права, а второй, на основаніи анализа древнихъ памятниковъ того же германскаго права, пошелъ дальше и попытался „возстановить самый процессъ образованія на почвѣ деликта перваго германскаго договора". Изложивъ на немногихъ страницахъ съ обычной краткостью и ясностью этотъ процессъ первоначальнаго возникновенія обязательствъ изъ деликтовъ такъ, какъ онъ представленъ у Гейслера, и дополнивъ это изложеніе аналогичными данными изъ права древнихъ индусовъ, норвежскаго, шведскаго, исландскаго и датскаго права, нашъ авторъ приходитъ въ концѣ главы къ конструкціи древняго договора. Въ такой конструктивной работѣ, производимой авторомъ и въ другихъ частяхъ изслѣдованія и особенно притягивающей къ себѣ его силы, лежитъ особый интересъ его книги, и въ ней же обнаруживается особый талантъ, выдающій въ немъ не только солидную юридическую школу, но и способность къ догматическимъ обобщеніямъ, выражаемымъ рельефами.

Договоры древняго права, говоритъ нашъ авторъ, исполняютъ „такъ сказать, функцію титуловъ пріобрѣтенія,—но нарушеніе ихъ сопровождается другими послѣдствіями, чѣмъ въ развитомъ правѣ: оно уподобляется обыкновенному деликту и обязываетъ должника къ представленію возмездія, въ значительной мѣрѣ превышающаго дѣйствительный ущербъ кредитора. На этой ступени развитія договоры функціонируютъ, какъ contractus imperfectae, т. е. сами по себѣ они не причисляются къ causae obligationum, но даютъ поводъ для возникновенія таковыхъ въ видѣ деликтовъ и деликтныхъ обязательствъ“. Эта конструкція опирается на предшествующее изложеніе теорій Гримма и Гейслера, а также—на приведенные далѣе факты сравнительной исторіи права, и какъ конструкція, обобщающая эти теоріи и эти факты, можетъ быть признана вполнѣ правильной. Но задача изслѣдованія автора, формулированная имъ въ предисловіи, въ смыслѣ разъясненія „процесса образованія обязательственнаго права на почвѣ отношеній, возникающихъ изъ деликтовъ“, позволяла намъ ждать отъ него болѣе, чѣмъ конструкцій, выведенныхъ изъ отдѣльныхъ теорій и разрозненныхъ фактовъ сравнительной исторіи права. Почему же въ настоящей главѣ г. Гусаковъ ограничиваетъ область изслѣдованія этихъ фактовъ и отказывается даже отъ повѣрки теоріи Гейслера на тѣхъ источникахъ, которые положены въ ея основаніе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ во вступленіи къ 4-ой главѣ, гдѣ нашъ авторъ говоритъ, что онъ „слишкомъ далекъ отъ того, чтобы въ область римскаго права переносить теоріи, возникшія на почвѣ германскаго права“. Сходство въ зачаточномъ состояніи правъ различныхъ народовъ вовсе не мѣшаетъ допущенію того, что это сходство, „быть можетъ, чисто-внѣшнее, является слѣдствіемъ не столько внутренняго сродства, сколько неопредѣленности структуры возникающихъ юридическихъ отношеній“. Другими словами, говоритъ нашъ авторъ, „нельзя признать научнымъ пріемомъ „ургированіе“ историческаго матеріала съ цѣлью доказать предвзятый взглядъ“. Во всемъ приведенномъ разсужденіи мы не можемъ не отмѣтить смѣшенія различныхъ методологическихъ пріемовъ. Никто не будетъ спорить противъ того, что безполезно навязывать одному праву теоріи, возникшія на почвѣ другаго, съ тѣмъ, чтобы доказать какой-нибудь предвзятый взглядъ. Но съ такимъ навязываніемъ и съ такимъ предвзятымъ взглядомъ не имѣетъ ничего общаго примѣненіе историко-сравнительнаго метода, предполагающее необходимо общія или сходныя черты въ развитіи правъ, если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, тѣхъ народовъ, которые происходятъ отъ одного корня,—въ данномъ случаѣ—народовъ арійской расы. Поэтому, если авторъ говоритъ, что такія сходныя черты могутъ быть чисто-внѣшними и объясняться не столько внутреннимъ сродствомъ, сколько неопредѣленностью структуры сравниваемыхъ положеній права, то этимъ самымъ онъ ставитъ себя, какъ-бы, въ совершенно отрицательное отношеніе къ методу, примѣненіе котораго предполагаетъ непремѣнно внутреннее, а не одно внѣшнее сходство между сравниваемыми положеніями. Предполагая между этими послѣдними одно внѣшнее сходство, изслѣдователю 12 таблицъ не было бы никакой надобности обращаться ни къ источникамъ древне-германскаго и другихъ параллельныхъ съ нимъ правъ, ни къ фактической повѣркѣ построенныхъ на этихъ источникахъ теорій. Все это, при предположеніи сходства по „неопредѣленности структуры возникающихъ юридическихъ отношеній“, не могло бы имѣть значенія даже иллюстраціи для явленій даннаго положительнаго права, а было бы скорѣе излишнимъ отступленіемъ и балластомъ, способными только обременить изслѣдованіе права или какого-нибудь единичнаго памятника въ правѣ изучаемаго народа. Если бы нашъ авторъ стоялъ твердо на такой точкѣ зрѣнія, преобладающей до сихъ поръ въ большинствѣ историко-юридическихъ изслѣдованій, то съ нимъ можно было бы не соглашаться, но его изслѣдованіе пришлось бы все-таки обсуждать съ принятой имъ точки зрѣнія, которая, скажемъ это еще разъ, не только не обязывала бы его къ внимательному изслѣдованію матеріаловъ древне-германскаго и другихъ параллельныхъ съ 12-ью таблицами законодательствъ, но и совсѣмъ освобождала бы его отъ такого изслѣдованія.

Но въ томъ то и дѣло, что г. Гусаковъ вовсе не противникъ историко-сравнительнаго метода въ юриспруденціи, а, напротивъ, оперируетъ имъ весьма удачно на всемъ пространствѣ своего изслѣдованія и, особенно, во 2-ой его части. Нужно сказать еще болѣе: въ примѣненіи этого метода и въ силѣ извлекаемыхъ съ его помощью догматическихъ конструкцій заключаются, собственно, главныя особенности и главныя достоинства его сочиненія. Въ разныхъ мѣстахъ этого сочиненія онъ высказывается неоднократно и за единообразіе въ развитіи если не всего права, то, по крайней мѣрѣ, отдѣльныхъ его институтовъ, съ чѣмъ нельзя примирить ни констатированное выше недовѣріе или извѣстнаго рода reservatio mentalis по отношенію къ историко-сравнительному методу, ни признаніе неумѣстности фактической повѣрки взгляда Гейслера на процессъ зарожденія и развитія обязательственнаго договора въ древне-германскомъ правѣ. Мы особенно настаиваемъ на этомъ методологическомъ упущеніи автора, такъ какъ имъ ослабляется въ значительной степени доказательная сила излагаемаго въ 4-ой главѣ процесса превращенія въ римскомъ правѣ деликтныхъ исковъ въ контрактные. Изложеніе этого процесса, вмѣстѣ съ критикой ходячаго въ романистической литературѣ взгляда на систему fides,—охраняющую различныя бытовыя сдѣлки, какъ-будто, не юридическими, а нравственными нормами, и обнимающую собою, по ничѣмъ не оправдываемому предположенію, столь же широкій и оживленный мѣновой оборотъ, какой обнимался и системой jus и justitia (авторъ показываетъ, что подводимыя подъ эту fides отношенія, если только они охранялись въ древнемъ правѣ, то охранялись тѣми же деликтными исками, какъ и отношенія, стоящія подъ защитой jus),—исполнены авторомъ мастерски,—и не его вина, если недостаточность и пробѣлы римскихъ источниковъ приводятъ здѣсь къ выводамъ, имѣющимъ одно гипотетическое значеніе. Доказательная сила этихъ гипотетическихъ выводовъ усиливается, однако, приводимыми въ концѣ той же 4-ой главы параллелями изъ древне-индусскаго и древне русскаго права, примыкающихъ по отношенію къ источникамъ обязательствъ къ той же деликтной точкѣ

зрѣнія, на какой стояло и римское законодательство 12 таблицъ. Но древне-германское право со всѣми его развѣтвленіями несравненно лучше разработано и, во всякомъ случаѣ, извѣстнѣе правъ другихъ народовъ. Поэтому оно представило бы еще богаче матеріалъ для сравненія съ однородными стадіями развитія римскаго права, и хотя нашъ авторъ пользуется, несомнѣнно, и этимъ матеріаломъ, но также несомнѣнно онъ ослабляетъ его доказательную силу тѣмъ, что отказывается отъ его самостоятельнаго изслѣдованія и повѣрки на немъ теоріи новѣйшихъ германистовъ, которымъ принадлежитъ, можетъ быть, рѣшающее значеніе и для поставленной имъ предъ собою задачи.

II.

Вторая часть сочиненія г. Гусакова посвящена спеціальному изслѣдованію источниковъ древнѣйшаго римскаго обязательственнаго права, при чемъ главы 5-ая и 6-ая излагаютъ деликты, а 7-ая и 8-ая договоры древне-римскаго права. Эта часть изслѣдованія нашего автора значительно превосходитъ по своему интересу и значенію первую часть, представляющую собою, какъ мы уже указывали на это, скорѣе историко-литературный очеркъ теорій *по* изучаемому имъ вопросу, самостоятельную критику этихъ теорій и постановку возбуждаемыхъ ими вопросовъ, чѣмъ настоящее изслѣдованіе и разрѣшеніе этихъ вопросовъ. Во второй части мы имѣемъ, напротивъ, настоящее изслѣдованіе деликтовъ и договоровъ въ эпоху 12 таблицъ, основанное на тщательномъ изученіи какъ источниковъ римскаго права, такъ и всей относящейся къ нимъ, въ предѣлахъ занимающихъ автора вопросовъ, литературы.

Если г. Гусаковъ оперируетъ, при этомъ, давно извѣстнымъ матеріаломъ и не открываетъ ничего вполнѣ новаго, то не экстензивное расширеніе матеріала, скажемъ мы его же словами, а болѣе полная оцѣнка и углубленіе накопившагося уже матеріала составляетъ цѣль его монографіи. Въ отношеніи же всесторонности оцѣнки, новизны сопоставленій и проникновенія въ глубину существующаго матеріала—

нашъ авторъ дѣлаетъ чрезвычайно много и даетъ такую ясную, полную, связанную единствомъ общаго представленія и координаціей отдѣльныхъ частей—картину состоянія деликтовъ и договоровъ въ древне-римскомъ правѣ, какой нельзя встрѣтить ни у одного изъ его предшественниковъ по изслѣдованію того же вопроса. Этими преимуществами своего изслѣдованія г. Гусаковъ обязанъ, прежде всего, уже отмѣченному нами догматическому таланту, позволяющему ему превосходно формулировать и обобщать результаты своихъ изысканій, конструируя изъ разрозненныхъ матеріаловъ общія понятія, а потомъ и, можетъ быть, еще въ бо́льшей степени, онъ обязанъ своимъ успѣхомъ—занятіямъ древнимъ правомъ вообще и осторожному пользованію знаніями въ этой области при разработкѣ спеціальнаго матеріала римскаго права. Въ главахъ, отведенныхъ деликтамъ и договорамъ, мы не находимъ почти ни одного положенія, выведеннаго изъ источниковъ римскаго права, которое не было бы сопоставлено съ однородными положеніями права другихъ народовъ, стоящихъ на соотвѣтствующихъ римлянамъ эпохи 12 таблицъ—ступеняхъ развитія. При этомъ авторъ подчеркиваетъ всякій разъ,—вопреки тому, что̀ имъ было такъ неосторожно высказано въ 4-й главѣ,—однородность сравниваемыхъ положеній, извлекая отсюда достаточно сильные аргументы и въ пользу тѣхъ положеній, которыя касаются древне-римскаго права и которыя безъ такого сравненія, при извѣстныхъ пробѣлахъ римскихъ источниковъ, остались бы весьма проблематичными.

Приведемъ, въ видѣ примѣра, указаніе въ самомъ началѣ 5-ой главы на преобладаніе въ системѣ 12 таблицъ нормъ, относящихся къ гражданскимъ деликтамъ, надъ всѣми прочими нормами. Для основной идеи сочиненія автора, состоящей въ утвержденіи если не пріоритета, то равной древности и преобладанія въ примитивномъ правѣ деликтныхъ обязательствъ надъ договорами, — приведенное положеніе имѣетъ капитальное значеніе, такъ какъ оно позволяетъ говорить о деликтной окраскѣ всего законодательства 12 таблицъ и отвергать мнѣнія Мэна и многихъ другихъ юристовъ, считающихъ древнее право, по преимуществу, уголовнымъ

правомъ. Авторъ противополагаетъ этому представленію другое, по которому древнее право характеризуется преобладаніемъ не уголовнаго права надъ гражданскимъ, но лишь одной части гражданскаго права надъ другой, а именно—деликтнаго права надъ договорнымъ, при чемъ и само уголовное право носитъ на себѣ печать гражданскаго. Эти положенія можно считать теперь доказанными по отношенію ко множеству извѣстныхъ намъ системъ древняго права и, конечно, это обстоятельство, оттѣненное достаточно и нашимъ авторомъ, а не одно, можетъ быть, и случайное превосходство въ численномъ отношеніи деликтовъ надъ договорами въ 12 таблицахъ, дошедшихъ до насъ, какъ извѣстно, въ весьма несовершенномъ видѣ,—служатъ подтвержденіемъ взгляда на господство деликтной точки зрѣнія и въ законодательствѣ децемвировъ. Еще удачнѣе, чѣмъ въ данномъ случаѣ, г. Гусаковъ пользуется матеріалами сравнительной исторіи права при характеристикѣ какъ системы кровной мести, господствовавшей въ Римѣ до изданія 12 таблицъ, такъ и послѣдующихъ стадій этой системы и ея переживаній, удерживавшихся долго и послѣ 12 таблицъ.

Но особенно цѣнныхъ результатовъ достигаетъ нашъ авторъ, благодаря широкому пользованію историко-сравнительнымъ методомъ и болѣе значительной массѣ привлеченнаго къ изслѣдованію на основаніи этого метода матеріала, въ 6-ой главѣ, гдѣ онъ излагаетъ по 12 таблицамъ отдѣльныя группы деликтовъ, сохранившихъ въ себѣ наиболѣе архаическія черты и поэтому особенно пригодныхъ для наблюденія надъ возникающими изъ нихъ обязательствами. Держась этой точки зрѣнія, авторъ останавливается съ особеннымъ вниманіемъ на извѣстномъ положеніи 12 таблицъ—si membrum rupit, ni cum eo pacit, talio esto,—на различныхъ постановленіяхъ о кражѣ и на имущественныхъ поврежденіяхъ, причиняемыхъ вещами, животными, рабами и подвластными лицами. Сравнивая постановленія объ этихъ деликтахъ 12 таблицъ съ соотвѣтствующими опредѣленіями другихъ древнихъ законодательствъ и, въ особенности, нашей Русской Правды, г. Гусаковъ прихо-

дитъ къ слѣдующимъ, вполнѣ обоснованнымъ, на нашъ взглядъ, заключеніямъ. Тальонъ при увѣчьяхъ, обнимаемыхъ понятіемъ membrum ruptum, убійство ночнаго вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, и выдача причиняющихъ поврежденіе вещи, животнаго, раба, или свободнаго, но подвластнаго человѣка (noxae deditio),—служатъ выраженіемъ крайняго предѣла дозволенныхъ потерпѣвшему способовъ дѣйствія. Всѣ эти дѣйствія обращаются съ теченіемъ времени въ средства принужденія деликвента—угрозой его жизни и свободѣ—къ уплатѣ денежнаго вознагражденія, устанавливаемаго путемъ или частнаго соглашенія (pascio), или судебнаго рѣшенія, или закона (такъ наз. легальная композиція). Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ обязательство къ уплатѣ вознагражденія возникаетъ изъ самаго деликта, а не создается ни частнымъ соглашеніемъ, ни судебнымъ рѣшеніемъ, ни установленной впередъ нормой. Все это, сравнительно съ деликтомъ, является послѣдующимъ событіемъ, опредѣляющимъ только размѣръ имущественнаго взысканія за деликтъ, но никакъ не возникновеніе обязательства, которое имѣетъ своимъ источникомъ гораздо ранѣе совершенный деликтъ. Слѣдовательно, и actio, и decisio damni,—сопровождающія одно—membrum ruptio и furtum manifestum, другое—furtum nec manifestum и нанесеніе имущественнаго вреда въ условіяхъ предъявленія ноксальныхъ исковъ, не производятъ обязательства, а только предполагаютъ его. Источникъ обязательства коренится въ деликтѣ.

Вотъ предлагаемая авторомъ конструкція для возникающихъ изъ деликтовъ обязательствъ въ системѣ 12 таблицъ, смѣнившей прежде господствовавшія начала мести и неограниченнаго самоуправства порядкомъ регулированнаго закономъ самоуправства и удовлетворенія путемъ денежныхъ вознагражденій (композицій) за всѣ, съ небольшими исключеніями, преступленія,—и если противъ этой конструкціи можно привести нѣкоторыя возраженія, то ей нельзя ни въ какомъ случаѣ отказать ни въ оригинальности и рельефности выраженія, ни въ обоснованности какъ на источникахъ римскаго права, такъ и на матеріалахъ сравнительнаго правовѣдѣнія.

III.

Въ 7-й главѣ г. Гусаковъ переходитъ къ договорамъ, какъ источникамъ обязательствъ, и, указавъ въ общемъ на ихъ слабое развитіе въ системѣ 12 таблицъ, останавливается подробно на манципаціи, этомъ древнѣйшемъ и важнѣйшемъ изъ римскихъ договоровъ эпохи децемвировъ. Если бы, однако, нашъ авторъ проводилъ послѣдовательно свой взглядъ, что „манципація была и осталась вещнымъ договоромъ“, то онъ едва-ли отвелъ бы ей цѣлую главу въ изслѣдованіи, спеціально посвященномъ источникамъ обязательственнаго права. Но неточность отрицанія въ манципаціи всякаго отношенія къ обязательственному праву обнаруживается въ изложеніи самого автора и вполнѣ оправдываетъ привлеченіе этого договора къ предмету его изслѣдованія.

Мы не будемъ говорить о такъ называемыхъ фундиціарныхъ сдѣлкахъ, связанныхъ, несомнѣнно, съ манципаціей и не только возникавшихъ во многихъ случаяхъ изъ обязательственныхъ отношеній, но и производившихъ въ этихъ случаяхъ чисто обязательственные иски. Остановимся нѣкоторое время только на знаменитой въ исторіи римскаго права actio auctoritatis, представлявшей собою чисто обязательственный искъ объ очисткѣ, который прямо предполагалъ манципацію и никогда не возникалъ иначе, какъ чрезъ манципацію. Не сомнѣваясь ни въ обязательственномъ характерѣ этого иска, ни въ связи его съ манципаціей, ни въ древности его происхожденія, г. Гусаковъ видитъ, тѣмъ не менѣе, основаніе actio auctoritatis не въ манципаціи, а въ деликтѣ, совершаемомъ продавцомъ, который передаетъ покупщику вещь, оспариваемую у этого послѣдняго третьимъ лицомъ. Пусть г. Гусаковъ извинитъ насъ, если мы скажемъ, что онъ смѣшиваетъ въ данномъ случаѣ историческое происхожденіе иска съ его юридическимъ основаніемъ. Не оспаривая пока деликтнаго происхожденія обязательства объ очисткѣ въ исторіи римскаго права, на что давно уже было указано Іерингомъ, мы думаемъ, что точка зрѣнія г. Гусакова на основаніе этого обязательства должна была бы быть нѣсколько иная, чѣмъ точка зрѣнія Іеринга. Послѣдняя вела неминуемо къ деликт-

ному основанію actio auctoritatis, тогда какъ нашего автора ничто не вынуждало къ подобному же заключенію. Іерингъ исходилъ въ своемъ разсужденіи объ этомъ искѣ изъ имъ открытаго и имъ же такъ названнаго „принципа простоты всѣхъ юридическихъ актовъ древняго права“. Ни одинъ изъ этихъ актовъ, по его мнѣнію, не производитъ одновременно послѣдствій вещнаго и обязательственнаго права. Манципація переноситъ собственность, это послѣдствіе вещнаго права, и уже поэтому она не можетъ служить основаніемъ для иска объ очисткѣ, представляющаго собою послѣдствіе обязательственнаго права. Этотъ искъ имѣетъ свое основаніе не въ манципаціи, а въ furtum nec manifestum, которое совершаетъ продавецъ, присвоивая себѣ полученную имъ за продажу вещи цѣну и позволяя евинцировать впослѣдствіи эту вещь у ея покупщика. Поэтому actio auctoritatis концепируется, подобно actio furti, in duplum, и поэтому же она есть не что иное, какъ квалифицированная actio furti. Вотъ рядъ послѣдовательныхъ силлогизмовъ, которыми Іерингъ хочетъ спасти свой принципъ, такъ называемой „простоты юридическихъ актовъ древняго права“, но нисколько не доказываетъ ими ни этого принципа, ни деликтнаго основанія обязательства объ очисткѣ.

Не будемъ говорить о томъ, что старѣйшій обязательственный договоръ римскаго права, извѣстный подъ названіемъ pecunia, производилъ, рядомъ съ обязательствомъ заемщика къ возврату даннаго ему займа, и право собственности въ его же лицѣ на полученныя имъ деньги. Забудемъ на минуту и о манципаціи и допустимъ, что всѣ остальные акты древне-римскаго права отличались дѣйствительно приписываемой имъ Іерингомъ простотой. Но для того, чтобы возвести это положеніе въ общій принципъ, нужно показать, что такой же простотой характеризовалась и манципація, а это-то и составляетъ предметъ, подлежащій доказательству и вовсе не доказанный предшествующимъ разсужденіемъ. Обращаясь теперь къ нашему автору, мы видимъ, что, утверждая деликтное основаніе actio auctoritatis, онъ мотивируетъ этотъ взглядъ почти такъ же, какъ это дѣлаетъ Іерингъ. Онъ говоритъ именно, что „древнее римское право вовсе не

знало такихъ юридическихъ актовъ, которые способны были бы одновременно производить столь различные юридическіе эффекты, какъ установленіе права вещнаго и обязательственнаго“. Но это положеніе не утверждается авторомъ ни на принципѣ „простоты актовъ древняго права“, ни на какихъ бы то ни было иныхъ доказательствахъ. Поэтому оно является у него совершенно апріорнымъ и въ то же время противорѣчащимъ аргументаціи, исходящей изъ признанія, какъ въ древнѣйшей, такъ и въ позднѣйшей манципаціи договора купли-продажи. Іерингъ пришелъ логически къ отрицанію связи между манципаціей и actio auctoritatis, исходя изъ противоположнаго представленія объ этомъ договорѣ, которое видитъ въ немъ формальный и абстрактный способъ пріобрѣтенія собственности, не стоящій необходимо въ связи съ куплей-продажей и вполнѣ аналогичный съ другими абстрактными способами пріобрѣтенія собственности, какими были въ римскомъ правѣ in jure cessio и traditio. Эти послѣдніе способы пріобрѣтенія не давали, какъ извѣстно, мѣста actio auctoritatis, откуда слѣдуетъ само собою, что, если бы манципація была только способомъ пріобрѣтенія, то и она не могла бы служить основаніемъ для этого иска, такъ какъ трудно допустить, чтобы актъ, предназначенный исключительно къ перенесенію собственности и вполнѣ законченный въ самый моментъ своего совершенія, производилъ еще какія-либо обязательственныя послѣдствія. Допуская же, что манципація, какъ таковая, т. е. какъ способъ пріобрѣтенія собственности, служила, въ то же время и основаніемъ для actio auctoritatis, мы должны бы были думать, что она служила имъ во всѣхъ случаяхъ своего примѣненія. Между тѣмъ, намъ извѣстно, что одной манципаціи для предъявленія actio auctoritatis было недостаточно. Требовалась такая манципація, которая имѣла своей цѣлью куплю-продажу,—а другія сдѣлки, облекавшіяся въ манципаціонную форму, не давали мѣста actio auctoritatis.

Вотъ совокупность соображеній, заставившихъ Іеринга, а послѣ него и многихъ другихъ юристовъ, искать основаніе для этого иска внѣ самой манципаціи, и натолкнувшихъ ихъ, — въ связи съ общимъ представлені-

емъ о развитіи обязательственнаго права въ древнемъ Римѣ изъ деликтовъ,—на мысль о деликтномъ основаніи и иска объ очисткѣ. Не нужно только забывать, что точкой отправленія этого вывода служитъ взглядъ на манципацію, какъ на формальный способъ пріобрѣтенія собственности. Нашъ авторъ не раздѣляетъ, очевидно, этого взгляда, такъ какъ онъ не только не отрицаетъ непосредственной связи манципаціи съ куплей-продажей, но вполнѣ основательно, по нашему мнѣнію, считаетъ какъ древнѣйшую манципацію, сопровождавшуюся взвѣшиваніемъ металла, такъ и манципацію 12 таблицъ, замѣнившую такое взвѣшиваніе его фикціей, договоромъ купли-продажи. Обращеніе манципаціи въ чисто абстрактный способъ пріобрѣтенія собственности и другихъ вещныхъ правъ, равно какъ и распространеніе манципаціи на другія области права,—онъ относитъ къ позднѣйшему періоду исторіи римскаго права, не отступая ни разу отъ воззрѣнія на куплю-продажу, какъ на первоначальное и основное содержаніе манципаціоннаго договора.

Если все это вѣрно, что̀ мы охотно допускаемъ, то повторимъ снова, что ничто не мѣшало г. Гусакову признать въ манципаціонной куплѣ-продажѣ и основаніе для actio auctoritatis. Древнѣйшая манципація,—которая была настоящей куплей-продажей, совершавшейся in continenti, т. е. сливавшей въ одинъ моментъ и передачу вещи, и полученіе цѣны за нее,—предполагала всегда и неизбѣжно обязательство объ очисткѣ, осуществлявшееся посредствомъ actio auctoritatis. Этотъ искъ былъ выраженіемъ обязательства продавца передъ покупщикомъ, уплатившимъ цѣну вещи, въ томъ, что проданная вещь не будетъ впослѣдствіи оспорена у покупщика третьимъ лицомъ. Значитъ, въ этомъ обязательствѣ можно видѣть взаимное дѣйствіе продавца за полученную имъ цѣну вещи и прямое послѣдствіе купли-продажи на наличныя, которая въ древне-римскомъ правѣ, предшествовавшемъ 12 таблицамъ, совершалась только въ формѣ манципаціи, соединявшей передачу вещи съ непосредственнымъ платежомъ ея цѣны. Отсюда понятно само собою, что обязательство объ очисткѣ связывалось здѣсь всегда и исключительно съ манципаціей и, притомъ, съ манципаціей,

понимаемой не только въ смыслѣ перенесенія собственности, не оставлявшаго мѣста для какихъ бы то ни было взаимныхъ дѣйствій, а съ манципаціей въ смыслѣ купли-продажи на наличныя, возлагавшей на продавца обязательство къ взаимному дѣйствію за полученную имъ цѣну вещи. Позднѣйшая манципація, узаконенная 12 таблицами, разъединила, какъ извѣстно, слитые въ древней манципаціи акты передачи вещи и производимаго за нее платежа цѣны, но она не утратила вслѣдствіе этого своего первоначальнаго характера, хотя и стала одновременно служить также постороннимъ цѣлямъ гражданскаго оборота.

Этими обстоятельствами объясняются и измѣненія, происшедшія какъ въ отношеніи actio auctoritatis къ манципаціи, такъ и въ условіяхъ предъявленія этого иска. Соблюденіе торжественной формы манципаціи осталось, по прежнему, необходимымъ условіемъ actio auctoritatis, но—и это именно указываетъ на юридическое основаніе иска въ примитивной куплѣ-продажѣ—преобразованная манципація уже не всегда и не во всѣхъ случаяхъ своего примѣненія сопровождалась, какъ это было прежде, искомъ объ очисткѣ. Необходимыя условія предъявленія этого иска остались тѣ же: сдѣлка per aes et libram, присутствіе свидѣтелей и вѣсовщика (libripens), произнесеніе торжественныхъ словъ, передача вещи, платежъ цѣны,—но въ древней манципаціи всѣ эти условія были въ наличности и предполагались сами собою, разъ манципація была правильно совершена, тогда какъ при новой манципаціи, обратившей настоящую куплю-продажу въ воображаемую (venditio imaginaria), положеніе дѣла существенно измѣнилось. Сохранилась внѣшняя, обрядовая сторона древней манципаціи, но дѣйствительный платежъ цѣны происходилъ всегда внѣ акта манципаціи, также какъ внѣ этого акта происходила во многихъ случаяхъ (при сдѣлкахъ съ недвижимостями) и самая передача отчуждаемой вещи. Реальный платежъ цѣны и реальную передачу вещи (недвижимости) замѣнили фикціи, благодаря которымъ преобразованная манципація стала примѣняться и къ другимъ сдѣлкамъ, кромѣ купли-продажи, и поэтому именно требованіе одной манципаціи для иска объ очисткѣ съ этого же времени

сдѣлалось недостаточнымъ. Для предъявленія этого иска нужно было доказывать, кромѣ манципаціи, еще передачу вещи и производство платежа за нее: это были условія купли-продажи, которыя предполагались обязательствомъ объ очисткѣ, но перестали предполагаться, въ отличіе отъ древнѣйшаго времени, манципаціонной сдѣлкой, какъ таковой. Отсюда нельзя не заключить, что купля-продажа, облеченная въ манципаціонную форму, была не только необходимымъ условіемъ, какъ это признается и нашимъ авторомъ, но и производящей причиной или юридическимъ основаніемъ actio auctoritatis. Иначе нельзя было бы объяснить ни связи actio auctoritatis съ древнѣйшей манципаціей, которая была такъ тѣсна, что римскіе юристы и не думали никогда ставить этотъ искъ независимо отъ сдѣлки per aes et libram, ни исключенія этого иска при in jure cessio, traditio и манципаціонныхъ сдѣлкахъ, лишенныхъ характера купли-продажи, ни, наконецъ, полной зависимости этого же иска отъ условій предварительнаго совершенія купли-продажи древняго типа, т. е. такой купли-продажи, при которой вещь была уже передана и цѣна за нее уплачена.

Намъ думается, что г. Гусакову слѣдовало держаться такого именно, а не Іеринговскаго взгляда на actio auctoritatis, такъ какъ первый вытекаетъ самъ собою изъ имъ же допущеннаго предположенія въ манципаціи купли-продажи, а второй отправляется отъ чисто формальнаго представленія о манципаціи, неспособнаго объяснить удовлетворительно ни связи съ нею actio auctoritatis, ни указанныхъ выше условій предъявленія и исключенія этого иска при различныхъ актахъ древне-римскаго права. Напротивъ, предположеніе въ первоначальной манципаціи купли-продажи объясняетъ вполнѣ удовлетворительно, на нашъ взглядъ, и обязательство объ очисткѣ, и предъявленіе защищающаго это обязательство иска при наличности условій купли-продажи, и исключеніе этого иска при отсутствіи тѣхъ же условій. Такой конструкціи иска вовсе не противорѣчитъ и допущеніе его деликтнаго происхожденія, находящее опору въ двойной суммѣ вознагражденія, присуждаемаго по этому иску. Но противъ этого предположенія говоритъ, съ одной стороны, то обстоятельство, что actio auctoritatis не сопровождалась безчестьемъ (infamia) для лица, противъ котораго она предъявлялась, тогда какъ actio furti nec manifesti, аналогіей которой пользуется Іерингъ, имѣла, какъ извѣстно, инфамирующія послѣдствія. Съ другой стороны, идеей деликта можно еще объяснить actio auctoritatis, но нельзя объяснить самое „auctoritas“, т. е. помощь, оказываемую продавцомъ покупщику въ случаѣ предъявленія къ послѣднему спора со стороны третьяго лица, и вступленіе продавца въ открывающійся при этомъ процессъ. Какъ опереть эту auctoritas на идею деликта и какъ объяснить ее иначе, какъ не чрезъ посредство обязательства, которое существуетъ, вопреки мнѣнію нашего автора, и до момента его нарушенія? Но если бы, несмотря на эти соображенія, мы все-таки допустили деликтное происхожденіе actio auctoritatis, то оно дало бы намъ только историческое, а вовсе не юридическое основаніе иска. Самъ авторъ въ 3-ей главѣ своего изслѣдованія показалъ намъ, что деликтными исками въ древнемъ римскомъ правѣ защищались не только договоры ссуды, поклажи и т. д., но и само право собственности. Отсюда онъ не вывелъ, однако, того заключенія, чтобы юридическое основаніе защиты всѣхъ этихъ отношеній лежало въ деликтѣ. Точно также и деликтное происхожденіе actio auctoritatis, если бы оно было даже доказано, не давало бы намъ еще права говорить о деликтѣ, какъ объ юридическомъ основаніи этого иска. Юридическое основаніе институтовъ права устанавливается не историческимъ возникновеніемъ, а догматическимъ изученіемъ этихъ институтовъ. Только это послѣднее приводитъ къ открытію въ нихъ тѣхъ наиболѣе общихъ и наиболѣе существенныхъ элементовъ, къ которымъ сводится все разнообразіе принадлежащихъ къ этимъ институтамъ отношеній, находящихъ въ ихъ обобщенномъ выраженіи и свою цѣль, и свое объясненіе. Нашъ авторъ согласится, вѣроятно, съ нами, что такимъ существеннымъ элементомъ, сосредоточивающимъ въ себѣ и объясняющимъ всѣ частности примѣненія actio auctoritatis и отношенія ея къ другимъ институтамъ, служитъ, во всякомъ случаѣ, не деликтъ, а манципаціонная купля-продажа. Разъ же онъ согласится съ этимъ, то ему придется признать, что манципація древне-римскаго права была не только вещнымъ

договоромъ, переносящимъ право собственности, но и такимъ актомъ, которымъ создавалось и обязательство, осуществлявшееся путемъ actio auctoritatis. Въ подтвержденіе этого заключенія мы можемъ сослаться еще на то, что древне-римская купля-продажа, сопровождавшаяся взвѣшиваніемъ металла, не давала и мѣста никакому иному иску, кромѣ actio auctoritatis, и что какъ древне-греческое, такъ и право Салическаго закона не знали также другой купли-продажи, кромѣ купли-продажи на наличныя, и связывали съ нею равнымъ образомъ только аналогичныя съ actio auctoritatis иски. Въ Салическомъ законѣ обязательство объ очисткѣ не давало даже мѣста самостоятельному иску, а вызывало лишь особый инцидентъ въ процессѣ о виндикаціи движимостей. Покупщикъ, подвергавшійся этой виндикаціи, цитировалъ въ судъ продавца, который получалъ назадъ проданную имъ вещь, возвращалъ вырученную за нее цѣну и оставался, затѣмъ, единственнымъ отвѣтчикомъ по виндикаціи.

На возможность обязательственныхъ послѣдствій, стоящихъ даже независимо отъ actio auctoritatis, на возможность такихъ послѣдствій манципаціонной купли-продажи указываетъ еще одно важное обстоятельство, хотя и принятое въ соображеніе нашимъ авторомъ, но недостаточно имъ, по нашему мнѣнію, оцѣненное. Мы знаемъ, что манципація 12 таблицъ была не настоящей, а только воображаемой куплей-продажей, въ которой дѣйствительно производившійся при древней манципаціи платежъ цѣны за купленную вещь совершался внѣ акта манципаціи и при совершеніи этого акта замѣнялся фиктивнымъ платежомъ.

Такимъ образомъ, купля-продажа приводилась здѣсь въ исполненіе со стороны одного продавца, передававшаго свою движимость, тогда какъ покупщикъ ограничивался произнесеніемъ торжественныхъ словъ и совершеніемъ однихъ фиктивныхъ дѣйствій. Если бы подобный договоръ, исполняемый въ дѣйствительности только одной стороной, велъ къ тому же перенесенію собственности, для котораго древнѣйшая манципація требовала непремѣнно взаимныхъ дѣйствій обѣихъ сторонъ, то новая манципація имѣла бы совсѣмъ другое юридическое значеніе, чѣмъ древняя, и дѣйствительно представляла бы собою только абстрактный способъ перенесенія собственности.

Это и принимается большинствомъ романистовъ, тоже не оцѣнивающихъ, какъ намъ кажется, должнымъ образомъ того постановленія 12 таблицъ, которымъ пріобрѣтеніе собственности по манципаціи было поставлено въ зависимость отъ уплаты цѣны за переданную на основаніи этого акта вещь.

Этимъ постановленіемъ законодатели 12 таблицъ, во 1), удержали за манципаціей ея прежнее значеніе купли-продажи и во 2), уравнили юридически новую манципацію съ древней. Доказательствомъ этого уравненія служитъ то, что для перенесенія собственности по манципаціи продолжали требовать все прежнихъ условій и, въ ихъ числѣ, платежа цѣны, который былъ только отдѣленъ отъ формы манципаціи и совершался независимо отъ послѣдней. Такимъ образомъ, въ отношеніи пріобрѣтенія собственности по манципаціи, 12 таблицъ не ввели ничего новаго: онѣ удержали и старыя формальныя условія, и требованіе какъ передачи вещи, такъ и платежа цѣны за нее. Но выдѣленіе этого платежа изъ манципаціоннаго обряда не могло остаться безъ вліянія на послѣдствія обязательственнаго права, развивавшіяся постепенно изъ манципаціи.

Что означало, въ самомъ дѣлѣ, это выдѣленіе? Оно означало, прежде всего, то, что платежъ цѣны за вещь или обезпеченіе этого платежа должны были, по общему правилу, предшествовать манципаціи, и въ этихъ случаяхъ манципація дѣлалась исполненіемъ со стороны продавца договора, уже исполненнаго со стороны покупщика. Пріобрѣтеніе собственности происходило здѣсь, естественно, въ самый моментъ совершенія манципаціи, и постановленія 12 таблицъ о пріобрѣтеніи покупщикомъ собственности не ранѣе произведеннаго платежа цѣны за купленную вещь имѣло въ виду, очевидно, не этотъ нормальный въ быту древнихъ Римлянъ случай, разрѣшавшійся самъ собою уже произведеннымъ покупщикомъ, до совершенія манципаціи, платежемъ. Постановленіе 12 таблицъ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, могло быть разсчитано только на противоположный случай, когда манци-

пація совершалась *передъ* платежемъ цѣны за манципируемую вещь, и на этотъ-то случай законодательство децемвировъ и *отдаляло*, какъ это замѣчено мѣтко нашимъ авторомъ, моментъ перфекціи договора,—т. е. перенесеніе права собственности,—до дѣйствительнаго платежа цѣны или представленія ея обезпеченія.

Но г. Гусаковъ выводитъ отсюда только то заключеніе, что манципація (вмѣстѣ съ договоромъ pactum) стала съ этого времени формальнымъ контрактомъ, не замѣчая, что исполненіе договора одной стороной (продавцомъ), когда тотъ же договоръ не исполняется другой (покупщикомъ), должно было неизбѣжно привести и дѣйствительно привело римское право къ установленію *обязательства* не исполнившей договоръ стороны и къ замѣнѣ манципаціонной купли-продажи консенсуальнымъ контрактомъ того же имени. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы манципація 12 таблицъ была уже обязательственнымъ договоромъ. Напротивъ, мы раздѣляемъ вполнѣ мнѣніе г. Гусакова, что „вещный характеръ манципаціонной купли достаточно разъясненъ и обстоятельно обоснованъ новѣйшими изслѣдованіями, посвященными манципаціи". Мы не закрываемъ глазъ и передъ тѣми фактами, что формула манципаціи не оставляла мѣста ни для какого обязательства и что до насъ не дошло свѣдѣній ни объ одномъ обязательственномъ искѣ изъ манципаціи на случаи, когда эта послѣдняя совершалась ранѣе платежа цѣны за манципированную вещь. Мы готовы согласиться даже съ Лейстомъ противъ Бехмана—въ томъ, что платежу, производимому послѣ совершенія манципаціи, придавалось обратное дѣйствіе, въ силу котораго къ моменту ея совершенія возводилось пріобрѣтеніе собственности по манципаціи, удерживавшей этимъ свое значеніе акта, которымъ переносилось право собственности. Но все это не мѣшаетъ намъ утверждать, на основаніи предшествующаго изложенія и вопреки мнѣнію нашего автора, что во 1), манципаціонная купля-продажа, какъ въ своей древнѣйшей, такъ и въ позднѣйшей формѣ, вызывала, рядомъ съ послѣдствіями вещнаго права, и несомнѣнное обязательство, осуществлявшееся посредствомъ actio auctoritatis и имѣвшее свое юридическое основаніе не въ чемъ иномъ, какъ въ манципаціонной куплѣ-продажѣ. Мы полагаемъ во 2), что отдѣленіе манципаціоннаго обряда отъ платежа цѣны за манципированную вещь въ тѣхъ случаяхъ, когда манципація предшествовала этому платежу, заключало въ себѣ, если не готовое уже обязательство, лежавшее въ самой манципаціи, то несомнѣнный зародышъ—стоявшаго въ непосредственной связи съ той же манципаціей—обязательственнаго договора купли-продажи, получившаго въ позднѣйшемъ римскомъ правѣ названіе emtio-venditio. Точное опредѣленіе времени возникновенія этого договора не представляетъ для насъ интереса. Основное различіе его отъ манципаціи извѣстно всѣмъ. Но то обстоятельство, что манципація 12 таблицъ была во многихъ случаяхъ своего примѣненія перенесеніемъ собственности только для одной стороны (продавца), тогда какъ для другой (покупщика) она удерживала вполнѣ значеніе купли-продажи, какъ по формѣ своего совершенія (дополненіе манципаціоннаго обряда реальнымъ платежомъ), такъ и по своимъ обязательственнымъ послѣдствіямъ (auctoritas),—даетъ намъ право думать, что такое разъединеніе манципаціи на два различныхъ другъ отъ друга акта знаменовало собою не только переходъ отъ реальнаго контракта къ формальному, но и развитіе въ сдѣлкахъ по куплѣ-продажѣ идеи консенсуальнаго контракта. Эта идея была затемнена въ древнѣйшей манципаціи непосредственнымъ исполненіемъ, а въ манципаціи 12 таблицъ—формой ея совершенія. Но выдѣленіе изъ нея платежа цѣны за манципируемую вещь, совершившееся подъ вліяніемъ измѣненія монетной системы и практики кредитныхъ сдѣлокъ, должно было, въ связи съ общимъ ослабленіемъ древняго формализма, привести и привело дѣйствительно римское право къ признанію купли-продажи чисто обязательственнымъ и консенсуальнымъ договоромъ.

IV.

Глава 8-ая и послѣдняя нашего автора посвящена спеціальному изложенію обязательственнаго договора pactum. Въ этой главѣ, наравнѣ съ главами, отведенными римскому уче-

нію о деликтахъ, лежитъ центръ тяжести изслѣдованія г. Гусакова, и что касается полученныхъ имъ здѣсь результатовъ, то мы не находимъ ничего существеннаго возразить ни противъ этихъ результатовъ, ни противъ способа ихъ полученія. Скажемъ болѣе: мы вполнѣ принимаемъ эти результаты и считаемъ ихъ доказанными, насколько доказательства здѣсь возможны при скудномъ состояніи источниковъ древне-римскаго права и допущеніи ихъ восполненія матеріалами сравнительнаго правовѣдѣнія. Авторъ привлекаетъ ихъ къ своей послѣдней главѣ съ такимъ же успѣхомъ, какой былъ уже отмѣченъ нами въ главахъ, посвященныхъ деликтамъ, и, благодаря этому опять, онъ не впадаетъ и здѣсь въ ту односторонность и неполноту аргументаціи, на которыя мы указывали мѣстами, какъ въ критическомъ отдѣлѣ сочиненія, такъ и въ предшествующей главѣ, трактующей о манципаціи.

Въ этой послѣдней и, можетъ быть, лучшей части своей книги г. Гусаковъ говоритъ сначала о внѣшнемъ сходствѣ и внутреннемъ, функціональномъ различіи договоровъ pexum и манципаціи. Полное сходство въ формѣ совершенія—тотъ же обрядъ per aes et libram и тѣ же свидѣтели ad solemnitatis causam—и столь же полное различіе въ содержаніи и послѣдствіяхъ. Содержаніе манципаціи—купля-продажа, послѣдствія ея—перенесеніе права собственности и установленіе вещнаго права. Содержаніе pexum—сдѣлка о денежномъ займѣ, а послѣдствіе—установленіе обязательственнаго отношенія, идущаго на удовлетвореніе кредитора въ условленной суммѣ займа. Сущность pexum, которой онъ отличается отъ другихъ обязательствъ, та, что содержащееся въ немъ обязательство безспорно и обладаетъ исполнительной силой помимо судебнаго рѣшенія, и по той же причинѣ, по какой удовлетвореніе помимо судебнаго рѣшенія имѣетъ мѣсто и при furtum manifestum. Теорія Гушке, основывающая обязательство должника по договору pexum на, такъ называемомъ, самоосужденіи должника, или произносимомъ надъ нимъ кредиторомъ при самомъ заключеніи сдѣлки—приговорѣ на случай неисполненія должникомъ принятаго на себя обязательства, грѣшитъ перенесеніемъ въ древне-римское право современнаго

представленія о необходимой послѣдовательности между судебнымъ рѣшеніемъ и принудительнымъ взысканіемъ. Кромѣ того, эта довольно распространенная теперь теорія (такъ называемая Damnationstheorie) разбивается объ аналогію послѣдствій, возникающихъ изъ договора pexum, съ послѣдствіями, наступающими при furtum manifestum, confessio in jure и res judicata. Какъ нельзя говорить о приговорѣ, произносимомъ кредиторомъ надъ должникомъ или этимъ послѣднимъ надъ самимъ собою—въ этихъ случаяхъ, также точно неправильно подставлять подобный приговоръ и подъ понятіе pexum, которое не только не заключаетъ въ себѣ приговора, но и прямо исключаетъ его необходимость. Еще менѣе состоятельны, чѣмъ теорія Гушке, другія выставленныя въ объясненіе pexum теоріи, отъ которыхъ послѣ критическихъ замѣчаній нашего автора не остается, можно сказать, ничего. Особаго упоминанія заслуживаютъ, тѣмъ не менѣе, теоріи самопродажи и самозалога, такъ какъ, возникнувъ на почвѣ объясненія чисто римскаго договора, онѣ были перенесены потомъ на соотвѣтствующія отношенія древне-германскаго и даже нашего древне-русскаго права, вызвавъ здѣсь весьма сомнительнаго достоинства конструкціи. Въ основаніи всѣхъ этихъ теорій лежитъ, по справедливому замѣчанію автора, смѣшеніе содержанія юридическаго акта съ послѣдствіями, наступающими въ случаѣ его неисполненія. Содержаніе pexum есть сдѣлка о займѣ, а послѣдствія неисполненія этой сдѣлки не имѣютъ съ самымъ обязательствомъ ничего общаго. Они представляютъ собою только понудительныя мѣры взысканія, выступающія въ исполнительной стадіи процесса и доступныя также другимъ взыскателямъ, которыхъ притязанія основываются и не на pexum, а, напр., на деликтѣ, на судебномъ признаніи или судебномъ приговорѣ. Насколько необходимо такое отдѣленіе обязательства отъ экзекутивныхъ послѣдствій его исполненія, мы видимъ это на цѣломъ рядѣ положеній, относящихся къ древне-римскому pexum. Съ одной стороны, обязательство возникаетъ и существуетъ, а должникъ до наступленія срока исполненія по этому обязательству остается вполнѣ свободнымъ какъ въ личномъ, такъ и

въ имущественномъ отношеніи. Онъ—civis romanus, онъ—субъектъ имущественныхъ правъ, и платежъ по его долгу, когда бы онъ ни былъ произведенъ, порываетъ навсегда отношеніе, существовавшее между нимъ и кредиторомъ, не оставляя по себѣ воспоминанія даже въ формѣ патроната, какъ это бываетъ, напр., при освобожденіи на волю раба или кабальнаго. Личное задержаніе представляетъ, само по себѣ, не удовлетвореніе, а лишь средство для вынужденія такого удовлетворенія,—чѣмъ разрушается само собою очень распространенное представленіе о вещной и абсолютной зависимости должника отъ кредитора, устанавливаемой, притомъ, въ самый моментъ заключенія договора nexum. Съ другой стороны, личное задержаніе должника и предоставленіе его, при соблюденіи извѣстныхъ условій, въ распоряженіе кредитора (addictio) является дѣйствіемъ, вытекающимъ непосредственно не изъ договора, а изъ факта его неисполненія. Этотъ фактъ неисполненія или просрочка ассоціируется всегда въ древнемъ правѣ съ представленіемъ о вѣроломствѣ, о своего рода деликтѣ, который вызываетъ месть кредитора независимо отъ вопроса о винѣ должника и устанавливаетъ несомнѣнное сходство между неисправнымъ должникомъ и обыкновеннымъ деликвентомъ. Слово „nexus“ означаетъ „связанный“; но въ смыслѣ древне-римскаго права „связаннымъ“ былъ не всякій должникъ, вступившій въ договоръ nexum, но лишь тотъ, кто оказывался неисправнымъ въ срокъ исполненія по обязательству и подвергался за это личному задержанію. Съ этого момента онъ только и назывался „связаннымъ“,—а взглядъ, возводящій эту „связанность“ къ моменту заключенія обязательства, навязываетъ опять древне-римскому праву позднѣйшее представленіе классическаго римскаго и современнаго права о vinculum juris, устанавливающемъ обязательственную связь между лицами, участвующими въ обязательствѣ, немедленно по его заключеніи. Эта обязательственная связь позднѣйшаго права есть только фигуральное выраженіе, тогда какъ узы, налагавшіяся на древне-римскаго должника, были настоящими узами, и наложеніе ихъ не совпадало съ началомъ обязательства, а принадлежало экзекутивному процессу,

который въ древнемъ Римѣ былъ, въ то же время, проявленіемъ мести кредитора въ отношеніи несостоятельнаго должника. Рѣзко деликтный отпечатокъ отношеній между кредиторомъ и должникомъ, устанавливающійся съ момента просрочки послѣдняго, не составляетъ особенности древне-римскаго права. Исторія права указываетъ въ этомъ отношеніи на поразительное однообразіе обычаевъ и законовъ всѣхъ народовъ, стоящихъ на низкихъ ступеняхъ развитія. Угроза продажей въ рабство и изувѣченіемъ неисправнаго должника въ древне-норвежскомъ правѣ представляетъ полную аналогію съ постановленіемъ 12 таблицъ объ in partes secare и не отличается ничѣмъ отъ отвѣтственности за деликты. И точно также, какъ деликвентъ могъ откупиться отъ частной мести соглашеніемъ съ потерпѣвшимъ отъ его преступленія, то же jus pasciendi, предоставленное неисправному должнику, предотвращало грозившую ему катастрофу, со всѣми ея тяжелыми послѣдствіями. Предупреждавшее эти послѣдствія частное соглашеніе между кредиторомъ и должникомъ (pascio) было возведено позднѣйшими законами въ легальную норму, которая устранила, въ то же время, и привилегированное положеніе договора nexum въ ряду другихъ обязательствъ. Nexum утратилъ съ этихъ поръ силу обязательства, надѣленнаго исполнительной силой помимо судебнаго рѣшенія, и былъ подчиненъ условіямъ обыкновеннаго процесса, т. е. сдѣланъ, вопреки своей первоначальной безспорности, обыкновеннымъ предметомъ судебнаго разбирательства. Лишенный тогда связанныхъ съ нимъ выгодъ, nexum потерялъ, естественно, прежнее практическое значеніе и уступилъ свое мѣсто въ гражданскомъ оборотѣ той простой и подвижной формѣ обязательства, которая извѣстна подъ именемъ стипуляціи. Вмѣстѣ съ этимъ, и поручители древне-римскаго права, называвшіеся vindex, vas, praes, и вполнѣ заступавшіе собою первоначальнаго должника, были замѣнены настоящими поручителями съ акцессорной отвѣтственностью. Это—такъ называемые sponsores, которые устанавливались посредствомъ sponsio, послужившей прототипомъ стипуляціи. „Прослѣдить всѣ фазы указаннаго процесса—значитъ изложить исторію обязатель-

ственнаго договора, что́ не входитъ въ планъ изслѣдованія“ нашего автора, заканчивающаго какъ разъ этими словами свою интересную и выдающуюся въ нашей юридической литературѣ книгу.

Считаемъ нелишнимъ упомянуть, что она не осталась незамѣченной въ ученомъ мірѣ, вызвавъ уже два большихъ и сочувственныхъ отзыва въ нашихъ журналахъ („Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ и „Журналъ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества“) и одну небольшую, но чрезвычайно лестную для нашего автора рецензію въ „Nouvelle revue historique de droit français et étranger“, 1896 г. № 4. Эта послѣдняя рецензія принадлежитъ перу маститаго знатока сравнительной исторіи права, Р. Дареста, и кладетъ на изслѣдованіе г. Гусакова печать счастливаго исключенія въ нашей особенно убогой по римскому праву литературѣ.

ИЗЪ ЗАМѢТОКЪ И НАБЛЮДЕНІЙ
МИРОВАГО СУДЬИ.

П. А. Тулуба.

I.

Коммисія для пересмотра законоположеній по судебной части продолжаетъ привлекать къ себѣ общественное вниманіе. Серьезное, значительное дѣло творитъ она, широко и правильно поставленное. Лучшіе юристы страны призваны къ участію въ дѣлѣ обновленія судебнаго зданія. Кипитъ живая, неустанная работа. Еще не такъ давно къ тысячамъ судебныхъ дѣятелей, разсѣяннымъ по безпредѣльному пространству Россіи, разсылались ряды вопросовъ. Въ нихъ коммисія искала указаній практики на непригодность той или другой статьи процессуальныхъ законовъ. Отмѣтьте, говорила она, тѣ измѣненія, которыя желательны. Выскажитесь по любому вопросу, выдвинутому жизнью. Всякое замѣчаніе, въ какой бы формѣ оно ни было изложено, будетъ принято съ благодарностью.

Симпатичный, бодрящій призывъ! Какую энергію вдохнулъ онъ въ массу „чиновъ судебнаго вѣдомства“, забытыхъ и затерянныхъ въ глуши, въ тѣхъ труженикахъ правосудія, удѣлъ которыхъ лишь примѣненіе закона—безостановочное, изо дня въ день, однообразное и скучное примѣненіе, пріучающее съ теченіемъ времени къ механичности работы, убивающее пытливость мысли, разрушающее здоровье...

Годами тянулся этотъ скучный мучительный трудъ. Лишь къ выдвигаемымъ жизнью фактамъ, лишь къ даннымъ того или иного юридическаго казуса приковывалось вниманіе. Общіе, теоретическіе вопросы отодвигались на задній планъ, тускнѣли и меркли въ изнеможенной памяти... Бодрящій призывъ оторвалъ мысль отъ будничныхъ заботъ и напомнилъ ей объ интересахъ общихъ, о правосудныхъ нуждахъ необъятной родины. И ожили въ душѣ настроенія молодости; явилась вновь потребность въ книгѣ, въ обновленіи давно пріобрѣтенныхъ знаній. Изъ области мелкихъ житейскихъ дрязгъ духовный взоръ опять вознесся въ область отвлеченія, въ сферу теоріи, въ то свѣтозарное царство знанія и науки, за которымъ, какъ за путеводною звѣздою, благоговѣйно слѣдуетъ положительное законодательство каждой цивилизованной страны. И когда, освѣженный мышленіемъ умъ сталъ приглядываться къ сложившимся порядкамъ дѣйствующаго судебнаго механизма, ему виднѣе стали изъяны и недостатки этого механизма.

И многіе откликнулись на призывъ коммисіи, сообщивъ свои мнѣнія, указанія, проекты. Собранные коммисіею матеріалы сортируются, переработываются, и обновленный судебный строй будетъ, въ значительной степени, созданіемъ всей судебной Россіи. И дай Богъ только одного, чтобы съ обновленіемъ нашего судебнаго строя для дѣла правосудія открылись еще болѣе широкіе, еще болѣе озаренные свѣтомъ горизонты, чѣмъ тѣ, которые развернулись предъ Россіей въ знаменательный день 20-го ноября 1864 года!

II.

Скромна дѣятельность мироваго судьи: ея рамки узки, и незначительны тѣ правонарушенія и гражданскіе иски, которые подлежатъ ея компетенціи. Но обнимаемая мировымъ судомъ область есть все-таки область интересовъ и общества, и отдѣльныхъ лицъ, и поэтому она имѣетъ право на самое серьезное къ себѣ вниманіе. Близко стоящая къ народу, вѣдающая дѣла, которыя на пространствѣ одной и той

же судебной территоріи, по количеству своему, въ нѣсколько разъ превышаютъ сумму дѣлъ, подсудныхъ общимъ судебнымъ учрежденіямъ, мировая юстиція является живою проводницею въ народныя массы элементовъ законности и порядка. Оттого-то нужды ея не могли быть забыты и не остались забытыми коммисіею. И къ мировымъ судьямъ былъ тоже направленъ разновременно рядъ запросовъ относительно тѣхъ или иныхъ процессуальныхъ неудобствъ мироваго судопроизводства. И такъ же, какъ и остальные дѣятели, дѣятели мироваго суда, въ отвѣтъ на обращенный къ нимъ призывъ, представили въ коммисію рядъ своихъ мнѣній и указаній.

Вопросы, отвѣты на нихъ—все это по большей части отмѣчено слишкомъ спеціальнымъ характеромъ и, при своемъ разнообразіи и пестротѣ, быть можетъ для журнальной статьи представится матеріаломъ нѣсколько громоздкимъ и скучнымъ. Но среди разосланныхъ коммисіею вопросовъ есть нѣкоторые, которые особенно живо затрогиваютъ нужды повседневной жизни и интересы самого правосудія. И вотъ, въ качествѣ дѣятеля мироваго суда, авторъ настоящей статьи и хочетъ отмѣтить какъ эти послѣдніе вопросы, такъ и отвѣты на нихъ, подсказываемые жизнью и указаніями судейскаго опыта.

III.

Дѣятельность мироваго суда, какъ не знающаго ни предварительнаго слѣдствія, ни обряда преданія суду, начинается вызовомъ въ судъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. То, что предшествовало вызову, было лишь подготовительною работою. Принимались лично и получались съ почты жалобы отъ частныхъ лицъ; поступали отъ нихъ же исковыя прошенія; доставлялись произведенныя полиціею дознанія, составленные ею протоколы; тѣ или иныя казенныя управленія—лѣсное, акцизное и др.—вступали въ судъ съ различными требованіями и обвиненіями, касающимися предметовъ ихъ вѣдомства.

Безконечная вереница всевозможныхъ бумагъ, что ни день—неизсякающимъ потокомъ приливающая въ каждый ми-

ровой участокъ. Все это записывалось въ такъ называемыя настольныя книги, одѣвалось въ того или иного цвѣта обложку; обложка снабжалась надписью о существѣ вшитыхъ въ нее бумагъ, отмѣчалась опредѣленнымъ номеромъ, и получалось то, что́ на языкѣ канцеляріи называется „дѣломъ“. Но первый шагъ къ чисто-судебной функціи—къ судебному разбирательству уже поступившихъ дѣлъ—есть приглашеніе тяжущихся явиться въ камеру.

Какъ дѣлается это приглашеніе?

Въ этомъ отношеніи въ законѣ указанъ точный и довольно подробный порядокъ. Обвинители и обвиняемые по уголовнымъ дѣламъ, истцы и отвѣтчики по гражданскимъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ свидѣтели—вызываются въ судъ повѣстками. Повѣстка, какъ многимъ хорошо извѣстно, это небольшой кусокъ бумаги, по большей части въ восьмушку листа, представляющій собою печатный бланкъ съ отмѣткою на лицевой сторонѣ—кто, куда, въ качествѣ кого, на какой именно срокъ и по какой причинѣ вызывается въ судъ; на оборотѣ—оттискъ законовъ, касающихся послѣдствій неявки. Снабженная подписью мироваго судьи, повѣстка отсылается не прямо вызываемому лицу; она достигаетъ адресата чрезъ различныхъ полицейскихъ чиновниковъ, при посредствѣ полицейскихъ управленій, чрезъ волостныя правленія и посылается всегда въ двухъ экземплярахъ. Вызываемый росписывается въ полученіи повѣстки на одномъ экземплярѣ, подлежащемъ возвращенію мировому судьѣ, а другой оставляетъ у себя, и затѣмъ дальнѣйшее предоставляется его доброй волѣ: онъ можетъ явиться или не явиться въ судъ по своему усмотрѣнію. Неявка повлечетъ за собою лишь извѣстныя послѣдствія. Для свидѣтелей этимъ послѣдствіемъ будетъ штрафъ, для обвинителя по уголовнымъ дѣламъ, допускающимъ примиреніе,—отказъ въ жалобѣ; для истца по гражданскому дѣлу—прекращеніе дѣла производствомъ, если объ этомъ попроситъ отвѣтчикъ и если въ исковомъ прошеніи не заявлено истцомъ ходатайство о разсмотрѣніи дѣла въ его отсутствіи, по отношенію же неявившагося обвиняемаго, если его дѣяніе карается лишь штрафомъ или арестомъ,

и отвѣтчика по гражданскому дѣлу—неявка повлечетъ за собою заочное разбирательство и заочное постановленіе рѣшенія; по преступленіямъ же, за которыя въ законѣ положено тюремное заключеніе и которыя должны быть разсматриваемы въ присутствіи обвиняемаго, мировой судья, при неявкѣ подсудимаго, отлагаетъ слушаніемъ дѣло и распоряжается о доставленіи обвиняемаго въ новое засѣданіе принудительно, подъ стражею, или, говоря спеціальнымъ языкомъ закона, постановляетъ опредѣленіе о приводѣ.

Вотъ общія правила о вызовѣ въ судъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Правила эти, однако, допускаютъ исключеніе и именно по только-что указаннымъ дѣламъ, влекущимъ за собою тюремное заключеніе. Не только послѣ неявки подсудимаго, но и вообще, посылая по такимъ дѣламъ первую вызывную повѣстку, мировой судья съ тѣмъ вмѣстѣ имѣетъ право сдѣлать полиціи предписаніе о приводѣ обвиняемаго. Должностное лицо, вручая повѣстку, объявляетъ объ этомъ распоряженіи адресату, затѣмъ арестуетъ его, и обвиняемый доставляется въ судъ съ конвоемъ. Изъятіе—довольно суроваго характера, и во вниманіе къ несомнѣнной его отяготительности коммисія вполнѣ основательно поставила мировымъ судьямъ вопросъ о томъ, насколько же велико число случаевъ такого принудительнаго доставленія обвиняемыхъ въ судъ и въ какомъ соотношеніи съ этимъ числомъ количество обвинительныхъ и оправдательныхъ приговоровъ.

IV.

Оказывается—въ провинціи, у большинства мировыхъ судей вошло въ обычай огульно, въ первое же засѣданіе подвергать приводу всѣхъ тѣхъ, кому по роду ихъ преступленія грозитъ возможность быть приговоренными къ тюрьмѣ. И примѣняется этотъ порядокъ исключительно къ простолюдинамъ, къ мужикамъ. Причина заключается въ томъ, что крестьянамъ присуще представленіе о кражѣ, мошенничествѣ, присвоеніи и растратѣ, какъ о дѣяніяхъ, допускающихъ примиреніе. Не рѣдки случаи, когда, въ отвѣтъ на повѣстку о

вызовѣ въ судъ по обвиненію въ одномъ изъ только-что указанныхъ преступленій, отъ обвиняемаго и потерпѣвшаго получается по почтѣ прошеніе съ заявленіемъ, что, молъ, помирились, никакихъ претензій другъ къ другу не имѣемъ и просимъ дѣло прекратить. Между тѣмъ свидѣтели явились въ засѣданіе и явились издалека за 40, 50, 60 и даже болѣе верстъ. При несостоявшемся разборѣ они должны возвратиться домой, понести напрасно и трудъ и расходы на передвиженіе, потерять даромъ время, которое, напримѣръ, лѣтомъ, въ разгаръ полевыхъ работъ, болѣе, чѣмъ дорого. Путевыя издержки если и будутъ впослѣдствіи присуждены, не вознаградятъ понесенныхъ убытковъ и едва-ли будутъ уплачены обвиняемымъ, по большей части человѣкомъ бѣднымъ, и естественно лягутъ на счетъ казны. Наконецъ совершится то, что̀ на служебномъ языкѣ называется снятіемъ дѣла съ очереди, а при необычайной массѣ работы, которою завалены судьи, и это обстоятельство не можетъ быть игнорируемо. Что же касается количества оправдательныхъ приговоровъ, то въ нѣсколькихъ намъ извѣстныхъ мировыхъ округахъ юго-запада это количество на общую сумму дѣлъ, по которымъ былъ допущенъ приводъ, колеблется между 25 и 40%.

Таковы оправдательные мотивы приводовъ. Несмотря на уважительность ихъ съ точки зрѣнія фиска и быстроты производства судебныхъ дѣлъ, едва-ли ихъ можно признать правильными съ точки зрѣнія гуманности и справедливости. Не говоря уже о томъ, что огульность какой бы то ни было суровой мѣры никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ внушать къ себѣ сочувствія,—поголовный приводъ представляется недопустимымъ хотя-бы во вниманіе къ указанному выше проценту оправдательныхъ приговоровъ. Въ самомъ дѣлѣ: къ чему и зачѣмъ причинять неповиннымъ людямъ напрасныя страданія? А что страданія причиняются,—это хорошо извѣстно тѣмъ судебнымъ дѣятелямъ, которые обречены на службу въ провинціальной глуши. Приводъ здѣсь является приводомъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова: обвиняемаго не везутъ, а пѣшкомъ ведутъ нѣсколько десятковъ

верстъ. Представьте же себѣ осеннюю или весеннюю распутицу, растаявшій снѣгъ, размягченную землю, липкую, холодную грязь, подчасъ доходящую до колѣнъ! Угрюмый десятскій съ палкою въ рукѣ, а рядомъ—жалкая согбенная фигура мужичка—въ ветхой одеждѣ, въ дырявой обуви, а то и совсѣмъ безъ нея. Понурые, голодные и холодные, медленно движутся они по дорогѣ, осмѣливаясь лишь иногда, да и то съ опаскою, попросить обратнаго ямщика „явить имъ божескую милость—подвести малость“. Съ опаскою,—потому что кому же охота „знаться съ арестантомъ“. А зимою во время мороза и вьюги, когда вѣтеръ наметаетъ по дорогамъ сугробы, когда и самой-то дороги не видно?... Трудное, мучительное передвиженіе. Переходъ совершается медленно, съ извѣстными формальностями. На пакетѣ, адресованномъ мировому судьѣ и находящемся у десятскаго, полиціей или волостью прописанъ подробный маршрутъ—перечень деревень, чрезъ которыя должно слѣдовать. Въ каждой деревнѣ—на смѣну новый десятскій. Если его нѣтъ почему-нибудь—въ отлучкѣ ли, занятъ ли другимъ дѣломъ—остановка въ этапной избѣ, ночевка впроголодь, въ холодной конурѣ, кишащей паразитами. Бьется, мучится человѣкъ, переживаетъ нравственную пытку, проходя чрезъ селенія подъ стражею; подвергается издѣвательствамъ, нерѣдко побоямъ, достигаетъ наконецъ камеры судьи, и тутъ-то вдругъ оказывается, что обвиненіе не имѣетъ подъ собою никакой почвы, и цѣною перенесенныхъ страданій покупается право выслушать лишь оправдательный приговоръ, иногда постановленный „по отсутствію въ дѣйствіяхъ обвиняемаго признаковъ уголовно-наказуемаго дѣянія“ [1]).

---

[1]) Для иллюстраціи здѣсь умѣстно будетъ привести одинъ фактъ, обошедшій года два тому назадъ всѣ русскія газеты. Изъ Прибалтійскаго края какой-то крестьянинъ переселился въ одну изъ Пріуральскихъ губерній. Передъ отъѣздомъ онъ продалъ все свое недвижимое имущество и, явившись съ семьею въ новыя края, пріобрѣлъ тамъ участокъ земли, сталъ строиться, обзаводиться хозяйствомъ, какъ вдругъ, во время самаго разгара лѣтнихъ работъ, ему предъявляютъ повѣстку отъ мироваго судьи. Что̀ такое? Оказывается—въ качествѣ обвиняемаго въ кражѣ онъ вызывается на родину и вызывается путемъ привода. Не чувствуя за собою вины, крестьянинъ недоумѣваетъ, пробуетъ оспаривать дѣйствительность вызова, наконецъ протестуетъ противъ привода. Его протестамъ, понятно, не

V.

Казалось бы—вопросъ объ урегулированіи права привода, которое нынѣ принадлежитъ мировымъ судьямъ безъ всякихъ ограниченій, могъ бы быть разрѣшенъ на практикѣ очень просто: стоило бы прежде пользованія этимъ правомъ всякій разъ раскрыть дѣло и по крайней мѣрѣ посмотрѣть, насколько вѣски противъ обвиняемаго улики. Но за массой работы мировые судьи этого не дѣлаютъ и, безпристрастно говоря, въ бойкихъ участкахъ даже и дѣлать не могутъ. Поэтому приготовленіе и разсылка повѣстокъ, а вмѣстѣ съ ними и распоряженія о приводѣ всегда вручены безконтрольному распоряженію вольно-наемныхъ письмоводителей. Канцелярія, видя изъ заголовка дѣла характеръ обвиненія, сама дѣлаетъ добавленіе къ бумагѣ, при которой отсылаются повѣстки, что, молъ, такого-то и такого-то должно подвергнуть приводу; такая же отмѣтка ставится и на самой повѣсткѣ. Мировые же судьи и эти бумаги, и повѣстки подписываютъ не читая, и правильности принятой мѣры не провѣряютъ. И винить ихъ за это нельзя: во многихъ участкахъ общее количество посылаемыхъ повѣстокъ доходитъ, а подчасъ и переходитъ 15 тысячъ экземпляровъ въ годъ.

Но пусть бы мировые судьи и усвоили себѣ привычку такого контроля,—интересы обвиняемыхъ не стали бы болѣе обезпеченными. Нужно не терять изъ виду порядка возник-

---

внемлютъ, подвергаютъ его задержанію, сажаютъ въ тюрьму и по этапу отправляютъ къ Балтійскому морю. Боясь остаться одна на чужой сторонѣ, жена захватываетъ съ собою то, что можно было захватить, и вмѣстѣ съ дѣтьми отправляется вслѣдъ за мужемъ. И вотъ пошли мытарства этапныхъ скитаній. *Восемь мьсяцевъ* длился приводъ и лишь на девятый обвиняемый предсталъ передъ судомъ. И что же? Обвиненіе оказалось вымышленнымъ, вытекавшимъ изъ чувства мести за старыя сосѣдскія недоразумѣнія. Никакого преступленія не было, да и не могло быть: предметъ мнимой кражи былъ купленъ обвиняемымъ у самого же потерпѣвшаго въ присутствіи цѣлаго ряда свидѣтелей. Мировой судья постановилъ оправдательный приговоръ, а самое обвиненіе призналъ недобросовѣстнымъ, чѣмъ предоставилъ оправданному право возбудить противъ обвинителя уголовное преслѣдованіе за ложный доносъ. Но разоренной семьѣ было не до новыхъ тяжбъ. Съ копіею мотивированнаго приговора въ рукахъ, оборванные, голодные, отецъ и мать съ дѣтьми долго бродили по г. Ригѣ, выпрашивая подаянія на обратную дорогу.

новенія у мировыхъ судей ихъ дѣлъ. Какъ уже говорилось въ началѣ, это или жалобы, лично поданныя самими потерпѣвшими, или дознанія, произведенныя полиціею по заявленіямъ тѣхъ же потерпѣвшихъ лицъ и потомъ препровожденныя къ судьѣ. Въ жалобахъ обыкновенно лишь указываются фактъ преступленія, совершитель послѣдняго и тѣ свидѣтели, которые могутъ подтвердить обвиненіе. Но дѣйствительно ли имѣло мѣсто преступленіе, или заявленіе о немъ вымышленно, продиктовано недоброжелательствомъ къ обвиняемому, чувствомъ вражды къ нему,—этого изъ бумаги не видно. Въ дознаніяхъ, произведенныхъ полиціею, заключается почти то же: изложена сущность словеснаго заявленія, сдѣланнаго тѣмъ, чьи интересы задѣты преступленіемъ; затѣмъ идутъ показанія обвиняемаго и свидѣтелей, и если былъ произведенъ обыскъ,—то данныя, имъ добытыя. Эти двѣ категоріи бумагъ по большей части приводятся къ одному знаменателю, когда мировой судья признаетъ нужнымъ препроводить полученныя отъ частныхъ лицъ жалобы—полиціи „для производства по существу ихъ дознанія“. Возвратясь обратно въ камеру судьи, письменныя заявленія потерпѣвшихъ лицъ, провѣренныя полиціею на мѣстѣ,—результаты провѣрки заключены всегда въ особый протоколъ,—превращаются въ тѣ же обыкновенныя полицейскія дознанія. Такимъ образомъ въ тотъ моментъ, когда дѣло берется съ полки канцелярскаго шкафа для приготовленія повѣстокъ, въ распоряженіи мироваго судьи имѣются такія данныя противъ подсудимаго, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть сочтены за несомнѣнныя. Они не могутъ быть сочтены такими, во-1-хъ, потому, что, по мысли законодателя, все, предшествующее суду, все, запечатлѣнное лишь на письмѣ, въ дознаніи, является лишь поводомъ къ начатію дѣла, но для судьи никакого доказательнаго значенія не имѣетъ: вопросъ о виновности устанавливается лишь на судѣ, во время разбора дѣла—путемъ личнаго допроса судьею обвиняемаго, потерпѣвшаго и свидѣтелей; во-2-хъ, потому, что слѣдственная дѣятельность полиціи, при крайне низкомъ умственномъ и нравственномъ уровнѣ ея агентовъ вообще, а въ глухихъ уѣздахъ — въ особенности, не

можетъ вести къ установленію объективной истины. Какъ часто во время засѣданій мировымъ судьямъ приходится убѣждаться въ томъ, что во время допроса обвиняемый, въ видахъ побужденія его къ признанію вины, подвергался побоямъ—грубымъ, жестокимъ, подчасъ просто безчеловѣчнымъ! Разъ же вопросъ о виновности обвиняемаго до суда остается открытымъ, то при гадательной возможности обвинительнаго приговора въ будущемъ приводъ обвиняемаго является ничѣмъ неоправдываемою несправедливостью. Пусть лучше десять разъ отложится засѣданіе по неявкѣ обвиняемыхъ, чѣмъ хоть одинъ невинный понесетъ на себѣ тягости привода!

Изложенныя мысли приводятъ къ тому выводу, что безграничное право мировыхъ судей на примѣненіе привода должно быть устранено изъ закона. Есть легкій и простой способъ упорядоченія этого дѣла. Стоитъ обратиться къ помощи тѣхъ статей Устава уголовнаго судопроизводства, которыя трактуютъ объ аналогичномъ правѣ судебныхъ слѣдователей. Въ самомъ дѣлѣ: по дѣламъ, не влекущимъ за собою лишенія правъ, судебный слѣдователь можетъ прибѣгнуть къ приводу лишь тогда, когда обвиняемому не могъ быть сдѣланъ призывъ по укрывательству его, или когда обвиняемый не имѣетъ постояннаго мѣстожительства, извѣстнаго ремесла или промысла. Такъ какъ налагаемое мировыми судьями тюремное заключеніе не влечетъ за собою лишенія правъ, то эти правила легко могутъ быть провозглашены обязательными и для мировыхъ судей. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ мировые судьи обязаны вызывать обвиняемыхъ просто повѣстками. Только практика рекомендуетъ въ такихъ случаяхъ дѣлать вверху, на лицевой сторонѣ повѣстки, отчетливую, легко бросающуюся въ глаза отмѣтку: *„явиться непремѣнно“*. Разъ же въ отвѣтъ на такой призывъ все-таки послѣдуетъ неявка и не будетъ указано причинъ, оправдывающихъ ее,—приводъ явится мѣрою, вызванною уже самимъ обвиняемымъ. Но тогда—volenti non fit injuria.

VI.

Говорилось выше, что послѣдствіемъ неявки отвѣтчика по гражданскому иску является заочное разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣла. Какъ часто имѣютъ мѣсто такія неявки? Почти всегда, когда затяжка дѣла по той или иной причинѣ выгодна тому, къ кому адресовано исковое требованіе. Здѣсь мы подходимъ къ старому, но вѣчно юному вопросу, о которомъ много и давно писалось и пишется.

Искусственныя проволочки дѣлъ, создаваемыя находчивыми отвѣтчиками, всѣмъ давно извѣстны. Рѣдки случаи, чтобы отвѣтчикъ явился въ первое по вызову засѣданіе: обыкновенно онъ терпѣливо ждетъ заочнаго рѣшенія и, получивъ копію его, пользуется правомъ, предоставленнымъ ему закономъ, и приноситъ отзывъ, т. е. просьбу о новомъ разсмотрѣніи дѣла, и приноситъ ее непремѣнно въ самый послѣдній день срока. Да и тутъ почти всегда забываетъ приложить причитающіяся съ него судебныя пошлины. Создается новое затрудненіе, новая потеря времени: отзывъ „оставляется безъ движенія“; шлется объявленіе отвѣтчику о присылкѣ денегъ; назначается на это опредѣленное въ законѣ количество дней.

Коммисія для пересмотра законоположеній по судебной части не могла не обратить вниманія на это обстоятельство и вполнѣ основательно спросила мировыхъ судей, не слѣдуетъ ли для предупрежденія подачи такихъ неоплаченныхъ отзывовъ, имѣющихъ цѣлью лишь затяжку дѣла, установить нѣсколько измѣненный порядокъ: судъ, посылая выписку заочнаго рѣшенія отвѣтчику, объявляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ ему, что неприложеніе къ отзыву пошлинъ въ должномъ количествѣ будетъ имѣть послѣдствіемъ не оставленіе отзыва безъ движенія, а просто—непринятіе его.

Проектъ этотъ вполнѣ раціоналенъ и, сколько намъ извѣстно, онъ встрѣченъ съ большимъ сочувствіемъ всѣми мировыми судьями и замѣстившими ихъ во многихъ губерніяхъ городскими судьями и уѣздными членами окружныхъ судовъ. Въ самомъ дѣлѣ, отзывы почти всегда лишены какой бы то

ни было юридической почвы и подаются съ одною цѣлью—ради оттяжки удовлетворенія иска, для отсрочки платежа.

Чтобы ослабить приливъ ихъ, многіе судьи практикуютъ слѣдующій порядокъ. Лишь только полученъ отзывъ безъ приложенія денежнаго сбора, въ тотъ же день, невзирая на массу другой срочной работы, отвѣтчику шлется объявленіе о присылкѣ денегъ. Въ препроводительной бумагѣ—волости или полиціи предлагается немедленно вручить объявленіе адресату. Затѣмъ, лишь только деньги прибыли въ участокъ, дѣло назначается не въ очередь, на самый ближайшій срокъ. Бывали случаи, когда при такомъ порядкѣ между присылкой неоплаченнаго отзыва и днемъ новаго разбора, несмотря на потерю времени на „оставленіе безъ движенія“, проходило 10—15 дней. Въ случаѣ же присылки одновременно и отзыва, и денегъ,—дѣло назначалось еще скорѣе. И что же? Количество отзывовъ уменьшалось вообще на двѣ трети, настолько же, если не больше, уменьшалось и число отзывовъ, не оплаченныхъ судебною пошлиною. Отвѣтчикамъ становилась понятной непрактичность ихъ дѣйствій: къ чему тратить деньги на пересылку неоплаченнаго отзыва въ заказномъ письмѣ, къ чему, въ отвѣтъ на увѣдомленіе объ „оставленіи безъ движенія“, дѣлать новый расходъ на пересылку денежнаго пакета (не говоря уже о раньше понесенныхъ расходахъ на самое составленіе отзыва), если ото всѣхъ этихъ затѣй будетъ выиграно въ смыслѣ проволочки дѣла самое бо́льшее—три недѣли.

Очевидно, заочный порядокъ не нуженъ для добросовѣстныхъ тяжущихся и вмѣстѣ съ тѣмъ обременителенъ для суда. Поэтому можно выразить рѣшительное пожеланіе, чтобы въ новоизданномъ уставѣ гражданскаго судопроизводства этотъ порядокъ не только былъ измѣненъ въ смыслѣ вышеизложеннаго проекта коммисіи, но еще лучше—совсѣмъ бы не нашелъ себѣ мѣста. Интересы тяжущихся отъ этого нисколько не пострадаютъ: истецъ будетъ въ выигрышѣ, для отвѣтчика же всегда открытъ путь обжалованія состоявшагося противъ него рѣшенія во вторую инстанцію. Но за-то отмѣна сниметъ съ судей массу напрасной работы, массу ненужной

переписки, творимой лишь въ угоду изворотливому отвѣтчику, которому не хочется немедленно удовлетворить обращенное къ нему вполнѣ законное и основательное исковое требованіе. Получится экономія судейскихъ силъ, и эти силы съ большею пользою обратятся на тѣ дѣла, гдѣ есть вполнѣ добросовѣстная, не прибѣгающая къ уловкамъ борьба двухъ тяжущихся сторонъ, съ полной искренностью отстаивающихъ каждая свои интересы и права [1]).

VII.

Мировой судъ, по роду подвѣдомыхъ ему дѣлъ, по преобладающему характеру населенія страны, обреченъ въ провинціи на службу преимущественно интересамъ бѣдной, простонародной среды. Крестьяне и мѣщане, сѣрый, сермяжный людъ—вотъ обычные посѣтители судейской камеры. Въ грубой тяжелой одеждѣ тѣснятся они на скамьяхъ въ комнатѣ засѣданій; съ любопытствомъ и вниманіемъ прислушиваются къ происходящему разбору дѣлъ. Во время перерывовъ тянутся къ судьѣ съ прошеніями и жалобами. Все широкія, грубыя, мозолистыя руки и въ каждой—вчетверо сложенный листъ бѣлой бумаги, испещренный витіеватыми разглагольствованіями какого-нибудь кабацкаго адвоката. Подходятъ, уходятъ одни, на смѣну имъ другія—все новыя и новыя лица. Живой потокъ людей, смѣсь армяковъ, длиннополыхъ шубъ, кожуховъ, кафтановъ; длинная, безконечная вереница смуглыхъ, загорѣлыхъ лицъ. Стуча своими тяжелыми, подкованными и смазанными дегтемъ сапогами, кланяясь и всячески выражая свое почтеніе, течетъ изо-дня въ день эта пестрая толпа мимо судейскаго стола, замирая лишь на время разбора. Выступятъ тогда предъ судьею двѣ тяжущихся стороны, обмѣняются объясненіями, опросятся свидѣтели, провозгласится

[1]) Эти соображенія въ равной мѣрѣ приложимы и къ заочнымъ приговорамъ по уголовнымъ обвиненіямъ. Разъ по дѣламъ о кражѣ, присвоеніи, растратѣ чужаго имущества, мошенничествѣ и ростовщичествѣ обязательна личная явка обвиняемыхъ, то по остальнымъ проступкамъ заочный порядокъ могъ бы быть уничтоженъ съ полнымъ успѣхомъ. Недовольные приговоромъ пусть жалуются въ мировой съѣздъ.

рѣшеніе—и опять все новые и новые люди. Темная, обездоленная нуждою масса! Какая скудость, какая бѣдность нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ. Ужасающая, сердце надрывающая картина почти поголовной неграмотности! И вотъ этотъ-то характеръ тяжущихся, обращающихся къ услугамъ мироваго суда, и не долженъ быть упускаемъ изъ виду при оцѣнкѣ того или иного процессуальнаго порядка. Многое въ законѣ является непригоднымъ именно во вниманіе къ темнотѣ и невѣжеству русской деревни.

Есть двѣ статьи Устава гражданскаго судопроизводства, особенно рѣзко дающія себя чувствовать въ только-что указанномъ смыслѣ. Статьи эти 106 и 409. Первая изъ нихъ гласитъ, что содержаніе письменныхъ документовъ, установленнымъ порядкомъ совершенныхъ или засвидѣтельствованныхъ, не можетъ быть опровергаемо свидѣтельскими показаніями. По второй—свидѣтельскія показанія вообще могутъ быть признаваемы доказательствомъ только тѣхъ событій, для которыхъ, по закону, не требуется письменнаго удостовѣренія. Смыслъ этихъ статей тотъ, что если, напримѣръ, взята взаймы извѣстная сумма денегъ и у кредитора есть вексель, подписанный должникомъ, при чемъ подпись засвидѣтельствована нотаріусомъ, то оспаривать свидѣтелями содержаніе текста векселя въ отношеніи суммы ли долга, срока ли платежа — вообще того, что̀ прописано въ векселѣ,—не дозволяется. Не допускаются свидѣтельскія показанія и въ удостовѣреніе какого-либо факта, если этотъ фактъ по закону можетъ быть доказываемъ только письменными доказательствами. Напримѣръ, уплата долга по векселю... Ее можно удостовѣрить только платежною росписью кредитора. Денежный долгъ вообще—его должно доказывать долговыми письменными документами и т. д.

Казалось бы, эти правила и просты, и легко исполнимы, и въ достаточной мѣрѣ гарантируютъ прочность денежныхъ сдѣлокъ. И цѣль ихъ, по разъясненіямъ Сената, вполнѣ прекрасная—охранять интересы тяжущихся и устранять изъ суда по возможности такія доказательства, которыя представляютъ менѣе достовѣрности въ сравненіи съ письменными документами. Такъ казалось бы... А между тѣмъ, на практикѣ...

Представьте себѣ, напримѣръ, такой случай. Исковое требованіе, обращенное къ крестьянину, опирается на заемное письмо, явленное у нотаріуса. Заемъ имѣлъ мѣсто нѣсколько лѣтъ тому назадъ—три-четыре года, или даже болѣе—шесть-семь лѣтъ тому назадъ. Истецъ-ростовщикъ [1]) проситъ взыскать всю означенную въ документѣ сумму сполна. Напрасно возражаетъ крестьянинъ, что долгъ давно погашенъ—частью наличными, частью скотомъ, зерномъ, наконецъ личною работою; что и взято-то было совсѣмъ не столько, сколько показано въ заемномъ письмѣ... Истецъ неумолимъ и стоитъ на своемъ.

Бога побойся! взываетъ крестьянинъ.—Какъ же такъ? Ты же вѣдь самъ признавался предъ людьми, передъ батюшкой даже, что въ разсчетѣ... Какъ же-жъ такъ?

И волнуясь, и негодуя, отвѣтчикъ торопливо передаетъ длинное повѣствованіе, какъ вотъ еще три мѣсяца тому назадъ онъ видѣлся съ истцомъ у приходскаго священника, на току... Кредиторъ пріѣзжалъ тогда покупать овесъ. Встрѣтились при людяхъ, на виду у всѣхъ, и священникъ былъ тутъ же. „Порви, молъ, росписку“, говорилъ мужикъ истцу, „а то лучше отдай! Деньги вѣдь не малыя—полтораста рублей“...

—Да, да, говорилъ! твердитъ крестьянинъ, враждебно оглядывая своего противника.—А ты мнѣ: „я человѣкъ честный; разъ уплатилъ—конецъ; два раза требовать не стану“. А на счетъ векселя сказалъ, что, молъ, потерялъ. Всѣ слышали это, батюшка слышалъ...

И отвѣтчикъ начинаетъ рыться за пазухою, вынимаетъ удостовѣреніе священника, подтверждающее правоту его словъ, и настойчиво проситъ вызвать священника и другихъ лицъ и допросить ихъ въ качествѣ свидѣтелей.

Спрашиваете истца, что̀ скажетъ онъ по поводу ходатайства отвѣтчика. И слышите:

---

[1]) Наши наблюденія относятся исключительно къ юго-западному краю.

—На основаніи 106 и 409 ст. Уст. гражд. суд., прошу въ допросѣ свидѣтелей отказать и удовлетворить исковое прошеніе, съ присужденіемъ процентовъ, судебныхъ и за веденіе дѣла издержекъ.

И говоря все это, истецъ смотритъ куда-то въ сторону, съ выраженіемъ неловкости на лицѣ, видимо стараясь овладѣть собою и сохранить спокойствіе.

Изъ любопытства просматриваете удостовѣреніе священника. Полное подтвержденіе объясненій отвѣтчика: истецъ признавалъ уплату долга, обѣщалъ возвратить документъ; все это священникъ „готовъ всегда подтвердить на судѣ по іерейской совѣсти“... Просматриваете и возвращаете назадъ. По страстности, съ которой говоритъ отвѣтчикъ, по смущенію истца, по нѣсколько измѣнившемуся его голосу вы ясно видите, что искъ недобросовѣстенъ, больше даже—прямо преступенъ... И тѣмъ не менѣе провозглашается рѣшеніе, удовлетворяющее всѣ требованія истца.

Господи, Господи! шепчетъ крестьянинъ.—Гдѣ же правда? Гдѣ законъ?

Ошеломленный онъ стоитъ среди камеры, вздыхаетъ въ отчаяніи и безнадежно разводитъ руками.

Попробуйте объяснить ему, что вся бѣда въ 409 ст. Уст. гражд. суд., что свидѣтелями уплата долга не можетъ быть подтверждаема, что противъ письменнаго документа, представленнаго истцомъ, можно бороться лишь письменными доказательствами... Крестьянинъ не пойметъ васъ.

—Какъ же, вашескродіе, а батюшкина бумага?... Съ церковною печатью вѣдь... писанная... Явите божескую милость!

Вооружившись хладнокровіемъ, ничего не отвѣчая, вы разъясняете тогда ему порядокъ обжалованія въ слѣдующую инстанцію. Отвѣтчикъ выслушиваетъ ваши слова съ печальною покорностью и медленно отходитъ отъ стола. И если вы станете слѣдить за нимъ, пока онъ дойдетъ до дверей камеры, вы часто въ такихъ случаяхъ увидите рядомъ и истца. Взявъ крестьянина за рукавъ, истецъ влечетъ его къ выходу и при этомъ твердитъ въ полъ-голоса: „Ну, что ты? Ну, чего ты? Пойдемъ, поговоримъ! Столкуемся и поладимъ“.

Бываютъ затѣмъ случаи, когда изъ объясненій сторонъ по аналогичнымъ искамъ выясняется совершенно неожиданная вещь. Двѣсти рублей были заняты лѣтъ 8 тому назадъ по безсрочному заемному письму, явленному у нотаріуса. Долгъ впослѣдствіи былъ погашенъ и документъ возвращенъ должнику. Но для послѣдняго возникла новая необходимость въ деньгахъ,—не въ такой, какъ раньше, но значительно меньшей суммѣ. „Писать новое письмо“—значитъ нести новые расходы на нотаріуса, на вексельную бумагу; между тѣмъ прежній документъ цѣлъ. И вотъ въ присутствіи свидѣтелей заимодавецъ предлагаетъ крестьянину дать ему старый документъ „только такъ, для обезпеченія“ съ условіемъ, что когда послѣдуетъ уплата по новому долгу,—заемное письмо будетъ возвращено. Сдѣлка заключается и заключается на словахъ. Но вмѣсто разсчета и возвращенія, кредиторъ чрезъ извѣстное время предъявляетъ искъ и проситъ взыскать съ должника всѣ двѣсти рублей. Повторяется та же исторія, что и раньше, и крестьянинъ уходитъ изъ камеры и возмущаясь, и недоумѣвая. Въ его представленіи законъ и судъ—синонимы высшей справедливости, высшей, непогрѣшимой правды. И вдругъ, по непостижимой для него причинѣ, и судъ, и законъ теряютъ эти основныя свои свойства и становятся на сторону явно несправедливаго, беззаконнаго требованія. И не только крестьянинъ—самъ судья, постановившій рѣшеніе, ощущаетъ въ себѣ не меньшее недоумѣніе: живая, насущная и къ тому же вполнѣ справедливая нужда пришла на судъ и не получила удовлетворенія; но за-то восторжествовало отвлеченное начало—два положенія, двѣ статьи процессуальнаго закона, оттиснутыя на страницахъ Устава гражданскаго судопроизводства.

VIII.

Изложенные факты сами говорятъ за себя. Очевидно—жизнь вопіетъ противъ правилъ двухъ указанныхъ статей закона, ищущихъ пока лишь одной формальной правды. Жизнь требуетъ измѣненія порядка, оказывающагося на практикѣ

непригоднымъ и ведущаго совершенно не къ тѣмъ результатамъ, къ которымъ стремился законодатель. Жизнь требуетъ реформы, во имя того общественнаго слоя, имущественные интересы котораго являются и должны являться одной изъ главныхъ заботъ правительства,—во имя матеріально и юридически безпомощной массы, изнывающей въ нуждѣ, коснѣющей въ невѣжествѣ....

Никто не станетъ спорить—соображенія Сената совершенно правильны: да,—106 и 409 статьи дѣйствительно гарантируютъ интересы тяжущихся и даютъ доказательствамъ бо̀льшую устойчивость и опредѣленность. Но это только въ средѣ грамотнаго городскаго населенія большихъ центровъ, въ средѣ торговой и промышленной; въ деревнѣ же, въ захолустьяхъ провинцій, въ западныхъ губерніяхъ въ особенности—правила эти являются источникомъ просто вопіющихъ неправдъ. И потому коммисія какъ нельзя болѣе кстати обратила вниманіе на 106 статью, спросивъ мировыхъ судей, не представляетъ ли буквальное ея примѣненіе какихъ-либо неудобствъ на практикѣ и не является ли вообще желательнымъ нѣсколько расширить предѣлы допустимости свидѣтельскихъ показаній.

Отвѣтъ на вопросъ вытекаетъ самъ собою изъ того, что̀ было сказано выше, и отвѣтъ этотъ не можетъ быть инымъ, какъ только утвердительнымъ. Реформа нужна, и чѣмъ скорѣе,—тѣмъ лучше.

Не такъ труденъ выходъ изъ существующаго положенія, какъ это можетъ казаться на первый взглядъ. Незыблемость 106 ст. значительно нарушена за послѣдніе годы: законъ о ростовщичествѣ нанесъ ей довольно чувствительный ударъ. Текстъ засвидѣтельствованнаго у нотаріуса долговаго документа—векселя или заемнаго письма—не представляется теперь безусловно неоспоримымъ. Мы говорили и говоримъ лишь объ этихъ двухъ видахъ письменныхъ документовъ потому, что они по преимуществу фигурируютъ въ дѣлахъ, разсматриваемыхъ мировыми судьями. Разъ противъ иска отвѣтчикъ возражаетъ, что имъ въ дѣйствительности получена совсѣмъ не та сумма, которая прописана въ документѣ,

а значительно меньшая, и что—и это самое главное—къ заключенію сдѣлки, являвшейся для него и невыгодной, и обременительной, онъ былъ побужденъ стѣснительными обстоятельствами, о которыхъ зналъ кредиторъ, производство гражданскаго дѣла пріостанавливается и противъ истца возбуждается уголовное преслѣдованіе за ростовщичество. Наступаетъ полный просторъ для свидѣтельскихъ показаній. Уголовный судъ выслушиваетъ ихъ съ полнымъ довѣріемъ и вниманіемъ и, въ случаѣ доказанности заявленія отвѣтчика, приговариваетъ истца къ уголовному наказанію (денежному штрафу и тюрьмѣ) и затѣмъ самое обязательство объявляетъ не имѣющимъ силы, предоставляя кредитору получить съ должника только то, что̀ было въ дѣйствительности дано при заключеніи сдѣлки.

Такимъ образомъ передача гражданскаго иска въ вѣдѣніе уголовнаго суда есть пока единственный способъ борьбы противъ неоспоримой доказательности явленнаго долговаго документа. Способъ этотъ не легкій: возбужденіе обвиненія въ ростовщичествѣ обставлено большими стѣсненіями. Сенатъ въ качествѣ кассаціонной инстанціи, Государственный Совѣтъ въ обнародованныхъ мотивахъ закона о ростовщикахъ—рекомендуютъ судамъ крайне осторожное примѣненіе уголовной репрессіи къ дѣламъ подобнаго рода. Признаки преступленія пересчитываются чуть-ли не по пальцамъ. Чувствуется боязнь, какъ бы широкое примѣненіе закона не повлекло за собою стѣсненіе денежнаго кредита вообще. Для признанія вины нужна наличность взиманія процентовъ, превышающихъ 12 на сто въ годъ, замаскированіе ихъ включеніемъ въ капитальную сумму, прописанную въ долговомъ документѣ. Судъ долженъ убѣдиться, что обвиняемый „занимается ссудами“, т. е. что отдача денегъ въ ростъ есть его профессія, и затѣмъ, въ придачу ко всему изложенному, нужна еще особая атмосфера, равно обнимающая всѣ эти признаки,—злоупотребленіе стѣсненнымъ положеніемъ должника, извѣстнымъ заимодавцу. Отсутствіе этого послѣдняго, крайне существеннаго, условія возвращаетъ дѣло въ первоначальное положеніе—въ сферу дѣйствія 106 ст., и тогда всему конецъ.

Но развѣ нѣтъ у насъ обширнаго круга людей, по отношенію къ которымъ всегда должно быть презумпціею предположеніе о крайнихъ, постоянно-стѣснительныхъ обстоятельствахъ? Мы говоримъ о деревенскомъ населеніи, о крестьянахъ.... Вѣдь каждая ссуда въ эту область есть почти всегда ссуда, просимая вслѣдствіе крайней нужды, вслѣдствіе такого матеріальнаго недостатка, который представляется положеніемъ ниже минимума удовлетворенія самыхъ насущныхъ человѣческихъ потребностей! Обстоятельство, a priori извѣстное каждому ростовщику, и тѣмъ болѣе печальное, что параллельно съ нуждой рука объ руку идетъ и невѣжество, и почти поголовная неграмотность—въ особенности въ неземскихъ губерніяхъ, что̀ еще болѣе способствуетъ успѣху и безнаказанности ростовщическихъ операцій. Провозгласить каждую ссуду въ деревню за проценты выше 12 въ годъ ростовщическою—было бы возможно лишь при существованіи у насъ сельскаго кредита широко и правильно поставленнаго. Разъ же его нѣтъ, деревня не можетъ быть обречена на невозможность займа у частныхъ лицъ, разъ въ деньгахъ есть постоянная и настоятельная необходимость. Не было ли бы поэтому отвѣтомъ на нужды жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ гуманнымъ и справедливымъ допустить въ самомъ гражданскомъ процессѣ свидѣтельскія показанія касательно текста явленнаго долговаго обязательства, разъ послѣднее выдано *крестьяниномъ* и къ тому же *неграмотнымъ*? Установятъ свидѣтели получку суммы значительно ниже показанной въ документѣ—приписанный излишекъ будетъ отвергнутъ судомъ, какъ незаконный. Усмотрится изъ обстоятельствъ дѣла, что причины займа выходили изъ нормы обычнаго положенія дѣлъ въ крестьянскомъ быту по исключительности и особой тягостности стѣснительнаго положенія должника,—для суда открыто право перейти къ уголовному обвиненію въ ростовщичествѣ, какъ дѣяніи, заключающемся въ выслѣживаніи чужой бѣды для того, чтобы при помощи ея опутать и разорить человѣка. Создастся такимъ путемъ извѣстная градація, извѣстная постепенность отъ прежняго порядка stricti juris—порядка 106 статьи—къ новому, созданному закономъ о

преслѣдованіи ростовщическихъ дѣйствій. Будетъ положенъ разъ навсегда конецъ включенію въ сумму долговаго обязательства не взятыхъ дѣйствительно денегъ, а взятаго съ добавкой безчеловѣчныхъ %, а противъ этого-то включенія съ особенной горячностью и возстаетъ законъ 24 мая 1893 г. Авторитетъ функцій нотаріата нисколько отъ этого не поколеблется, какъ не колеблется онъ и теперь, когда дѣло идетъ уголовнымъ путемъ. Всѣмъ вѣдь извѣстно, что явка векселя или заемнаго письма есть въ дѣйствительности только засвидѣтельствованіе подлинности подписи или самого должника, или, если онъ неграмотенъ, подписи того, кто расписался за выдающаго обязательство. Долговой документъ предъявляется нотаріусу самимъ должникомъ и, по засвидѣтельствованіи, возвращается ему же, передача же его кредитору и полученіе валюты слѣдуютъ всегда внѣ нотаріальной конторы. Такимъ образомъ вопросъ о томъ, насколько текстъ обязательства отражаетъ въ себѣ дѣйствительность, остается открытымъ и нотаріусами не изслѣдуется, какъ не подлежащій ихъ контролю и, слѣдовательно, можетъ быть изслѣдуемъ самимъ судомъ.

IX.

Мы говорили до сихъ поръ о содержаніи письменныхъ документовъ, охраняемыхъ 106 статьею. Но возраженіе отвѣтчика можетъ не касаться этого содержанія. Не оспаривая текста долговаго обязательства, отвѣтчикъ заявляетъ, что долгъ погашенъ, и въ доказательство проситъ допросить свидѣтелей. Вотъ здѣсь-то на помощь 106-ой выдвигается 409-я статья: ея суровое veto кладется на всякую попытку подтвердить уплату денегъ по письменному документу чѣмъ-либо инымъ, кромѣ росписки кредитора. Впрочемъ, въ этомъ есть, пожалуй, извѣстная послѣдовательность: разъ текстъ засвидѣтельствованнаго долговаго обязательства признается неоспоримымъ свидѣтелями, то и возраженіе объ уплатѣ долга должно опираться не на нихъ, а на письменныя доказательства. Но за-то, съ другой стороны,—разъ значеніе

106 статьи будетъ ослаблено согласно вышеизложеннымъ соображеніямъ,—нѣтъ причинъ оставлять неизмѣненною и 409 статью.

Здѣсь опять на сцену выступаетъ вопросъ о бѣдности и темнотѣ крестьянскаго населенія. Нужно вникнуть въ положеніе крестьянина. Если бы онъ могъ всегда возвратить взятое въ займы къ сроку, полностью и притомъ въ одинъ пріемъ! Тогда ликвидація отношеній съ кредиторомъ была бы очень проста: даются деньги—требуется обратно документъ. Но въ дѣйствительности бываетъ иначе: ростовщики склонны получать отъ своихъ должниковъ обязательства не на срокъ, а „по предъявленіи“, т. е. такія, которыя открываютъ имъ возможность предъявленія иска каждоминутно, по своему свободному усмотрѣнію. Съ такимъ документомъ въ рукахъ ростовщикъ, съ момента совершенія сдѣлки, становится по отношенію къ должнику въ положеніе Дамоклова меча, готоваго всегда обрушиться на свою жертву. Если уплата долга полностью и въ одинъ пріемъ по срочному обязательству, гдѣ моментъ платежа обусловленъ точно, является для крестьянина часто, если не почти всегда немыслимой, то тѣмъ болѣе угрожающимъ является для него кредиторъ, въ рукахъ у котораго имѣется право требовать возврата долга когда угодно, хоть на слѣдующій день послѣ займа. И вотъ, чрезъ нѣкоторое время послѣ выдачи ссуды, заимодавецъ пробуетъ исподволь оказывать давленіе на должника и, какъ слѣдствіе этого давленія, начинается уплата долга по частямъ и самыми разнообразными способами.

Есть деньги—даются деньги; нѣтъ—идутъ въ ходъ хлѣбъ въ зернѣ, огородныя произрастанія, домашняя птица, животныя—теленокъ, ягненокъ и т. д. При уплатѣ послѣдними нужно условиться на счетъ того, въ какую цѣну принимается каждый изъ этихъ предметовъ. Возникаетъ пререканіе, въ которомъ ростовщикъ старается всегда ставить себя въ положеніе человѣка, уступающаго лишь чужой настойчивости. Это выгодно, такъ какъ предлагаемые предметы пойдутъ тогда значительно дешевле, какъ навязанные противъ желанія; это нужно изъ благоразумной осторожности, потому что

законъ о ростовщикахъ подвергаетъ карѣ, между прочимъ, и отдачу денегъ сельскимъ обывателямъ „подъ условіемъ уплаты долга частью или вполнѣ хлѣбомъ, припасами или работою“. Возникшее изъ-за цѣны пререканіе въ концѣ концовъ завершается тѣмъ или инымъ соглашеніемъ, и происходитъ это всегда при двухъ—трехъ свидѣтеляхъ, присутствію которыхъ крестьяне придаютъ очень важное значеніе, какъ лицъ, могущихъ удостовѣрить послѣдовавшій разсчетъ.

Какъ и гдѣ тутъ додуматься темному человѣку до платежной росписки, которую законъ предписываетъ непремѣнно требовать отъ кредитора? Да и выдастъ ли онъ ее? По обыкновенію отложитъ „до слѣдующаго раза“, говоря, что сегодня, молъ, даешь пустяки; принесешь еще часть долга—посчитаемъ тогда все вмѣстѣ. А тамъ—новое уклоненіе подъ другимъ предлогомъ до той поры, пока должникъ не остановитъ совершенно платежей, почитая себя въ разсчетѣ. Тогда въ отвѣтъ—появленіе неумолимаго кредитора на дому, настойчивое требованіе не части, а всѣхъ денегъ, взятыхъ взаймы, угроза искомъ, а затѣмъ и предъявленіе послѣдняго.

Получивъ повѣстку, крестьянинъ, въ сознаніи своей правоты, спокойно и смѣло отправляется въ судъ. Да и къ чему ему тревожиться? Онъ ѣдетъ не одинъ: его сопровождаютъ свидѣтели, бывшіе при разсчетахъ... А свидѣтели „все хорошо знаютъ“ и „все докажутъ судьѣ“. Пріѣзжаютъ, являются въ камеру и что же? Судъ устраняетъ очевидцевъ платежа отъ допроса, судъ замыкается въ холодный и бездушный формализмъ, присуждаетъ искъ ростовщику, кулаку и міроѣду. Выдается исполнительный листъ, и платежныя усилія крестьянина, длившіяся нѣсколько лѣтъ, сводятся къ нулю. Возстанавливается первоначальное положеніе вещей и значительно къ тому же ухудшенное: прежнее обязательство превратилось въ новый документъ—въ исполнительный листъ, съ которымъ сопряжено право немедленнаго и принудительнаго осуществленія. И опять такъ же, какъ и раньше, начинается новое погашеніе разъ уже погашеннаго долга.

Свѣжій человѣкъ, не искушенный въ тонкостяхъ теоріи гражданскаго процесса, придя въ соприкосновеніе съ подобными фактами, остановится, недоумѣвая... „Позвольте,—да вѣдь вторичное требованіе—это мошенничество“, скажетъ онъ, „а мошенничество есть преступленіе, караемое уголовнымъ закономъ!“ Совершенно вѣрно: сокрытіе платежа и предъявленіе иска по оплаченному документу почитается мошенничествомъ и влечетъ за собою тюремное заключеніе. Но уголовный судъ, однако, можетъ приступить къ разсмотрѣнію обвиненія не раньше, какъ послѣ признанія гражданскимъ судомъ дѣйствительности перваго платежа. А такое признаніе можетъ послѣдовать со стороны гражданскаго суда лишь тогда, если фактъ первоначальной уплаты будетъ доказанъ способомъ, дозволеннымъ въ законѣ, т. е. не свидѣтелями, а письменными документами, согласно все той же 409 статьѣ. И получается, такимъ образомъ, заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода и гдѣ въ жертву формализму приносятся не только частные интересы отдѣльныхъ людей, но и интересы публичные, требующіе возмездія для несомнѣнно мошенническихъ дѣйствій, направленныхъ къ беззаконной и безнравственной эксплоатаціи ближняго.

Но пусть ростовщикъ и выдастъ должнику платежную росписку, онъ выдастъ ее всегда такъ, чтобы въ конечномъ результатѣ крестьянинъ все-таки остался безоружнымъ. Росписка пишется по большей части на клочкѣ оторванной и помятой бумаги и пишется предпочтительнѣе всего карандашемъ: карандашъ легко и быстро стирается. Тексту сообщается всегда крайне неопредѣленное содержаніе. Напримѣръ: „получилъ отъ Тараса шесть рублей“, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Кто получилъ, когда, по какому поводу—все это тщательно обходится молчаніемъ. Жалкій, ничтожный обрывокъ бумаги, по величинѣ своей равный половинѣ игральной карты,—какъ уберечь его въ теченіе многихъ лѣтъ неграмотному мужику, отлучающемуся лѣтомъ на заработки въ чужія губерніи, оставляющему свою бѣдную обстановку женѣ, которая тоже по цѣлымъ днямъ занята, и гдѣ въ избѣ полновластными хозяевами являются подростки и малолѣтнія дѣти?

Наконецъ,—могутъ собраться у крестьянина въ одно время нѣсколько росписокъ, относящихся къ различнымъ долговымъ документамъ. Одинъ изъ нихъ, предположимъ, какъ погашенный, возвращенъ должнику. При неумѣніи читать, можно порвать не ту росписку, которая относится къ поквитованному долгу, а другую, гдѣ разсчетъ только-что начался.

— Темные мы люди! твердятъ обыкновенно крестьяне, когда случится съ ними бѣда и они окажутся обманутыми. Темные мы люди, баринъ! Гдѣ намъ доглядѣть было ту росписку? Да и что тамъ въ ней прописано было—одинъ Богъ вѣсть. Грамоты мы не знаемъ, вашескродіе,—вонъ гдѣ наше горе!

И они говорятъ правду: нѣтъ ничего ужаснѣе деревенской темноты! Что можно думать о положеніи тѣхъ людей, которые, какъ это случилось у меня въ участкѣ, приносятъ къ вамъ исковое прошеніе, кланяются въ поясъ и смиренно просятъ принять „обчественную жалобу“. Раскрываете ее—а на васъ въ это время смотрятъ три человѣка съ надеждою на помощь и защиту—раскрываете, всматриваетесь, приглядываетесь къ написанному и ничего не можете понять. Издалека, при близорукости—полное впечатлѣніе исписаннаго листа бумаги, а вблизи—какіе-то разнообразные значки, въ которыхъ нельзя найти смысла, черточки, палочки, замысловатые крючки,—очевидная поддѣлка подъ письмо. Оказывается—неумѣющій совершенно писать прохожій солдатъ встрѣтился въ кабакѣ съ общественными уполномоченными, разговорился, сталъ хвалиться своею ученостью и за три рубля начерталъ крестьянамъ ихъ исковое прошеніе.

Намъ думается—106 и 409 статьи могутъ получить права гражданства по дѣламъ, гдѣ въ роли отвѣтчиковъ фигурируютъ простолюдины, лишь тогда, когда обученіе грамотѣ въ правильно поставленной народной школѣ станетъ у насъ обязательнымъ и когда населеніе деревень дѣйствительно научится читать и писать. А до того—свидѣтельскимъ показаніямъ долженъ быть данъ широкій просторъ. Интересы правосудія отъ этого не пострадаютъ; напротивъ, будутъ скорѣе въ выигрышѣ.

Не споримъ: лжесвидѣтельство возможно всюду и всегда.

Но развѣ не на основаніи свидѣтельскихъ показаній разрѣшаются нынѣ окружными судами не имущественные, а значительно болѣе важные вопросы—вопросы о такихъ событіяхъ, за которыми для обвиняемыхъ слѣдуетъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ каторжныя работы—подчасъ безъ срока, навсегда? Допускается же въ гражданскомъ процессѣ просьба о допросѣ свидѣтелей въ доказательство безденежности домашнихъ долговыхъ актовъ, т. е. въ удостовѣреніе такого происхожденія письменныхъ документовъ, которое въ корнѣ подрываетъ доказательное ихъ значеніе. И что́ же? Дурныхъ послѣдствій отъ этого нѣтъ. Спросите всѣхъ дѣятелей мироваго суда и никто изъ нихъ не укажетъ вамъ на злоупотребленія этимъ правомъ со стороны отвѣтчиковъ.

Надо помнить—угроза уголовною карою за ложное показаніе не можетъ не оказывать на свидѣтелей извѣстнаго сдерживающаго вліянія. Суду, выслушивающему ихъ показанія, принадлежитъ право и полная возможность удачною постановкою предлагаемыхъ вопросовъ и даже очною ставкою допрашиваемыхъ лицъ выяснять дѣйствительное положеніе вещей. Наконецъ, оцѣнка свидѣтельскихъ показаній—дѣло внутренняго убѣжденія суда, убѣжденія свободнаго и не стѣсненнаго никакими регламентаціями. Слѣдовательно, истина можетъ быть установлена всегда безъ ущерба для обѣихъ тяжущихся сторонъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ХРОНИКА.

I.

О ПРАВѢ ИНОСТРАНЦЕВЪ УСЫНОВЛЯТЬ РУССКИХЪ ПОДДАННЫХЪ.

Законъ 12 марта 1891 г. создалъ новый, упрощенный порядокъ усыновленія. Этимъ закономъ не устранены вовсе дѣйствовавшія до его изданія правила объ усыновленіи въ Сводѣ законовъ гражданскихъ по изд. 1887 года, и, благодаря одновременному существованію новыхъ и старыхъ нормъ, на практикѣ нерѣдко возникаютъ недоумѣнія по вопросу о порядкѣ усыновленія лицами того или иного состоянія. Ст. 155 ч. 1 т. X изд. 1887 г., гласящая, что „для мѣщанъ и сельскихъ обывателей усыновленіе замѣняется припискою къ семейству“, изложена по прод. 1891 г. такъ: „усыновленіе мѣщанами и сельскими обывателями совершается припискою усыновленнаго къ семейству усыновителя съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ ст. 146—150, 152, 154 и 156[1]—156[7]“. Статья 157 оставлена и въ прод. 1891 г. въ прежнемъ своемъ видѣ: „приписка къ семействамъ мѣщанскимъ и крестьянскимъ должна быть произведена съ вѣдома городскихъ и мірскихъ обществъ, но согласія обществъ на таковую приписку не требуется. Усыновленіе мѣщанами въ видѣ приписки должно происходить съ утвержденія казенныхъ палатъ“. Итакъ, прежній порядокъ усыновленія для лицъ непривилегированныхъ сословій—приписка—сохраняется и теперь; но прежній порядокъ усыновленія для лицъ привилегированныхъ сословій, выражавшійся для потомственныхъ дворянъ въ исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія, а для прочихъ привилегированныхъ состояній—въ утвержденіи Правительствующимъ Сенатомъ постановленій губернскихъ правленій и казен-

ныхъ палатъ,—замѣненъ несложной процедурой постановленія судебнаго опредѣленія. Какъ въ изданіи 1 ч. X т. 1887 г., такъ и въ изданіи по прод. 1891 г., существуетъ ст. 163, говорящая объ усыновленіи иностранцами подкидышей и непомнящихъ родства: иностранцамъ, не принявшимъ россійскаго подданства, предоставляется право усыновлять подкидышей и непомнящихъ родства (съ указанными въ законѣ ограничительными послѣдствіями), и право это сопоставляется съ правомъ, предоставленнымъ россійскимъ подданнымъ мѣщанскаго и сельскаго званія. Въ виду вышеприведенныхъ статей 155 и 157 слѣдуетъ признать, что иностранцы могутъ усыновлять подкидышей и непомнящихъ родства въ порядкѣ приписки, а не въ порядкѣ постановленія судебнаго опредѣленія. Но, разумѣется, ст. 163, касающаяся усыновленія иностранцами подкидышей и непомнящихъ родства, устанавливаетъ порядокъ усыновленія иностранцами только лицъ указанной въ законѣ категоріи; что же касается лицъ, не принадлежащихъ къ этой категоріи, то относительно усыновленія ихъ иностранцами возникаетъ сомнѣніе и не только что касается того порядка, въ какомъ можетъ быть произведено усыновленіе, но также и что касается самаго права иностранцевъ ходатайствовать объ усыновленіи ими русскихъ подданныхъ. Вопросъ долженъ быть поставленъ такимъ образомъ: если статьею 163 намѣченъ порядокъ усыновленія (приписка) подкидышей и непомнящихъ родства иностранцами, то слѣдуетъ ли отсюда, что иностранцы могутъ усыновлять лицъ, не принадлежащихъ къ категоріи подкидышей и непомнящихъ родства, въ порядкѣ, созданномъ закономъ 12 марта 1891 года,—или же, напротивъ, иностранцы, пользуясь правомъ усыновлять подкидышей и непомнящихъ родства, никакихъ иныхъ россійскихъ подданныхъ усыновлять не могутъ, ни въ прежнемъ, ни въ новомъ порядкѣ?

Въ пользу разрѣшенія поставленнаго вопроса въ первомъ смыслѣ можно сослаться на ст. 145 по прод. 1891 г., по силѣ которой „лицамъ всѣхъ состояній... дозволяется усыновлять своихъ воспитанниковъ, пріемышей и чужихъ дѣтей“...; если съ этой статьей сопоставить ст. 1 Зак. о сост. („различныя права состоянія въ государствѣ установлены: ...3) для иностранцевъ, въ Имперіи пребывающихъ“) и заголовки книги I—„о разныхъ родахъ состояній и различіи правъ, имъ присвоенныхъ“ и раздѣла VI—„о состояніи иностранцевъ“, то разрѣшеніе поставленнаго вопроса въ первомъ смыслѣ окажется, повидимому, не подлежащимъ сомнѣнію. Но это только повидимому, только при поверхностномъ сопоставленіи указанныхъ статей и до истолкованія смысла термина „лица всѣхъ *состояній*“ въ ст. 145. Въ какомъ значеніи употребленъ этотъ терминъ въ ст. 145? Этотъ вопросъ представляется вовсе не излишнимъ, въ виду того, что въ IX томѣ Свод. зак., гдѣ sedes materiae положеній о „состояніи“ и „состояніяхъ“, слово „состояніе“ имѣетъ не всегда одинаковое значеніе и употребляется то въ смыслѣ „сословіе“, то въ смыслѣ совокупности правъ, принадлежащихъ лицамъ того или иного сословія или лицамъ той или иной категоріи, на какія распадается населеніе Имперіи. Напротивъ, въ X т. ч. 1 Свод. зак. „состояніе“ имѣетъ вполнѣ техническое значеніе, какъ такое же значеніе имѣетъ здѣсь и „сословіе“; и притомъ „сословіе“ X тома не есть „сословіе“ тома IX,—„сословіе“ X тома не равносильно ходячему понятію сословія, какъ категоріи населенія, наслѣдственно пользующейся опредѣленными правами и преимуществами и несущей опредѣленныя, лишь данной категоріи свойственныя, повинности: подъ „сословіемъ“ въ X томѣ разумѣется то понятіе, которое въ теоріи права именуется юридическимъ лицомъ, а терминъ „состояніе“ въ X томѣ всегда соотвѣтствуетъ какъ ходячему понятію „сословія“, такъ и понятію сословія, употребляемому въ IX томѣ, гдѣ впрочемъ оба термина—сословіе и состояніе—употребляются promiscue. Термины X тома—сословіе и состояніе—не равнозначущи. И если принять во вниманіе, что „сословіе лицъ“ (ст. 406, 415, 698 п. 10, 2291—2292) имѣетъ значеніе юридическаго лица—корпораціи, то употребленіе въ ст. 145 по прод. 1891 г. термина „лица всѣхъ состояній“ можетъ быть понимаемо только въ ходячемъ смыслѣ „лица всѣхъ сословій“. Такое толкованіе не противорѣчитъ и неустойчивой терминологіи Законовъ о состояніяхъ, гдѣ, какъ указано, „состояніе“ употребляется въ двоякомъ смыслѣ, гдѣ каждому сословію усвоены извѣстныя права состоянія, но пользованіе правами состоянія не обусловливаетъ принадлежности того или иного лица къ опредѣленному сословію. Иностранцы не составляютъ сословія—не входятъ въ одинъ изъ „четырехъ главныхъ родовъ людей“ (ст. 2 Зак. о сост.), но пользуются правами своего состоянія (ст. 3 и ст. 995). И если выраженіе „лица всѣхъ состояній“ ст. 145 по прод. 1891 г. можетъ быть понимаемо лишь въ смыслѣ „лица всѣхъ сословій“, что видно еще изъ сопоставленія ст. 145 со ст. 151, 152, 155, 156, 157 по прод. 1891 г., то отвѣтъ на поставленный выше вопросъ можетъ быть данъ только во второмъ смыслѣ: такъ какъ иностранцы не составляютъ особаго сословія, не принадлежатъ

къ одному изъ главныхъ четырехъ родовъ людей, то правила закона 12 марта 1891 года на нихъ и не распространяются,—иными словами иностранцы не имѣютъ права усыновлять лицъ, не принадлежащихъ къ категоріи подкидышей и непомнящихъ родства.—Таковъ выводъ de lege lata. Что же касается вопроса о правѣ иностранцевъ совершать усыновленіе русскихъ подданныхъ de lege ferenda, то, казалось бы, нѣтъ основаній ставить преграды проявленію того добраго чувства, которымъ вызывается усыновленіе. Ограничительныя послѣдствія ст. 163 могли бы остаться въ силѣ, изъ текста же статьи слѣдовало бы выпустить слова „подкидышей и непомнящихъ родства, предоставленное россійскимъ подданнымъ мѣщанскаго и сельскаго званія“, чѣмъ и устранены были бы сомнѣнія какъ по принципіальному вопросу о правѣ иностранцевъ усыновлять русскихъ подданныхъ, такъ и относительно порядка осуществленія этого права.

А. Г.

II.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ВОПРОСУ О НАШЕМЪ СУДЕБНО-МИРОВОМЪ ДѢЛОПРОИЗВОДСТВѢ.

Интересуясь, при всякомъ удобномъ случаѣ, во время поѣздокъ по Австріи, Пруссіи, Франціи и Швейцаріи, судебной частью и ея дѣлопроизводствомъ, я пришелъ къ тому заключенію, что болѣе слабаго и безпорядочнаго дѣлопроизводства и канцелярскаго порядка, какъ въ Австріи, трудно найти и что нѣтъ болѣе систематичнаго и вполнѣ порядочнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе сложнаго и бумагообильнаго дѣлопроизводства, какъ наше русское. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что по каждому отдѣльному, даже самому незначительному, допустимъ, гражданскому дѣлу, обиліе входящихъ въ его составъ бумагъ различныхъ форматовъ, формъ и наименованій, даетъ полное право присвоить собранію этихъ бумагъ, относящихся къ единичному дѣлу, понятіе о *массѣ*, въ точномъ смыслѣ этого слова, при чемъ рыночная стоимость самаго письменнаго матеріала иногда значительно превышаетъ цифру иска, предъявленнаго истцомъ къ отвѣтчику, не считая того умственнаго и механическаго труда, который обыкновенно выпадаетъ на долю суда, его канцеляріи и исполнительныхъ органовъ полиціи и администраціи. Для примѣра возьму изъ дѣлъ съѣзда мировыхъ судей 2 округа Радомской губерніи гражданское дѣло за № 602—1896 года, озаглавленное: „*Дѣло гражданское, кассаціонное, по иску* Викентія Шеліонга, жителя посада Климонтова, къ жителю того же посада Францу Бильскому, *о взысканіи* съ сего послѣдняго *одного рубля убытковъ, причиненныхъ его коровой въ овсѣ* истца Шеліонга“.

На первый взглядъ казалось бы: „ну, что же? Заурядное, пустое дѣло. Дайте мнѣ побольше подобныхъ дѣлъ, и я въ теченіе часа разберу добрую полсотню“. На практикѣ это предположеніе оказывается инымъ. Если принять во вниманіе число бумагъ—входящихъ, исходящихъ и расплодившихся по настоящему дѣлу въ гминномъ судѣ 2 округа Сандомирскаго уѣзда, въ мировомъ съѣздѣ и канцеляріяхъ гминныхъ войтовъ, число людей, вызванныхъ въ суды по данному дѣлу, стоимость каждой написанной бумаги и общую стоимость названнаго гражданскаго рублеваго дѣла, то въ результатѣ получимъ слѣдующіе итоги:

1) по названному дѣлу составлено и написано было 110 бумагъ,

2) рыночная стоимость этихъ бумагъ обошлась въ 6 руб. 61½ к.,

3) вызвано было въ суды и вообще отвлечено отъ сельскихъ занятій 42 человѣка,

4) поденная плата этихъ 42 человѣкъ въ рабочую пору (уборка съ полей) исчислена по 40 к. въ день, что составитъ 16 руб. 80 к.,

5) общая стоимость дѣла выразилась въ суммѣ 23 руб. 41½ к. и

6) дѣло началось 9 іюля 1896 года и окончено 20 октября того же года, т. е. продолжалось въ теченіе трехъ мѣсяцевъ и двѣнадцати дней.

Глядя на эти цифровыя данныя, многіе, можетъ быть, замѣтятъ: „безспорно, что по такому несложному и заурядному гражданскому дѣлу, предметомъ котораго является искъ всего лишь въ *одинъ* рубль,—бумажекъ написано слишкомъ много, затратъ произведено не мало, да и труда положено было достаточно со стороны судовъ, разсматривавшихъ дѣло по существу и въ кассаціонномъ порядкѣ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣ же многіе при этомъ добавятъ: „что же прикажете дѣлать? Одно другаго стоитъ: если необходимо держаться безукоризненнаго канцелярскаго порядка, а въ дѣлопроизводствѣ мировыхъ судей, гминныхъ судовъ и мировыхъ съѣздовъ послѣдовательности, системы и полноты, съ обязанностію облекать каждое дѣйствіе суда и каждый малѣйшій фактъ въ письменную форму, то не слѣдуетъ жалѣть ни времени, ни труда, ни затратъ!“

Не даромъ существуетъ изреченіе: „pereat mundus, fiat iustitia“.

Все это такъ; я вполнѣ согласенъ съ подобными доводами и, конечно, не беру на себя смѣлости указать на иной порядокъ дѣлопроизводства въ нашемъ мировомъ институтѣ,—порядокъ менѣе сложный, болѣе простой, быстрый и дешевый, а все-же кажется мнѣ, что судамъ дано слишкомъ малое уполномочіе, чтобы окончательно рѣшать тѣ въ сущности маловажныя дѣла, о которыхъ говорится въ статьѣ 134 Уст. гражд. суд. и 124 статьѣ Уст. угол. суд., что эти дѣла рѣшаются мировыми судьями *окончательно*. Все какъ-то невольно недоумѣваешь, словно новичокъ въ этомъ дѣлѣ, и нехотя задаешь себѣ вопросъ: неужели же, въ самомъ дѣлѣ, для правильнаго и вполнѣ добросовѣстнаго и безпристрастнаго разрѣшенія гражданскаго дѣла за № 602 по иску Шеліонга къ Бильскому о томъ *рублевомъ* убыткѣ, который причинила корова Бильскаго въ овсѣ Шеліонга, непремѣнно требуется предварительно написать 110 бумагъ, вызвать въ судъ и оторвать въ рабочую пору отъ дѣла 42 человѣка, истратить 23 р. 41½ к. и вести это дѣло въ теченіе 3 мѣсяцевъ и 12 дней?

Кн. В. Волконскій.

III.

РѢШЕНІЯ БЕЛЬГІЙСКИХЪ, ФРАНЦУЗСКИХЪ И ШВЕЙЦАРСКИХЪ СУДОВЪ ПО ДѢЛАМЪ О ВОЗНАГРАЖДЕНІИ ЗА ВРЕДЪ И УБЫТКИ, ПРИЧИНЕННЫЕ НЕДОЗВОЛЕННЫМИ ДѢЙСТВІЯМИ.

Вопросъ объ отвѣтственности за вредъ и убытки, причиняемые кому-либо преступными и непреступными дѣйствіями другаго лица, несомнѣнно принадлежитъ къ числу самыхъ сложныхъ задачъ гражданскаго права. На одной сторонѣ границей отвѣтственности является случай: послѣдствія случая всецѣло падаютъ на хозяина имущества, потерпѣвшаго вредъ (casum sentit dominus). Понятіе случая, совершенно опредѣленное въ логикѣ, теряетъ свою ясность въ жизненной обстановкѣ, и въ отдѣльныхъ конкретныхъ казусахъ бываетъ весьма трудно отграничить случай отъ неосторожности. На другой сторонѣ отвѣтственность ограничивается извѣстнымъ юридическимъ положеніемъ: qui suo jure utitur neminem laedit. Правило это, созданное индивидуалистическимъ гражданскимъ правомъ Рима, въ настоящее время, съ развитіемъ общественности, все болѣе теряетъ свое значеніе, и чуть-ли не каждый новый день пробиваетъ въ немъ новую брешь. Въ заключеніи своемъ по дѣлу объ убыткахъ, причиненныхъ владѣльцу имѣнія зайцами, разведенными въ лѣсахъ сосѣдняго помѣстья, бельгійскій генеральный прокуроръ высказалъ между прочимъ: „общество всегда и во всемъ покровительствуетъ своимъ членамъ и оно въ правѣ требовать отъ каждаго принесенія жертвъ во имя общаго блага. Этотъ принципъ и лежитъ въ основѣ всѣхъ безчисленныхъ полицейскихъ распоряженій, которыя стѣсняютъ наше своеволіе (licence) и устанавливаютъ законное опредѣленіе права собственности..... Человѣкъ не рожденъ только для самого себя. Частная собственность всегда должна быть готова подчиниться ограниченіямъ, которыя диктуются требованіями общественнаго порядка, и всѣ должны соблюдать эти ограниченія ради справедливости и для поддержанія своей всеобщей ассоціаціи“.

Французскій кассаціонный судъ призналъ отвѣтственнымъ собственника завода за убытки, причиненные сосѣднимъ владѣльцамъ паденіемъ заводской дымогарной трубы. Хотя паденіе произошло вслѣдствіе удара молніи, т. е. подъ вліяніемъ vis impulsiva, но судъ усмотрѣлъ вину собственника въ томъ, что труба не была возведена въ такомъ мѣстѣ завода, съ котораго она не могла бы упасть на владѣнія сосѣдей, и что, при вышинѣ въ 30 метровъ, труба, покрытая желѣзной обшивкой, не была снабжена громоотводомъ. Въ другомъ случаѣ судъ призналъ гражданскую отвѣтственность содержателя публичнаго дома предъ сосѣдомъ по владѣнію за причиняемый послѣднему нравственный и матеріальный вредъ, при чемъ, по мнѣнію суда, содержатель не можетъ быть освобожденъ отъ отвѣтственности на томъ основаніи, что публичный домъ уже существовалъ въ данномъ мѣстѣ еще до пріобрѣтенія сосѣдомъ своего владѣнія.

Еще болѣе интереснымъ представляется рѣшеніе Ліонскаго апелляціоннаго суда по дѣлу Шохъ-Гіезенъ съ Дельи и Дельеръ. Супруги Шохъ-Гіезенъ предъявили къ г-жѣ Дельи искъ объ уничтоженіи заключеннаго ими договора о наймѣ квартиры въ д. Дельи на томъ основаніи, что послѣдняя отдала другую квартиру въ томъ же этажѣ въ наемъ дѣвицѣ Дельеръ, завѣдомой проституткѣ. Дельи привлекла дѣвицу Дельеръ въ качествѣ третьяго лица. Судъ высказалъ слѣдующія соображенія: „принимая во вниманіе, что изъ представленныхъ къ дѣлу документовъ видно, что въ то время, когда истцы наняли квартиру въ домѣ отвѣтчицы, этотъ домъ былъ обитаемъ людьми, ведущими приличный образъ жизни (occupée

d'une façon honnête), что послѣ этого Дельи сдала квартиру въ этомъ же этажѣ, въ которомъ живутъ и истцы, дѣвицѣ Дельеръ, которая, какъ всѣмъ въ Ліонѣ извѣстно, занимается проституціей; принимая во вниманіе, что супруги Гіезенъ, у которыхъ есть 5 дѣтей, въ томъ числѣ двѣ дѣвицы, имѣютъ полное основаніе жаловаться на такое положеніе вещей, которое мѣшаетъ спокойному пользованію нанятой квартирой, такъ какъ дѣти ихъ рискуютъ быть свидѣтелями безнравственныхъ сценъ; что . . . . . поэтому требованіе объ уничтоженіи договора найма и о возмѣщеніи истцамъ убытковъ, причиняемыхъ этимъ уничтоженіемъ, представляется вполнѣ доказаннымъ; принимая далѣе во вниманіе, что въ дѣлѣ имѣются данныя, позволяющія установить размѣръ этихъ убытковъ, судъ постановляетъ: признать договоръ найма уничтоженнымъ и взыскать съ Дельи въ пользу супруговъ Гіезенъ 500 франковъ убытковъ, причиненныхъ имъ уничтоженіемъ договора". Вмѣстѣ съ тѣмъ судъ отказалъ Дельи въ ея обратномъ требованіи къ Дельеръ, такъ какъ, отдавая послѣдней квартиру въ наемъ, г-жа Дельи знала, какое положеніе она занимала.

Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ лица, присужденныя къ уплатѣ причиненныхъ ихъ дѣйствіями убытковъ, очевидно, пользовались лишь своимъ правомъ: въ предѣлахъ своихъ владѣній заводчикъ можетъ возводить трубу, гдѣ ему угодно, и воленъ снабдить ее громоотводомъ или пренебречь этой предосторожностью; точно также и собственникъ дома вовсе не обязанъ по закону справляться съ желаніями своихъ жильцовъ при отдачѣ въ наемъ квартиръ въ своемъ домѣ и можетъ сдавать, кому самъ найдетъ выгоднымъ. Тѣмъ не менѣе суды совершенно справедливо признаютъ, что, пользуясь своимъ правомъ, каждый обязуется сообразоваться съ законными и житейскими интересами другихъ.

Такимъ образомъ, объ указанныя выше границы отвѣтственности оказываются неясными и расплывчатыми, а въ частности, что касается правила qui suo jure utitur и т. д., то несомнѣнно, что оно отжило свой вѣкъ и что, по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія общественности, и границы отвѣтственности въ этомъ направленіи будутъ раздвигаться все шире и шире.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію судебныхъ рѣшеній по интересующему насъ вопросу, мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь постановленія бельгійскихъ, французскихъ и швейцарскихъ законовъ объ отвѣтственности за недозволенныя дѣйствія. Codes civils бельгійскій и французскій посвящаютъ деликтамъ и

quasi-деликтамъ ст. 1382—1386. 1382 статья гласитъ: „всякое человѣческое дѣйствіе, причиняющее другому вредъ, обязываетъ того, по чьей винѣ оно произошло, возмѣстить этотъ вредъ". Статья 1383—каждый отвѣчаетъ за вредъ, причиненный не только его дѣйствіемъ, но и упущеніемъ и неосторожностью. Статьи 1384 и 1385 трактуютъ объ отвѣтственности за дѣйствія другихъ и за вредъ, причиненный животными, и, наконецъ, статья 1386 постановляетъ: собственникъ зданія отвѣчаетъ за вредъ, причиненный его разрушеніемъ, если разрушеніе произошло вслѣдствіе неправильной его постройки или оставленія безъ ремонта.

Швейцарскій Loi fédérale des obligations разсматриваетъ послѣдствія недозволенныхъ дѣйствій въ ст. 50—69. Первая изъ нихъ гласитъ: „кто противозаконно причинитъ другому вредъ, умышленно или по небрежности, тотъ обязанъ вознаградить его". Ст. 51: способъ и размѣръ вознагражденія опредѣляется судьями по обстоятельствамъ случая и свойству вины.

Если вина лежитъ и на потерпѣвшемъ, то судья можетъ соотвѣтственно уменьшить размѣръ вознагражденія или даже отказать въ таковомъ. Ст. 52—54 разсматриваютъ отдѣльные виды ущерба, а 55-я гласитъ: если чье-либо право нарушено всякими другими недозволенными дѣйствіями, имѣющими характеръ тяжкаго посягательства на личное положеніе, то судья можетъ присудить денежное вознагражденіе даже при отсутствіи матеріальнаго ущерба. Ст. 56: „обязанность вознаградить за вредъ отпадаетъ, если таковой причиненъ въ состояніи необходимой обороны". Ст. 57: „тотъ, кто самъ привелъ себя въ состояніе временной безсознательности, въ теченіе котораго причинилъ вредъ, обязанъ таковой возмѣстить". Ст. 58: *„въ исключительныхъ случаяхъ судья изъ соображеній справедливости можетъ признать частичную или полную отвѣтственность лица, которому дѣйствіе не вмѣняется въ вину за причиненный имъ вредъ"*. 59 ст. говоритъ объ отношеніи между уголовнымъ приговоромъ и гражданскою отвѣтственностью; ст. 60 о вредѣ, причиненномъ многими; ст. 61, 62, 63 объ отвѣтственности за дѣйствія третьихъ лицъ; ст. 64 о вредѣ, причиненномъ служебными дѣйствіями; ст. 65, 66—животными; ст. 67 соотвѣтствуетъ приведенной 1386 ст. Code civil; ст. 68 говоритъ о предупрежденіи грозящаго вреда и ст. 69 о давности исковъ объ убыткахъ.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ совершенно оригинальной, единственной въ своемъ родѣ 58 ст. Code fédéral des obligations, отвѣтственность за недозволенныя дѣйствія обусловливается, съ одной

стороны, признаніемъ вины, съ другой—наличностью вреда и убытковъ. Поэтому, напр., французская кассаціонная инстанція отмѣнила судебное рѣшеніе, въ одной части коего высказывается, что городъ Алжиръ, заключивъ съ Можономъ договоръ объ устройствѣ заведенія для сдиранія кожъ съ животныхъ безъ необходимаго на такое устройство разрѣшенія административной власти, *принялъ на себя отвѣтственность* предъ своимъ контрагентомъ, послѣдствія которой и долженъ нести; далѣе же въ рѣшеніи говорится, что, вступая при такихъ условіяхъ въ соглашеніе съ гор. Алжиромъ, *Можонъ долженъ былъ самъ сознавать*, какому риску онъ подвергается. Въ этихъ соображеніяхъ кассаціонный судъ усмотрѣлъ противорѣчія и потому призналъ, что вина гор. Алжира въ отношеніи Можона является недостаточно установленной. Насколько трудно бываетъ установить въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ наличность вины,—рельефно доказываетъ огромное количество кассаціонныхъ разъясненій по этому вопросу. Здѣсь-то именно суды и встрѣчаются весьма часто съ коллизіей между законнымъ, повидимому, пользованіемъ своимъ правомъ и нарушеніемъ вслѣдствіе такого пользованія чужихъ интересовъ. Долженъ ли, напр., истецъ отвѣчать предъ отвѣтчикомъ за вредъ, причиненный послѣднему исполненіемъ судебнаго рѣшенія, отмѣненнаго впослѣдствіи высшей инстанціей? Казалось бы на первый взглядъ, что если я, не обращаясь къ самоуправнымъ дѣйствіямъ, прошу судъ признать мое право и судъ его утверждаетъ за мною, то съ меня слагается всякая отвѣтственность за тотъ вредъ, который причиненъ моему противнику исполненіемъ судебнаго рѣшенія. Но суды справедливо признаютъ, что истецъ обязанъ вознаградить отвѣтчика за убытки, которые тотъ понесъ вслѣдствіе приведенія въ исполненіе рѣшенія, такъ какъ, согласно уст. гражд. суд., рѣшенія судебныхъ мѣстъ обращаются къ исполненію не иначе, какъ по желанію лица, въ пользу котораго рѣшеніе состоялось.

По дѣлу Блау съ Цандеромъ швейцарскій федеральный трибуналъ, отмѣнивъ рѣшеніе Люцернскаго суда, призналъ Цандера отвѣтственнымъ за убытки, причиненные Блау неправильнымъ обвиненіемъ послѣдняго въ мошенничествѣ. Въ рѣшеніи этомъ говорится, между прочимъ, что установленная слѣдствіемъ или судомъ неосновательность жалобы по обвиненію кого-либо въ преступленіи сама по себѣ не достаточна еще для признанія на сторонѣ жалобщика вины или противозаконнаго дѣйствія. Жалобщикъ можетъ быть признанъ отвѣтственнымъ за причиненные его жалобой вредъ и убытки въ томъ случаѣ, если изъ обстоятельствъ дѣла обнаружится, что онъ дѣйствовалъ безъ основательнаго повода и если онъ зналъ или долженъ былъ знать при внимательномъ и обдуманномъ отношеніи къ дѣлу, что приводимые имъ факты и доводы не выдерживаютъ критики. Поэтому, кто легкомысленно возбуждаетъ уголовное преслѣдованіе, приводя необоснованныя указанія,—тотъ злоупотребляетъ предоставленнымъ каждому правомъ обращаться къ общественной власти, въ случаѣ если его индивидуальныя права или права общества нарушены, и такое злоупотребленіе, составляющее очевидное посягательство на права третьяго лица, должно быть признано недозволеннымъ и за свою вину жалобщикъ долженъ отвѣчать.

Еще болѣе интереснымъ представляется вопросъ о признаніи вины въ рѣшеніи швейцарскаго федеральнаго трибунала по дѣлу сберегательной кассы г. Мора съ Беромъ. Нѣкто Гагеръ учелъ въ сберегательной кассѣ 19 векселей со своимъ индоссаментомъ на общую сумму 12.243 фр., сдѣлавъ на нихъ подложную надпись объ акцептѣ векселей торговымъ домомъ Беръ. Вслѣдъ за этимъ, Гагеръ сообщилъ торговому дому, что въ сберегательной кассѣ имѣется нѣсколько векселей съ подложнымъ акцентомъ Бера, сдѣланныхъ его бухгалтеромъ, и просилъ торговый домъ не спорить противъ акцепта. Получивъ отъ Гагера покрытіе по 7 векселямъ, торговый домъ Беръ постепенно, въ теченіе времени между 10 февраля и 4 апрѣля, оплачивалъ векселя по мѣрѣ наступленія срока платежа, не возбуждая вопроса о подложности акцепта. Но засимъ Беръ, опасаясь, что еще и другіе подобные векселя имѣются въ обращеніи, 6 апрѣля извѣстилъ сберегательную кассу о случившемся,—на что касса сообщила, что дѣйствительно у нея имѣется еще 12 такихъ векселей на сумму 9382 фр. и что она считаетъ торговый домъ обязаннымъ уплатить по нимъ, такъ какъ въ теченіе 2 мѣсяцевъ онъ оставлялъ кассу въ неизвѣстности относительно дѣйствительнаго положенія вещей. Между тѣмъ, Гагеръ, приговоренный по обвиненію въ мошенничествѣ къ заключенію, впалъ въ несостоятельность и касса на основаніи 50 ст. Cod. fed. предъявила къ Беру искъ объ уплатѣ слѣдуемой по векселямъ суммы. Искъ этотъ былъ удовлетворенъ федеральнымъ судомъ по слѣдующимъ соображеніямъ: „дѣйствія отвѣтчика несомнѣнно причинили кассѣ вредъ; необходимо, поэтому, разрѣшить, составляютъ ли эти дѣйствія вину, за которую Беръ долженъ нести отвѣтственность.... Оплата Беромъ фальшивыхъ векселей, очевидно, вызывала

такое положеніе вещей, которое могло нанести ущербъ сберегательной кассѣ, ибо эта оплата устраняла всякія сомнѣнія въ подложности такихъ же надписей на другихъ векселяхъ. Отвѣтчикъ не могъ не понимать, что своими дѣйствіями онъ вводитъ въ заблужденіе сберегательную кассу и долженъ былъ либо отказаться отъ оплаты, либо своевременно увѣдомить сберегательную кассу обо всемъ происшедшемъ, такъ какъ весьма естественно должно было явиться предположеніе, что Гагеръ пуститъ въ обращеніе и другіе такіе же векселя. Поэтому Беръ, способствовавшій своими дѣйствіями наступленію вреда, и долженъ отвѣчать за убытки, которые истецъ понесъ вслѣдствіе отказа уплатить по векселямъ, учтеннымъ истцомъ въ силу имѣвшагося на нихъ акцепта отвѣтчика".

Признаніемъ вины не исчерпывается, однако, задача судьи при опредѣленіи отвѣтственности за недозволенныя дѣйствія. Необходимо еще установить причинную связь между дѣйствіями и наступившимъ вредомъ, иначе говоря—необходимо признать, что происшедшіе вредъ и убытки явились неизбѣжнымъ слѣдствіемъ данныхъ дѣйствій. Здѣсь суды часто отступаютъ въ своихъ взглядахъ отъ понятія причинной связи, какъ оно установлено въ теоріи логики. Весьма характернымъ въ этомъ смыслѣ представляется рѣшеніе французскаго кассаціоннаго суда отъ 7 августа 1895 г. по дѣлу Жуссе съ Оберомъ. Дѣло это тѣмъ болѣе интересно, что въ отчетѣ о немъ мы имѣемъ рѣшенія судовъ 1-ой, 2-ой и кассаціонной инстанцій. Гражданскій судъ въ Эвре разсуждалъ объ этомъ дѣлѣ такъ: „принимая во вниманіе, что Исидоръ Жуссе, 15 л., служившій въ качествѣ ученика у Обера, былъ убитъ 21 апрѣля 1892 г. въ 10 час. вечера машиной, находившейся въ типографіи Обера, что Жуссе-отецъ требуетъ съ Обера 60.000 фр. въ возмѣщеніе убытковъ, которые ему эта смерть причинила; принимая во вниманіе, что истецъ ничѣмъ не доказалъ вины, небрежности или неосторожности отвѣтчика, а проситъ лишь установить факты, изъ которыхъ, по его мнѣнію, будетъ вытекать отвѣтственность Обера за смерть его сына; что истецъ хочетъ доказать, будто-бы сынъ его долженъ былъ работать лишь отъ 7 часовъ утра до 7 часовъ вечера, между тѣмъ какъ Оберъ часто удерживалъ его долѣе этого времени, какъ оно въ частности было и въ тотъ день, когда случилось несчастіе; принимая, засимъ, во вниманіе, что если Оберъ и требовалъ отъ убитаго Жуссе излишней противъ условленнаго работы, то такое требованіе можетъ повлечь за собою отвѣтственность хозяина лишь въ томъ случаѣ, если будетъ установлена между нимъ и несчастіемъ непосредственная связь, т. е. если несчастіе можно будетъ объяснить чрезмѣрной работой; что, однако, Жуссе вовсе не утверждаетъ этого, почему и тѣ факты, которые онъ проситъ установить, представляются безразличными для разрѣшенія его иска; принимая во вниманіе, что Жуссе проситъ еще установить, что сынъ его, работавшій въ отдѣленіи набора, пошелъ около 10 час. въ отдѣленіе тисненія и, возвращаясь оттуда, поскользнулся на мощеномъ полу, скользкомъ вслѣдствіе разлитаго на немъ масла; что, по утвержденію отвѣтчика, истцомъ не оспоренному, вечеромъ 21 апрѣля составъ отдѣленія тисненія былъ весь на-лицо и что, поэтому, весьма правдоподобнымъ представляется утвержденіе отвѣтчика, будто-бы Жуссе-сынъ вовсе не былъ посылаемъ въ отдѣленіе тисненія, а отправился туда по собственному желанію, удалившись подъ благовиднымъ предлогомъ изъ своего отдѣленія; съ другой стороны—принимая во вниманіе, что если бы Жуссе исполнялъ свои обязанности, то онъ долженъ бы находиться у оконечности машины, противоположной той, у которой произошло несчастіе, и что поэтому является весьма вѣроятнымъ, какъ то утверждаетъ Оберъ, что кладчикъ листовъ, на обязанности котораго лежало наблюдать за отдѣленіемъ тисненія, приказалъ Жуссе удалиться, лишь только замѣтилъ его; что, вмѣсто того, чтобы выйти обыкновеннымъ путемъ, Жуссе, играя со своимъ товарищемъ, направился вдоль зубчатыхъ колесъ и что въ это время и случилось несчастіе; принимая во вниманіе, что хотя возлѣ зубчатыхъ колесъ полъ былъ скользкимъ, но такъ бываетъ и во всѣхъ типографіяхъ, что такимъ образомъ опровергаются тѣ обстоятельства, на основаніи коихъ истецъ хочетъ доказать, что несчастіе произошло при исполненіи порученной работы и благодаря неопрятному содержанію пола въ мастерской; принимая далѣе во вниманіе, что истецъ основываетъ свои требованія на томъ, что машина не была ограждена, что проходъ возлѣ нея былъ слишкомъ узокъ и что, тѣмъ не менѣе, сыну его, бывшему ученикомъ, позволяли ходить одному безъ мастера; принимая во вниманіе, что, по заявленію Обера, онъ послѣ случившагося несчастія пробовалъ оградить машину, но долженъ отказаться отъ этого, такъ какъ ограда стѣсняла работу и дѣйствіе машины, что судъ признаетъ это заявленіе вѣрнымъ и точнымъ; что, какъ видно изъ представленныхъ документовъ, проходъ былъ достаточно широкъ, что Жуссе сынъ работалъ въ отдѣленіи набора не одинъ и что поэтому нѣтъ никакихъ основаній останавливаться на тѣхъ

фактахъ, которые Жуссе—отецъ хочетъ доказать,—судъ находитъ исковыя требованія не подлежащими удовлетворенію и опредѣляетъ: въ настоящемъ искѣ Жуссе къ Оберу отказать".

Руанскій апелляціонный судъ, куда дѣло перешло по апелляціи истца, утвердилъ изложенное рѣшеніе на томъ основаніи, что если несчастье произошло по неосторожности самого рабочаго, то хозяева могутъ быть признаны отвѣтственными за послѣдствія несчастія лишь въ томъ случаѣ, если такую неосторожность можно было предвидѣть при нормальныхъ условіяхъ и если оно случилось при исполненіи возложенной работы. Въ данномъ случаѣ, хотя устройство машины за отсутствіемъ огражденія и представляло опасность, но такъ какъ Жуссе перешелъ изъ своего отдѣленія въ другое по собственному побужденію и сталъ жертвой своей личной неосторожности, то рѣшеніе суда 1-ой инстанціи должно быть признано вполнѣ правильнымъ. Кассаціонный судъ отмѣнилъ это рѣшеніе по слѣдующимъ соображеніямъ: принимая во вниманіе, что 1382 и 1383 ст. Code civil не ограничиваютъ отвѣтственность лица, по винѣ котораго произошло несчастіе, лишь тѣмъ случаемъ, когда эта вина является единственной и непосредственной причиной несчастія, и что личная неосторожность жертвы несчастія, позволяющая судьямъ уменьшить соотвѣтственно цифру присуждаемыхъ убытковъ, отнюдь не даетъ, однако, права освобождать отъ всякой отвѣтственности того, чья вина вызвала несчастіе; принимая во вниманіе, что, какъ видно изъ рѣшенія, Жуссе просилъ установить тотъ фактъ, что хотя его 15-лѣтній сынъ долженъ былъ работать лишь отъ 7 час. утра до 7 час. вечера, но очень часто Оберъ заставлялъ его работать до полночи; что въ день несчастія, которое произошло въ $10^1/_4$ час. вечера, Жуссе былъ задержанъ болѣе условленнаго времени; что въ рѣшеніи суда нисколько не опровергнуто признаваемое и Обером обстоятельство, что послѣдній нарушилъ законъ 19 мая 1874 г., воспрещающій ночную работу несовершеннолѣтнихъ рабочихъ; принимая далѣе во вниманіе, что хотя въ рѣшеніи и сказано, что это нарушеніе не влечетъ за собою отвѣтственности Обера, потому что оно не связано съ случившимся несчастіемъ отношеніемъ причины къ слѣдствію, а изъ обстоятельствъ дѣла явствуетъ, что Жуссе-сынъ былъ жертвою своей личной неосторожности; но въ дѣйствительности, если, какъ признано и въ рѣшеніи суда, несомнѣнно, что Жуссе-сынъ въ день несчастія незаконно былъ удержанъ хозяиномъ своимъ въ типографіи послѣ срока, предписаннаго для окончанія работы и ухода

учениковъ изъ упомянутой типографіи,—то отсюда, вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуетъ, что на Оберѣ лежитъ вина въ томъ, что онъ продолжилъ время пребыванія Жуссе-сына въ типографіи и что если бы этого продолженія не было, то Жуссе физически не могъ бы сдѣлать того, что̀ ставится ему рѣшеніемъ въ вину; что связь между виною Обера и несчастіемъ, случившимся съ Жуссе, прямо вытекаетъ изъ фактовъ, установленныхъ въ рѣшеніи, которое отрицаніемъ этой связи впало въ очевидное противорѣчіе; что, такимъ образомъ, какъ видно изъ рѣшенія, Оберъ своими неправильными дѣйствіями способствовалъ наступленію несчастія, случившагося съ Жуссе, и что, поэтому, освобождая Обера отъ всякой отвѣтственности за случившееся единственно на томъ основаніи, что Жуссе самъ былъ жертвою собственной неосторожности, обжалованное рѣшеніе игнорировало законные выводы изъ фактовъ, имъ установленныхъ, и, слѣдовательно, нарушило правило 1382 и 1383 ст. Code civil,—судъ опредѣляетъ: обжалованное рѣшеніе отмѣнить.

Едва-ли это рѣшеніе можетъ быть признано правильнымъ. Подъ причиной явленія логика понимаетъ совокупность предшествующихъ, за которыми явленіе неизмѣнно или безусловно слѣдуетъ [1]). Въ данномъ случаѣ такими предшествующими являются: скользкій полъ, отсутствіе ограды вокругъ машины и опредѣленная неосторожность. При этихъ условіяхъ Жуссе всегда и безусловно долженъ былъ быть захваченъ машиной. Что же касается поступка Обера, незаконно удержавшаго ученика на ночную работу, то это обстоятельство могло имѣть лишь то значеніе, что несчастіе случилось именно 23 числа вечеромъ; но такъ какъ время несчастія здѣсь безразлично, то удержаніе и нельзя отнести къ числу тѣхъ предшествующихъ, которыя вызвали смерть Жуссе. Для большей наглядности считаемъ не лишнимъ привести другое рѣшеніе французскаго кассаціоннаго суда по иску вдовы убитаго начальника станціи къ желѣзнодорожной компаніи. Начальникъ станціи бѣжалъ за отходившимъ уже поѣздомъ и, поравнявшись съ паровозомъ, бросилъ машинисту бюллетень о свободномъ пути, но бюллетень упалъ на землю. Нагнувшись, чтобы поднять его, начальникъ станціи, вслѣдствіе толчка одного изъ проходившихъ, упалъ на рельсы и былъ раздавленъ поѣздомъ. Судъ установилъ, что убитый былъ обремененъ непосильной работой, что въ теченіе минутной остановки поѣзда онъ долженъ былъ выполнить нѣсколько самыхъ различ-

[1]) Миллъ—Система логики, т. I, стр. 370.

ныхъ обязанностей; что для того, чтобы успѣть все сдѣлать, онъ *долженъ былъ* бѣжать за поѣздомъ. Поэтому судъ возложилъ на желѣзную дорогу отвѣтственность за смерть начальника станціи, но при опредѣленіи количества слѣдуемаго семьѣ вознагражденія принялъ во вниманіе то обстоятельство, что убитый дѣйствовалъ неосторожно. Это рѣшеніе признано было кассаціоннымъ судомъ правильнымъ. Въ настоящемъ случаѣ предшествующими событіями, за которыми неизбѣжно должно было послѣдовать паденіе, являются: бѣгъ въ догонку за поѣздомъ, бросаніе бюллетеня и толчекъ прохожаго; но такъ какъ первыя два событія были невольнымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ чрезмѣрнаго обремененія работой, то судъ совершенно справедливо подставилъ это событіе на мѣсто тѣхъ двухъ условій и въ немъ усмотрѣлъ причину смерти. Между тѣмъ въ первомъ изъ приведенныхъ примѣровъ такой подстановки сдѣлать нельзя, потому что удержаніе Жуссе въ типографіи послѣ 7 час. вечера само по себѣ отнюдь не вызывало послѣдующихъ его дѣйствій, и потому нельзя не признать, что въ этомъ случаѣ французскій судъ отступилъ отъ логическаго понятія закона причинности.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что, по свидѣтельству французскихъ журналовъ, въ дѣлѣ Жуссе судъ впервые вступилъ на такую дорогу; до послѣдняго же времени для признанія отвѣтственности по 1382 ст. требовалась непосредственная причинная связь между вредомъ и дѣйствіемъ третьяго лица.

Въ приведенныхъ рѣшеніяхъ затронутъ еще и другой интересный вопросъ—о вліяніи личной неосторожности потерпѣвшаго на отвѣтственность лица, вина котораго причинила вредъ и убытки. Согласно второй части 51 ст. Code féd., отвѣтственность третьяго лица можетъ быть въ этихъ случаяхъ пропорціонально уменьшена. Во французскомъ и бельгійскомъ законѣ аналогичнаго постановленія не встрѣчается; однако, какъ мы сейчасъ видѣли, и французскіе суды разрѣшаютъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что если къ винѣ причинившаго вредъ присоединяется и неосторожность потерпѣвшаго, то отвѣтственность перваго передъ вторымъ уменьшается въ отношеніи количества присуждаемаго вознагражденія. Такой взглядъ, какъ намъ кажется, долженъ быть признанъ вполнѣ правильнымъ на томъ основаніи, что хотя-бы вина другаго лица и не подвергалась никакому сомнѣнію, но если потерпѣвшій и собственной неосторожностью способствовалъ наступленію вреда и убытковъ, то онъ долженъ раздѣлить съ другимъ отвѣтственность.

Небезъинтересно будетъ отмѣтить здѣсь, какъ суды подъ вліяніемъ требованій жизни измѣняли свои взгляды на понятіе о неосторожности. Нѣсколько лѣтъ назадъ французскіе суды признавали, что неосторожно со стороны владѣльца лавки украшать ея фасадъ зеркальными стеклами, если лавки находятся въ узкой и многолюдной улицѣ, и что, поэтому, если стекло будетъ разбито, то присуждаемое собственнику вознагражденіе должно быть уменьшено соразмѣрно той неосторожности, которую онъ совершилъ. Но жизнь шла своимъ чередомъ, зеркальныя стекла распространялись все больше и больше, и вотъ, напр., Нантскій коммерческій судъ въ рѣшеніи отъ 7 марта 1896 года по иску объ убыткахъ за разбитое проѣзжавшей телѣжкой стекло высказался, что требованіе отвѣтчика объ ограниченіи его отвѣтственности за причиненный разбитіемъ зеркальнаго стекла въ лавкѣ вредъ основывается на *прежнихъ* рѣшеніяхъ и не можетъ быть признано основательнымъ въ *настоящее* время, потому что употребленіе зеркальныхъ стеколъ для лавокъ весьма распространилось въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ и всякая попытка удержать теперь это распространеніе и разрѣшить употребленіе такихъ стеколъ только тѣмъ магазинамъ, которые находятся на главныхъ улицахъ, составила бы посягательство на развитіе розничной торговли, которая, въ виду конкуренціи и ради привлеченія кліентовъ, должна выставлять свои товары на показъ при возможно болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Поэтому было бы несправедливо признать, что такія стекла составляютъ безполезное украшеніе и что употребленіе ихъ на нѣкоторыхъ изъ нашихъ улицъ является неосторожностью. Принимая же во вниманіе, что rue de la Fosse, гдѣ произошелъ разсматриваемый судомъ случай, занимающая центръ города, очень многолюдна; что почти всѣ находящіеся въ ней магазины имѣютъ зеркальныя стекла и что, если ея ширина и меньше ширины новыхъ улицъ, то это лишь обязываетъ извощиковъ соблюдать извѣстныя предосторожности и во избѣжаніе всякихъ случайностей замедлять ходъ лошади, если улица запружена экипажами,—судъ находитъ, что нѣтъ никакихъ основаній признать, что истецъ, украсившій фасадъ лавки зеркальными стеклами, совершилъ неосторожность, а посему отвѣтственность разбившихъ стекла не подлежитъ смягченію.

Переходимъ, далѣе, къ послѣднему условію гражданской отвѣтственности за деликты и quasi-деликты—къ вопросу о наличности вреда и убытковъ. Если нѣтъ вреда и убытковъ, то нѣтъ и отвѣт-

ственности, хотя-бы дѣйствія лица были далеко не безразличны. Такъ, швейцарскій федеральный судъ отказалъ въ искѣ отца объ убыткахъ, причиненныхъ ему смертью ребенка, упавшаго въ ненадлежаще огражденную мельничную шлюзу и утонувшаго тамъ. Мотивами къ отказу послужили слѣдующія соображенія: въ опредѣленныхъ случаяхъ безспорно можно признать, что данное лицо лишилось опоры въ смыслѣ 52 ст. Code féd., со смертью другаго лица, которое въ дѣйствительности еще не оказывало ему поддержки. Для этого, однако, необходимо, чтобы то время, когда помощь эта ожидается, не было слишкомъ отдаленнымъ и чтобы она казалась вполнѣ вѣроятной. Въ данномъ же случаѣ пришлось бы ждать многіе годы, прежде чѣмъ ребенокъ могъ бы оказывать поддержку своему отцу. Въ теченіе этого времени могъ бы умереть отецъ или сынъ, не говоря уже о томъ, что сынъ могъ бы оказаться неспособнымъ поддерживать своего отца. Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ сынъ сталъ бы способнымъ помогать своему отцу, послѣдній долженъ былъ бы затратить, судя по обыкновенному ходу вещей, гораздо больше на его воспитаніе, чѣмъ самъ бы могъ отъ него впослѣдствіи ожидать. Поэтому, невозможно допустить, что смертью сына истецъ лишился поддержки и терпитъ отъ этого убытки.

Приведемъ еще одинъ вполнѣ своеобразный случай изъ практики того же суда. На требованіе свекрови г-жи Обрехтъ справочное агентство въ Бернѣ дало ей объ ея невѣсткѣ справку слѣдующаго содержанія: работаетъ у своего отца-часовщика. Ни о ней, ни о ея родителяхъ нельзя сказать ничего въ ихъ пользу. Эти люди не имѣютъ хорошей репутаціи. Г-жа Обрехтъ предъявила къ Гуггеру, директору агентства, искъ объ уплатѣ 20 т. фр. убытковъ, причиненныхъ ей какъ этой справкой, такъ и другими подобными, которыя, распространяясь среди публики, мѣшали ей выйти за-мужъ. Апелляціонный и кассаціонный Бернскіе суды присудили ей 100 фр., но федеральный трибуналъ, отмѣнивъ это рѣшеніе, отказалъ ей въ искѣ, руководствуясь, между прочимъ, слѣдующими соображеніями: въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-нибудь требуетъ отъ агентства справку о самомъ себѣ или поручаетъ это сдѣлать другому съ цѣлью узнать, какія свѣдѣнія даетъ о немъ бюро, иначе говоря, когда справка дается не третьему лицу, а самому заинтересованному, желающему провѣрить агентство, то не можетъ быть рѣчи о присужденіи убытковъ. Тотъ, кто получаетъ свѣдѣнія на свой собственный счетъ, не имѣетъ права иска по

50 и 55 ст. Code féd., даже если эти свѣдѣнія были неточны или неблагопріятны. Его нельзя разсматривать какъ лицо, которому противозаконно причиненъ вредъ, и онъ не въ правѣ утверждать, что, отвѣчая на его запросъ, агентство совершило тяжкое посягательство на его личное положеніе. „Въ настоящемъ дѣлѣ представляется непонятнымъ, почему въ рѣшеніи суда вовсе не затронутъ вопросъ о томъ, что г-жа Розина Обрехтъ, состоящая въ бракѣ, не имѣла, повидимому, права на искъ объ убыткахъ за созданныя отвѣтчикомъ препятствія къ выходу за-мужъ. Точно также изъ рѣшенія къ сожалѣнію не видно, почему Бернскіе суды, признавшіе фактъ причиненія убытковъ, опредѣлили ихъ вмѣсто искомыхъ 20 т. фр., лишь во 100 фр.“?

Въ дополненіе къ приведеннымъ примѣрамъ укажемъ еще на совершенно исключительный казусъ, бывшій недавно въ разсмотрѣніи одного изъ нашихъ окружныхъ судовъ. Нѣкто Ивановъ продалъ принадлежащій ему винокуренный заводъ Петрову за 90 т. руб. съ тѣмъ, что 25 т. руб. уплачиваются при совершеніи договора, а остальныя 65 т. руб. черезъ четыре года. Если по истеченіи 4 лѣтъ Петровъ откажется уплатить остальную сумму—то заводъ переходитъ обратно въ собственность Иванова, въ пользу котораго остаются, въ такомъ случаѣ, и уплаченныя 25 т. руб. На основаніи этого договора Петровъ вслѣдъ за симъ совершилъ, въ свою очередь, точно такой же договоръ съ Алексѣевымъ, который, слѣдовательно, уплатилъ Петрову 25 т. руб., а остальныя 65 т. руб. долженъ былъ уплатить черезъ 4 года или возвратить заводъ Петрову. По истеченіи этого времени Алексѣевъ, однако, отказался отъ уплаты 65 т. руб. и обратился съ заявленіемъ объ этомъ къ Иванову, прося принять отъ него заводъ. Ивановъ отвѣчалъ, что онъ не вступалъ съ Алексѣевымъ ни въ какія договорныя отношенія и принимать отъ него заводъ не обязанъ и не желаетъ. Заводъ былъ брошенъ Алексѣевымъ на произволъ судьбы и, благодаря отсутствію всякаго призора, сильно пострадалъ отъ атмосферныхъ вліяній и расхищенія. Послѣ этого, Ивановъ совершилъ договоръ съ Петровымъ, коимъ прощаетъ Петрову всѣ убытки, происшедшіе вслѣдствіе порчи и разоренія завода, съ тѣмъ, что Петровъ передаетъ Иванову всѣ свои права по договору его съ Алексѣевымъ о продажѣ послѣднему завода. Въ силу этого новаго договора Ивановъ, въ качествѣ правопреемника Петрова по договору съ Алексѣевымъ, предъявляетъ къ послѣднему искъ о возмѣщеніи убытковъ, причиненныхъ разстрой-

ствомъ завода, оцѣнивая эти убытки въ 60 т. руб... На заявленіе Алексѣева, что онъ обращался къ Иванову съ просьбой принять заводъ, истецъ повторяетъ, что онъ не обязанъ былъ принимать отъ него заводъ, что настоящій искъ предъявленъ имъ не какъ собственникомъ завода, а какъ правопреемникомъ Петрова и что эти два титула совпадаютъ въ его лицѣ лишь случайно. Окружный судъ, признавъ, что Алексѣевъ, не предложившій своему контрагенту Петрову принять отъ него заводъ, дѣйствовалъ неправильно и обязанъ отвѣчать за причиненные убытки.

Между тѣмъ судъ совершенно не остановился на самомъ существенномъ въ настоящемъ дѣлѣ вопросѣ о томъ, имѣются ли въ дѣйствительности какіе-либо убытки. Если, какъ мы видѣли, Ивановъ въ судѣ настаивалъ на томъ, что онъ, въ качествѣ истца, является правопреемникомъ Петрова, то, очевидно, онъ могъ отыскивать лишь тѣ убытки, которые не онъ, а Петровъ потерпѣлъ. Но какіе же убытки Петровъ понесъ? Всѣ эти сдѣлки по покупкѣ и продажѣ завода не произвели никакого измѣненія въ имуществѣ Петрова: онъ уплатилъ Иванову 25 т. руб., но сейчасъ же получилъ ихъ обратно отъ Алексѣева. Правда, дѣйствія Алексѣева угрожали ему убытками, потому что Ивановъ могъ предъявить къ нему искъ объ убыткахъ, причиненныхъ разстройствомъ завода, но Петровъ въ лицѣ своего правопреемника самъ представилъ суду доказательства, что эта угроза не осуществилась, потому что Ивановъ простилъ ему тѣ убытки, которые онъ ему причинилъ. Такимъ образомъ, истецъ, будучи правопреемникомъ Петрова, въ дѣйствительности никакого вреда не потерпѣлъ и, слѣдовательно, въ искѣ объ убыткахъ ему надлежало отказать.

Такой выводъ, на первый взглядъ, какъ-будто противорѣчитъ требованіямъ справедливости: заводъ совершенно разоренъ, убытки несомнѣнно на-лицо, а между тѣмъ собственнику отказываютъ въ искѣ о вознагражденіи. Но противорѣчіе это только кажущееся и вызывается тѣмъ, что истецъ—правопреемникъ Петрова—вмѣстѣ съ тѣмъ является и собственникомъ завода. Но такъ какъ это совпаденіе, какъ настаивалъ и Ивановъ, случайно и не можетъ, слѣдовательно, имѣть вліянія на юридическія отношенія сторонъ,—то едва-ли рѣшеніе суда можетъ быть признано правильнымъ.

Выше мы видѣли, что въ опредѣленныхъ случаяхъ швейцарскій законъ понимаетъ подъ вредомъ и убытками не только матеріальный ущербъ, но и нравственный вредъ. Бельгійская и французская судебныя практики, несмотря на отсутствіе всякаго

соотвѣтствующаго закона, распространяютъ такой взглядъ на всѣ случаи отвѣтственности за недозволенныя дѣйствія. Если же потерпѣвшему на-ряду съ матеріальнымъ нанесенъ и нравственный вредъ, то это отягчаетъ отвѣтственность виновнаго. Такъ, въ одномъ изъ рѣшеній Нантскаго апелляціоннаго суда приводятся слѣдующія соображенія: смерть г. Фурье причинила его женѣ, истицѣ въ настоящемъ дѣлѣ, весьма тяжкій матеріальный вредъ, такъ какъ она осталась въ состояніи близкомъ къ нищетѣ. Мужъ ея, которому было лишь 38 л., получалъ 7 т. фр. и по всей вѣроятности могъ бы еще въ теченіе многихъ лѣтъ содержать свою семью и воспитывать дѣтей. Положеніе убитаго должно было со временемъ еще улучшиться, благодаря его усидчивому труду и проявленнымъ имъ профессіональнымъ талантамъ. Всѣ эти обстоятельства, а равно и нравственный вредъ, причиненный смертью Фурье вдовѣ его и тремъ малолѣтнимъ дѣтямъ, должны быть приняты въ соображеніе при исчисленіи суммы причитающагося имъ вознагражденія за вредъ и убытки.

По толкованію швейцарской практики, возмѣщеніе причиненнаго вреда и убытковъ можетъ заключаться не только въ денежномъ вознагражденіи; способъ его устанавливается по усмотрѣнію судьи, основанному на обстоятельствахъ дѣла. Французскіе же суды, въ согласіи съ французскими юристами [1]), допускаютъ лишь матеріальное вознагражденіе и уничтоженіе вредящей причины.

Между прочимъ, весьма характерное соображеніе мы встрѣтили въ рѣшеніи французскаго кассаціоннаго суда по иску одного должностнаго лица о вознагражденіи за вредъ, причиненный ему подачей на него жалобы, содержавшей ложный извѣтъ: „хотя судъ и установилъ въ рѣшеніи своемъ, что испытанная честность этого должностнаго лица ставитъ его выше подобныхъ нападокъ, тѣмъ не менѣе это не освобождало судъ отъ обязанности *дать ему болье реальное* (plus effective) удовлетвореніе *въ видѣ матеріальнаго вознагражденія* за вредъ и убытки“.

Установленіе размѣра убытковъ составляетъ компетенцію судей факта и не подлежитъ пересмотру кассаціонной инстанціи. Такъ, въ одномъ изъ рѣшеній Cour de cassation мы читаемъ: „принимая во вниманіе, что фактъ причиненія вреда истцу дѣйствіями отвѣтчика констатированъ въ рѣшеніи суда, что, по мнѣнію суда, въ дѣлѣ имѣется достаточно данныхъ для установленія размѣра убытковъ,

[1]) Laurent—Cours élementaire, v. III, p. 214.

что посему рѣшеніе суда о взысканіи съ отвѣтчика 8000 фр. убытковъ должно быть признано обоснованнымъ съ юридической стороны и надлежащимъ образомъ мотивированнымъ,—кассаціонный судъ опредѣляетъ оставить кассаціонную жалобу безъ послѣдствій".

I. Гессенъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

IV.

ПОХОРОННАЯ КАССА СЛУЖАЩИХЪ ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ СУДЕБНОЙ ПАЛАТѢ И ОКРУЖНОМЪ СУДѢ.

Въ 1895 году на общемъ собраніи членовъ ссудо-сберегательной кассы служащихъ при С.-Петербургскихъ судебной палатѣ и окружномъ судѣ однимъ изъ членовъ правленія этой кассы былъ возбужденъ вопросъ объ учрежденіи при С.-Петербургскихъ общихъ судебныхъ установленіяхъ товарищеской похоронной кассы. Предложеніе это было принято весьма сочувственно всѣми присутствовавшими, и тутъ же была обращена просьба къ правленію кассы выработать проектъ устава похоронной кассы, который и представить на разсмотрѣніе къ слѣдующему общему собранію. Правленіе кассы избрало для этой цѣли особую коммисію, въ составъ коей вошли предсѣдатель департамента судебной палаты В. Н. Кобыльскій, товарищъ предсѣдателя окружнаго суда Л. В. Барсовъ, члены суда Н. И. Николаевскій и Н. Г. Аникіевъ и судебный слѣдователь В. В. Шенфельдъ. По составленіи проекта устава таковой былъ отпечатанъ и разосланъ большинству служащихъ при судебной палатѣ и окружномъ судѣ съ просьбою сдѣлать замѣчанія на проектъ. По полученіи этихъ замѣчаній были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія и дополненія проекта устава и затѣмъ таковой чрезъ старшаго предсѣдателя С.-Петербургской судебной палаты И. И. Влезкова былъ внесенъ въ Министерство Юстиціи на утвержденіе, которое и послѣдовало 7 декабря 1896 года.

Уставъ похоронной кассы содержитъ въ себѣ 41 §§ слѣдующаго содержанія:

I.

Цѣль кассы.

§ 1. Похоронная касса учреждается съ цѣлью выдачи денежныхъ пособій на погребеніе ея участниковъ.

II.

Составъ кассы.

§ 2. Въ число участниковъ кассы принимаются: не достигшіе 60-тилѣтняго возраста: а) жительствующія въ г. С.-Петербургѣ и С.-Петербургской губерніи лица, служащія при С.-Петербургскихъ судебной палатѣ и окружномъ судѣ, какъ занимающія штатныя должности, такъ и служащія по вольному найму, если только сіи послѣднія лица получаютъ по службѣ содержаніе, и б) члены ссудосберегательной кассы служащихъ при С.-Петербургскихъ судебной палатѣ и окружномъ судѣ, хотя бы лица эти и оставили службу въ означенныхъ учрежденіяхъ.

Примѣчаніе 1. Низшіе служители (курьеры и сторожа) въ число участниковъ кассы не допускаются.

Примѣчаніе 2. Въ число участниковъ кассы могутъ быть также зачислены жены служащихъ при условіи уплаты за нихъ мужьями всѣхъ взносовъ, причитающихся по разсчетамъ правленія кассы.

§ 3. Участники кассы раздѣляются на три разряда, соотвѣтственно получаемому ими содержанію и производимымъ взносамъ, при чемъ число участниковъ каждаго разряда не ограничено.

III.

Права и обязанности участниковъ кассы.

§ 4. Всякій желающій вступить въ число участниковъ кассы подписываетъ, по установленной формѣ, заявленіе, въ которомъ указываетъ, кому послѣ смерти его должно быть выдано изъ кассы пособіе. Вмѣстѣ съ заявленіемъ о желаніи принять участіе въ кассѣ, каждый вступающій (а мужъ и за жену) даетъ подписку въ точномъ исполненіи правилъ настоящаго устава и подчиненіи въ случаяхъ неисправности означеннымъ въ немъ послѣдствіямъ.

Примѣчаніе. Замѣна лица, коему послѣ смерти участника должно быть выдано пособіе, можетъ быть произведена во всякое время письменнымъ заявленіемъ на имя правленія кассы.

§ 5. Къ 1-му разряду участниковъ кассы относятся лица, получающія по службѣ содержаніе не менѣе 2000 руб. въ годъ (безразлично—отъ казны или изъ другихъ источниковъ), ко 2-му разряду—лица, получающія содержаніе отъ 600 до 2000 руб. въ годъ, и къ 3-му разряду—лица, получающія содержаніе менѣе 600 руб. въ годъ.

Примѣчаніе 1. Жены участниковъ кассы состоятъ въ одномъ разрядѣ со своими мужьями.

Примѣчаніе 2. Лицамъ, занимающимъ штатныя должности, разрѣшается записываться непосредственно въ высшій разрядъ.

Примѣчаніе 3. Переходъ изъ высшаго разряда въ низшій не возбраняется, но съ тѣмъ однако, чтобы участникъ кассы оставался въ избранномъ имъ разрядѣ во все время участія въ кассѣ.

§ 6. Въ случаѣ назначенія на службу въ другое учрежденіе или округъ, перехода въ другое вѣдомство, причисленія къ Министерству или выхода въ отставку участникъ кассы, желающій продолжать участіе въ оной, обязанъ увѣдомить правленіе о новомъ мѣстѣ жительства своемъ, а если таковое будетъ находиться внѣ г. С.-Петербурга, то письменно указать правленію лицо, состоящее на службѣ въ С.-Петербургскихъ судебной палатѣ или окружномъ судѣ (по возможности изъ числа участниковъ кассы), уполномоченное имъ на выполненіе всѣхъ условій, требуемыхъ уставомъ, съ каковымъ лицомъ правленіемъ производятся затѣмъ всѣ дальнѣйшія сношенія по дѣламъ кассы.

Примѣчаніе. То же обязанъ сдѣлать и каждый изъ участниковъ кассы въ случаѣ отъѣзда изъ С.-Петербурга въ отпускъ или командировку на срокъ долѣе 2-хъ мѣсяцевъ.

§ 7. Жены участниковъ кассы, зачисленныя въ число участниковъ, въ случаѣ смерти своихъ мужей, могутъ продолжать участіе въ кассѣ, давъ подписку, установленную § 4, и указавъ (письменно), согласно § 6, на кого-либо изъ участниковъ кассы, проживающихъ въ г. С.-Петербургѣ, или на лицо, хотя и не принадлежащее къ составу кассы, но служащее въ С.-Петербургскихъ судебной палатѣ или окружномъ судѣ.

§ 8. Каждый участникъ кассы при вступленіи своемъ вноситъ единовременно по 1-му разряду—8 руб., по 2-му разряду—5 руб. и по 3-му разряду—1 руб. 50 коп., назначаемые на образованіе запаснаго капитала и расходы по управленію кассы; затѣмъ на тотъ же предметъ ежегодно въ теченіе января мѣсяца каждый участникъ 1-го разряда уплачиваетъ 2 руб. 50 коп., 2-го разряда—1 руб. 50 коп. и 3-го разряда—50 коп.

Примѣчаніе. Ежегодные взносы могутъ быть уменьшаемы по постановленію правленія кассы, утвержденному общимъ собраніемъ участниковъ.

§ 9. Въ случаѣ смерти участника кассы 1-го разряда всѣ остальные участники этого разряда уплачиваютъ по 5 руб., участники 2-го разряда—по 3 руб. и участники 3-го разряда—по 1 руб.

Въ случаѣ смерти участника кассы 2-го разряда участники этого и 1-го разрядовъ уплачиваютъ по 3 руб., а участники 3-го разряда по 1 руб. Въ случаѣ смерти участника кассы 3-го разряда—участники этого и 2 разрядовъ уплачиваютъ по 1 руб., а участники 1-го разряда по 1 руб. 50 коп.

§ 10. Уплаченныя такимъ образомъ участниками кассы деньги идутъ на пополненіе запаснаго капитала, изъ коего пособіе выдается лицу, указанному въ заявленіи умершаго (§ 4), не позже сутокъ со времени полученія правленіемъ заявленія о смерти участника.

Примѣчаніе. Если смерть участника кассы послѣдуетъ внѣ г. С.-Петербурга, то правленію предоставляется потребовать надлежащее о томъ удостовѣреніе.

§ 11. Размѣръ пособія, выдаваемаго на погребеніе участника кассы, опредѣляется числомъ наличныхъ участниковъ кассы ко дню, предшествующему смерти участника, и производимыми ими согласно § 9 взносами.

§ 12. Съ участника кассы, въ случаяхъ неуплаты лично или чрезъ повѣреннаго (§§ 6 и 7) ежегоднаго взноса къ 1 февраля, а причитающихся согласно § 9 взносовъ въ двухнедѣльный со времени увѣдомленія правленіемъ срокъ, взыскивается пеня въ размѣрѣ 10% съ причитающагося съ него платежа, а затѣмъ при дальнѣйшей неуплатѣ въ теченіе слѣдующихъ двухъ недѣль неисправный плательщикъ считается выбывшимъ изъ числа участниковъ кассы и можетъ быть принятъ обратно не иначе, какъ по особому постановленію правленія кассы.

Примѣчаніе 1. Въ особо уважительныхъ случаяхъ правленію кассы разрѣшается разсрочить уплату взносовъ на срокъ, не превышающій однако 3-хъ мѣсяцевъ.

Примѣчаніе 2. При добровольномъ выходѣ изъ состава кассы, обратное поступленіе можетъ имѣть мѣсто не ранѣе шести мѣсяцевъ по выходѣ изъ кассы или при условіи уплаты всѣхъ взносовъ, которые были сдѣланы остальными участниками кассы послѣ выхода вновь вступающаго участника, при чемъ послѣдній сверхъ сего во всякомъ случаѣ обязанъ сдѣлать взносы согласно § 8 устава.

§ 13. При невозможности выдать похоронное пособіе лицу, указанному въ заявленіи (§ 4), и отсутствіи средствъ на погребеніе, расходы на таковое, по постановленію правленія, могутъ быть возмѣщены лицу, распоряжающемуся похоронами, изъ причитающагося похороннаго пособія.

§ 14. Въ случаѣ отказа лица, указаннаго умершимъ, восполь-

зоваться пособіемъ или неявки его въ теченіе года, считая со дня смерти участника, пособіе это или его остатокъ (§ 13) обращается въ запасный капиталъ кассы.

§ 15. Уставъ кассы долженъ быть напечатанъ, и каждый участникъ можетъ его пріобрѣсти по установленной правленіемъ цѣнѣ.

IV.

Капиталъ кассы.

§ 16. Капиталы кассы составляются: 1) изъ единовременныхъ и ежегодныхъ взносовъ участниковъ (§ 8); 2) изъ взносовъ, уплачиваемыхъ участниками кассы при смертныхъ случаяхъ (§ 9); 3) изъ пени за несвоевременные взносы платежей (§ 12); 4) изъ похоронныхъ пособій, оставшихся невыданными (§ 14); 5) изъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи устава (§ 15); 6) изъ % на капиталы кассы (§ 17), и 7) изъ добровольныхъ пожертвованій.

§ 17. Капиталы кассы помѣщаются для приращенія % въ Государственный банкъ, или обращаются въ государственныя или гарантированныя правительствомъ % бумаги.

§ 18. Въ распоряженіи правленія должна находиться сумма денегъ, достаточная для выдачи похороннаго пособія участнику кассы 1 разряда, каковая сумма хранится въ денежномъ ящикѣ ссудо-сберегательной кассы служащихъ при С.-Петербургскихъ судебной палатѣ и окружномъ судѣ на условіяхъ, которыя будутъ опредѣлены общимъ собраніемъ ссудо-сберегательной кассы.

§ 19. На капиталы похоронной кассы, а равно на похоронныя пособія, выдаваемыя изъ оной, не могутъ быть обращаемы никакія взысканія и могутъ быть удержаны лишь законно признанные расходы на похороны участника въ случаѣ, указанномъ въ § 14 настоящаго устава.

V.

Управленіе кассою.

§ 20. Дѣлами кассы завѣдуютъ: а) правленіе и б) общія собранія участниковъ.

А. Правленіе.

§ 21. Правленіе кассы состоитъ изъ пяти членовъ и трехъ къ нимъ кандидатовъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ изъ числа участниковъ кассы на одинъ годъ.

Примѣчаніе. Выборы членовъ правленія и кандидатовъ къ нимъ производятся закрытою баллотировкою по большинству голосовъ.

§ 22. Члены правленія избираютъ изъ своей среды предсѣдателя и казначея и назначаютъ лицо, коему поручается веденіе счетоводства, отчетности и переписка по кассѣ.

§ 23. Члены правленія исполняютъ свои обязанности безвозмездно: вознагражденіе лицу, завѣдывающему счетоводствомъ, опредѣляется правленіемъ.

Примѣчаніе 1. Жены участниковъ кассы ни въ члены правленія, ни въ кандидаты къ нимъ не могутъ быть избираемы.

Примѣчаніе 2. Члены правленія и ихъ кандидаты могутъ быть вновь избираемы на слѣдующій годъ.

§ 24. Для дѣйствительности постановленій правленія необходимо присутствіе не менѣе двухъ членовъ, въ томъ числѣ предсѣдателя или заступающаго его мѣсто и одного кандидата.

§ 25. Дѣла въ правленіи рѣшаются большинствомъ голосовъ при равенствѣ ихъ голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

§ 26. Къ обязанности правленія относится: 1) пріемъ участниковъ кассы; 2) выдача похоронныхъ пособій; 3) наблюденіе за веденіемъ списковъ участниковъ, а равно и за счетоводствомъ кассы; 4) исключеніе изъ числа участниковъ и наложеніе пени на неисправныхъ плательщиковъ; 5) созывъ общихъ собраній, и 6) составленіе годовыхъ отчетовъ о дѣйствіяхъ кассы.

§ 27. Для ревизіи отчета, книгъ и документовъ кассы, общее собраніе избираетъ ежегодно изъ своей среды трехъ ревизоровъ по одному отъ каждаго разряда участниковъ. О результатахъ ревизіи докладывается ближайшему общему собранію.

Б. Общія собранія.

§ 28. Общія собранія участниковъ кассы бываютъ обыкновенныя и чрезвычайныя.

§ 29. Обыкновенныя общія собранія созываются разъ въ годъ. Въ этихъ собраніяхъ разсматриваются годовые отчеты, избираются члены правленія, кандидаты къ нимъ и члены ревизіонной коммисіи и разрѣшаются вопросы, превышающіе компетенцію правленія.

§ 30. Чрезвычайныя общія собранія созываются по постановленію правленія или по требованію не менѣе 1/3 участниковъ въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства.

§ 31. Жены участниковъ кассы въ общихъ собраніяхъ лично не участвуютъ, но могутъ передавать голоса своимъ мужьямъ.

Примѣчаніе 1. Общимъ собраніемъ каждый разъ избирается и предсѣдатель изъ числа наличныхъ участниковъ.

Примѣчаніе 2. Первое общее собраніе созывается учредителями по утвержденіи настоящаго устава.

§ 32. Вѣдѣнію общаго собранія, кромѣ вопросовъ, указанныхъ выше, подлежитъ: 1) разсмотрѣніе предложеній объ измѣненіи и дополненіи устава кассы; 2) разрѣшеніе жалобъ на распоряженія правленія кассы, и 3) предложеніе о закрытіи кассы.

§ 33. О предметахъ занятій какъ общаго собранія, такъ равно и членовъ ревизіонной коммисіи и правленія составляются протоколы.

§ 34. О днѣ, мѣстѣ и предметахъ, подлежащихъ обсужденію въ общемъ собраніи, объявляется по крайней мѣрѣ за 8 дней до назначеннаго срока, при чемъ въ общемъ собраніи могутъ быть разрѣшаемы лишь вопросы, значащіеся въ повѣсткѣ.

§ 35. Общее собраніе какъ обыкновенное, такъ и чрезвычайное считается состоявшимся, если въ немъ участвовало не менѣе трети проживающихъ въ г. С.-Петербургѣ участниковъ кассы, а по вопросамъ объ измѣненіи и дополненіи устава и о закрытіи кассы не менѣе двухъ третей означеннаго числа.

§ 36. Если общее собраніе не состоится за неприбытіемъ узаконеннаго числа участниковъ, то назначается вторичное общее собраніе, въ коемъ могутъ быть обсуждаемы лишь дѣла, предназначавшіяся къ разсмотрѣнію въ первомъ собраніи. Таковое собраніе считается состоявшимся въ какомъ бы на этотъ разъ числѣ ни собрались участники, о чемъ всѣ они поставляются въ извѣстность при объявленіи имъ о предстоящемъ собраніи.

§ 37. Вопросы рѣшаются общимъ собраніемъ простымъ большинствомъ голосовъ наличныхъ участниковъ кассы, а по вопросамъ объ измѣненіи или дополненіи устава и о закрытіи кассы большинствомъ $^2/_3$ тѣхъ же участниковъ.

Примѣчаніе. Участникъ кассы, не могущій прибыть лично въ общее собраніе, можетъ передавать свой голосъ кому-либо изъ другихъ участниковъ, сдѣлавъ о томъ письменное заявленіе правленію, но никто изъ участвующихъ въ общемъ собраніи не можетъ имѣть болѣе одной довѣренности.

§ 38. Постановленія общаго собранія обязательны и для отсутствовавшихъ участниковъ.

§ 39. Похоронная касса отправляетъ свои дѣйствія при наличности не менѣе 100 членовъ по всѣмъ тремъ разрядамъ.

VI.

Закрытіе кассы.

§ 40. Дѣйствія кассы прекращаются по постановленію общаго собранія по большинству $^2/_3$ голосовъ наличнаго ихъ въ собраніи числа. Принадлежащіе кассѣ капиталы ко времени ея закрытія употребляются согласно постановленію о семъ послѣдняго общаго собранія.

§ 41. О закрытіи кассы доводится до свѣдѣнія Министерства Юстиціи и печатается въ Правительственномъ Вѣстникѣ.

V.

ПАМЯТИ Л. И. ЛАНГЕ.

27-го ноября 1896 года, въ г. Нѣжинѣ скончался на семьдесятъ пятомъ году жизни предсѣдатель мѣстнаго окружнаго суда тайный совѣтникъ Левъ Ивановичъ Ланге. Окончивъ курсъ юридическихъ наукъ, онъ въ службу вступилъ 14-го января 1844 года и сначала очень быстро поднимался по ступенямъ служебной іерархіи. Послѣ тринадцати лѣтъ службы онъ былъ уже губернскимъ прокуроромъ, т. е. занималъ по тому времени весьма важный и отвѣтственный постъ. Безконечно преданный службѣ, знатокъ дѣла, строгій блюститель исполненія закона, онъ составилъ себѣ, какъ губернскій прокуроръ, репутацію выдающагося дѣятеля. Яркими чертами его характера были чрезвычайная твердость, прямота. Губернскому прокурору было необходимо обладать такими свойствами для того, чтобы выполнить трудную обязанность спеціальнаго блюстителя закона въ дореформенныхъ губернскихъ учрежденіяхъ. Конечно, много непріятнаго приходилось испытать подобному непримиримому блюстителю закона.

Левъ Ивановичъ принималъ участіе въ трудахъ по составленію Судебныхъ Уставовъ, за что въ свое время ему было объявлено Монаршее благоволеніе. Въ концѣ 1864 года, послѣ утвержденія Судебныхъ Уставовъ, когда Министерство Юстиціи было озабочено принятіемъ мѣръ къ введенію Уставовъ въ дѣйствіе, Л. И. (тогда же назначенный предсѣдателемъ Курской уголовной палаты) былъ вызванъ въ С.-Петербургъ для участія въ этихъ работахъ, а затѣмъ, съ 18-го мая 1865 года до февраля 1866 года, завѣдывалъ, по ордеру Министра, канцеляріей Министерства Юстиціи. 4-го февраля 1866 года состоялись первыя назначенія въ новые суды, и первымъ прокуроромъ Московскаго окружнаго суда былъ назначенъ Л. И. Ланге [1]). Оставшіеся въ живыхъ перваго назна-

[1]) Были назначены старшими предсѣдателями: сенаторы М. Ф. Гольтгоеръ (С.-Пб.) и М. В. Полѣновъ (Москва); предсѣдателями департаментовъ: В. В. Фришъ (С.-Пб.) и А. Н. Шаховъ (Москва); прокурорами палатъ: Я. Я. Чемадуровъ (С.-Пб.) и Д. А. Ровинскій (Москва); предсѣдателями судовъ: Г. Н. Мотовиловъ (С.-Пб.) и

ченія товарищи прокурора Московскаго суда [1]) и столичные слѣдователи [2]) помнятъ собранія [3]) на квартирѣ своего перваго прокурора, помнятъ происходившія тамъ: чтеніе Судебныхъ Уставовъ, спѣшное и горячее обсужденіе возникавшихъ вопросовъ и рядомъ съ этимъ кропотливую работу организаціи приличныхъ новому суду новыхъ формъ канцелярскаго порядка, помнятъ живое во всемъ этомъ участіе Л. И. Ланге, его беззавѣтную преданность дѣлу, своеобразный тонъ рѣчи этого, по виду сухаго и рѣзкаго, а въ дѣйствительности — добраго и благороднаго человѣка. По разнымъ причинамъ, для обсужденія которыхъ нѣтъ еще достаточныхъ данныхъ, Л. И. скоро оставилъ постъ прокурора суда, и 2-го октября того же 1866 года состоялся приказъ о назначеніи его членомъ Московской судебной палаты. Эту должность онъ занималъ болѣе 14 лѣтъ, до 25-го марта 1881 г., когда онъ былъ назначенъ въ Нѣжинъ предсѣдателемъ суда. Въ этой должности онъ оставался до конца жизни. Такимъ образомъ бо́льшая часть общественной дѣятельности Л. И. была посвящена исполненію обязанностей судьи. О томъ, какъ онъ исполнялъ эти обязанности, еще долго будутъ помнить и въ Москвѣ, и въ Нѣжинѣ. Въ сущности дѣятельность судьи была самою подходящею дѣятельностью для покойнаго; рѣдко кто такъ подходилъ къ идеалу судьи, какъ Л. И. Ланге съ его свѣтлымъ взглядомъ, громаднымъ опытомъ, благороднымъ сердцемъ и неуклонною твердостью.

Умеръ Левъ Ивановичъ, проболѣвъ всего нѣсколько дней, отъ воспаленія легкаго, оставивъ семьѣ всего нѣсколько десятковъ рублей, не достаточныхъ для его погребенія, и свѣтлое имя неутомимаго судебнаго труженика, свято сохранявшаго завѣты юности. Его гробъ до могилы несли на рукахъ сослуживцы и почитатели покойнаго. Среди большаго количества вѣнковъ нельзя не отмѣтить одного — съ надписью „Праведники не умираютъ“..... (Некрологъ, напечатанный въ *Русск. Вѣдом.* отъ 30 янв. 1897 г. за подписью Б. С.).

Е. Е. Люминарскій (Москва), и прокурорами судовъ: Н. Н. Шрейберъ (С.-Пб.) и Л. И. Ланге (Москва).

[1]) Товарищами прокурора при Л. И. Ланге были: кн. М. К. Багратіонъ-Мухранскій, Н. И. Варооломѣевъ, М. Ф. Громницкій, П. Н. Костылевъ, Ф. Ф. Крахтъ, Л. В. Крушинскій, М. М. Лещинскій, К. Н. Линдротъ, Н. А. Манасеинъ, И. П. Муравьевъ, С. Я. Орловскій, И. М. Остроглазовъ, Н. С. Писаревъ, А. Н. Терновскій, И. А. Уманецъ, К. А. Унгебауеръ и М. П. Фроловъ.

[2]) Д. М. Булыгинскій, В. Р. Завадскій, А. А. Каринскій, П. С. Кларкъ, А. К. Колоколовъ, А. П. Муликовскій, Д. Г. Павловскій и И. П. Побѣдимовъ.

[3]) Объ этихъ собраніяхъ въ свое время писалъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* покойный И. М. Остроглазовъ.

КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ
по исторіи
МЕЖЕВАНІЯ ВЪ РОССІИ.
III. [1]).

Генеральное межеваніе по правиламъ второй межевой инструкціи.

Записка первая (А).

5-го марта 1765 года повелѣніемъ Императрицы Екатерины II была образована *Коммисія о государственномъ межеваніи* [2]) въ составѣ: генералъ-аншефа *графа Петра Панина*, сенатора *Николая Муравьева*, генералъ-поручика *Мильгунова*, президента Вотчинной коллегіи *Лунина* и генералъ-квартирмейстера *князя Вяземскаго* [3]). Этой Коммисіи было приказано прежде всего разсмотрѣть причины неуспѣха межеванія по правиламъ первой межевой Инструкціи.

Быстро, менѣе чѣмъ въ полгода, окончивъ возложенную на нее работу, Коммисія пришла къ слѣдующимъ выводамъ: 1) По Инструкціи 1754 года у всѣхъ безъ разбора поземельныхъ владѣльцевъ, какъ бы кто спокойно и безспорно ни владѣлъ своимъ имѣніемъ, было велѣно пересматривать всѣ ихъ крѣпости, чтобы этимъ способомъ отыскать находящіяся во владѣніи каждаго лишнія, имъ захваченныя (*примѣрныя*) земли, и 2) разсмотрѣніе поземельныхъ правъ владѣльцевъ по крѣпостямъ было предоставлено, безъ всякихъ ограниченій, офицерамъ, назначеннымъ межевщиками, вмѣсто Вотчинной коллегіи, которая, по закону, разсматривала

---

[1]) См. Жур. Мин. Юст. 1897 г., Январь, стр. 285.

[2]) П. С. З.; № 12347.

[3]) Соч. П. И. Иванова, стр. 61.

эти права только по иску одного къ другому о завладѣніи земель. Слѣдствіемъ этого было то, что добрые и мирно владѣвшіе своими землями помѣщики стали опасаться потерять, по рѣшенію офицера—межевщика, свою собственность и, напротивъ, люди корыстолюбивые получили поводъ и поползновеніе помышлять о большемъ себя обогащеніи. Отсюда произошло множество постороннихъ цѣли межеванія споровъ и остановокъ въ немъ.

Признавъ справедливость такого мнѣнія Коммисіи, Императрица Екатерина II въ манифестѣ 1765 г. сентября 19 изъявила свою волю, учредить государственное межеваніе на новыхъ началахъ, устранивши отъ производства его всѣ постороннія обстоятельства. Эти новыя начала межеванія тогда же были обнародованы, а межевой Коммисіи повелѣно представить на Высочайшее утвержденіе основанный на этихъ началахъ проектъ новой Инструкціи. Въ 1766 году были изданы двѣ межевыя Инструкціи: одна землемѣрамъ, другая—межевымъ губернскимъ канцеляріямъ и провинціальнымъ конторамъ. Прежніе межевые законы этими Инструкціями были отмѣнены.

Записка вторая (*Б*) [1].

Манифестомъ Великой Государыни отъ 19 сентября 1765 года было объявлено генеральное межеваніе земель въ государствѣ на совершенно новыхъ началахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обнародованы правила для составленія второй межевой Инструкціи [2].

За основаніе размежеванія принято было не прежнее изысканіе примѣрныхъ земель, а единственно полюбовные разводы, при чемъ владѣльцамъ строго воспрещено распространять владѣнія свои за границы, въ которыхъ засталъ ихъ помянутый манифестъ.

Въ вознагражденіе за готовность къ миролюбному размежеванію, владѣльцамъ обѣщаны „*примѣрныя*“ земли, безъ всякаго разсмотрѣнія крѣпостныхъ документовъ, а споры, неоконченные при межеваніи, велѣно разбирать судомъ, съ разсмотрѣніемъ документовъ, и несправедливо споривших подвергать штрафамъ, съ отрѣзкою примѣрныхъ земель [3]. Ревизія и редукція были отмѣнены [1]), и самое званіе межевщиковъ, какъ ревизоровъ и судей права владѣнія, уничтожено. Взамѣнъ ихъ учреждены званія *землемѣровъ*, въ качествѣ межевыхъ техниковъ, распорядителей работъ, увѣщателей на миролюбные разводы границъ владѣнія. Главною цѣлью межеванія сдѣлалось спокойствіе владѣльцевъ, а исключительною обязанностію межеваго суда—разборъ споровъ лишь о границахъ; тяжбы же и иски о правахъ на имѣнія подчинены общему порядку производства вотчинныхъ дѣлъ, т. е. суду и рѣшенію Вотчинной коллегіи [2]).

Эти основныя положенія рѣзко отдѣлили періодъ Екатерининскаго межеванія отъ всѣхъ предшествовавшихъ. Не розыскъ *примѣрныхъ* земель и не передѣлъ границъ *по документамъ* предписывали новыя правила: каждый могъ оставаться при томъ, что̀ имѣлъ, лишь бы не желалъ больше того и не спорилъ съ сосѣдями [3]). Такая исключительная цѣль межеванія, представлявшая наилучшее средство къ успѣху его, послужила девизомъ всей работы. Составленный тогда рисунокъ межеваго штемпеля, съ государственнымъ гербомъ и съ девизомъ: „*каждый при своемъ*“, Императрица Екатерина конфирмовала словами: „укрѣпи, Господи, достояніе людемъ своимъ“.

Множество земельныхъ споровъ требовало скорѣйшаго ихъ прекращенія, а недостатокъ межевыхъ средствъ вызывалъ необходимость обойтись при этомъ небольшимъ числомъ рукъ. Эти противоположныя требованія придали дѣлу тогдашняго межеванія особый характеръ. Нечего было и думать прямо идти къ конечной цѣли всякаго межеванія, къ опредѣленію законными границами каждой отдѣльной поземельной собственности; необходимость требовала постепеннаго приближенія къ цѣли. Въ такихъ видахъ, велѣно было межевать земли не по владѣльцамъ, а по селеніямъ, по дачамъ и пустошамъ. Старинныя дачи уже и тогда находились преимущественно въ общемъ владѣніи, а потому, опредѣливъ предварительно ихъ границы, правительство очевидно достигало, во-первыхъ,

---

[1]) Эта записка и слѣдующая (В) составлены въ 1864 году, по порученію начальства, межевымъ инженеромъ, капитаномъ Яковлевымъ.

[2]) П. С. З.; 19 сентября 1765 г. № 12474.

[3]) Изъ примѣрныхъ земель велѣно давать спорщикамъ только по 10 четв. на 100 крѣпостныхъ. Штрафъ полагался: за каждую бывшую въ завладѣніи десятину пашни съ хлѣбомъ 2 р. въ годъ; за десятину безъ хлѣба 1 р.; за копну сѣнныхъ покосовъ 3 коп.; за десятину 30 коп.; за лѣсныя угодья—противъ того, что за пашню съ хлѣбомъ; за десятину дикихъ полей, захваченныхъ послѣ манифеста, 3 р. (гл. 4, п. 5; гл. 13, п. 8).

[1]) Правила о сочиненіи межевой Инструкціи, при манифестѣ 19-го сентября 1765 г., п. 1, 6, 9, 11, 12; инструкц. 1766 г., февраля 13 № 12570.

[2]) Тамъ же, п. 2; инстр. 1766 г. мая 25, гл. 23.

[3]) П. С. З. 1766 г. мая 25 № 12659 (гл. 3 въ началѣ).

прекращенія наибольшаго числа споровъ, а во-вторыхъ—получало въ результатѣ сплошную сѣть обмежеванныхъ крупныхъ пространствъ, внутри которыхъ, отдѣльно по каждому, несравненно уже легче было разрѣшать спорные случаи и производить частное размежеваніе. Но, слѣдуя главному основанію дѣла, утвержденію формальныхъ границъ каждой дачи по полюбовнымъ разводамъ, невозможно было не допустить исключеній изъ правила о разграниченіи земель по дачамъ, если исключенія эти находили себѣ защиту въ полюбовныхъ разводахъ. А потому было дозволено производить и внутреннее разверстаніе общихъ дачъ на участки, но необязательно и подъ непремѣннымъ условіемъ полюбовнаго развода. Такимъ образомъ, каждая дача, все равно общая она или нѣтъ, подлежала безусловному обмежеванію окружными межами, но внутреннее разверстаніе ея на участки допускалось только по желанію собственниковъ. Притомъ на окружныхъ межахъ еще возможны были споры и увѣщанія землемѣра на полюбовный разводъ, возможно было также судебное размежеваніе; но при внутреннемъ раздѣлѣ споръ не имѣлъ мѣста. Какъ скоро полюбовнаго развода не было, землемѣръ, хотя-бы сучастники и просили о разверстаніи, не принималъ спора и обходилъ только общую дачу [1]).

Коммисія о государственномъ межеваніи, такъ удачно и съ такой крайне рѣдкой быстротой окончившая свою задачу,—вслѣдъ за обнародованіемъ манифеста (19 сентября) была закрыта въ томъ же 1765 году, а для высшаго управленія и суда по межевымъ дѣламъ образована, въ составѣ Сената, при Первомъ его Департаментѣ, особая *Межевая экспедиція* [2]), которой, въ видахъ скорѣйшаго и безостановочнаго хода межевыхъ работъ, предоставлено было право непосредственныхъ всеподданнѣйшихъ докладовъ, помимо Общаго Сената Собранія. Членами этой экспедиціи были назначены сенаторы: *графъ Петръ Панинъ*, *Николай Муравьевъ*, *князь Алексѣй Козловскій* и правившій должность генералъ-прокурора генералъ-квартирмейстеръ *князь Алексѣй Вяземскій* [3]). Для ближайшаго наблюденія за ходомъ генеральнаго межеванія и для разбора и рѣшенія споровъ о поземельныхъ границахъ, было предположено учреждать въ *каждой* межуемой губерніи губернскую межевую

[1]) П. С. З. 1766 г. мая 25 № 12659. (гл. 3, п. 6; гл. 4, п. 44 и 45).

[2]) Впослѣдствіи переименованная (въ 1794 г.) въ Межевой Департаментъ Правительствующаго Сената.

[3]) П. И. Ивановъ,—Опытъ изслѣд., стр. 70.

канцелярію и на каждыя *двѣ* или *три* межуемыя провинціи одну *провинціальную межевую контору*. Учрежденія эти имѣлось въ виду перемѣщать изъ одной губерніи въ другую, до совершеннаго окончанія генеральнаго межеванія въ государствѣ [1]).

Съ Московской губерніи начала межевыя работы Императрица Елисавета, съ нея же приступила къ нимъ и Екатерина II. Находившаяся въ Москвѣ губернская межевая канцелярія получила новое устройство [2]). Ей велѣно было разсмотрѣть снятые прежнею губернскою канцеляріею планы; въ составъ присутствія ея назначены два члена въ военныхъ чинахъ (генералъ-поручикъ *Штофель* и генералъ-маіоръ *Невѣдомскій*) и третій въ гражданскомъ чинѣ. Генералъ Штофель, въ именномъ указѣ 1765 года, названъ „*главнымъ межевой канцеляріи*“. Въ непосредственномъ вѣдѣніи послѣдней учреждены, на первый разъ, двѣ провинціальныя межевыя конторы (въ Волоколамскѣ и Серпуховѣ), съ опредѣленіемъ въ каждую изъ нихъ трехъ членовъ въ штабъ-офицерскихъ чинахъ [3]).

Въ то же время утверждены штаты всѣхъ этихъ мѣстъ, съ образованіемъ при каждомъ изъ нихъ особой чертежной, изъ директора и опредѣленнаго числа землемѣровъ, для производства межевыхъ работъ въ натурѣ, свидѣтельства исполненныхъ дѣлъ и копировки плановъ съ межевыми книгами. Въ чертежной же Межевой экспедиціи свидѣтельствовались, сверхъ того, планы и чертежи по дѣламъ апелляціоннымъ и экзаменовались лица, вступавшія въ межевую службу [4]).

[1]) Ген. правила при манифестѣ 19 сентября 1765 года, п. 27.

[2]) Въ указѣ отъ 11 декабря 1765 г. (№ 12540) она названа *новою* Московскою губернскою межевою канцеляріею. Въ 1768 г. при ней учрежденъ межевой архивъ для плановъ (П. С. З. 1768 г. генв. 14 № 13050).

[3]) Волоколамская межевая контора завѣдывала 6-ю уѣздами (Волоколамскій, Клинскій, Дмитровскій, Рузскій, Можайскій, Звенигородскій), а Серпуховская 8-ю (Серпуховскій, Верейскій, Боровскій, Малоярославецкій, Каширскій, Коломенскій, Тарусскій, Оболенскій). За межеваніемъ же Московскаго уѣзда имѣла непосредственное наблюденіе сама губернская межевая канцелярія (П. С. З. 1765 г. окт. 8 № 12488; 1766 г. февр. 13 № 12570; мая 27 № 12664).

[4]) Въ Московской губернской межевой канцеляріи находилось въ первое время 3 секретаря, 1 протоколистъ, 1 регистраторъ и 24 канцелярскихъ служителя, а чертежную ея составляли 1 первоклассный землемѣръ (онъ же и директоръ) и 6 второклассныхъ. Въ каждой изъ конторъ было 2 секретаря, 1 протоколистъ, 1 регистраторъ и 16 канцелярскихъ чиновъ, да при чертежной 1 первоклассный землемѣръ и 4 второклассныхъ. Для производства же межеванія назначено было 14 первоклассныхъ землемѣровъ, 14 второклассныхъ, 14 канцеляристовъ, 14 под-

Конторы подчинялись губернской межевой канцеляріи и, по дѣламъ спорнаго межеванія, относились къ ней, какъ суды 1-ой инстанціи ко 2-й. Съ быстрымъ развитіемъ работъ генеральнаго межеванія, въ теченіе 15 лѣтъ было открыто 8 межевыхъ конторъ, но губернскихъ межевыхъ канцелярій болѣе не учреждалось и Московская межевая канцелярія завѣдывала всѣми межевыми конторами, продолжая называться *губернскою*. Это противорѣчіе въ названіи мѣста съ его значеніемъ было замѣчено, и Высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ въ 1777 г., Московская губернская межевая канцелярія названа просто *Межевою канцеляріею* [1]). Такимъ образомъ, постоянное завѣдываніе всѣми межевыми конторами сосредоточилось въ Москвѣ, и Межевая канцелярія сдѣлалась *центральною инстанціею 2-й степени для межеваго суда* [2]).

Конторы представляли въ Межевую канцелярію и въ Межевую экспедицію Сената срочныя вѣдомости: а) о количествѣ дачъ, обмежеванныхъ по безспорному владѣнію и по увѣщанію землемѣровъ на полюбовный разводъ земель, съ показаніемъ числа десятинъ въ тѣхъ дачахъ и количества пройденныхъ межею верстъ; б) о числѣ дѣлъ, не оконченныхъ за споромъ; в) о разосланныхъ планахъ съ межевыми книгами; г) о числѣ неисполненныхъ указовъ; д) о времени подписанія, объявленія тяжущимся и припечатанія въ газетахъ судебныхъ опредѣленій, и е) о выбывшихъ изъ службы землемѣрахъ [3]). Межевая канцелярія наблюдала, сверхъ того, за дѣйствіями конторъ чрезъ перваго своего члена или „главнаго“ [4]).

Въ свою очередь, Межевая канцелярія [5]) непосредственно зависѣла отъ Межевой экспедиціи, которая, подчиняясь одной верховной власти, распоряжалась, чрезъ Межевую канцелярію, какъ объ открытіи и закрытіи конторъ, такъ и о переводѣ ихъ изъ одной мѣстности въ другую.

канцеляристовъ и 14 копіистовъ (П. С. З. 1765 г. декабря 11 № 12540; декабря 31 № 12541; 1766 г. мая 27 № 12664).

[1]) П. С. З. 1777 г. февраля 7 № 14575.

[2]) По мѣрѣ умноженія занятій въ Межевой канцеляріи, увеличивался и штатный составъ ея чиновъ. Такъ, въ 1775 г. къ штату ея добавлены были 3 секретаря, 30 канцелярскихъ служителей и, для копированія плановъ, 20 учениковъ изъ гарнизонныхъ школъ солдатскихъ дѣтей, обучавшихся ариѳметикѣ и геометріи (П. С. З. 1775 г. декабря 8 № 14405).

[3]) П. С. З. 1766 г. окт. 2 № 12756; 1767 г. іюля 16 № 12942; 1772 г. март. 2 № 13769; 1774 г. янв. 15 № 14103; 1787 г. ноября 2 № 16587; 1793 г. ноября 16 № 17160.

[4]) По закрытіи Межевой экспедиціи, конторы представляли отчетность въ Межевой Департаментъ Сената, но въ 1823 г. непосредственныя сношенія конторъ съ Межевымъ Департаментомъ прекратились (П. С. З. 1823 г. марта 18 № 29365).

[5]) На обязанность Межевой канцеляріи возложена была продажа казенныхъ засѣкъ и пустопорожнихъ земель. Продажа такихъ земель по опредѣленной цѣнѣ начата въ 1762 г., въ Москвѣ, при Вотчинной коллегіи, а въ С.-Петербургѣ при Вотчинной конторѣ. Въ 1763 г. учреждена была особая коммисія для завѣдыванія продажею, а въ 1766 дѣла по продажѣ переданы въ Межевую канцелярію, которая давала покупщикамъ указы на владѣніе и о количествѣ проданныхъ земель сообщала въ Вотчинную коллегію. Продавались всѣ пустопорожнія земли, за исключеніемъ: 1) назначенныхъ подъ поселеніе иностранцамъ, 2) въѣзжихъ лѣсовъ (до времени обмежеванія ихъ) и 3) пустопорожнихъ земель въ Оренбургской губерніи (до снятія и описанія ихъ). Въ 1778 г. продажа остановлена, а чрезъ 16 лѣтъ (въ 1794) снова разрѣшена, но не повсемѣстно, а по губерніямъ, начиная съ Орловской, подъ вѣдѣніемъ казенныхъ палатъ и подъ особымъ наблюденіемъ генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ. Въ 1796 и 1798 г. воспрещенія продажи повторились. Деньги отъ проданныхъ земель велѣно было въ 1765 г. расходовать на производство генеральнаго межеванія, а въ 1796—хранить особо, до будущаго повелѣнія (П. С. З. 1762 г. авг. 22 № 11651; 1763 марта 31 № 11781; 1765 сент. 19 № 12474; 1766 мая 25 (гл. 32) № 12659; авг. 21 № 12726; 1767 окт. 2 № 12982; 1770 марта 30 № 13441; 1778 сент. 18 № 14801; 1794 іюня 23 № 17227; 1796 дек. 8 № 17622; 1798 янв. 15 № 18325).

[2]) Въ указѣ сказано: „по своему свидѣтельству, признанныхъ къ тому способныхъ надобное число опредѣлить“ (П. С. З. 1765 г. окт. 8 № 12488).

Правительству, приступавшему къ новому громадному дѣлу общаго межеванія, предстояло еще устроить техническую часть дѣла и подготовить исполнителей—спеціалистовъ. Въ то время не было ни межевыхъ учебныхъ заведеній, ни практически опытныхъ исполнителей работъ, не доставало даже простыхъ съемщиковъ. Несмотря на крайнюю надобность въ такихъ лицахъ, велѣно было однако принимать ихъ на межевую службу не иначе, какъ по экзамену. Въ 1765 г. обнародовано, чтобы всѣ, имѣющіе свѣдѣнія въ снятіи дачъ на планы и желающіе поступить въ землемѣры, объявили объ этомъ Межевой экспедиціи или Межевой канцеляріи, которымъ повелѣно подвергать такихъ лицъ испытанію и, затѣмъ, опредѣлять способныхъ, смотря по надобности [2]). При этомъ изъ неслужащихъ дозволялось опредѣлять всѣхъ, безъ различія чиновъ, на общихъ основаніяхъ, а изъ служащихъ въ войскѣ—всѣхъ, кромѣ полковниковъ и комплектныхъ маіоровъ, съ оставленіемъ въ прежнемъ вѣдомствѣ. При недостачѣ, предоставлено было сенатской Межевой экспедиціи требовать, чрезъ Военную коллегію, изъ гарнизонныхъ школъ учениковъ, способныхъ продолжать свое ученіе, знающихъ ариѳметику и умѣющихъ писать и чертить планы. Они названы были *землемѣрными учениками* и, по количеству получае-

маго ими содержанія, раздѣлены на учениковъ 1 и 2 оклада, а впослѣдствіи на старшихъ и младшихъ. Наконецъ, дозволено было опредѣлять на оклады учениковъ желающихъ свободныхъ людей, опытныхъ канцелярскихъ служителей и способныхъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, съ предоставленіемъ лучшимъ изъ этихъ лицъ званія *землемѣрныхъ помощниковъ* [1]). Послѣ трехлѣтнихъ вызововъ, поступило на межевую службу изъ военныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ всего 71 человѣкъ [2]). Сначала они были приняты безъ отчисленія отъ полковъ, но вскорѣ правительство нашло необходимымъ образовать изъ личнаго состава межевыхъ техниковъ постоянное вѣдомство, и въ 1768 г. было велѣно всѣхъ отчисленныхъ къ производству межеванія служащихъ, не ниже оберъ-офицерскаго чина, взять отъ ихъ мѣстъ и опредѣлить землемѣрами въ Межевую канцелярію: половинное число—первоклассными, на высшій окладъ, а остальныхъ—на низшій, второклассными [3]). Такимъ образомъ, быстро и легко образовалось цѣлое техническое вѣдомство съ должностями землемѣровъ, землемѣрныхъ помощниковъ и землемѣрныхъ учениковъ. Впрочемъ, преимущественно на должностяхъ землемѣровъ были военные, въ чинахъ отъ штыкъ-юнкера до подполковника включительно [4]).

Землемѣры состояли въ вѣдѣніи тѣхъ мѣстъ, которыми командировались на полевыя работы, т. е. межевыхъ конторъ, ближайшее же наблюденіе за успѣхомъ полевыхъ и чертежныхъ занятій по межеванію лежало на обязанности первыхъ членовъ этихъ учрежденій. Они не наблюдали за производствомъ работъ на мѣстѣ,

[1]) П. С. З. 1767 г. апр. 7 № 12868; 1768 г. марта 28 № 13093.

[2]) Изъ нижнихъ военныхъ чиновъ, знающихъ нѣсколько геометрію, нашлось только 14 человѣкъ.

[3]) Первоклассные получали жалованья по 350 р., второклассные по 250, помощники по 100 р. (П. С. З. 1765 г. окт. 8 № 12488; 1768 марта 28 № 13093). Эти оклады привлекали способныхъ людей къ межевой службѣ, въ которую охотно шли даже медики, которыхъ въ 1782 году особымъ указомъ воспрещено было зачислять въ землемѣры (П. С. З. № 15366).

[4]) Между землемѣрами 1775—1780 годовъ находились: премьеръ-маіоръ Воейковъ, поручикъ Волковъ, капитанъ Протасовъ, артиллеріи подпоручикъ Емельяновъ, флота лейтенантъ Бабушкинъ, инженеръ-прапорщикъ Келлеръ, штыкъ-юнкеръ Назимовъ, сержантъ Голубевъ, Николай Бестужевъ и т. д., въ такомъ же разнообразіи. Общее число землемѣровъ постоянно составляло тогда или немного болѣе, или немного менѣе 200 человѣкъ: въ 1768 году было ихъ 208, а въ 1778—194 (П. С. З. 1768 г. марта 28 № 13093; 1778 ноября 7 № 14818; 1781 окт. 6 № 15247).

въ полѣ, такъ какъ разъѣзды отвлекали бы ихъ отъ судебныхъ засѣданій въ присутствіяхъ, но контролировали ежемѣсячную отчетность землемѣровъ, руководствуясь при этомъ въ мѣрахъ побужденія полковничьею инструкціею [1]); а въ 1770 г. предписано было межевымъ учрежденіямъ обозначать даже въ послужныхъ спискахъ межевыхъ чиновъ—сколько каждымъ изъ нихъ обмежевано дачъ и десятинъ и по сколькимъ изъ тѣхъ дачъ сочинены и разосланы планы.

Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ генеральное межеваніе еще не начиналось, дозволено было посылать, по просьбамъ владѣльцевъ, особыхъ изъ Москвы землемѣровъ, для обмежеванія дачъ на иждивеніи просителей. Казенныя земли въ такихъ губерніяхъ, по Высочайшимъ повелѣніямъ, сенатскимъ указамъ и требованіямъ присутственныхъ мѣстъ, точно также межуемы были на коштѣ казенномъ. Этотъ родъ межевыхъ исполненій назывался *коштнымъ* межеваніемъ. Правила о немъ вошли сначала въ составъ общей межевой Инструкціи; но въ 1767 году издана для землемѣровъ, отправляемыхъ по коштному межеванію, особая Инструкція [2]).

Благодаря хорошей постановкѣ дѣла, межевыя работы шли успѣшно, хотя въ землемѣрахъ чувствовался постоянный недостатокъ, который сдѣлался особенно замѣтнымъ чрезъ 10 лѣтъ послѣ открытія генеральнаго межеванія, когда получила свое начало губернская межевая часть и потребовала въ свой составъ значительное число землемѣровъ изъ Межевой канцеляріи. Въ 1775 году, съ изданіемъ *Учрежденія о губерніяхъ*, признано было необходимымъ назначить въ каждую губернію по одному *губернскому* и въ каждый уѣздъ по одному *уѣздному* землемѣру, для содѣйствія уѣзднымъ судамъ при осмотрѣ спорныхъ межъ и возобновленіи межевыхъ признаковъ и вообще для исполненія ближайшимъ путемъ мѣстныхъ межевыхъ работъ, какъ, напримѣръ, по дѣламъ о но-

[1]) П. С. З. 1764 г. дек. 8 № 12289; 1768 марта 26 № 13090.

[2]) За полевыми работами землемѣровъ, состоявшихъ при Межевой экспедиціи и производившихъ коштное межеваніе, наблюдала сперва Вотчинная контора; но при самомъ началѣ генеральнаго межеванія послѣдовало распоряженіе, чтобы всѣ просьбы о коштномъ межеваніи подаваемы были въ Межевую канцелярію, за исключеніемъ Новгородской губерніи, въ которой владѣльцамъ предоставлено просить о томъ, какъ хотятъ, и Межевую канцелярію и Вотчинную контору (П. С. З. 1766 г. генв. 20 № 12547; мая 25 № 12659 (Инстр. губ. меж. канц. и контор., гл. 2); 1767 апр. 18 № 12874; 1768 генв. 18 № 13065; 1770 март. 30 № 13442).

вомъ разграниченіи уѣздовъ, губерній и проч. [1]). Опредѣленіе и увольненіе этихъ лицъ зависѣло отъ Межевой экспедиціи, но самое комплектованіе губернской межевой части было отнесено къ обязанности Межевой канцеляріи, съ правомъ переводить генеральныхъ землемѣровъ въ уѣздные и наоборотъ, по желанію этихъ чиновниковъ. Въ силу такого закона, въ первые же два года со дня изданія Учрежденія о губерніяхъ, переведено было Межевою канцеляріею, на должности губернской межевой части, 83 землемѣра [2]).

Въ виду возраставшей потребности въ межевыхъ чинахъ, въ 1779 году учреждена была при Межевой канцеляріи школа, подъ названіемъ Константиновской, переименованная впослѣдствіи въ Константиновское землемѣрное училище, а еще позднѣе—въ Константиновскій межевой институтъ [3]). Послѣ того, чрезъ 15 лѣтъ, когда изъ Межевой экспедиціи образовался (въ 1794 г.) *Межевой Департаментъ* Сената, при чертежной этого Департамента также основано было училище, доставлявшее ежегодно для межевой службы до 10 человѣкъ землемѣрныхъ учениковъ [4]).

Въ 1793 году для ближайшаго административнаго наблюденія за дѣйствіями межевыхъ мѣстъ и лицъ была учреждена должность *главнаго директора Межевой канцеляріи*, и первымъ на эту должность былъ назначенъ сенаторъ, тайный совѣтникъ *Дмитріевъ-Мамоновъ*. Главный директоръ Межевой канцеляріи сначала имѣлъ при себѣ только секретаря [5]). Главный директоръ долженъ былъ

[1]) При производствѣ генеральнаго межеванія уѣздныя межи налагались землемѣрами конторъ (П. С. З. 1766 г. февр. 13 № 12570 (§ 108); 1777 генв. 2 № 14555).

[2]) Межевая канцелярія назначала въ составъ губернской межевой части какъ землемѣровъ, такъ и землемѣрныхъ помощниковъ, исправлявшихъ должности начальниковъ партій. Для этого велѣно было канцеляріи имѣть сверхъ штата 20 второклассныхъ землемѣровъ и 20 помощниковъ. Сверхъ того, Межевой Департаментъ переводилъ иногда въ уѣздные землемѣры служившихъ въ сенатской чертежной землемѣровъ, а также назначалъ вольнопрактикующихъ, но по экзамену и вслѣдствіе представленій мѣстныхъ губернаторовъ (П. С. З. 1775 г. ноября 7 № 14392; 1777 янв. 12 № 14557; февр. 25 № 14587; 1778 ноября 7 № 14818).

[3]) Школа эта основана была первымъ членомъ Межевой канцеляріи, сенаторомъ тайнымъ совѣтникомъ *Рожновымъ*. Въ 1796 году въ ней училось уже до 100 человѣкъ (П. С. З. 1798 г. нояб. 17 № 18755; 1819 дек. 10 № 28024).

[4]) Училище это, съ развитіемъ впослѣдствіи межевыхъ учебныхъ заведеній, упразднено.

[5]) Опредѣленіе и увольненіе землемѣровъ и другихъ лицъ, составлявшихъ землемѣрныя партіи, зависѣло отъ Межевой канцеляріи, но съ утвержденія главнаго директора (П. С. З. 1798 г. нояб. 26 № 18762; 1806 марта 20 № 22069).

заботиться объ устраненіи недостатковъ и неудобствъ по межевому управленію и наблюдалъ за успѣшнымъ ходомъ межеванія въ государствѣ. Состоя въ непосредственномъ подчиненіи Правительствующему Сенату, главный директоръ пользовался правомъ всеподданнѣйшихъ докладовъ Императорскому Величеству [1]).

Въ 1796 году три конторы (Новгородская, Псковская и Вологодская), по окончаніи межеванія въ 5 губерніяхъ (Новгородской, Псковской, Тверской, Вологодской и Олонецкой), были упразднены [2]); остальныя пять конторъ продолжали свои дѣйствія въ Казани, Полоцкѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Тамбовѣ и Курскѣ [3]).

Изъ этихъ пяти межевыхъ конторъ—первыя три (Казанская, Полоцкая и Нижегородская) межевали, каждая, третью мѣстность, Тамбовская—четвертую, а Курская—пятую. Въ 1797 году послѣдняя, за окончаніемъ работъ въ подвѣдомомъ ей районѣ (Курской и Харьковской губ.), была переведена въ Саратовъ.

Такимъ образомъ, въ царствованіе Екатерины Второй къ 1797 году было генерально обмежевано 19 губерній и работы производились еще въ пяти. Въ этихъ 24 губерніяхъ было обмежевано 170.284 дачи въ 152.406.129 десят. На каждый годъ приходилось болѣе $5^1/_2$ тысячъ дачъ и болѣе 5 милліоновъ десятинъ.

Успѣхъ дѣла безпримѣрный! „Ежели бы Императрица не предпринимала ничего болѣе..., то и однимъ этимъ подвигомъ обезсмертила бы Свое имя“! (П. И. Ивановъ, стр. 61).

[1]) П. С. З. 1796 г. дек. 7 № 17621; 1808 мая 31 № 23045.

[2]) При закрытіи конторъ, землемѣры съ партіями переводимы были въ другія конторы или въ Межевую канцелярію (П. С. З. 1796 г. дек. 7 № 17621).

[3]) Вотъ первоначальныя названія всѣхъ 8 конторъ, открывавшихся въ послѣдовательномъ порядкѣ: Серпуховская (въ 1766 г.), Волоколамская (1766), Слободскоукраинская (1769), Костромская (1773), Тверская (1775), Смоленская (1776), Новгородская (1772) и Псковская (1780). Послѣднія двѣ конторы, съ окончаніемъ работъ во Псковѣ и Новгородѣ, не переводились далѣе и были упразднены. Тверская переведена изъ Твери въ Вологду (1781), откуда дѣйствовала также по Олонецкому намѣстничеству; прочія же пять конторъ, по окончаніи занятій въ мѣстахъ учрежденія, переводимы были въ разныя мѣстности, а именно: Серпуховская въ Переяславль-Рязанскій, Тулу, Рязань, Тамбовъ и Екатеринославль; Волоколамская—въ Переяславль-Залѣсскій, Калугу, Болховъ, Курскъ и Саратовъ; Слободскоукраинская—въ Пензу, Казань и Вятку; Костромская—въ Нижній-Новгородъ и Оренбургъ; Смоленская—въ Могилевъ, Полоцкъ, Симбирскъ и Пермь.

Записка третья (B).

Императрица Екатерина II, устанавливая генеральное межеваніе, сознавала всю трудность предстоящей работы, называла ее *многотруднымъ подвигомъ*, *великимъ произведеніемъ* (П. С. З.; 1766 г. № 12711) и, поэтому, въ изданной второй межевой Инструкціи было сдѣлано все, чтобы успокоить землевладѣльцевъ, во очію доказавъ имъ, что это новое межеваніе не имѣетъ ничего общаго съ ревизіей и редукціей первой Инструкціи 1754 года, и чтобы устранить другіе, менѣе серьезные, но обычные и постоянные поводы къ замедленію межеванія.

Преслѣдуя, и не безъ строгости, все направленное къ умышленному замедленію межевыхъ работъ, Инструкція Екатерины II прежде всего дѣйствовала на матеріальные интересы землевладѣльцевъ и другихъ причастныхъ къ межеванію лицъ и только за явно умышленныя, преступныя дѣйствія полагала иныя, личныя наказанія, не допуская, при этомъ, жестокостей Инструкціи 1754 года [1]). Такъ, напримѣръ, при неявкѣ владѣльцевъ на межу и въ случаѣ неприсылки повѣренныхъ послѣ втораго вызова, земли окончательно межевались по отводу (указанію) смежныхъ владѣльцевъ. Владѣлецъ, опоздавшій явиться на межу, допускался къ личному отводу границъ съ того только пункта, на которомъ онъ заставалъ землемѣра. Владѣлецъ, не подавшій землемѣру своевременно сказки о смежныхъ дачахъ, подвергался штрафу. Всѣ владѣльцы и повѣренные, прибывшіе къ межеванію, до окончанія его, не могли никуда отлучаться, въ противномъ случаѣ—обязаны были дать землемѣру подписку въ томъ, что какъ бы онъ ни провелъ безъ нихъ межи, они о перемѣнѣ ихъ нигдѣ просить не станутъ. Сопротивленіе межеванію не допускалось ни въ какомъ случаѣ: „никто да не дерзаетъ чинить землемѣру сопротивленія“, говоритъ законъ; „владѣльцы и крестьяне межуемыхъ селеній должны оказывать

[1]) Вторая Инструкція оставила наказаніе плетьми крестьянъ только за самовольное завладѣніе земель (гл. 4, п. 14) и за порчу утвержденныхъ уже межевыхъ признаковъ. Съ владѣльцевъ положенъ за это штрафъ, по 100 р. за признакъ (гл. 7, п. 15). Но обращая вниманіе всѣхъ и каждаго на важность государственнаго межеванія, Инструкція замѣтила, что „если кто, оставя весь стыдъ и страхъ, сіе государственное дѣло дерзнетъ обращать, какимъ бы то образомъ ни было, во вредъ и замѣшательство общаго государственнаго положенія.... тотъ, яко вредитель государственный, самъ себя осудитъ и опредѣлитъ не только лишенія достоинствъ, но и самаго публичнаго обезчещенія и жестокаго тѣлеснаго наказанія, по мѣрѣ же государственнаго вреда.... и самой смертной казни“ (гл. 31, п. 1).

землемѣру безпрекословное повиновеніе“; „кто не допуститъ землемѣра къ размежеванію земель своихъ угрозами или самимъ дѣйствіемъ, а тѣмъ паче если учинитъ смуту въ людяхъ и составитъ для сопротивленія землемѣру сборище, тотъ долженъ быть наказанъ, какъ за сопротивленіе распоряженіямъ правительства“; „если примѣчено будетъ намѣреніе крестьянъ къ сопротивленію землемѣрамъ, то главныхъ зачинщиковъ, забирая подъ караулъ, отсылать въ уѣздный судъ, гдѣ о поступкахъ ихъ производить строгое слѣдствіе и наказывать виновныхъ по законамъ“ [1]).

Не менѣе цѣлесообразныя мѣры были приняты и относительно другихъ лицъ, долженствовавшихъ находиться при межеваніи. Депутатовъ, отправляемыхъ присутственными мѣстами, по требованіямъ землемѣровъ, велѣно обязывать реверсами о прибытіи непремѣнно въ срокъ; депутата, не прибывшаго въ срокъ безъ законныхъ причинъ, велѣно предавать суду, *какъ вредителя генеральнаго межеванія*; съ мѣстъ и лицъ, замедлившихъ командированіемъ депутата, постановлено взыскивать по законамъ уголовнымъ *за весь могущій послѣдовать казенному имуществу убытокъ*; всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, а также губернаторамъ и прочимъ начальникамъ, предписано содѣйствовать землемѣрамъ и исполнять ихъ законныя требованія немедленно, *подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, взысканій по мѣрѣ вреда, причиненнаго межеванію* [2]).

Дѣла о поврежденіи межевыхъ признаковъ изъяты были изъ подъ суда производителей межевыхъ работъ и предоставлены слѣдствію и суду, по общему порядку.

Обязанности землемѣра были точно опредѣлены. Онъ приступалъ къ межеванію не иначе, какъ съ городскихъ земель, и потомъ уже переходилъ къ уѣзднымъ; послѣднія начиналъ онъ обходить отъ городской выгонной земли по порядку [3]), а не по выбору и не чрезъ земли, и притомъ такъ, чтобы каждая межуемая дача была у него при обходѣ въ правой рукѣ. По обмежеваніи всѣхъ лежащихъ вокругъ города дачъ, онъ точно также обходилъ смежныя съ ними и т. д., пока не оканчивалъ весь уѣздъ. Этотъ

[1]) П. С. З. 1766 г. февр. 13 № 12570; 1770 іюля 13 № 13479; ноября 2 № 13530; 1771 март. 10 № 13573; сент. 9 № 13654; 1773 янв. 7 № 13933; сент. 3 № 14032; 1774 мая 27 № 14152; 1776 авг. 23 № 14497; 1783 янв. 30 № 15654.

[2]) П. С. З. 1766 г. мая 25 № 12659; іюля б. ч. № 12711.

[3]) О межеваніи земель по порядку говорится и въ первой Инструкціи (гл. 3 п. 1).

порядокъ дѣйствій былъ названъ *циркульнымъ порядкомъ*. Землемѣръ долженъ былъ работать даже въ воскресные и праздничные дни, если владѣльцы того желали. Двумъ землемѣрамъ полагалось ежемѣсячно проходить съ цѣпью не менѣе 160 верстъ. Послѣ утомительнаго полеваго труда, землемѣръ обязанъ былъ даже ночевать въ полѣ, если отходилъ отъ селенія далѣе 15 верстъ [1]). Въ изданномъ отъ сенатской Межевой экспедиціи наставленіи разобраны всѣ техническія обязанности землемѣровъ до мелочей: *какою методою землемѣріе производить, какъ распредѣлять работу, избирать для нея починный пунктъ, вѣшить линіи, вести счетъ цѣпей и проч.* Угломѣрнымъ снарядомъ для землемѣра оставлена астролябія и названа *вѣрнѣйшимъ инструментомъ*. Для повѣрки межевыхъ работъ, велѣно землемѣру снимать ситуацію параллельными линіями и брать отъ владѣльцевъ подписки въ томъ, что линіи эти дѣйствительно измѣрены. Особенно же велѣно заботиться о прочности перваго въ уѣздѣ починнаго пункта и вѣрномъ обходѣ первой окружной межи, которая названа *вѣрности водительницею и прибѣжищемъ повѣренія*. По каждой окончательно обмежеванной дачѣ землемѣру велѣно по прежнему (1754 г.) составлять полевой журналъ, планъ и межевую книгу [2]). Наконецъ, землемѣръ долженъ былъ составлять: а) экономическій журналъ [3]) и перечневую табель, съ показаніемъ въ уѣздѣ числа селеній, пустошей, жителей, разныхъ угодій, церквей, фабрикъ, заводовъ, мельницъ и проч.; б) уѣздный планъ и межевую книгу, съ показаніемъ, сколько въ уѣздѣ пашни, лѣсовъ, луговъ, и проч., и в) дневной журналъ, съ описаніемъ всѣхъ дневныхъ занятій [4]).

Гдѣ владѣльцы о границѣ не спорили и гдѣ, поэтому, шелъ полюбовный отводъ владѣній, тамъ землемѣръ окончательно утверждалъ межи; гдѣ же являлся споръ, тамъ онъ принималъ спорные отводы и ставилъ спорные (обозженные) столбы. Для этихъ работъ въ лѣсу и въ полѣ было велѣно брать отъ 15 до 30 человѣкъ крестьянъ, изъ межуемыхъ и прикосновенныхъ селеній, по

[1]) П. С. З. 1766 г. февраля 13 № 12570; 1768 марта 26 № 13090; 1772 октября 18 № 13885; 1776 іюля б. ч. № 12711; сентября 30 № 14512.

[2]) Полевой журналъ велѣно было вести и при снятіи внутренней ситуаціи.

[3]) Въ экономическихъ журналахъ велѣно было описывать всѣ древніе памятники, пещеры, курганы и т. п.

[4]) П. С. З. 1766 г. февраля 13 № 12570; іюля б. ч. № 12711; 1769 іюля 21 № 13324; 1771 апрѣля 9 № 13593; 1772 октября 18 № 13885; 1788 іюня 10 № 16676; 1806 мая 16 № 22130.

пропорціи числа ревизскихъ душъ. Составъ землемѣрной партіи опредѣленъ въ числѣ двухъ землемѣровъ (старшаго и младшаго), трехъ канцелярскихъ служителей и воинской команды съ унтеръ-офицеромъ.

Генеральное межеваніе было начато съ Московской губерніи двадцатью пятью партіями, подъ вѣдѣніемъ двухъ конторъ и Межевой канцеляріи, и сразу пошло весьма успѣшно. Къ началу 1768 года, т. е. менѣе, чѣмъ въ два года, было обмежевано 2710 дачъ, съ количествомъ 1.020.153 дес. (П. С. З. 1768 г. № 13113). До конца XVIII столѣтія, не проходило трехъ лѣтъ безъ открытія гдѣ-либо межевыхъ дѣйствій. Конторы или переводились, съ окончаніемъ работъ, изъ одной провинціи въ другую, или открывались вновь. Въ 1769 г. начато межеваніе во Владимірской провинціи и Слободской губерніи; въ 1771—въ Юрьево-Польской, Переяславль-Рязанской, Углицкой и Переяславль-Залѣсской провинціяхъ; въ 1773—въ Костромской, Ярославской и Суздальской; въ 1775—въ Тверскомъ намѣстничествѣ, въ 1776—въ Тульской и Калужской провинціяхъ и т. д. Генеральное межеваніе, быстро развиваясь на всемъ пространствѣ внутреннихъ областей Имперіи и переходя изъ одной мѣстности въ другую, къ концу царствованія Императрицы Екатерины, т. е. въ 30 лѣтъ, обняло своими дѣйствіями 24 нынѣшнихъ губерніи: Московскую, Владимірскую, Харьковскую, Рязанскую, Костромскую, Ярославскую, Тверскую, Тульскую, Калужскую, Смоленскую, Воронежскую, Орловскую, Новгородскую, С.-Петербургскую [1]), Псковскую, Вологодскую, Олонецкую,

[1]) Межеваніе С.-Петербургской губерніи имѣло свои особенности. Въ 1723 г. было начато въ Ингерманландіи производство межевыхъ работъ генераломъ Кулономъ, возобновленныхъ подъ наблюденіемъ генерала Фермора въ 1744 г. Судебная часть этого межеванія, извѣстнаго у насъ подъ именемъ *ингерманландскаго*, принадлежала Вотчинной коллегіи. Впослѣдствіи, при составленіи въ сенатской Межевой экспедиціи генеральныхъ картъ по этимъ работамъ, открыто, что ими обняты были не всѣ владѣнія въ Ингерманландіи, почему въ 1768 г., указомъ Правительствующаго Сената, было велѣно домежевать, по правиламъ общей межевой Инструкціи. Эти послѣднія работы находились подъ вѣдѣніемъ Вотчинной, а съ 1780 г. Новгородской межевой конторы, которою обмежеваны уѣзды Лугскій, Гдовскій и Новоладожскій. Хранившіеся въ чертежной Сената планы ингерманландскаго межеванія переданы въ 1844 г. въ чертежный архивъ Межевой канцеляріи. По осмотру ихъ въ послѣдней, оказалось, что по 5 уѣздамъ (С.-Петербургскому, Шлиссельбургскому, Ямбургскому, Царскосельскому и Петергофскому, образовавшимся изъ прежнихъ С.-Петербургскаго, Шлиссельбургскаго, Ямбургскаго, Выборгскаго, Рождественскаго, Софійскаго, Нарвскаго, Капорскаго и Ораніенбаум-

Курскую, Тамбовскую, Могилевскую, Пензенскую, Нижегородскую, Витебскую и Казанскую (П. С. З. 1766 г. мая 25 № 12659; 17 6 апрѣля 14 № 13285; мая 7 № 13293; 1771 марта 4 № 13576; 1773 января 18 № 13940; 1775 декабря 4 № 14404; декабря 11 № 14409; 1776 марта 19 № 14450; мая 24 № 14472; декабря 14 № 14546; 1777 декабря 19 № 14684; 1780 ноября 17 № 15086; 1781 октября 29 № 15269; 1782 марта 22 № 15370; 1783 ноября 23 № 15883; 1784 мая 30 № 16007; 1787 марта 3 № 16511).

скаго) многіе изъ тѣхъ плановъ не утверждены и незарукоприкладствованы надлежащимъ порядкомъ, другіе составлены не по правиламъ: безъ показанія меридіана, астролябическихъ и ромбическихъ угловъ, мѣры линій и проч.; сверхъ того на 96 дачъ вовсе не оказалось плановъ. Правительствующій Сенатъ разрѣшилъ въ 1854 г. Межевой канцеляріи исправить эти недостатки.

ОБЪ УПРОЩЕНІИ И СОКРАЩЕНІИ

ДѢЛОПРОИЗВОДСТВА МИРОВЫХЪ СУДЕБНЫХЪ УСТАНОВЛЕНІЙ.

Циркуляромъ г. Министра Юстиціи отъ 17 октября 1895 г. за № 16180 предложено судебнымъ мѣстамъ и лицамъ принять мѣры къ возможному сокращенію и упрощенію ихъ дѣлопроизводства, путемъ уменьшенія письменности: а) въ должностной перепискѣ и сношеніяхъ судебныхъ установленій какъ между собою, такъ и съ прочими правительственными установленіями и частными лицами, б) въ существующемъ порядкѣ веденія различнаго рода канцелярскихъ книгъ, реестровъ, вѣдомостей, списковъ, указателей и т. п., служащихъ цѣли регистраціи и отчетности судебнаго вѣдомства, и в) при изложеніи судебныхъ актовъ, составляемыхъ по дѣламъ гражданскимъ, уголовнымъ и дисциплинарнымъ.

Циркуляръ, какъ видно изъ его содержанія, касается одного изъ самыхъ слабыхъ мѣстъ судопроизводства и особенно канцелярскаго дѣлопроизводства учрежденій, образованныхъ на основаніи Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II, именно той части судебной дѣятельности, которая въ литературѣ и практикѣ извѣстна подъ названіемъ области письменности.

Область эта, къ сожалѣнію, до послѣдняго времени не обращала на себя того серьезнаго вниманія, котораго она вполнѣ заслуживаетъ. Будучи однимъ изъ могучихъ орудій, посредствомъ которыхъ современное правосудіе достигаетъ своихъ цѣлей, письмо при неумѣломъ, или неумѣренномъ его употребленіи, по справедливому замѣчанію циркуляра, ведетъ къ господству бумажнаго формализма, являющагося весьма вреднымъ тормозомъ суда дешеваго, скораго и доступнаго для публики.

Принятіе нынѣ же подлежащихъ мѣръ къ устраненію этого

зла, проникшаго въ современные суды отчасти подъ вліяніемъ практики, а отчасти какъ наслѣдіе еще дореформенной эпохи, оказывается столь существеннымъ, что, на-ряду съ Высочайше учрежденною при Министерствѣ Юстиціи коммисіею по пересмотру законоположеній по судебной части, явился неотложнымъ и пересмотръ всѣхъ подробностей судебно-канцелярскаго дѣлопроизводства, съ которымъ весьма многія процессуальныя правила, касающіяся положенія письма въ процессѣ, имѣютъ, несомнѣнно, наитѣснѣйшую связь (напр., составленіе повѣстокъ, объявленій, опредѣленій, рѣшеній и приговоровъ).

Письменность въ процессѣ, какъ извѣстно, играетъ двоякую роль: она есть—1) средство приготовленія дѣла къ слушанію и словесному состязанію тяжущихся, исполненія рѣшеній, приговоровъ и опредѣленій суда, и 2) средство сохраненія на письмѣ того, что́ происходило на судѣ словесно. Независимо отъ этой, такъ сказать, процессуальной стороны, письмо во всѣхъ современныхъ судебныхъ установленіяхъ исполняетъ еще третью роль канцелярскаго механизма, служащаго цѣли регистраціи, отчетности, ревизіи и контроля надъ чисто канцелярскою, а отчасти и судебною дѣятельностью означенныхъ установленій, какъ учрежденій государственныхъ.

Правила первыхъ двухъ категорій, касающіяся положенія письменности въ процессуальной сферѣ, содержатся преимущественно въ Уставахъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводствъ и въ Учрежденіи судебныхъ установленій; порядокъ нынѣ дѣйствующаго, довольно сложнаго, канцелярскаго дѣлопроизводства опредѣляется, въ своихъ подробностяхъ, особыми наказами судебныхъ мѣстъ, циркулярами Министерства Юстиціи, а отчасти выработанъ практикой, которая, въ этомъ отношеніи, нужно признаться, пошла значительно дальше требованій закона и наказовъ.

Въ виду двоякаго рода источниковъ, которымъ обязана своимъ происхожденіемъ письменная часть чисто судебнаго и канцелярскаго дѣлопроизводствъ, упрощеніе того и другаго собственными силами судебныхъ установленій и распоряженіемъ центральнаго управленія Министерства Юстиціи представляется достижимымъ въ различной степени. Между тѣмъ какъ по отношенію къ судопроизводству, въ тѣсномъ смыслѣ, сокращеніе письменности возможно лишь въ предѣлахъ процессуальныхъ правилъ, установленныхъ закономъ, упрощеніе канцелярскаго механизма достижимо въ гораздо бо́льшей мѣрѣ, съ полнымъ устраненіемъ ненужнаго формализма и упрощеніемъ излишнихъ формъ, созданныхъ, какъ сказано, практикой, унаслѣдовавшей ихъ отъ дореформенныхъ канцелярскихъ порядковъ, гдѣ письмо, вообще, имѣло неизмѣримо болѣе значенія, нежели въ современномъ процессѣ.

Во всякомъ случаѣ, къ какой бы категоріи ни относились правила, обозначающія предѣлы письменности въ судебномъ дѣлопроизводствѣ, при разсмотрѣніи предположеній относительно его измѣненія, нельзя упускать изъ вида двухъ, весьма важныхъ общихъ началъ, съ точки зрѣнія которыхъ подлежитъ повѣркѣ и оцѣнкѣ каждое изъ предлагаемыхъ нововведеній и сокращеній. *Первое* изъ этихъ положеній заключается въ томъ, что письмо есть только средство, при помощи котораго правосудіе достигаетъ своихъ цѣлей, а потому письменность должна быть устранена во всѣхъ случаяхъ, когда: а) она не нужна для цѣлей суда и контроля надъ его дѣлопроизводствомъ, и б) когда она для этого хотя и нужна, но затрачиваемый на нее трудъ значительно превышаетъ тѣ результаты, которые отъ этой затраты ожидаются и происходятъ. *Второе*, не менѣе важное, положеніе состоитъ въ примѣненіи къ судебному дѣлопроизводству того экономическаго принципа, проникающаго весь строй современной жизни, въ силу котораго изъ ряда предлагаемыхъ мѣръ должно быть отдаваемо предпочтеніе той, при принятіи которой достигаются наибольшіе результаты, при условіи наименьшей затраты труда и капитала.

Если приведенныя положенія не должны упускаться изъ вида при обсужденіи вопроса о постановкѣ письменнаго труда судебныхъ учрежденій вообще, то наибольшаго вниманія они заслуживаютъ при установленіи надлежащихъ предѣловъ письменности въ мировомъ судѣ. И это вполнѣ понятно. Изъ всѣхъ современныхъ судовъ судъ мировой—устный по преимуществу, какъ по идеѣ, такъ и по дѣйствующему законодательству. Мировыя судебныя установленія имѣютъ дѣло съ огромнымъ, сравнительно съ общими судебными мѣстами, количествомъ производствъ, отличительная черта которыхъ—ихъ простота и относительная маловажность. Наконецъ, мировому судьѣ, какъ органу единоличному и лишенному по закону даже штатнаго письмоводителя, отпускаются весьма ограниченныя средства на содержаніе его канцеляріи, отвѣтственнымъ лицомъ за дѣятельность которой является не кто иной, какъ тотъ же судья. Изъ сказаннаго очевидно, что въ механизмѣ дѣлопроизводства мировыхъ судебныхъ установленій, болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ, должна быть ощутительна каждая напрасная потеря силъ, уходящая на

безплодный трудъ, и привѣтствована всякая попытка къ ослабленію неудобствъ, проистекающихъ отъ излишней сложности существующей системы, которая, какъ увидимъ ниже, требуетъ значительнаго измѣненія, въ смыслѣ установленія немногихъ, простѣйшихъ и притомъ, по возможности, дешевыхъ формъ.

Посмотримъ же, насколько приведенныя выше руководящія начала, опредѣляющія положеніе письменности въ судебныхъ установленіяхъ, примѣнимы къ дѣлопроизводству мироваго суда и въ чемъ именно могли бы заключаться наиболѣе полезныя сокращенія и упрощенія: 1) въ должностной перепискѣ и сношеніяхъ мировыхъ судебныхъ установленій—а) между собою, б) съ установленіями судебнаго и другихъ вѣдомствъ и в) съ частными лицами, 2) въ существующемъ порядкѣ веденія различнаго рода канцелярскихъ книгъ и 3) въ изложеніи судебныхъ актовъ, составляемыхъ по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ.

I.

Порядокъ сношеній мировыхъ судебныхъ установленій опредѣляется преимущественно ст. 69, 70, 186—199 Учр. суд. уст. и ст. 47, 49—51 и др. Уст. угол. суд. На основаніи приведенныхъ законоположеній, мировымъ судьямъ ихъ съѣзды даютъ предписанія, а сами отъ нихъ получаютъ представленія; съ полиціею и другими должностными лицами мировые судьи сносятся сообщеніями и т. д.

Упрощенія и сокращенія *во внѣшней формѣ* приведенныхъ бумагъ должны состоять, прежде всего, въ исключеніи изъ текста ихъ помѣщаемыхъ ниже обозначенія адресата словъ—„представленіе“, „рапортъ“, „предписаніе“ и т. п., которыя сами собой разумѣются; родъ бумаги опредѣляется не столько внѣшнимъ наименованіемъ ея, сколько внутреннимъ содержаніемъ. Поэтому, если мировой судья пишетъ, что онъ „представляетъ“ при бумагѣ извѣстное производство, то этого совершенно достаточно для отнесенія ея къ разряду бумагъ, указанныхъ въ ст. 69 Учр. суд. уст. Вѣдь поручая, напр., полиціи производство дознанія, ни одинъ судья не пишетъ же на этой бумагѣ, передъ ея текстомъ,—„порученіе“, которое она, конечно, собою и представляетъ.

Исходя изъ того соображенія, что родъ бумаги обозначается не столько ея внѣшнимъ названіемъ, сколько содержаніемъ и способомъ изложенія, казалось бы вполнѣ возможнымъ признать излишнимъ составленіе особыхъ препроводительныхъ бумагъ во всѣхъ

тѣхъ случаяхъ, когда дѣло, переписка и т. п. препровождается отъ мироваго судьи въ съѣздъ или въ другія судебныя установленія и обратно: 1) въ силу наступленія такого обстоятельства, которое вызываетъ такую отсылку (напр., подача апелляціонной жалобы), и 2) во исполненіе постановленія судьи, уже имѣющагося въ дѣлѣ. Такъ, всѣ апелляціонныя, кассаціонныя и частныя жалобы слѣдовало бы представлять въ мировой съѣздъ безъ особыхъ препроводительныхъ бумагъ, съ проставленіемъ на самихъ жалобахъ штемпеля, или съ надписью о томъ, что онѣ, на основаніи такихъ-то статей закона, какъ поданныя въ срокъ, представляются на распоряженіе второй инстанціи и что копія жалобы (если это требуется закономъ) вручена противной сторонѣ тогда-то. То же слѣдуетъ сказать и относительно дознаній полиціи, а равно дѣлъ, препровождаемыхъ, по ихъ неподсудности, къ судебному слѣдователю, въ силу ст. 117 Уст. угол. суд., согласно состоявшимся о томъ постановленіямъ. Помѣтка времени отсылки и исходящій №, за подписью судьи, вполнѣ замѣнятъ нынѣ составляемыя въ подобныхъ случаяхъ особыя препроводительныя бумаги, которыя, отнимая отъ канцеляріи излишнее время и ни въ чемъ не разъясняя дѣла, составляютъ совершенно напрасную трату письменныхъ матеріаловъ, а слѣдовательно и денегъ. Такой порядокъ препровожденія апелляціонныхъ жалобъ, насколько намъ извѣстно, уже практикуется прокурорскимъ надзоромъ въ округѣ С.-П.-Б. окружнаго суда, гдѣ подобныя жалобы и вообще прошенія, подаваемыя обвиняемыми, содержащимися въ мѣстахъ заключенія, отсылаются на распоряженіе подлежащихъ мировыхъ судей по приложеніи къ этимъ жалобамъ соотвѣтственнаго штемпеля, за подписью прокурора суда, или за него его товарища.

Указаннымъ способомъ, безъ особыхъ препроводительныхъ бумагъ, при однѣхъ лишь надписяхъ, должны быть посылаемы:

а) *мировыми судьями въ мировой съѣздъ*: подписки, отбираемыя отъ частныхъ лицъ, выступающихъ, въ качествѣ повѣренныхъ по чужимъ дѣламъ, на основаніи ст. 406[18] Учр. суд. уст., отчетныя ежемѣсячныя и годовыя вѣдомости о движеніи дѣлъ, протоколы о сдачѣ и пріемѣ участковъ и т. п.;

б) *мировымъ съѣздомъ и непремѣннымъ членомъ съѣзда къ мировымъ судьямъ*—дѣла, разрѣшенныя въ кассаціонномъ порядкѣ, по оставленіи поданныхъ жалобъ безъ послѣдствій, переписки, поступающія въ мировой съѣздъ, въ качествѣ передаточной инстанціи, отъ различныхъ судебныхъ установленій, съ просьбой о поруЖур. Мин. Юст. Мартъ 1897. 18

ченіи подлежащему мировому судьѣ допроса свидѣтелей, осмотровъ и т. п. отдѣльныхъ судебныхъ дѣйствій;

в) *судебными приставами къ мировымъ судьямъ и въ мировой съѣздъ*—исполнительные листы, представляемые, въ силу ст. 957 Уст. гражд. суд., по исполненіи изложенныхъ въ нихъ рѣшеній.

Само собою разумѣется, что замѣна препроводительныхъ бумагъ соотвѣтствующими надписями отнюдь не исключаетъ полезности и даже необходимости изложенія переписки въ видѣ отдѣльныхъ отношеній, сообщеній и т. п. въ извѣстныхъ случаяхъ, напр., когда требуется объясненіе мироваго судьи по частной жалобѣ, когда при дѣлѣ препровождается значительное количество вещественныхъ доказательствъ и т. д.

Обращаясь за симъ къ разсмотрѣнію собственно *порядка* сношеній мировыхъ судебныхъ установленій, нельзя не обратить особаго вниманія на тѣ исключенія, которыя сдѣланы закономъ изъ общаго начала непосредственности этихъ сношеній (ст. 69 и 186 Учр. суд. уст.) въ ст. 185 и ст. 1300 Уст. угол. суд., а равно въ ст. 248 Прав. о производ. судебн. дѣлъ, подвѣдомственныхъ земск. начальн. и город. суд. Примѣненіе этихъ послѣднихъ законоположеній вызываетъ на практикѣ большія неудобства и ведетъ къ вовсе нежелательной медленности какъ при исполненіи приговоровъ, такъ и при передачѣ по принадлежности гминными судами дѣлъ, хотя и подсудныхъ общимъ судебнымъ установленіямъ, но по ошибкѣ, напр., направленныхъ полиціею въ гминный судъ.

На основаніи ст. 185 Уст. угол. суд., объ исполненіи приговора надъ лицомъ, живущимъ въ другомъ мировомъ участкѣ, сообщается мѣстному мировому судьѣ. На практикѣ и согласно разъясненію Правит. Сената (рѣш. Общ. Собр. 1891 г. № 38), такъ какъ въ непосредственномъ направленіи приговоровъ къ мировымъ судьямъ могутъ встрѣтиться затрудненія, при неизвѣстности для мировыхъ судей распредѣленія другихъ округовъ на участки, приговоры въ подобныхъ случаяхъ препровождаются въ съѣзды, которые, съ своей стороны, даютъ подвѣдомственнымъ имъ судьямъ порученія привести приговоры въ исполненіе. Такимъ образомъ, вмѣсто обычной посылки исполнительнаго листа непосредственно къ мѣстному полицейскому органу, въ случаѣ выбытія обвиняемаго въ раіонъ другаго судебнаго мироваго округа, что̀, при все увеличивающейся подвижности населенія, случается весьма нерѣдко, мировой судья долженъ сообщить о своемъ приговорѣ подлежащему мировому съѣзду, который передаетъ о томъ же мѣстному мировому судьѣ, и уже по-

слѣдній предписываетъ полиціи дѣйствительное исполненіе приговора. Участіе въ процедурѣ исполненія приговоровъ указанныхъ двухъ посредниковъ—мироваго съѣзда и мѣстнаго судьи—едва-ли можетъ быть чѣмъ-либо оправдываемо. Говорятъ, что порядокъ, установленный ст. 185 Уст. угол. суд., вызывается неизвѣстностью для мѣстной полиціи нахожденія отдаленнаго мироваго судьи (или съѣзда), поручающаго исполненіе приговора, а также возможностью возникновенія недоразумѣній при исполненіи приговоровъ. Но вѣдь фактическому исполненію приговора обыкновенно предшествуетъ такъ называемое удостовѣреніе личности. Исполнительный листъ, въ коемъ изложенъ приговоръ, предъявляется обвиняемому, и наказаніе исполняется немедленно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый признаетъ исполнительный листъ лично до него относящимся. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ никакихъ недоразумѣній при предъявленіи листа обвиняемому не встрѣчается (у насъ въ теченіе 5-лѣтней практики не было ни одного). Поэтому и если почему-либо нельзя мировыя судебныя установленія освободить отъ несвойственной суду обязанности исполненія приговоровъ, было бы гораздо раціональнѣе постановленіе ст. 185 Уст. угол. суд. замѣнить правиломъ, по которому объ исполненіи приговора надъ лицомъ, живущимъ въ другомъ мировомъ участкѣ, сообщалось бы мѣстному мировому судьѣ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда для исполненія приговора необходимо личное присутствіе осужденнаго (ст. 184 Уст. угол. суд. и слѣд.); тому же мѣстному мировому судьѣ должно быть сообщаемо исполнителемъ приговора и о каждомъ недоразумѣніи, возникающемъ при исполненіи; этимъ устранилось бы существующее нынѣ перекидываніе исполнительныхъ листовъ изъ одного мироваго округа въ другой, въ поискахъ за скрывающимися обвиняемыми, которые, только благодаря сложности сношеній судебныхъ и административныхъ установленій другъ съ другомъ въ указанномъ случаѣ, часто совсѣмъ освобождаются отъ наказанія.

Какія серьезныя затрудненія возникаютъ иногда при соблюденіи порядка, опредѣленнаго ст. 185 Уст. угол. суд., лучше всего видно изъ слѣдующаго случая, имѣвшаго мѣсто въ текущемъ году въ практикѣ С.-П.-Б. столичныхъ мировыхъ судебныхъ установленій.

Мировой судья 11 участка г. С.-Петербурга послалъ въ Устюгско-Сольвычегодскій съѣздъ мировыхъ судей исполнительный листъ на нѣкоего Нечаева, обвинявшагося по 42 ст. Уст. наказ., при особой препроводительной бумагѣ, съ просьбой поручить подлежащему мѣстному мировому судьѣ изложенный въ томъ листѣ

приговоръ о взысканіи штрафа, а при несостоятельности, объ арестѣ осужденнаго, привести въ исполненіе, такъ какъ Нечаевъ, по имѣющимся въ дѣлѣ свѣдѣніямъ, выбылъ на родину. Несмотря на то, что въ исполнительномъ листѣ, кромѣ копіи подлежащаго исполненію приговора, было точно и подробно обозначено званіе, имя, отчество и фамилія обвиняемаго, тѣмъ не менѣе Устюгско-Сольвычегодскій мировой съѣздъ отказалъ въ передачѣ листа подлежащему, подвѣдомственному себѣ, мировому судьѣ и возвратилъ переписку на распоряженіе С.-П.-Б. столичнаго мироваго съѣзда при сообщеніи, въ которомъ находилъ: посылку исполнительнаго листа для себя оскорбительной, а дѣйствія мироваго судьи 11 участка по этому предмету неправильными и потому просилъ разъяснить означенному мировому судьѣ неправильность его дѣйствій, предписавъ ему, взамѣнъ исполнительнаго листа, послать копію постановленнаго о Нечаевѣ приговора.

С.-Петербургскій столичный мировой съѣздъ, въ распорядительномъ засѣданіи 7 марта 1896 г., разсмотрѣвъ сообщеніе Устюгско-Сольвычегодскаго съѣзда мировыхъ судей и имѣя въ виду: 1) что исполнительный листъ былъ составленъ не на имя Устюгско-Сольвычегодскаго мироваго съѣзда, а на имя пристава 3 участка Рождественской части, коему поручалось первоначально исполненіе; 2) что листъ содержалъ въ себѣ всѣ данныя для приведенія приговора въ исполненіе и былъ отосланъ мировымъ судьею 11 уч. въ Устюгско-Сольвычегодскій съѣздъ при особой препроводительной бумагѣ, и 3) что поэтому переписываніе изложенной въ означенномъ листѣ копіи резолюціи на особый листъ бумаги представлялось совершенно излишнимъ и несогласнымъ съ циркулярнымъ ордеромъ г. Министра Юстиціи отъ 17 октября 1895 г. за № 16180 о сокращеніи письменности въ судебномъ дѣлопроизводствѣ,—призналъ дѣйствія мироваго судьи 11 участка правильными и копію своего опредѣленія по этому вопросу, съ приложеніемъ злополучнаго листа о Нечаевѣ, препроводилъ въ Устюгско-Сольвычегодскій мировой съѣздъ. Между тѣмъ, пока длилась вся эта переписка, воспослѣдовалъ Высочайшій Всемилостивѣйшій манифестъ 14 мая 1896 г., за силою котораго самое дѣло о Нечаевѣ было производствомъ прекращено. Такимъ образомъ, обвиняемый избѣжалъ наказанія единственно вслѣдствіе излишняго количества инстанцій, вошедшихъ между собою въ пререканіе по поводу формы копіи подлежащаго исполненію приговора. Ничего подобнаго, разумѣется, не могло бы случиться при существованіи

предлагаемаго порядка непосредственнаго сношенія мировыхъ судебныхъ установленій съ указанными въ законѣ фактическими исполнителями приговоровъ о лицахъ, выбывшихъ въ предѣлы другаго округа.

Если примѣненіе правила, содержащагося въ ст. 185 Уст. угол. суд., влечетъ за собою на практикѣ неизбѣжную медленность въ дѣлѣ исполненія приговоровъ и проистекающее отсюда весьма нерѣдкое уклоненіе осужденныхъ отъ наложенной на нихъ кары, то порядокъ передачи гминными судами неподсудныхъ имъ дѣлъ въ общія судебныя установленія не непосредственно, а чрезъ предсѣдателя мироваго съѣзда, вызываетъ значительное отягощеніе участи обвиняемыхъ, особенно по арестантскимъ дѣламъ. Вотъ что пишетъ по этому поводу предсѣдатель одного изъ мировыхъ съѣздовъ №—ской губерніи.

„Часто дознаніе передается гминному суду, очевидно, по незнанію земской стражи и гминныхъ войтовъ предѣловъ подсудности (напр., поджогъ, убійство); и вотъ гминный судъ, сдѣлавъ постановленіе о неподсудности, изъ глухой мѣстности посылаетъ дознаніе полиціи этапнымъ порядкомъ, въ сопровожденіи арестанта, къ предсѣдателю съѣзда, часто въ другой уѣздъ, за десятки верстъ, а сей послѣдній опять къ судебному слѣдователю, по мѣсту совершенія проступка, иными словами пересылаетъ всю переписку съ арестантомъ въ первый уѣздъ; при чемъ пишется рядъ бумагъ о перечисленіи арестанта, о кормовыхъ деньгахъ и проч. Хорошо, если, по мнѣнію предсѣдателя, гминный судъ правъ; въ противномъ случаѣ (напр., предсѣдатель находитъ, что взглядъ гминнаго суда на опредѣленіе взлома неправиленъ) арестантъ задерживается до очереднаго засѣданія съѣзда и, можетъ быть, безвинно сидитъ недѣлями въ душныхъ и смрадныхъ арестантскихъ. Несомнѣнно, лучше изъ сотни одно, даже десять дѣлъ, гминный судъ передастъ слѣдователю неправильно, чѣмъ по одному изъ той же сотни—арестанта будутъ водить, такимъ образомъ, по этапу, для устраненія ошибки со стороны гминнаго суда“.

Вполнѣ присоединяясь къ мнѣнію мѣстнаго судебнаго дѣятеля, мы не можемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не замѣтить, что если установленіе ограниченія права непосредственныхъ сношеній гминныхъ судовъ съ органами общихъ судебныхъ мѣстъ и могло находить въ началѣ себѣ основаніе въ неопытности гминныхъ судей, то нынѣ, когда начала подсудности извѣстны даже писарямъ гминныхъ су-

довъ, ограниченія ст. 1300 Уст. угол. суд. являются совершенно излишними.

Кромѣ приведенныхъ главныхъ отступленій отъ начала непосредственности сношеній судебныхъ установленій между собою, отступленій, какъ показала практика, ведущихъ къ весьма важнымъ неудобствамъ и стѣсненіямъ какъ самихъ судебныхъ мѣстъ, такъ и частныхъ лицъ, можно указать еще и на нѣкоторыя другія, которыя, хотя и не влекутъ за собою такихъ серьезныхъ послѣдствій, но тѣмъ не менѣе должны быть устранены въ тѣхъ же цѣляхъ сокращенія безполезной письменности, не оправдываемой существомъ живаго дѣла суда. Съ этой именно точки зрѣнія, подлежала бы измѣненію, напр., ст. 1096 Уст. гражд. суд. въ томъ смыслѣ, чтобы съ требованіями о наложеніи запрещеній на недвижимыя имѣнія судебные пристава обращались къ старшему нотаріусу непосредственно, а не черезъ судъ, какъ это установлено теперь.

Роль суда, сообщающаго нынѣ старшему нотаріусу, по представленію или рапорту судебнаго пристава, о наложеніи запрещенія на недвижимое имущество—роль чисто посредническая; судъ, на основаніи означеннаго представленія и свѣдѣній, имѣющихся въ рапортѣ судебнаго пристава о недвижимомъ имѣніи должника, на которое обращается взысканіе, составляетъ статью о запрещеніи, которую и препровождаетъ въ архивъ старшаго нотаріуса; никакихъ судебныхъ функцій при этомъ судъ не исполняетъ. Безъ сомнѣнія, ту же обязанность составленія запрещенія можетъ выполнить съ такимъ же успѣхомъ и каждый судебный приставъ, при чемъ отъ установленія порядка непосредственнаго сообщенія судебнымъ приставомъ запретительной статьи старшему нотаріусу выиграетъ только самая быстрота наложенія запрещенія на недвижимое имущество. Все, что было сказано объ упрощеніи формы сношеній судебныхъ, а въ томъ числѣ и мировыхъ, установленій между собою, слѣдуетъ замѣтить также и касательно веденія переписки мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ съ органами и учрежденіями другихъ вѣдомствъ.

Въ тѣхъ же видахъ сокращенія письменнаго труда канцелярій, особыя, составляемыя нынѣ, препроводительныя бумаги необходимо замѣнить соотвѣтственными надписями, за подписью мироваго судьи и съ проставленіемъ исходящаго №, при посылкѣ: 1) объявленій по производящимся у мировыхъ судей дѣламъ, 2) исполнительныхъ листовъ на приведеніе приговоровъ въ исполненіе, 3) постановленій о взятіи подъ стражу отправляемыхъ въ мѣста заключенія, 4) копій приговоровъ и рѣшеній, препровождаемыхъ казеннымъ управленіямъ, а также въ полицію, по ея требованію и для выдачи частнымъ лицамъ, 5) копій опредѣленій о гербовомъ штрафѣ, посылаемыхъ въ казенную палату, и т. п.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не замѣтить, что едва-ли является какая-либо надобность въ сообщеніи казеннымъ управленіямъ копій рѣшеній и приговоровъ въ окончательной формѣ по всѣмъ безъ исключенія дѣламъ о нарушеніи спеціальныхъ уставовъ сихъ управленій. Интересы казны затрогиваются и возникаетъ для нея право обжалованія лишь при рѣшеніи дѣла вполнѣ или частью противъ казеннаго управленія; въ остальныхъ случаяхъ послѣднему несомнѣнно важно знать исходъ дѣла, а отнюдь не историческую его часть, которая управленію, возбудившему дѣло, хорошо извѣстна, или мотивы рѣшенія; поэтому, во всѣхъ случаяхъ, когда судомъ удовлетворены полностію требованія казеннаго управленія, слѣдовало бы признать достаточнымъ сообщеніе ему копій не подробныхъ рѣшеній и приговоровъ въ окончательной формѣ, но лишь краткихъ резолюцій.

Выше было замѣчено, что одна изъ отличительныхъ чертъ мироваго суда есть его устность. Дѣйствительно судъ мировой—устный по преимуществу, въ немъ отсутствуетъ обмѣнъ тяжущихся состязательными бумагами, равно какъ и избраніе ими обязательнаго мѣста жительства; вся, такъ называемая подготовительная стадія обоихъ процессовъ, уголовнаго и гражданскаго, въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, въ отличіе отъ общихъ, выражается почти исключительно въ посылкѣ повѣстокъ и объявленій вызываемымъ и обращающимся къ суду лицамъ; въ этомъ преимущественно и выражается дѣятельность мировыхъ судебныхъ установленій въ области письменныхъ сношеній съ частными лицами.

Повѣстка, по закону (ст. 65 и 66 Уст. гражд. суд. и ст. 58, 59 Уст. угол. суд.), составляется въ двухъ экземплярахъ; такимъ образомъ, мировому судьѣ, въ случаяхъ посылки повѣстокъ, приходится сдѣлать двойное, сравнительно съ числомъ вызываемыхъ лицъ, количество своихъ подписей, весьма нерѣдко превышающее нѣсколько сотъ въ день. Сокращеніе на половину этой процедуры, отнимающей у судей совершенно непроизводительно много времени ежедневно, крайне желательно и представлялось бы возможнымъ безъ нарушенія закона. Послѣдній (ст. 61 Уст. гражд. суд. и ст. 55 Уст. угол. суд.), говоря о томъ, что повѣстка, *посредствомъ которой* производится вызовъ, должна имѣть подпись мироваго судьи, оче-

видно, разумѣетъ первый ея экземпляръ, который вручается вызываемому, ибо второй экземпляръ служитъ не цѣлямъ вызова, а удостовѣряетъ лишь то, что первый врученъ по принадлежности; это же послѣднее обстоятельство устанавливается не мировымъ судьею, а лицами, указанными въ ст. 63—66 Уст. гражд. суд. и ст. 56, 56[1]—59 Уст. угол. суд. Поэтому было бы полезно нынѣшнюю форму повѣстки видоизмѣнить по принятому въ округѣ С.-Петербургскаго столичнаго мироваго съѣзда образцу, состоящему первоначально изъ двухъ полускрѣпленныхъ другъ съ другомъ половинъ, совершенно тождественныхъ между собою, за исключеніемъ подписи мироваго судьи и текста законовъ, который излишенъ на оборотной сторонѣ экземпляра, возвращаемаго съ удостовѣреніемъ времени и способа вручения. Независимо отъ сего, самое количество статей Уставовъ угол. и гражд. суд., помѣщаемыхъ нынѣ на оборотной сторонѣ повѣстокъ, слѣдовало бы сократить, оставивъ изъ нихъ только тѣ, которыя полагаются по закону (ст. 61 п. 5 Уст. гражд. суд. и п. 4 ст. 55 Уст. угол. суд.), и исключивъ опредѣляющія порядокъ вручения повѣстокъ, но не послѣдствія неявки вызываемыхъ. При установленіи такого образца повѣстокъ, окажется возможнымъ посылать ихъ, въ случаяхъ доставленія не чрезъ разсыльныхъ, а черезъ другихъ лицъ, указанныхъ въ ст. 62 Уст. гражд. суд. и ст. 56 Уст. угол. суд., безъ особыхъ препроводительныхъ бумагъ съ соотвѣтствующею, на оборотной сторонѣ 2-го экземпляра, надписью, или штемпелемъ. Подобное же измѣненіе допустимо и по отношенію къ образцамъ повѣстокъ, препровождаемыхъ отвѣтчику и обвиняемому съ выписками рѣшеній и приговоровъ въ случаяхъ заочнаго разбирательства, а равно и къ объявленіямъ, посылаемымъ тяжущимся по различнаго рода случаямъ, напр. согласно ст. 200[5] и 270 Уст. гражд. суд.

Преимущества предлагаемаго порядка передъ нынѣ существующимъ заключаются, главнымъ образомъ: 1) въ уменьшеніи болѣе чѣмъ на половину непроизводительнаго труда и времени, употребляемыхъ нынѣ мировыми судьями на подписаніе повѣстокъ и объявленій; 2) въ сокращеніи также на половину расходовъ, вызываемыхъ пріобрѣтеніемъ различныхъ бланковъ, ибо вполнѣ достаточно, какъ видно изъ упомянутыхъ выше образцовъ, введенныхъ въ округѣ С.-Петербургскаго столичнаго мироваго съѣзда, оставить для обоихъ экземпляровъ форматъ въ $^1/_4$ листа; 3) въ облегченіи труда канцеляріи и разсыльныхъ, которымъ не придется тратить употребляемое теперь время на подборъ повѣстокъ, такъ какъ оба

экземпляра, до самой выдачи, представляются скрѣпленными своею полупроколотою частью, и 4) въ томъ, что гораздо легче, среди значительнаго иногда количества повѣстокъ въ дѣлѣ, усмотрѣть неврученную, ибо таковая всегда будетъ вдвое болѣе форматомъ, сравнительно съ врученными.

Само собою разумѣется, что такъ какъ основное значеніе всѣхъ вообще повѣстокъ, посылаемыхъ различными должностными лицами, состоящими въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, одно и то же, то указанное измѣненіе формы повѣстокъ можетъ быть распространено какъ на мировой съѣздъ, такъ и на судебныхъ приставовъ.

Если подписываніе большаго числа повѣстокъ, въ двойномъ къ тому же количествѣ экземпляровъ, представляетъ значительный, хотя и совершенно механическій трудъ для мироваго судьи, отнимая у него половину времени на безполезную процедуру, то самое составленіе и доставленіе повѣстокъ вызываемымъ лицамъ ложится на канцелярію и разсыльныхъ мировыхъ судей еще большимъ бременемъ. Между тѣмъ, значительное сокращеніе числа случаевъ посылки, а слѣдовательно и составленія повѣстокъ вполнѣ достижимо при возможно широкомъ примѣненіи ст. 58 Уст. гражд. суд. и ст. 54 и 73 Уст. угол. суд.

По общепринятому въ названномъ мировомъ округѣ порядку, при пріемѣ прошенія мировые судьи обыкновенно, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязываютъ просителей явкою (если только, конечно, тяжущіеся сами подаютъ прошенія); это дѣлается приложеніемъ на подаваемыхъ бумагахъ штемпеля, за подписью судьи, „опредѣляю: назначить разборъ дѣла на (день и часъ)“. Сторона подписывается подъ этимъ опредѣленіемъ послѣ проставленныхъ штемпелемъ словъ „обязуюсь явиться“, а въ случаѣ неграмотности тяжущагося мировымъ судьею дѣлается соотвѣтственная отмѣтка. Этотъ способъ вызова, примѣняемый и при отсрочкѣ разбирательства (при чемъ обѣ стороны, если онѣ лично присутствуютъ на судѣ, подписываются подъ упомянутымъ опредѣленіемъ судьи), издавна практикуемый въ округѣ, насколько извѣстно, не вызываетъ никакихъ жалобъ и недоразумѣній со стороны вызываемыхъ лицъ.

На-ряду съ сокращеніемъ количества повѣстокъ, составляемыхъ по производящимся въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ дѣламъ, той же цѣли уменьшенія существующей нынѣ въ канцеляріяхъ мировыхъ судей излишней письменности, не приносящей никакой осязательной пользы для дѣла, могло бы служить

также принятіе нѣкоторыхъ мѣръ, подсказываемыхъ чисто практическимъ наблюденіемъ надъ нуждами и пользами судебно-канцелярскаго дѣлопроизводства. Къ такимъ мѣрамъ относятся:

1) группировка повѣстокъ и объявленій, посылаемыхъ въ волостныя и сельскія правленія, а также въ полицію для врученія нѣсколькимъ лицамъ, по возможности, при одной препроводительной бумагѣ;

2) возвращеніе прошеній по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ, въ указанныхъ закономъ случаяхъ непринятія таковыхъ (53, 200[5], 269, 756 и проч. ст. Уст. гражд. суд.), по принадлежности, съ надписью объ этомъ на самихъ прошеніяхъ, безъ особыхъ объявленій, подъ росписку получателей на препроводительныхъ бумагахъ;

3) замѣна составленія и посылки особыхъ объявленій свидѣтелямъ и экспертамъ объ оштрафованіи ихъ за неявку—указаніемъ этого обстоятельства въ самихъ повѣсткахъ, посылаемыхъ въ случаѣ вторичнаго вызова этихъ лицъ;

4) увѣдомленіе полиціи о времени разбора дѣлъ не повѣстками, а особыми извѣщеніями (ст. 63 Уст. угол. суд.), въ которыхъ надлежитъ помѣщать свѣдѣнія о всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ, возбужденныхъ полицейскимъ установленіемъ и назначенныхъ къ разсмотрѣнію на извѣстный срокъ;

5) посылка копій заочныхъ рѣшеній и приговоровъ мировыхъ судей отвѣтчикамъ и обвиняемымъ только въ случаяхъ удовлетворенія полностью или въ части исковыхъ требованій, или назначенія наказанія обвиняемому; принятіе этой мѣры представляется вполнѣ послѣдовательнымъ и вытекающимъ изъ самой идеи заочнаго разбирательства, допущеніе котораго по гражданскимъ и маловажнымъ уголовнымъ дѣламъ обусловливается предположеніемъ увѣренности привлеченнаго къ отвѣту въ томъ, что судъ, какъ учрежденіе государственное, даже и въ отсутствіе отвѣтчика и обвиняемаго (ст. 81 и 146 Уст. гражд. суд. и ст. 119, 134, 135 и 141[1] Уст. угол. суд.), отнесется съ достаточною осмотрительностью и вниманіемъ къ интересамъ обѣихъ сторонъ и, не считая неявку привлекаемаго за доказательство иска или обвиненія, освободитъ правую сторону отъ несправедливыхъ притязаній противника; поэтому неполученіе выписки обвинительнаго приговора или рѣшенія, казалось бы, должно давать вызывавшемуся полное основаніе считать себя отъ суда свободнымъ.

Существующій порядокъ посылки копій приговоровъ и рѣшеній по каждому рѣшительно дѣлу, каковъ бы ни былъ его исходъ,

представляется едва-ли правильнымъ. Приговоръ, оправдывающій подсудимаго, исполняется при самомъ провозглашеніи его сущности (ст. 958 и 789 Уст. угол. суд.); съ объявленіемъ такого приговора, кромѣ признанія его исполненнымъ, законъ связываетъ и другія весьма важныя послѣдствія: падаютъ всѣ мѣры пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ суда; оправданный исключается изъ разряда обвиняемыхъ и получаетъ свободу (если только онъ не обвиняется въ другомъ преступленіи, по которому долженъ содержаться подъ стражею).

Въ виду того, что, по точному смыслу ст. 138 Уст. угол. суд., копія заочнаго приговора при повѣсткѣ препровождается *къ обвиняемому* (а не къ оправданному), представлялось бы вполнѣ логичнымъ заключить, что посылка означенной копіи въ случаяхъ оправдательныхъ приговоровъ, когда на-лицо нѣтъ даже обвиняемаго, по закону не требуется. Между тѣмъ, практика, руководимая рѣшеніями Правительствующаго Сената, придерживается противоположнаго толкованія ст. 138 Уст. угол. суд., вслѣдствіе чего весьма нерѣдко дѣла о лицахъ, оправданныхъ въ проступкахъ, не влекущихъ за собою тюремнаго заключенія, считаются не оконченными еще многіе годы послѣ своего разрѣшенія, впредь до врученія означеннымъ лицамъ копій заочныхъ приговоровъ.

II.

При обозрѣніи чисто-канцелярскаго дѣлопроизводства мировыхъ судебныхъ установленій, наблюдатель поражается, прежде всего, большимъ количествомъ такъ называемыхъ канцелярскихъ книгъ, веденіе которыхъ для мироваго судьи обязательно, и не знаетъ, чему болѣе удивляться, массѣ ли труда и времени, употребляемыхъ писцами на заполненіе безчисленныхъ графъ этихъ книгъ, или же значительному количеству расходуемыхъ на канцелярскія потребности матеріаловъ; при болѣе близкомъ знакомствѣ съ дѣлопроизводствомъ мировыхъ участковъ, не можетъ не броситься въ глаза: 1) совершенная безполезность доброй половины выполняемой письменной работы и 2) несмотря на обиліе послѣдней, отсутствіе (и даже невозможность, прибавимъ) фактическаго наблюденія со стороны мироваго судьи за дѣятельностью своей канцеляріи. Постараемся доказать оба эти положенія.

Мировые судьи ведутъ: 2 журнала бумагъ—а) входящихъ и

б) исходящихъ,

3 настольныхъ реестра дѣламъ—а) гражданскимъ,
б) уголовнымъ,
в) охранительнымъ,
4 алфавита дѣламъ—а) гражданскимъ,
б) уголовнымъ,
в) охранительнымъ,
г) о лицахъ, осужденныхъ за лѣсныя порубки,
2 книги справокъ о судимости (лицъ мужскаго и женскаго пола),
1 книгу повѣстокъ и денежныхъ пакетовъ, получаемыхъ съ почты,
1 книгу свѣдѣній и данныхъ, касающихся состава и цѣнности наслѣдственныхъ имуществъ,
1 книгу вещественныхъ доказательствъ,
1 книгу денежныхъ документовъ,
1 денежную книгу,
1 книгу депозитовъ,
2 тетради ассигновокъ (прямыхъ и оборотныхъ),
1 книгу для записи лицъ, допущенныхъ къ веденію чужихъ дѣлъ, на основаніи ст. 406[18] Учр. суд. уст.,
1 книгу реверсовъ,
1 или 2 разсыльныя книги.

Итого, слѣдовательно, 23 или 24 книги.

Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ книгъ могутъ быть исключены изъ дѣлопроизводства мировыхъ судебныхъ установленій безъ всякаго ущерба для его правильности, другія—допускаютъ значительное упрощеніе.

Къ числу первыхъ относятся: 1) журналы входящихъ и исходящихъ бумагъ,

2) алфавитъ лицамъ, осужденнымъ за лѣсныя порубки,

3) книга свѣдѣній и данныхъ, касающихся состава и цѣнности наслѣдственныхъ имуществъ,

4) книга вещественныхъ доказательствъ,

5) книга денежныхъ документовъ,

6) книга для записи лицъ, допущенныхъ къ веденію чужихъ дѣлъ, на основаніи ст. 406[18] Учр. суд. уст., и

7) книга реверсовъ.

Весьма недалеко то время, когда *журналы входящихъ и исходящихъ бумагъ* считались альфой и омегой каждаго правильно устроеннаго дѣлопроизводства. Болѣе, чѣмъ тридцатилѣтній опытъ мировыхъ судебныхъ установленій С.-Петербургскаго и другихъ округовъ показалъ дѣйствительную возможность обойтись безъ входящаго журнала, а постепенное сокращеніе на практикѣ числа записываемыхъ въ исходящій бумагъ во многихъ округахъ повело къ значительному уменьшенію его объема и даже почти къ совершенному его упраздненію.

Безполезность *входящаго журнала* явствуетъ изъ того, что каждая, поступающая къ мировому судьѣ, бумага, имѣющая служить основаніемъ новаго производства, заводится особымъ дѣломъ и записывается, въ качествѣ таковаго, въ подлежащій настольный реестръ и затѣмъ въ соотвѣтствующій ему алфавитъ. Разъ дѣло заведено, контроль надъ дальнѣйшимъ его движеніемъ обезпеченъ: при порядкѣ вскрытія получаемыхъ пакетовъ лично мировымъ судьею, всякій промахъ канцеляріи можетъ быть своевременно обнаруженъ, а отсутствіе отмѣтокъ въ графахъ о рѣшеніи и движеніи дѣлъ укажетъ количество находящихся въ участкѣ неоконченныхъ производствъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны, обнаружить причины оставленія дѣла безъ движенія, при повѣркѣ, для мироваго судьи крайне легко, а съ другой, запись однимъ и тѣмъ же писцомъ каждой бумаги сначала во входящій, а потомъ въ настольный реестръ, требуя двойнаго труда, нисколько не гарантируетъ отъ возможности злоупотребленій. Бумага, служащая основаніемъ производства, можетъ быть скрыта и оставлена безъ движенія и при записи въ двухъ книгахъ, входящемъ и настольномъ, также легко, какъ и при существованіи одного послѣдняго. При публичности судебнаго разбирательства, при правѣ сторонъ на обжалованіе отдѣльныхъ дѣйствій мироваго судьи, на-ряду съ обжалованіемъ по существу, о сокрытіи бумагъ, подаваемыхъ частными лицами, конечно, не можетъ быть и рѣчи; за дѣлами же, возбуждаемыми полиціей и прочими административными учрежденіями, имѣютъ наблюденіе сами обвинители. Во всякомъ случаѣ, контрольной книгою настольнаго журнала для всѣхъ возникшихъ въ участкѣ дѣлъ является его алфавитъ.

Журналъ исходящихъ бумагъ, по теоріи, представляетъ собою книгу, въ которую должна быть занесена каждая, исходящая за подписью мироваго судьи бумага. На практикѣ, въ очень многихъ мировыхъ участкахъ, въ исходящій издавна не записываются повѣстки и объявленія, а также посылаемыя съ ними препроводи-

тельныя бумаги, адресуемыя на имя полицейскихъ и прочихъ установленій, чрезъ которыя, помимо разсыльныхъ, законъ допускаетъ вручение повѣстокъ, при чемъ, номеромъ, за которымъ заносится пакетъ въ разсыльную книгу, служитъ номеръ дѣла, отмѣчаемый въ подлинномъ производствѣ. При означенномъ порядкѣ регистраціи, или, вѣрнѣе, при отсутствіи ея, въ подобныхъ случаяхъ не возникало на практикѣ никакихъ неудобствъ и затрудненій: бумаги съ однимъ № дѣла доходили и возвращались въ такой же исправности, какъ и тогда, когда онѣ были посланы за двумя нумерами.

Несмотря на значительное облегченіе канцеляріи путемъ ограниченія числа записываемыхъ въ исходящій журналъ бумагъ, веденіе послѣдняго отнимаетъ отъ писцовъ и письмоводителя, и при означенномъ сокращенномъ порядкѣ регистраціи, все-же слишкомъ много времени. Между тѣмъ, исходя изъ того соображенія, что общее значеніе номера, за которымъ отправляются бумаги, для всѣхъ случаевъ ихъ отсылки одно и то же,—служить средствомъ для наиболѣе удобнаго отысканія дѣла, къ которому каждая изъ нихъ относится, на случай поступленія на нихъ отвѣтовъ, съ обозначеніемъ номеровъ первоначальныхъ отношеній, казалось бы, не представляется никакихъ затрудненій къ принятію общаго правила, по которому всѣ бумаги, отъ мироваго судьи исходящія, отправлялись бы съ указаніемъ лишь времени подписанія и № того дѣла, къ которому онѣ относятся. Объ этомъ, конечно, должно быть отмѣчаемо и въ подлинномъ производствѣ, гдѣ помѣщается и росписка получателя. Двойная, а если считать разсыльную книгу, тройная регистрація одного и того же событія—выдачи бумаги, нисколько не гарантируя отъ возможныхъ злоупотребленій со стороны служащихъ, представляется совершенно безполезною также и потому: 1) что въ исходящемъ журналѣ, въ графѣ—росписка получателя, обыкновенно никто не расписывается въ пріемѣ внесенныхъ въ журналъ бумагъ, за исключеніемъ развѣ судебнаго пристава, такъ какъ практика и особые наказы предоставляютъ передавать бумаги подъ росписку получателя либо въ журналѣ, либо въ разносной книгѣ, при чемъ разсыльный не обязанъ, въ свою очередь, расписываться въ исходящемъ; частныя же лица расписываются въ полученіи документовъ, напр. исполнительныхъ листовъ, свидѣтельствъ и проч.,—на подлинномъ производствѣ, и 2) что, кромѣ отмѣтки въ исходящемъ, таковая же дѣлается обязательно и въ подлинномъ дѣлѣ; посему, съ одной стороны, категорію дѣлъ,

къ которой относится каждая поступившая бумага, весьма нетрудно опредѣлить по содержанію послѣдней, а съ другой,—№ бумаги будетъ обозначать и № требуемаго дѣла, которое, такимъ образомъ, представится возможнымъ отыскать, не обращаясь къ исходящему журналу, при чемъ отмѣтка настольнаго реестра, если дѣла въ участкѣ не имѣется, укажетъ и то учрежденіе, куда производство отослано.

Исключеніе изъ общаго правила должно быть, однако, сдѣлано для случаевъ отсылки бумагъ, до опредѣленнаго дѣла не относящихся (напр. представленіе съѣзду ежемѣсячной отчетности, недоразумѣнія, возникающія при вскрытіи пакетовъ, и т. п.), которыя, во всякомъ случаѣ, должны быть занесены въ исходящій журналъ. Приведенный порядокъ регистраціи, принятый съ 1896 г. въ С.-Петербургскомъ столичномъ мировомъ округѣ, далъ въ теченіе года опыта блестящіе результаты: не вызывая никакихъ недоразумѣній при посылкѣ и полученіи бумагъ, онъ сократилъ срокъ занятій канцелярій участковыхъ мировыхъ судей ежедневно на 1—2 часа совмѣстной работы письмоводителя и двухъ писцовъ.

Алфавитъ лицамъ, осужденнымъ за лѣсныя порубки, съ изданіемъ закона 1892 года о совокупности и повторяемости преступленій (ст. 14, 14[1] и 16 Уст. о нак., нал. мир. суд.), утратилъ свое прежнее значеніе и потому подлежитъ устраненію изъ дѣлопроизводства мировыхъ судебныхъ установленій. Если ранѣе, когда съ повтореніемъ проступка, безотносительно ко времени его совершенія, законъ связывалъ весьма важныя послѣдствія, выражавшіяся въ увеличеніи мѣры наказанія, то нынѣ, при вліяніи рецидива въ лѣсныхъ проступкахъ, въ качествѣ усиливающаго вину обстоятельства, лишь въ предѣлахъ двухъ лѣтъ (п. 2 ст. 14[1] Уст. наказ.), регистрація событія преступныхъ дѣяній такого рода за прошедшее время оказывается совершенно излишней. За прежнею судимостью лицъ, обвиняемыхъ въ означенныхъ проступкахъ, въ текущемъ и двухъ предшествующихъ годахъ, съ такимъ же удобствомъ, но безъ напрасной потери времени на веденіе особой для того книги, возможно слѣдить и по общимъ алфавитамъ уголовныхъ дѣлъ. Независимо отъ сего, нельзя не признать, что спеціальный алфавитъ, установленный для помянутыхъ дѣлъ, имѣетъ значеніе только въ случаяхъ совершенія проступка однимъ и тѣмъ же лицомъ въ районѣ извѣстнаго мироваго участка, ибо справокъ о судимости лицъ, обвиняемыхъ за лѣсныя порубки, не издается, а потому случаи прежней ихъ судимости не могутъ быть извѣстны

другимъ судебнымъ мѣстамъ, если только, разумѣется, обвинитель, при возбужденіи уголовнаго преслѣдованія, не доставитъ объ этомъ справки; на практикѣ такія справки о судимости обыкновенно сообщаются лѣсничими и управляющими удѣльными имѣніями, для чего эти должностныя лица имѣютъ, несомнѣнно, полную возможность, такъ какъ они получаютъ копіи всѣхъ приговоровъ по такимъ дѣламъ, возбуждаемымъ въ предѣлахъ ввѣренныхъ имъ округовъ; наконецъ, частный обвинитель, въ своемъ интересѣ, также не замедлитъ указать на повтореніе проступка, если оно дѣйствительно имѣло мѣсто.

Книга реверсовъ и книга свѣдѣній и данныхъ, касающихся состава и цѣнности наслѣдственныхъ имуществъ должны быть положительно исключены изъ дѣлопроизводства мировыхъ судебныхъ установленій—первая въ виду крайне ограниченнаго числа случаевъ ея употребленія (особенно послѣ изданія закона 1894 года о видахъ на жительство), а вторая потому, что въ нее ни въ одномъ мировомъ участкѣ ничего и никогда не записывается, по очень простой причинѣ: мировымъ судебнымъ установленіямъ подсудны гражданскія (въ томъ числѣ и охранительныя) дѣла, имущественная цѣнность которыхъ не превышаетъ 500 руб.; пошлина же съ наслѣдствъ взимается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда стоимость наслѣдственныхъ имуществъ болѣе 1000 руб. Между тѣмъ эта книга конечнымъ результатомъ, въ послѣднихъ своихъ графахъ, имѣетъ въ виду исчисленіе пошлины съ различнаго рода имуществъ, съ показаніемъ времени опредѣленія объ уплатѣ пошлины и увѣдомленія о семъ казенной палаты. Такихъ свѣдѣній, при объясненной подсудности дѣлъ, въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, разумѣется, дано быть не можетъ. Случаевъ же добровольнаго взноса наслѣдниками причитающейся съ нихъ пошлины за безмездный переходъ имущества, на основаніи ст. 3 и 9 прил. къ ст. 161 Уст. о пошл. изд. 1893 года, практика не знаетъ; да если бы такіе рѣдкостные случаи и нашли себѣ мѣсто въ послѣдней, то конечно, неизмѣримо удобнѣе записать поступившую сумму въ денежную книгу и затѣмъ сдать въ казначейство, съ увѣдомленіемъ объ этомъ казенной палаты, нежели во всѣхъ мировыхъ участкахъ требовать нахожденія особой для того книги, отсутствіе которой вызывало не мало недоразумѣній при ревизіяхъ дѣлопроизводства мировыхъ судебныхъ установленій.

Безъ *книги вещественныхъ доказательствъ и денежныхъ документовъ*, равнымъ образомъ, вполнѣ возможно обойтись въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ. Веденіе этой книги, состоящей, обыкновенно, изъ двухъ частей (для записи: 1) документовъ и 2) вещественныхъ доказательствъ), не обязательное по Правиламъ счетоводства и отчетности мировыхъ и гминныхъ судебныхъ установленій, не нужно ни для контроля со стороны мироваго судьи надъ дѣятельностью его канцеляріи, ни для ревизіи дѣлопроизводства мироваго участка: отмѣтки о вещественныхъ доказательствахъ и цѣнныхъ документахъ обязательно дѣлаются въ подлинномъ производствѣ, а вещественныя доказательства, кромѣ того, имѣютъ прикрѣпленные къ нимъ ярлыки, свидѣтельствующіе о принадлежности ихъ къ извѣстному дѣлу. Безъ соотвѣтствующихъ ярлыковъ, найти дѣло, къ которому относятся вещественныя доказательства, даже при незначительномъ ихъ количествѣ, весьма затруднительно. Цѣнные же документы, положенные въ конверты съ надписями о принадлежности ихъ къ извѣстному дѣлу, хранятся въ денежномъ сундукѣ, и о нахожденіи ихъ въ мировомъ участкѣ удостовѣряютъ, разумѣется, не занесеніе ихъ въ соотвѣтствующую статью помянутой выше книги, но 1) росписка въ пріемѣ ихъ мировымъ судьею либо въ исходящемъ журналѣ судебнаго пристава, либо въ разносной книгѣ другаго должностнаго лица, ихъ представившаго, и 2) отсутствіе отмѣтки объ отсылкѣ, или росписки получателя въ дѣлѣ. Такимъ образомъ, разъ въ подлинномъ производствѣ отмѣчено о принадлежности къ нему извѣстныхъ документовъ или вещественныхъ доказательствъ, хранящихся въ отдѣльныхъ, предназначенныхъ для нихъ, помѣщеніяхъ, разъ имѣется штемпель-ярлыкъ, или иная отмѣтка на подлинномъ документѣ о дѣлѣ, къ которому послѣдній относится, запись его еще въ особую книгу оказывается излишнею.

Практика въ отношеніи записи денежныхъ документовъ въ книгу колеблется: въ нѣкоторыхъ округахъ въ нее заносятся всѣ безъ исключенія поступающіе по дѣламъ, производящимся у мировыхъ судей, документы, въ другихъ—особые наказы обязываютъ записывать лишь документы по дѣламъ охранительнымъ, по остальнымъ же гражданскимъ дѣламъ, производящимся какъ въ исковомъ, такъ и въ частномъ порядкахъ, документы въ книгу не заносятся, но пріобщаются, вмѣстѣ съ состязательными бумагами, къ подлинному дѣлу. Такое колебаніе практики, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что общее значеніе записи въ особую книгу денежныхъ документовъ одно и то же для всѣхъ вообще дѣлъ, безотносительно къ ихъ категоріи, прямо указываетъ на безполез-

ность веденія, а слѣдовательно и существованія означенной книги. Въ самомъ дѣлѣ, если документы остаются сохранными по дѣламъ исковымъ, безъ записи въ особый реестръ, нѣтъ никакихъ основаній опасаться ихъ исчезновенія по дѣламъ охранительнымъ, тѣмъ болѣе, что по дѣламъ послѣдняго рода копія описи охраненнымъ послѣ умершаго цѣннымъ документамъ сообщается судебнымъ приставомъ казенной палатѣ, а подлинная опись пріобщается къ производству мироваго судьи.

Книгу для записи лицъ, допущенныхъ къ веденію чужихъ дѣлъ, на основаніи ст. 406[18] *Учр. суд. уст.*, тамъ гдѣ она еще ведется, полезно замѣнить отрывными талонами отъ подписокъ, даваемыхъ означенными лицами. Такіе талоны, съ обозначеніемъ имени, отчества, фамиліи и званія повѣренныхъ должны быть отсылаемы судьями въ мировой съѣздъ, гдѣ (но отнюдь не въ участкахъ), согласно ст. 406[18] Учр. суд. уст., слѣдуетъ имѣть наблюденіе за количествомъ веденныхъ частными лицами чужихъ дѣлъ. При этомъ надобности въ особой для сего книгѣ вовсе не представляется, такъ какъ совершенно достаточно, какъ показала практика, талоны, имѣющіе собственноручныя надписи повѣренныхъ о числѣ веденныхъ ими въ извѣстномъ году дѣлъ, подкладывать другъ къ другу въ алфавитномъ порядкѣ фамилій помянутыхъ лицъ.

Настольный реестръ въ дѣлопроизводствѣ мировыхъ судебныхъ установленій является, несомнѣнно, самой важной книгой, безъ которой обойтись положительно невозможно.

Какъ видно изъ самаго названія, реестръ этотъ служитъ прежде всего для регистраціи производства; въ него должно быть записано каждое поступившее дѣло и затѣмъ сдѣланы отмѣтки о его окончаніи и движеніи, если только дѣло отослано изъ мироваго участка въ съѣздъ или въ другія установленія. Конечная цѣль названной книги—служить показателемъ нахожденія въ мировомъ участкѣ или въ съѣздѣ: 1) извѣстнаго дѣла и 2) количества дѣлъ, а) поступившихъ, б) рѣшенныхъ и в) оконченныхъ производствомъ (уголовныхъ и охранительныхъ). Такимъ образомъ, настольный реестръ, будучи, вмѣстѣ со своимъ алфавитомъ, ключемъ для наиболѣе удобнаго и скораго отысканія дѣлъ, по своей идеѣ, долженъ представлять собою настольную книгу каждаго мироваго судьи. По мысли составителей Судебныхъ Уставовъ въ настольномъ журналѣ предполагалось сосредоточить все дѣлопроизводство мировыхъ судей какъ канцелярское, такъ и судебное, ибо, кромѣ жалобы или просьбы, составляющей предметъ дѣла, мировымъ судьямъ

предоставлено записывать въ этотъ же журналъ вкратцѣ и свои рѣшенія и приговоры (ст. 52 и 143 Уст. гражд. суд. и ст. 131 Уст. угол. суд.).

На практикѣ ни одинъ реестръ въ дѣлопроизводствѣ мировыхъ судебныхъ установленій не отличается такимъ разнообразіемъ своихъ образцовъ, какъ настольный. Въ различныхъ и даже сосѣднихъ мировыхъ судебныхъ округахъ веденіе этой книги не отличается единствомъ помѣщаемыхъ въ ней свѣдѣній. По большей части, кромѣ основныхъ графъ, служащихъ для регистраціи производства, настольные реестры пріурочены еще къ цѣлямъ статистики и отчетности, требующихъ для своего осуществленія многочисленныхъ отмѣтокъ о различныхъ положеніяхъ дѣла. Особенною сложностью отличается форма настольнаго реестра уголовнымъ дѣламъ у мировыхъ судей округа Варшавской судебной палаты, гдѣ означенный реестръ ведется, такъ сказать, вдвойнѣ—половина свѣдѣній остается въ канцеляріи мироваго судьи, а другая половина, представляющаяся въ видѣ отрѣзныхъ купоновъ,—препровождается въ статистическое отдѣленіе старшаго предсѣдателя судебной палаты.

Указанный, выработанный циркулярами Министерства Юстиціи и особыми наказами, характеръ разсматриваемой книги повелъ къ тому, что веденіе ея стало исключительно дѣломъ канцеляріи мироваго судьи, и самый реестръ въ настоящее время можетъ быть названъ „настольнымъ“ развѣ въ ироническомъ смыслѣ, такъ какъ на столѣ мироваго судьи, за весьма и весьма рѣдкими исключеніями, онъ никогда не появляется.

Упрощеніе формъ настольныхъ реестровъ слѣдуетъ вообще признать крайне желательнымъ, такъ какъ выполненіе всѣхъ, требуемыхъ существующими образцами ихъ отмѣтокъ отнимаетъ у канцеляріи добрую половину времени. Такое упрощеніе, *при дѣйствующемъ порядкѣ заведенія каждаго дѣла особо*, должно заключаться, прежде всего, въ сокращеніи количества свѣдѣній, извлекаемыхъ въ эти журналы, съ оставленіемъ для сего въ нихъ, кромѣ первой графы, обозначающей предметъ дѣла, званія, имена, отчества и фамиліи сторонъ,—только графы, въ которой помѣщаются данныя о времени рѣшенія дѣла. Остальныя графы, содержащія въ себѣ свѣдѣнія, отмѣчаемыя въ настольныхъ, въ видахъ контроля и ревизіи дѣлопроизводства, а также годовой отчетности, вполнѣ возможно исключить, потому что: 1) трудъ, употребляемый на подробное составленіе многочисленныхъ отмѣтокъ, журналовъ, неизмѣримо превышаетъ тѣ результаты, которые ожи-

даются отъ этой затраты, въ разсчетѣ скораго составленія отчетности, и 2) трудъ этотъ безцѣленъ для контроля и ревизіи. Кромѣ данныхъ, имѣющихся въ настольныхъ, отчетъ требуетъ ежегодно еще значительнаго матеріала, который приходится, во всякомъ случаѣ, извлекать изъ подлинныхъ производствъ; таковы, напр., свѣдѣнія о грамотныхъ и неграмотныхъ, о числѣ дѣлъ, по коимъ заявлены просьбы о разборѣ въ отсутствіи сторонъ и т. п. Поэтому, въ видахъ общей экономіи времени въ теченіе цѣлаго года, выгоднѣе употребить на составленіе отчетности въ концѣ его—два, три, или даже нѣсколько дней болѣе, нежели затрачивать ежедневно много времени на безполезныя въ остальномъ отмѣтки въ настольныхъ журналахъ. Ожиданія, возлагаемыя на послѣдніе въ цѣляхъ контроля и ревизіи, напрасны и ошибочны: названныя канцелярскія книги не передаютъ всегда въ точности всего того, что происходитъ въ судебномъ мѣстѣ на самомъ дѣлѣ; реестры и журналы могутъ вестись въ полной исправности и наружномъ порядкѣ, а само дѣлопроизводство быть въ большомъ запущеніи и наоборотъ.

Указанное измѣненіе формы настольныхъ реестровъ, помимо сокращенія канцелярскаго труда, употребляемаго на ихъ веденіе, почти на половину, дало бы возможность уменьшить вдвое и самый размѣръ этихъ книгъ, а слѣдовательно и сократить въ два раза сопряженные съ пріобрѣтеніемъ ихъ расходы.

Самою раціональною мѣрою, въ отношеніи измѣненія характера настольнаго реестра, было бы, конечно,—перенесеніе его изъ вѣдѣнія канцеляріи на столъ мироваго судьи. На необходимость принятія этой мѣры указывалъ болѣе четверти вѣка тому назадъ покойный Н. А. Неклюдовъ въ своемъ докладѣ С.-Петербургскому столичному мировому съѣзду по поводу предложеннаго въ 1868 году Министерствомъ Юстиціи вопроса о томъ, какія встрѣчаются затрудненія къ возможно скорѣйшему и правильному отправленію правосудія (Журналъ Министерства Юстиціи 1895 г., Декабрь, статья В. И. Лихачева:—„Къ тридцатилѣтію мировыхъ судебныхъ установленій“). Но такъ какъ сосредоточеніе дѣятельности мироваго судьи на одномъ настольномъ журналѣ предполагаетъ прежде всего коренное измѣненіе общепринятой канцелярской системы дѣлопроизводства, то не лишне сказать нѣсколько словъ о характерныхъ чертахъ послѣдней.

Работа канцеляріи въ мировыхъ участкахъ, какъ извѣстно, начинается съ облеченія каждой первой, поступающей по дѣлу, бумаги, какъ бы ничтожно ни было ея содержаніе и судопроизводственное значеніе, въ обложку, съ подробнымъ обозначеніемъ на оборотной ея сторонѣ всѣхъ послѣдующихъ, нужныхъ и ненужныхъ, пріобщаемыхъ къ образуемому такимъ способомъ *дѣлу*, бумажныхъ матеріаловъ—повѣстокъ, отношеній, сообщеній, постановленій объ отложеніи дѣла и т. п.

Находящіяся въ подлинномъ производствѣ свѣдѣнія о разнообразныхъ моментахъ его движенія извлекаются и помѣчаются въ различныя, ведомыя канцеляріею, книги—алфавитные указатели, настольные реестры, журналы исходящихъ бумагъ, арестантскихъ дѣлъ и проч. Многочисленныя, считаемыя десятками тысячъ, отмѣтки о положеніи дѣлъ выполняются писцами ежедневно, повидимому, для того лишь, чтобы быть забытыми вплоть до конца отчетнаго года, когда этихъ отмѣтокъ окажется все-таки недостаточно въ цѣляхъ статистики, для удовлетворенія требованій которой, во всякомъ случаѣ, придется снова обратиться къ подлиннымъ, разложеннымъ по пачкамъ, тысячамъ дѣлъ.

Работа канцелярій и самихъ судей, въ отношеніи этихъ, производившихся у нихъ въ продолженіе года и въ большинствѣ рѣшенныхъ дѣлъ, не оканчивается, однако, съ истеченіемъ отчетнаго періода: тѣ самыя производства, изъ которыхъ, казалось бы, извлечены, наконецъ, всѣ нужныя статистическія данныя, черезъ два года по ихъ окончаніи, снова появляются на столахъ канцелярій и судей, для подведенія итоговъ и скрѣпленія описей какъ бумагамъ, входящимъ въ составъ каждаго дѣла, такъ и общимъ производствамъ за цѣлый годъ по ихъ родамъ (уголовнымъ, гражданскимъ, охранительнымъ). Послѣ этого дѣла отправляются въ архивъ при съѣздѣ, гдѣ, вслѣдствіе огромнаго ихъ наплыва, возникаетъ такъ называемый архивный вопросъ о томъ, что дѣлать со всей этой массой сыраго бумажнаго матеріала, остающагося разобраннымъ только на половину, несмотря на значительныя, отпускаемыя на приведеніе его въ порядокъ, средства и на совокупную дѣятельность служащихъ въ архивѣ и въ кащеляріи съѣзда [1]).

Такова общая картина письменной работы, для выполненія которой въ камерахъ мировыхъ судей, напр., въ С.-Петербургѣ, занимается не менѣе трехъ служащихъ въ каждомъ изъ мировыхъ

---

[1]) Напр., какъ видно изъ отчета за 1895 г., въ архивѣ С.-Петербургскаго столичнаго мироваго съѣзда къ 1 января 1896 г. хранилось до 2.105.800 старыхъ дѣлъ и 4.159 старыхъ книгъ.

участковъ, ежедневно отъ 9 часовъ утра—въ малыхъ участкахъ до 6 часовъ вечера, въ среднихъ—до 8, а въ обремененныхъ—до 11—12 часовъ ночи, т. е. отъ 9 до 15 часовъ въ сутки.

Съ этими ненормальными размѣрами канцелярскаго труда, разумѣется, пришлось бы примириться, если бы вся упомянутая письменная работа была необходима: 1) для существа и пользы живаго дѣла мироваго суда и 2) если бы она требовалась закономъ. Но работа эта, въ указанномъ объемѣ, не требуется ни существомъ дѣла, ни дѣйствующимъ закономъ. Исполняемыя цѣлыми десятками тысячъ отмѣтки въ канцелярскихъ книгахъ совершенно не нужны ни для огражденія правъ тяжущихся, ни для цѣлей ревизіи и контроля надъ дѣлопроизводствомъ судей. Ходъ правосудія не зависитъ отъ выписокъ, дѣлаемыхъ канцелярскими писцами; данныя настольныхъ и иныхъ реестровъ не могутъ служить для опредѣленія и защиты правъ частныхъ лицъ уже по одному тому, что ни одинъ мировой судья не поручится за правильность веденія этихъ книгъ и не рискнетъ выдать ни одной справки безъ обозрѣнія подлиннаго производства.

Веденіе всѣхъ, установленныхъ практикой, книгъ, съ заведеніемъ каждаго дѣла особо, не достигаетъ весьма существенныхъ цѣлей, къ которымъ долженъ стремиться каждый канцелярскій порядокъ судебнаго мѣста, а именно—наглядности дѣлопроизводства, возможности и легкости наблюденія за дѣятельностью канцеляріи и за своевременнымъ исполненіемъ приговоровъ, опредѣленій и распоряженій, что особенно важно для мироваго судьи, какъ органа единоличнаго, не имѣющаго по закону даже отвѣтственнаго штатнаго письмоводителя или секретаря.

Разбросанныя въ тысячахъ отдѣльныхъ производствъ, наполненныхъ, въ бо́льшей своей части, массой лишняго письменнаго матеріала, необходимыя для контроля свѣдѣнія лишены наглядности и легкости обозрѣнія. Для того, чтобы провѣрить правильность отмѣтокъ объ исполненіи въ настольномъ реестрѣ, необходимо пересмотрѣть всѣ подлинныя дѣла, что для мироваго судьи, обремененнаго работой чисто судебнаго свойства, разумѣется, немыслимо.

Въ виду этого, весьма важная функція—наблюденіе за исполненіемъ приговоровъ—переносится на письмоводителя и канцелярію, которые, такимъ образомъ, остаются, собственно, внѣ всякаго фактическаго контроля.

Въ канцеляріи, за многочисленностью дѣлъ, исполненіе и отмѣтка о немъ производится по пачкамъ, на которыя разложены

всѣ находящіяся въ производствѣ дѣла; разъ дѣло изъ категоріи неисполненныхъ перешло въ пачку дѣлъ уже отмѣченныхъ (что, вслѣдствіе спѣшности и обилія работы, а также большаго числа пачекъ, случается весьма нерѣдко), уследить за дальнѣйшею его судьбою и возвратить вновь на надлежащее мѣсто крайне затруднительно до общей новѣрки, бывающей обыкновенно въ концѣ года, при составленіи отчета. Между тѣмъ распредѣленіе дѣлъ на пачки, при существующей системѣ дѣлопроизводства, представляетъ собою единственное, хотя въ то же время, какъ видно изъ сказаннаго, крайне несовершенное, средство наблюденія за сколько-нибудь послѣдовательнымъ исполненіемъ распоряженій и постановленій судьи, ибо частые розыски обвиняемыхъ по дѣламъ не рѣшеннымъ вынуждаютъ графу объ исполненіи оставлять свободною впредь до посылки исполнительнаго листа, а дробныя дѣленія настольныхъ реестровъ не исчерпываютъ всѣхъ тѣхъ положеній, въ которыхъ можетъ находиться дѣло при его движеніи.

Всѣ перечисленныя, весьма крупныя, неудобства нынѣшняго дѣлопроизводства устраняются съ установленіемъ проектированнаго Н. А. Неклюдовымъ порядка изложенія судебныхъ актовъ не въ отдѣльныхъ протоколахъ, разсѣянныхъ въ тысячахъ разрозненныхъ дѣлъ, а въ общихъ книгахъ, при введеніи которыхъ: 1) уменьшается, болѣе чѣмъ на половину, затрачиваемый нынѣ совершенно непроизводительно канцелярскій трудъ; чтобы провѣрить правильность этого положенія стоитъ только сравнить количество буквъ, которое пишетъ канцелярія теперь на обложкѣ (заголовокъ и опись) и въ различныхъ реестрахъ, съ числомъ буквъ, написаніе которыхъ необходимо для составленія заголовка въ книгѣ; 2) дѣлопроизводство пріобрѣтаетъ отсутствующую нынѣ наглядность: въ книгѣ, которая есть въ одно и то же время и журналъ и дѣло, сосредоточиваются всѣ существенныя данныя, обладающія характеромъ полнѣйшей достовѣрности; съ одной стороны, мировой судья не можетъ обратиться къ изложенію протокола судебнаго засѣданія, не провѣривъ составленнаго канцеляріею заголовка (писаніе котораго нѣтъ надобности возлагать на судью), а съ другой, ни одно слово подлиннаго производства не выносится и не переписывается канцеляріей ни въ какую другую книгу, за исключеніемъ алфавита, благодаря чему избѣгается возможность весьма нерѣдкихъ въ канцелярскихъ реестрахъ ошибокъ. Такимъ образомъ, у мироваго судьи сосредоточивается фактически, а не номинально, какъ теперь, контроль надъ дѣятельностью канцеляріи, письменная работа которой получаетъ направ-

леніе подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ; и стоитъ только, какъ справедливо замѣтилъ Неклюдовъ, перелистовать раза два-три въ мѣсяцъ книгу, чтобы усмотрѣть, что исполнено и что нѣтъ, и 3) расходы на содержаніе личнаго состава канцеляріи, равно какъ и на пріобрѣтеніе бумаги, бланокъ, обложекъ (которыя дѣлаются излишними) и вообще письменныхъ принадлежностей сокращаются, можно смѣло сказать, на половину.

Таковы, въ общихъ чертахъ, преимущества желательнаго порядка, который, какъ и всякое, впрочемъ, дѣло рукъ человѣческихъ, имѣетъ свои слабыя стороны. Въ числѣ таковыхъ указываютъ на затрудненія, могущія возникнуть въ апелляціонной и кассаціонной инстанціяхъ, вслѣдствіе отсутствія при разсмотрѣніи жалобъ: 1) подлиннаго производства мироваго судьи и 2) подлинныхъ документовъ, которые предположено возвращать сторонамъ. Эти два неудобства въ значительной степени ослабляются тѣмъ обстоятельствомъ, что во вторую инстанцію поступаетъ одно изъ 20, а до Правительствующаго Сената доходитъ одно изъ 400 дѣлъ мироваго судьи, почему, слѣдовательно, если бы недоразумѣнія эти возникали рѣшительно по каждому, доходящему до высшихъ инстанцій, дѣлу, что допустить положительно невозможно, то и тогда предположенная система оказалась бы весьма удобною для огромнаго большинства оканчивающихся въ участкахъ дѣлъ.

Всякому, даже поверхностно знакомому съ дѣлопроизводствомъ мировыхъ судебныхъ установленій, хорошо извѣстно, что главную массу поступающихъ дѣлъ представляютъ дѣла маловажныя и простыя; обвиненія по 29, 30, 31, 38, 42, 61, 130—142, 169 и прочимъ ст. Уст. о нак., нал. мир. суд., иски по квитанціямъ отъ заборныхъ книжекъ, личнымъ и долговымъ обязательствамъ, векселямъ, заемнымъ письмамъ, о выселеніи изъ квартиръ, о взысканіи платы за помѣщеніе—вотъ главный контингентъ производящихся у мировыхъ судей дѣлъ. Почти всегда исковыя требованія содержатся въ весьма краткихъ, часто малограмотныхъ, прошеніяхъ, сущность которыхъ можетъ быть формулирована въ одной, двухъ, много трехъ строкахъ: „прошу выселить изъ квартиры“, „прошу взыскать 5 руб. за работу“, „прошу наказать за побои“; этимъ формуламъ вполнѣ соотвѣтствуютъ и составляемые на обложкахъ заголовки: „о выселеніи“..., „по обвиненію по 142 ст. Уст. наказ.“ и т. п. Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что только 1—2 дѣла на 100 представляются болѣе серьезными и сложными. Поэтому не встрѣчается, казалось бы, никакихъ затрудненій къ тому,

чтобы тѣ же, только нѣсколько болѣе подробные, заголовки, съ обозначеніемъ адресовъ, званій сторонъ и документовъ, положенныхъ въ основаніе исковыхъ требованій, служили и заголовками листовъ книги, отведенныхъ для каждаго изъ отдѣльныхъ производствъ. Въ виду ст. 52 Уст. гражд. суд. и ст. 45 Уст. угол. суд., допускающихъ заявленіе словесныхъ просьбъ и жалобъ, рѣшительно непонятно, почему формулированныя въ заголовкѣ дѣла требованія истца или обвинителя, ими подписанныя, послѣ отмѣтки въ протоколѣ судебнаго засѣданія о томъ, что они просили удовлетворить ихъ ходатайства, не могутъ служить основаніемъ для дальнѣйшаго движенія процесса, а самое прошеніе, по разборѣ дѣла, не можетъ быть возвращено, вмѣстѣ съ представленнымъ документомъ, по принадлежности, сторонѣ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда для написанія рѣшенія въ окончательной формѣ ни того, ни другаго не требуется; а это бываетъ, какъ извѣстно, при массѣ простыхъ, указанныхъ выше, шаблонныхъ дѣлъ, напримѣръ, при искахъ по безспорнымъ документамъ, при признаніи отвѣтчикомъ правильности предъявленныхъ къ нему требованій и т. д.

Независимо отъ сказаннаго, нельзя упускать изъ вида, что возвращеніе документовъ и прошеній какъ по уголовнымъ, такъ и по гражданскимъ дѣламъ не только не воспрещается, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже прямо предписывается закономъ, и потому для распространенія этого правила на всѣ рѣшительно дѣла, производящіяся у мировыхъ судей, вовсе нѣтъ надобности, какъ полагаетъ г. Логановъ [1]), въ ломкѣ Судебныхъ Уставовъ, или какихъ-либо коренныхъ устоевъ гражданскаго судопроизводства. Не говоря о заявленіи спора о подлогѣ, предусмотрѣнномъ ст. 110 Уст. гражд. суд., когда мировой судья обязанъ предложить сторонѣ взять обратно представленный ею документъ, объявленный подложнымъ, сами, Высочайше утвержденныя 13 марта 1885 года, правила о разборѣ архивныхъ дѣлъ (ст. 9, 10 и 11) обязываютъ судебныя, а въ томъ числѣ и мировыя, установленія, одновременно съ прекращеніемъ дѣла, объяснять тяжущимся ихъ право получить обратно документы и состязательныя бумаги, съ предупрежденіемъ, что, въ противномъ случаѣ, таковые будутъ уничтожены по истеченіи годичнаго срока.

На обязательности возвращенія тяжущимся ихъ документовъ,

[1]) Жур. Мин. Юст., Ноябрь 1896 г.—„Сокращеніе канцелярій мировыхъ судей“, стр. 222.

прошеній, объясненій, отзывовъ и прочихъ, подаваемыхъ ими, бумагъ, во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ, можно, разумѣется, и не настаивать, если только на всѣ мировыя судебныя установленія будутъ распространены предложенныя въ текущемъ году г. Министромъ Юстиціи, для руководства С.-Петербургскихъ столичныхъ мировыхъ судей и съѣзда, дополнительныя архивныя правила о сокращенномъ срокѣ разбора и уничтоженія оконченныхъ гражданскихъ и маловажныхъ уголовныхъ дѣлъ. Что касается, наконецъ, постановленія, выраженнаго въ ст. 165 Уст. гражд. суд. и ст. 177 Уст. угол. суд., относительно представленія веденныхъ мировымъ судьею протоколовъ во вторую инстанцію, при направленіи дѣла въ съѣздъ по поступившей апелляціонной жалобѣ или протесту, то соблюденіе требованія означенныхъ законоположеній осуществимо и при разсматриваемомъ порядкѣ дѣлопроизводства: для этого стоитъ лишь установить книгу такого образца, въ которомъ каждая страница ея листа состояла бы изъ двухъ продольныхъ графъ, лѣвой—узкой, отводимой для обозначенія времени поступленія и № по порядку, и правой, занимающей остальную часть страницы, для написанія заголовка производства, протокола судебнаго засѣданія и резолюціи. Въ случаѣ представленія дѣла въ съѣздъ, правая часть листа можетъ быть отрѣзана отъ талона (лѣвой стороны), на которомъ отмѣчается объ отправленіи дѣла, подобно тому, какъ это дѣлается теперь при отсылкѣ ассигновокъ въ казначейство.

Мысли, высказанныя выдающимся юристомъ еще въ 1869 году, до сихъ поръ не получили надлежащаго практическаго примѣненія, хотя даже сами противники его предположеній приходятъ, въ сущности, къ одинаковому съ нимъ заключенію о полезности замѣны многочисленныхъ, ведомыхъ канцеляріями мировыхъ судей, реестровъ и указателей двумя книгами рѣшеній и приговоровъ съ соотвѣтствующими ихъ алфавитами. При этомъ, вмѣсто заводимыхъ обыкновенно по каждому прошенію или сообщенію особыхъ дѣлъ въ обложкахъ, предлагается въ появившемся новомъ проектѣ г. Логанова: 1) каждое прошеніе или сообщеніе заносить подъ особымъ № въ алфавитъ, съ подробнымъ обозначеніемъ всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ; 2) протоколъ судебнаго засѣданія (объясненіе сторонъ и свидѣтелей) вести на отдѣльныхъ листахъ бумаги или на свободныхъ частяхъ прошеній и сообщеній; 3) прошенія возвращать тяжущимся только въ тѣхъ случаяхъ, если они дополнительныя и исполнены мировымъ судьею сполна (?) въ своемъ

содержаніи, и 4) резолюціи записывать въ особыя книги по родамъ дѣлъ (уголовныхъ, гражданскихъ), подъ извѣстнымъ №, безъ составленія соотвѣтствующихъ заголовковъ [1]).

Вполнѣ присоединяясь къ высказанной авторомъ мысли объ отсутствіи необходимости возложенія на мировыхъ судей работы чисто-канцелярскаго свойства, къ каковой, по нашему мнѣнію, относится писаніе заголовковъ (или просьбъ), веденіе алфавита и прочихъ книгъ, словомъ, все то, что̀ не составляетъ изложенія судебныхъ актовъ (протоколовъ, резолюцій, рѣшеній и приговоровъ въ окончательной формѣ), мы, однако, не можемъ согласиться съ предлагаемымъ способомъ усовершенствованія проектированной Неклюдовымъ системы дѣлопроизводства.

Прежде всего, съ точки зрѣнія закона, едва-ли допустимо веденіе протоколовъ на листахъ подаваемыхъ тяжущимися бумагъ и поступающихъ къ мировымъ судьямъ сообщеній полиціи и другихъ административныхъ установленій. Прошеніе можетъ быть возвращено сторонѣ (что̀ допускаетъ и самъ г. Логановъ, но только почему-то ограничиваетъ случаи возвращенія лишь такъ называемыми „дополнительными“ просьбами) и затѣмъ подлежитъ совершенному уничтоженію по истеченіи иногда весьма краткаго срока, напримѣръ, года (ст. 9, 10, 11 Высочайше утвержденныхъ правилъ о разборѣ архивныхъ дѣлъ). Между тѣмъ, протоколъ судебнаго засѣданія относится къ такого рода актамъ, которые подлежатъ вѣчному храненію, и, конечно, едва-ли авторъ, возражающій противъ возвращенія сторонамъ представленныхъ ими документовъ и прошеній по маловажнымъ дѣламъ, содержаніе которыхъ вполнѣ исчерпывается ихъ заголовками, согласится съ выдачею обратно сторонѣ такого „дополнительнаго“ прошенія, на свободномъ листѣ котораго записаны мировымъ судьею показанія свидѣтелей и объясненія сторонъ.

Затѣмъ, съ практической стороны, врядъ-ли удобно расчлененіе чисто-судебнаго производства мироваго судьи на двѣ или на три части, составляющія въ сущности одно цѣлое. Нынѣшнее *дѣло*, заключая въ своей обложкѣ всѣ бумажные матеріалы, относящіеся къ представившемуся на разрѣшеніе суда казусу, при всемъ излишествѣ потребной для составленія его работы, во всякомъ случаѣ, отличается единствомъ содержащихся въ немъ свѣдѣній.

---

[1]) Жур. Мин. Юст. 1896 г., Ноябрь, статья Н. Логанова—„Сокращеніе канцелярій мировыхъ судей“, стр. 223 и 224.

Самое дѣленіе прошеній на основныя и *дополнительныя, исчерпанныя мировымъ судьею въ своемъ содержаніи полностью*, или же только отчасти, представляется сомнительнымъ и грозитъ немалыми практическими неудобствами. Не говоря о трудности классификаціи при подобномъ дѣленіи, почти невозможно даже установить самый критерій, съ точки зрѣнія котораго долженъ обсуждаться вопросъ о томъ, къ какому рязряду слѣдуетъ отнести извѣстное прошеніе. Подъ какую категорію, напримѣръ, подвести прошеніе, содержащее въ себѣ встрѣчный искъ, который, по самой природѣ своей, не имѣетъ самостоятельнаго значенія, а слѣдовательно и бумага, его содержащая, не можетъ быть названа послужившею основаніемъ производства; между тѣмъ, никто не станетъ оспаривать, что объясненіе, поданное отвѣтчикомъ, заявляющимъ встрѣчное требованіе, съ просьбой о допросѣ свидѣтелей, является настолько же важною судопроизводственною бумагою, вовсе не излишнею въ дѣлѣ, при существующей системѣ дѣлопроизводства, какъ и первоначальное прошеніе.

Затѣмъ, въ книгахъ, по самому наименованію и назначенію ихъ, предположено записывать только рѣшенія и приговоры; но гдѣ должна быть изложена, напр., мировая сдѣлка, которая, по ст. 1364 Уст. гражд. суд., въ виду своей обязательности для сторонъ, приравнивается къ рѣшенію, вошедшему въ законную силу и не подлежащему обжалованію ни въ какомъ порядкѣ; изложеніе такого важнаго судебнаго акта, составляющаго часть протокола мироваго судьи, на клочкахъ бумаги или свободныхъ мѣстахъ прошеній едвали можетъ быть признано желательнымъ. Утрата подобныхъ цѣнныхъ частей производства при разборѣ оконченныхъ дѣлъ весьма возможна, не говоря уже о томъ, что самый разборъ и сдача въ архивъ дѣлъ и документовъ, при такомъ расчлененномъ производствѣ значительно затруднится, ибо разобрать и отдѣлить другъ отъ друга прошенія, заключающія въ себѣ только ходатайства тяжущихся и потому подлежащія уничтоженію, отъ прошеній съ изложенными на свободныхъ ихъ частяхъ протоколами—окажется работою неизмѣримо болѣе трудною, нежели та, которая исполняется теперь, когда изъ дѣла извлекаются только протокольныя записи, излагаемыя обыкновенно или на особыхъ бланкахъ или на отдѣльныхъ листахъ бумаги, съ проставленными на нихъ оттисками штемпелей, обозначающими характеръ судебныхъ актовъ.

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить также нѣкоторой непослѣдовательности, въ которую впадаетъ авторъ новаго проекта.

Начиная съ защиты существующаго канцелярскаго порядка, требующаго заведенія особыхъ, помѣщаемыхъ въ обложки, дѣлъ по каждому поступающему прошенію или сообщенію, онъ, въ концѣ концовъ, приходитъ къ тому выводу, что собственно въ заведеніи дѣла и нѣтъ надобности; до тѣхъ поръ пока оно не направляется въ съѣздъ, совершенно достаточно, если, вмѣсто дѣла, будетъ одна *переписка* (кого съ кѣмъ?), состоящая изъ прошенія или сообщенія, съ изложеннымъ на свободныхъ листахъ его протоколомъ судебнаго засѣданія. Такимъ образомъ, для объясненія искусственно созданнаго расчлененія судебнаго производства, автору потребовалось ввести незнакомое юридическому языку, въ употребленномъ смыслѣ, понятіе „переписки“, не имѣющей двухъ признаковъ дѣла—внѣшней его оболочки и того, что̀ можетъ быть названо его душою, цѣлью, къ которой стремится всякое судебное производство—именно судебнаго рѣшенія.

Таковы характерныя черты разсмотрѣнныхъ нами двухъ проектовъ преобразованія канцелярскаго, а отчасти и судебнаго дѣлопроизводства мировыхъ судебныхъ установленій.

Не касаясь вопроса о способѣ веденія судебныхъ протоколовъ и ихъ содержанія, мы не можемъ не признаться, что наши симпатіи лежатъ на сторонѣ предположеній, высказанныхъ еще болѣе четверти вѣка тому назадъ, такъ сказать, на зарѣ дѣятельности мироваго института.

Разумѣется, нѣтъ никакой надобности въ перенесеніи на мироваго судью письменной работы, выполняемой письмоводителемъ и писцами, но поставить послѣднихъ подъ непосредственный, отсутствующій теперь, фактическій надзоръ перваго необходимо. Вмѣстѣ съ тѣмъ, невозможно допустить предлагаемаго г. Логановымъ расчлененія судебнаго производства.

Настольный журналъ, въ который записывается, прежде всего, сущность дѣла (будь то словесная просьба или заголовокъ производства, составленный на основаніи письменнаго прошенія, или сообщенія), долженъ обнимать собою, какъ справедливо полагалъ г. Неклюдовъ, все дѣлопроизводство мироваго судьи, какъ канцелярское, такъ и судебное.

При этомъ, въ интересахъ наиболѣе удобнаго и дешеваго храненія оконченныхъ дѣлъ, надлежитъ озаботиться возможнымъ сокращеніемъ подаваемыхъ мировымъ судьямъ бумагъ и документовъ, которые слѣдуетъ возвращать, по принадлежности, тяжущимся послѣ разбора дѣлъ, независимо отъ случаевъ, перечисленныхъ въ Высо-

чайше утвержденныхъ 13 марта 1885 г. правилахъ о разборѣ архивныхъ дѣлъ, также и тогда, когда они не нужны для составленія рѣшенія или приговора въ окончательной формѣ.

Согласно изложенному, устраняя указанные выше недостатки обоихъ разсмотрѣнныхъ проектовъ и руководствуясь личнымъ опытомъ, мы, съ своей стороны, полагали бы возможнымъ предусмотрѣнный ст. 52 и 143 Уст. гражд. суд. и ст. 131 Уст. угол. суд. порядокъ веденія настольныхъ журналовъ мировыхъ судей установить на основаніи слѣдующихъ положеній:

I. Поступающія къ мировому судьѣ бумаги помѣчаются имъ собственноручно временемъ ихъ вступленія или подачи; тѣ изъ нихъ, которыя должны служить поводомъ къ возбужденію дѣла, записываются въ подлежащія книги гражданскихъ, охранительныхъ, или уголовныхъ дѣлъ, служащія, вмѣстѣ съ тѣмъ, и настольными реестрами, а также въ алфавитные указатели.

II. Для каждаго иска, обвиненія, или сообщенія, отводится не менѣе двухъ страницъ листа книги; каждый листъ обозначается однимъ №; если листа недостаточно для окончанія производства, то внизу оборотной его страницы проставляется № перваго, слѣдующаго затѣмъ, свободнаго (чистаго) листа, на который переносится производство. Въ заголовкѣ перваго листа обозначаются: № производства по порядку, званія, имена, отчества и фамиліи участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, съ указаніемъ предмета иска, обвиненія или сообщенія, при чемъ дѣлается также ссылка и на № и число послѣдняго, если производство возбуждается полиціею или другими должностными лицами. Непосредственно затѣмъ слѣдуетъ изложеніе судебнаго разбора и резолюція.

III. Подлинныя бумаги, какъ послужившія основаніемъ для возбужденія производства, такъ и поступившія впослѣдствіи, сшиваются по каждому производству отдѣльно, вмѣстѣ съ представленными документами, въ порядкѣ поступленія, и хранятся особо для каждой категоріи дѣлъ: гражданскихъ, уголовныхъ и охранительныхъ; при чемъ на лѣвомъ верхнемъ углу первой, поступившей по дѣлу, бумаги отмѣчается и № производства по книгѣ.

IV. При направленіи производства въ мировой съѣздъ, или въ другія установленія и къ должностнымъ лицамъ, всѣ относящіяся къ дѣлу бумаги помѣщаются въ особую обложку, при чемъ части листовъ книги съ изложенными на нихъ протоколами и резолюціями отрѣзаются отъ талона (лѣвой части листа), гдѣ, вмѣстѣ съ обозначеніемъ № по порядку и времени поступленія, отмѣчается

также № и время отсылки производства, а равно и то учрежденіе, куда отправляется дѣло.

V. Поданные тяжущимися бумаги и документы, если только они не подлежатъ гербовому штрафу и не нужны для написанія рѣшенія въ окончательной формѣ, возвращаются представившей ихъ сторонѣ тотчасъ послѣ рѣшенія дѣла, съ наложеніемъ соотвѣтствующаго штемпеля, или съ надписью о томъ, что они были представлены къ извѣстному производству. Документы, по которымъ состоялось опредѣленіе о взысканіи гербоваго штрафа, возвращаются, съ надлежащей о томъ надписью или штемпелемъ, не ранѣе, какъ по истеченіи срока, установленнаго для обжалованія сего опредѣленія.

Что касается остальныхъ, ведомыхъ мировыми судьями (или вѣрнѣе ихъ канцеляріями) книгъ, то хотя существующія формы ихъ и не требуютъ такихъ серьезныхъ измѣненій, какъ настольные реестры, однако, сокращеніе числа дѣлаемыхъ въ нихъ записей нельзя не признать весьма желательнымъ; съ этой именно стороны было бы полезно предоставить: 1) мировымъ судьямъ—деньги, присланныя въ качествѣ пошлинъ и сбора съ бумаги по гражданскимъ дѣламъ, въ случаѣ недостаточности или излишняго ихъ количества, обращать въ подлежащія марки, съ наклейкою ихъ подъ дѣлопроизводствомъ и съ возвращеніемъ обращенныхъ, такимъ образомъ, въ марки денегъ по принадлежности, въ случаѣ требованія тяжущихся, или невзноса ими остальной, необходимой для оплаты прошенія, суммы, примѣнительно къ ст. 21 Прав. счетов. и отч. мир. и гмин. суд. уст., и 2) судебнымъ приставамъ—право отсылки частнымъ лицамъ незначительныхъ взысканныхъ суммъ, примѣрно до 25 руб., почтою или чрезъ полицію, безъ сдачи означенныхъ денегъ въ депозитъ мироваго судьи.

Обѣ, только-что приведенныя, мѣры, служа къ значительному уменьшенію количества записей въ денежной и депозитной книгахъ мировыхъ судей, повели бы, въ общемъ, къ немалому сокращенію безполезной переписки между казначействомъ и частными лицами, съ одной стороны, и мировыми судебными установленіями съ другой.

Обозрѣніе канцелярскихъ распорядковъ участковыхъ мировыхъ судей было бы далеко неполно, если бы мы умолчали о значеніи обложки для дѣлопроизводства во время нахожденія дѣлъ въ участкѣ и при отсылкѣ ихъ изъ послѣдняго.

Цѣль обложки—служить: 1) обозначеніемъ индивидуальныхъ

признаковъ каждаго производства (заголовокъ и №) и 2) показателемъ всѣхъ бумагъ, входящихъ въ его составъ (опись).

При осуществленіи порядка дѣлопроизводства, проектированнаго г. Неклюдовымъ, и даже г. Логановымъ, обложка представляется ненужною, ибо въ нее прежде всего нечего (или почти нечего) помѣщать: по предположеніямъ перваго изъ названныхъ авторовъ—всѣ прошенія, бумаги и документы возвращаются тяжущимся по записи дѣла въ книгу, а по проекту втораго каждое дѣло сводится къ перепискѣ, состоящей изъ одного первоначальнаго прошенія, съ изложенными на свободныхъ частяхъ его протокольными записями, да немногими повѣстками, необходимыми для обезпеченія процессуальныхъ правъ сторонъ.

На основаніи внимательнаго наблюденія надъ дѣлопроизводствомъ мировыхъ судей и ихъ канцелярій, мы не можемъ не прійти къ заключенію, что обложка *во время нахожденія дѣла въ участкѣ*, при всякой системѣ дѣлопроизводства, оказывается излишнею роскошью, а самая опись, составляемая на оборотной ея сторонѣ,—безполезною работою. Хотя индивидуальность дѣла, до извѣстной степени, и обозначается его заголовкомъ, опредѣляющимъ его содержаніе, а также номеромъ, проставляемымъ на обложкѣ, но вѣдь тотъ же №, независимо отъ послѣдней, ставится также и на верхнемъ лѣвомъ углу каждой первой поступившей бумаги, служащей основаніемъ производства; что касается заголовка, то его правильнѣе помѣщать въ началѣ перваго судебнаго протокола, нежели на обложкѣ, которая, при разборѣ дѣлъ въ архивѣ, уничтожается, между тѣмъ какъ протоколъ судебнаго засѣданія, вмѣстѣ съ изложенною въ немъ резолюціею, подлежитъ вѣчному храненію, а потому неизмѣримо важнѣе опредѣлить подробнѣе названный судебный актъ, нежели обложку дѣла. На практикѣ, какъ извѣстно, протоколы судебныхъ засѣданій мировыхъ судей обозначаются однимъ №, что́ при нерѣдкомъ сходствѣ и даже тожествѣ фамилій участвующихъ въ дѣлѣ лицъ можетъ вести, и ведетъ, къ весьма важнымъ недоразумѣніямъ, особенно въ случаѣ ошибки въ №, указанномъ на протоколѣ или резолюціи. Что касается описи, то она удостовѣреніемъ дѣйствительнаго нахожденія въ участкѣ всѣхъ, поступившихъ по извѣстному дѣлу, бумагъ служить не можетъ, такъ какъ, съ одной стороны, дѣло заводится, т. е. бумаги, къ нему относящіяся, вшиваются въ обложку, не мировымъ судьею, но канцеляріею, которая составляетъ постепенно, по мѣрѣ поступленія бумагъ, и самую опись, а съ другой,—старая обложка во время производства дѣла

и позднѣе до его разбора и уничтоженія, по ветхости и инымъ причинамъ, нерѣдко замѣняется писцами новою, помимо вѣдома о томъ судьи; наконецъ, удостовѣреніе количества находящихся въ обложкѣ бумагъ подписью мироваго судьи дѣлается не ранѣе окончанія производства; по большей же части мировые судьи скрѣпляютъ описи при отправленіи дѣлъ въ архивъ или въ другія установленія.

Измѣненіе этого, установленнаго практикой, порядка составленія и скрѣпленія описей путемъ возложенія на мировыхъ судей и ихъ канцелярій обязанности вносить въ описи ежедневно поступившія по дѣлу бумаги не мыслимо, такъ какъ это повлекло бы за собою такое усиленіе канцелярской работы и связанное съ нимъ увеличеніе расходовъ на наемъ лишнихъ писцовъ, которое едва-ли выдержали бы скромныя, по большей части, денежныя средства, отпускаемыя мировымъ судьямъ на ихъ канцелярскія нужды. Не подлежитъ сомнѣнію, что, при такомъ положеніи вещей, пришлось бы по крайней мѣрѣ удвоить количество пріобрѣтаемыхъ обложекъ, такъ какъ, при существующемъ теперь раздвоеніи работы по разборкѣ оконченныхъ дѣлъ между мировыми судьями и архивомъ, всѣ обложки съ описями, составленными въ теченіе предшествующаго времени, при сдачѣ дѣлъ въ архивъ пришлось бы замѣнить новыми. Какую значительную сумму составляетъ теперь у мировыхъ судей расходъ на обложки—можно наглядно видѣть изъ того, что при поступленіи въ С.-Петербургскихъ столичныхъ мировыхъ установленіяхъ свыше 120.000 дѣлъ въ годъ, на пріобрѣтеніе обложекъ употребляется ежегодно болѣе 1200 руб.

Почти полное исключеніе означенной расходной статьи изъ бюджета мировыхъ судей можетъ быть достигнуто посредствомъ установленія правила, по которому въ обложки помѣщались бы лишь тѣ изъ производствъ, которыя отправляются изъ участка въ мировой съѣздъ или въ другія установленія. Принятіе этого правила, не представляющаго никакой опасности для сохранности поступающихъ къ мировымъ судьямъ бумагъ и документовъ, особенно необходимо въ случаѣ распространенія на всѣ мировыя судебныя установленія предложенныхъ въ текущемъ году г. Министромъ Юстиціи, для С.-Петербургскаго столичнаго мироваго округа, дополнительныхъ положеній о сокращенныхъ срокахъ разбора оконченныхъ гражданскихъ (до 1—2 лѣтъ) и маловажныхъ уголовныхъ дѣлъ (до 2 лѣтъ). Съ перенесеніемъ на мировыхъ судей обязанности по разбору рѣшенныхъ дѣлъ и съ представленіемъ ими въ

архивъ лишь документовъ, подлежащихъ вѣчному храненію, составленіе описей, исполняемыхъ почти исключительно въ виду предстоящей сдачи самыхъ дѣлъ на храненіе въ архивъ, утрачиваетъ всякое значеніе.

III.

Участіе письменности въ чисто-судебномъ дѣлопроизводствѣ мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ выражается въ составленіи: а) опредѣленій, постановленій и резолюцій, б) протоколовъ судебныхъ засѣданій, а также отдѣльныхъ судебныхъ дѣйствій (осмотровъ, выемокъ, допроса свидѣтелей и т. п.) и в) рѣшеній и приговоровъ въ окончательной формѣ.

Что *касается частныхъ опредѣленій и постановленій* по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, то сокращеніе письменнаго труда при ихъ изложеніи должно выражаться, прежде всего, въ уменьшеніи количества случаевъ ихъ составленія. Такъ, слѣдуетъ признать излишними практикуемыя въ нѣкоторыхъ мировыхъ округахъ: постановленія о выдачѣ тяжущимся исполнительныхъ листовъ, удостовѣреній, копій и т. п. бумагъ, постановленія о вступленіи приговоровъ въ законную силу и объ обращеніи ихъ къ исполненію, опредѣленія о принятіи поданныхъ сторонами на рѣшенія, приговоры и постановленія судей апелляціонныхъ и другихъ жалобъ, а равно объ отсылкѣ таковыхъ въ мировой съѣздъ и т. п. Означенныя постановленія, не требуемыя закономъ, составляютъ совершенно ненужный балластъ для дѣла, такъ какъ, обращеніе приговора къ исполненію или выдачу исполнительнаго листа по гражданскому дѣлу, вслѣдствіе словесной просьбы тяжущагося, достаточно констатируетъ самое составленіе, посылка и выдача помянутыхъ бумагъ, за подписью и печатью мироваго судьи; жалоба же на его дѣйствія по поводу его распоряженій можетъ быть принесена и независимо отъ того, находится или нѣтъ въ дѣлѣ соотвѣтствующее опредѣленіе. Наконецъ, фактъ представленія жалобы въ мировой съѣздъ, вмѣстѣ съ относящимся къ ней производствомъ, въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что мировой судья, ранѣе подписанія надлежащаго представленія, обсудилъ вопросъ о принятіи жалобы и объ отправленіи ея во вторую инстанцію. Правильность приведенныхъ соображеній явствуетъ также изъ того, что, въ виду устности процесса въ мировомъ судѣ, законъ не требуетъ предварительныхъ постановленій мировыхъ судей даже въ

болѣе важныхъ случаяхъ, напр., при привлеченіи лицъ къ уголовной отвѣтственности по обвиненію въ проступкахъ, влекущихъ за собою тюремное заключеніе. По разъясненію Правительствующаго Сената, за отсутствіемъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ обряда преданія суду, привлеченіе обвиняемаго выражается въ посылкѣ ему повѣстки за подписью судьи и съ обозначеніемъ проступка, въ которомъ вызываемый обвиняется.

Составляемыя нѣкоторыми судьями *подробныя мотивированныя опредѣленія* объ оставленіи прошеній и жалобъ безъ движенія, за непредставленіемъ судебныхъ пошлинъ и сбора съ бумаги (ст. 200[5] Уст. гражд. суд.), копій жалобъ и т. п., полезно замѣнить краткими надписями на самыхъ прошеніяхъ, съ обозначеніемъ размѣра требуемыхъ пошлинъ или рода подлежащаго представленію документа. Такъ, напр., надпись: „оставить прошеніе безъ движенія по ст. 200[5] Уст. гражд. суд.“, съ помѣткой о количествѣ судебной пошлины и сбора съ бумаги, укажетъ канцеляріи характеръ посылаемой въ подобныхъ случаяхъ повѣстки, второй экземпляръ которой, являясь мотивированнымъ распоряженіемъ мироваго судьи, за подписью получателя, будетъ представлять собою оправдательный документъ на случай возвращенія жалобы просителю.

Наконецъ, экономія въ письмѣ можетъ быть сдѣлана также и въ нѣкоторыхъ случаяхъ постановленія рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ: такъ, при предъявленіи двухъ исковъ—первоначальнаго и встрѣчнаго, было бы значительно короче производить предварительно зачетъ взаимныхъ претензій сторонъ и затѣмъ постановлять одну общую резолюцію о присужденіи разности только въ пользу той стороны, которой въ окончательномъ выводѣ что-либо причитается. Эта мѣра, вполнѣ возможная при постановленіи большинства рѣшеній (именно когда присуждаются денежныя суммы), какъ ни ничтожна на первый взглядъ, ведетъ, однако, къ весьма важнымъ послѣдствіямъ, особенно наглядно проявляющимся при исполненіи рѣшеній. Дѣлая ненужною выдачу, а, слѣдовательно, и составленіе двухъ исполнительныхъ листовъ по каждой претензіи отдѣльно, подобный порядокъ изложенія резолюцій, практикуемый въ округѣ С.-Петербургской судебной палаты, предупреждаетъ также и возможность недоразумѣній и злоупотребленій при передачѣ исполнительныхъ листовъ по надписямъ третьимъ лицамъ такими взыскателями, которые, въ сущности, являются несомнѣнными должниками противной стороны.

Если современный процессъ, въ особенности гражданскій, для

нагляднаго изображенія взаимнаго соотношенія въ немъ устности и письменности, принято сравнивать съ рамкой (письменностью), въ предѣлахъ которой свободно движется устное состязаніе сторонъ, то, во всякомъ случаѣ, размѣры этой рамки, ея предѣлы, находятся въ полной зависимости отъ порядка судоустройства, свойства и характера инстанцій, порядка обжалованія рѣшеній и приговоровъ судовъ первой степени. Если, напримѣръ, предположить господствующимъ для маловажныхъ уголовныхъ дѣлъ порядокъ кассаціи, установленный для послѣднихъ въ Туркестанскомъ краѣ, гдѣ кассація приговора возможна лишь въ случаяхъ нарушенія предѣловъ вѣдомства судьи и размѣра наказанія, опредѣленнаго за данный проступокъ,—то вовсе не представится надобности въ занесеніи въ судебный протоколъ даже показаній свидѣтелей и объясненій сторонъ: приговоръ окажется непоколебимымъ, разъ судья не нарушилъ предѣловъ своего вѣдомства и размѣра наказанія, положеннаго за судимое дѣяніе (ст. 158 Полож. объ управл. Туркенстанск. кр.). Совершенно иныя требованія должны быть предъявлены къ судебнымъ протоколамъ по дѣламъ, обжалуемымъ въ нынѣ дѣйствующемъ въ мировомъ судѣ кассаціонномъ порядкѣ, и иныя при апелляціонномъ.

Не касаясь тѣхъ измѣненій въ судоустройствѣ, судопроизводствѣ и характерѣ инстанцій, которыя могутъ воспослѣдовать въ результатѣ работъ Высочайше учрежденной при Министерствѣ Юстиціи Коммисіи по пересмотру законоположеній по судебной части, что, несомнѣнно, отразится также и на порядкѣ веденія мировыми судьями протоколовъ, нельзя не замѣтить, что въ этомъ отношеніи постановленія нашихъ Уставовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводствъ содержатъ въ себѣ два, совершенно различныя, начала. Между тѣмъ какъ при производствѣ гражданскихъ дѣлъ дѣйствуетъ общее правило гражданскаго процесса о самодѣятельности сторонъ, выражающееся въ томъ, что всѣ формы и обряды судопроизводства считаются соблюденными, доколѣ противнаго не занесено въ протоколъ, въ уголовномъ процессѣ требуется письменное изображеніе почти каждаго шага мироваго судьи. Эти особенности обоихъ процессовъ были замѣчены еще Неклюдовымъ въ разсмотрѣнномъ выше докладѣ его С.-Петербургскому столичному мировому съѣзду. Не останавливаясь на тѣхъ изъ высказанныхъ имъ предположеній, которыя, клонясь, вообще, къ ускоренію судебнаго производства, въ случаѣ своего осуществленія, потребовали бы коренныхъ измѣненій въ дѣйствующемъ судебномъ строѣ, равно какъ и въ обоихъ процессахъ, необходимо принять во вниманіе, что вопросъ объ изложеніи судебныхъ протоколовъ распадается собственно на два: къ первому относится *содержаніе* протокола, т. е. тѣ событія и обстоятельства, которыя должны быть изложены, а ко второму самый *способъ* изложенія того, что по закону должно быть помѣщено въ протоколѣ. Содержаніе послѣдняго опредѣляется почти исключительно закономъ; способъ же его веденія, въ значительной степени, зависитъ отъ индивидуальныхъ качествъ и опытности лица, ведущаго протоколъ, въ данномъ случаѣ—судьи.

Что касается практики, то она, какъ въ отношеніи содержанія, такъ и въ отношеніи способа веденія протоколовъ, допускаетъ значительныя отступленія отъ требованій, предъявляемыхъ къ этимъ судебнымъ актамъ со стороны закона и даже простой логики, согласно которымъ протоколъ судебнаго засѣданія есть только удостовѣреніе на письмѣ того, что происходило на судѣ словесно, настолько, насколько это необходимо для огражденія процессуальныхъ правъ сторонъ и для повѣрки правильности рѣшенія мироваго судьи, въ случаѣ перенесенія дѣла во вторую инстанцію. Такъ, въ отношеніи дѣлъ гражданскихъ, несмотря на то, что ни законъ, ни разъясняющія его рѣшенія Правительствующаго Сената не требуютъ составленія протоколовъ по всѣмъ безъ исключенія дѣламъ и случаямъ, а ограничиваются лишь поводами, указанными въ ст. 47, 52, 71, п. 1 ст. 77, 101, 110, 116, 124, 130, 131, 138 и 147 Уст. гражд. суд., практика обнаруживаетъ стремленіе къ запечатлѣнію письменно такихъ событій, которыя, съ точки зрѣнія закона, представляются совершенно безразличными; при этомъ протокольныя записи ведутся такимъ способомъ, который исключаетъ всякое понятіе установленнаго закономъ „вкратцѣ“.

Сокращеніе письменности при изложеніи протоколовъ по гражданскимъ дѣламъ, по нашему мнѣнію, должно заключаться: 1) въ отмѣнѣ составленія мировыми судьями протоколовъ по простѣйшимъ дѣламъ, по которымъ исковыя требованія основаны на документахъ, не оспоренныхъ отвѣтчикомъ, а равно въ случаѣ отсутствія существенныхъ возраженій сторонъ; 2) въ отмѣнѣ веденія протоколовъ при разсмотрѣніи мировымъ съѣздомъ дѣлъ въ кассаціонномъ порядкѣ, и 3) въ принятіи того общаго правила, по которому признавалось бы необходимымъ занесеніе въ протоколъ лишь тѣхъ изъ объясненій сторонъ, о записи которыхъ тяжущіеся заявляютъ ходатайство.

Что касается дѣлъ уголовныхъ, то хотя, въ виду приведеннаго

выше общаго начала, присущаго уголовному процессу, при веденіи судебныхъ протоколовъ и не представляются возможными столь значительныя сокращенія, какъ въ процессѣ гражданскомъ, однако, и при разсмотрѣніи дѣлъ перваго рода, допустимо исключеніе изъ составляемыхъ по нимъ протоколовъ такихъ свѣдѣній, которыя сами собою явствуютъ изъ общаго порядка ихъ изложенія, таковы,напр., свѣдѣнія о явкѣ сторонъ и свидѣтелей, объ удаленіи послѣднихъ въ особое помѣщеніе, о незаявленіи отводовъ противъ нихъ и т. п.

Независимо отъ сего, той же цѣли уменьшенія письменнаго труда мировыхъ судей при производствѣ дѣлъ обоего рода могло бы служить узаконеніе практикуемаго нынѣ почти повсемѣстно способа удостовѣренія въ судебныхъ протоколахъ соблюденія при разборѣ дѣла обряда предваренія свидѣтелей объ обязанности подтвердить показанное ими подъ присягой, взамѣнъ упоминаемой въ ст. 95 Уст. гражд. суд. и ст. 98 Уст. угол. суд. особой о томъ подписки. Правительствующимъ Сенатомъ неоднократно разъяснено, что неотобраніе означенной подписки хотя и составляетъ нарушеніе обрядовъ судопроизводства, но нарушеніе это признается несущественнымъ и не влечетъ за собою отмѣны постановленнаго приговора, если только въ протоколѣ допроса свидѣтеля есть отмѣтка о томъ, что онъ былъ предваренъ о присягѣ.

Пользуясь такимъ разъясненіемъ, практика почти повсемѣстно, взамѣнъ отдѣльныхъ, требуемыхъ закономъ, подписокъ, выработала особую формулу допроса означенныхъ лицъ, начинающуюся словами—„свидѣтели, предваренные о присягѣ, показали“..... Такая формула, служа достаточнымъ удостовѣреніемъ соблюденія мировымъ судьею обряда, установленнаго ст. 95 Уст. гражд. суд. и ст. 98 Уст. угол. суд., и сокращая наполовину количество времени, отнимаемаго у судьи лицами малограмотными на изображеніе ихъ подписей сначала въ особой подпискѣ и затѣмъ въ протоколѣ, оказывается вполнѣ цѣлесообразною въ разсматриваемомъ случаѣ также и потому, что существеннымъ элементомъ правила, выраженнаго въ законѣ, является вовсе не подписка, которая въ томъ случаѣ, если содержаніе ея не объявлено свидѣтелю, лишена всякаго значенія, а самое предвареніе о присягѣ.

Узаконеніе разсмотрѣнной практики, въ отношеніи замѣны особыхъ подписокъ простой отмѣткой въ протоколѣ о предваренія свидѣтелей о присягѣ, необходимо, если только, конечно, не будетъ признано вообще излишнимъ предъявленіе протоколовъ мировыхъ судей для подписи всѣмъ вызываемымъ къ суду лицамъ.

Едва-ли кто станетъ отрицать, что подпись протокола, напр., малограмотнымъ вовсе не служитъ доказательствомъ того, что онъ сознательно подписалъ данное имъ показаніе, съ ручательствомъ за вѣрность редакціи изложеннаго. Разобрать почеркъ мироваго судьи, по большей части весьма нечеткій, вслѣдствіе спѣшности и обилія работы, лицо, выводящее букву за буквой, очевидно, не въ состояніи.

Независимо отъ сего, постановленія ст. 101 Уст. гражд. суд. и ст. 143 Уст. угол. суд., въ отношеніи лицъ грамотныхъ, оказываются непослѣдовательными и несогласными съ правиломъ тѣхъ же статей касательно неграмотныхъ, точность записи показаній которыхъ удостовѣряется однимъ мировымъ судьею безъ особаго рукоприкладчика. Такимъ образомъ, точность двухъ совершенно тождественныхъ показаній свидѣтелей можетъ быть удостовѣрена или нѣтъ мировымъ судьею единственно въ виду вполнѣ случайнаго обстоятельства—грамотности допрошенныхъ лицъ.

Поэтому и такъ какъ точное соблюденіе приведенныхъ статей закона вызываетъ немалое замедленіе въ отправленіи правосудія, было бы весьма полезно по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ установить одно общее правило, по которому подписаніе протокола, не вмѣняясь въ обязанность означеннымъ выше лицамъ, предоставлялось бы всецѣло ихъ усмотрѣнію. Это было бы тѣмъ болѣе послѣдовательнымъ, что передопросъ свидѣтелей, давшихъ показанія у мироваго судьи, по дѣламъ обоего рода, обязателенъ для съѣзда, а дѣйствующее законодательство не налагаетъ никакой кары за безприсяжное лжесвидѣтельство, если только ложное безприсяжное показаніе впослѣдствіи замѣнено истиннымъ подъ присягой (ст. 943 Улож. наказ.; рѣш. Угол. Касс. Деп. Прав. Сен. 1882 г. № 12).

Едва-ли въ дѣйствующемъ Сводѣ законовъ существуетъ какое либо другое постановленіе, которое бы такъ открыто, явно и повсемѣстно нарушалось судомъ, какъ правило, выраженное въ ст. 141 Уст. гражд. суд. и ст. 129 Уст. угол. суд. и, въ то же время, едва-ли какое другое нарушеніе нормъ матеріальнаго или процессуальнаго права имѣло бы столько доводовъ въ защиту своихъ нарушителей.

Причина нарушеній и обстоятельство, устраняющее вину нарушителей, одни и тѣ же—фактическая невозможность исполненія требованія закона.

По каждому уголовному и гражданскому дѣлу, на основаніи ст.

101, 124, 139—142 Уст. гражд. суд. и 127, 129—131, 142 и 144 Уст. угол. суд., мировой судья обязанъ составить три отдѣльные судебные акта: протоколъ, резолюцію и рѣшеніе или приговоръ въ окончательной формѣ; послѣдніе, согласно закону и по установившейся практикѣ, содержатъ въ себѣ болѣе или менѣе пространное изложеніе имѣющихся въ дѣлѣ—исковаго прошенія или сообщенія, протокола и резолюціи, съ добавленіемъ лишь соображеній судьи, послужившихъ основаніемъ постановленнаго рѣшенія. При производствѣ дѣлъ въ съѣздѣ повторяется то же изложеніе особыхъ а) протокола, б) резолюціи и в) рѣшенія въ окончательной формѣ, въ которыхъ снова прописываются, *въ третій разъ*, содержаніе исковой, протоколъ и резолюція мироваго судьи, находящіеся въ подлинникѣ въ производствѣ судьи и въ его рѣшеніи, *и вторично*—содержаніе апелляціонной жалобы, протоколъ и резолюція съѣзда, имѣющіеся уже въ дѣлѣ, добавляются только мотивы съѣзда.

Такой сложной процедуры безполезнаго повторенія одного и того же письменнаго матеріала, процедуры, основанной отчасти на законѣ, а отчасти выработанной практикой, которая, слѣдуетъ признать, пошла гораздо далѣе требованій закона, не существуетъ даже при производствѣ дѣлъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ: ни въ окружномъ судѣ, ни въ судебной палатѣ, протоколъ, ведущійся отдѣльно, не помѣщается полностью въ приговорѣ или въ рѣшеніи, въ которыхъ указываются лишь предметы обвиненія, обстоятельства и законы, принятые за основаніе состоявшейся резолюціи (ст. 711 Уст. гражд. суд. и ст. 797 Уст. угол. суд.); показанія свидѣтелей, въ качествѣ обстоятельствъ дѣла, излагаются вкратцѣ въ самихъ соображеніяхъ. Послѣ измѣненія редакціи ст. 711 Уст. гражд. суд., по закону 26 мая 1887 г., въ рѣшеніяхъ въ окончательной формѣ указываются, въ такъ называемой исторической части, только требованія тяжущихся и заключеніе прокурора, если оно было дано.

Еще на первыхъ порахъ дѣятельности мироваго института лучшими его представителями и въ то же время практическими его дѣятелями было исчислено, что на точное выполненіе всѣхъ требованій, предъявляемыхъ закономъ къ мировому судьѣ, при ежедневномъ разборѣ 30 дѣлъ, потребно было бы въ день 32 рабочихъ часа, не считая времени необходимаго для различныхъ осмотровъ, для изготовленія дѣлъ къ докладу въ съѣздѣ и т. п., при чемъ на писаніе подробныхъ рѣшеній въ окончательной формѣ

по 25 дѣламъ приходилось бы 12½ час., считая по ½ часа на дѣло [1]).

Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго въ томъ, что буква закона гласила одно, а практика, удерживающая только то, что̀ въ немъ жизненно, выработала совершенно другой порядокъ, а именно рѣшенія и приговоры съ самаго же начала стали писаться и пишутся до сихъ поръ мировыми судьями и съѣздами не по всѣмъ дѣламъ, а лишь по тѣмъ изъ нихъ, по которымъ поступаютъ жалобы или требуются копіи.

Врядъ-ли можетъ быть признано желательнымъ продолженіе такого порядка вещей, при которомъ судебныя установленія, призванныя къ охраненію и возстановленію нарушеннаго закона, сами первые его нарушаютъ.

Къ устраненію незаконнаго примѣненія ст. 129 Уст. угол. суд. и ст. 141 Уст. гражд. суд. могло бы служить—или измѣненіе закона, сообразно дѣйствительнымъ потребностямъ жизни, указаннымъ практикой, или же, что̀ было бы послѣдовательнѣе и болѣе согласно съ понятіемъ судебнаго рѣшенія, какъ логическаго умозаключенія, построеннаго на основаніи всѣхъ предшествующихъ данныхъ дѣла, замѣна рѣшеній и приговоровъ въ окончательной формѣ мотивированными резолюціями, излагаемыми въ протоколѣ судебнаго засѣданія, подобно тому, какъ это установлено для дѣлъ, подсудныхъ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ (ст. 94, 204 и 205 Прав. о произв. дѣлъ, подвѣд. зем. нач. и гор. суд.).

Принятіе подобнаго правила и для судопроизводства въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ не вызвало бы никакихъ практическихъ неудобствъ уже потому, что разбираемыя городскими и мировыми судьями дѣла, по своему характеру, одни и тѣ же, если не считать цѣнности предъявляемыхъ исковъ и размѣра наказанія, налагаемаго преимущественно за кражи со взломомъ, что̀, очевидно, не имѣетъ никакого значенія для опредѣленія сложности или простоты производства.

Если бы представлялось почему-либо затруднительнымъ требовать отъ судьи или съѣзда изложенія мотивовъ, одновременно съ написаніемъ резолюціи, во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ, то вполнѣ возможно установить это въ качествѣ общаго правила, изъ котораго сдѣлать исключенія для дѣлъ болѣе сложныхъ, допу-

[1]) Журналъ Мин. Юст., Декабрь 1895 г.—„Къ тридцатилѣтію мировыхъ судебныхъ установленій“, стр. 37—38.

стивъ по нимъ отложеніе объявленія резолюцій, примѣнительно къ ст. 702 Уст. гражд. суд. и ст. 791 Уст. угол. суд. Впрочемъ, такихъ дѣлъ, по которымъ пришлось бы отлагать объявленіе резолюціи, у мировыхъ судей не окажется слишкомъ много; мы уже имѣли случай замѣтить, что одно—два сложныхъ дѣла въ мировомъ судѣ приходятся на 100 простыхъ и маловажныхъ; такимъ образомъ, въ участкѣ съ 3000 дѣлъ въ годъ, мировому судьѣ пришлось бы внѣ засѣданія написать соображенія всего по 30—60 дѣламъ.

Лишній часъ времени, употребленный на добавочную работу въ засѣданіи, на прибавленіе нѣсколькихъ словъ въ оправданіе состоявшейся резолюціи, безъ сомнѣнія, не пропадетъ безслѣдно въ общей экономіи времени судьи и его канцеляріи, которымъ не придется затѣмъ ни писать мотивовъ, при требованіи копій приговоровъ и рѣшеній, ни читать самаго подлинника съ историческою частью, нерѣдко не совсѣмъ толково составленною письмоводителемъ.

Д. Дёмкинъ.

КАССАЦІОННАЯ ПРАКТИКА.

ВОПРОСЫ, РАЗРѢШЕННЫЕ ОБЩИМЪ СОБРАНІЕМЪ КАССАЦІОННЫХЪ И СЪ УЧАСТІЕМЪ ПЕРВАГО И ВТОРАГО ДЕПАРТАМЕНТОВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА ВЪ 1896 ГОДУ.

(Продолженіе) [1]).

Составилъ **Н. Н. Быстровъ.**

20. (22 января). Ст. 5, 18 и 19 Высочайшаго указа 11 іюня 1891 г. (Собр. узак. и расп. прав. № 76, ст. 821).

Вопросъ о томъ: законъ 11 іюня 1891 г. (Собр. узак. и расп. прав. 1891 г. № 76, ст. 821), не дозволяющій лицамъ іудейскаго вѣроисповѣданія пріобрѣтеніе въ собственность, содержаніе въ арендѣ, заставное владѣніе и всякое иное владѣніе и пользованіе крестьянскими усадьбами и землями въ губерніяхъ Царства Польскаго, воспрещаетъ ли тѣмъ самымъ наемъ означенными лицами въ тѣхъ же губерніяхъ помѣщеній въ крестьянскихъ домахъ для проживанія,

разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, въ виду дарованнаго евреямъ Высочайшимъ указомъ $\frac{24 \text{ мая}}{5 \text{ іюня}}$ 1862 г. (ст. 2) права, наравнѣ съ другими коренными обывателями края, проживать на всемъ пространствѣ губерній Царства Польскаго, а слѣдовательно и въ сельскихъ поселеніяхъ этого края (Дневн. зак., т. IX, стр. 26), каковое право евреевъ на повсемѣстное въ сихъ губерніяхъ жительство, не исключая въ частности и крестьянскихъ усадьбъ и земель,

[1]) См. Жур. Мин. Юст., Ноябрь 1896 г., стр. 274.

находящее, кромѣ того, свое основаніе и въ 16 ст. Гражданскаго уложенія 1825 г., предоставляющей евреямъ въ губерніяхъ Царства Польскаго всѣ тѣ гражданскія права, отъ пользованія которыми они не изъяты особыми постановленіями, доселѣ не отмѣнено никакимъ особымъ законоположеніемъ, и подобной отмѣны нельзя усматривать и въ законѣ 11 іюня 1891 г. Ни въ 5 статьѣ этого закона, ни въ другихъ его статьяхъ не заключается указанія на то, чтобы, съ воспрещеніемъ лицамъ іудейскаго вѣроисповѣданія арендовать крестьянскія усадьбы и земли, а также вообще владѣть и пользоваться этими имуществами на какихъ бы то ни было основаніяхъ и въ какой бы то ни было формѣ, терялъ свою силу упомянутый Высочайшій указъ $\frac{24 \text{ мая}}{5 \text{ іюня}}$ 1862 г. При самомъ изданіи правила, изображеннаго въ 5 статьѣ закона 11 іюня 1891 г., имѣлось въ виду *только предотвратить переходъ крестьянскихъ недвижимыхъ имуществъ въ собственность евреевъ*, руководящихся въ пріобрѣтеніи сихъ имуществъ не склонностью къ земледѣльческому труду, а всегда *спекулятивными цѣлями*, прикрываемыми всякими вообще сдѣлками о переуступкѣ владѣнія и пользованія имуществомъ и *неразрывно связанными съ эксплоатаціей мѣстнаго народонаселенія*. Но такая цѣль изданія закона 11 іюня 1891 г. не даетъ основанія заключать ни объ отмѣнѣ, ни даже объ ограниченіи положительно дарованнаго въ 1862 г. евреямъ права повсемѣстнаго жительства въ предѣлахъ губерній Царства Польскаго, а, слѣдовательно, и на мѣстахъ крестьянской осѣдлости. Такимъ образомъ, закону 11 іюня 1891 г. не можетъ быть усвоиваемо значеніе законоположенія, воспрещающаго *наемъ евреями крестьянскихъ недвижимостей для проживанія*, ибо, въ противномъ случаѣ, *осуществленіе* евреями безспорно принадлежащаго имъ *права* проживать *въ сельскихъ поселеніяхъ* губерній Царства Польскаго представлялось бы *невозможнымъ*. Опасеніе насчетъ того, не послужитъ ли признаніе за евреями права нанимать для жительства своего крестьянскія помѣщенія препятствіемъ къ достиженію указанной цѣли закона 11 іюня 1891 г., устраняется тѣмъ соображеніемъ, что, при возбужденіи, въ порядкѣ статей 18 и 19 сего закона, дѣлъ о нарушеніи установленныхъ этимъ закономъ правилъ объ отчужденіи, отдачѣ въ заставное владѣніе, аренду, или наемъ и о дробленіи крестьянскихъ усадебъ и земель, въ каждомъ данномъ случаѣ отъ суда будетъ зависѣть установить, имѣетъ ли наемъ евреемъ крестьянской недвижимости *исключительною цѣлью* доставленіе какъ ему самому, такъ и его семейству помѣщенія для жительства, или же наемъ этотъ является *безусловно воспрещенною* закономъ 11 іюня 1891 г. *сдѣлкою* со стороны еврея, направленною къ эксплоатаціи крестьянскаго имущества (№ 16).

21. (15 апрѣля). Т. V. Свод. зак. по прод. 1895 г., Уст. о пошл., ст. 153 п. 5 (п. 1 Высочайше утвержденнаго 10 апрѣля 1895 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта).

Вопросъ о томъ: законъ 10 апрѣля 1895 г. о предоставленіи льготъ по взиманію пошлинъ съ безмезднаго перехода имуществъ можетъ ли быть примѣняемъ къ открывшимся до его изданія наслѣдствамъ, по коимъ наслѣдственныя пошлины опредѣляются уже при дѣйствіи сего закона,

разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, такъ какъ, съ обнародованіемъ закона 10 апрѣля 1895 г., не можетъ быть вновь исчисляема отмѣненная симъ закономъ наслѣдственная пошлина съ земель въ уѣздахъ, переходящихъ къ лицамъ, указаннымъ въ п. 1 ст. 154 Уст. о пошл. Исчисленіе, или опредѣленіе, при дѣйствіи новаго закона, отмѣненной пошлины съ наслѣдствъ, открывшихся какъ *до*, такъ *и послѣ* 10 апрѣля 1895 г., будетъ не только нарушеніемъ Основныхъ государственныхъ законовъ (63 и 72 ст. т. I Свод. зак. изд. 1892 г.), но и противно намѣренію законодательной власти, признавшей взиманіе этой пошлины несправедливымъ и препятствующимъ улучшенію положенія землевладѣнія, составляющему цѣль указаннаго закона, являющагося, по мнѣнію Государственнаго Совѣта (журналъ Государственнаго Совѣта отъ 9 марта 1895 г. № 88), новымъ шагомъ къ усовершенствованію нашего податнаго законодательства проведеніемъ въ ономъ принципа соразмѣрности налоговъ съ достаткомъ плательщиковъ. Правильности такого заключенія о предѣлахъ дѣйствія закона 10 апрѣля 1895 г. не колеблетъ ст. 1254 т. X Зак. гражд., по которой право на открывшееся наслѣдство принадлежитъ наслѣдникамъ съ самой кончины владѣльца, такъ какъ эта статья касается лишь правъ гражданскихъ, между тѣмъ какъ, при разрѣшеніи вопросовъ о государственныхъ налогахъ, пошлинахъ и сборахъ, слѣдуетъ руководствоваться изданными на сей предметъ законами, въ томѣ V Свод. зак., но не въ томѣ X содержащимися (№ 17).

22. (15 апрѣля). Т. X ч. 1, Свод. зак. гражд., ст. 1254.

Опредѣляя лишь гражданскія права наслѣдниковъ на открывшееся послѣ смерти наслѣдодателя имущество, статья 1254 X т.

ч. 1 Свод. зак. гражд. не можетъ быть принимаема въ соображеніе при толкованіи предѣловъ дѣйствія закона 10 апрѣля 1895 г. при исчисленіи наслѣдственныхъ пошлинъ съ наслѣдствъ, открывшихся до его изданія, такъ какъ при разрѣшеніи вопросовъ о государственныхъ налогахъ, пошлинахъ и сборахъ, слѣдуетъ руководиться только изданными на сей предметъ и содержащимися въ т. V Свод. зак. постановленіями (№ 17).

23. (19 февраля). Высочайше утвержденное 27 октября 1859 г. Положеніе о размежеваніи Черниговской и Полтавской губерній (Полн. Собр. Зак. 1859 г. № 35036).

По вопросу о порядкѣ, который долженъ быть соблюдаемъ старшими нотаріусами при утвержденіи сдѣлокъ на земли казаковъ въ Малороссійскихъ губерніяхъ признано, что въ существенной своей части этотъ вопросъ подлежитъ разрѣшенію на основаніи рѣшенія Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента 9 ноября 1893 г. (сборн. № 107) и, затѣмъ, въ виду того, *а*) что межевыя книги на земли казаковъ Малороссійскихъ губерній правильно и согласно съ законами (390 ст. 1 ч. X т.; 562 ст. 2 ч. X т.; 880, 883 и 965 ст. ч. 3 X т. Свод. зак.) считаются судебными установленіями указанныхъ губерній равносильными актамъ укрѣпленія этихъ земель за ихъ владѣльцами; *б*) что, согласно Высочайше утвержденному 27 октября 1859 г. Положенію (Полн. Собр. Зак. № 35036), размежеваніе Черниговской и Полтавской губерній произведено по существовавшему безспорному владѣнію; *в*) что, вслѣдствіе сего, межевыя книги на земли казаковъ Малороссійскихъ губерній не только соотвѣтствуютъ актамъ укрѣпленія, но и служатъ удостовѣреніемъ дѣйствительнаго нахожденія сихъ земель въ фактическомъ владѣніи лицъ, коимъ таковыя книги выданы, и *г*) что вводъ во владѣніе Малороссійскихъ казаковъ, для удостовѣренія, по 167 и 168 ст. Полож. о нот. ч., дѣйствительной принадлежности имъ земель, показанныхъ въ межевыхъ книгахъ, представляется излишнимъ въ такой же мѣрѣ, какъ это признано Правительствующимъ Сенатомъ (рѣш. Гражд. Кассац. Д—та 1893 г. № 107) вообще относительно отчуждающихъ имѣнія или ограничивающихъ свои права собственниковъ, владѣющихъ имуществомъ въ силу законнаго акта укрѣпленія,—Правительствующій Сенатъ призналъ, что, при утвержденіи старшими нотаріусами Черниговскаго, Стародубскаго и Полтавскаго окружныхъ судовъ нотаріальныхъ актовъ на недвижимыя имѣнія Малороссійскихъ казаковъ, нѣтъ законнаго основанія

требовать отъ послѣднихъ предварительнаго ввода во владѣніе по ихъ межевымъ книгамъ (№ 18).

24. (19 февраля). Т. X ч. 1, Свод. зак. гражд., ст. 699 и 707.

Хотя межевые акты и не упомянуты въ статьяхъ 699 и 707 т. X ч. 1 Свод. зак., перечисляющихъ *способы укрѣпленія* правъ на имущества, но доказательная ихъ въ этомъ значеніи сила въ дѣлахъ вотчинныхъ всегда признавалась Гражданскимъ Кассаціоннымъ Департаментомъ Правительствующаго Сената (рѣш. Гражд. Кассац. Д-та 1875 г. № 236, 1879 г. № 132, 1887 г. № 8) (№ 18).

25. (19 февраля). Т. XVI ч. 1, Свод. зак. изд. 1892 г., Полож. о нотар. части, ст. 81.

Межевые акты должны быть приравниваемы къ актамъ, имѣющимъ силу нотаріальныхъ (№ 18).

26. (19 февраля). Т. X ч. III, Свод зак. меж. изд. 1857 г., ст. 880, 883 и 965 (ст. 721, 724 и 805 т. X ч. 2 Свод. зак. изд. 1893 г.).

Признаніе за межевыми книгами малороссійскихъ казаковъ значенія актовъ укрѣпленія за ними отмежеванныхъ имъ земель вполнѣ согласно съ законами, изъ которыхъ по однимъ (ст. 390 т. X ч. 1 и ст. 562 т. X 2 ч.) межевыя книги несомнѣнно отнесены къ актамъ укрѣпленія, а по другимъ (ст. 721, 724 и 805 т. X ч. 2, Зак. меж. изд. 1893 г.)—ясно установлена доказательная сила указанныхъ книгъ относительно права владѣнія обозначенными въ нихъ землями (№ 18).

27. (19 февраля). Т. XVI ч. 1 Свод. зак. изд. 1892 г., Полож. о нотар. части, ст. 167 и 168.

Точный смыслъ содержащихся въ сихъ статьяхъ постановленій показываетъ, что, кромѣ оффиціальныхъ справочныхъ документовъ, состоящихъ въ распоряженіи самого старшаго нотаріуса, онъ, съ одной стороны, не стѣсненъ въ истребованіи всякаго рода доказательствъ на принадлежность имѣнія сторонѣ, его отчуждающей, а съ другой стороны—ему вовсе не вмѣнено въ обязанность требовать представленія вводнаго листа, *какъ исключительнаго и неустранимаго доказательства* таковой принадлежности. Посему усвоенная многими судебными мѣстами Имперіи практика, заключающаяся въ требованіи *обязательнаго представленія* для указанной цѣли вводнаго листа, не можетъ быть признана правильною. Обозначеніе

ввода во владѣніе, коимъ можетъ сопровождаться каждый изъ видовъ пріобрѣтенія правъ на имущество, указанныхъ въ 1426 и 1450 ст. X т. ч. 1 Свод. зак. гражд., не включено въ число необходимыхъ условій купчей крѣпости; съ другой стороны—приданіе этому обряду значенія мѣры, устанавливающей теченіе сроковъ на оспариваніе перехода имуществъ (1098, 1300 и 1524 ст. X т. ч. 1), ясно свидѣтельствуетъ, что формальность ввода во владѣніе имѣетъ цѣлью лишь огласить совершеніе новому пріобрѣтателю акта на укрѣпленіе за нимъ имѣнія, въ каковомъ смыслѣ обрядность эта истолкована уже Общимъ Собраніемъ Перваго и Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената въ рѣшеніи 1892 г. (сб. № 13). Наконецъ, въ смыслѣ рѣшающаго доказательства принадлежности имѣнія лицу, его отчуждающему, вводъ во владѣніе не предусматривается и въ спеціальныхъ о совершеніи этого обряда правилахъ, изложенныхъ въ главѣ III книги III Устава гражданскаго судопроизводства, ибо изъ содержанія 1424 ст. Уст. гражд. суд. установлявшаяся прежде дѣйствовавшими узаконеніями (ст. 1523 и 1524 ст. X т. ч. 1) обязательность ввода во владѣніе не вытекаетъ, вслѣдствіе чего правило, указанное въ 1431 и 1432 ст. Уст. гражд. суд., придаетъ формальности ввода только значеніе обряда, коимъ заканчивается укрѣпленіе недвижимаго имѣнія за лицомъ, пріобрѣвшимъ его на правѣ собственности (№ 18).

28. (18 декабря 1895 г.). Т. XVI ч. 1, Свод. зак., Учр. суд. уст., ст. 457.

Вопросъ о предѣлахъ компетенціи судебныхъ учрежденій по дѣламъ о производствѣ имущественныхъ разводовъ между Имеретинскими и Гурійскими товадами и азнаурами

разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что означенныя въ немъ дѣла подвѣдомственны окружнымъ судамъ и судебной палатѣ, такъ какъ всѣ обязанности, лежавшія на межевыхъ коммисіяхъ по производству имущественныхъ разводовъ между Имеретинскими и Гурійскими товадами и азнаурами, какъ по наблюденію за добровольнымъ разводомъ, такъ и по совершенію принудительнаго разграниченія, послѣ упраздненія въ 1867 г. межевыхъ коммисій, (дѣйствовавшихъ по Высочайше утвержденному 29 іюня 1861 г. Положенію о размежеваніи въ Закавказскомъ краѣ—Полн. Собр. Зак. № 37186), перешли на окружные суды и на Тифлисскую судебную палату. Въ этомъ случаѣ ссылка на то, что на окружные суды перешли только тѣ обязанности межевыхъ коммисій, которыя упомянуты въ

Положеніи 29 іюня 1861 г., обязанности же по разводу между тавадами и азнаурами возложены были на межевыя коммисіи не въ силу этого положенія, не можетъ быть признана правильною потому, что, съ одной стороны, Высочайше утвержденнымъ 21 мая 1864 г. положеніемъ Кавказскаго комитета возложены были на межевыя коммисіи обязанности по этому разводу именно вслѣдствіе однородности его съ межевыми разводами вообще, почему тогда же указано было, чтобы межевыя коммисіи вѣдали эти дѣла на основаніи Положенія 29 іюня 1861 г.; съ другой стороны—если бы, при замѣнѣ межевыхъ коммисій новыми судебными установленіями въ 1867 г., предполагалось передать послѣднимъ не всѣ обязанности межевыхъ коммисій по межевымъ разграниченіямъ, въ томъ числѣ и по разводамъ между тавадами и азнаурами, то о послѣднихъ было бы въ точности указано, кому именно,—а не новымъ судебнымъ установленіямъ, надлежитъ ихъ вѣдать (№ 19).

29. (27 ноября 1895 года). Т. X ч. 1, Свод. зак. гражд., ст. 715.

Вопросъ о томъ, могутъ ли быть отчуждаемы для государственной надобности, по одной данной, участки земли, выкупленной цѣлымъ сельскимъ обществомъ, когда они состоятъ въ подворномъ владѣніи,

разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что совершеніе одного акта недостаточно при отчужденіи нѣсколькихъ участковъ крестьянскаго надѣльнаго подворнаго владѣнія, принадлежащаго разнымъ дворамъ, ибо отчужденіе каждаго такого участка составляетъ самостоятельную сдѣлку между собственникомъ его и пріобрѣтательницею—казною, а соединеніе нѣсколькихъ подобныхъ сдѣлокъ въ одинъ актъ отчужденія было бы противно не только 715 ст. X т. Свод. зак. гражд. и 50 ст. Уст. герб., но и правиламъ о порядкѣ совершенія актовъ объ отчужденіи недвижимаго имущества, каковой порядокъ предполагаетъ отчужденіе имущества, принадлежащаго отчуждающей сторонѣ, а таковою не являются собственники нѣсколькихъ участковъ, не принадлежащихъ симъ лицамъ на правѣ *общей* собственности (№ 20).

30. (27 ноября 1895 г.). Т. V Свод. зак., Уст. герб. изд. 1893 г., ст. 50.

Какъ при добровольномъ отчужденіи подворнаго участка крестьянской надѣльной земли, по уплатѣ всего количества выкупной за него ссуды, такъ и при принудительномъ отчужденіи онаго для

государственной или общественной пользы, *на каждый таковой участокъ* или *часть его* надлежитъ совершать *отдѣльный актъ* укрѣпленія, т. е. купчую, или данную крѣпость, такъ какъ подворные участки надѣльной земли должны быть разсматриваемы, какъ особый родъ недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ *на правѣ исключительной собственности данному двору* съ тою лишь особенностью, что собственники ихъ временно ограничены въ правѣ отчужденія и залога оныхъ, въ виду лежащаго на нихъ выкупнаго платежа (№ 20).

31. (15 апрѣля). Высочайше утвержденныя 9 іюля 1889 г. Временныя правила объ измѣненіи состава и предметовъ вѣдомства крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. п. в ст. 8 и примѣч. 1 къ ней (Полн. Собр. Зак. 1889 г. № 6188).

Вопросъ о томъ: слѣдуетъ ли, предварительно укрѣпленія договоровъ о продажѣ крестьянскихъ поземельныхъ участковъ, требовать, согласно п. в статьи 8 и примѣчанія 1 къ ней Времен. правилъ 9 іюля 1889 г. объ измѣненіи состава и предметовъ вѣдомства крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, засвидѣтельствованія законности сихъ договоровъ со стороны мѣстныхъ коммисаровъ по крестьянскимъ дѣламъ въ томъ лишь случаѣ, если покупщиками являются крестьяне, а не лица другихъ сословій (примѣч. къ ст. 1-й Высочайше утвержд. 6 сентября 1863 г. правилъ — Полн. Собр. Зак. № 40034[а]).

Въ виду того, что п. в ст. 8 Времен. правилъ объ измѣненіи состава и предметовъ вѣдомства крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ 9 іюля 1889 г. на коммисаровъ по крестьянскимъ дѣламъ возложено „удостовѣреніе законности договоровъ о продажѣ *крестьянскихъ* поземельныхъ участковъ“, нѣтъ никакого основанія ограничивать примѣненіе этого постановленія одними лишь случаями продажи такихъ участковъ *крестьянамъ*, но не лицамъ другихъ сословій, ибо это значило бы обусловливать соблюденіе предписаннаго означеннымъ постановленіемъ особаго порядка засвидѣтельствованія купчихъ контрактовъ извѣстной категоріи *не свойствомъ* продаваемаго участка,—на которое только и имѣется указаніе въ разсматриваемомъ законѣ, *а личностью* покупателя, о которой въ немъ вовсе не упоминается. При проектированіи и утвержденіи указанной мѣры, имѣлось Государственнымъ Совѣтомъ въ виду устранить имѣвшее мѣсто въ прежнее

время уклоненіе, при заключеніи купчихъ контрактовъ въ губерніяхъ Прибалтійскихъ, отъ прямыхъ постановленій по сему предмету мѣстныхъ крестьянскихъ положеній и другихъ законовъ, нормирующихъ поземельное устройство крестьянъ означенныхъ губерній, почему и признано необходимымъ предоставить коммисарамъ по крестьянскимъ дѣламъ ту долю дѣйствительнаго вліянія въ сферѣ упомянутыхъ отношеній, какая соотвѣтствуетъ ихъ значенію, какъ органовъ административнаго крестьянскаго управленія, въ данныхъ случаяхъ своею подписью на купчихъ контрактахъ удостовѣряющихъ не только фактъ добровольнаго соглашенія между продавцомъ и пріобрѣтателемъ земельнаго участка, но и самую законность соглашенія, т. е. отсутствіе въ договорѣ условій, недопускаемыхъ положеніями о крестьянахъ или иными узаконеніями, и безъ таковаго засвидѣтельствованія коммисарами купчіе контракты не могутъ подлежать корробораціи подлежащаго крѣпостнаго учрежденія. Но кромѣ сего, съ другой стороны, по мѣстнымъ узаконеніямъ, крестьянамъ-арендаторамъ помѣщичьихъ губерній Курляндской губерніи принадлежитъ преимущественное право на покупку отъ помѣщика арендуемаго участка, а равно и право на полученіе отъ помѣщика, при продажѣ послѣднимъ участка другому лицу какого бы то ни было сословія (кромѣ евреевъ), опредѣленнаго закономъ вознагражденія, и, въ огражденіе сихъ правъ крестьянъ-арендаторовъ, установлены правила 6 сентября 1863 г. А такъ какъ законные права и интересы арендатора могутъ быть одинаково нарушены несоблюденіемъ правилъ 6 сентября 1863 г. при продажѣ помѣщикомъ участка какъ крестьянину, такъ и лицу иного сословія, то, само собою разумѣется, что предварительное удостовѣреніе коммисара о законности представленнаго къ корробораціи купчаго контракта должно быть признано *безусловно необходимымъ и обязательнымъ* для крѣпостныхъ отдѣленій при мировыхъ съѣздахъ Курляндской губерніи во всѣхъ, безъ изъятія, случаяхъ продажи помѣщиками крестьянскихъ арендныхъ участковъ. (№ 21).

32. (15 апрѣля). Высочайше утвержденныя 9 іюля 1889 г. Временныя правила объ измѣненіи состава и предметовъ вѣдомства крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, п. в ст. 8 и примѣчаніе 1 къ ней (Полн. Собр. Зак. 1889 г. № 6188).

Вопросъ о томъ: слѣдуетъ ли, предварительно укрѣпленія договоровъ о продажѣ крестьянскихъ поземельныхъ участковъ, требовать, согласно п. в ст. 8 и примѣчанія 1 къ ней Вре-

менныхъ правилъ 9 іюля 1889 г. объ измѣненіи состава и предметовъ вѣдомства крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, засвидѣтельствованія законности сихъ договоровъ со стороны мѣстныхъ коммисаровъ по крестьянскимъ дѣламъ въ томъ лишь случаѣ, если продаваемые участки отчуждаются помѣщиками въ первый разъ на основаніяхъ, изложенныхъ въ ст. 2 и 3 правилъ 6 сентября 1863 г., или же такое засвидѣтельствованіе необходимо и тогда, когда означенные участки, будучи уже выдѣлены, путемъ продажи, изъ состава дворянскихъ имѣній, переходятъ обратно къ помѣщикамъ въ общемъ порядкѣ (напр., посредствомъ продажи съ публичнаго торга) и засимъ продаются вновь крестьянамъ, какъ вполнѣ самостоятельныя недвижимости.

Постепенный ходъ мѣропріятій, принимавшихся съ цѣлію обезпеченія быта Курляндскихъ крестьянъ (Высоч. утвержд. правила 6 сентября 1863 г., Полн. Собр. Зак. № 40034[а]; постановленіе Курляндскаго ландтага, объявленное въ циркулярномъ предписаніи мѣстной коммисіи по крестьянскимъ дѣламъ отъ 4 марта 1867 г.), показываетъ, что все попеченіе правительства, дѣйствовавшаго въ семъ случаѣ въ постоянномъ согласіи съ предположеніями самого мѣстнаго дворянства, было направлено исключительно къ тому, чтобы дать крестьянамъ, освобожденнымъ въ 1817 г. отъ крѣпостной зависимости безъ всякаго земельнаго надѣла, возможность сдѣлаться осѣдлыми землевладѣльцами, путемъ постепеннаго перехода отъ долгосрочной аренды къ добровольной покупкѣ ими у помѣщиковъ мелкихъ участковъ усадебной, полевой, луговой и огородной земли, на обоюдно-выгодныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ, но при этомъ вовсе не имѣлось въ виду *закрѣпить навсегда за крестьянами* пріобрѣтенную ими этимъ порядкомъ земельную собственность, т. е. придать послѣдней свойство и значеніе особаго недвижимаго фонда, спеціально предназначеннаго оставаться на вѣчныя времена въ обладаніи одного лишь крестьянскаго сословія. Напротивъ, изъ постановленія Курляндскаго ландтага 1867 г. необходимо заключить, что принятая на себя Курляндскимъ дворянствомъ обязанность содѣйствовать, по возможности, развитію крестьянскаго землевладѣнія продажею арендныхъ участковъ *преимущественно* лицамъ этого сословія, съ момента совершенія такой продажи, предполагается разъ навсегда исполненною, при чемъ однажды проданныя крестьянамъ земли, будучи окончательно выдѣлены изъ состава главнаго имѣнія, утрачиваютъ навсегда свое прежнее значеніе „арендныхъ крестьянскихъ участковъ“, подходящихъ подъ дѣйствіе правилъ 6 сентября 1863 г., и обращаются въ вполнѣ самостоятельныя ипотечныя и хозяйственныя единицы, не подчиненныя уже, при дальнѣйшихъ переходахъ ихъ изъ рукъ въ руки въ общемъ порядкѣ гражданскаго оборота, никакимъ особымъ ограниченіямъ, наравнѣ со всякою другою недвижимою собственностью. Поэтому, въ тѣхъ случаяхъ, когда эти земли, не удержавшись во владѣніи купившихъ ихъ у помѣщиковъ крестьянъ, поступаютъ обратно, путемъ добровольнаго или принудительнаго отчужденія, въ руки тѣхъ же помѣщиковъ, послѣдніе пріобрѣтаютъ ихъ уже вполнѣ свободными отъ прежде лежавшихъ на нихъ, въ силу правилъ 6 сентября 1863 г., предъ бывшими ихъ арендаторами обязательствъ,—въ виду чего и требовать, при новой продажѣ помѣщиками тѣхъ же земель крестьянамъ же или лицамъ другихъ сословій, *вторичнаго соблюденія* порядка, указаннаго въ п. в ст. 8 Времен. прав. 9 іюля 1889 г., представлялось бы *совершенно излишнимъ и безцѣльнымъ*, правильность каковаго вывода находитъ себѣ подтвержденіе также и въ примѣчаніи 2 къ ст. 370 Полож. о нотар. части въ губерніяхъ Прибалтійскихъ (изд. 1892 г.) (№ 21).

33. (15 апрѣля). Т. XVI ч. 1 Свод. зак. изд. 1892 г., Полож. о нотар. части въ губер. Прибалт., примѣчаніе 2 къ ст. 370.

Соблюденіе порядка, указаннаго въ п. в ст. 8 Времен. правилъ 9 іюля 1889 г., *обязательно лишь при первомъ отчужденіи* помѣщиками Курляндской губерніи, на основаніи закона 6 сентября 1863 г., крестьянскихъ арендныхъ участковъ какъ крестьянамъ такъ и лицамъ другихъ сословій (№ 21).

34. (15 апрѣля). Т. IX Свод. зак. по прод. 1890 г., ст. 72, прилож. къ 980 ст. (т. V Свод. зак., Уст. о подат. изд. 1857 г., ст. 281).

Вопросъ о томъ: Высочайшее повелѣніе 25 мая 1864 г. (Полн. Собр. Зак. № 40939) объ отпускѣ евреямъ, получившимъ ученыя степени и исключеннымъ изъ податнаго званія, опредѣленнаго количества кошернаго мяса безъ акциза (коробочнаго сбора) распространяется ли на Ригу и города Курляндской губерніи,

разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ въ виду того, что не закономъ 25 мая 1864 г. (Полн. Собр. Зак. № 40939) установлено

освобожденіе евреевъ, получившихъ ученыя степени, отъ коробочнаго сбора,—такое освобожденіе существовало раньше изданія этого закона, которымъ имѣлось лишь въ виду опредѣлить размѣръ количества безакцизнаго мяса, подлежащаго отпуску получившимъ ученыя степени евреямъ по принадлежащему имъ праву не платить коробочнаго сбора за потребляемое ими кошерное мясо. По силѣ 1 п. 281 ст. Уст. о подат., т. V изд. 1857 г. (замѣненнаго 1 п. прилож. къ 980 ст. примѣч. IX т. по прод. 1890 г.), коробочный сборъ установленъ лишь для еврейскаго общества и его членовъ, и, слѣдовательно, взысканіе его обязательно лишь для лицъ, числящихся въ составѣ еврейскаго общества, а на основаніи 506 и 563 ст. IX т. изд. 1863 г. (1 п. 506 и 563 ст. по прод. 1890 г.), лица, получившія ученыя степени, исключаются изъ податныхъ обществъ, и потому евреи, получившіе ученыя степени, какъ выбывшіе изъ состава еврейскихъ обществъ, ни въ мѣстахъ ихъ постоянной осѣдлости, *ни гдѣ бы то ни было*, уже не подлежатъ взысканію коробочнаго сбора, установленнаго лишь для членовъ еврейскихъ обществъ. Всѣ эти соображенія примѣнимы и къ евреямъ, жительствующимъ въ г. Ригѣ, въ которомъ, какъ видно изъ 72 ст. прил. къ 980 ст. примѣч. IX т. Свод. зак. по прод. 1890 г., коробочный сборъ, *на общемъ основаніи*, установленъ лишь для еврейскихъ обществъ и, слѣдовательно, не распространяется на лицъ, къ еврейскому обществу не принадлежащихъ (№ 22).

35. (15 апрѣля). Прилож. къ № 78 Собр. узак. и расп. прав. 1889 г., Волост. суд. уст., правила о производствѣ гражданскихъ дѣлъ, ст. 60.

Вопросъ о томъ: кѣмъ именно должны быть допрашиваемы, по требованію волостныхъ судовъ, живущіе въ городахъ свидѣтели, въ случаяхъ, указанныхъ ст. 60 правилъ о производствѣ гражданскихъ дѣлъ (Волост. суд. уст., прилож. къ № 78 Собр. узак. и расп. прав. 1889 г., разд. II), мѣстными ли мировыми судьями, или ближайшими къ городу волостными судами,

разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что означенные свидѣтели допрашиваются мѣстными мировыми судьями, въ виду указанія 60 ст. правилъ о производствѣ гражданскихъ дѣлъ въ волостныхъ судахъ губерній Прибалтійскихъ на то, что свидѣтели, живущіе далѣе 25 верстъ отъ того мѣста, гдѣ происходитъ разбирательство дѣла, допрашиваются судомъ *того участка*, въ которомъ они живутъ. Для лицъ, живущихъ въ городѣ, очевидно, такимъ судомъ не можетъ

быть волостной судъ, такъ какъ города не входятъ въ предѣлы волостныхъ судебныхъ участковъ (1 ст. Учр. волост. и верхне-крест. судовъ Прибалт. губ.). Но и независимо сего, порученіе допроса живущихъ въ городахъ свидѣтелей ближайшимъ волостнымъ судамъ сопряжено съ различными затрудненіями и расходами для тяжущихся. Во-1-хъ, при отсутствіи волостнаго суда въ разстояніи 25 верстъ отъ города, ближайшій судъ находился бы въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ и судъ, разсматривающій дѣло, и, во-2-хъ, находящійся и не далѣе 25 верстъ отъ города волостной судъ долженъ бы былъ или вызывать въ мѣсто своего пребыванія подлежащихъ допросу свидѣтелей, что́ было бы обременительно для нихъ и влекло бы расходы для тяжущихся, или же, въ случаяхъ, указанныхъ въ 52 и 59 ст. тѣхъ же правилъ о производствѣ гражданскихъ дѣлъ, вынужденъ былъ бы допрашивать ихъ въ мѣстѣ ихъ жительства, прибывъ для сего въ городъ въ составѣ присутствія или командировавъ одного изъ своихъ членовъ съ писаремъ, что́, въ свою очередь, несомнѣнно повлекло бы медленность въ исполненіи порученія и въ дѣятельности суда, исполняющаго таковое. Между тѣмъ, порученіе допроса свидѣтелей въ означенныхъ случаяхъ мировымъ судьямъ, въ участкахъ коихъ они проживаютъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ какъ буквальному смыслу упомянутой 60 ст., такъ и тому, проведенному послѣдовательно въ Судебныхъ Уставахъ 20 ноября 1864 г. и уставахъ судопроизводства для земскихъ начальниковъ и городскихъ судей, общему началу, въ силу котораго допросъ свидѣтелей, проживающихъ въ извѣстной отдаленности отъ мѣста разбирательства дѣла, возлагается, *по возможности*, на соотвѣтственные суды, по мѣсту жительства этихъ свидѣтелей (94, 382 ст. Уст. гражд. суд., 433, 434, 636 ст. Уст. угол. суд., 66 ст. Прав. гражд. суд. въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено Полож. о земск. участ. нач.) (№ 23).

36. (15 апрѣля). Особ. прилож. къ IX т. Свод. зак. о сост., Общее положеніе о крестьянахъ, прилож. къ ст. 93 примѣч. 3, ст. 1, 5 и 6.

Вопросъ о томъ: подсудны ли дѣла объ оскорбленіи волостнаго суда сему послѣднему, на основаніи ст. 31 Уст. наказ., или же общимъ судебнымъ мѣстамъ, примѣнительно къ ст. 282 Улож. наказ.,

разрѣшенъ въ смыслѣ подсудности указанныхъ дѣлъ общимъ судебнымъ мѣстамъ, примѣнительно къ 282 ст. Улож. наказ., такъ какъ законъ 12 іюля 1889 г. (Особ. прилож. къ IX т. Зак. сост.

по прод. 1890 г., прилож. къ 93 ст. примѣч. 3) преобразовалъ волостной судъ въ дѣйствительное судебное установленіе, въ качествѣ каковаго волостной судъ является такимъ же органомъ судебной власти, какъ, напримѣръ, въ губерніяхъ царства Польскаго гминный судъ, съ которымъ волостной судъ имѣетъ нѣкоторое сходство. По ст. 1 прилож. къ 93 ст. примѣч. 3 (Особ. прил. къ IX т. Зак. сост. по прод. 1890 г.) обязанность предсѣдательствованія въ волостномъ судѣ возлагается на мѣстнаго волостнаго старшину, когда уѣздный съѣздъ признаетъ это нужнымъ, и, слѣдовательно, подсудность дѣла объ оскорбленіи волостнаго суда въ этомъ случаѣ безспорно подлежитъ разбирательству въ общемъ порядкѣ судопроизводства и виновный въ нанесеніи ему оскорбленія преслѣдуется по Уложенію о наказаніяхъ. Съ другой стороны—ст. 6 того же приложенія, подчиняя волостныхъ судей и ихъ кандидатовъ, въ порядкѣ отвѣтственности, временнаго устраненія и удаленія отъ должности правиламъ, установленнымъ для волостныхъ старшинъ, этимъ постановленіемъ отмѣчаетъ въ должности волостнаго судьи, *приносящаго общесудейскую присягу* (ст. 5), особый характеръ судейскаго званія и приравниваетъ волостныхъ судей къ волостнымъ старшинамъ, выдѣляя, такимъ образомъ, волостныхъ судей изъ ряда второстепенныхъ должностныхъ лицъ волостнаго управленія. Если же всѣ эти соображенія устраняютъ подсудность, основанную на 31 ст. Уст. наказ., то, съ другой стороны, подсудность общему суду дѣлъ объ оскорбленіи волостнаго суда не можетъ быть обусловлена обязательнымъ примѣненіемъ лишь ст. 288 Улож. наказ., ибо статья эта предусматриваетъ *единоличное* оскорбленіе волостныхъ старшинъ и лицъ, занимающихъ соотвѣтственныя сему должности; оскорбленіе же волостнаго суда въ его *коллегіальномъ составѣ* присутствія, при отправленіи имъ правосудія, подходитъ подъ дѣйствіе ст. 282 Улож. наказ., предусматривающей оскорбленіе присутственныхъ мѣстъ (№ 24).

37. (15 апрѣля). Т. XV Свод. зак., Улож. наказ., ст. 282.

Оскорбленіе, нанесенное волостному суду въ его коллегіальномъ составѣ присутствія, при отправленіи имъ правосудія, подходитъ подъ дѣйствіе 282 ст. Улож. наказ., предусматривающей оскорбленіе присутственныхъ мѣстъ (№ 24).

38. (15 апрѣля). Т. XV Свод. зак., Уст. о нак., налаг. миров. судьями, ст. 31.

Волостные судьи, въ коллегіальномъ составѣ присутствія отправляющіе правосудіе, не могутъ быть относимы къ числу тѣхъ должностныхъ лицъ волостнаго управленія, оскорбленіе коихъ наказывается по 31 ст. Уст. наказ. (№ 24).

39. (7 октября). Т. XVI ч. 1 Свод. зак., Уст. угол. суд., ст. 277.

Ст. 277 Уст. угол. суд. не можетъ имѣть примѣненія къ дѣламъ, по которымъ обвиняемыми или подозрѣваемыми въ совершеніи преступленія, составляющаго предметъ слѣдствія, являются военнослужащіе (рѣш. Общ. Собр. Кассац. Д—товъ Прав. Сената 1889 г. № 5 по д. Куприянова). Въ этихъ случаяхъ представленіе судебнаго слѣдователя о прекращеніи слѣдствія не только по недостаточности уликъ къ обвиненію подозрѣваемаго лица, но даже и по причинамъ, указаннымъ въ самомъ законѣ, должно быть обращено къ той власти, отъ которой зависитъ преданіе обвиняемыхъ суду, т. е. къ военному начальству чрезъ военнаго прокурора, при чемъ основаніемъ для такого направленія дѣла служатъ правила ст. 517, 545, 552 и 553 Военно-судебнаго устава (№ 25).

40. (30 октября 1895 г.). Т. XVI ч. 1 Свод. зак. изд. 1892 г., Уст. угол. суд., ст. 548[1].

По вопросу о томъ: установленное статьею 592 Уст. угол. суд. право уголовнаго суда подвергать состоящаго на свободѣ подсудимаго, по неявкѣ его въ судъ безъ законныхъ на то причинъ, приводу въ судъ и платежу всѣхъ причиненныхъ отсрочкою засѣданія судебныхъ издержекъ ограничивается ли тѣмъ случаемъ, когда личная явка въ судъ того подсудимаго, при обвиненіи его въ преступномъ дѣяніи, влекущемъ за собою наказаніе, соединенное съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, считается для него обязательною, въ силу ст. 583 того же устава, или же распространяется и на тѣ случаи, когда, несмотря на обвиненіе подсудимаго въ преступленіи менѣе важномъ противъ указанныхъ въ 583 статьѣ, судъ, по собственному усмотрѣнію или предложенію прокурора, признаетъ необходимымъ имѣть въ виду объясненіе подсудимаго и, посему, потребуетъ личной явки его въ судебное засѣданіе, согласно 548[1] ст. Уст. угол. суд.

Закономъ 15 февраля 1888 г. признано цѣлесообразнымъ въ отношеніи дѣлъ маловажныхъ, подсудныхъ судебнымъ мѣстамъ,—каковыми дѣлами почитаются всѣ дѣла по преступленіямъ, влекущимъ за собою наказаніе, не соединенное съ лише-

ніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія,—установить такое же изъятіе изъ правила, содержащагося въ 583 и 592 ст. Уст. угол. суд., какое было установлено по Уставу уголовнаго судопроизводства 1864 г., дѣйствующее и нынѣ относительно маловажныхъ дѣлъ, подсудныхъ мировымъ судебнымъ установленіямъ. Установляя закономъ 15 февраля 1888 г. это новое начало, т. е. предоставляя въ этихъ случаяхъ полную свободу лицамъ, обвиняемымъ относительно личнаго присутствія ихъ на судѣ, законодатель оставилъ, при этомъ, во-1-хъ, и за судомъ право, въ случаѣ предложеній прокурора или признанія самимъ судомъ необходимымъ имѣть въ виду личныя объясненія подсудимаго, требовать личной его явки, и, во-2-хъ, и за подсудимыми ту свободу относительно отвѣтовъ и объясненій на судѣ, которая, въ цѣляхъ правосудія, предоставлена дѣйствующими и нынѣ законами, изображенными въ 406, 683—685 и 749 ст. Уст. угол. суд. Въ виду такого права, признаннаго закономъ за подсудимыми, не отвѣчать на предлагаемые вопросы и не давать никакихъ объясненій по предметамъ предъявленныхъ къ нимъ обвиненій, не представляется достаточныхъ основаній, по дѣламъ, по коимъ неявка подсудимыхъ не останавливаетъ теченія дѣла, принимать какія-либо принудительныя мѣры къ явкѣ подсудимыхъ въ судъ для личныхъ объясненій, отъ которыхъ имъ предоставлено право и отказаться. Такимъ образомъ и при соображеніи о томъ: а) что, на основаніи 1 ч. 592 ст. Уст. угол. суд., только по дѣламъ, при разсмотрѣніи коихъ личное присутствіе обвиняемаго обязательно, въ силу 583 ст., неявка состоящаго на свободѣ подсудимаго, безъ законныхъ на то причинъ, подвергаетъ его приводу въ судъ и платежу судебныхъ издержекъ, причиненныхъ отсрочкою засѣданія, б) что во 2 части той же 592 ст., въ отношеніи отсрочки засѣданія и принятія какихъ-либо понудительныхъ мѣръ къ побужденію подсудимыхъ, уклоняющихся отъ исполненія требованія суда, основаннаго на 548^{1} ст., ничего не упоминается, а только указывается на одно общее послѣдствіе неявки по такого рода дѣламъ—на постановленіе судомъ заочнаго приговора, по 834^{1} и 834^{2} ст. Уст. угол. суд., въ случаѣ неприбытія въ судъ и защитника подсудимаго, и в) что, лишь при неявкѣ обвиняемыхъ въ судъ ко дню слушанія дѣла по отзыву на заочный приговоръ, 834^{7} статьею положено денежное взысканіе,—Правительствующій Сенатъ призналъ, что установленное 1 ч. 592 ст. Уст. угол. суд. право суда не распространяется на случаи, предусмотрѣнные 548^{1} ст. Уст. угол. суд. (№ 26).

41. (30 октября 1895 г.). Т. V Свод. зак., Уст. о пошл. изд. 1893 г., ст. 24, 25, 29 и 30 Уст. герб. (ст. 15, 16, 20 и 21 Уст. герб. изд. 1886 г.).

Вопросъ о томъ: актъ передачи долговаго обязательства подлежитъ ли обложенію гербовымъ сборомъ по 15 и 16 ст. Уст. герб. изд. 1886 г. (ст. 24 и 25 Уст. о пошл. изд. 1893 г.), по разборамъ вексельной бумаги, или же по 20 и 21 ст. того же Устава (ст. 29 и 30 Уст. о пошл. изд. 1893 г.) по разборамъ актовой бумаги,

разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что упомянутый актъ подлежитъ обложенію по 29 и 30 ст. Уст. о пошл. изд. 1893 г., въ виду того, что подъ понятіе объ актахъ по долговымъ обязательствамъ не подходитъ актъ о передачѣ такого обязательства, какъ имѣющій своимъ предметомъ переходъ отъ одного лица принадлежащихъ ему правъ по долговому обязательству къ третьему лицу и потому не являющійся актомъ объ установленіи, или измѣненіи сими лицами какого-либо между ними обязательства. Такимъ образомъ, актъ о передачѣ обязательства нельзя отнести къ актамъ, означеннымъ въ 24 ст. Уст. о пошл. изд. 1893 г., какъ нельзя признать подобный актъ, если сумма его не менѣе 50 руб., принадлежащимъ и къ тѣмъ актамъ, кои означены въ статьяхъ устава, предшествующихъ главѣ „о пропорціональномъ гербовомъ сборѣ“ (ст. 24 и слѣд.), въ частности и къ тѣмъ, кои показаны въ 1 п. 22 ст. А засимъ такой актъ долженъ быть отнесенъ къ актамъ, означеннымъ въ 1 п. 29 ст. Уст. герб., а именно къ актамъ по всѣмъ, совершаемымъ на суммы менѣе 50 р. „имущественнымъ сдѣлкамъ, кромѣ исчисленныхъ въ предыдущихъ статьяхъ сего устава“ (№ 27).

42. (30 октября 1895 г.). Т. V Свод. зак., Уст. о пошл. изд. 1893 г., ст. 129 Уст. герб. (ст. 107 Уст. герб. изд. 1886 г.).

Вопросъ о томъ: если передаваемое долговое обязательство написано съ нарушеніемъ правилъ о гербовомъ сборѣ, то неоплата или неполная оплата гербовымъ сборомъ акта о передачѣ влечетъ ли за собою наложеніе какого-либо особаго штрафа, кромѣ того, которому, въ силу 107 ст. Уст. герб. изд. 1886 года (ст. 129 Уст. о пошл. изд. 1893 г.), подлежатъ приниматели такихъ долговыхъ обязательствъ и лица, къ которымъ они переходили по передаточнымъ надписямъ и другимъ сдѣлкамъ,

разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что неоплата, или неполная оплата гербовымъ сборомъ означеннаго акта влечетъ за собою еще наложеніе штрафа за неоплату гербовымъ сборомъ самаго акта о передачѣ, такъ какъ 129 ст. Уст. герб. (т. V Уст. о пошл. изд. 1893 г.) должна быть признана распространяющеюся вообще на всѣ домашніе акты, хотя буквальный текстъ ея указываетъ только на домашнія *обязательства*, къ числу которыхъ домашніе акты о передачѣ долговаго обязательства не принадлежатъ, каковой выводъ подтверждается, во-первыхъ, примѣчаніемъ 1 къ сей статьѣ, въ которомъ установляется штрафъ въ двойномъ размѣрѣ для актовъ и документовъ, указанныхъ, между прочимъ, въ п. 5 ст. 22 Уст. герб., и, во-вторыхъ, примѣчаніемъ 2 къ той же статьѣ и статьями 137 и 138 Уст. герб. (т. V Свод. зак., Уст. о пошл. изд. 1893 г.), по которымъ опредѣленное въ 129 ст. взысканіе налагается при наличности именно „домашнихъ актовъ“, или „домашнихъ актовъ и документовъ“. Равнымъ образомъ, выводъ этотъ не опровергается и тѣмъ обстоятельствомъ, что 129 ст., упоминая о передаточныхъ сдѣлкахъ, не различаетъ притомъ, удовлетворяютъ ли онѣ требованіямъ устава, или нѣтъ, такъ какъ отсюда нельзя еще заключить, чтобы законъ этотъ и въ томъ, и въ другомъ случаѣ подвергалъ подлежащихъ лицъ только штрафу за выдачу, передачу, или принятіе основнаго акта по долговому обязательству, ибо ст. 129 имѣетъ цѣлью опредѣлить послѣдствія нарушенія, относящагося къ *одному* данному акту, а не одновременнаго нарушенія правилъ гербоваго сбора также и по отношенію къ передаточному акту, въ виду чего неисправность таковаго въ отношеніи гербоваго сбора должна повлечь за собою опредѣленныя послѣдствія, совершенно независимо отъ того, что актъ сей имѣетъ предметомъ своимъ передачу другаго акта. Такимъ образомъ, нарушеніе правилъ гербоваго сбора передаточнымъ актомъ нельзя не подвести подъ статью 129, имѣющую въ этомъ случаѣ двукратное примѣненіе; разъ по отношенію къ основному, а другой разъ—по отношенію къ передаточному акту, каковой выводъ подтверждается и отсутствіемъ всякаго основанія, по которому законъ могъ бы признать цѣлесообразнымъ оставлять безъ всякихъ карательныхъ послѣдствій отдѣльный случай нарушенія правилъ гербоваго сбора (№ 27).

43. (30 октября 1895 г.). Т. V Свод. зак., Уст. о пошл. изд. 1893 г., ст. 51 Уст. герб.

Хотя надпись о передачѣ долговаго обязательства, учиненная на самомъ этомъ актѣ, освобождена отъ гербоваго сбора, но изъ сего отнюдь не слѣдуетъ, чтобы и особый актъ, замѣняющій указанную надпись, также былъ свободенъ отъ гербоваго сбора, при чемъ не можетъ заслуживать уваженія указаніе на то, что обложеніе гербовымъ сборомъ актовъ о передачѣ обязательства, совершенныхъ на отдѣльномъ отъ сего послѣдняго листѣ, было бы несправедливо въ тѣхъ случаяхъ, когда на самомъ обязательствѣ не было мѣста для учиненія надписи о передачѣ онаго. Указаніе это устраняется тѣмъ, что, по смыслу 51 ст. Уст. герб., къ акту объ обязательствѣ, для помѣщенія полной на немъ надписи, можетъ быть прикрѣпленъ листъ гербовой бумаги, оплачиваемый не пропорціональнымъ сборомъ, а простымъ въ 15 или въ 80 коп., въ зависимости отъ того, составляетъ ли сборъ, коему подлежитъ самый актъ, менѣе 80 коп. или нѣтъ (№ 27).

44. (11 марта). Т. V Свод. зак., Уст. о пошл. изд. 1893 г., ст. 10 Уст. герб.

Вопросъ о томъ: подлежатъ ли оплатѣ гербовою пошлиною надписи на накладныхъ о передачѣ права на взысканіе перебора,

разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, въ виду того, что статья 10 нынѣ дѣйствующаго Устава гербоваго, оставляя, по прежнему, безъ всякаго обложенія передаточныя надписи на актахъ по личнымъ долговымъ обязательствамъ, разумѣетъ подъ упоминаемыми въ ней контрактами прочіе акты по имущественнымъ и другимъ сдѣлкамъ, кромѣ личныхъ долговыхъ обязательствъ, облагаемые пропорціональнымъ гербовымъ сборомъ по разборамъ актовой бумаги. А какъ накладныя на товары и грузы при рѣчныхъ и сухопутныхъ перевозкахъ, хотя и могутъ быть причисляемы къ договорамъ двустороннимъ (ст. 55 Общ. уст. росс. желѣз. дор.), но подлежатъ гербовому сбору не пропорціональному по разборамъ актовой бумаги, а простому въ десять копѣекъ за каждый листъ (п. 1 ст. 21 Уст. герб.), то и къ обложенію передаточныхъ надписей на накладныхъ гербовымъ сборомъ не представляется никакихъ основаній, тѣмъ болѣе, что обложеніе передаточныхъ надписей на накладныхъ гербовымъ сборомъ въ 80 коп.—а другаго размѣра сбора для передаточныхъ надписей на какихъ бы то ни

было актахъ законами не установлено,—было бы явно несообразно съ размѣромъ гербоваго сбора въ 10 коп., взимаемаго съ самихъ накладныхъ при ихъ написаніи. Все вышесказанное относится въ равной мѣрѣ какъ къ надписямъ, дѣлаемымъ на накладныхъ *о перемѣнѣ грузополучателей*, такъ и къ надписямъ на накладныхъ о передачѣ права *собственно на взысканіе перебора* платы за перевозку груза и вообще на взысканіе всякаго рода суммъ, причитающихся съ возчика по поводу данной, произведенной имъ перевозки. Послѣдняго рода передаточныя надписи на накладныхъ тѣмъ менѣе могутъ быть подводимы подъ опредѣленія 10 ст. Уст. герб.. что въ ней, какъ это явствуетъ изъ сопоставленія ея содержанія съ пунктами 3-ми статей 22 и 29 уст., говорится о передачѣ контрактныхъ обязанностей, остающихся, въ моментъ передачи, *къ исполненію* въ силу договора, еще дѣйствующаго (№ 20).

ОБЗОРЪ ИНОСТРАННАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

I.—Норвежскій законъ (6 іюня 1896 года) объ испорченныхъ дѣтяхъ.

II.—Французскій законопроектъ о реформѣ нотаріата.—Новѣйшіе бельгійскіе законопроекты въ области торговаго и промышленнаго законодательствъ.

I.

Норвежскій законъ (6 іюня 1896 года) объ испорченныхъ дѣтяхъ.

Исправленіе несовершеннолѣтнихъ преступниковъ является однимъ изъ основныхъ положеній современной уголовной политики. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ видахъ предупрежденія преступленій обращается въ настоящее время вниманіе и на лицъ, могущихъ сдѣлаться въ будущемъ преступниками,—на безпризорныхъ и бездомныхъ дѣтей, растущихъ среди самой невыгодной внѣшней обстановки безъ надлежащаго воспитанія и обученія. Эти двѣ категоріи—несовершеннолѣтніе преступники и безпризорныя дѣти—привлекаютъ къ себѣ вниманіе современныхъ законодательствъ; имъ же посвященъ и норвежскій законъ 6 іюня 1896 года.

Въ основаніе закона легли два проекта—христіанійскаго профессора Гетца и спеціальной законодательной коммисіи по уголовно-правовымъ вопросамъ. Законъ содержитъ подробныя указанія о дѣтяхъ, которыхъ онъ касается, и о мѣрахъ, которыя могутъ быть къ нимъ примѣнены (глава I), объ опекунскомъ совѣтѣ—главномъ органѣ суда надъ малолѣтними и надзора за ними (глава II), о порядкѣ помѣщенія дѣтей въ указанныя закономъ учрежденія (глава III), объ исправительныхъ заведеніяхъ и принудительныхъ школахъ (глава IV), о прекращеніи принятыхъ мѣръ (глава V), объ отношеніи обвинительной власти къ наказуемымъ дѣяніямъ

малолѣтнихъ (глава VI), о несеніи расходовъ (глава VII) и заключительныхъ постановленіяхъ (глава VIII).

Особенности норвежскаго закона заключаются, съ одной стороны, въ особой организаціи мѣръ исправленія, съ другой – въ нѣкоторыхъ отступленіяхъ отъ принятаго порядка уголовнаго процесса.

I.

Законъ имѣетъ въ виду дѣтей, не достигшихъ еще 16-лѣтняго возраста, и различаетъ среди нихъ три группы: 1) дѣтей, совершившихъ преступное дѣяніе вслѣдствіе нравственной испорченности и заброшенности; 2) дѣтей безпризорныхъ или подвергающихся дурному обращенію, или нравственно погибшихъ, или подлежащихъ этой опасности вслѣдствіе порочности и небреженія родителей; 3) дѣтей, къ которымъ оказалось безсильнымъ примѣненіе дисциплинарныхъ домашнихъ или школьныхъ мѣръ вслѣдствіе ихъ дурнаго поведенія (§ 1).

Мѣры, указываемыя закономъ, для исправленія этихъ, по его словамъ, „испорченныхъ“ дѣтей разнообразны.

Наименѣе репрессивной мѣрой является выговоръ (Advarsel), который можетъ быть сдѣланъ опекунскимъ совѣтомъ какъ самому малолѣтнему, такъ и его родителямъ и лицамъ, заступающимъ ихъ мѣсто (§ 3). Съ выговоромъ можетъ соединяться предложеніе со стороны опекунскаго совѣта родителямъ или школьному начальству примѣнить въ данномъ случаѣ къ малолѣтнему дозволенную закономъ дисциплинарную мѣру (§ 4).

За выговоромъ слѣдуетъ помѣщеніе въ честную и надежную семью, въ пріютъ для дѣтей (Barnehjem) или другое подобное заведеніе, уставъ котораго будетъ утвержденъ королемъ, и въ исправительное заведеніе (Skolehjem). Назначаются эти мѣры по усмотрѣнію опекунскаго совѣта, если выговоръ въ данномъ случаѣ представляется недостаточнымъ (§ 1). Съ ихъ примѣненіемъ опредѣляется факультативное лишеніе родительской власти одного или обоихъ родителей и назначеніе опекуна, что̀ является обязательнымъ по отношенію къ сиротамъ (§ 3). Въ частности относительно примѣненія каждой изъ этихъ мѣръ нужно замѣтить слѣдующее.

Отдача въ надежную семью или пріютъ должна преимущественно имѣть мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ малолѣтній еще не испорченъ нравственно (§ 20). При этомъ, если онъ находится въ возрастѣ обязательнаго школьнаго образованія, то долженъ посѣщать школу; въ противномъ случаѣ онъ поступаетъ въ семью въ качествѣ прислуги, ученика въ какомъ-нибудь ремеслѣ и т. п. Вмѣсто отдачи въ семью малолѣтній, вышедшій изъ періода обязательнаго школьнаго возраста, можетъ, если на то согласенъ, быть опредѣленъ юнгой на судно (§ 23). Выборъ подходящей семьи для принятія малолѣтняго дѣлается, по порученію опекунскаго совѣта, однимъ изъ его членовъ или постороннимъ лицомъ, и во время пребыванія малолѣтняго въ семьѣ—до достиженія по общему правилу 18-лѣтняго возраста—онъ остается подъ надзоромъ опекунскаго совѣта (§ 23).

Относительно пріютовъ законъ ближайшихъ опредѣленій не содержитъ, равно какъ и о другихъ учрежденіяхъ подобнаго же рода.

Что же касается исправительныхъ заведеній, то различаются два вида ихъ: простой, куда направляются дѣти въ возрастѣ свыше 6 лѣтъ въ случаѣ, если пребываніе ихъ въ общихъ школахъ вредно отзывается на другихъ дѣтяхъ вслѣдствіе ихъ нравственной испорченности (§ 20), и особенный, куда помѣщаются малолѣтніе въ возрастѣ свыше 12 лѣтъ, если они совершатъ тяжкое преступленіе или если ихъ поведеніе показываетъ высокую степень ихъ нравственнаго паденія (§ 28). Оба вида отличаются другъ отъ друга продолжительностью срока пребыванія: въ первомъ малолѣтній можетъ оставаться до достиженія имъ 18 лѣтъ, во второмъ—21 года (§ 39). Кромѣ того во второй видъ исправительныхъ заведеній переводятся изъ перваго наиболѣе порочныя дѣти, именно: 1) достигшія 18 лѣтъ и не отпущенныя на свободу безусловно или на срокъ вслѣдствіе неувѣренности въ нихъ; 2) совершившія въ прежнемъ заведеніи преступленіе, побѣгъ, развращеніе другихъ дѣтей или особенно тяжелую форму неповиновенія и достигшія уже 12 лѣтъ; 3) достигшія 16 лѣтъ и отпущенныя уже на испытаніе, но возвращенныя назадъ вслѣдствіе дурнаго поведенія (§ 28). Наконецъ, сюда же переводятся несовершеннолѣтніе и изъ отданныхъ въ семьи по достиженіи ими 16 лѣтъ, если они совершили побѣгъ или дурно вели себя (§ 23). Переводъ изъ одного исправительнаго заведенія въ другое происходитъ по распоряженію начальника его вмѣстѣ съ наблюдательнымъ комитетомъ и правленіемъ, гдѣ таковые находятся. При этомъ воспитанникъ, достигшій 16 лѣтъ, можетъ обжаловать это распоряженіе въ министерство исповѣданій и народнаго образованія (departamenter for kirke og underwisningswesenu); то же право принадлежитъ родителямъ, если данное лицо не достигло еще 18 лѣтъ (§ 32).

Исправительныя заведенія (отдѣльныя для мальчиковъ и для

дѣвочекъ)—учрежденія государственныя; но возможно пользоваться для тѣхъ же цѣлей исправленія частными и коммунальными воспитательными учрежденіями, если они введутъ у себя обязательныя постановленія закона и уставы ихъ будутъ утверждены королемъ; позволеніе это однако можетъ быть во всякое время взято обратно (§ 27). Издержки по содержанію малолѣтняго въ исправительномъ заведеніи падаютъ на государственные расходы, но казна имѣетъ право требовать со стороны той общины, опекунскій совѣтъ которой опредѣлилъ помѣщеніе малолѣтняго, приплаты до 40 оръ въ день за каждаго воспитанника. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., если малолѣтній—бродяга, всѣ расходы приходятся исключительно на государственныя средства (§ 47).

Организація исправительныхъ заведеній слѣдующая. Во главѣ каждаго заведенія стоитъ начальникъ (Bestyrer) или начальница, назначенные или утвержденные королемъ и пользующіеся правомъ распоряженія по всѣмъ дѣламъ ввѣреннаго имъ учрежденія. Высшій надзоръ принадлежитъ министерству исповѣданій и народнаго образованія (§ 29). Внутренняго распорядка въ исправительныхъ заведеніяхъ, равно какъ дисциплинарныхъ мѣръ, законъ не касается, потому что объ этомъ будутъ изданы королемъ соотвѣтственныя распоряженія (§ 37). Въ законѣ указывается только, что обученіе дѣтей должно идти по программамъ народныхъ школъ съ предоставленіемъ возможности дать дальнѣйшее образованіе тѣмъ воспитанникамъ, которые выполнятъ обязательную школьную программу. Въ остальномъ же воспитанники должны заниматься соотвѣтственно своему возрасту и силамъ (§ 30). При каждомъ заведеніи должны состоять врачъ и духовное лицо (§ 31).

Начальнику заведенія предоставлено право досрочнаго освобожденія воспитанниковъ на опредѣленное или на неопредѣленное время съ помѣщеніемъ ихъ при этомъ въ благонадежную семью по общимъ правиламъ, выше уже указаннымъ. Примѣненіе досрочнаго освобожденія возможно только по отношенію къ тѣмъ воспитанникамъ, которые пробыли опредѣленное время въ заведеніи—два года въ особенномъ и годъ въ простомъ. Досрочно освобожденный остается подъ надзоромъ или самого начальника заведенія, или другихъ лицъ, которымъ это будетъ поручено, и въ случаѣ дурнаго поведенія или по другимъ основаніямъ можетъ быть возвращенъ назадъ въ заведеніе; заработанныя имъ при этомъ деньги расходуются въ его пользу (§ 33). Инициатива возвращенія воспитанника обратно въ заведеніе можетъ исходить какъ отъ начальника послѣдняго, такъ и отъ опекунскаго совѣта, если онъ видитъ дурное поведеніе отпущеннаго (§ 34). Наградой за хорошее поведеніе и прилежаніе является назначеніе извѣстной суммы денегъ за работу, и это распространяется какъ на воспитанниковъ, находящихся еще въ стѣнахъ заведенія, такъ и на досрочно освобожденныхъ (§ 35).

Окончательное освобожденіе наступаетъ, по общему правилу, по достиженіи воспитанникомъ указаннаго закономъ возраста; но по исключенію, если есть на то достаточное основаніе, оно можетъ послѣдовать и раньше (§ 39). Рѣшеніе объ этомъ постановляется начальникомъ заведенія вмѣстѣ съ наблюдательнымъ комитетомъ или правленіемъ, если есть таковые. Лица, достигшія 16 лѣтъ, а также и родители лицъ въ возрастѣ до 18 лѣтъ, могутъ просить окончательнаго освобожденія до достиженія установленнаго закономъ возраста и, если прошеніе ихъ будетъ отклонено, обжаловать рѣшеніе въ министерство (§ 40). Воспитаннику, покидающему заведеніе, оказывается содѣйствіе со стороны начальника въ пріисканіи подходящаго мѣста, которое обезпечило бы его по возможности отъ вредныхъ вліяній. Если у воспитанника нѣтъ совершенно средствъ, то ему дается при освобожденіи платье и, въ случаѣ надобности, извѣстная сумма денегъ на дорогу (§ 36).

Наиболѣе репрессивной мѣрой по отношенію къ малолѣтнимъ по закону 6 іюня 1896 года является отдача въ принудительныя школы (Tvangsskole). Сюда помѣщаются дѣти въ возрастѣ не свыше 15 лѣтъ, если они совершили преступное дѣяніе (§ 4), или же дѣти, манкирующія посѣщеніемъ школы или особенно плохо себя ведущія, примѣненіе къ которымъ другихъ средствъ къ поддержанію порядка и дисциплины оказались безъ послѣдствій (§ 5). Въ первомъ случаѣ инициатива помѣщенія въ подобную школу исходитъ отъ опекунскаго совѣта, во второмъ—отъ начальства народной школы. Срокъ пребыванія здѣсь не долженъ превышать 6 мѣсяцевъ, при чемъ дѣти остаются въ школѣ какъ во время учебнаго времени, такъ и внѣ его. Принудительныя школы открываются или въ каждой общинѣ отдѣльно, или же въ нѣсколькихъ совмѣстно, и статуты ихъ утверждаются королемъ (§ 38). Издержки на содержаніе этихъ школъ падаютъ на тѣ общины, опекунскій совѣтъ которыхъ или школьное начальство распорядилось помѣщеніемъ въ нихъ малолѣтнихъ. Такимъ образомъ принудительныя школы—учрежденія коммунальныя, а не государственныя, въ противоположность исправительнымъ заведеніямъ; но государство оказы-

ваетъ имъ поддержку, платя за каждаго малолѣтняго 30 оръ въ день (§ 46). Что же касается обученія и школьныхъ занятій, то здѣсь примѣняются правила, указанныя относительно исправительныхъ заведеній.

II.

Процессуальныя особенности по закону 6 іюня 1896 года заключаются въ учрежденіи особаго опекунскаго совѣта (Vaergeraadet), которому предоставлено веденіе всего дѣла исправленія малолѣтнихъ, и въ отношеніяхъ обвинительной власти къ преступнымъ дѣяніямъ малолѣтнихъ.

Опекунскій совѣтъ учреждается въ каждой общинѣ и состоитъ изъ двухъ постоянныхъ членовъ: мироваго судьи и мѣстнаго духовнаго лица и пяти выборныхъ, избираемыхъ на 2 года собраніемъ общины по предложенію ея представителей (Formandskab); въ числѣ этихъ членовъ должны находиться врачъ, служащій въ предѣлахъ общины или постоянно въ ней живущій, и одна или двѣ женщины. Выборные члены могутъ, за исключеніемъ врача, отказаться отъ выбора на слѣдующее двухлѣтіе. Совѣтъ избираетъ изъ своей среды предсѣдателя и его замѣстителя, но въ городахъ, гдѣ это будетъ признано нужнымъ, король можетъ назначить постояннаго предсѣдателя изъ числа лицъ, способныхъ къ занятію судейской должности (§ 6). Если въ данномъ раіонѣ общины находится нѣсколько судей или нѣсколько духовныхъ лицъ, то выборъ между ними дѣлается министерствомъ или епископомъ по принадлежности (§ 7). Если судья, духовное лицо или служащій врачъ не могутъ лично засѣдать въ совѣтѣ, то ихъ мѣсто занимаютъ обычные ихъ замѣстители по службѣ; для замѣны же остальныхъ членовъ совѣта собраніе общины избираетъ на два года ихъ замѣстителей (§ 8).

Засѣданія опекунскаго совѣта производятся по общему правилу въ обыкновенные присутственные дни, назначенные для слушанія дѣлъ или для другихъ распоряженій судьи по его должности; но въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, могутъ быть допущены исключенія изъ общаго правила (§ 10). Quorum совѣта—четыре члена, при чемъ въ числѣ ихъ необходимо долженъ присутствовать предсѣдатель или его замѣститель и судья. При равенствѣ голосовъ преимущество имѣетъ голосъ предсѣдателя, но рѣшеніе объ отдачѣ малолѣтняго въ семью или въ одно изъ указанныхъ въ законѣ заведеній считается дѣйствительнымъ только тогда,

когда за это высказалось большинство членовъ (12). Засѣданія совѣта не публичны; о каждомъ засѣданіи должны составляться протоколы; опредѣляя рѣшеніе, совѣтъ долженъ его мотивировать. Если будетъ признано нужнымъ, совѣтъ можетъ предоставить возможность родителямъ или лицамъ, заступающимъ ихъ мѣсто, высказаться по дѣлу словесно или письменно. Вообще же вопросъ о личности ребенка, его положеніи въ семьѣ и домашнихъ отношеніяхъ долженъ быть точно изслѣдованъ (§ 13).

Опекунскій совѣтъ пользуется всѣми правами, предоставленными судамъ при разбирательствѣ дѣла. Онъ имѣетъ право вызывать свидѣтелей, допрашивать ихъ, приводить къ присягѣ, предпринять другія мѣры и употреблять для этого нужныя принудительныя и уголовныя средства. Родители и замѣняющіе ихъ мѣсто могутъ лично присутствовать на засѣданіяхъ (исключая совѣщанія и голосованія). Кромѣ того по особеннымъ основаніямъ опекунскій совѣтъ можетъ позволить родителямъ и ихъ замѣстителямъ пригласить и другое лицо въ помощь для защиты интересовъ малолѣтняго. Однако, если будетъ признано нужнымъ, всѣ эти лица могутъ быть удалены по общимъ правиламъ изъ залы засѣданія (§ 14).

Рѣшеніе совѣта должно быть немедленно сообщено родителямъ ребенка или ихъ замѣстителямъ, и, если отецъ или мать будутъ несогласны съ отнятіемъ у нихъ ребенка, то могутъ обжаловать рѣшеніе въ министерство (§ 15). Исполненіе рѣшенія можетъ производиться въ случаѣ надобности черезъ посредство чиновниковъ полицейскихъ или—по призрѣнію бѣдныхъ (§ 16). Если представляется опасность въ замедленіи исполненія рѣшенія совѣта или есть другія основанія, то малолѣтній можетъ быть предварительно помѣщенъ въ семейство, въ принудительную школу или въ другое подходящее мѣсто (§ 17).

Что же касается отношенія обвинительной власти къ наказуемымъ дѣяніямъ малолѣтнихъ, то въ законѣ имѣются слѣдующія постановленія.

Если малолѣтній, не достигшій 14-лѣтняго возраста, совершитъ преступное дѣяніе, то обвинительная власть, буде не считаетъ нужнымъ помѣщеніе его въ исправительное заведеніе, можетъ указать лицамъ, имѣющимъ надъ нимъ власть дома или въ школѣ, на необходимость примѣненія въ данномъ случаѣ дозволенной закономъ дисциплинарной мѣры, о чемъ доводится до свѣдѣнія опекунскаго совѣта. Если же вслѣдствіе непринятія родителями дисциплинарной мѣры или по другимъ основаніямъ обвинительная

власть найдетъ цѣлесообразнымъ отдачу малолѣтняго въ семью или въ одно изъ указанныхъ въ законѣ заведеній, то дѣлаетъ объ этомъ предложеніе опекунскому совѣту мѣста жительства или пребыванія малолѣтняго (§ 42).

Относительно же дѣтей въ возрастѣ отъ 14 до 16 лѣтъ обвинительная власть можетъ отказаться отъ уголовнаго преслѣдованія, если на основаніи обстоятельствъ дѣла найдетъ, что достаточно будетъ въ данномъ случаѣ примѣнить дисциплинарную мѣру или предоставить малолѣтняго въ распоряженіе опекунскаго совѣта (§ 43). Наконецъ, обвинительная власть можетъ отказаться отъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія относительно дѣтей старше 14 лѣтъ, какъ помѣщенныхъ въ исправительныя заведенія, такъ и досрочно освобожденныхъ, основываясь на возрастѣ преступника и свойствѣ дѣянія, и требовать помѣщенія ихъ въ исправительное заведеніе съ принятіемъ тамъ особенныхъ дисциплинарныхъ мѣръ (§ 44).—Отказъ обвинительной власти имѣетъ еще то значеніе, что частныя обвиненія потерпѣвшихъ не могутъ ужъ быть принимаемы во вниманіе (§ 45).

Таковы важнѣйшія постановленія новаго норвежскаго закона.

Главное достоинство его заключается не столько въ томъ, что несовершеннолѣтніе до 16 лѣтъ изъяты вовсе отъ тюремнаго заключенія, вмѣсто котораго отдаются въ исправительныя заведенія,—сколько въ томъ, что они избавлены отъ торжественной обстановки обыкновенной процедуры судебнаго разбирательства дѣлъ, что̀ нерѣдко вліяетъ весьма дурно на несложившійся характеръ несовершеннолѣтняго преступника. Нельзя поэтому не привѣтствовать новаго шага норвежскаго закона, установившаго непубличность засѣданій опекунскаго совѣта. Нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не обратить вниманія на особенный составъ опекунскаго совѣта: въ немъ представителемъ интересовъ юридическихъ является судья, религіозныхъ—пасторъ, медицинскихъ—врачъ, общественныхъ—прочіе выборные отъ общины; въ составъ совѣта входятъ и женщины—и въ этомъ нельзя не видѣть вполнѣ разумной мѣры: женщины, какъ матери, ближе знакомы съ личностью ребенка и голосъ ихъ въ совѣтѣ можетъ играть не послѣднюю роль при обсужденіи выбора мѣръ для исправленія ребенка. Наконецъ, свобода, предоставленная совѣту въ выборѣ средствъ исправленія, и возможность отказа отъ возбужденія преслѣдованія со стороны обвинительной власти принадлежитъ къ числу немалыхъ достоинствъ новаго закона.

А. Жижиленко.

II.

Французскій законопроектъ о реформѣ нотаріата.

(*Projet de loi portant modification à la loi du 25 ventôse, an XI, sur la suppression des offices et le mode de recrutement des candidats notaires*).

Въ Gazette des Tribunaux отъ 15 ноября 1896 года напечатанъ выше озаглавленный проектъ съ мотивами, только-что внесенный тогда на разсмотрѣніе сената министромъ юстиціи, хранителемъ печати M. Darlan. Такъ какъ онъ направленъ къ улучшенію во Франціи нотаріальной части, которая требуетъ реформъ и у насъ, то мы познакомимъ нашихъ читателей съ этимъ проектомъ и тѣми мотивами, на которыхъ онъ основанъ. Но чтобы уяснить себѣ значеніе предлагаемыхъ проектомъ правилъ, необходимо, хотя въ общихъ чертахъ, сказать нѣсколько словъ о нынѣ дѣйствующихъ узаконеніяхъ о нотаріальной части во Франціи.

Основной законъ, касающійся организаціи нотаріальнаго дѣла, изданъ еще 16 марта 1803 г. или, что̀ то же, 25 вентоза XI-го года. Онъ озаглавленъ: „Loi du 25 ventôse, an XI, contenant organisation du notariat“ [1]) и подѣленъ на три главы, изъ нихъ 1-я трактуетъ о правахъ и обязанностяхъ нотаріусовъ и порядкѣ совершенія ими актовъ (1—30 ст.), 2-я объ управленіи и завѣдываніи нотаріальною частью (31—61 ст.) и, наконецъ, 3-я глава посвящена нотаріусамъ, дѣйствовавшимъ до введенія этого закона (62—69 ст.).

Второй по времени законъ, установившій условія и порядокъ передачи нотаріальныхъ конторъ, изданъ 25 іюня 1841 года подъ заглавіемъ „Loi de finances du 25 juin 1841“ (14 ст.).

Третье узаконеніе издано 4 января 1843 г. подъ заглавіемъ: „Ordonnance du 4 janvier 1843, relative à l'organisation des chambres des notaires et à la discipline du notariat“ (39 ст.).

Наконецъ, послѣдній законъ, дополнившій и пояснившій 9 ст. закона 25 вентоза XI года, озаглавленъ: „Loi du 21 juin 1843, sur la forme des actes notariés“ (4 статьи).

По закону 25 вентоза, XI года, нотаріусы назначаются по-

[1]) Louis Tripier—Les Codes français collationnés sur les éditions officielles.—1852.

жизненно (2 ст.) и должны, подъ страхомъ быть отрѣшенными отъ должности, постоянно пребывать въ мѣстности, которая имъ назначена правительствомъ (4 ст.). Раіонъ ихъ дѣятельности опредѣляется такимъ образомъ: а) нотаріусы, контора которыхъ находится въ городѣ, гдѣ пребываетъ апелляціонное коллегіальное судебное мѣсто (le tribunal d'appel), имѣютъ право совершать нотаріальные акты и исполнять входящія въ кругъ ихъ обязанностей порученія на всемъ пространствѣ этого судебнаго округа; б) нотаріусы тѣхъ городовъ, гдѣ имѣется коллегіальный судъ 1-й инстанціи (un tribunal de premiére instance),—въ предѣлахъ округа этого суда, и в) нотаріусы остальныхъ мѣстностей (т. е. гдѣ не имѣется ни суда 2-й, ни суда 1-ой инстанціи) могутъ отправлять свои обязанности въ предѣлахъ участка мироваго судьи (5 ст.). Весьма цѣлесообразно, затѣмъ, правило (6 ст.), въ силу котораго совершеніе нотаріусомъ какихъ-либо нотаріальныхъ дѣйствій, внѣ предѣловъ своего раіона, влечетъ за собою лишь карательныя для него послѣдствія, но отнюдь не ничтожность этихъ дѣйствій съ точки зрѣнія закона, какъ это установлено у насъ 21 ст. Полож. о нотар. части. Заслуживаетъ подражанія и рядъ правилъ, изложенныхъ въ 12, 13, 16, 17, 19, 20 и 23 ст., въ силу которыхъ нотаріусы за отступленіе отъ предписанныхъ закономъ правилъ, при совершеніи нотаріальныхъ актовъ, подвергаются ex officio денежной карѣ отъ 50 до 200 франковъ, сверхъ обязанности вознаградить за вредъ и убытки, могущіе произойти отъ неправильныхъ ихъ дѣйствій. Обращаетъ на себя наше вниманіе и организація контролирующей дѣятельность нотаріусовъ власти. Согласно ордоннансу отъ 4 января 1843 года, при коллегіальномъ судѣ 1-й степени, въ томъ городѣ, гдѣ онъ находится, образуется нотаріальная камера или палата (une chambre des notaires) для поддержанія дисциплины между нотаріусами округа (1 ст.). Объемъ правъ этой камеры и характеръ ея дѣятельности напоминаютъ собою нашъ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ (2 ст.), съ тою лишь разницею, что раіонъ дѣятельности chambre des notaires распространяется на округъ суда 1-й инстанціи, а нашего совѣта присяжныхъ повѣренныхъ—на округъ судебной палаты, при которой онъ состоитъ (2 ст.). Нотаріусы каждаго округа избираютъ изъ своей среды членовъ своей камеры. Нотаріальная камера Парижа состоитъ изъ 19 членовъ; камеры, учрежденныя въ округахъ, гдѣ число всѣхъ нотаріусовъ свыше 50, состоятъ изъ 9 членовъ, камеры же отдѣльныхъ округовъ изъ 7 человѣкъ (4 ст.).

Подъ страхомъ уголовной отвѣтственности нотаріусу, между прочимъ, возбраняется какъ лично, такъ и при посредствѣ другихъ лицъ: 1) заниматься биржевыми спекуляціями, коммерческими, банковыми, учетными и куртажными операціями; 2) принимать участіе въ администраціи какого бы то ни было общества, коммерческаго или промышленнаго товарищества; 3) заниматься пріобрѣтеніемъ недвижимыхъ имуществъ, съ цѣлью ихъ перепродажи, и вообще спекулировать какими бы то ни было имущественными сдѣлками, и 4) выступать въ качествѣ поручителя по долговымъ обязательствамъ, совершаемымъ въ его конторѣ (12 ст.). Подобныя постановленія слѣдовало бы ввести и въ наше нотаріальное положеніе.

Всѣ изложенныя нами правила остаются въ силѣ и по разсматриваемому нами проекту, который предлагаетъ отмѣнить лишь постановленія 25 вентоза, XI года, касающіяся способа избранія кандидатовъ въ нотаріусы и закрытія нотаріальныхъ конторъ. Сущность этихъ правилъ такова. Число нотаріусовъ въ каждомъ департаментѣ опредѣляется такимъ образомъ: 1) чтобы въ городахъ съ населеніемъ свыше ста тысячъ одинъ нотаріусъ приходился на 6 тысячъ жителей и 2) чтобы въ остальныхъ городахъ и поселеніяхъ было отъ 2 до 5 нотаріусовъ въ предѣлахъ каждаго участка мироваго судьи (31 ст.).

Закрытіе или уменьшеніе числа нотаріальныхъ конторъ допускается лишь вслѣдствіе смерти нотаріуса, его устраненія или отрѣшенія отъ должности (32 ст.).

Для занятія должности нотаріуса требуется, чтобы кандидатъ: 1) пользовался всѣми правами гражданства; 2) удовлетворялъ законамъ объ отбываніи воинской повинности; 3) имѣлъ не менѣе 25 лѣтъ, и 4) чтобы опредѣленное число лѣтъ подготовлялся къ этой должности (35 ст.).

Подготовительныя къ должности нотаріуса занятія, за исключеніемъ особо указанныхъ случаевъ, должны имѣть мѣсто въ теченіе шести лѣтъ непрерывно, при чемъ по крайней мѣрѣ одинъ послѣдній или предпослѣдній годъ необходимо отправлять обязанности перваго клерка у нотаріуса того же класса, какъ и вакантное мѣсто, которое кандидатъ домогается получить (36 ст.) [1]).

[1]) Въ высшемъ классѣ считается нотаріусъ, контора котораго находится въ городѣ, гдѣ имѣетъ пребываніе апелляціонная коллегіальная инстанція, за нимъ идетъ нотаріусъ того города, гдѣ пребываетъ судъ 1-й инстанціи, и, наконецъ, послѣдній классъ занимаютъ нотаріусы тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ вышеупомянутыхъ коллегіальныхъ судовъ.

Время подготовительныхъ занятій можетъ быть сокращено до 4-хъ лѣтъ, когда три года кандидатъ занимался въ конторѣ нотаріуса высшаго класса, чѣмъ то мѣсто, которое онъ желаетъ замѣстить, и когда въ теченіе четвертаго года онъ состоялъ въ качествѣ перваго клерка у нотаріуса высшаго класса или равнаго съ тѣмъ, на мѣсто котораго онъ претендуетъ (37 ст.).

Состоящій въ должности нотаріуса и исправлявшій свои обязанности въ теченіе года въ низшемъ классѣ освобождается отъ всякаго стажа и можетъ получить мѣсто нотаріуса непосредственно высшаго класса сравнительно съ тѣмъ, которое онъ занимаетъ (38 ст.).

Кандидатъ, пробывшій не менѣе 2 лѣтъ защитникомъ или стряпчимъ (avoué) при гражданскомъ судѣ, если онъ занимался безъ перерыва четыре года у нотаріуса перваго или втораго класса и въ продолженіе одного изъ двухъ послѣднихъ лѣтъ состоялъ въ должности перваго клерка, можетъ получить мѣсто нотаріуса такого же класса, въ какомъ состоялъ тотъ, при которомъ онъ отбылъ свой стажъ (39 ст.).

Время подготовительныхъ занятій должно быть на $^1/_3$ болѣе, если только кандидатъ, работавшій у нотаріуса низшаго класса, домогается должности нотаріуса непосредственно высшаго класса (40 ст.).

Лица, исполняющія обязанности судебныя или административныя, могутъ быть допущены къ занятію должности нотаріуса безъ подготовительныхъ занятій (42 ст.).

Кандидатъ долженъ получить удостовѣреніе о своихъ нравственныхъ качествахъ и способностяхъ изъ нотаріальной камеры того округа, въ которомъ онъ домогается получить мѣсто нотаріуса. Послѣ того какъ выпись изъ опредѣленія нотаріальной камеры о выдачѣ удостовѣренія будетъ сообщена прокурору суда, при которомъ состоитъ камера (commissaire du gouvernement du tribunal de premiére instance) [1]), подлинное удостовѣреніе вручается кандидату (42 ст.).

Въ случаѣ отказа въ выдачѣ удостовѣренія нотаріальная камера выдаетъ кандидату мотивированное по этому предмету свое постановленіе и сообщаетъ таковое прокурору, который съ своими замѣчаніями представляетъ его министру юстиціи (44 ст.).

---

[1]) 18 мая 1804 года онъ переименованъ въ procureur impérial—см. Senatus-Consulte de 28 floréal, an XII.

Составители проекта находятъ нынѣ дѣйствующія правила объ избраніи кандидатовъ въ нотаріусы неудовлетворительными, такъ какъ они не представляютъ достаточной гарантіи ни относительно нравственныхъ качествъ кандидата, ни относительно его пригодности къ нотаріальной дѣятельности.

Въ настоящее время не установленъ достаточно строгій контроль относительно нравственныхъ качествъ кандидата. Было бы желательно поэтому, прежде чѣмъ кандидатъ приступитъ къ подготовительнымъ занятіямъ и запишется для сего у какого-либо изъ нотаріусовъ, добыть надлежащія свѣдѣнія какъ о нравственныхъ качествахъ кандидата, такъ и о безупречности въ этомъ отношеніи его семьи. Эти свѣдѣнія могли бы быть получены отъ нотаріальной камеры того округа, въ предѣлахъ котораго кандидатъ имѣетъ свое постоянное жительство. Затѣмъ, такія же свѣдѣнія должны быть собраны вновь отъ нотаріальныхъ камеръ всѣхъ тѣхъ округовъ, въ предѣлахъ которыхъ кандидатъ провелъ свой стажъ, при окончаніи этого послѣдняго. Подобныя свѣдѣнія слѣдуетъ выдавать не иначе, какъ послѣ тщательнаго разслѣдованія, произведеннаго предсѣдательствующимъ каждой нотаріальной камеры.

Образовательный цензъ нотаріусовъ точно также долженъ быть повышенъ. Экономическое положеніе Франціи въ періодъ съ 1803 года (когда былъ изданъ первоначальный законъ о нотаріусахъ) по настоящее время потерпѣло глубокія измѣненія. Народное богатство увеличилось въ значительныхъ размѣрахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ усложнились и юридическія сдѣлки. Такимъ образомъ, нотаріусы, имѣющіе своею задачею предоставить большую прочность юридическимъ сдѣлкамъ частныхъ лицъ, очевидно не могутъ исполнить своихъ обязанностей, ограничиваясь тою суммою познаній, которая требовалась отъ нихъ почти столѣтіе тому назадъ. Чтобы подготовить кандидатовъ въ нотаріусы, стоящихъ на высотѣ своихъ обязанностей, необходимо поднять уровень ихъ образованія. Конечно, лучшее средство заключалось бы въ учрежденіи спеціальной кафедры при юридическихъ факультетахъ университета, для научной подготовки къ нотаріальной дѣятельности. Прослушавшіе курсъ и получившіе дипломъ въ изученіи нотаріальнаго дѣла представляли бы самыя серьезныя гарантіи ихъ пригодности къ исполненію обязанностей нотаріуса.

Предлагать такую мѣру составители проекта считаютъ въ настоящее время затруднительнымъ, такъ какъ имѣется слишкомъ много нотаріальныхъ конторъ съ столь незначительнымъ ежегод-

нымъ доходомъ, что едва-ли лица съ высшимъ образованіемъ пожелали бы принять на себя завѣдываніе ими. Болѣе практичнымъ признается остановиться на улучшеніи нынѣ существующихъ правилъ относительно стажа и профессіональнаго экзамена.

Прежде всего не находитъ себѣ никакого оправданія правило 42 ст. XI года, въ силу котораго освобождаются отъ отбыванія стажа всѣ лица, исполнявшія судебныя или административныя обязанности. Такое избавленіе отъ стажа должно быть допущено только въ пользу адвоката, стряпчаго (avoué), занимающихся практикою, чиновъ магистратуры и сборщиковъ податей (receveurs de l'enregistrement), при чемъ и отъ этихъ лицъ было бы цѣлесообразно требовать предварительныхъ занятій въ конторѣ нотаріуса въ теченіе года.

Стажъ долженъ продолжаться во всѣхъ случаяхъ не менѣе шести лѣтъ, изъ которыхъ два въ качествѣ перваго клерка; только для доктора и кандидата правъ, не бывшихъ адвокатами, стажъ низводится до четырехъ лѣтъ, изъ которыхъ одинъ въ качествѣ перваго клерка.

Чтобы достигнуть успѣшности контроля надъ приготовительными занятіями кандидата, необходимо установить обязательные періодическіе, профессіональные экзамены.

Наконецъ, въ высшей степени желательно закрытіе по распоряженію правительства, даже помимо воли нотаріусовъ, всѣхъ тѣхъ нотаріальныхъ конторъ, валовой доходъ которыхъ ниже 5000 франковъ.

По статистическимъ свѣдѣніямъ къ 31 декабря 1894 г. всѣхъ нотаріальныхъ конторъ во Франціи было 8910, изъ нихъ 405 перваго класса, 1390 втораго класса и 7115 третьяго класса. Въ виду легкости и удобства путей сообщенія въ странѣ, это количество нотаріусовъ совершенно не пропорціонально съ дѣйствительными потребностями населенія. Уменьшеніе дѣлъ, особенно въ нотаріальныхъ конторахъ третьяго класса, имѣло своимъ естественнымъ послѣдствіемъ недостаточность средствъ существованія для нѣкоторыхъ изъ нотаріусовъ этого класса.

Установлено, что въ 219 конторахъ валовой доходъ каждой изъ нихъ не достигаетъ 1000 франковъ въ годъ и 2092 конторы имѣютъ валовой доходъ отъ 1000 до 5000 франковъ.

Такое положеніе дѣлъ въ означенныхъ нотаріальныхъ конторахъ не можетъ не отражаться крайне вредно на тѣхъ нотаріусахъ, которые завѣдываютъ подобными малодоходными конторами. Оно

заставляетъ ихъ не только пускаться въ спекуляціи (чтобы достать себѣ средства, необходимыя для существованія), но и допускать злоупотребленія при отправленіи своихъ нотаріальныхъ обязанностей.

Итальянскій законъ позволяетъ нотаріусамъ тѣхъ мѣстностей, населеніе которыхъ ниже 5000 жителей, занимать одновременно извѣстныя платныя административныя должности, но составители проекта такое совмѣщеніе должностей находятъ неудобнымъ. Съ ихъ точки зрѣнія, предпочтительнѣе стремиться къ уменьшенію во Франціи числа нотаріальныхъ конторъ. Съ 1876 года правительство идетъ уже по этому пути и до сего времени успѣло закрыть болѣе 300 мелкихъ нотаріальныхъ конторъ. Но чтобы достигнуть желательныхъ результатовъ, нужно измѣнить дѣйствующій законъ и допустить закрытіе, ex officio, всѣхъ мелкихъ конторъ, доходы которыхъ не достигаютъ извѣстныхъ размѣровъ; конечно такое закрытіе будетъ какъ-бы экспропріаціею частной собственности, но она должна быть обставлена такимъ образомъ, чтобы нотаріусъ, контора котораго закрывается, получалъ соотвѣтственное вознагражденіе.

Въ силу всѣхъ этихъ соображеній, 31, 32, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 42, 43 и 44 статьи закона 25 вентоза, XI года, замѣнены слѣдующими правилами:

31 ст. Полагается по крайней мѣрѣ одинъ нотаріусъ въ предѣлахъ мироваго участка.

32 ст. Нотаріальная контора можетъ быть закрыта вслѣдствіе: а) смерти нотаріуса, б) его увольненія или устраненія отъ должности и в) по взаимному согласію заинтересованныхъ сторонъ и по извѣщеніи о томъ дисциплинарнаго отдѣленія нотаріальной камеры и суда.

Но закрытіе можетъ быть потребовано во всякое время, если доходъ нотаріальной конторы не достигаетъ 5000 франковъ, за вычетомъ издержекъ по содержанію конторы. Въ этихъ случаяхъ контора закрывается или по просьбѣ завѣдывающаго ею нотаріуса, или его наслѣдниковъ, или по требованію прокурора республики, если только при этомъ въ пользу закрытія выскажутся судъ и дисциплинарное отдѣленіе камеры.

Вознагражденіе производится по соглашенію заинтересованныхъ лицъ подъ контролемъ правительства, или устанавливается въ самомъ постановленіи о закрытіи конторы, согласно съ заключеніемъ суда и нотаріальной камеры.

Уплата его возлагается на тѣхъ нотаріусовъ, несмотря на мѣсто нахожденія ихъ конторъ, для которыхъ закрытіе конторы будетъ выгодно.

35 ст. Чтобы быть допущеннымъ къ исполненію обязанностей нотаріуса, необходимо, чтобы кандидатъ: во-1-хъ, пользовался всѣми правами гражданства; во-2-хъ, удовлетворялъ законамъ объ отбываніи воинской повинности; въ-3-хъ, имѣлъ не менѣе 25 лѣтъ; въ 4-хъ, провелъ въ подготовительныхъ занятіяхъ время, опредѣляемое послѣдующими статьями, и, въ-5-хъ, выдержалъ съ успѣхомъ профессіональный экзаменъ, установленный 43 ст.

36 ст. Время подготовительныхъ занятій или стажа опредѣляется, за исключеніемъ нижеуказаннаго случая, въ шесть лѣтъ безъ перерыва, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ два послѣдніе въ качествѣ перваго клерка.

Время подготовительныхъ занятій можетъ быть сокращено до 4-хъ лѣтъ, въ силу особаго изъятія, если кандидатъ имѣетъ званіе доктора или кандидата правъ, или удостовѣреніе, что онъ воспитывался въ признанномъ государствомъ нотаріальномъ училищѣ и окончилъ съ успѣхомъ въ немъ курсъ.

37 ст. Члены гражданскихъ судовъ, состоящіе при нихъ стряпчіе и адвокаты, сборщики податей и другіе высшіе агенты администраціи могутъ быть допущены къ занятію должности нотаріуса, въ силу особаго о томъ изъятія, если только они въ теченіе года занимались въ конторѣ нотаріуса.

38 ст. Исполняющій уже обязанности нотаріуса можетъ быть допущенъ къ занятію вакантнаго мѣста нотаріуса даже высшаго класса, чѣмъ тотъ, въ которомъ онъ состоитъ.

39 ст. Никто не можетъ быть допущенъ къ подготовительнымъ занятіямъ или стажу, если онъ не достигъ 17 лѣтъ и не представилъ удостовѣренія о своихъ нравственныхъ качествахъ. Это удостовѣреніе должно быть получено изъ дисциплинарнаго отдѣленія нотаріальной камеры, въ округѣ которой его семейство имѣетъ свое мѣсто пребыванія.

Удостовѣреніе выдается отдѣленіемъ камеры на основаніи произведеннаго предсѣдательствующимъ въ камерѣ изслѣдованія, относительно нравственности кандидата и безупречности въ этомъ отношеніи его семьи.

40 ст. Кандидатъ въ нотаріусы не можетъ быть допущенъ къ отправленію болѣе сложныхъ и отвѣтственныхъ занятій въ конторѣ

нотаріуса (напр., къ занятію втораго клерка) [1]), не представивши удостовѣренія нотаріуса, у котораго онъ занимался. Это удостовѣреніе должно заключать точныя и подробныя свѣдѣнія относительно познаній, способностей и нравственныхъ качествъ кандидата.

Если переходъ къ болѣе сложнымъ занятіямъ (въ подлинникѣ: если видоизмѣненіе степени—si la mutation de grade) имѣетъ мѣсто не въ томъ округѣ, гдѣ кандидатъ былъ записанъ, то онъ долженъ сверхъ упомянутаго удостовѣренія представить еще удостовѣреніе о своихъ способностяхъ и нравственныхъ качествахъ отъ дисциплинарнаго отдѣленія камеры, въ округѣ которой онъ занимался.

42 ст. Никакой кандидатъ въ нотаріусы не можетъ быть допущенъ къ записи въ качествѣ перваго клерка, прежде чѣмъ онъ не выдержитъ съ успѣхомъ въ нотаріальной камерѣ того округа, гдѣ онъ занимался, экзаменъ и не будетъ объявленъ годнымъ къ исполненію этихъ обязанностей.

Экзаменъ состоитъ въ письменномъ и устномъ испытаніи. Камера постановляетъ о результатахъ экзамена свое мотивированное опредѣленіе, которое удостовѣряетъ о способностяхъ и нравственныхъ качествахъ кандидата. Копія съ опредѣленія вручается кандидату.

43 ст. Кандидатъ, который желаетъ получить званіе нотаріуса, долженъ присоединить къ заведенному о немъ дѣлу прошеніе съ дипломомъ о своихъ способностяхъ и удостовѣреніе каждой камеры, въ округѣ которой онъ занимался, свидѣтельствующее о продолжительности его стажа и о нравственныхъ его качествахъ.

Никакой кандидатъ не можетъ быть допущенъ къ отправленію обязанностей нотаріуса, если онъ не удостовѣритъ, что онъ выдержалъ съ успѣхомъ профессіональный экзаменъ.

Этотъ экзаменъ заключается въ испытаніи двоякаго рода: одномъ—письменномъ, на которомъ кандидату предлагается составить не менѣе двухъ образцовъ нотаріальныхъ актовъ, другомъ—устномъ, которое состоитъ въ предложеніи вопросовъ по существу юридическихъ и практическихъ познаній, которыми долженъ обладать нотаріусъ.

Устныя испытанія производятся публично; экзаменъ происходитъ въ главномъ городѣ департамента, въ которомъ кандидатъ былъ

---

[1]) Собственно въ подлинникѣ говорится, что кандидатъ въ нотаріусы не можетъ получить повышенія въ степени (l'aspirant au notariat n'obtiendra un avancement de grade), но мы допустили нѣкоторую вольность перевода, которая тѣмъ не менѣе выражаетъ мысль составителей проекта.

записанъ для приготовительныхъ занятій, въ обыкновенномъ мѣстѣ засѣданій нотаріальной камеры, предъ коммисіею, собираемою каждый разъ особо предсѣдателемъ камеры.

Коммисія эта составляется изъ предсѣдателя или синдика нотаріальной камеры главнаго города департамента, который и предсѣдательствуетъ въ этой коммисіи, изъ нотаріусовъ, командируемыхъ по одному каждою камерою департамента, и изъ высшаго агента по сбору податей, назначаемаго для сего директоромъ.

Экзаменъ долженъ быть произведенъ до заключенія сдѣлки объ уступкѣ конторы [1]); но дипломъ на званіе нотаріуса выдается кандидату канцеляріею нотаріальной камеры, въ которой хранятся протоколы относительно произведеннаго экзамена, только по представленіи сдѣлки о пріобрѣтеніи конторы.

Въ Парижѣ обязанности особой экзаменаціонной коммисіи исполняетъ нотаріальная камера, къ которой присоединяется лишь высшій агентъ по сбору податей, назначаемый директоромъ.

Всякій кандидатъ, признанный недостаточно подготовленнымъ при устномъ или письменномъ испытаніи, не можетъ быть допущенъ къ новому экзамену ранѣе истеченія годичнаго срока.

Въ случаѣ окончательнаго отказа, коммисія составляетъ мотивированное опредѣленіе, которое сообщается прокуратурѣ и представляется послѣднею хранителю печати, министру юстиціи.

44 ст. Въ пользу общинъ установлены слѣдующіе сборы за запись и экзаменъ:

за всякую запись въ реестръ по отбыванію стажа 5 франковъ,
за экзаменъ на званіе перваго клерка 20 франковъ,
за экзаменъ на званіе нотаріуса 40 франковъ.

Таковъ въ своемъ существѣ проектъ, касающійся измѣненія нотаріальной части во Франціи, внесенный въ ноябрѣ прошлаго года въ сенатъ. Нѣкоторыми изъ проектированныхъ правилъ могли бы воспользоваться и мы при пересмотрѣ нашего нотаріальнаго положенія.

Какъ извѣстно, нашъ законъ не требуетъ представленія какихъ бы то ни было свѣдѣній о нравственныхъ качествахъ отъ желающаго получить должность нотаріуса. Хотя въ иныхъ случаяхъ и собираются подобныя свѣдѣнія, но это считается необязательнымъ, и притомъ самый способъ ихъ добыванія не обставленъ надлежащими

[1]) Во Франціи нотаріальная контора можетъ быть предметомъ купли-продажи и иной уступки, съ условіемъ, чтобы покупщикъ имѣлъ право быть нотаріусомъ.

гарантіями. Затѣмъ наше нотаріальное положеніе не устанавливаетъ никакихъ подготовительныхъ для должности нотаріуса занятій, такъ что въ нотаріусы попадаютъ нерѣдко лица, совершенно незнакомыя съ этою дѣятельностью. Требуется лишь одинъ экзаменъ, программа котораго притомъ не установлена и который производится не публично, безъ всякаго участія нотаріусовъ-практиковъ. Составъ экзаменаціонной коммисіи точно также не вполнѣ удовлетворителенъ (15 ст. нот. полож.), такъ какъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ одинъ только экзаменаторъ является лицомъ компетентнымъ для производства экзамена, два же другія: предсѣдатель и прокуроръ—криминалисты, мало знакомые съ тою отраслью юридическихъ и практическихъ знаній, которыми долженъ обладать нотаріусъ, для отправленія своихъ обязанностей.

Нельзя, наконецъ, не пожелать введенія и у насъ совѣта нотаріусовъ, на подобіе совѣта присяжныхъ повѣренныхъ и совѣта судебныхъ приставовъ. Такое введеніе вполнѣ возможно и въ настоящее время въ нашихъ большихъ городахъ. Нотаріальный совѣтъ, правильно устроенный, былъ бы лучшимъ органомъ надзора за дѣятельностью подвѣдомственныхъ ему нотаріусовъ, чѣмъ судъ, на которомъ и безъ того лежитъ слишкомъ много обязанностей.

К. Змирловъ.

Новѣйшіе бельгійскіе законопроекты въ области торговаго и промышленнаго законодательствъ (въ 1893—1895 г.г.) [1]).

Послѣдніе годы парламентъ Бельгіи занимался почти исключительно пересмотромъ конституціи и нѣкоторыхъ второстепенныхъ политическихъ законовъ, такъ что предлагаемый обзоръ законодательнаго движенія въ области торговли и промышленности королевства долженъ, по необходимости, ограничиться разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ законопроектовъ, выработанныхъ депутатами различныхъ партій, отдѣленіями новаго министерства торговли и работъ, а также вновь учрежденнымъ Office du travail.

1. Проектъ *организаціи рынка земледѣльческаго и промышленнаго труда* (авторъ—Гекторъ Денисъ и др.).

Рынокъ долженъ быть устроенъ заботами совѣтовъ промышленности и труда, земледѣльческими собраніями и ихъ провинціальными и окружными отдѣленіями при помощи управленія почтъ и телеграфовъ и комитета о трудѣ (Office du travail).

[1]) См. Annales de droit commercial, 1896, № 3, стр. 219—232.

Цѣль рынка: а) сблизить предложеніе и спросъ труда, б) установить порядокъ справокъ, в) дѣлать объявленія, г) помогать циркуляціи труда и обученія, а также д) доставлять статистическія свѣдѣнія (ст. 2).

Органы рынка: а) *биржи труда* въ каждомъ мѣстѣ нахожденія совѣта, труда и промышленности, а равнымъ образомъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, которое будетъ указано правительствомъ съ согласія высшаго совѣта по вопросамъ труда, и б) *отдѣленія труда* въ каждомъ мѣстѣ пребыванія земледѣльческаго собранія (ст. 3 п. 4).

Биржи и отдѣленія должны находиться въ вѣдѣніи коммисій изъ хозяевъ и рабочихъ по выбору подлежащей провинціи и общинъ (ст. 6).

Принятіе требованій и предложеній, ихъ сообщеніе желающимъ, профессіональнымъ товариществамъ или синдикатамъ, а также и сдѣлавшимъ заявленіе частнымъ лицамъ, переписка съ однородными учрежденіями и общественными предпріятіями—лежитъ на обязанности секретаря (ст. 7).

Требованія и предложенія могутъ быть обращаемы и въ почтовыя отдѣленія, откуда они въ такихъ случаяхъ будутъ пересылаться въ биржи и отдѣленія труда (ст. 7).

Каждая биржа или отдѣленіе должны составлять еженедѣльные списки предложеній и требованій, совершенныхъ сдѣлокъ, свѣдѣній о платѣ и условіяхъ работы; эти списки будутъ посылаться въ общинныя канцеляріи округа, въ прочія биржи и отдѣленія труда, а также мѣстнымъ корреспондентамъ комитета о трудѣ (ст. 7).

Въ случаяхъ стачки или закрытія мастерской, биржи и отдѣленія должны хранить строгій нейтралитетъ, являясь только посредниками и примирителями.

2. *Регламентаціи труда* посвящены три проекта.

Проектъ Янсона предлагаетъ ограничить рабочій день углекоповъ *десятью часами* на два года, въ видѣ опыта.

Проектъ Бертрана и др. болѣе сложенъ. Онъ касается всѣхъ промышленныхъ предпріятій, упомянутыхъ въ ст. 1 закона 13 декабря 1889 года о регламентаціи труда женщинъ и дѣтей, а также всякаго рода мастерскихъ, гдѣ занимаются свыше 5 рабочихъ.

Рабочій день онъ опредѣляетъ въ *восемь часовъ* для общественныхъ предпріятій и въ *десять часовъ* для прочихъ промышленныхъ заведеній. Ограниченный такимъ срокомъ день долженъ еще

быть раздѣляемъ однимъ или нѣсколькими перерывами, въ общей сложности продолжающимися не менѣе, чѣмъ одинъ часъ, а для женщинъ, имѣющихъ собственное хозяйство, не менѣе полутора часа. Кромѣ того, королю предоставляется право, по выслушаніи совѣтовъ промышленности и труда и высшаго совѣта по вопросамъ гигіены, уменьшать число рабочихъ часовъ для занимающихся въ предпріятіяхъ опасныхъ, нездоровыхъ и неудобныхъ, а также въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ вообще много свободныхъ рабочихъ рукъ. Наоборотъ, проектъ предоставляетъ подлежащему министру право, по соглашенію съ инспекторомъ труда, въ случаѣ необходимости увеличивать на нѣкоторое время и въ извѣстныхъ предѣлахъ число рабочихъ часовъ въ день, но подъ условіемъ соотвѣтственнаго увеличенія заработной платы.

Ночной трудъ (послѣ семи часовъ вечера и до шести часовъ утра) проектомъ воспрещается. Однако, могутъ быть допускаемы исключенія для мужчинъ, работающихъ въ тѣхъ или иныхъ предпріятіяхъ (они будутъ указаны королемъ), въ которыхъ ночной трудъ неизбѣженъ. Допускаются исключенія и въ общественномъ интересѣ. Во всѣхъ прочихъ предпріятіяхъ ночной трудъ можетъ быть допущенъ каждый разъ по особому королевскому указу, но не свыше одного мѣсяца и въ случаяхъ совершенной необходимости. Такое королевское разрѣшеніе одному и тому же заведенію не можетъ быть повторено въ теченіе года безъ увеличенія на 25% заработной платы за ночной трудъ.

Одинъ день въ недѣлю обязательно долженъ быть посвященъ *отдыху*.

Третій проектъ, *проектъ Эльпюта* (Helleputte), менѣе рѣшителенъ. Онъ касается только тѣхъ предпріятій, которыя перечислены въ ст. 1 закона 13 декабря 1889 года, безъ прибавки, которую дѣлаетъ проектъ Бертрана.

Проектъ этотъ признаетъ за королемъ исключительное право опредѣлять maximum рабочаго дня и продолжительность отдыха во всякихъ случаяхъ и для работниковъ обоего пола, соображаясь съ условіями работы, силами женщины, требованіями материнства, нуждами предпріятія и общественнымъ интересомъ.

Ночной трудъ (между девятью часами вечера и пятью утра) также запрещается. Не должно быть работы и въ воскресенье. Однако, король имѣетъ, согласно проекту, право разрѣшить ночной и воскресный трудъ въ предпріятіяхъ, требующихъ непрерывной работы по своей природѣ или въ общественномъ интересѣ,

но подъ условіемъ: а) что женщины не должны ни подъ какимъ видомъ работать ночью, б) что изъ недѣли одинъ день будетъ всегда свободнымъ и в) что число часовъ ночной работы на недѣлѣ не превыситъ числа часовъ дневной работы на той же недѣлѣ.

Сверхъ того, король и даже губернаторы (съ согласія министра) имѣютъ право отмѣнять постановленія о ночномъ и воскресномъ отдыхѣ, но лишь въ видѣ исключенія, на опредѣленное время и для извѣстнаго предпріятія, въ силу особыхъ обстоятельствъ.

3. *Профессіональныя общества или синдикаты* послужили предметомъ законопроекта 10 ноября 1894 года, который признаетъ ихъ юридическими лицами въ смыслѣ гражданскаго права.

Проектъ этотъ, въ главныхъ своихъ основаніяхъ списанный съ французскаго закона 21—22 марта 1884 года, вызвалъ въ мартѣ текущаго года контръ-проектъ Заделера.

По проекту Заделера (ст. 1, § 1), общества, образованныя лицами, занимающимися промышленностью, торговлей или земледѣліемъ, въ цѣляхъ служенія профессіональнымъ и экономическимъ интересамъ, признаются юридическими лицами независимо отъ того, принадлежатъ ли ихъ учредители къ одной профессіи или разнымъ, но сходнымъ между собою, занимаются ли они однимъ ремесломъ или ремеслами, служащими одному и тому же производству. Членами профессіональнаго сообщества могутъ быть также недостигшіе восемнадцати лѣтъ и замужнія женщины, но лишь съ разрѣшенія опекуна или мужа. Почетными членами допускаются и не профессіоналисты, но въ количествѣ не свыше одной четверти всего числа дѣйствительныхъ членовъ. Не могутъ быть, однако, избираемы иностранцы, коимъ не разрѣшено имѣть мѣсто жительства въ предѣлахъ Бельгіи, или тѣ, которые, получивши такое разрѣшеніе, въ дѣйствительности имъ не воспользовались, а также лица, лишенныя по суду права выборовъ, объявленныя несостоятельными по торговлѣ, состоящія подъ судебнымъ запрещеніемъ (art. 489 C. civ.), прибѣгнувшія къ цессіи имущества (art. 1265 C. civ.) и не заплатившія полностью кредиторамъ, равнымъ образомъ, лица, явно содержащія домъ терпимости, и, наконецъ, торговцы напитками, не занимавшіеся до того профессіей или ремесломъ даннаго общества.

Уставъ общества (ст. 3 опредѣляетъ необходимыя его части) долженъ быть представленъ въ канцелярію *Conseil des mines*. По одобреніи устава, Conseil утверждаетъ его и публикуетъ не позже,

чѣмъ черезъ двѣ недѣли, въ *Moniteur*. Два дня спустя послѣ публикаціи общество становится юридическимъ лицомъ.

Члены правленія избираются обществомъ изъ числа совершеннолѣтнихъ членовъ (и притомъ, на три четверти—изъ числа дѣйствительныхъ членовъ). Членами правленія могутъ быть и женщины. Напротивъ, не могутъ быть ими лица, не имѣющія права быть избранными въ почетные члены общества (за исключеніемъ торговцевъ спиртными напитками).

Профессіональное общество имѣетъ право, въ границахъ необходимости, владѣть недвижимостями, а также искать и отвѣчать на судѣ, защищая индивидуальныя права своихъ членовъ, какъ таковыхъ, при чемъ сюда должны быть отнесены иски объ исполненіи договоровъ, заключенныхъ обществомъ для его членовъ, а также иски о возмѣщеніи убытковъ, происшедшихъ отъ неисполненія этихъ договоровъ; однако, за каждымъ членомъ остается право вести дѣло лично самому или вступить въ дѣло третьимъ лицомъ.

Далѣе, проектъ обязываетъ каждое такое общество публиковать ежегодно состояніе актива и пассива, а членамъ даетъ право выйти изъ общества во всякое время, несмотря ни на какія условія, заключенныя съ обществомъ въ противномъ смыслѣ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, веденіе дѣлъ общества будетъ поставлено неправильно или имущество его употребляется на постороннія цѣли, судъ, по настоянію прокурорскаго надзора или частныхъ заинтересованныхъ лицъ, можетъ признать общество закрытымъ.

Пожертвованія и завѣщательные отказы въ пользу общества требуютъ королевскаго утвержденія.

Въ заключеніе проектъ предоставляетъ на такихъ же условіяхъ, которыя только-что были здѣсь вкратцѣ переданы, права юридическихъ лицъ и союзамъ подобныхъ профессіональныхъ обществъ.

4. *О помощи престарѣлымъ рабочимъ и жертвамъ профессіональнаго риска* говорятъ три проекта, довольно сложныхъ и мало практичныхъ.

Первый изъ нихъ (Жюиссо и др., 17 января 1895 г.) предлагаетъ давать ежегодную пенсію въ шестьсотъ франковъ углекопамъ, достигшимъ 50 лѣтъ и проработавшимъ 30 лѣтъ въ шахтахъ, а также достигшимъ 55-лѣтняго возраста и работавшимъ въ теченіе 35 лѣтъ на поверхности земли. Второй же проектъ (де-

Маландэ, 6 февраля 1895 г.) и третій (Гухтенара и др., 19 февраля 1895 г.) предлагаютъ устройство пенсіонной кассы для рабочихъ.

Кромѣ этихъ проектовъ есть еще проектъ Янсона (17 мая 1890 г.) объ *организаціи обязательнаго страхованія отъ несчастныхъ случаевъ во время работы.*

Проектъ Янсона обязываетъ всѣхъ хозяевъ или управляющихъ промышленныхъ предпріятій страховать своихъ рабочихъ обоего пола и служащихъ, содержаніе которыхъ не превышаетъ 1800 фр. въ годъ, отъ несчастныхъ происшествій во время работы и болѣзней, являющихся слѣдствіемъ работы. Хозяинъ, не исполнившій этой обязанности, платитъ изъ своихъ средствъ вознагражденіе, на которое имѣлъ бы право рабочій, если бы онъ былъ застрахованъ, а кромѣ того и штрафъ. Эта же обязанность возлагается проектомъ на государство, провинціи и общины (однако, они освобождены отъ штрафа въ случаѣ ея неисполненія).

Страхованіе ввѣряется проектомъ соединеніямъ хозяевъ и директоровъ предпріятій по одному и тому же или однороднымъ промысламъ, которые могутъ имѣть между собою сношенія. О возникновеніи такихъ соединеній заботится правительство; управляются они особымъ совѣтомъ изъ пяти членовъ (трое хозяевъ и двое рабочихъ) и должны распространяться на группы рабочихъ въ десять тысячъ человѣкъ по меньшей мѣрѣ. Соединенія эти признаются юридическими лицами. Какъ исключеніе, хозяинъ можетъ по желанію страховать своихъ рабочихъ въ какой-либо компаніи, отвѣчающей извѣстнымъ условіямъ, представивъ государству обезпеченіе въ сто тысячъ франковъ по крайней мѣрѣ. Точно также, и тоже въ видѣ исключенія, хозяинъ завода или верфи, гдѣ работаетъ болѣе двухъ тысячъ рабочихъ, можетъ страховать ихъ самъ у себя, конечно, съ согласія правительства и по представленіи обезпеченія по разсчету десяти франковъ на рабочаго и, во всякомъ случаѣ, не менѣе пятидесяти тысячъ франковъ.

Соединенія, подъ контролемъ правительства, сами устанавливаютъ размѣръ взноса за каждаго рабочаго, принимая во вниманіе число дней и часовъ работы, природу промысла, степень безопасности мастерскихъ и другіе источники доходовъ у соединенія. Уплата взноса семью десятыми ложится на хозяина, одной десятой на мѣстный комитетъ благотворительности или казначейство, а двумя десятыми—на рабочаго. Соединенія могутъ получать субсидіи отъ государства, провинцій, общинъ, благотворительныхъ обществъ и рабочихъ кассъ. Для того, чтобы дать государству

возможность вносить свою долю во взносахъ за рабочихъ и давать, въ случаяхъ надобности, соединеніямъ субсидіи, проектъ предлагаетъ *уничтоженіе наслѣдованія по закону*, начиная *съ седьмой степени* родства.

Рабочій, ставшій жертвой несчастнаго случая, имѣетъ право на вознагражденіе, если только несчастіе съ нимъ приключилось не по его собственной явной винѣ и небрежности и не было слѣдствіемъ его незаконныхъ дѣйствій. Это вознагражденіе, въ видѣ ренты, проектъ опредѣляетъ: для вдовы—въ размѣрѣ 35% заработной платы пострадавшаго (которая должна быть признаваема для такихъ случаевъ не превышающей шести франковъ въ день), для дѣтей его—въ размѣрѣ 10% (дѣти получаютъ вознагражденіе только до 14-лѣтняго возраста, и общая сумма его вмѣстѣ съ пенсіею вдовы не должны превышать 65% заработной платы), наконецъ, для родителей, братьевъ и сестеръ пострадавшаго (если онъ былъ холостъ или вдовъ) въ размѣрѣ 40%. Въ случаяхъ вины или грубой неосмотрительности хозяина рабочій или его осиротѣвшая семья должны быть вознаграждены вполнѣ; дополнительная сумма, необходимая для того, чтобы вознагражденіе стало полнымъ, вносится самимъ виновнымъ.

Споры между хозяевами и рабочими по вопросамъ примѣненія этого закона и выдачи вознагражденій должны разрѣшаться, по мысли проекта, судомъ, состоящимъ изъ шести дѣйствительныхъ членовъ и шести ихъ замѣстителей, избранныхъ на половину изъ числа хозяевъ и на половину изъ рабочихъ.

5. 24 февраля 1896 г., Ад. Принсъ представилъ высшему совѣту по вопросамъ труда, для внесенія въ парламентъ *проектъ закона о договорѣ найма въ работу.*

Первая глава проекта говоритъ о формѣ и природѣ договора. Договоръ найма въ работу опредѣляется, какъ договоръ между рабочимъ и хозяиномъ предпріятія, посредствомъ котораго рабочій обязывается отдавать свой трудъ за извѣстную плату отъ хозяина (ст. 1). Въ смыслѣ платы употреблено слово *salaire*, а не rémunération, въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы объединить въ одномъ терминѣ какъ заранѣе опредѣленную сумму вознагражденія, такъ и вознагражденіе процентное.

Договоръ считается заключеннымъ съ момента соглашенія сторонъ. Существованіе его можетъ быть установляемо свидѣтельскими показаніями, не стѣсняясь, вопреки ст. 1341 C. civ., цѣною иска (ст. 2).

Стороны могутъ договариваться о подробностяхъ своихъ взаимныхъ отношеній вполнѣ свободно, лишь бы не выходили изъ предѣловъ, указанныхъ закономъ. Во всякомъ случаѣ, необходимо соблюдать правила для мастерскихъ тамъ, гдѣ они существуютъ (ст. 3).

Вторая глава опредѣляетъ срокъ найма и касается вопроса о возмѣщеніи убытковъ отъ неисполненія договора какой-либо изъ сторонъ.

Наниматься въ работу дозволяется (ст. 1780 C. civ.) только на срокъ или на извѣстный рядъ дѣйствій (ст. 4). Если же срокъ не былъ опредѣленъ (по упущенію сторонъ или по природѣ занятій), то продолжительность контракта устанавливается по мѣстному обычаю (ст. 5). Срокъ можетъ быть продолженъ по обоюдному, хотя-бы и молчаливому, согласію (ст. 6). Если срокъ, не опредѣленный сторонами, не могъ быть установленъ и по обычаямъ мѣстности, то въ такомъ случаѣ каждая сторона имѣетъ право прекратить договорныя отношенія, заявивъ о томъ контрагенту по меньшей мѣрѣ за недѣлю впередъ, если о времени такого заявленія между ними не было ранѣе условлено и нѣтъ по этому поводу мѣстнаго обычая (ст. 7). Въ случаѣ же нарушенія договора ранѣе срока или вопреки постановленій ст. 7, потерпѣвшая сторона можетъ или потребовать возмѣщенія причиненнаго ущерба (съ обязательствомъ, разумѣется, доказать на судѣ его размѣръ), или же взыскать съ виновнаго въ нарушеніи договора (не доказывая ни размѣра, ни наличности убытковъ) сумму, равную половинѣ дневнаго заработка рабочаго (законъ не признаетъ, чтобы эта половина могла превышать шесть франковъ), помноженной на число рабочихъ дней, остающихся до окончанія контракта, согласно ст. 4 или 7 проекта (ст. 8 и 9).

Третья глава перечисляетъ случаи, когда стороны могутъ прекратить свои договорныя отношенія ранѣе срока или безъ предварительнаго заявленія.

Эта возможность для хозяина открывается въ случаяхъ, если рабочій при заключеніи контракта обманулъ его, представивши подложные документы, если рабочій не исполняетъ своихъ обязанностей, явно небрежничаетъ и лѣнится, если онъ открываетъ секреты фабрикаціи, если онъ страдаетъ заразной или отвратительной болѣзнью, если въ теченіе найма онъ совершалъ безнравственные поступки, не исполнялъ правилъ относительно употребленія огня и вообще уменьшалъ своей неосмотрительностью степень безопасности заведенія, если намѣренно причинялъ матеріальный ущербъ хозяину и другимъ рабочимъ или позволилъ себѣ насиліе надъ личностью хозяина, или же грубо оскорблялъ хозяина, начальниковъ и товарищей, если, наконецъ, у хозяина будетъ достаточно важная причина къ удаленію рабочаго (ст. 10).

Напротивъ, рабочій имѣетъ право прервать контрактъ въ случаяхъ, если хозяинъ не исполняетъ своихъ обязанностей, употребляетъ его, вопреки договору, на домашнія работы, оскорбляетъ его словомъ или дѣйствіемъ, если во время работы нравственность рабочаго подвергается опасности, если хозяинъ обращается съ нимъ особенно сурово, даетъ ему постоянно самую отвратительную работу, или передаетъ заведеніе третьимъ лицамъ, если занятія подвергаютъ опасности жизнь и здоровье рабочаго, чего онъ при заключеніи договора не могъ предвидѣть, если, наконецъ, у рабочаго будетъ достаточно важная причина къ прекращенію работы (ст. 11).

Когда срокъ найма не былъ опредѣленъ, то стороны могутъ нарушить договоръ немедленно, предоставляя другъ другу право обратиться въ судъ; когда же договоръ былъ заключенъ на опредѣленный срокъ, стороны имѣютъ право прекратить свои договорныя отношенія лишь временно, самое большее на двѣ недѣли, а окончательное уничтоженіе контракта зависитъ уже отъ судьи (ст. 12 и 13).

Проектъ предусматриваетъ (ст. 14) еще въ одномъ случаѣ возможность немедленнаго прекращенія найма: живущая въ домѣ хозяина работницей несовершеннолѣтняя дѣвушка имѣетъ право уйти тотчасъ послѣ смерти жены хозяина или другой женщины, которая вела хозяйство въ домѣ во время заключенія контракта.

Четвертая глава опредѣляетъ права и обязанности сторонъ.

Рабочій долженъ работать въ тѣ часы, въ томъ мѣстѣ и въ тѣхъ условіяхъ, которые опредѣлены въ договорѣ или по обычаю, сообразуясь съ указаніями лицъ начальствующихъ, если они не идутъ противъ закона и нравственности. Онъ отвѣчаетъ за дурную по его небрежности работу (ст. 10 и 19).

Хозяинъ обязанъ давать работу своимъ рабочимъ въ тѣхъ условіяхъ, какія были опредѣлены договоромъ или мѣстными обычаями, предоставлять рабочимъ возможность безъ помѣхи исполнять работу, наблюдать за соблюденіемъ приличій, платить жалованье согласно условію или обычаю, сообразуясь со спеціальными законами по этому поводу, давать живущимъ и обѣдающимъ у

него рабочимъ приличное помѣщеніе и здоровую пищу, какъ принято въ мѣстности, возвращать рабочимъ принадлежащіе имъ инструменты, надзирать за безопасностью и чистотой мастерскихъ (ст. 17 и 20).

Хозяинъ не имѣетъ права на физическое принужденіе рабочаго къ исполненію работы, а рабочій на исполненіе работы вопреки желанію хозяина (ст. 18).

Въ пятой главѣ говорится объ отвѣтственности хозяина за несчастные случаи.

Хозяинъ предпріятія отвѣчаетъ по проекту за всякій ущербъ, причиненный рабочему его дѣйствіемъ, небрежностью или неосмотрительностью во время исполненія договора найма (ст. 21). Отвѣчаетъ онъ и за дѣйствія поставленныхъ имъ начальниковъ, а также и другихъ рабочихъ, если ихъ дѣйствія входили въ кругъ ихъ обязанностей (ст. 22). *Onus probandi ошибки и ущерба лежитъ на истцѣ* (ст. 25). Случайныя же несчастія, сопряженныя съ профессіональнымъ рискомъ или послѣдовавшія отъ *culpa levis* работника, даютъ ему право на частичное вознагражденіе на условіяхъ, которыя будутъ опредѣлены въ особомъ законѣ (ст. 24). Всякій несчастный случай, произошедшій во время работы, почитается послѣдовавшимъ отъ профессіональнаго риска, *доколѣ противное не будетъ доказано* (ст. 26). Несчастье же, произошедшее по *culpa lata* рабочаго или не отъ работы, не даетъ права ему ни на какое вознагражденіе (ст. 23).

Возмѣщеніе причиненнаго рабочему ущерба должно быть по проекту лишь вознагражденіемъ *матеріальнаго* убытка, причиненнаго *виновнымъ* дѣйствіемъ или упущеніемъ. Если хозяинъ предпріятія совершилъ culpa levis или его вина смягчается неосмотрительностью пострадавшаго, судъ имѣетъ право соотвѣтственно уменьшить размѣры вознагражденія (ст. 26).

Всякое условіе, впередъ освобождающее хозяина отъ отвѣтственности вопреки проекту, не дѣйствительно (ст. 28).

Шестая глава касается вопроса о передачѣ обязанностей сторонъ третьимъ лицамъ.

Проектъ обязываетъ рабочаго исполнять работу лично, если только хозяинъ не разрѣшитъ ему поставить за себя другаго; такое замѣщеніе не освобождаетъ рабочаго отъ отвѣтственности за небрежность или негодность замѣстителя (ст. 30). Какъ исключеніе, рабочій, занимающійся на дому, сохраняетъ за собою, если не было оговорено противнаго, право замѣщать себя кѣмъ-либо

другимъ (ст. 31). Со своей стороны, хозяинъ, передавшій заведеніе третьему лицу, не освобождается отъ обязанностей своихъ передъ рабочими по контракту до истеченія срока его, если передача состоялась ранѣе этого срока, или до истеченія срока, предусмотрѣннаго въ ст. 7 проекта, если договоръ былъ безсрочнымъ. Однако, проектъ не требуетъ предувѣдомленія по ст. 7, когда рабочимъ и безъ того извѣстно о состоявшейся передачѣ заведенія. Кромѣ этого, хозяинъ можетъ освободиться отъ лежащихъ на немъ обязанностей по контрактамъ, заключеннымъ на годъ и дольше, съ самаго дня передачи своего заведенія при условіи предувѣдомленія о томъ рабочихъ за три мѣсяца, если контрактъ былъ на годъ, или за полгода, если контрактъ заключенъ на бо́льшій срокъ (ст. 32 и 32 bis).

Седьмая глава посвящена вопросу о заработной платѣ.

Размѣръ и родъ платы опредѣляются договоромъ, поскольку договоръ не противорѣчитъ закону. При отсутствіи соглашенія плата должна быть опредѣляема по мѣстнымъ обычаямъ и оцѣнкѣ судьи (ст. 33). Замужняя женщина имѣетъ право распоряжаться своимъ заработкомъ совершенно самостоятельно и не испрашивая ни у кого позволенія; во всякомъ случаѣ, мужъ ея можетъ быть уполномоченъ на полученіе ея жалованія цѣликомъ или въ части; уполномочіе это дается мировымъ судьей или судомъ первой инстанціи и можетъ быть уничтожено судебной властью по просьбѣ лицъ заинтересованныхъ (ст. 34 и 35).

Наконецъ, восьмая и девятая главы проекта говорятъ о давности для исковъ, вытекающихъ изъ договора найма въ работу, и о томъ, какъ этотъ договоръ прекращается.

Право иска изъ договора найма погашается въ одинъ годъ (ст. 36), за исключеніемъ иска о возмѣщеніи убытковъ отъ несчастнаго случая, когда давность опредѣлена въ три года (ст. 27).

Договоръ прекращается, кромѣ случаевъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 10 и 11, съ окончаніемъ срока, съ окончаніемъ той работы, на которую нанялся рабочій, по волѣ какой-либо изъ сторонъ, если договоръ былъ безсроченъ, со смертью рабочаго, въ случаѣ *vis maior* (ст. 37). Стачка не почитается за *vis maior* и стороны не освобождаются отъ обязанностей по контракту, если только стачка не поставила ихъ въ дѣйствительную невозможность исполнять договоръ (ст. 38).

С. Завадскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Richard Hildebrand—Recht und Sitte auf den verschiedenen wirtschaftlichen Kulturstufen. Erster Teil. Jena. 1896. 8°.

Сочиненіе профессора Гильдебранда посвящено изслѣдованію общей исторіи развитія права и обычая. По мнѣнію автора, для правильнаго разрѣшенія указанной задачи, недостаточно ограничиться однимъ только сравненіемъ отдѣльныхъ явленій въ области права и обычая, встрѣчающихся у различныхъ народовъ въ различные моменты ихъ исторіи, но необходимо еще полученный изъ такого сравненія матеріалъ расположить и группировать по различнымъ степенямъ *культурно-экономическаго развитія*. Для опредѣленія исторической или генетической послѣдовательности, а также взаимной связи отдѣльныхъ правоотношеній и обычаевъ необходимъ критерій, выходящій изъ предѣловъ хронологіи и отъ нея независимый. Такимъ критеріемъ является только экономическая культура, ибо она одна отличается процессомъ развитія, остающимся всюду и вездѣ—въ общихъ чертахъ, разумѣется—однимъ и тѣмъ же. Эта однородность характера экономическаго процесса объясняется тѣмъ, что численность жителей всюду и вездѣ подвержена болѣе или менѣе тождественнымъ измѣненіямъ и что изъ всѣхъ интересовъ жизни (отдѣльныхъ ли индивидуумовъ, или цѣлыхъ группъ) наиболѣе существенными и господствующими являются интересы экономическаго порядка.

Вышедшій первый томъ обширнаго изслѣдованія Гильдебранда содержитъ три отдѣла, соотвѣтственно первоначальнымъ моментамъ эволюціи экономической жизни: 1) охотники и рыболовы; 2) пастухи; 3) земледѣльцы и землевладѣльцы.

Въ періодъ занятія охотой и рыболовствомъ люди живутъ только семьями. Права на опредѣленный участокъ земли еще нѣтъ, но каждая семья пользуется отдѣльнымъ участкомъ въ свою пользу. Въ большинствѣ случаевъ старшинъ еще нѣтъ, и единственной властью является власть мужа надъ женой и дѣтьми, безусловная и неограниченная. При этихъ условіяхъ весь трудъ лежитъ на женѣ, ибо врожденному стремленію мужчины къ свободѣ и независимости соотвѣтствуетъ только борьба, связанная съ разнообразіемъ и опасностями и доставляющая удовлетвореніе его сознанію своей силы, а никакъ не мирный, тяжелый и однообразный трудъ, который предполагаетъ прилежаніе, терпѣніе и самоотреченіе. Мужъ властвуетъ и сражается, жена подчиняется и работаетъ.

Согласно обще-распространенной теоріи, первоначальная или древнѣйшая форма заключенія брака—похищеніе женъ, изъ котораго послѣдовательно выработалась покупка; слѣды этой послѣдней—при дальнѣйшемъ смягченіи нравовъ—сохранились въ обычаѣ одаренія родителей или опекуновъ невѣсты. Теорія эта, какъ доказываетъ авторъ, не соотвѣтствуетъ фактамъ. Напротивъ того, въ періодъ, о которомъ идетъ рѣчь, бракъ совершается въ большинствѣ случаевъ съ разрѣшенія (молчаливо или явно выраженнаго) родителей невѣсты съ подношеніемъ подарковъ этимъ послѣднимъ или безъ онаго; о похищеніи же и покупкѣ нѣтъ и помину. Эти послѣднія двѣ формы встрѣчаются только у народовъ пастушескихъ или даже земледѣльческихъ. Такимъ образомъ, не подношеніе подарковъ является переживаніемъ обычая покупки женъ, а, наоборотъ, покупка вырабатывается изъ обычая одаренія родителей невѣсты. Объясняется это тѣмъ, что у народовъ, живущихъ рыболовствомъ и охотой, еще нѣтъ собственности, а потому и нѣтъ имущественнаго интереса. Отецъ еще не требуетъ *вознагражденія* за свою дочь, а довольствуется подарками. При такихъ условіяхъ, за отсутствіемъ достаточнаго основанія, похищеніе является излишнимъ. Только при *требованіи* платы за невѣсту и при невозможности внести таковую и уладить дѣло миролюбиво является неизбѣжность въ похищеніи для достиженія цѣли—пріобрѣтенія жены.

Въ такомъ же несоотвѣтствіи съ фактами оказывается, по мнѣнію автора, и другая, не менѣе распространенная теорія, согласно которой первоначально вообще не было брака, въ смыслѣ исключительнаго обладанія одной женой, а существовалъ лишь такъ называемый племенной или групповой бракъ, изъ котораго лишь

со временемъ выработался моногамическій союзъ. Въ связи съ этой теоріей находится и мнѣніе, полагающее, что въ первоначальномъ обществѣ господствовали начала матернитета, а не патернитета. Авторъ пытается установить цѣлымъ рядомъ фактовъ, что у народовъ, находящихся на низшей экономической ступени, никогда не встрѣчается общность женъ; что первые зачатки коммунальнаго брака относятся къ періоду земледѣльческому, и что, такимъ образомъ, и здѣсь въ силу тѣхъ же экономическихъ моментовъ порядокъ эволюціи оказывается обратнымъ тому, какой установленъ теоріей. Только при необходимости *купить* жену и при недостаткѣ средствъ встрѣчаются случаи пріобрѣтенія одной общей жены нѣсколькими братьями или родственниками. Что касается, далѣе, матернитета, то родство въ первоначальныхъ семьяхъ дѣйствительно исчислялось по матери; при изгнаніи этой послѣдней съ ней изгонялись обыкновенно и дѣти ея (малолѣтнія) и т. д., но все это еще не доказываетъ материнскаго *права*. Этого послѣдняго женщина, какъ подвластная, не имѣетъ, что̀ доказывается тѣмъ, что, при смерти отца, вдова и дѣти переходятъ къ ближайшему родственнику этого послѣдняго, а не къ матери.

Материнское право есть, напротивъ того, явленіе, встрѣчающееся впервые у народовъ, живущихъ пастушеской или даже земледѣльческой жизнью, и вызванное, подобно поліандріи, обычаемъ покупки женъ.

Охота ведетъ къ скотоводству и при благопріятныхъ обстоятельствахъ къ содержанію цѣлыхъ стадъ, т. е. къ пастушеской жизни. Въ этотъ періодъ появляется уже понятіе имущества. Въ общемъ господствуетъ на означенной ступени развитія полная индивидуальная свобода и независимость. Власть и вліяніе старшинъ, которыя появляются въ данный періодъ, являются пока еще результатомъ личнаго вліянія и всеобщаго уваженія, основанныхъ на болѣе преклонномъ возрастѣ, большемъ богатствѣ и пр. Старшины совѣтуютъ, но еще не повелѣваютъ. Неограниченнымъ, поэтому, продолжаетъ оставаться господство мужа и отца надъ женой и дѣтьми. Рабы уже встрѣчаются, но ряды ихъ составляются не изъ плѣнныхъ, а изъ обѣднѣвшихъ.

Какъ изъ охоты развивается скотоводство, такъ изъ собиранія травъ и плодовъ—обработка земли. Этотъ послѣдній видъ дѣятельности появляется поэтому весьма часто безъ того, чтобы ему предшествовалъ періодъ пастушеской жизни. Первоначально трудъ по обработкѣ земли лежалъ на женщинахъ. Въ пастушескій періодъ къ земледѣлію обращаются лишь наиболѣе бѣдные, такъ какъ только *нужда* заставляетъ человѣка обратиться къ обработкѣ земли. Пока земледѣліе происходитъ въ ограниченныхъ размѣрахъ, нѣтъ еще собственности на землю, такъ какъ количество этой послѣдней въ значительной степени превышаетъ спросъ на нее. Земля *сама по себѣ* никакой цѣнности еще не представляетъ и не составляетъ объекта имущественнаго интереса. Существуетъ только владѣніе и право на плоды, какъ на результатъ затраченнаго труда. Въ этой первоначальной стадіи земледѣлія еще нѣтъ осѣдлости, такъ какъ громадныя пространства земли даютъ возможность всегда выбрать еще дѣвственные, т. е. болѣе плодородные участки. Но по мѣрѣ того какъ народонаселеніе увеличивается, а количество земли уменьшается, цѣнность этой послѣдней возрастаетъ, и появляется собственность на отдѣльные участки, независимо отъ труда, потраченнаго на обработку почвы. Но лишь богатые и наиболѣе вліятельные пріобрѣтаютъ право собственности, такъ какъ они одни въ состояніи отстоять его, т. е. не допустить всякое третье лицо къ завладѣнію участкомъ земли. Поэтому въ первый періодъ землевладѣнія мы не встрѣчаемъ мелкихъ земледѣльцевъ-собственниковъ. И понятно почему. Пока кто-либо не настолько бѣденъ, чтобы быть вынужденнымъ обрабатывать землю трудомъ собственныхъ рукъ, до тѣхъ поръ онъ этого и не дѣлаетъ; а когда его нужда уже заставитъ обратиться къ земледѣлію, то онъ настолько бѣденъ, что не въ состояніи отстоять свое право на землю въ вышеуказанномъ смыслѣ. Въ этой первой стадіи землевладѣнія мы встрѣчаемъ, правда, только свободныхъ землевладѣльцевъ, т. е. такихъ, которые, хотя и не имѣютъ права собственности на обрабатываемые участки, однако и не подчинены землевладѣльцу, какъ таковому. Оброкъ вносится въ пользу князя, какъ *благодѣтеля*, а не *собственника земли*, и состоитъ въ уступкѣ натурой части извлекаемыхъ доходовъ. Частный характеръ этого оброка сказывается въ томъ, что князь уступаетъ право на его полученіе своимъ родственникамъ, друзьямъ, служащимъ и т. д. либо какъ даръ, награду, либо какъ плату за оказанныя услуги,— „pro stipendio“, какъ выражается Тацитъ. Но постепенно исчезаютъ свободные земледѣльцы, превращающіеся въ колоновъ, и принципъ— „nulle terre sans seigneur“ пріобрѣтаетъ полную силу и значеніе. Другими словами говоря, здѣсь повторяется въ общихъ чертахъ (мѣняются только формы и объекты) явленіе, совершающееся на всѣхъ ступеняхъ экономической жизни: бѣдный и слабый долженъ

обратиться къ защитѣ богатаго и сильнаго и для этого вынужденъ—volens nolens—отказаться отъ своей свободы и независимости. Въ разсматриваемый періодъ отказъ этотъ выражается въ уступкѣ покровителю права собственности на находящуюся во владѣніи бѣднаго или перешедшую къ нему по наслѣдству землю—commendatio и oblatio. Отношенія, создающіяся такимъ путемъ между собственникомъ и колономъ, не являются отношеніями по *арендѣ*, какъ принято полагать. Форма этой послѣдней соотвѣтствуетъ болѣе позднему періоду. *Арендаторъ* имѣетъ *право* владѣнія и за него уплачиваетъ собственнику опредѣленный оброкъ. *Колонистъ* же *обязанъ* обрабатывать опредѣленный участокъ земли и пользуется за свой трудъ, какъ платой, участіемъ въ доходахъ. Такимъ образомъ, мы здѣсь имѣемъ дѣло не съ *арендой*, а съ *личнымъ наймомъ*. Соотвѣтственно этому, commendatio не является *договоромъ*, при заключеніи котораго свободный крестьянинъ могъ бы выговорить себѣ тѣ или иныя условія (negotium contractum), а болѣе или менѣе добровольнымъ *подчиненіемъ*. Къ тому же обыкновенная задолженность колона собственнику приводила его, если не юридически, то фактически, къ прикрѣпленію къ землѣ (glebae adscriptio), такъ что при отчужденіи земельнаго участка отчуждался за одно, такъ сказать, и колонъ. Подобно тому какъ отдѣльный земледѣлецъ не могъ добиться права собственности на землю, такъ точно нѣтъ въ означенный періодъ и слѣдовъ какихъ бы то ни было видовъ общей собственности сельскихъ общинъ на землю. Авторъ съ особенной подробностью останавливается на этомъ послѣднемъ положеніи и старается установить изъ разбора извѣстнаго tit. 45 lex Salica: „de migrantibus“, что въ немъ вопросъ идетъ не о сельскихъ обывателяхъ, а о собственникахъ земли, и что мы здѣсь имѣемъ кромѣ того дѣло не съ общей собственностью, а съ со собственностью, т. е. простымъ condominium'омъ. „Право передѣла“ древней русской общины также не указываетъ на право общей собственности на землю, а является лишь административнымъ правомъ распоряженія его въ цѣляхъ болѣе удобнаго собиранія оброка, за уплату котораго община отвѣтствовала солидарно. Въ этомъ отношеніи авторъ примыкаетъ къ Фюстель-де-Куланжу, согласно которому: „loin d'être la *propriété* collective, le mir est un *servage* collectif“. Авторъ полагаетъ, что прикрѣпленіе къ землѣ произошло въ Россіи ради обезпеченія платежа оброка, между тѣмъ какъ оно несомнѣнно главнымъ образомъ имѣло въ виду правильность отправленія государевой службы.

Помимо интереса новизны многихъ установленныхъ положеній и самаго пріема изслѣдованія, основаннаго на параллельномъ изученіи двухъ научныхъ дисциплинъ, работа профессора Гильдебранда заслуживаетъ интереса по богатству собраннаго матеріала, приведеннаго авторомъ и дающаго возможность постоянно провѣрять правильность тѣхъ или иныхъ заключеній автора, основныя положенія которыхъ были приведены выше.

О. Пергаментъ.

Kretschmar.—Der Vergleich im Prozesse, eine historisch-dogmatische Untersuchung. 1896.

Мировой сдѣлкой въ матеріально-правовомъ смыслѣ называется договоръ, по которому контрагенты устраняютъ сомнительность своихъ юридическихъ отношеній путемъ взаимныхъ уступокъ. Заключить мировую сдѣлку стороны могутъ не только съ тѣмъ, чтобы предупредить судебный процессахъ, но и съ тѣмъ, чтобы прекратить уже начатый. Въ послѣднемъ случаѣ мировая сдѣлка пріобрѣтаетъ характеръ процессуальнаго дѣйствія. Вслѣдствіе этого, является вопросъ: какое вліяніе оказываетъ на матеріально-правовое значеніе мировой сдѣлки то обстоятельство, что она заключена во время процесса? Изслѣдованію этого вопроса посвящено сочиненіе Кречмара. Оно распадается на двѣ части: историческую и догматическую. Въ первой авторъ слѣдитъ за историческимъ развитіемъ мировой сдѣлки въ римскомъ правѣ, въ средневѣковомъ германскомъ и каноническомъ процессахъ, въ итальянской юриспруденціи и въ партикулярныхъ германскихъ законодательствахъ новаго времени. Вторая часть занята догматическимъ изложеніемъ правилъ дѣйствующаго германскаго устава гражданскаго судопроизводства. Основные выводы автора состоятъ въ слѣдующемъ. Римское право не проводило никакого различія между мировой сдѣлкой до процесса и мировой сдѣлкой въ процессѣ (стр. 26). Другими словами, римское право знало одну только матеріально-правовую форму мировой сдѣлки. Напротивъ, въ средневѣковомъ германскомъ правѣ широко развилась чисто-процессуальная форма ея (Sühne). Каноническое право и глоссаторы санкціонировали ее отчасти, а итальянская юриспруденція дала теоретическую конструкцію, опредѣливъ ее, какъ суррогатъ судебнаго рѣшенія (стр. 31—32). Съ точки зрѣнія дѣйствующаго германскаго устава гражданскаго судопроизводства, мировая сдѣлка, по мнѣнію Кречмара,

представляетъ собою „возмездный договоръ, принадлежащій какъ къ матеріальному, такъ и къ процессуальному праву и направленный на полное или частичное опредѣленіе спорнаго правоотношенія посредствомъ созданія новаго цивилистическаго базиса, съ одной стороны, и путемъ формальнаго окончанія процесса съ другой“ (стр. 75).

W.

Binder—Die subjectiven Grenzen der Rechtskraft. 1895.

Судебное рѣшеніе имѣетъ законную силу, прежде всего, для самихъ тяжущихся, а затѣмъ и для нѣкоторыхъ другихъ лицъ, состоящихъ въ опредѣленныхъ юридическихъ отношеніяхъ съ тяжущимися, какъ-то ихъ преемниковъ, соучастниковъ и проч. Опредѣлить кругъ этихъ лицъ, прямо непричастныхъ процессу, по которому постановлено рѣшеніе, и объяснить, почему сила рѣшенія распространяется на нихъ,—вотъ задача разсматриваемаго сочиненія. Основныя воззрѣнія автора заключаются въ слѣдующемъ. Цѣль судебнаго рѣшенія—прекратить юридическій споръ, составляющій содержаніе процесса. Для того, чтобы эта цѣль была достигнута вполнѣ, чтобы разсмотрѣнный споръ впредь уже не возобновлялся, необходимо придать рѣшенію суда силу закона, разъ и навсегда нормирующаго спорное правоотношеніе.

Отсюда правила: res judicata jus facit inter partes, res judicata pro veritate accipitur. Но силу закона рѣшеніе имѣетъ только для тяжущихся, такъ какъ только они просили рѣшенія, только ихъ отношенія разсматривались судомъ, только они пользовались процессуальными средствами нападенія и защиты. Что касается третьихъ лицъ, не принимавшихъ участія въ процессѣ, то для нихъ въ высшей степени важно, чтобы рѣшеніе по чужому дѣлу не задѣвало ихъ и чтобы они могли сами защищать свои права путемъ новаго процесса. Вотъ основаніе другаго общаго правила: sententia aliis non praejudicat. Однако изъ этого правила необходимо допустить рядъ изъятій для тѣхъ случаевъ, когда третьи лица, начиная процессъ о томъ же предметѣ (eadem res), могутъ опереться только на тѣ юридическія основанія, которыя были приводимы тяжущимися въ первомъ процессѣ. При такихъ условіяхъ вторичное разсмотрѣніе спорнаго отношенія было бы совершенно излишнимъ и влекло бы за собою только умноженіе процессовъ и обремененіе судовъ работой. Вотъ почему законодательства поста-

новляютъ, что законная сила рѣшенія распространяется на универсальныхъ и сингулярныхъ преемниковъ тяжущихся, на лицъ, связанныхъ съ тяжущимися общностью правъ или обязанностей, и пр. Кругъ этихъ лицъ опредѣляется разными законодательствами неодинаково. Авторъ ограничивается разсмотрѣніемъ одного лишь такъ называемаго германскаго общаго права и только въ заключительной главѣ излагаетъ правила проекта германскаго гражданскаго уложенія.

W.

И. Гуревичъ—Родители и дѣти. Юридическая Библіотека. Изданіе Я. Канторовича. № 10—1896 г. (V+211).

Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ родителей и дѣтей представляетъ значительно большій интересъ съ бытовой, чѣмъ съ чисто-юридической точки зрѣнія. „Никакія предписанія закона и никакія полицейскія мѣры не въ состояніи создать для ребенка ту нѣжную заботливость, то безкорыстное самоотверженіе, съ которымъ родители относятся къ своимъ дѣтямъ“, справедливо замѣчаетъ г. Гуревичъ. Но если таковы нормальныя отношенія, то это все-же не даетъ возможности законодателю предоставить всю область отношенія родителей и дѣтей ихъ свободному усмотрѣнію, сдерживаемому исключительно собственнымъ сознаніемъ долга и нравственнымъ воздѣйствіемъ окружающей среды.

Съ одной стороны, жизнь на каждомъ шагу обнаруживаетъ прямыя злоупотребленія родительской властью, отъ которыхъ законы обязаны охранять беззащитныхъ дѣтей, съ другой стороны, родители бываютъ порой не въ состояніи безъ содѣйствія государства осуществить въ интересахъ дѣтей родительскую власть. Эта необходимость вмѣшательства въ равной мѣрѣ обнаруживается какъ въ сферѣ личныхъ, такъ и имущественныхъ отношеній. Далѣе къ этой же области права должны быть отнесены тѣ случаи вмѣшательства государственной власти, когда родители замѣняются опекунами и попечителями. Всю эту довольно обширную область отношеній авторъ старается охватить въ небольшой книжкѣ съ цѣлью сдѣлать ея пониманіе легко доступнымъ для обширнаго круга читателей. Цѣль эта имъ вполнѣ достигнута.

Г. Гуревичъ изложенію дѣйствующаго права предпосылаетъ краткій историческій очеркъ, въ которомъ въ общихъ чертахъ старается прослѣдить исторію образованія родительской власти въ

связи съ исторіей семьи. Авторъ хотя и допускаетъ, что „вопросъ о томъ, каково было устройство первобытной семьи, представляется еще далеко не окончательно рѣшеннымъ и установленнымъ въ наукѣ“, однако онъ рѣшительный сторонникъ теоріи матріархальной семьи, какъ древнѣйшей формы человѣческаго общежитія.

Отъ очерка первобытной семьи авторъ переходитъ къ характеристикѣ римской patria potestas, быть можетъ даже слишкомъ подробной въ виду того, что это понятіе всѣмъ хорошо извѣстное, по крайней мѣрѣ въ своихъ болѣе рельефныхъ, болѣе, если можно такъ выразиться, грубыхъ чертахъ. Дѣло, конечно, не въ томъ, что нѣсколько страницъ посвящается изложенію предмета хорошо извѣстнаго, жаль лишь, что рядомъ съ этимъ уже слишкомъ мало мѣста посвящается предмету гораздо менѣе извѣстному и болѣе спорному—германскому понятію родительской власти, такъ что утвержденіе автора, что „римскія начала эгоистической личной родительской власти всюду замѣняются позднѣйшими германскими принципами, въ основѣ коихъ лежитъ идея опеки, потребность въ организаціи защиты и воспитанія подрастающаго поколѣнія“, является противоположеніемъ, историческая правдивость котораго у автора не выяснена, и можно сильно сомнѣваться въ томъ, нѣтъ ли тутъ смѣшенія противоположенія разныхъ эпохъ, разныхъ ступеней культурнаго развитія съ противоположеніемъ національныхъ міровоззрѣній. Даже такой любопытный, съ точки зрѣнія взглядовъ автора, институтъ, какъ германскіе семейные совѣты, задѣтъ авторомъ лишь вскользь. Конечно, это обусловливается стремленіемъ къ возможной краткости изложенія, столь естественнымъ въ популярной „Юридической библіотекѣ“, стремленіемъ, которое заставляетъ автора быть порой даже не совсѣмъ точнымъ. Такъ, говоря о той неограниченной власти, которою отцы пользуются на извѣстной ступени культурнаго развитія и которая шла до права распоряженія жизнью дѣтей, авторъ напоминаетъ голодъ въ Москвѣ въ началѣ XVII ст., когда родители душили, рѣзали и варили своихъ дѣтей. Едва-ли можно серьезно видѣть въ этой расправѣ голоднаго съ слабымъ какое-либо проявленіе особой власти, находящейся на извѣстномъ міросозерцаніи.

Послѣ этой небольшой главы, посвященной историческому очерку, г. Гуревичъ обращается къ изложенію дѣйствующаго права. Сопоставляя положенія нашего законодательства съ постановленіями западно-европейскаго законодательства, авторъ выясняетъ сущность изучаемыхъ имъ отношеній, даетъ такимъ образомъ критическую

оцѣнку нашего дѣйствующаго права, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ необходимыхъ реформъ. Такъ, напр., сопоставляя постановленія нашего закона о правахъ родителей въ качествѣ опекуновъ своихъ дѣтей, вполнѣ сравнивающаго родителей съ посторонними опекунами, съ западно-европейскимъ правомъ, г. Гуревичъ дѣлаетъ совершенно правильный выводъ, что нашъ законъ предъявляетъ къ родителямъ требованія, частью несовмѣстимыя съ родительской властью, частью излишнія, въ виду особаго характера отношеній родителей къ дѣтямъ. Такъ, далѣе, останавливаясь на вопросѣ, могутъ ли родители пренебречь естественнымъ чувствомъ близости къ дѣтямъ и лишить ихъ права на наслѣдство, авторъ совершенно основательно присоединяется къ мнѣнію тѣхъ, кто признаетъ вполнѣ справедливымъ опредѣленіе въ самомъ законѣ извѣстной обязательной наслѣдственной доли, которой родители не могутъ лишить своихъ дѣтей (Pflichtsteil, droit de reserve). „Правда,—замѣчаетъ авторъ,—нѣтъ сомнѣнія, что въ большинствѣ случаевъ по крайней мѣрѣ родители лучше всякаго законодателя знаютъ, какъ имъ надлежитъ распорядиться своимъ имуществомъ для блага своихъ дѣтей. . Бываютъ случаи, когда родители имѣютъ уважительныя причины быть недовольными своими дѣтьми, а въ особенности кѣмъ-либо однимъ изъ дѣтей... Родителямъ должна быть предоставлена извѣстная свобода завѣщанія своего имущества, но часть этого послѣдняго должна быть изъята изъ этой свободы, и лишеніе ея законныхъ дѣтей должно имѣть мѣсто лишь за какія-либо преступленія и не иначе, какъ по распоряженію судебной власти“. Г. Гуревичъ ссылается на авторитетъ французскихъ юристовъ въ подтвержденіе мнѣнія о необходимости обязательной наслѣдственной доли дѣтей. „Когда воля завѣщателя,—замѣчаетъ Beaumps Beaupré, – противна справедливости и здравому смыслу, когда вмѣсто того, чтобы приводить въ исполненіе одно изъ прекраснѣйшихъ правъ природы—завѣщать свое имущество своимъ дѣтямъ, они нарушаютъ это право, когда эту волю внушило чувство несправедливости и безпорядка, тогда законъ только освобождаетъ волю завѣщателя отъ дѣйствія вредныхъ страстей“. „Развѣ завѣщатели,—замѣчаетъ Эспине,—лучше прочихъ людей защищены отъ вліянія страсти? Одинъ лишаетъ наслѣдства своихъ дѣтей, чтобы обогатить вторую жену.... другой оставляетъ свое состояніе женщинѣ зазорнаго поведенія, ставшей любовницей у его очага.... А то наслѣдодатель почувствуетъ отвращеніе къ одному изъ своихъ дѣтей—потому ли, что онъ меньше одаренъ, чѣмъ его братья,

или просто по капризу"... Притомъ, какъ это справедливо указываетъ г. Гуревичъ, часто дѣти участвуютъ вмѣстѣ съ родителями въ созданіи общаго благосостоянія семьи, а въ такихъ случаяхъ лишеніе ихъ всякаго права на наслѣдованіе является явной несправедливостью. Можно вполнѣ согласиться съ авторомъ, что отсутствіе въ нашемъ законѣ постановленія объ обязательной наслѣдственной долѣ является серьезнымъ пробѣломъ, который необходимо пополнить при предстоящей у насъ реформѣ нашего гражданскаго законодательства. Пробѣлъ этотъ особенно ненормаленъ въ виду того, что законъ нашъ по отношенію къ родовому имуществу совершенно стѣсняетъ свободу завѣщательныхъ распоряженій.

Довольно подробно г. Гуревичъ останавливается на вопросѣ о положеніи незаконныхъ дѣтей и ихъ узаконеніи. Это вполнѣ оправдывается какъ тѣмъ, что эта область регулируется сравнительно новымъ закономъ, такъ и тѣмъ, что положеніе незаконныхъ дѣтей и въ настоящее время является крайне неудовлетворительнымъ и требующимъ дальнѣйшихъ реформъ. Только въ самое послѣднее время, съ изданіемъ закона 12 марта 1891 года, замѣчаетъ авторъ, показался и у насъ свѣтлый лучъ въ этомъ темномъ царствѣ и сдѣлана попытка улучшить тяжелое положеніе незаконнорожденныхъ. Попытка эта къ сожалѣнію довольно робкая и успокаиваться на ней невозможно. Разборъ этого закона вполнѣ подтверждаетъ такую его характеристику. Дѣти, происшедшія отъ прелюбодѣянія, не могутъ быть узаконены согласно закону 12 марта, между тѣмъ, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, всѣ тѣ соображенія, которыя приводятся въ защиту незаконнорожденныхъ и которыя послужили основаніемъ для изданія закона 12 марта, съ одинаковымъ основаніемъ примѣнимы и къ дѣтямъ, рожденнымъ отъ прелюбодѣйной связи родителей: невиновность самыхъ дѣтей въ появленіи ихъ на свѣтъ, разрывъ кровной связи, установленной самой природой между родителями и дѣтьми, тяжелое положеніе несчастныхъ дѣтей, заклейменныхъ печатью позора въ глазахъ общества. Вѣдь и къ нимъ въ полной мѣрѣ примѣнимы слова Трощинскаго: „и все сіе должны они вытерпѣть безъ всякой вины, и часто имѣя всѣ достоинства и права на уваженіе".

Но какъ бы широко ни былъ поставленъ институтъ узаконенія, всегда останутся многочисленныя группы дѣтей, которыя должны сохранить положеніе дѣтей незаконныхъ.

Г. Гуревичъ совершенно правильно указываетъ, къ какимъ

ненормальнымъ послѣдствіямъ ведетъ принципіальное отрицаніе нашимъ закономъ всякаго родства незаконныхъ дѣтей не только съ отцомъ, но и съ матерью; судебная практика была вынуждена до извѣстной степени признать кровную и родственную связь, несмотря на категорическое отрицаніе ея закономъ. Но судебная практика не можетъ измѣнить постановленій, ясно выраженныхъ и послѣдовательно проведенныхъ въ законѣ; особенно мало можетъ сдѣлать въ этомъ направленіи наша судебная практика, вообще говоря, очень нерѣшительно отступающая отъ буквальнаго толкованія статьи закона. Наглядымъ подтвержденіемъ этого можетъ служить рѣшеніе Сената по дѣлу Пакутиной, въ которомъ было отвергнуто право незаконныхъ дѣтей на полученіе отъ желѣзной дороги вознагражденія за смерть отца, рѣшеніе, обстоятельно разобранное г. Змирловымъ на страницахъ этого журнала (1896 г., янв.). Только новое вмѣшательство законодателя въ отношенія родителей къ незаконнымъ дѣтямъ можетъ внести лучъ свѣта и въ это поистинѣ темное царство. Конечно, въ такомъ сжатомъ очеркѣ отдѣльные недосмотры и недочеты неизбѣжны. Такъ, напр., г. Гуревичъ, говоря объ опекѣ и попечительствѣ, не проводитъ достаточно точно и ясно различія между малолѣтними и несовершеннолѣтними; отсюда получается рядъ выводовъ, правильныхъ относительно первыхъ, неправильныхъ относительно вторыхъ; сюда относится высказанное авторомъ положеніе, будто „родители или опекуны, будучи представителями несовершеннолѣтняго, замѣняютъ его личность и устраняютъ его дѣятельность". Нѣтъ никакого сомнѣнія, что авторъ хорошо знаетъ, что несовершеннолѣтній не устраняется отъ дѣятельности, что такое полное устраненіе имѣетъ мѣсто лишь по отношенію къ малолѣтнему. Но именно, такъ какъ книжка предназначена для широкой, спеціально неподготовленной публики, такія неточности въ выраженіяхъ могутъ легко вводить въ заблужденіе. Въ виду стремленія къ возможной сжатости изложенія, возможной экономіи мѣста, едва-ли можно признать цѣлесообразнымъ, что изъ 260 страницъ очерка г. Гуревича 50 посвящены перепечаткѣ постановленій нашего закона по вопросу объ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми. Сводъ законовъ можно смѣло признать изданіемъ въ такой мѣрѣ общедоступнымъ, что нѣтъ надобности въ перепечаткѣ его постановленій рядомъ съ ихъ изложеніемъ. Если бы 50 страницъ, занятыя этими непроизводительными перепечатками, были посвящены болѣе обстоятельному изложенію нѣкоторыхъ вопросовъ, за недостаткомъ мѣста лишь вскользь затронутыхъ авторомъ, книжка г. Гуре-

вича значительно бы выиграла въ смыслѣ полноты и обстоятельности изложенія. Это было бы тѣмъ болѣе желательно, что книжка, благодаря ясному, несмотря на сжатость, изложенію, читается легко и съ интересомъ, и каждый приступившій къ ея чтенію съ удовольствіемъ дочитаетъ ее до конца.

А. Каминка.

В. Вильсонъ—Судебная практика по дѣламъ о торговыхъ администраціяхъ, торговой несостоятельности и объ охраненіи отъ разстройства торговыхъ предпріятій въ случаѣ смерти владѣльца. Рѣшенія и опредѣленія С.-Петербургскаго коммерческаго суда и Правительствующаго Сената (4-го Д—та и Втораго Общаго Собранія) 1882—1896 г. С.-Петербургъ. 1897 г., стр. VII+408.

Въ появившемся въ 1895 году сборникѣ: „Судебная практика по торговымъ дѣламъ“ [1]) составитель его, г. В. Вильсонъ не помѣстилъ рѣшеній по дѣламъ о торговой несостоятельности и администраціяхъ, указавъ, что этотъ отдѣлъ выдѣленъ и будетъ изданъ особо. Нынѣ вышедшая книга того же автора подъ указаннымъ заглавіемъ является обѣщаннымъ дополненіемъ къ сборнику 1895 г.

Какъ и „Судебная практика по торговымъ дѣламъ“ настоящее изданіе содержитъ рѣшенія и опредѣленія по тѣмъ дѣламъ, которыя разсматривались за указанный періодъ времени въ С.-Петербургскомъ коммерческомъ судѣ и тѣ разъясненія Сената по 4 Департаменту и Втораго Общаго Собранія, которыя послѣдовали въ теченіе того же времени въ полученныхъ судомъ по этимъ дѣламъ указахъ. Не исчерпывая всей судебной практики 4-го Департамента и Втораго Общаго Собранія по разсматриваемому отдѣлу права и представляя читателю лишь часть всѣхъ послѣдовавшихъ сенатскихъ разъясненій, подобные сборники имѣютъ однако то значеніе, что они знакомятъ съ массою дѣлъ, которыя до Сената не дошли, а рѣшены окончательно судомъ первой инстанціи. Случаи окончательнаго рѣшенія дѣлъ первой инстанціей безъ перенесенія ихъ на разсмотрѣніе высшаго судебнаго мѣста особенно часты въ коммерческихъ судахъ, коимъ по закону предоставлено право безапелляціоннаго рѣшенія дѣлъ по искамъ далеко не малоцѣннымъ: въ столицахъ до 3000 рублей, а въ прочихъ городахъ до 1500 рублей (ст. 53 Уст. суд. торг.). Въ виду отсутствія въ нашемъ дореформенномъ процессѣ, къ которому относится и Уставъ судопроизводства торговаго, способа кассаціоннаго обжалованія, рѣшенія коммерческихъ судовъ по дѣламъ безапелляціоннымъ являются окончательными и вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ руководящими прецедентами для другихъ однородныхъ дѣлъ въ томъ же судебномъ мѣстѣ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока вопросъ, разрѣшенный судомъ по безапелляціонному дѣлу, не возникнетъ въ другомъ дѣлѣ, подлежащемъ по цѣнѣ иска апелляціонному обжалованію, и вызоветъ соотвѣтственное разъясненіе Сената.

[1]) См. Ж. М. Ю., Январь 1896 г., стр. 327.

Впрочемъ, въ нынѣ появившемся изданіи окончательныхъ рѣшеній и опредѣленій коммерческаго суда встрѣчается сравнительно меньше, чѣмъ въ судебной практикѣ 1895 г.; изъ 209 помѣщенныхъ въ сборникѣ рѣшеній и опредѣленій на долю коммерческаго суда приходится всего 49 рѣшеній; по остальнымъ дѣламъ послѣдовали указы Сената, при чемъ изъ послѣднихъ по 5 дѣламъ имѣются разъясненія Втораго Общаго Собранія Сената, а по всѣмъ прочимъ указы 4-го Департамента. Объясняется это обстоятельство, съ одной стороны, тѣмъ, что въ большинствѣ дѣлъ о несостоятельности и администраціяхъ требованія заинтересованныхъ лицъ не выражаются въ искахъ на опредѣленную сумму, вслѣдствіе чего подобныя рѣшенія суда подлежатъ обжалованію въ Сенатъ, а съ другой стороны—тѣмъ, что въ виду крайней важности и цѣнности интересовъ, связанныхъ съ разрѣшеніемъ этихъ дѣлъ, участвующія лица сравнительно рѣдко подчиняются рѣшенію первой инстанціи и обращаются къ защитѣ Правительствующаго Сената.

Настоящій сборникъ обнимаетъ періодъ отъ 1882 до 1896 года, при чемъ въ немъ нашли себѣ мѣсто 5 опредѣленій 4-го Департамента Сената за 1896 годъ; рѣшеній коммерческаго суда, относящихся къ 1896 году, въ сборникѣ не содержится. Нѣтъ сомнѣнія, что С.-Петербургскимъ коммерческимъ судомъ постановлены рѣшенія и опредѣленія по дѣламъ о несостоятельности и администраціи и въ теченіе 1896 года до изданія сборника, и если эти рѣшенія отсутствуютъ, то это можно объяснить или тѣмъ, что дѣла, по коимъ постановлены рѣшенія въ 1896 году, еще не закончены производствомъ, или же тѣмъ, что эти дѣла не представляли принципіальнаго интереса по вновь разрѣшаемому юридическому вопросу, между тѣмъ какъ составитель помѣстилъ не всѣ рѣшенія, постановленныя коммерческимъ судомъ, а лишь тѣ изъ нихъ, которыя представляли юридическій интересъ.

Въ „Судебной практикѣ по торговымъ дѣламъ“ составитель преду-

предилъ, что онъ помѣстилъ лишь рѣшенія относящіяся къ матеріальному праву, и дѣйствительно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаевъ, онъ въ той книгѣ вовсе не коснулся вопросовъ процессуальныхъ. Въ настоящемъ сборникѣ авторъ посвятилъ вниманіе и дѣламъ, въ коихъ возбуждались вопросы судопроизводственные, вернувшись такимъ образомъ въ этомъ отношеніи къ взгляду первоначальнаго составителя судебной практики С.-Петербургскаго коммерческаго суда, Н. А. Тура, удѣлявшаго въ своемъ изданіи особую главу вопросамъ процессуальнымъ. Такъ, въ разсматриваемомъ сборникѣ мы имѣемъ даже цѣлую главу (стр. 39—53), въ которой помѣщено 17 рѣшеній по вопросамъ о подсудности дѣлъ о несостоятельности. Нельзя не привѣтствовать этого рѣшенія составителя, такъ какъ и многіе процессуальные вопросы въ разбираемыхъ отдѣлахъ права возбуждаютъ на практикѣ споры; вопросы, напримѣръ, объ отнесеніи несостоятельности къ торговой или неторговой вызываютъ на практикѣ нерѣдко разногласія; а между тѣмъ то или другое рѣшеніе этихъ вопросовъ имѣетъ весьма важное значеніе какъ для несостоятельнаго, такъ и для его кредиторовъ, въ виду значительной разницы послѣдствій той или другой несостоятельности хотя-бы по вопросу о личномъ задержаніи должника.

Въ отношеніи расположенія матеріала и тезисовъ составитель сборника придерживается той же системы, какъ въ „Судебной практикѣ по торговымъ дѣламъ“. Какъ видно изъ заглавія, книга обнимаетъ рѣшенія и опредѣленія по 3 главнымъ отдѣламъ: торговой администраціи, торговой несостоятельности и по охраненію отъ разстройства торговыхъ предпріятій въ случаѣ смерти владѣльца, или же, какъ ихъ принято называть кратко, дѣламъ о продолженіи торговли. Связь этого послѣдняго отдѣла съ предъидущими состоитъ развѣ въ томъ, что и въ случаѣ продолженія торговли, какъ и при учрежденіи администраціи и объявленіи несостоятельности, завѣдываніе и управленіе имуществомъ извѣстнаго лица передается другимъ лицамъ, при чемъ въ одномъ случаѣ причиною этой передачи является физическая смерть владѣльца, а въ другихъ случаяхъ, такъ сказать, его экономическая смерть въ видѣ неоплатности.

Отдѣлъ о продолженіи торговли самый незначительный изъ всѣхъ трехъ отдѣловъ; онъ содержитъ всего на всего 7 дѣлъ: 4 указа Сената по 4 Департаменту и 3 опредѣленія суда. Такая малочисленность помѣщенныхъ въ сборникѣ дѣлъ за періодъ времени въ

14 лѣтъ объясняется не столько рѣдкимъ появленіемъ подобныхъ дѣлъ въ коммерческомъ судѣ—ходатайства о продолженіи торговли предъявляются въ громадномъ количествѣ,—а однообразіемъ и несложностью этихъ дѣлъ, рѣдко возбуждающихъ какой-нибудь новый юридическій вопросъ.

Болѣе богатъ отдѣлъ объ администраціяхъ; онъ содержитъ всего рѣшеній по 18 дѣламъ, изъ коихъ 15 дошли до Сената и дѣлится на 6 главъ: условія допустимости администраціи и порядокъ ея учрежденія, актъ уполномочія, послѣдствія учрежденія администраціи для должника и кредиторовъ, условія существованія администраціи, условія закрытія администраціи, обращеніе администраціи въ конкурсъ. Не считая умѣстнымъ здѣсь вдаваться въ разсмотрѣніе и оцѣнку постановленныхъ по помѣщеннымъ въ сборникѣ дѣламъ рѣшеній, мы лишь замѣтимъ, что въ этомъ отдѣлѣ, какъ видно впрочемъ уже изъ оглавленія, затронуты вопросы весьма существенные. Въ тезисахъ и помѣщенныхъ рѣшеніяхъ мы находимъ, напримѣръ, указанія на значеніе баланса, на порядокъ удовлетворенія претензій къ должнику и къ администраціи и нѣкоторыя разъясненія спорнаго въ практикѣ вопроса объ условіяхъ требованія отдѣльнымъ кредиторомъ о превращеніи администраціи въ конкурсъ.

Вся остальная масса помѣщенныхъ въ сборникѣ дѣлъ относится къ вопросамъ о торговой несостоятельности; въ этомъ отдѣлѣ помѣщено всего 184 тезиса, за большинствомъ коихъ слѣдуютъ рѣшенія суда или указы Сената. Мы говоримъ „за большинствомъ“, такъ какъ въ сборникѣ имѣется нѣсколько десятковъ тезисовъ безъ рѣшеній по вопросамъ въ большинствѣ случаевъ несложнымъ и яснымъ. Отдѣлъ о торговой несостоятельности содержитъ слѣдующія главы: подсудность дѣлъ о несостоятельности; открытіе несостоятельности; послѣдствія объявленія несостоятельности; присяжный попечитель и кредиторы; избраніе членовъ конкурса; конкурсное управленіе; конкурсная масса; повѣрка требованій, предъявленныхъ къ несостоятельному должнику; общія собранія кредиторовъ и продажа недвижимаго имущества; выдача дивиденда; свойство несостоятельности; послѣдствія несостоятельности; мировая сдѣлка; прекращеніе несостоятельности; переводъ дѣла о несостоятельности; вторичное объявленіе несостоятельности. Нѣкоторыя изъ этихъ главъ подраздѣляются еще на болѣе частные отдѣлы, указываемые въ оглавленіи. Кромѣ подробно составленнаго оглавленія, къ этому сборнику, равно какъ и къ „Судебной практикѣ по торговымъ дѣламъ“ приложенъ алфавитный указатель предметовъ, упоминаемыхъ въ рѣше-

ніяхъ, и указатель законовъ, въ рѣшеніяхъ приводимыхъ; кромѣ того въ книгѣ имѣется еще и сравнительный указатель статей Устава о торговой несостоятельности XI т. 2 ч., изд. 1857 г., и статей Уст. суд. торг. XI т. 2 ч., изд. 1887—1893 г. Въ указателѣ законовъ имѣются между прочимъ ссылки на Code de commerce и германское торговое уложеніе. Обѣ эти ссылки относятся къ одному и тому же дѣлу (№ 115 Овсянникова), въ коемъ Правительствующій Сенатъ, разъясняя, что и по нашему законодательству „возникающее изъ фрахтоваго договора требованіе фрахтовыхъ денегъ не есть какое-либо личное требованіе, а требованіе, реально обезпеченное принятымъ для перевозки имуществомъ", счелъ нужнымъ между прочимъ сослаться и на постановленія иностранныхъ законодательствъ.

Въ алфавитномъ указателѣ предметовъ совершенно отсутствуетъ указаніе на обычай, между тѣмъ какъ въ судебной практикѣ по торговымъ дѣламъ обычай значился въ указателѣ въ качествѣ особаго „предмета, упоминаемаго въ рѣшеніяхъ", при чемъ ссылки на торговый обычай встрѣчаются тамъ въ рѣшеніяхъ сравнительно нерѣдко. Въ виду того громаднаго значенія, которое имѣютъ торговые обычаи въ дѣлахъ торговыхъ, нельзя не пожалѣть о томъ, что составитель не объяснилъ въ предисловіи къ настоящему изданію о причинѣ отсутствія указаній на обычай, какъ на предметъ, упоминаемый въ рѣшеніяхъ. Правда, отдѣлы о торговыхъ администраціяхъ и несостоятельности имѣютъ своимъ предметомъ область ненормальнаго функціонированія торговой жизни, которая въ подобныхъ условіяхъ не можетъ служить удобной почвой для развитія обычая; но если дѣйствительно дѣла объ администраціяхъ и несостоятельности разрѣшаются исключительно на твердомъ основаніи писанныхъ законовъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ возможно существованіе обычаевъ по отношенію къ вопросамъ, отъ разрѣшенія коихъ въ значительной степени зависятъ указанныя дѣла, какъ хотя-бы, напримѣръ, по вопросу о балансахъ, играющихъ столь важную роль въ дѣлахъ этого рода. Далѣе, нельзя не признать, что дѣла объ администраціяхъ и несостоятельности обнимаютъ цѣлую массу различныхъ отношеній и приходятъ въ соприкосновеніе съ самыми различными областями торговой жизни, въ которыхъ существуютъ торговые обычаи. И дѣйствительно, нельзя сказать, чтобы въ помѣщенныхъ въ разсматриваемомъ сборникѣ рѣшеніяхъ вовсе не заключалось какихъ бы то ни было указаній на обычай; такъ, въ рѣшеніи по дѣлу Овсянникова въ отдѣлѣ о несостоятельности (№ 115, стр. 229) въ приведенномъ указѣ Правительствующаго Сената по 4 Департаменту отъ 1 апрѣля 1891 года приводится весьма цѣнное указаніе на существующій торговый обычай. Разсматривая вопросъ о порядкѣ удовлетворенія требованія фрахтовыхъ денегъ съ несостоятельнаго должника и развивая тотъ взглядъ, что подобное требованіе имѣетъ предметомъ не какое-либо личное обязательство, а реально обезпечено принятымъ для перевозки имуществомъ, что фрахтовщикъ, принимая на себя перевозку, вѣритъ клади, а не личности своего контрагента, Сенатъ указываетъ, что новый проектъ устава торговой несостоятельности, исходя между прочимъ изъ „*существующаго по сему предмету въ нашемъ торговомъ быту обычая*", относитъ требованіе фрахтовыхъ денегъ къ числу требованій, подлежащихъ отдѣльному отъ конкурса удовлетворенію изъ перевезеннаго груза.

Указатели, какъ и въ практикѣ по дѣламъ торговымъ, составлены прекрасно. Въ алфавитномъ указателѣ предметовъ вслѣдъ за каждымъ главнымъ понятіемъ указаны болѣе подробныя данныя по относящимся къ нему вопросамъ. Такъ, напримѣръ, подъ словомъ „коммисія" мы находимъ ближайшія указанія: „претензія коммитента за товаръ, проданный должникомъ-коммисіонеромъ", „искъ конкурса къ коммитенту о возвратѣ товара въ массу", „искъ коммитента о возвратѣ товара" и т. д. Несомнѣнно, что подобныя указанія очень полезны при пользованіи изданіемъ.

Тезисы составлены очень подробно, исчерпывая обыкновенно всѣ основныя юридическія положенія, высказываемыя въ предлежащемъ рѣшеніи. Поэтому очень часто каждому рѣшенію предшествуетъ не одинъ, а нѣсколько тезисовъ.

Мы имѣли случай уже по отношенію къ „Судебной практикѣ по торговымъ дѣламъ" высказать, какое важное значеніе имѣютъ изданія, подобныя настоящему, для облегченія изученія судебной практики въ особенности по дѣламъ коммерческихъ судовъ, подчиненныхъ 4 Департаменту Правительствующаго Сената, не публикующему своихъ рѣшеній. Было бы весьма желательно появленіе практики и остальныхъ коммерческихъ судовъ; тогда получилась бы полная картина судебной практики по торговымъ дѣламъ, въ высшей степени полезная для судебныхъ дѣятелей.

И. Гордонъ.

Сборникъ узаконеній и распоряженій по землевладѣнію въ Западныхъ губерніяхъ съ рѣшеніями Правительствующаго Сената (по Общему Собранію и Кассаціонному Департаменту). Составилъ чиновникъ особыхъ порученій по крестьянскимъ дѣламъ при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ Т. Рафальскій. Кіевъ, 1895 г. Ц. 2 руб. (стр. XII+250).

Въ девяти Западныхъ губерніяхъ, занимающихъ площадь въ 514.150 кв. верстъ съ населеніемъ до 20 милліоновъ, т. е. не уступающихъ въ обоихъ отношеніяхъ такому государству, какъ Испанія, дѣйствуютъ ограничительные законы по землевладѣнію, законы, изданные разновременно, не приведенные въ стройную систему, частью разсѣянные въ разныхъ томахъ Свода законовъ, а частью въ него не вошедшіе. Понятно отсюда, насколько важно изданіе полнаго и систематическаго сборника этихъ законовъ, особенно съ послѣдовавшими разъясненіями, такъ какъ примѣненіе ихъ вызываетъ не мало недоразумѣній, въ значительной мѣрѣ тормозящихъ экономическую жизнь столь обширнаго края. Естественно поэтому, что книга, означенная въ заголовкѣ, должна представлять интересъ для всѣхъ, причастныхъ къ этой жизни края. Но, знакомясь съ „Сборникомъ“ г. Рафальскаго, трудно сказать, какую собственно цѣль преслѣдовалъ составитель, такъ какъ отъ его имени въ этомъ отношеніи не сдѣлано никакихъ указаній, обыкновенно помѣщаемыхъ въ предисловіяхъ, а на самомъ изданіи не обозначено, оффиціальное ли оно; поэтому трудно судить, насколько успѣшно выполнена составителемъ его задача.

По содержанію „Сборникъ“ г. Рафальскаго является собственно повтореніемъ изданія такого же сборника, изданнаго анонимнымъ составителемъ въ Кіевѣ въ 1885 г., и отличается отъ него лишь большею полнотою собранныхъ законовъ и включеніемъ кассаціонныхъ рѣшеній. Книга г. Рафальскаго озаглавлена „Сборникъ узаконеній и распоряженій по землевладѣнію въ Западныхъ губ.“, и это даетъ основаніе полагать, что въ нее вошли всѣ законы, относящіеся до землевладѣнія и спеціально установленные для Западнаго края. Но такое ожиданіе не оправдывается, такъ какъ въ „Сборникѣ“ совершенно отсутствуетъ такой спеціальный для Западныхъ губ. законъ, какъ Положеніе 9 іюня 1886 г. о сельскихъ вѣчныхъ чиншевикахъ. Все содержаніе „Сборника“ распредѣлено на отдѣлы: о льготахъ при покупкѣ имѣній въ Западныхъ губ., о продажѣ имѣній лицамъ русскаго происхожденія, объ ограниченіи

правоспособности лицъ польскаго происхожденія, евреевъ и иностранныхъ поселенцевъ и о іезуитскихъ и ленныхъ имѣніяхъ. Изъ этого перечня видно, что главнымъ предметомъ „Сборника“, а, слѣдовательно, и ближайшею цѣлью составителя, является сводъ собственно ограничительныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ Западномъ краѣ. Если это такъ, то естественно предъявить требованіе, чтобы каждый, желающій уяснить свое истинное положеніе и свои дѣйствительныя права въ краѣ, могъ бы достигнуть этого при помощи „Сборника“ г. Рафальскаго. Но это едва-ли возможно. Такъ, въ „Сборникъ“ совершенно не вошли ни Высочайше утвержденное 11 декабря 1861 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта (Полн. Собр. Зак. 1861 г. № 37738) о правѣ пріобрѣтенія евреями недвижимой собственности въ Кіевѣ, ни законъ, изложенный въ 960 ст. IX т., Зак. о сост., о владѣніи евреевъ недвижимыми имѣніями въ краѣ по наслѣдству, ни рѣшеніе Гражд. Кассац. Деп. Сената 1890 г. № 124, по дѣлу Германовъ, о значеніи давности для еврейскаго землевладѣнія, ни рѣшеніе того же Департамента 1889 г. № 86, по дѣлу Иваненко, еще болѣе капитальное, такъ какъ имъ установлено то чрезвычайно важное положеніе, что инструкція 23 іюля 1865 г. хотя и не была обнародована, но обязательна не только для непосредственныхъ пріобрѣтателей *инструкціонныхъ* участковъ отъ казны, но и для лицъ, пріобрѣвшихъ эти участки изъ вторыхъ рукъ.

Существеннѣйшее значеніе имѣетъ въ Западномъ краѣ вопросъ объ удостовѣреніи правоспособности къ пріобрѣтенію недвижимыхъ имѣній. Правительствующій Сенатъ, по гражданскимъ дѣламъ Попова (рѣш. 1890 г. № 111) и Шпакова (рѣш. 1895 г. № 39), дважды обсуждалъ юридическую силу и законное значеніе выдаваемыхъ администраціею свидѣтельствъ на право пріобрѣтенія имѣній и категорически призналъ, что указаніе въ такомъ свидѣтельствѣ опредѣленнаго имѣнія, на пріобрѣтеніе коего оно выдано, не имѣетъ непосредственной связи съ предметомъ, который долженъ быть удостовѣренъ, т. е. съ правомъ даннаго лица на пріобрѣтеніе вообще имѣній въ Западномъ краѣ, и что поэтому наименованіе въ свидѣтельствѣ не того имѣнія, которое въ дѣйствительности пріобрѣтается, не умаляетъ права покупщика на пріобрѣтеніе и имѣнія, въ свидѣтельствѣ не показаннаго, если только въ этомъ свидѣтельствѣ покупщикъ признанъ лицомъ русскаго происхожденія и если оно выдано подлежащимъ губернаторомъ или генералъ-губернаторомъ. Логически правильнымъ изъ этого выводомъ будетъ

и то заключеніе, что получившій свидѣтельство на пріобрѣтеніе опредѣленнаго *количества* земли не можетъ быть лишенъ права и на покупку земли въ большемъ количествѣ, чѣмъ показано въ свидѣтельствѣ. Это разъясненіе Сената почему-то вовсе не попало въ „Сборникъ“ г. Рафальскаго. Значеніе же этого разъясненія, очевидно, громадно и притомъ тѣмъ болѣе, что въ выдаваемыхъ свидѣтельствахъ и до сихъ поръ продолжаютъ указывать или опредѣленное имѣніе или количество разрѣшенной къ пріобрѣтенію земли, создавая этимъ для многихъ камни преткновенія, для преодолѣнія которыхъ тратятся время и деньги на принесеніе жалобъ. Вообще вопросъ о правоспособности къ пріобрѣтенію недвижимости по „Сборнику“ недостаточно ясенъ и, благодаря отсутствію вышеупомянутыхъ рѣшеній Сената, представленъ въ такомъ видѣ, что пріобрѣсти имѣніе въ Западномъ краѣ можно не иначе, какъ только по свидѣтельству администраціи, и притомъ только то именно или въ такомъ размѣрѣ, какіе указаны въ свидѣтельствѣ, хотя это невѣрно, какъ въ виду указаній Сената, такъ и потому, напр., что, по буквальному смыслу 24 ст. Положенія 9 іюня 1886 г., продаваемый съ публичнаго торга чиншевой участокъ земли можетъ быть пріобрѣтенъ односельцами должника, „хотя-бы они принадлежали къ разряду лицъ, не имѣющихъ права пріобрѣтать недвижимую собственность въ Западномъ краѣ“, а, слѣдовательно, и безъ представленія разрѣшительнаго свидѣтельства.

Къ неполнотѣ „Сборника“ слѣдуетъ отнести и то, что, приведя (на стр. 291—293) рѣшеніе Общ. Собр. Деп. Сената 1893 г. № 33, опредѣляющее, какая часть городской территоріи должна быть отнесена къ *городскому поселенію* въ смыслѣ ограничительныхъ законовъ Западнаго края, онъ не приводитъ другаго рѣшенія Сената по тому же вопросу, рѣш. Гражд. Деп. 1890 г. № 77, по дѣлу Фрида.

При указываемой неполнотѣ, съ другой стороны, совершенно непонятно, почему г. Рафальскій включилъ въ „Сборникъ“, напр., законъ 21 декабря 1887 г. (стр. 161) объ отмѣнѣ 30 ст. Уст. гражд. суд., или (стр. 108) п. 5 ст. 191 Уст. о пошл., освобождающій отъ крѣпостныхъ пошлинъ данныя на выкупаемыя крестьянами земли по правиламъ Общ. Полож. и Полож. о взыск., или занявшія 12 страницъ (162—173) рѣшенія Общ. Собр. Сен. 1878 г. № 8 и 1893 г. № 7, разъясняющія вопросъ о порядкѣ уничтоженія данныхъ, актовъ и сдѣлокъ на выкупленныя крестьянами при содѣйствіи правительства земли,—непонятно потому, что эти законы и разъясненія, имѣя общее значеніе для всей Имперіи, никакого спеціальнаго отношенія собственно къ Западнымъ губ. не имѣютъ и что при такомъ пониманіи задачъ „Сборника“ въ него съ одинаковымъ основаніемъ слѣдовало бы включить и весь X т. Свод. зак. и Особое прилож. къ IX т.

Самые законы напечатаны въ „Сборникѣ“ цѣликомъ, какъ они изложены въ Высочайшихъ новелѣніяхъ, положеніяхъ, правилахъ и т. п., при чемъ они цитируются (опять-таки по неизвѣстной причинѣ) не по Полному Собранію Законовъ, а по Собранію узаконеній и распоряженій правительства. Подъ законами, кромѣ того, приведены также цѣликомъ или только указаны статьи Свод. зак., въ которыя они вошли, но и это не вездѣ выдержано. Такъ, подъ закономъ 6 октября 1867 г. (стр. 16—18) не указано, что онъ вошелъ въ примѣч. къ 1630[1] ст. X т. 1 ч., а подъ закономъ 8 декабря 1867 г. (стр. 18—20) не указывается, что изъ него составлена 1699 ст. того же тома и части и т. п. Если полное изложеніе закона представляетъ интересъ по мотивамъ, когда они въ немъ приведены, то способъ этотъ въ остальныхъ случаяхъ послужилъ въ значительной мѣрѣ къ увеличенію объема „Сборника“, а не его содержанія. Такъ, напр., законъ 2 февраля 1891 г., воспретившій лицамъ польскаго происхожденія пожизненное владѣніе недвижимостью, цѣликомъ вошелъ въ 5 примѣч. къ 698 ст. Свод. зак. гражд., но въ Сводѣ онъ умѣстился въ 6 строкахъ, а въ „Сборникѣ“ занимаетъ 21.

Съ внѣшней стороны „Сборникъ“ не оставляетъ желать ничего большаго: отличная бумага и хорошая печать. Если прибавить къ этому и довольно доступную цѣну, то останется только посѣтовать на недостатки его системы и выдержанности.

X.

Рецензіи, заимствованныя изъ иностранныхъ журналовъ.

Makarewicz—Das Wesen des Verbrechens. Eine kriminalsoziologische Abhandlung auf vergleichender und rechtsgeschichtlicher Grundlage. XII. 258 S. Wien, 1896 Manz.

Цѣль этого труда—опредѣленіе природы наказанія съ точки зрѣнія уголовной соціологіи. Подъ преступленіемъ авторъ понимаетъ совершенное однимъ изъ членовъ данной ассоціаціи дѣяніе, признаваемое остальными сочленами настолько вреднымъ для

нея, что они реагируютъ противъ виновнаго публично, сообща и внѣшнимъ образомъ, стараясь уменьшить одно изъ принадлежащихъ ему благъ. Преступленіе—явленіе соціальное, а не государственное. Тенденція государства къ концентраціи, въ лицѣ своей карательной власти, общественной реакціи противъ преступленія ограничена реакціей безчисленныхъ ассоціацій, существующихъ въ государствѣ и имѣющихъ свои собственныя преступленія и наказанія. Въ отличіе отъ господствующихъ воззрѣній на природу преступленія, авторъ выдвигаетъ моментъ соціальнаго происхожденія и антисоціальной природы преступленія, а также антисоціальныхъ наклонностей преступника.

Наказаніе направлено не противъ дѣйствія, а противъ наклонности дѣйствующаго лица. Несмотря на свою оригинальность и несомнѣнный интересъ, изслѣдованіе Makarewicz'a не настолько убѣдительно, чтобы поколебать традиціонныя основы уголовнаго права. Тѣмъ не менѣе, изслѣдованіе это заслуживаетъ вниманія уже потому, что авторъ его не слѣдуетъ односторонне и слѣпо по пути, проложенному новымъ направленіемъ, но разсматриваетъ проблему, во многихъ отношеніяхъ, оригинально и самостоятельно.

(Рецензія Ullmann'a въ Centralblatt fur Rechtswissenschaft, XV Band, 11 Heft, Juli 1896).

Louis le Fur. Etat fédéral et confédération d'Etats. Paris, 1896. Marchal et Billard.

На-ряду съ объединенными государствами съ древнѣйшихъ временъ существуютъ соединенія государствъ. Несмотря на безконечное разнообразіе ихъ формъ, обыкновенно различаютъ два главныхъ вида федеральныхъ государствъ: союзъ государствъ и союзное государство,—Staatenbund и Bundesstaat. Le Fur поставилъ себѣ цѣлью выяснить природу каждаго изъ означенныхъ типовъ и путемъ сравненія указать, въ чемъ отличаются они другъ отъ друга съ точки зрѣнія какъ внѣшняго, такъ и внутренняго суверенитета. Справедливо не довѣряя апріорнымъ идеямъ, онъ предпосылаетъ юридическому анализу союзнаго государства обширную историческую часть, содержащую разборъ всѣхъ сколько-нибудь важныхъ союзныхъ конституцій,—настоящихъ и прошлыхъ, отъ конституцій Ахейскаго и Этолійскаго союзовъ до современныхъ конституцій Германіи, Швейцаріи и Соединенныхъ Штатовъ. Такимъ образомъ, онъ раскрываетъ коренные принципы, лежащіе въ основаніи различныхъ федеральныхъ конституцій, и при помощи добытыхъ данныхъ пытается построить общую теорію союзнаго государства и союза государствъ. Сущность этой теоріи сводится къ тому, что въ союзномъ государствѣ только союзъ является настоящимъ государствомъ, носителемъ суверенитета, коего лишены его члены; наоборотъ, союзъ государствъ является только ассоціаціей нѣсколькихъ суверенныхъ государствъ. Въ союзѣ государствъ неизбѣжны и часты конфликты между отдѣльными государствами и союзомъ, въ пользу котораго они отказались отъ части своихъ правъ. Поэтому союзы государствъ явились переходной формой и постепенно исчезли, смѣнившись союзнымъ или даже простымъ государствомъ; примѣрами перехода союза государствъ въ союзное государство являются Соединенные Штаты въ 1787 году, Швейцарія въ 1848 году и Германія въ 1871 году.

Трудъ le Fur'a восполняетъ замѣтный пробѣлъ во французской литературѣ государственнаго права. До него ни одинъ изъ французскихъ юристовъ или публицистовъ не занимался вопросомъ о государственныхъ соединеніяхъ; между тѣмъ вопросъ этотъ представляетъ значительный интересъ вслѣдствіе постоянно возрастающаго числа союзныхъ государствъ. Благодаря le Fur'y во французской литературѣ имѣется трудъ, который справедливо можетъ быть поставленъ на-ряду съ лучшими германскими и американскими сочиненіями о соединеніяхъ государствъ.

(Рецензія Lyon-Caen'a въ Séances et Travaux de l'Academie, Août 1896).

Recueil général de la législation et des traités concernant la propriété industrielle. Publié par le bureau international de l'Union pour la protection de la propriété industrielle, avec le concours de jurisconsultes de divers pays. Tome 1-er: Allemagne, Autriche-Hongrie, Belgique, Bulgarie, Danemark, Espagne, France, Gibraltar, Grande Bretagne, Grèce, Iles de la Manche. Berne: Bureau International de la propriété industrielle. 1896. XVII+571 p.p.

Это—очень интересное и полезное изданіе, которое будетъ встрѣчено съ сочувствіемъ всѣми интересующимися международнымъ правомъ. Оно будетъ состоять изъ трехъ томовъ и будетъ снабжено введеніемъ Парижскаго профессора Ш. Ліонъ-Канъ (Lyon-Caen), который является самымъ авторитетнымъ по этимъ предметамъ писателемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ (въ 1889 г.) Ліонъ-Канъ издалъ сводъ законодательствъ европейскихъ государствъ и Америки о литературной собственности, подъ заглавіемъ „Lois

sur la propriété littéraire et artistique", и настоящій трудъ составитъ полезный „pendant" къ этому изданію. Такимъ образомъ, результаты двухъ большихъ международныхъ конвенцій 1883 и 1886 годовъ, съ одной стороны—о патентахъ, рисункахъ и фабричныхъ знакахъ, съ другой—о литературной собственности, будутъ изложены достойнымъ образомъ, и законодательство цивилизованныхъ странъ по этимъ предметамъ, изложенное въ удобной формѣ, сдѣлается доступнымъ каждому, кто пожелаетъ изучить его.

Нѣтъ большаго различія въ общей схемѣ законодательства о патентахъ европейскихъ странъ. Такъ, по отношенію къ продолжительности патентовъ въ большинствѣ странъ существуютъ почти одинаковые сроки: напр., въ Великобританіи—14 лѣтъ; во Франціи и Германіи—15 лѣтъ; въ Бельгіи и Испаніи—20 лѣтъ. Стоимость ихъ, для всего періода, также мало варьируется: такъ, въ Великобританіи она составляетъ 99 фун. ст. (съ 1892 г.), во Франціи—60 фун. ст., въ Бельгіи и Испаніи—80 фун. ст. Въ Германіи, правда, она достигаетъ 265 фун. ст., и, вѣроятно, этимъ высокимъ размѣромъ объясняется преобладаніе въ этой странѣ двойной системы—патентовъ въ собственномъ смыслѣ и „Gebrauchsmuster" или практическихъ моделей, такъ сказать—дорогаго и дешеваго патентовъ. Что касается принципіальныхъ вопросовъ, то слѣдуетъ замѣтить, что основное различіе, напр., между англійскою патентною системою и французскою состоитъ въ томъ, что между тѣмъ какъ въ Англіи существуетъ сложный механизмъ для обезпеченія, насколько возможно, того, чтобы патентъ выдавался на такое изобрѣтеніе, которое дѣйствительно представляетъ собою нѣчто новое, во Франціи не стараются объ этомъ вовсе и единственная задача подлежащихъ властей сводится къ удостовѣренію того, что просьба о выдачѣ патента сдѣлана въ правильной и надлежащей формѣ. Это то, что́ называютъ „le principe du non-examen"; патентъ можетъ получить всякій, просящій о немъ въ надлежащей формѣ, но такой патентъ выдается ему всецѣло на его собственный рискъ, не предполагаетъ никакой гарантіи со стороны правительства и вовсе не является какимъ-либо доказательствомъ новизны изобрѣтенія. Въ этомъ отношеніи испанское и бельгійское право походятъ на французское, тогда какъ германское право, наоборотъ, приближается къ англійскому въ той публичности, которая дается просьбѣ о выдачѣ патента, и промежуткѣ времени, протекающаго до окончательной выдачи его съ цѣлью дать публикѣ возможность воспрепятствовать выдачѣ.

Нужно, однако, имѣть въ виду, что послѣдствія этого различія въ точкѣ зрѣнія не имѣютъ такого практическаго значенія, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ права лица, раньше получившаго привилегію, обезпечиваются возможностью обратиться къ суду съ требованіемъ объ уничтоженіи позже выданной привилегіи.

Можно было бы сдѣлать еще много другихъ интересныхъ сравненій между различными системами, примѣняемыми какъ въ отношеніи къ патентамъ, такъ и къ торговымъ знакамъ, но мѣсто не позволяетъ намъ распространяться дальше, и мы можемъ только всѣмъ, интересующимся этимъ предметомъ, рекомендовать обратиться къ самой книгѣ. Работа эта, которая должна была потребовать весьма значительнаго труда, выполнена, какъ намъ кажется, очень хорошо; переводы, насколько мы могли провѣрить ихъ, отличаются точностью, а вступительныя замѣчанія къ законодательству каждой страны изложены ясно и обстоятельно.

Единственное возраженіе, которое мы хотимъ сдѣлать, состоитъ въ томъ, что было бы, быть можетъ, практичнѣе, не держась алфавитнаго порядка, сгруппировать вмѣстѣ законы важнѣйшихъ государствъ Европы такъ, чтобы въ этотъ первый томъ были включены законодательства Италіи, Португаліи и Швейцаріи, а не законы Болгаріи, Гибралтара и Ламаншскихъ острововъ. Возраженіе это не имѣетъ однако большаго значенія, если изданіе послѣдующихъ томовъ не будетъ отложено на долгое время.

Можно также выразить надежду, что къ разсматриваемой работѣ, когда она будетъ закончена, будетъ приложенъ полный и тщательно составленный указатель.

(Рецензія изъ „Law Quarterly Review", Octob. 1896).

Въ теченіе послѣдняго мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Архивъ Государственнаго Совѣта.—Царствованіе Императора Александра I (съ 1810 по 19 ноября 1825 г.). Журналы по дѣламъ Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ.—Т. IV. Ч. 2-я.—Спб. 96. (Стр. XIII+854+XLVIII).

Бабушкинъ, С. Д.—Предстоящая судебная реформа.—Казань. 97. (Стр. 234+II). Ц. 1 р. 50 к.

Быховскій, В. В.—Наше законодательство о жестокомъ обращеніи съ животными и желательныя въ немъ измѣненія.—Изд. Моск. Отд. Россійск. Общ. Покров. Животнымъ. М. 97. (Стр. 68). Ц. 30 к.

Громачевскій, С. Г.—Сборникъ узаконеній, относящихся до преобразованія суда въ Сибири.—Житомиръ. 97. (Стр. 102). Ц. 1 р.

Гроссъ, Гансъ, д-ръ.—Руководство для судебныхъ слѣдователей, чиновъ общей и жандармской полиціи и др.—Перев. съ нѣм. Л. Дудкина и Б. Зиллера.—Вып. II. Смоленскъ. 96. (Стр. IV+179—546). Ц. 2 р. 50 к. Вып. III. Смоленскъ. 97. (Стр. IX+547—980). Ц. 2 р. 50 к.

Закревскій, Иг.—О настоящемъ и будущемъ суда присяжныхъ.—Сборникъ статей. Спб. 97. (Стр. V+201). Ц. 1 р. 25 к.

Краевскій, А.—Практическія замѣтки о свойствахъ состязательнаго начала въ гражданскомъ судопроизводствѣ.—Спб. 97. (Стр. 97). Ц. 50 к.

Н. К.—Питейная реформа и народное благосостояніе.—Докладъ, чит. 22 января 1897 г. въ Томскомъ Отдѣлѣ Имп. Моск. Общ. Сельск. Хозяйства.—Томскъ. 97. (Стр. 35).

Preux, Jules.—La Loi du Vinodol.—Extrait de la «Nouvelle Revue historique de droit français et étranger».—Paris. 97. (P. 31+XL).

Пржевальскій, В. В.—Проектъ уголовнаго уложенія и современная наука уголовнаго права.—Изъ «Журнала Юридическаго Общества». Спб. 97. (Стр. 104).

Программы чтенія для самообразованія.—Второе, переработанное и дополненное, изданіе Отдѣла для содѣйствія самообразованію въ Комитетѣ Педагогическаго Музея Военно-учебныхъ заведеній.—Спб. 97. (Стр. IV+296). Ц. 40 к.

Соколовъ, А.—Основные принципы предварительнаго производства въ уголовномъ процессѣ.—§§ 6—8. Вильна. 97. (Стр. 113—1152). Ц. 60 к.

Флексоръ, Д.—Право на воды по разъясненіямъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената.—Спб. 96. (Стр. X+144).

Шершеневичъ, Г. Ф.—О порядкѣ пріобрѣтенія ученыхъ степеней.—Казань. 97. (Стр. 33). Ц. 30 к.

Энциклопедическій словарь, нач. проф. И. Е. Андреевскимъ, продолж. подъ редакціею К. К. Арсеньева и засл. проф. Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго. Изданіе Брокгауза и Ефрона. Томъ XIX. Мекенен̀ъ до Московскій Телеграфъ. Спб. 96. (Стр. II+960+II).

Янжулъ, И. И.—Отпускная торговля и нѣкоторыя мѣры для ея развитія. Торговые музеи, экспортные союзы и склады товарныхъ образцовъ.—Изд. Департамента торговли и мануфактуръ. М. 97. (Стр. XV+367).

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ
ТРУДОВЪ А. Д. ГРАДОВСКАГО.

Въ настоящемъ спискѣ трудовъ покойнаго проф. С.-Петербургскаго университета Александра Дмитріевича Градовскаго сообщается въ хронологическомъ порядкѣ перечень его сочиненій и статей какъ ученаго, такъ и публицистическаго характера, относящихся ко времени отъ 1865 до 1887 года, а также посмертныя изданія за время отъ 1890 по 1895 г.

Всѣ извѣстныя намъ ученыя сочиненія и статьи А. Д. Градовскаго подписаны его именемъ. Собрать ихъ не представляло поэтому трудностей. Впрочемъ, подъ одной критической статьей (см. въ настоящемъ спискѣ № 12) мы нашли подпись „А. Оскольскій“; въ томъ, что эта статья и этотъ псевдонимъ принадлежатъ А. Д. Градовскому, не можетъ быть сомнѣнія уже потому, что она вошла въ изданный самимъ авторомъ ея сборникъ „Политика, Исторія и Администрація“. Подъ другой статьей (см. № 35) находимъ подпись Г.: всѣ наведенныя нами справки подтвердили предположеніе, что подъ этой буквой скрывается имя А. Д., почему мы и рѣшили включить эту статью въ нашъ списокъ.

Собрать библіографическій матеріалъ по дѣятельности А. Д. Градовскаго, какъ публициста, оказалось задачей болѣе сложной. Впрочемъ, сотрудничество А. Д. въ нѣкоторыхъ публицистическихъ органахъ было непродолжительно и незначительно: кромѣ *Судебнаго Вѣстника* (1869 г.), онъ участвовалъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* и въ 1881 году помѣстилъ одну статью въ *Недѣлѣ* [1]).

[1]) Въ одной статьѣ И. С. Аксакова мы встрѣтили указаніе на сотрудничество А. Д. въ журналахъ „Время“ и „Эпоха“. Сообщеніе это по тщательной провѣркѣ не оправдалось.

Всѣ эти статьи и фельетоны мы нашли за полною подписью А. Д. Но публицистическая дѣятельность его сосредоточивалась главнымъ образомъ и почти исключительно на газетѣ *Голосъ*. Лишь небольшая часть помѣщенныхъ въ *Голосѣ* фельетоновъ подписана А. Д. Рядъ фельетоновъ помѣченъ псевдонимомъ „В. Ж." (Виленскій житель), а также нѣкоторыми другими для отдѣльныхъ случаевъ придуманными именами („Митрофанъ Простаковъ", „Медіумъ", „Магницкій", „Вятичъ"): мы имѣемъ несомнѣнныя доказательства, что псевдонимы эти принадлежали А. Д. Рядомъ съ этими фельетонами есть другіе, подписанные такими псевдонимами, которые лишь съ вѣроятностью могутъ быть присвоены покойному профессору. Наконецъ находимъ въ *Голосѣ* нѣсколько фельетоновъ и очень много передовыхъ статей совсѣмъ неподписанныхъ А. Д.; нѣкоторые изъ нихъ, по имѣющимся у насъ даннымъ, несомнѣнно принадлежатъ ему; о другихъ же это можно утверждать только съ вѣроятностью. Въ виду этого, и не желая пройти молчаніемъ тѣ неподписанныя А. Д. статьи, которыя по ближайшемъ изслѣдованіи могутъ оказаться принадлежащими ему, мы рѣшили внести въ настоящій списокъ только подписанные полнымъ именемъ А. Д. или несомнѣнно ему принадлежащими псевдонимами — фельетоны. Впрочемъ, руководствуясь прямыми указаніями автора сборника „Политика, Исторія и Администрація", мы включили въ нашъ списокъ нѣкоторыя передовыя статьи *Голоса* 1869 и 1870 г.г.

Послѣ покойнаго А. Д., бывшаго профессоромъ С.-Петербургскаго университета, Александровскаго лицея и читавшаго одно время на Высшихъ женскихъ курсахъ, осталось очень много лекцій, изданныхъ литографированнымъ образомъ его слушателями. Хотя экземпляры большей части этихъ курсовъ имѣются въ Публичной библіотекѣ и въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ, почему пользованіе ими стало общедоступнымъ, тѣмъ не менѣе перечислять ихъ въ спискѣ *печатныхъ* трудовъ представляется излишнимъ. Но печатныя изданія лекцій, выпущенныя студентами университета, нашли себѣ мѣсто въ настоящемъ спискѣ [1]). Программы по курсамъ государственнаго права, составленныя и напечатанныя А. Д. Градовскимъ, оставлены нами безъ вниманія.

[1]) Мы отмѣчаемъ двумя звѣздочками названія лекцій, изданныхъ слушателями покойнаго профессора. Одной звѣздочкой отмѣчены тѣ сочиненія, которыя представляются перепечаткой, передѣлкой или вторымъ изданіемъ предшествующихъ сочиненій.

Для полноты библіографическаго указателя мы перечислили въ немъ и различныя изданія одного и того же сочиненія. Но мы отличили особымъ шрифтомъ впервые появившіеся труды и первоначальныя изданія отъ изданій послѣдующихъ и сборниковъ, гдѣ перепечатаны вышедшія раньше статьи.

Мы надѣемся, что настоящій указатель дастъ надежный матеріалъ для оцѣнки ученой и литературной дѣятельности А. Д. Градовскаго. Но оцѣнка его, какъ публициста, возможна только послѣ дополненія этого указателя полнымъ спискомъ его статей въ *Голосѣ*, и въ особенности тѣхъ передовыхъ статей, въ которыхъ высказывается ученый и публицистъ, отзывчивый на вопросы дня. Но ихъ-то, къ сожалѣнію, мы, какъ указано выше, не имѣли возможности привести въ нашемъ спискѣ.

Въ виду этого нами въ настоящее время предпринята подробная и систематическая выборка изъ *Голоса* всѣхъ статей, принадлежность которыхъ А. Д. могла бы быть доказана тѣмъ или другимъ путемъ. Но сознаемъ, что для успѣшнаго окончанія этой работы, интересной для характеристики, можетъ быть, не только А. Д. Градовскаго, но и всей той эпохи, когда онъ жилъ и дѣйствовалъ, намъ недостаточно ни нашихъ воспоминаній, ни собранныхъ нами данныхъ. Мы рѣшаемся поэтому просить всѣхъ, кому интересно воспоминаніе объ этомъ еще недавнемъ времени, всѣхъ, кто такъ или иначе слѣдилъ за публицистикой и кто, можетъ быть, встрѣчался въ своей дѣятельности съ покойнымъ А. Д., не отказать дать намъ указанія, по которымъ мы могли бы убѣдиться, что̀ именно въ *Голосѣ* за 1869—1883 года принадлежитъ перу А. Д. Градовскаго. Всякое такое указаніе будетъ принято съ глубокою благодарностью.

* *
*

26 Января 1897 г.

Всякія указанія просимъ присылать на имя Ольги Владиміровны Градовской, Спб. Саперный пер., № 19.

1865 г.

1. Публичная лекція, читанная въ залѣ Воронежскаго купеческаго клуба 13-го марта сего [1865] года (Посвящается Е. С. С.). А. Градовскій.

Перепеч. изъ №№ 13 и 14 Воронеж. Губерн. Вѣдомост. Въ типографіи Губернскаго Правленія. 8°. 25 стр.

Предметъ лекціи—Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г. Вліяніе западныхъ учрежденій на нашу жизнь, характеристика дореформенной эпохи, оцѣнка Положенія 1864 г.

1866 г.

2. Высшая администрація Россіи XVIII ст. и генералъ-прокуроры. Соч. А. Градовскаго. Спб. Типографія Ивана Бочкарева. 1866. XVI и 284 стр. и „Положенія", 3 стр. 8°.

Диссертація на степень магистра.

1867 г.

3. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.* Политическія теоріи XIX столѣтія. I. Бюшезъ. „Traité de Politique et de Science sociale. 2 vol. in 8°. Paris. 1866". А. Градовскій. Статья первая. Ноябрь, стр. 507—577.—Статья вторая. Декабрь, стр. 965—1031.

Эта статья вошла въ сборникъ „Политика, Исторія и Администрація". См. № 25.—Ср. № 11.

4. *Русскій Вѣстникъ.* Русская ученая литература. „О народномъ представительствѣ. Соч. Б. Чичерина, Москва 1866 года". А. Градовскій. Гл. I—III. Августъ, стр. 717—748. Гл. IV—V. Сентябрь, стр. 287—315.

Эта статья вошла въ сборникъ „Политика, исторія и администрація". См. № 25.

1868 г.

*5. Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи. Томъ I. Введеніе. Уѣздъ Московскаго государства. А. Д. Градовскаго. Спб. Печатня В. Головина. 1868. VI+CXVII (Введеніе) +384 (Уѣздъ М. г.) +XIII (Приложенія), 8°.

Диссертація на степень доктора.

Первая часть этого труда подъ заглавіемъ „Государство и провинція" была напеч. въ Русскомъ Вѣстникѣ 1868 г. Вторая часть (Уѣздъ М. г.) подъ заглавіемъ „Общ. классы и адм. дѣленіе Россіи до Петра I" была помѣщена въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1868 г. См. №№ 8 и 6.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

6. Общественные классы и административное дѣленіе Россіи до Петра I. А. Градовскій. Гл. I. Апрѣль, стр. 1—91. Гл. II. Май, стр. 405—456. Гл. III. Іюнь, стр. 631—698. Гл. IV—V. Іюль, стр. 72—241.

Эта статья составила вторую часть „Исторіи мѣстнаго управленія въ Россіи" См. № 5.

7. Государственный строй древней Россіи. „Вѣче и князь. Русское государственное устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей. Историческіе очерки В. И. Сергѣевича. Москва 1867 г." А. Градовскій. Октябрь, стр. 101—143.

Эта статья вошла въ сборникъ „Политика, Исторія и Администрація". См. № 25.

Русскій Вѣстникъ.

8. Государство и провинція. А. Градовскій. Гл. I—III. Январь, стр. 177—237. Гл. IV—V. Февраль, стр. 363—402. Гл. VI—VII. Мартъ, стр. 27—52.

Эта статья составила первую часть „Исторіи мѣстнаго управленія въ Россіи". См. № 5.

9. Русская историческая литература. „Монастырскій приказъ (1649—1725 г.). Опытъ историко-юридическаго изслѣдованія. Свящ. М. Горчакова. Спб., 1868 г." А. Градовскій. Августъ, стр. 597—637.

Эта статья вошла въ сборникъ „Политика, Исторія и Администрація". См. № 25.

С.-Петербургскія Вѣдомости.

10. Письмо къ редактору. А. Градовскій. 3 Октября, № 270.

(По поводу отчета о диспутѣ А. Д. 29 Сентября с. г., помѣщеннаго въ № 268 С.-П. Вѣдомостей).

1869 г.

Заря.

11. Политическія теоріи XIX вѣка. II. Бенжаменъ Констанъ. (Cours de Politique constitutionelle p. B. Constant. Avec introduction et des notes par m. Edouard Laboulaye, Paris. 1861). А. Д. Градовскій. Гл. I—III. Январь, стр. 57—116. Гл. IV—VI. Мартъ, стр. 128—176. Гл. VII—IX. Апрѣль, стр. 1—52.

Эта статья вошла въ сборникъ „Политика, Исторія и Администрація". См. № 25.—Ср. № 3.

12. Русская община передъ судомъ г. Шедо-Феротти. (Etudes sur l'Avenir de la Russie. Dixième étude; le Patrimoine du peuple, par D. K. Schédo-Ferroti, Berlin. 1868). А. Оскольскій. Февраль, стр. 1—50.

А. Оскольскій—псевд. А. Д. Градовскаго. Эта статья вошла въ сборникъ „Политика, Исторія и Администрація". См. № 25.

13. *Русскій Вѣстникъ.* Историческій очеркъ учрежденія генералъ-губернаторствъ въ Россіи. А. Градовскій. Гл. I—VII. Ноябрь, стр. 1 - 31. Гл. VIII—XII. Декабрь, стр. 397—413.

Эта статья вошла въ сборникъ „Политика, Исторія и Администрація". См. № 25.

Голосъ.

14. По поводу толковъ о свободѣ печати.—Передовая статья 27 Ноября 1869 года.—29 Ноября, № 330.

Статья не подписана; принадлежность ея А. Д. Градовскому засвидѣтельствована въ №№ 336 и 349 Голоса, а также въ сборникѣ „Политика, Исторія и Администрація".

15. Отношенія печати къ администраціи.—Передовая статья 4 Декабря 1869 года.—5 Декабря, № 336.

Статья не подписана; принадлежность ея А. Д. Градовскому засвидѣтельствована въ № 349 Голоса, а также въ сборникѣ „Политика, Исторія и Администрація".

16. О направленіяхъ въ печати.—Передовая статья 17 Декабря 1869 года.—18 Декабря, № 349.

Статья не подписана. Вошла вмѣстѣ съ тремя статьями изъ Судебнаго Вѣстника 1869 г. въ сборникъ „Политика, Исторія и Администрація", подъ общимъ заглавіемъ „О свободѣ русской печати" (ст. IV-ая). См. № 25.

Судебный Вѣстникъ.

17. По поводу пересмотра нашихъ законовъ о печати.—Передовыя статьи. 13 Ноября, № 247.—14 Ноября, № 248.—15 Ноября, № 249.

Статьи не подписаны, но въ № 249 имѣется редакціонная замѣтка о томъ, что эти три статьи принадлежатъ проф. А. Д. Градовскому. Эти статьи, вмѣстѣ со статьей, помѣщенной въ № 349 Голоса за 1869 г., вошли въ сборникъ „Политика, Исторія и Администрація" подъ общимъ заглавіемъ „О свободѣ русской печати" (ст. I—III).

1870 г.

18. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.* Политическая философія Гегеля, гл. I—IX. А. Градовскій. Іюль, стр. 39—81.

19. *Заря.* „Исторія соціальныхъ системъ отъ древности до нашихъ дней. Соч. Д. Щеглова, т. I. Спб. 1870 г.". А. Градовскій. Май, стр. 173—184 (отдѣлъ библіографіи).

Голосъ.

20. Проектъ административно-полицейской реформы.—Передовая статья 6 Февраля 1870 г.—7 Февраля, № 38.

Эта статья не подписана; вмѣстѣ съ четырьмя слѣдующими, помѣщенными въ Голосѣ 1870 г., вошла въ сборникъ „Политика, Исторія и Администрація" подъ общимъ заглавіемъ „Проектъ губернской реформы" (ст. I—V). См. № 25.

21. Значеніе губернскихъ правленій по отношенію къ предполагаемой реформѣ ихъ.—Передовая статья 10 Февраля 1870 г.—11 Февраля, № 42.

Статья не подписана; см. предыдущій № 20.

22. Право губернаторовъ издавать постановленія.—Передовая статья 14 Февраля 1870 г.—15 Февраля, № 46.

Статья не подписана; см. № 20.

23. Значеніе проекта губернской реформы съ теоретической точки зрѣнія.—Передовая статья 26 Марта 1870 г.—27 Марта, № 86.

Статья не подписана; см. № 20.

24. Проектъ губернской реформы и наши историческія преданія.—Передовая статья 27 Марта 1870 г.—28 Марта, № 87.

Статья не подписана; см. № 20.

1871 г.

***25.** Политика, Исторія и Администрація. Критическія и политическія статьи А. Градовскаго. Изданіе М. О. Вольфа. Спб. и Москва 1871. IV и 513 стр. 8°.

Отдѣлъ I. Русская литература: Теорія представительства (напис. въ 1867 г., см. № 4). Государственный строй древней Россіи (напис. въ 1868 г., см. № 7). Эпизодъ изъ исторіи церковнаго управленія (напис. въ 1868 г., см. № 9).

Отдѣлъ II. Иностранная литература: Государство и прогрессъ (напис. въ 1867 г., см. № 3). Парламентаризмъ во Франціи (напис. въ 1869 г., см. № 11).

Отдѣлъ III. Вопросы дня: Русская община передъ судомъ Шедо-Феротти (напис. въ 1869 г., см. № 12). Историческій очеркъ учрежденія генералъ-губернаторствъ въ Россіи (напис. въ 1869 г., см. № 13). О свободѣ русской печати (напис. въ 1866 г., см. № 16).

26. *Бесѣда.* Возрожденіе Германіи и Фихте старшій. А Градовскій. Лекціи I—III (Публичныя лекціи, читанныя въ Мартѣ 1871 года). Май, стр. 52—109.

Эта статья вошла въ сборникъ „Національный вопросъ". См. № 29.

1872 г.

Бесѣда.

27. Современныя воззрѣнія на государство и національность. А. Градовскій. Гл. I—VII, Январь, стр. 43—73. Гл. VIII—XII, Февраль, стр. 119—178.

Эта статья вошла въ сборникъ „Національный вопросъ". См. № 29.

28. Государство и народность. Опытъ постановки національнаго вопроса по отношенію его къ политикѣ, I—III. А. Градовскій, Декабрь, стр. 5—27.

Эта статья вошла въ сборникъ „Національный вопросъ". См. № 29.

1873 г.

***29.** Національный вопросъ въ исторіи и въ литературѣ. А. Градовскаго. Изданіе Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1873. Тип. и Лит. Траншеля. VI и 309 стр. 8°.

I. Введеніе, гл. I—III (напис. въ 1872 г., см. № 28). II. Современныя воззрѣнія на Государство и Національность, гл. I—XII (напис. въ 1872 г., см. № 27). III. Возрожденіе Германіи и Фихте старшій, лекціи 1—III (напис. въ 1871 г., см. № 26). IV. Первые славянофилы, лекціи I—IV (были чит. въ 1872 г., напеч. въ первый разъ).

30. О современномъ направленіи государственныхъ наукъ.—Рѣчь, произнесенная на годичномъ актѣ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, 8 февраля 1873 года, ординарнымъ профессоромъ А. Д. Градовскимъ.—Протоколы засѣданій Совѣта Императорскаго С.-Петербургскаго университета за первую половину 1872—1873 акад. года съ приложеніями. Спб. 1873, стр. 94—108.

31. Адмиралтействъ-Коллегія. А. Д. Градовскій.—Русскій Энциклопедическій Словарь Березина. 1873 г. Т. I, отдѣл. I, А., стр. 245—246.

Журналъ гражданскаго и уголовнаго права.

32. „О консулахъ и консульской юрисдикціи на Востокѣ. Соч. Ф. Мартенса, Спб. 1873 г." А. Градовскій. Май, стр. 238—249 (отд. Юридической библіографіи).

33. О дѣйствіи законовъ во времени. Теоретическая и историческая оцѣнка постановленій русскаго законодательства по этому предмету. А. Градовскій. Іюль, стр. 1—46.

1874 г.

34. Законъ и административное распоряженіе по Русскому праву. А. Д. Градовскаго, профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета.—Сборникъ Государственныхъ Знаній подъ редакціей В. П. Безобразова, т. I, стр. 1—32.

35. „Исторія политическихъ ученій. Соч. Б. Чичерина. Т. III. М. 1874 г." Г.—Сборникъ Государственныхъ Знаній подъ редакціей В. П. Безобразова, т. I, стр. 9—20 (отд. критики и библіографіи).

36. Государственный человѣкъ прежняго времени (графъ Н. С. Мордвиновъ). А. Градовскій.—Складчина. Литературный сборникъ, составленный изъ трудовъ русскихъ литераторовъ въ пользу пострадавшихъ отъ голода въ Самарской губерніи. Спб. 1874, стр. 84—118.

37. *Журналъ гражданскаго и уголовнаго права.* О судебномъ толкованіи законовъ по Русскому праву. А. Градовскій. Январь—Февраль, стр. 1—62.

38. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.* Политическое устройство Германской имперіи. А. Градовскаго. Часть первая. Историческій очеркъ германскихъ союзныхъ учрежденій въ XIX столѣтіи. Гл. I и II, Январь, стр. 1—57. Гл. III—IV, Февраль, стр. 293—352. Гл. V—VI, Мартъ, стр. 1—51. Гл. VII, Май, стр. 158—199. Гл. VIII, Іюнь, стр. 264—299; Сентябрь, стр. 21—52. Гл. IX, Октябрь, стр. 84—111.

Эти статьи составили ч. I „Германской конституціи". См. № 39.—Ср. №№ 41 и 44.

1875 г.

***39.** Германская конституція. Часть I. Историческій очеркъ Германскихъ союзныхъ учрежденій въ XIX вѣкѣ. А. Градовскаго, профессора С.-Петербургскаго Университета. Спб. Типографія В. С. Балашева. 1875. II и 301 стр. 8°.

Отдѣльными главами это сочиненіе помѣщалось въ Ж. М. Н. П. 1874 г. См. № 38.—Ср. №№ 41 и 44.

40. Начала Русскаго государственнаго права. А. Градовскаго, профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Томъ

I. О государственномъ устройствѣ. Спб. Типографія М. Стасюлевича. 1875. XI. и 436 стр. 8°.

Ср. № 134.—См. №№ 45, 110, 132, 111, 121, 125 и 129.

41. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.* Политическое устройство Германской имперіи. А. Градовскаго. Часть вторая. Обзоръ Германской конституціи.—Отдѣлъ первый. Общія начала имперской конституціи, Январь, стр. 54—92.—Отдѣлъ второй. Составъ имперіи и пространство имперской власти, Апрѣль, стр. 332—385.—Отдѣлъ третій. Органы союзной власти, Ноябрь, стр. 1—48.

Эти статьи составили ч. II „Германской конституціи". См. № 44.—Ср. №№ 38 и 39.

Голосъ.

42. Письмо Токвиля къ автору проекта всесословной волости. Медіумъ.—Фельетонъ, 8 Марта, № 67.

Подъ подписью „Медіумъ" скрывается А. Д. Градовскій.

43. Письмо Магницкаго къ профессору Московскаго Университета, Н. А. Любимову. Михаилъ Леонтьевъ сынъ Магницкій.—Фельетонъ, 20 Марта № 79.

Подъ подписью „Магницкій" скрывается А. Д. Градовскій.

1876 г.

***44.** Германская конституція. Часть II. Обзоръ дѣйствующей конституціи. А. Градовскаго, профессора С.-Петербургскаго Университета. Спб. Типографія Балашева. 1876. I и 160 стр. 8°.

Это сочиненіе по отдѣламъ было напечатано въ Ж. М. Н. П. 1875 г. См. № 41.—Ср. №№ 38 и 39.

45. Начала Русскаго государственнаго права. А. Градовскаго, профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Томъ II. Органы управленія. Спб. Типографія М. Стасюлевича. 1876 г. VIII и 354 стр. 8°.

Ср. №№ 110 и 132.—См. №№ 40, 134, 111, 121, 125, 129.

46. Рѣчь, произнесенная А. Д. Градовскимъ въ память Ю. Ѳ. Самарина въ засѣданіи С.-Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Комитета.

Помѣщена въ изданіи этого Комитета: „Въ память Юрія Ѳедоровича Самарина. Рѣчи, произнесенныя въ Петербургѣ и въ Москвѣ по поводу его кончины, Спб. 1876".

47. *Вѣстникъ Европы.* Между Робеспьеромъ и Бонапартомъ (Histoire du XIX siècle, par J. Michelet, t. I—III). Статья первая. Первый приступъ реакціи. А. Градовскій. Сентябрь, стр. 123—160.

Голосъ.

48. Проектъ преобразованія россійскихъ университетовъ, представленный россійскому обществу отставнымъ штыкъ-юнкеромъ Митрофаномъ Простаковымъ. Митрофанъ Простаковъ.—Фельетонъ, 28 Января, № 28.

Подъ подписью „Митрофанъ Простаковъ" скрывается А. Д. Градовскій.

49. Памяти Юрія Ѳедоровича Самарина. Александръ Градовскій.—Фельетонъ, 24 Марта, № 84.

Эта статья вошла въ сборникъ „Трудные Годы". См. № 93.

50. За Славянъ. (Къ русскому обществу). Александръ Градовскій.—Фельетонъ, 8 Іюля, № 187.

51. Единоборство на Балканскомъ полуостровѣ. Александръ Градовскій.—Фельетонъ, 17 Іюля, № 196.

52. Россія и Славяне. Александръ Градовскій.—Фельетонъ, 25 Іюля, № 204.

53. Нѣчто о мирѣ. А. Градовскій.—Фельетонъ, 30 Іюля, № 209.

54. Письмо къ Г-ну Дизраэли, первому министру Е. В. Королевы Великобританіи и Императрицы Индіи. А. Градовскій.—Фельетонъ, 3 Августа, № 213.

55. Объ общественномъ мнѣніи. Александръ Градовскій.—Фельетонъ, 11 Августа, № 220.

56. Алексѣй Григорьевичъ Ерошенко. (Некрологъ). А. Градовскій.—Фельетонъ, 24 Августа, № 233.

57. По поводу полемики съ нѣмецкой печатью. (Письмо къ редактору). А. Градовскій.—Фельетонъ, 1 Сентября, № 241.

С.-Петербургскія Вѣдомости.

58. Черняевскій вопросъ. А. Градовскій.—Фельетонъ, 30 Ноября, № 331.

59. Константинопольская конференція. А. Градовскій.—Фельетонъ, 1 Декабря, № 332.

1877 г.

60. Національный вопросъ, А. Д. Градовскаго, профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета.—Сборникъ Государ-

ственныхъ Знаній подъ редакціей В. П. Безобразова, т. III, стр. 222—265.

Статья эта составлена изъ трехъ публичныхъ лекцій автора, читанныхъ въ С.-Петербургѣ 12, 14 и 17 Декабря 1876 г.—Вошла въ сборникъ „Трудные годы". См. № 93.

61. *Вѣстникъ Европы.* Значеніе идеала въ общественной жизни.—Современный этюдъ.—Посвящается памяти Юрія Ѳедоровича Самарина. Александръ Градовскій. I и II. Январь, стр. 297—324.

Статья эта вошла въ сборникъ „Трудные годы". См. № 93.

Голосъ.

62. Цѣли войны и условія мира съ Турціей. Александръ Градовскій.—Фельетонъ, 17 Ноября, № 279.

63. Городская реформа въ Прибалтійскомъ краѣ. Александръ Градовскій. Статья первая.—Фельетонъ, 24 ноября, № 286.

Статья вторая.—Фельетонъ, 25 Ноября, № 287.

64. Графъ Кавуръ. А. Градовскій.—Фельетоны, 1 Декабря, № 293 и 2 Декабря, № 294.

С.-Петербургскія Вѣдомости.

65. Задача современной войны (статья первая). А. Градовскій.—Фельетонъ, 17 Апрѣля, № 105.

66. По поводу польскаго легіона въ Турціи. А. Градовскій. 3 Мая, № 121.

67. Министерскій кризисъ во Франціи. А. Градовскій. 15 Мая, № 133.

68. Письмо къ редактору съ просьбою напечатать „Письмо къ профессору Градовскому польскаго эмигранта". А. Градовскій. 31 Мая, № 148.

69. Отвѣтъ на письмо эмигранта. А. Градовскій. 12 Іюня, № 160.

70. Замѣтка А. Д. Градовскаго при „Письмѣ отъ польскихъ эмигрантовъ г. Градовскому". 24 Іюня, № 172.

71. Письмо къ Н. И. Костомарову. А. Градовскій.—Фельетонъ, 4 Августа, № 213.

1878 г.

72. Системы мѣстнаго управленія на Западѣ Европы и въ Россіи, А. Д. Градовскаго, профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Статья первая.—Сборникъ Государственныхъ Знаній подъ редакціею В. П. Безобразова, т. V, стр. 72—124. Статья вторая.—Тамъ же, т. VI, стр. 92—160.

73. Рѣчь проф. А. Д. Градовскаго, произнесенная на чрезвычайномъ общемъ собраніи Императорскаго общества для содѣйствія русскому торговому мореходству 4 Апрѣля 1878 г.—Напеч. въ сокращенномъ видѣ въ Извѣстіяхъ этого общества, вып. XL, стр. 4—6.

74. Письмо А. Д. Градовскаго къ Михаилу Митрополиту Сербскому отъ 23 Сентября 1878 г.—Въ переводѣ на серб. языкъ помѣщено въ „Српске Новине" 1878 г. № 262, подъ заглавіемъ: О начелу народности. Писмо Александра Димитрићевића Градовског професора С.Петербур. университета једном Србину.

То же письмо подъ заглавіемъ „Историческій взглядъ на русско-славянскія отношенія" помѣщено въ журналѣ „Благовѣстъ" 1890 г., 15 Августа, стр. 12—16.

Голосъ.

75. Миръ съ Турціей. А. Градовскій.—Фельетонъ, 21 Января, № 21.

76. Роковая минута. Александръ Градовскій.—Фельетонъ, 31 Января, № 31.

77. Дореформенные города. („Городское самоуправленіе въ Россіи; т. I-й—городское самоуправленіе до 1870 г." И. Дитятина. Ярославль, 1877 года). А. Градовскій.—Фельетонъ, 9 Марта, № 68.

78. Что дѣлать съ Англіей? Александръ Градовскій.—Фельетонъ, 12 Марта, № 71.

79. Натурализмъ въ исторіи (H. Taine, „Les origines de la France contemporaine. La Révolution". T. II). Александръ Градовскій.—Фельетонъ, 23 Марта, № 82.

80. Что же дальше? Александръ Градовскій.—Фельетонъ, 25 Марта, № 84.

81. Лицо и изнанка (Первая Парижская выставка). В. Ж.—Фельетонъ, 26 Іюля, № 205.

Подпись В. Ж. (Виленскій житель) принадлежала А. Д. Градовскому.

83. Миръ, миръ, миръ! В. Ж.—Фельетонъ, 2 Августа, № 212.

Подпись В. Ж. см. № 81.

83. Политическія убійства. (Разсужденія средняго человѣка). В. Ж.—Фельетонъ, 12 Августа, № 221.
Подпись В. Ж. см. № 81.

84. Старое и новое Славянофильство. В. Ж.—Фельетонъ, 16 Августа, № 225.
Подпись В. Ж. см. № 81.

1879 г.

85. *Журналъ гражданскаго и уголовнаго права.* Рѣчь, произнесенная А. Д. Градовскимъ въ Юридическомъ Обществѣ (на годовомъ общемъ собраніи 22 Января 1878 г.), о необходимости открытія отдѣленія административнаго права, во взаимныхъ интересахъ наукъ юридическихъ и административныхъ. Январь—Февраль, стр. 19—22.

Русская Рѣчь.

86. Соціализмъ на западѣ Европы и въ Россіи. А. Градовскій. Гл. I—II. Январь, стр. 153—193. Гл. III—IV. Февраль, стр. 119—159. Гл. V. Мартъ, стр. 76—117.
Эта статья вошла въ сборникъ „Трудные годы". См. № 93.

87. Прошедшее и настоящее. А. Градовскій. Сентябрь, стр. 165—203.
Эта статья вошла въ сборникъ „Трудные годы". См. № 93.

Голосъ.

88. Посланіе о нравственности (Посвящается русскимъ ворамъ и лиходѣямъ). А. Градовскій.—Фельетонъ, 31 Января, № 31.

89. Письмо г. Каткову. А. Градовскій.—Фельетонъ, 23 Марта, № 82.

90. Скорбящимъ патріотамъ. В. Ж.—Фельетонъ, 27 Іюля, № 206.
Подпись В. Ж. см. № 81.

91. Задача русской молодежи. Александръ Градовскій.—Фельетонъ, 1 Августа, № 211.
Эта статья вошла въ сборникъ „Трудные годы". См. № 93.

92. Сѣмя плевелъ. В. Ж.—Фельетонъ, 30 Августа, № 239.
Подпись В. Ж. см. № 81.

1880 г.

* **93.** Трудные годы (1876—1880). Очерки и Опыты. А. Градовскаго, профессора С.-Петербургскаго Университета. СПб. Типографія М. М. Стасюлевича. 1880. VIII и 459 стр. 8°.
Этотъ сборникъ составился изъ статей, напечатанныхъ въ 1876—1880 гг. въ „Вѣстникѣ Европы", „Русской Рѣчи", „Сборникѣ Государственныхъ Знаній" и въ „Голосѣ". I. Значеніе идеала въ общественной жизни. См. № 61.—II. Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ. См. № 49.—III. Національный вопросъ. См. № 60.—IV. Графъ Кавуръ. См. № 64.—V. Соціализмъ на западѣ Европы и въ Россіи. См. № 86.—VI. Задача русской молодежи. См. № 91.—VII. Прошедшее и настоящее. См. № 87.—VIII. Что такое консерватизмъ? См. № 95.—IX. Надежды и разочарованія. См. № 94.—X. Реформы и народность. См. № 96.

Русская Рѣчь.

94. Надежды и разочарованія. А. Градовскій. Январь, стр. 190—230.
Вошло въ сборникъ „Трудные годы". См. № 93.

95. Что такое консерватизмъ? А. Градовскій. Февраль, стр. 199—234.
Вошло въ сборникъ „Трудные годы". См. № 93.

96. Реформы и народность. А. Градовскій. Апрѣль, стр. 133—156.
Вошло въ сборникъ „Трудные годы". См. № 93.

97. Паспортный вопросъ. А. Градовскій. Ноябрь, стр. 263—295.

98. Не архитектуры, а жизни (По поводу мнѣній газеты „Русь"). А. Градовскій. Декабрь, стр. 93—103.

** **99.** Лекціи по общему государственному праву, читанныя и составленныя проф. Спб. Университета А. Д. Градовскимъ въ 1879—1880 году. Печатано по способу Алисова. Спб. 1880.—Государственное право. Лекціи, читанныя проф. А. Д. Градовскимъ въ 1880—1881 акад. году. Изданіе студентовъ Спб. Университета. Спб. 1880.

Голосъ.

100. Смута. Александръ Градовскій.—Фельетонъ, 14 Февраля, № 45.

101. Гдѣ же врагъ? Александръ Градовскій.—Фельетонъ, 15 Марта, № 75.

102. Свобода совѣсти. Александръ Градовскій.—Фельетонъ, 8 Мая, № 127.

103. Мечты и дѣйствительность (По поводу рѣчи Ѳ. М. Достоевскаго). А. Градовскій.—Фельетонъ, 25 Іюня, № 174.

104. Тревожный вопросъ. А. Градовскій.—Фельетонъ, 9 Іюля, № 188.

105. Либерализмъ и западничество. Александръ Градовскій.—Фельетонъ, 27 Августа, № 236.

106. Разговоръ Московскихъ пріятелей. Противъ теченія.—Бесѣды о революціи.—Наброски и очерки въ разговорахъ двухъ пріятелей („Русскій Вѣстникъ", Августъ, 1880 года). В. Ж.—Фельетонъ, 13 Сентября, № 253.

Подпись В. Ж., см. № 81.

107. Новый подвигъ Академіи Наукъ. В. Ж.—Фельетонъ, 15 Ноября, № 316.

Подпись В. Ж., см. № 81.

108. Университетскіе безпорядки. А. Градовскій.—Фельетонъ, 11 Декабря, № 342.

109. Новый другъ молодежи. А. Градовскій.—Фельетонъ, 12 Декабря, № 343.

1881 г.

*__110.** Начала русскаго государственнаго права—А. Градовскаго, профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Томъ II. Органы управленія. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб. Типографія М. М. Стасюлевича. 1881. VIII и 459 стр. 8°.

Ср. №№ 45 и 132.—Ср. № 40, 134, 111, 121, 125, 129.

__111. Начала Русскаго государственнаго права. А. Градовскаго, профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Томъ III. Органы мѣстнаго управленія. Спб. 1881. 187 стр. 8°. (Изданіе студентовъ Спб. Университета).

Ср. № 121.—См. №№ 40, 134, 45, 110, 132, 125, 129.

112. *Недѣля.* Памяти князя А. И. Васильчикова. 6 Октября 1881 г. А Градовскій. 11 Октября, № 41, стр. 1356—1361.

Голосъ.

113. Полицейскіе урядники. В. Ж.—Фельетонъ, 11 Января, № 11.

114. Переустройство нашего мѣстнаго управленія. А. Градовскій.—Фельетоны. I. Двѣ губерніи, 18 Января, № 18. II. Администрація incognito, 21 Января, № 21. III. Disjecta membra, 25 Января, № 25. IV. Почему и потому, 29 Января, № 29.

115. По поводу пересмотра крестьянскихъ учрежденій. А. Градовскій.—Фельетонъ, 1 Марта, № 60.

116. Славянофильская теорія государства (Письмо въ редакцію). А. Градовскій.—Фельетонъ, 10 Іюня, № 159.

1882 г.

117. *Вѣстникъ Европы.* По поводу одного предисловія. „Н. Страховъ. Борьба съ западомъ въ нашей литературѣ. Спб. 1882". Александръ Градовскій. Май, стр. 271—288.

*__118.** Государственное право. Лекціи, читанныя профессоромъ А. Д. Градовскимъ въ 1881—82 академическомъ году. Изданіе студентовъ 1-го курса юридическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Спб. Типографія М. Стасюлевича. 1882. 507 стр. 8°.

Голосъ.

119. Всесословная мелкая единица. Александръ Градовскій.—Фельетонъ, 2 Мая, № 115.

120. Несмѣняемость судей. В. Ж.—Фельетонъ, 18 Іюля, № 192.

1883 г.

121. Начала Русскаго государственнаго права. А. Градовскаго, профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Томъ III. Органы мѣстнаго управленія. Часть первая. Введеніе.—Историческій очеркъ мѣстныхъ учрежденій въ Россіи.—Учрежденія правительственныя и дворянскія. Спб. Типографія М. М. Стасюлевича. 1883. VII и 384 стр. 8°.

Ср. № 111.—См. №№ 40, 134, 45, 110, 132, 125, 129.

*__122.** Лекціи. Русское государственное право. Томъ III. Мѣстное управленіе. Лекціи, читанныя проф. А. Д. Градовскимъ въ 1882—83 учеб. году. Спб. 1883.

Голосъ.

123. Мечтанія самобытника. Вятичъ.—Фельетонъ, 1 Января, № 1.

Вятичъ—псевдонимъ А. Д. Градовскаго.

124. О пессимизмѣ, (Изъ разсужденій самобытника). Вятичъ.—Фельетонъ, 12 Января, № 12.

Вятичъ—псевдонимъ А. Д. Градовскаго.

1884 г.

**125. Русское государственное право. Прибавленія къ III тому, изданному профессоромъ С.-Петербургскаго Университета А. Д. Градовскимъ. Лекціи, читанныя въ 1883—84 академическомъ году. Спб. Типографія М. М. Стасюлевича. 1884. 79 стр. и Дополненіе, 2 стр. 8°.

Ср. № 129.—См. №№ 40, 134, 45, 110, 132, 111, 121.

Вѣстникъ Европы.

126. Система Меттерниха. (Aus Metternich's nachgelassenen Papieren. I—VII Bd. Wien. 1880—1883). А. Градовскій. I и II, Январь, стр. 125—149. III, Февраль, стр. 566—613.

127. Крестьянскіе выборы въ гласные уѣздныхъ земскихъ собраній. А. Градовскій. Май, стр. 327—356.

Это сообщеніе читано въ засѣданіи административнаго отдѣленія Спб. Юридическаго Общества 24 Марта 1884 г.

1885 г.

**128. Общее государственное право. Лекціи проф. А. Д. Градовскаго. Спб. Типографія М. Стасюлевича. 1885. 84 стр. 8°.

1886 г.

**129. Русское государственное право. Прибавленія къ III тому, изданному профессоромъ С.-Петербургскаго Университета А. Д. Градовскимъ. Лекціи, читанныя въ 1886 году. Спб. Типографія М. М. Стасюлевича. 1886. 76 стр. 8°.

Ср. № 125.—См. №№ 40, 134, 45, 110, 132, 111, 121.

130. Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Томъ первый. Часть историческая. А. Градовскаго, профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Спб. Типографія М. М. Стасюлевича. 1886. IX и 744 стр. 8°.

Ср. № 135.

131. *Вѣстникъ Европы.* Государство и Церковь въ Пруссіи. Пятнадцать лѣтъ „культуркампфа", 1870—1886 гг. (Geschichte des „Kulturkampfes" in Preussen, in Actenstücken dargestellt, von Ludwig Hahn, Berl. 1881.—Geschichte des Kulturkampfes, Ursprung, Verlauf und heutiger Stand, von Dr. Wiermon. Leipzig, 1885). А. Градовскій. Ст. I, Іюль, стр. 151—198. Ст. II, Августъ, стр. 618—657 и Сентябрь, стр. 60—91.

1887 г.

*132. Начала Русскаго государственнаго права. А. Градовскаго, профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Томъ II. Органы управленія. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Спб. Типографія М. М. Стасюлевича. 1887. VII и 495 стр. 8°.

Ср. №№ 45 и 110.—См. №№ 40, 134, 111, 121, 125 и 129.

Посмертныя изданія.

1890 г.

133. *Вѣстникъ Европы.* Поэтъ „пошлости" (Отрывокъ). Александръ Градовскій. Январь, стр. 352—359.

Статья эта начата, какъ видно изъ первыхъ словъ ея, въ началѣ 80-хъ годовъ, но осталась незаконченною.

1892 г.

134. Начала Русскаго государственнаго права. А. Градовскаго, профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Томъ I. О государственномъ устройствѣ. Изданіе второе, исправленное и дополненное (Ред. М. В. Шидловскаго). Спб. Типографія Морскаго Министерства. 1892. XVI и 440 стр. 8°.

Ср. № 40.—См. №№ 45, 110, 132, 111, 121, 125, 129.

1895 г.

135. Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Лекціи, читанныя въ 1885 г. А. Д. Градовскимъ. Издано подъ редакціей Н. М. Коркунова. Спб. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. 1895. 3 и I и 528 стр. 8°.

Ср. № 130.

Редакторъ В. Дерюжинскій.

ИЗВѢЩЕНІЕ

ОТЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМІИ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ Военно-Медицинская Академія, изготовляя къ предстоящему въ 1898 году празднованію столѣтняго своего юбилея исторію Академіи и отдѣльныхъ ея каѳедръ (два ОСОБЫЯ изданія) ЗА СТО лѣтъ, убѣдительнѣйше проситъ лицъ, владѣющихъ какими-либо документами, могущими освѣтить прошлое ея (какъ, напр., записки современниковъ, дневники, біографическія свѣдѣнія, письма, рисунки, портреты дѣятелей и т. п.), оказать любезное содѣйствіе Академіи присылкою (ЖЕЛАТЕЛЬНО НЫНѢ ЖЕ и во всякомъ случаѣ до января 1898 г.) такихъ документовъ съ указаніемъ, требуется ли возвращеніе ихъ обратно. О всѣхъ присланныхъ документахъ, если ими можно будетъ воспользоваться, какъ матеріаломъ для исторіи, съ благодарностію будетъ упомянуто на ея страницахъ. Посылки такого рода слѣдуетъ адресовать къ начальнику Академіи, тайному совѣтнику В. В. Пашутину. Деньги, израсходованныя на пересылку, будутъ возвращены Академіею немедленно по заявленіи о семъ.

НОВЫЯ КНИГИ,
ПОСТУПИВШІЯ ВЪ ЮРИДИЧЕСКІЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Н. К. МАРТЫНОВА,

(С.Пб. Невскій пр., уголъ Б. Садовой № 50—15).

Бабушкинъ С. Предстоящая судебная реформа. 97. 1 р. 50 к.

Бертильонъ Ж. Курсъ административной статистики. 97. 1 р. 50 к.

Брандтъ Б. Борьба съ пьянствомъ за-границей и въ Россіи. 97. 60 к.

Громачевскій С. Духовное завѣщаніе, его составленіе и утвержденіе. 96. 30 к.

Его же. Сборникъ узаконеній о преобразованіи суда въ Сибири. 97. 1 р.

Его же. Учрежденіе суд. установленій съ дополн., цирк. и сенатс. разъясненіями. 97. 2 р., въ перепл. 2 р. 50 к. (печатается).

Гроссъ Г. Руководство для судебныхъ слѣдователей, в. 3 и послѣдній. 97. 2 р. 50 к.

Дружининъ Н. Юридическое положеніе крестьянъ. Изслѣдованіе. 97. 2 р., въ перепл. 2 р. 50 к.

Коркуновъ Н. М. Лекціи по общей теоріи права. Изд. 4. 97. 2 р., въ перепл. 2 р. 50 к.

Мартыновъ Н. Справочная книга для опекуновъ и попечителей, съ образцами опекунскихъ донесеній и отчетовъ. Изд. 2. 97. 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к.

Его же. Положеніе о нотар. части съ закон. мотивами, дополн., разъясн. и образцами актовъ и засвидѣтельствованій. Изд. 3. 97. 3 р., въ перепл. 3 р. 50 к.

Свод. зак. т. III (оффиц. изд.). 1896 г. съ укуп. 1 р. 60 к., въ перепл. 2 р. 20 к.

Сист. сборникъ рѣш. Сената объ отвѣтственности за прест. должности лицъ администр. вѣдомства Сост. *Тимофеевскій* и *Кузнецовъ*. 96. 4 р., въ перепл. 4 р. 60 к.

Уставъ гражданскаго судопроизводства, съ законодат. мотивами и разъясненіями, сост. *У. Игумновъ*. Изд. 2-е, съ прилож. врем. правилъ о примѣненіи судебныхъ уставовъ въ Сибири. 97. 7 р., въ перепл. 8 р.

Чагинъ С. Правила объ устройствѣ суд. части, произв. суд. дѣлъ (гдѣ земск. начал.) и врем. прав. о вол. судѣ, съ дополн. и цирк. разъясн. Мин. Юст. и Мин. Вн. Дѣлъ. Изд. 2. 97. 2 р., въ перепл. 2 р. 50 к.

Щмаковъ А. Еврейскія рѣчи. 97. 3 р.

Каталогъ магазина на 97 г. высылается безплатно.

1

ОБЩІЙ АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

къ Собранію Узаконеній и Распоряженій Правительства за 1880—1892 г.г.

Сост. Н. Дамье. Ц. 2 р., въ пер. 2 р. 50 к. Съ требованіями просятъ обращаться къ П. А. Иваницкой, С.-Петербургъ, Калинкинская пл., д. Григорьева 3/5, кв. 29.

Подготовляется къ печати *1-ое дополненіе за 1893—97 г.г.*

СБОРНИКЪ УЗАКОНЕНІЙ,

ОТНОСЯЩИХСЯ ДО СУДЕБНАГО ПРЕОБРАЗОВАНІЯ

ВЪ СИБИРИ.

Содержаніе: **Высочайшій** рескриптъ 15 мая 1896 г. г. Министру Юстиціи; **Высочайше** утвержденное 13 того же мая мнѣніе Государственнаго Совѣта о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ къ губерніямъ и областямъ Сибири; Временныя Правила по тому же предмету съ приведеніемъ всѣхъ законовъ, на которые въ Правилахъ сдѣлана ссылка, уясняющихъ какъ содержаніе Правилъ вообще, такъ и, въ частности, подвѣдомственность судебныхъ дѣлъ чинамъ полиціи, мировымъ судьямъ и общимъ судебнымъ мѣстамъ, порядокъ дѣйствій полиціи по врученію повѣстокъ и пр.; такса вознагражденія чиновъ полиціи (и, параллельно, судебныхъ приставовъ) за исполненіе въ Сибири обязанностей судебныхъ приставовъ; штаты сибирскихъ судебныхъ учрежденій; указанныя въ Правилахъ 13 мая 1896 г. и **извлеченныя изъ Полнаго Собранія Законовъ:** Положеніе 19 октября 1865 г. и узаконенія 7 марта 1866 г., 15 марта 1866 г., 4 іюля 1866 г., 27 іюня 1867 г., правила о залогахъ нотаріусовъ, правила 10 марта 1869 г., инструкція для закрытія прежнихъ судебныхъ мѣстъ и др., а также **Положеніе о преимуществахъ гражданской службы въ Сибири.**

Книгу эту можно выписывать отъ составителя, С. Г. Громачевскаго, члена окружнаго суда въ г. Житомирѣ, по цѣнѣ 1 руб. (безъ перес.).

Книгопродавцамъ 10% скидки.

Книга имѣется въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ; требованія будутъ удовлетворяться съ соблюденіемъ старшинства ихъ поступленій.

„СБОРНИКЪ ПРАВОВѢДѢНІЯ и ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ“.

Труды Юридическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, и его Статистическаго Отдѣленія.

Выходитъ съ 1893 года два раза въ годъ томами не менѣе 24 листовъ.

Въ Сборникѣ помѣщаются какъ работы членовъ Московскаго Юридическаго Общества по предметамъ, входящимъ въ кругъ преподаванія на юридическихъ факультетахъ, такъ и труды самого Общества, выражающіеся въ протоколахъ засѣданій Общества, его Отдѣленій и Коммисій, въ составляемыхъ имъ по разнымъ предметамъ проектахъ и заключеніяхъ и т. п.

Въ **первыхъ пяти томахъ „СБОРНИКА ПРАВОВѢДѢНІЯ“ за 1893—1895 гг.** были, между прочимъ, напечатаны статьи и замѣтки слѣдующихъ авторовъ: И. А. Базанова, В. Л. Бинштока, С. М. Блеклова, П. И. Бѣляева, Г. Л. Вербловскаго, С. И. Викторскаго, Н. В. Водовозова, В. А. Гольцева, В. Ф. Дерюжинскаго, Г. А. Джаншіева, Д. А. Дриля, В. Р. Завадскаго, Ѳ. Ѳ. Зигеля, Гр. Л. А. Камаровскаго, Н. С. Капустина, Н. И. Карѣева, А. А. Кауфмана, М. М. Ковалевскаго, И. М. Красноперова, Л. Н. Маресса, А. Н. Миклашевскаго, С. А. Мурганцева, П. И. Новгородцева, И. Х. Озерова, В. В. Пржевальскаго, В. И. Семевскаго, В. П. Сербскаго, Е. Д. Синицкаго, М. Н. Соболева, В. Н. Сторожева, Н. С. Суворова, А. З. Танцова, Е. Н. Тарновскаго, М. И. Туганъ-Барановскаго, А. И. Чупрова, В. Н. Чуракова.

Содержаніе шестаго тома: I. Юридическое Образованіе въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. *Ѳ Ѳ. Зигеля.*—II. Профессоръ Францъ Листъ и его основныя воззрѣнія на преступленіе и наказаніе. *В. В. Пржевальскаго.*—III. Личный и общественный элементы

въ исторіи. *С. П. Казанскаго.*—IV. Къ вопросу о первоначальныхъ формахъ общиннаго землевладѣнія. *А. А. Кауфмана.*—V. Гарантіи личной свободы въ Англіи. *В. Н. Сторожева.*—VI. Что такое трудовая цѣнность. *С. Н. Булгакова.*—VII. Органы губнаго управленія въ XVI и XVII вв. *Н. П. Ретвиха.*—VIII. Общіе итоги научнаго творчества А. Ѳ. Кистяковскаго. *Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскаго.*—IX. Источники и уголовное право Литовскаго статута. *С. А. Шумакова.*—X. Окончаніе предварительнаго слѣдствія. *В. С. Малченко.*—XI. Кіевскіе ночлежники. *Л. С. Личкова.*—XII. Заочныя рѣшенія. *Н. И. Ржондковскаго.*—XIII. Хроника: Памяти Т. Н. Грановскаго. *В. Н. Сторожева.*—Съѣздъ Института международнаго права въ Кембриджѣ 1895 г. *Гр. Л. А. Камаровскаго.*—Диспуты въ Университетѣ.—Разныя извѣстія и замѣтки. Спб. 1896. IV+385+91 стр.

Въ январѣ 1897 года вышелъ въ свѣтъ

Седьмой томъ: I. Кабинетъ Министровъ и Правительствующій Сенатъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. *А. Н. Филиппова.*—II. Ученіе Мальтуса о народонаселеніи. *Н. В. Водовозова.*—III. Положеніе труда на частныхъ заводахъ Алтайскаго округа. *С. П. Швецова.*—IV. Памяти Д. Д. Фильда. *П. М. Богаевскаго.*—V. Томскіе переселенцы по подворному изслѣдованію 1894 г. *А. А. Кауфмана.*—VI. Раскладка по уѣздамъ губернскихъ дорожныхъ капиталовъ. *Н. Н. Романова.*—VII. Древнерусскіе косвенные налоги. *С. А. Шумакова.*—VIII. Хроника: Протоколы засѣданій Общества за 1895—1896 гг. и Статистическаго Отдѣленія за 1894—1896 гг. Частновладѣльческое хозяйство въ С.-Петербургской губ. *А. Ф. Фортунатова.* Стачки и Локкауты. IV+262+146 стр.

Цѣна каждаго тома 2 руб. 50 коп.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ М. М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр., 5 лин., 28.

Открыта подписка на 1897 годъ

НА ЖУРНАЛЪ

„ДѢЯТЕЛЬ“.

Въ качествѣ сотрудниковъ изъявили желаніе принять участіе профессора: А. И. Александровъ, Е. Ѳ. Будде, А. Ѳ. Гусевъ, Л. О. Даркшевичъ, И. М. Догель, Г. Ѳ. Дормидонтовъ, Н. П. Загоскинъ, В. Ф. Залѣсскій, Н. А. Засѣцкій, М. Я. Капустинъ, Н. Ѳ. Катановъ, Ѳ. Г. Мищенко, А. В. Поповъ, П. А. Никольскій, О. А. Рустицкій, И. Н. Смирновъ, Н. В. Сорокинъ, Е. П. Янишевскій, А. И. Подбѣльскій и, кромѣ того, А. В. Нечаевъ, Б. Н. Агафоновъ, С. С. Бырдинъ, С. М. Капустина, Л. Ф. Мищенко, Я. Посадскій, Р. В. Ризположенскій, С. М. Смирновъ, А. Т. Соловьевъ, С. Н. Сорокина, М. С. Сегель, П. В. Траубенбергъ, свящ. В. А. Охотинъ, В. А. Ислентьевъ, М. В. Казанскій, М. Д. Закревская и М. А. Готвальдъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА СЛѢДУЮЩАЯ:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, гигіеническаго, педагогическаго и медицинскаго содержанія. 3) Повѣсти, разсказы, стихотворенія и другія статьи бытоваго, нравственнаго и историческаго содержанія. 4) Письма изъ провинціи. 5) Свѣдѣнія, полезныя въ жизни. 6) Изъ жизни и печати. 7) Свѣдѣнія о дѣятельности благотворительныхъ учрежденій. 8) Борьба съ пьянствомъ въ Россіи и другихъ странахъ. 9) Свѣдѣнія о дѣятельности Обществъ Трезвости въ Россіи и за границею. 10) Протоколы Казанскаго Общества Трезвости. 11) Критика и библіографія. 12) Объявленія.

Подписная цѣна за годъ **2** *рубля.*

Адресъ редакціи: Казань, типографія Императорскаго Казанскаго Университета, Черноозерская улица, собств. домъ.

Чрезъ Редакцію журнала ДѢЯТЕЛЬ можно пріобрѣтать слѣдующія книги:

Царь-Освободитель, преобразователь и просвѣтитель Россіи Императоръ Александръ II. А. И. Александрова . . . 1 р. 40 к.
Отчего гибнутъ люди. За сотню . . . . 1 р. „ „
Всемѣрно должно удаляться отъ пьянства. Тихона Задонскаго . . . . . 1 р. „ „
Вино—ядъ. Защитникамъ умѣреннаго употребленія вина. Русскимъ матерямъ. За сотню . . . . 1 р. 50 к.
Слова отца Іоанна Ильича Сергіева противъ пьянства. За сотню . . . . . 1 р. „ „
Вино для человѣка и его потомства ядъ. За сотню 2 р. „ „
Въ защиту вина . . . . . „ „ 20 к.
Спиртные напитки, какъ располагающая причина къ разнаго рода заболѣванію человѣка. И. М. Догеля. (Одобрен. ученымъ комит.) . . . . . „ „ 40 к.

За редактора-издателя А. Соловьевъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОТЪ РЕДАКЦІИ

„Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстій“

„Варшавскія Университетскія Извѣстія“ заключаютъ въ себѣ два отдѣла: оффиціальный и ученый. Въ первомъ отдѣлѣ печатаются: 1) сокращенные протоколы засѣданій Совѣта Университета, 2) обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ и свѣдѣнія о личномъ составѣ Университета, 3) извлеченія изъ отчетовъ о состояніи и дѣятельности Университета, 4) отчеты профессоровъ и преподавателей объ ученыхъ командировкахъ, 5) актовыя рѣчи профессоровъ, 6) отзывы о диссертаціяхъ докторскихъ, магистерскихъ и pro venia legendi, 7) программы университетскихъ лекцій, 8) сочиненія студентовъ, удостоенныя награды золотою медалью, и 9) отзывы о медальныхъ сочиненіяхъ. Во второмъ отдѣлѣ печатаются научныя статьи профессоровъ, преподавателей и другихъ лицъ, служащихъ при Университетѣ, а также вступительныя лекціи профессоровъ и преподавателей; въ зависимости отъ состоянія средствъ „Извѣстій“ въ этомъ отдѣлѣ печатаются также курсы университетскихъ лекцій, диссертаціи и другіе научные труды большаго объема.

Въ прибавленіяхъ печатаются таблицы метеорологическихъ наблюденій и списки книгъ, поступающихъ въ библіотеку Университета, при чемъ эти списки издаются одинъ разъ въ годъ въ видѣ особаго приложенія къ майской книжкѣ „Извѣстій“.

„Варшавскія Университетскія Извѣстія“ выходятъ 9 разъ въ годъ (въ концѣ каждаго учебнаго мѣсяца) книжками въ размѣрѣ до 12 печатныхъ листовъ каждая. Годовая подписная цѣна—5 руб. съ пересылкою. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ профессоръ **Г. Ульяновъ.**

Годъ I. ВѢДОМСТВО УЧРЕЖДЕНІЙ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ. 1897.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ.

Журналъ, посвященный всѣмъ вопросамъ, относящимся до благотворительности и общественнаго призрѣнія.

Органъ Вѣдомства дѣтскихъ пріютовъ.

Журналъ издается Центральнымъ Управленіемъ дѣтскихъ пріютовъ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, подъ редакціею дѣйств. стат. сов. Евгенія Севастьяновича ШУМИГОРСКАГО.

Журналъ выходитъ **ежемѣсячно,** книжками объемомъ не менѣе **трехъ** печатныхъ листовъ.—**Подписная цѣна** за годовое изданіе, съ доставкою и пересылкою, **три рубля.**—Доходъ отъ изданія, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, обращается **въ пользу дѣтскихъ пріютовъ** Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.—**Подписка принимается** въ редакціи (С.-Петербургъ, Казанская ул., 7). **Статьи** для напечатанія и всѣ **запросы,** касающіеся журнала, должны быть адресуемы исключительно въ редакцію.—Редакція для личныхъ объясненій открыта, исключая воскресные и праздничные дни, ежедневно отъ 2 до 3 час. пополудни.—Отдѣльные №№ продаются по **30 коп.**—**Объявленія** принимаются за строчку, или занимаемое ею мѣсто, по **15 коп.**

ПРОГРАММА.

I. Оффиціальный отдѣлъ. Распоряженія Правительства.
II. Спеціальный отдѣлъ, посвященный дѣятельности Вѣдомства дѣтскихъ пріютовъ и другихъ благотворительныхъ учрежденій.
III. Литературный отдѣлъ. Разработка всѣхъ вопросовъ благотворительности и общественнаго призрѣнія, очерки русскихъ и заграничныхъ учрежденій, литература, журналистика и хроника русской и иностранной благотворительности.
IV. Объявленія.

Адресъ Редакціи: С.-Петербургъ, Казанская ул., 7.

Годъ XV. **1897** Годъ XV.

ВЪ ГОРОДѢ КАРСѢ

КАРССКОЙ ОБЛАСТИ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТУ

„КАРСЪ“

на 1897 годъ.

Газета „Карсъ“ въ 1897 году будетъ издаваться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ текущемъ 1896 году, по той же программѣ и подъ тою же редакціею.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

съ доставкою и пересылкою ТРИ рубля въ годъ.

Подписка принимается въ редакціи газеты „Карсъ“, въ городѣ Карсѣ, куда адресуютъ свои требованія и иногородные.

Газета „Карсъ“ имѣетъ ближайшею цѣлью всестороннее изученіе Карсской Области и распространеніе въ обществѣ вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній какъ о нынѣшнемъ ея состояніи, такъ и о мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ ея благоустройству.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„КУРСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“

на 1897 годъ.

Согласно предначертаніямъ Его Сіятельства, Господина Курскаго Губернатора, графа *А. Д. Милютина*, съ 15 декабря 1894 года НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ ЧАСТЬ „КУРСКИХЪ ГУБЕРНСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ издается новою редакціею и по новой программѣ, главная задача которой состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать **„Губернскія Вѣдомости“** органомъ мѣстной жизни, мѣстныхъ дѣлъ, потребностей и отраженій.

Согласно съ этою цѣлью **Неоффиціальная часть „Губернскихъ Вѣдомостей“** издается по слѣдующей программѣ:

I. Современная лѣтопись. II. Юридическій отдѣлъ. III. Ученолитературный отдѣлъ. IV. Политическія заграничныя новости. V. Фельетонъ. VI. Смѣсь. VII. Почтовый ящикъ. VIII. Справочный отдѣлъ. X. Объявленія.

„Неоффиціальная часть Губернск. Вѣдомостей“ выходитъ ежедневно, за исключеніемъ понедѣльниковъ и дней, слѣдующихъ послѣ праздниковъ. Кромѣ того, ежедневно, въ видѣ прибавленія даются телеграммы, получаемыя отъ „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“.

Годовая цѣна на ежедневн. неоффиціальную, вмѣстѣ съ выходящею по вторникамъ и пятницамъ оффиціальною частью и приложеніями, ШЕСТЬ руб. въ годъ съ пересылкою въ другіе города и доставкою на домъ.

Обязательные подписчики, уплатившіе за оффиціальную часть 3 р.,—за неоффиціальную приплачиваютъ только 3 р. съ пересылкой и доставкой за годъ.

Лица, желающія получать ОДНУ ТОЛЬКО НЕОФФИЦІАЛЬНУЮ ЧАСТЬ, уплачиваютъ съ достав. и пересыл.: **ЗА ГОДЪ—ЧЕТЫРЕ РУБЛЯ; ЗА ПОЛГОДА—ДВА РУБЛЯ ПЯТЬДЕСЯТЪ КОП.; ЗА ТРИ МѢСЯЦА—ОДИНЪ РУБЛЬ ПЯТЬДЕСЯТЪ КОП.**

Подписка принимается въ г. Курскѣ: въ редакціи при *Губернскомъ Правленіи*, а равно въ книжныхъ магазинахъ: *К. И. Ивановой*, *А. В. Переплетенко*, *Г. В. Гаврилова* (*Кашкина*) и *С. А. Третьякова*. Въ редакціи принимаются объявленія для напечатанія въ газетѣ, цѣны на которыя понижены.

Редакторъ ***Т. И. Верюбицкій.***

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА НОВОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ
„СИСТЕМЫ ЛОГИКИ“
Дж. Ст. Милля.

Новый переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія подъ редакціей и съ необходимыми пояснительными примѣчаніями **В. Н. Ивановскаго.** Каждая изъ 6-ти книгъ сочиненія составитъ выпускъ. Все сочиненіе (около 1.000 страницъ большого формата и убористой печати) выйдетъ въ теченіе 1897 г.

Подписная цѣна **ТРИ рубля** безъ пересылки и **ЧЕТЫРЕ рубля** пятьдесятъ копеекъ съ пересылкой заказной бандеролью.

1-я книга выйдетъ около 1 марта 1897 года. **По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена.**

Допускается разсрочка подписной платы: при подпискѣ вносится 1 рубль; при выходѣ 2-й и 4-й книгъ по рублю; книги 5-я и 6-я выдаются безплатно.

Желающимъ сочиненіе можетъ быть выслано съ наложеннымъ платежемъ.

Гг. Иногородніе благоволятъ обращаться въ магазинъ „Книжное Дѣло“, Москва, Моховая, д. Бенкендорфа, откуда можно выписывать и другія изданія магазина:

1) **Шерръ, І.** Всеобщая исторія литературы, переводъ подъ редакціей П. И. Вейнберга. Два большихъ тома (20—25 выпуск.) со множествомъ гравюръ, картинъ, автографовъ, факсимиле и др. приложеній. Болѣе 1000 стр. текста. Цѣна по подпискѣ безъ доставки 6 р., съ дост. и пересылк. 8 р.

2) **Фюстель-де-Куланжъ.** Древняя гражданская община. Цѣна 2 р.

3) **Данте-Аллигіери.** Божественная комедія. Ч. І. Адъ. Переводъ Н. Н. Голованова, подъ ред. проф. Ѳ. Буслаева. Ц. 1 р. 50 к.

4) **Дрейфусъ, К.** Міровая и соціальная эволюція. Ц. 1 р. 50 к.

5) **„На добрую память изъ русскихъ писателей“.** Сборникъ статей и отрывковъ изъ лучшихъ русскихъ писателей и поэтовъ. Ц. 1 р. 25 к.

6) **Теннисонъ, А.** Магдалина. Переводъ въ стихахъ А. М. Федорова, со ст. И. И. Иванова: „Теннисонъ и его поэзія“, и портретомъ Теннисона. Ц. 50 к.

7) **Фулье, А.** Темпераментъ и характеръ. Цѣна 1 руб.

8) **Милль, Д. С.** Огюстъ Контъ и позитивизмъ. Съ приложеніемъ статей Спенсера и Уорда и портрета О. Конта.

9) **Милль, Д. С.** Автобіографія. Цѣна 75 к.

10) **Уордъ, Л.** Психическіе факторы цивилизаціи. Полный переводъ безъ пропусковъ и сокращеній. Цѣна 1 р.

11) **Тома, Ф.** Внушеніе. Его значеніе въ воспитаніи. Цѣна 40 к.

12) **Ланге.** Эмоціи (психо-физіологическій очеркъ). Цѣна 30 к.

13) **Спенсеръ, Г.** Классификація наукъ. Цѣна 75 коп.

14) **Legrain.** Соціальное вырожденіе и алкоголизмъ. Цѣна 75 к.

XXII-й годъ изданія. ОТКРЫТА ПОДПИСКА XXII-й годъ изданія.

на 1897 годъ

на

„ST. PETERSBURGER HEROLD“

(„С.-Петербургскій Герольдъ“)

ИЗДАНІЕ

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго Акціонернаго Общества Типографскаго Дѣла въ С.-Петербургѣ.

ГАЗЕТА ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Самая большая газета, выходящая въ Россіи на нѣмецкомъ языкѣ.

Газета „ГЕРОЛЬДЪ“ по объему даваемыхъ ежедневно свѣдѣній и по распространенію въ Россіи и за границею считается

ПЕРВЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ НА НѢМЕЦКОМЪ ЯЗЫКѢ
ВЪ РОССІИ,

въ виду чего особенно рекомендуется для помѣщенія

ОБЪЯВЛЕНІЙ,

которыя получаютъ обширное распространеніе среди нѣмецкаго и вообще иностраннаго населенія обѣихъ столицъ и всей Имперіи.

ЦѢНА ПОДПИСКИ СЪ ДОСТ.:		ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЙ:	
За годъ . .	14 руб. — коп.	За строку I-й стр. . .	40 коп.
„ ½ года .	8 „ — „	„ „ „ въ отд. рекламъ	30 „
„ ¼ „ . .	4 „ 50 „	„ „ „ за текстомъ	12 „

Подписка и объявленія принимаются у всѣхъ книгопродавцевъ Имперіи по цѣнамъ редакціи.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., № 3.

ТЕЛЕФОНЪ № 514.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

на ежедневную политическую, литературную и общественной жизни газету

„ВОЛЫНЬ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На одинъ годъ	. . . . .	6 р.
„ ½ года	. . . . .	3 р. 60 к.
„ 3 мѣсяца	. . . . .	2 р. 25 к.
„ 1 мѣсяцъ	. . . . .	1 р. —

Для годовыхъ подписчиковъ, служащихъ въ казенныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, допускается слѣдующая разсрочка: къ 1-му января 2 р., къ 1-му іюня—2 р. и къ 1-му октября 2 р., для всѣхъ остальныхъ—полугодовая съ платой 3 р. при подпискѣ и 3 р. къ 1-му іюня.

Съ новаго года мѣстный отдѣлъ „ВОЛЫНИ“ будетъ значительно расширенъ, для чего приглашены спеціальные корреспонденты изъ всѣхъ населенныхъ мѣстъ Юго-западнаго края.

Издатель *А. М. Когенъ.*

Редакторъ *Е. А. Фидлеръ.*

Съ 1 января 1897 года

въ г. Екатеринбургѣ (Пермской губ.), вмѣсто еженедѣльной газеты „Екатеринбургская Недѣля“ выходитъ

ЕЖЕДНЕВНАЯ

(за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

„УРАЛЪ“

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

1) Руководящія статьи по вопросамъ—внутренней и внѣшней политики, мѣстнымъ, общественнымъ, **горнозаводскаго и золотопромышленнаго дѣла.**

2) Телеграммы отъ собственныхъ корреспондентовъ и отъ телеграфныхъ агентствъ.

3) Дѣйствія и распоряженія правительства.

4) Статьи и извѣстія научнаго и практическаго содержанія по разнымъ отраслямъ.

5) **Разработка и изслѣдованія по вопросамъ, какъ мѣстнаго на Уралѣ, такъ и вообще въ Сибири и въ Россіи горнопромышленнаго и золотопромышленнаго дѣла. Открытія и усовершенствованія въ области этого дѣла** и всѣ касающіяся его извѣстія, какъ русскія, такъ и заграничныя.

6) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки. Жизнеописанія замѣчательныхъ дѣятелей.

7) Обозрѣніе событій общественной жизни. Хроника и разныя извѣстія.

8) Корреспонденціи русскія и заграничныя.

9) Обозрѣніе газетъ и журналовъ и выдержки выдающихся статей. Библіографическіе отзывы о появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ.

10) Новости театра, музыки, искусствъ, ремеслъ и проч. Отчеты о спектакляхъ, концертахъ, выставкахъ и другихъ зрѣлищахъ.

11) Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, мемуары, путешествія и фельетоны.

12) Судебная хроника. Отчеты о засѣданіяхъ судебныхъ мѣстъ, безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній.

13) Отчеты о засѣданіяхъ городскихъ думъ, земскихъ собраній и другихъ частныхъ и ученыхъ обществъ.

14) Статьи и извѣстія о движеніи промышленности, торговли и сельскаго хозяйства.

15) Статьи и извѣстія по народному образованію.

16) Статьи и извѣстія о дѣйствіяхъ акціонерныхъ компаній, обществъ и разныхъ видовъ товариществъ.

17) Биржевыя извѣстія. Ярмарки и урожаи.

18) Метеорологическія наблюденія и справочный отдѣлъ.

19) Казенныя и частныя объявленія.

Газета, кромѣ всесторонняго разсмотрѣнія какъ мѣстной, общерусской, такъ и заграничной жизни, насколько послѣдняя касается Россіи, будетъ посвящена также разработкѣ и изслѣдованію статей горнозаводскаго и золотопромышленнаго дѣла въ Россіи и въ особенности на Уралѣ. Завѣдывать этими отдѣлами будутъ приглашены спеціалисты.

Въ послѣпраздничные дни Екатеринбургскіе подписчики газеты „Уралъ“ будутъ получать Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства особыми бюллетенями, иногороднымъ же подписчикамъ таковые бюллетени будутъ высылаться со слѣдующимъ номеромъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкою и пересылкою:	
На годъ . . .	7 р. — к.	На годъ . . .	8 р. — к.
На полгода . .	4 р. — к.	На полгода . .	4 р. 50 к.
На три мѣсяца .	2 р. 50 к.	На три мѣсяца .	2 р. 75 к.

Допускается разсрочка—при подпискѣ—3 руб., къ 1 мая—3 руб. и къ 1 сентября—2 руб.

Цѣна отдѣльнаго номера 5 копѣекъ.

Подписка принимается въ г. Екатеринбургѣ:—въ конторѣ редакціи „Урала“, (Вознесенскій пр., д. № 44), въ книжныхъ магазинахъ Блохиной (Покровскій проспектъ д. Волкова) и Бабинова (Богоявленская ул., д. Захо) и въ справочной конторѣ „Посредникъ“ (Соборная площадь, д. бр. Дмитріевыхъ).

Издатель **В. Г. Чекинъ.** За редактора **И. И. Ивинъ.**

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1897 ГОДУ

ежедневной литературной и политической газеты

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

„Виленскій Вѣстникъ“, какъ единственная ежедневная газета Сѣверо-Западнаго края, имѣя въ виду постепенное **развитіе самодѣятельности провинціи**, ростъ духовныхъ ея потребностей, стремится, по мѣрѣ силъ, **отвѣтить на запросы мѣстной жизни, ея злобъ дня въ области бытовой и экономической.**

Въ разработкѣ всѣхъ вопросовъ газета ставитъ своею задачею **обще-русскіе интересы**, русское дѣло, и съ этой точки зрѣнія оцѣниваетъ всѣ явленія и факты жизни, будучи того мнѣнія, что **всѣ народности Россіи должны способствовать всѣми силами благосостоянію своего общаго отечества.** Въ „Вилен. Вѣстн.“ читатель найдетъ всѣ свѣдѣнія изъ внутренней жизни Россіи и иностранной политики.

Въ газетѣ помѣщаются правительственныя распоряженія, назначенія, награды; руководящія статьи по разнымъ вопросамъ, фельетоны беллетристическіе, научные и изъ мѣстной жизни. **Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агенства**, печатаемыя раньше столичныхъ газетъ; сообщенія собственныхъ корреспондентовъ изъ всѣхъ городовъ Сѣверо-Западнаго края и сообщенія о немъ другихъ газетъ; резолюціи судебной палаты; сообщенія биржи и хлѣбнаго рынка и разныя справочныя свѣдѣнія, относящіяся къ Сѣверо-Западному краю.

Кромѣ того, въ газетѣ обязательно печатаются, на основ. 11 п. прилож. къ 318 ст. т. I, ч. 2 Учр. Прав. Сен. изд. 1892 г., **всѣ безъ исключенія казенныя объявленія по девяти губерніямъ Сѣверо- и Юго-Западнаго края**, преимущественно о торгахъ и хозяйственныхъ операціяхъ; объявленія эти, согласно закону, **равносильны** объявленіямъ, печатаемымъ въ „**Сенатскихъ Вѣдомостяхъ**“.

Подписка на 1897 годъ открыта.

Всѣмъ новымъ годовымъ подписчикамъ, которые подпишутся до 1 декабря, газета въ теченіе декабря будетъ высылаться **безплатно.**

Подписная цѣна:

Съ доставкою въ Вильнѣ:		Съ пересылкой въ другіе города.	
На годъ . . .	6 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
„ 6 мѣсяцевъ .	3 „ — „	„ 6 мѣсяцевъ . . .	4 „ — „
„ 3 „ .	2 „ — „	„ 3 „ . . .	2 „ 50 „
„ 2 „ .	1 „ 20 „	„ 1 „ . . .	1 „ — „
„ 1 „	— „ 70 „	За границу на годъ — 12 рублей.	

Подписка принимается въ конторѣ „Вил. Вѣстн.“, на Большой ул., д. Св.-Духова монастыря, противъ окружнаго штаба, и въ редакціи, д. Пречистенскаго собора.

Редакторъ-издатель **П. Бывалькевичъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1897 годъ
НА НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ
ЖУРНАЛЪ МЕЖДУНАРОДНАГО и ГОСУДАРСТВЕННАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ каждые два мѣсяца въ С.-Петербургѣ безъ предварительной цензуры подъ редакціей приватъ доцента Императорскаго С.-Петербургскаго Университета Э. К. Симсонъ. Въ журналѣ принимаютъ участіе почти всѣ выдающіеся ученые русскіе и иностранные, спеціалисты по международному и государственному праву.

Программа журнала: 1) Распоряженія правительства, касающіяся вѣдомства Министерства Иностранныхъ дѣлъ. 2) Статьи по вопросамъ международнаго права. 3) Статьи по вопросамъ государственнаго права. 4) Статьи по другимъ частямъ юриспруденціи, соприкасающіяся съ вопросами международнаго и государственнаго права. 5) Научно-критическое разсмотрѣніе постановленій какъ иностранныхъ, такъ и отечественныхъ судебныхъ мѣстъ по дѣламъ, имѣющимъ отношеніе къ вопросамъ международнаго или государственнаго права. 6) Хроника текущихъ событій международныхъ отношеній государствъ. 7) Текстъ международныхъ договоровъ, заключенныхъ государствами. 8) Заграничныя корреспонденціи касательно событій и вопросовъ международнаго значенія. 9) Библіографія.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о Журналѣ высылаются редакціей по первому требованію безплатно.

Подписная цѣна въ годъ: съ доставкою въ С.-Петербургѣ—8 руб., съ пересылкою въ предѣлахъ Россіи—8 руб. 50 коп.; заграницу—9 руб. 50 коп., для студентовъ 6 р. и 6 р. 50 к. Допускается разсрочка въ четыре срока.

Отдѣльные нумера журнала продаются по 2 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и въ книжномъ магазинѣ Г. Шмицдорфъ (Невскій, 6); подписка въ разсрочку и для гг. студентовъ принимается только въ конторѣ редакціи (Стремянная, 8). Гг. иногородные подписчики благоволятъ прислать подписныя деньги на имя издателя Эвальда Карловича Симсонъ, С.-Петербургъ, Стремянная ул., д. 8. Для удобства публики контора редакціи, по полученіи извѣщенія открытымъ письмомъ, присылаетъ артельщика на домъ для принятія подписки.

Редакція открыта отъ 1—4 ч. и помѣщается въ С.-Петербургѣ, *по Стремянной ул., д. 8.*

1897 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА **годъ 2.**

НА ЖУРНАЛЪ
„ВОПРОСЫ НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ“,
ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРА УНИВ. СВ. ВЛАДИМІРА
И. А. Сикорскаго
въ Кіевѣ.

Журналъ, какъ показываетъ отчасти и самое названіе его, имѣетъ своей задачей—помимо спеціальныхъ изслѣдованій по психіатріи и нервной патологіи—содѣйствовать разрѣшенію вопросовъ, общихъ для всѣхъ отдѣловъ медицины, насколько эти вопросы могутъ быть освѣщены съ точки зрѣнія психіатріи и нервной патологіи. Журналъ ставитъ одной изъ своихъ цѣлей—сближеніе различныхъ медицинскихъ спеціальностей на почвѣ общихъ вопросовъ и научныхъ обобщеній, достигнутыхъ неврологіей.

Объединеніе медицины на почвѣ неврологіи представляется желательнымъ и плодотворнымъ. Объединяющую силу содержатъ въ себѣ вопросы **этіологіи** и **патологіи** болѣзней; этимъ вопросамъ и будетъ отведено надлежащее мѣсто. Вниманіе журнала будетъ посвящено также **терапіи** нервныхъ болѣзней и **нервно-психической гигіенѣ**, такъ какъ та и другая содержатъ рядъ данныхъ, всего болѣе объединяющихъ медицину.

Журналъ предполагаетъ слѣдить за выдающимися вопросами и фактами въ различныхъ областяхъ медицины и будетъ стараться своевременно дѣлать рефераты и обзоры по содержанію этихъ вопросовъ. Но независимо отъ того, для успѣшнѣйшаго достиженія намѣченной цѣли, въ январьской книжкѣ каждаго года будетъ помѣщаемъ **отчетъ объ успѣхахъ нервно-психической медицины и сопредѣльныхъ знаній за истекшій годъ.** Отчетъ этотъ—въ критико-библіографической формѣ—будетъ содержать систематическое обозрѣніе новыхъ и важнѣйшихъ научныхъ направленій съ изложеніемъ результатовъ, достигнутыхъ наукою и ея примѣненіями на дѣлѣ.

Журналъ выходитъ книжками каждые **три** мѣсяца по слѣдующей программѣ:

1) Оригинальныя статьи по вопросамъ психіатріи и нервной патологіи, а также по вопросамъ анатоміи, физіологіи, гигіены нервной системы и врачебной экспертизы, относящейся къ этимъ предметамъ.

2) Критика и библіографія по тѣмъ же вопросамъ.

3) Хроника нервныхъ клиникъ, психіатрическихъ клиникъ, домовъ для умалишенныхъ, заведеній для идіотовъ и исправительныхъ заведеній.

4) Краткія замѣтки по содержанію трехъ предъидущихъ отдѣловъ.

Статьи для журнала присылаются редактору въ заказныхъ письмахъ или бандероляхъ по слѣдующему адресу: Кіевъ, профессору И. А. Сикорскому (Б.-Подвальная, 15).

Авторы критическихъ обзоровъ получаютъ гонораръ 60 р. за печатный листъ.

Авторы статей получаютъ по 25 экз. отдѣльныхъ оттисковъ. О присланныхъ въ редакцію книгахъ и изданіяхъ будетъ оповѣщено въ одной изъ ближайшихъ книжекъ.

Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой въ годъ 6 руб.

Лица, подписывающіяся на 1-й и 2-й годъ журнала вмѣстѣ, платятъ 10 р. за оба года.

Подписка принимается: въ редакціи журнала (Кіевъ, Б.-Подвальная, 15), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина и Іогансона въ Кіевѣ, а также въ книжномъ магазинѣ Карла Риккера въ Спб. (Невскій, 14).

1896 г. Томъ I (годъ 1-й). **1896 г.**

СОДЕРЖАНІЕ:

1) Отъ Редакціи.

Отд. I. Оригинальныя статьи.

2) Проф. И. А. Сикорскій. Самоубійство среди русскихъ врачей. 3) В. В. Селецкій. Лѣченіе tabes dorsualis. 4) Проф. И. А. Сикорскій. Физіогномика и психич. состояніе пьяницъ. 5) М. Н. Лапинскій. Къ вопросу о строеніи капилляровъ мозговой коры. 6) А. Кульженко. Случай Haematomyeliae centralis. 7) Д-ръ Эм. Ивановъ. Два случая сотрясенія мозга. 8) Д-ръ М. Ф. Колесниковъ. Случай Pseudorabies hysterica. 9) Проф. И. А. Сикорскій. Курсъ общей симптоматологіи и терапіи нервныхъ болѣзней. 10) П. Петровскій. О заболѣваніи нервной системы при подагрѣ (neuronitis toxica). 11) Д-ръ М. Игнатьевъ. Вопросы отчетности психіатрическихъ заведеній. 12) Прив. доц. П. Нечай. Алкоголизмъ въ его отношеніи къ душевнымъ заболѣваніямъ и нѣкоторыя мѣры борьбы съ нимъ. 13) И. К. Хмѣлевскій. Три случая психозовъ съ симптомами delirii acuti. 14) Д-ръ М. Лапинскій. Случай межцентральной афазіи (алексіи), съ потерей двухъ иностранныхъ языковъ. 15) А. Кульженко. Описаніе и опытное изслѣдованіе случая eructationis nervosae. 16) М. Лапинскій. Причинное вліяніе страданій периферическихъ нервовъ на возникновеніе заболѣванія сосудистой стѣнки и обратно: страданіе сосудовъ, какъ причинный дѣятель въ возникновеніи страданія питаемыхъ ими периферическихъ нервовъ. 17) Я. П. Горшковъ. Значеніе болѣзненной наслѣдственности въ этіологіи прогрессивнаго паралича. 18) П. В. Никольскій. Трофоневротическія язвы кожи при пораженіи caudae equinae.

Отд. II. Судебная и общественная психологія, психическая гигіена и проч.

1) Отъ Редакціи. 2) Алкогольныя убійства. 3) Проф. И. А. Сикорскій. Психическое состояніе предъ самоубійствомъ.

Отд. III. Психіатрическая хрестоматія.

1) Отъ Редакціи. 2) Записки больныхъ. 3) Проф. И. А. Сикорскій. Дневникъ больнаго, злоупотреблявшаго гашишомъ и морфіемъ.

Отд. IV. Критика и библіографія.

Вопросы психіатріи и нервной патологіи на VI-мъ Съѣздѣ русскихъ врачей въ память Пирогова въ Кіевѣ, въ апрѣлѣ 1896 года.

Отд. V. Хроника и мелкія извѣстія.

Томъ I содержитъ 19 фототипическихъ таблицъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1897** ГОДЪ

(25-й годъ изданія)

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ОХОТНИЧЬИ ЖУРНАЛЫ:

„ПРИРОДА и ОХОТА“

И

„ОХОТНИЧЬЯ ГАЗЕТА“.

Подписчики получаютъ 12 книгъ журнала **„Природа и Охота“** (выходъ ежемѣсячно) и 50 №№ **„Охотничьей Газеты“** (выходъ еженедѣльно).

Въ концѣ года годовые подписчики получатъ премію **„Альбомъ охоты“**, за 1897 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылкой **15** руб.
За границу . . . . . **20** „

На пересылку **„Альбома охоты“** высылается добавочный рубль.

Новымъ подписчикамъ, уплачивающимъ деньги за годъ сполна (**16** р.) **непосредственно въ Редакцію**, высылается немедленно по полученіи денегъ **„Альбомъ охоты“**, премія за 1896 годъ безъ добавочной платы.

Пробный № высылается, по требованію, безплатно.

Адресъ редакціи: **Москва, Арбатъ, Большой Афанасьевскій переулокъ,**
Редакція журналовъ: **„Природа и Охота“** и **„Охотничья Газета“.**

Редакторы-издатели: *Л. П. Сабанѣевъ* и *Н. В. Туркинъ.*

ОБЪ ИЗДАНІИ
„ВѢСТНИКА МИНИСТЕРСТВА ПУТЕЙ СООБЩЕНІЯ“
съ **1897** года.

По распоряженію Его Сіятельства Господина Министра Путей Сообщенія, еженедѣльный оффиціальный органъ Министерства „*Указатель правительственныхъ распоряженій по Министерству Путей Сообщенія*“ съ 1896 года преобразованъ въ **„Вѣстникъ Министерства Путей Сообщенія“.**

„Вѣстникъ Министерства Путей Сообщенія“ состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

I. **„Правительственныя распоряженія по Министерству Путей Сообщенія“.**

1) Высочайшіе Указы и Повелѣнія.

2) Приказы, распоряженія, инструкціи, циркуляры и сообщенія.

II. **Правительственныя распоряженія, послѣдовавшія по другимъ вѣдомствамъ, имѣющія отношеніе къ кругу дѣятельности Министерства Путей Сообщенія.**

III. **Разныя извѣстія и сообщенія.**
Казенныя и частныя объявленія.

„Вѣстникъ“ будетъ выходить еженедѣльно.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА
„ВѢСТНИКЪ МИНИСТЕРСТВА ПУТЕЙ СООБЩЕНІЯ“
на 1897 годъ.

Съ доставкой въ С.-Петербургѣ и пересылкой во всѣ города Россійской Имперіи: на годъ **6** р.—На полгода **3** р. **50** к.

Безъ доставки: на годъ **5** р.—На полгода **3** р.

Съ пересылкой за границу: на годъ **9** р.—На полгода **6** р.

Подписка на „Вѣстникъ Министерства Путей Сообщенія“ принимается: въ Канцеляріи Министра Путей Сообщенія—въ зданіи Министерства, Фонтанка, 117.

За объявленія, помѣщаемыя въ Вѣстникѣ, взимается согласно утвержденной таксѣ; за разсылку же таковыхъ отдѣльно—по 1 коп. съ лота вѣса каждаго экземпляра.

За перемѣну адреса платится 35 к., а за переходъ городскихъ подписчиковъ на иногородные и обратно—1 рубль.

Жалобы на неполученіе какого либо нумера „Журнала Министерства Путей Сообщенія“ или „Вѣстника Министерства Путей Сообщенія“ препровождаются своевременно въ Канцелярію Министра Путей Сообщенія, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что № или книжка дѣйствительно не были получены конторой. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы не позже полученія слѣдующаго нумера или книжки.

ОБЪ ИЗДАНІИ
„ЖУРНАЛА МИНИСТЕРСТВА ПУТЕЙ СООБЩЕНІЯ“
въ **1897** году.

„Журналъ Министерства Путей Сообщенія“ въ 1897 году будетъ издаваться въ томъ же форматѣ, какъ и въ 1896 году, по нижеслѣдующей программѣ:

1) статьи теоретическаго и практическаго характера, входящія въ область инженернаго дѣла;

2) статьи административнаго, экономическаго и юридическаго характера, въ рамкахъ спеціальностей вѣдомства;

3) отчеты, данныя и матеріалы, касающіеся круга дѣятельности вѣдомства;

4) хроника инженернаго дѣла, какъ въ Россіи, такъ и за-границею;

5) обзоръ журналовъ и техническихъ сочиненій, какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ;

Къ журналу будетъ *безплатно* прилагаться „Вѣстникъ Министерства Путей Сообщенія“ и Журналы Совѣта по желѣзнодорожнымъ дѣламъ.

„Журналъ Министерства Путей Сообщенія“ будетъ выходить въ объемѣ не менѣе 120 листовъ въ годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
на „ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ПУТЕЙ СООБЩЕНІЯ“
СЪ БЕЗПЛАТНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
„ВѢСТНИКА МИНИСТЕРСТВА ПУТЕЙ СООБЩЕНІЯ“
на 1897 годъ.

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи: на годъ **10** р.—На полгода **6** р. **50** к.

Съ пересылкою за границу: на годъ **17** р.—На полгода **10** р.

Подписка на „Журналъ Министерства Путей Сообщенія“ принимается: въ Канцеляріи Министра Путей Сообщенія—въ зданіи Министерства, Фонтанка, 117.

За объявленія, помѣщаемыя въ Журналѣ, взимается согласно утвержденной таксѣ; за разсылку же таковыхъ отдѣльно—по 1 коп. съ лота вѣса каждаго экземпляра.

За перемѣну адреса платится 35 коп., а за переходъ городскихъ подписчиковъ въ иногородные и обратно—1 рубль.

Жалобы на неполученіе какого либо нумера „Журнала Министерства Путей Сообщенія“ или „Вѣстника Министерства Путей Сообщенія“ препровождаются своевременно въ Канцелярію Министра Путей Сообщенія, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что № или книжка дѣйствительно не были получены конторой. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы не позже полученія слѣдующаго нумера или книжки.

ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ (отъ 3-хъ руб. въ мѣсяцъ) на

„ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ“

(начатый проф. **И. Е. Андреевскимъ**)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. Арсеньева и заслуженнаго проф. **Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго.**

При участіи редакторовъ отдѣловъ:

Проф. **А. Н. Бекетова**	отдѣлъ	біологическихъ наукъ
С. А. Венгерова	„	исторіи литературы.
Проф. **А. И. Воейкова**	„	географіи.
Проф. **Н. И. Карѣева**	„	исторіи.
Проф. **Д. И. Менделѣева**	„	химико-техническій и фабрично-заводскій.
Проф. **В. Т. Собичевскаго**	„	сельско-хозяйственный и лѣсоводства.
Владиміра Соловьева	„	философіи.
Проф. **Н. Ѳ. Соловьева**	„	музыки.
А. И. Сомова	„	изящныхъ искусствъ.

Словарь выходитъ полутомами черезъ каждые **два** мѣсяца.

Цѣна за каждый полутомъ въ переплетѣ **3** р., безъ переплета **2** р. **70** к. (безъ пересылки).

Въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Кіевѣ, Одессѣ и Казани каждый полутомъ доставляется **на квартиру** по указанной цѣнѣ (3 руб. или 2 руб. 70 к.). Во всѣ остальныя мѣста Россіи книги высылаются по почтѣ, причемъ за пересылку взимается **40** коп. съ полутома.

Условія подписки: 1) Подписавшіеся получаютъ всѣ вышедшіе полутомы. 2) Для лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, подписка въ разсрочку производится черезъ **гг. казначеевъ** или **начальниковъ** учрежденій, за отвѣтственностью которыхъ высылаются книги, причемъ: а) Разсрочка платежа производится **помѣсячно** или **въ иные промежутки времени** по желанію подписчика, съ разсчетомъ не менѣе 36 руб. въ годъ, или по 3 руб. въ мѣсяцъ съ каждаго подписчика. б) Разсчетъ съ конторою редакціи производится въ сроки, устанавливаемые по соглашенію съ гг. казначеями или начальниками учрежденій; въ концѣ каждаго года контора высылаетъ подробный счетъ. в) Подписное требованіе должно быть **оффиціальное** за надлежащею подписью. 3) Лица, не состоящія на государственной службѣ для полученія разсрочки платежа благоволятъ обратиться за условіями въ контору Редакціи (С.-Петербургъ, Прачешный 6).

Издатели { *Ф. А. Брокгаузъ* (Лейпцигъ). / *И. А. Ефронъ* (С.-Петербургъ).

046170

II/1873

II/01873

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ

(ГОДЪ ТРЕТІЙ)

въ 1897 году выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ Іюля и Августа, книгами около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ Января 1897 г.

Подписная **плата 8 рублей** въ годъ съ доставкою и пересылкою. За границу 10 рублей. Отдѣльныя книги продаются: безъ приложеній по 1 рублю, съ приложеніями—по 2 руб.

Должностныя лица при подпискѣ **черезъ казначеевъ** пользуются **разсрочкою до 1 рубля** въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, **при подпискѣ** исключительно **въ Главной конторѣ**, пользуются **разсрочкою до 2 рублей** въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, а также студенты Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, Воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ,— при подпискѣ въ Главной конторѣ,—**по 5 рублей въ годъ.**

За **перемѣну адреса** уплачивается 1 рубль.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: **Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПБургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.**

Отдѣленія конторы въ книжныхъ магазинахъ:

Въ **СПБургѣ**: 1) Н. К. Мартынова, Невскій пр. уголъ Б. Садовой № 50—15; 2) И. П. Анисимова, рядомъ съ Публичной Библіотекой; 3) „Новое Время“ А. С. Суворина, Невскій 38; 4) Общество французской книжной торговли, бывш. Мелье, преемникъ А. Ф. Цинзерлингъ, Невскій пр. 20; 5) Магазинъ Юридической Литературы Д. В. Чичинадзе, Невскій пр. 59.

Въ **Москвѣ**: 1) И. П. Анисимова, Никольская улица, домъ Заиконоспасскаго монастыря; 2) А. Ф. Скорова, Неглинная 13; 3) Н. П. Карбасникова, Моховая, домъ Кохъ.

Въ **Юрьевѣ**: М. М. Лисицина, Рыцарская 17.

Въ **Кіевѣ**: 1) Н. Я. Огловлина, Крещатикъ 33; 2) И. А. Розова, Крещатикъ, домъ Марръ.

Въ **Варшавѣ**: Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ 67.

Въ **Одессѣ**: 1) И. А. Розова, Дерибасовская, противъ сада; 2) Е. П. Роспопова, Дерибасовская, домъ Ведде.

Въ **Харьковѣ**: Ф. А. Іогансона, Московская, домъ Коптьева.

Въ **Казани**: 1) Бр. Башмаковыхъ, Городской Пассажъ; 2) А. А. Дубровина, Гостиный дворъ № 1.

Въ **Перми**: О. П. Петровской, Сибирская, домъ Евреиновой.

Въ **Тифлисѣ**: Центральная книжная торговля.

Въ **Томскѣ**: Сибирскій книжный магазинъ Макушина.

Объявленія для напечатанія въ „Журналѣ“ принимаются въ Главной Конторѣ по разсчету 30 коп. за строчку и 8 руб. за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской ул., въ зданіи Министерства Юстиціи. **Рукописи** должны быть направляемы въ редакцію.

Редакторъ В. Дерюжинскій.